С. ПОЗДНЫШЕВЪ

Распни Его

ПАРИЖЪ

С. ПОЗДНЫШЕВЪ

Распни Его

ПАРИЖЪ

НА ЗАРѢ ЖИЗНИ

(ВМѢСТО ПРОЛОГА)

СВАТОВСТВО

ПОѢЗДКА ВЪ АНГЛІЮ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ II

СВАТОВСТВО

«О радость радостей. Нѣтъ, знаю,
Нѣтъ, вѣрю, Господи, что Ты
Вернешь къ потерянному раю
Мои томленья и мечты».
(И. Бунинъ).

Было утро. Горячее весеннее солнце ярко сіяло съ безпредѣльной высоты синяго неба. Плыли едва замѣтно бѣлыя тучи. Розово-золотистый туманъ, прозрачный, легкій, стоялъ среди садовъ и голубыхъ долинъ, что тѣснились вокругъ Кобурга — столицы великаго герцогства. Острые шпицы церквей, башенъ и характерныя очертанія готическихъ зданій поражали своей монументальной мощностью, красотой и силой. Таинственный великій геній создалъ этотъ чудесный средневѣковый городъ и оставилъ въ архитектурѣ мертвыхъ камней дыханіе ушедшихъ столѣтій. Забредшему сюда иностранцу могло бы показаться, что время остановилось, что здѣсь еще продолжается та самая жизнь, которая существовала нѣкогда, когда воздвигались эти величественныя зданія.

Всѣ стихіи, видимыя человѣку, — солнце, небо, земля и воздухъ слились въ одной нераздѣльной міровой гармоніи. Живое біеніе возрождающейся жизни наполняло землю. Всѣ твари земныя — большія и малыя, имъ же нѣсть числа, каждая на своемъ мѣстѣ, радостно переживали пробужденіе живыхъ силъ. Въ ликующемъ хороводѣ тварей, славящихъ и поющихъ, участвовалъ полноправно и человѣкъ. Его также томила общая страсть земная и манило впередъ въ голубыя дали земное счастье.

Была весна. Цвѣли розоватымъ, молочнымъ нѣжнымъ цвѣтомъ яблони, абрикосы и персики. Дышала теплымъ дыханіемъ нагрѣтая земля. Раздавалось въ полѣ и въ лѣсахъ веселое, шумное пѣніе птицъ. Сердце человѣка расширялось, впитывало запахи, стоны, музыку и страсти земли. Какъ подснѣжникъ тянулось оно къ солнцу и къ синему небу. Міръ преображался внѣшне, духовно и въ своихъ любовныхъ позывахъ. Сладкія, нѣжныя чувства влекли юношей и дѣвушекъ другъ къ другу. “Приди возлюбленный мой!.. Влеки меня; мы побѣжимъ съ тобою... Да лобзаетъ онъ меня лобзаніемъ устъ своихъ. Ибо ласки твои лучше

вина... Большія воды не могутъ потушить любви и рѣки не зальютъ ея"... Это было давно сказано, на зарѣ человѣчества и послѣ этого прошли тысячелѣтія. Невѣдомые, далекіе берега влекутъ къ себѣ и грезится и чудится, что тамъ впереди ждетъ большое счастье, которое наполнитъ сердце.

Въ этихъ колдующихъ зовахъ земли, въ этой страсти была великая, всепобѣждающая сила природы, продолжающая жизнь. Вмѣстѣ съ ней, одновременно, былъ обольстительный обманъ. Обманъ, который дороже для человѣка многихъ правдъ, безъ котораго онъ былъ бы несчастнѣйшимъ существомъ и жизнь его прошла бы на землѣ, какъ жизнь раба. Этотъ обманъ — мечта о счастьѣ, чистомъ, небесномъ и прекрасномъ — манилъ и будетъ всегда манить, какъ чудный миражъ въ пустынѣ.

"Мы пьемъ изъ чаши бытія
Съ закрытыми очами,
Златые омочивъ края
Своими же слезами.

Когда же передъ смертью съ глазъ
Повязка упадаетъ
И все, что обольщало насъ
Съ завязкой исчезаетъ,

Тогда мы видимъ, что пуста
Была златая чаша,
Что въ ней напитокъ былъ — мечта,
И что она не наша".

Это знало и знаетъ человѣчество, но люди будутъ неизмѣнно стремиться въ погоню за счастьемъ и будутъ съ благодарностью вспоминать блаженныя минуты очарованія и физическаго наслажденія, которыя даетъ въ мечтахъ любовь и молодость: "Я принадлежу другу моему и ко мнѣ обращено желаніе его. Приди, возлюбленный мой"...

8-го апрѣля 1894 года, въ Кобургскомъ дворцѣ у великой княгини Маріи Павловны, въ маленькой розовой гостиной, у большого венеціанскаго окна, за которымъ дальше въ саду были видны цвѣтущіе желтые кусты, стоялъ, слегка облокотясь о раму, молодой человѣкъ въ сѣромъ костюмѣ. Онъ что-то горячо говорилъ, стоявшей передъ нимъ прелестной дѣвушкѣ, съ пылающимъ лицомъ, въ платьѣ «princesse», отчетливо выдѣлявшемъ формы ея прекрасно сложеннаго тѣла. Онъ былъ невысокаго роста, стройный, изящный, съ офицерской выправкой. Тонкія, правильныя черты лица съ высокимъ лбомъ и съ васильковыми глазами, обрамляла небольшая русая бородка. Красивое лицо, какъ и вся

фигура, дышало благородствомъ, пріятностью и добротой. Онъ внушалъ довѣріе и симпатію. Можно было подумать, что онъ — человѣкъ мягкій по натурѣ. Она являла собою идеалъ женской красоты. Ее можно было бы сравнить съ Фриной Праксителя, если бы въ лицѣ ея и въ фигурѣ не было столько цѣломудрія, чистоты и непорочности. Ея голову украшала копна золотистыхъ, вьющихся волосъ, отливавшихъ на солнцѣ красноватой мѣдью. Румянцемъ пылали ея нѣжныя щеки; длинныя рѣсницы прикрывали голубые глаза. Пунцовыя, полныя губы были очерчены изумительно. Ея фигура была стройна, ея грудь прелестна, какъ у Суламиты Соломона. Недаромъ ее называли "солнечный лучъ".

Онъ былъ наслѣдникъ россійскаго престола, молодой двадцатишестилѣтній великій князь Николай Александровичъ. Она — принцесса Алиса Гессенская — родная, любимая внучка королевы Викторіи.

Уже давно они любили другъ друга. Вѣроятно, съ того самаго дня, какъ шестнадцатилѣтній юноша впервые увидѣлъ красивую дѣвочку, пріѣхавшую изъ Англіи въ гости къ сестрѣ. Полтора мѣсяца провела маленькая принцесса въ Россіи. Въ одинъ изъ дней онъ подарилъ ей, тайно отъ всѣхъ, бирюзовую брошку. Она покраснѣла до ушей, ничего не сказала и убѣжала. А онъ смутился не меньше ея и не зналъ: хорошо ли онъ сдѣлалъ, или плохо. При новой встрѣчѣ дѣвочка вернула брошку и сказала: она не должна принимать отъ него подарковъ тайно.

Это была особенная, молчаливая, невысказанная любовь. Цвѣла незамѣтно, какъ полевой цвѣтокъ, прячась отъ нескромныхъ взоровъ. У него не хватало рѣшимости сказать ей о своихъ чувствахъ. Застѣнчивый, стыдливый, чистый, — онъ смотрѣлъ на нее, какъ на свою богиню. Ему не была свойственна мужская дерзость и смѣлость въ отношеніи къ женщинѣ. Боялся оскорбить святость чувствъ. Такъ и тянулось почти десять лѣтъ.

Когда цесаревичу исполнилось двадцать одинъ годъ, — годъ гражданскаго совершеннолѣтія на Руси, — онъ признался отцу и матери въ своей любви къ Алисѣ. Онъ заявилъ это торжественно, оттѣняя значительность своего чувства и стараясь подъ напускной смѣлостью, скрыть стыдъ, застѣнчивость и страхъ. Закончилъ признаніе просьбой — разрѣшить жениться на принцессѣ.

Великанъ-богатырь отецъ нахмурился, посмотрѣлъ на сына недовольнымъ взглядомъ и спросилъ: — А она тебя любитъ? — Не знаю; мнѣ кажется, что да. — Ну такъ вотъ, когда тебѣ не будетъ казаться, мы поговоримъ на эту тему. А пока запомни. Ты очень молодъ; для женитьбы еще есть время, и кромѣ того, особенно крѣпко запомни слѣдующее: ты наслѣдникъ Россійскаго престола, ты обрученъ Россіи, а жену — мы еще успѣемъ найти.

Передъ волей отца — тяжелой, непреклонной, — что сказано, то есть законъ, Николай Александровичъ безропотно смирился. Онъ никогда не посмѣлъ бы протестовать, настаивать, а тѣмъ паче выражать свое неудовольствіе и смѣло, активно бороться за свое счастье. Это не соотвѣтствовало его духовной натурѣ. Лучше положиться на волю обстоятельствъ и на волю Божію. Онъ сталъ терпѣливо ждать. Черезъ полтора года, послѣ этого разговора, онъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

"Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществленія моей завѣтной мечты. Единственное препятствіе, или пропасть между нею и мною, — это вопросъ религіи. Кромѣ этой преграды — нѣтъ другой. Я почти убѣжденъ, что наши чувства взаимны. Все въ волѣ Божіей. Уповая на Его милосердіе, я спокойно и покорно смотрю на будущее"...

Въ тайну своей любви онъ посвятилъ сверстника, съ которымъ дружилъ, великаго князя Александра Михайловича. Съ юношеской восторженностью онъ сказалъ ему, что его Аликсъ — небесное созданье.

— Сандро, посовѣтуй, какъ мнѣ быть: папа, повидимому, не склоненъ дать согласіе на бракъ. А я не могу забыть Аликсъ. Это трагедія...

— Другъ мой, есть одно средство, — постарайся развлечься. Есть много хорошенькихъ женщинъ, — это разъ; есть служба — это два; есть пріятельскія пирушки — это три. Попробуй, а тамъ видно будетъ.

Цесаревичъ послѣдовалъ совѣту, — все попробовалъ. Но послѣ каждаго соблазна испытывалъ муки совѣсти, укоризны и разочарованія. Любовь не проходила; золотистая красавица прочно заняла мѣсто въ его сердцѣ...

И вотъ, мечта готова сбыться. Заболѣвшій отецъ уступилъ настояніямъ и далъ согласіе на бракъ. Помогли мать и великій князь Михаилъ Николаевичъ. Восторгамъ цесаревича не было предѣла.

— Сандро, я безумно счастливъ. Аликсъ будетъ моею. Папа далъ согласіе. Я приду къ ея ногамъ, и какъ Пушкинъ, скажу моей царицѣ:

Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный
И снились милыя черты...

И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

— Постой. Почему же слезы? Ты, братъ, зарапортовался. Навѣрно, что-то не такъ. Ахъ, эти смѣшные восторженно-влюбленные молодые люди, какой у нихъ туманъ въ головѣ, смѣялся великій князь. Онъ самъ былъ влюбленъ и любимъ и находился наканунѣ свадьбы.

* *
*

Сегодня между ними шелъ рѣшающій разговоръ. Въ гостиной никого не было. Ихъ оставили однихъ рѣшать вопросъ своей жизни. Принцесса была прелестна. Пылали румянцемъ щеки, на глазахъ порою блистали слезы, бѣлые руки мяли бѣлый платокъ; красота ея была подобна красотѣ распустившейся розы, на которой дрожали капельки утренней росы.

Николай Александровичъ смотрѣлъ на дѣвушку восхищенными глазами: любовь, ласка, нѣжность, тревога и мольба, — все было въ его взорѣ. Не надо было говорить, понятно было безъ словъ. Онъ зналъ теперь, что любовь ихъ взаимна, что въ этой любви — счастье грядущей жизни. Оставалось одно препятствіе — перемѣна религіи; онъ это предвидѣлъ раньше, но не предполагалъ, что это препятствіе можетъ оказаться столь рѣшительнымъ и труднымъ. Онъ видѣлъ душевную борьбу у Аликсъ, — подлинную настоящую борьбу христіанки. Онъ понималъ, что отъ него зависитъ теперь убѣдить эту дорогую, любимую дѣвушку. Убѣдить въ томъ, что она не совершаетъ отступничества, что принимая православіе, она приближается къ Богу въ самыхъ свѣтлыхъ формахъ общенія съ Нимъ. И онъ нашелъ въ своемъ сердцѣ чудныя слова.

— Аликсъ, я понимаю ваши религіозныя чувства и благоговѣю передъ ними. Но вѣдь мы вѣруемъ въ одного Христа; другого Христа нѣтъ. Богъ, сотворившій міръ, далъ намъ душу и сердце. И мое сердце и ваше Онъ наполнилъ любовью, чтобы мы слились душа съ душой, чтобы мы стали едины и пошли одной дорогой въ жизни. Безъ Его воли нѣтъ ничего. Пусть не тревожитъ васъ совѣсть о томъ, что моя вѣра станетъ вашей вѣрой. Когда вы узнаете послѣ, какъ прекрасна, благостна и смиренна наша православная религія, какъ величественны и великолѣпны наши храмы и монастыри и какъ торжественны и величавы наши богослуженія, — вы ихъ полюбите, Аликсъ, и ничто не будетъ насъ раздѣлять...

Въ этотъ моментъ передъ нимъ предстала великая необъятная — отъ Соловецкихъ скитовъ до Ново-Афонскихъ монастырей, отъ синихъ водъ Балтійскаго моря до желто-мутныхъ водъ Тихаго океана — его державная Матушка-Россія, Святая Богоносная Православная Русь.

Двѣ любви слились въ немъ воедино. Любовь къ Русской Землѣ, надъ которой сіяетъ солнце незакатное и любовь къ этой свѣтлой, солнечной дѣвушкѣ. Могучей волной поднялось чувство, подобное вдохновенному экстазу. Какъ будто вселился духъ сильный и великій и наполнилъ жаждущее сердце сверхъ мѣры и предѣла радостью невмѣщаемой. На глазахъ показались слезы умиленія и восторга.

— Радость моя, солнышко мое, цвѣтикъ мой любимый, будь моей женою...

Принцесса слушала внимательно, смотря въ синіе, васильковые глаза, на его взволнованное лицо и въ душѣ ея происходило преображеніе. Исчезли туманы и мгла, что затемняли горизонты; исчезло все безпокойное и смущающее; все въ солнечныхъ лучахъ плыветъ, звенитъ, поетъ и кажется несется изъ голубыхъ далей благовѣстъ. Увидѣвъ слезы, она не удержалась сама. Вся трепещущая, горячая и страстная она прильнула къ нему, обхватила его голову и въ первый разъ поцѣловала стыдливо и жарко, какъ женщина, какъ невѣста. Потомъ прижалась къ его уху и, горячо дыша, залитая румянцемъ, шепнула два слова: "я согласна". Потомъ еще два слова: "Твоя навсегда". Слезы ихъ смѣшались вмѣстѣ.

Въ эту минуту Цесаревичъ былъ самый счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Отъ ласковаго "ты", отъ горячихъ влажныхъ губъ, отъ прикосновенія жаркаго дѣвичьяго тѣла, онъ испыталъ ощущеніе неописуемаго, несказаннаго, райскаго блаженства. Чувство, овладѣвшее имъ, было возвышенное, прекрасное, чистое и безгрѣшное. Духовный восторгъ его былъ выше, сладостнѣе и сильнѣе грѣховныхъ вожделеній плотской страсти.

А она, сжимая его въ объятіяхъ, лаская его, говорила ласковыя слова, горячія, какъ пламень и значительныя, какъ клятва:

— Мой безцѣнный Ники. Ты моя великая любовь. Ты мой рыцарь — чистый, правдивый и благородный. Клянусь тебѣ не простой клятвой, но памятью матери: я буду любить тебя до послѣдняго вздоха, до могилы. Я буду стремиться сдѣлать тебя счастливымъ; я буду помогать тебѣ, буду твоимъ вѣрнымъ другомъ, буду оберегать тебя отъ всѣхъ напастей жизни. Я отдамъ тебѣ все мое сердце и душу, я отдамъ тебѣ всю себя безъ остатка...

* *
*

Они вышли къ ожидавшимъ ихъ родственникамъ счастливые, воздужденные и радостные. На всѣхъ лицахъ просіяла улыбка. Великолѣпный Вильгельмъ — императоръ всталъ, широко раскрылъ для объятія руки, сдѣлалъ два шага навстрѣчу, обнялъ Николая Александровича и поцѣловалъ руку у принцессы. Онъ

обожалъ театральныя позы, напыщенныя рѣчи, былъ честолюбивъ, красивъ и гордъ. Всегда затянутый въ мундиръ, съ пышными усами, онъ хотѣлъ быть всюду первымъ. Онъ сказалъ торжественно:

— Поздравляю тебя, Ники, и тебя, прекрасная Алиса, съ счастливѣйшимъ событіемъ въ вашей жизни. Вы заключили священный союзъ любви и дружбы, который, я не сомнѣваюсь, будетъ вѣчнымъ и ненарушимымъ. Черезъ этотъ семейный союзъ еще тѣснѣе сблизятся наши народы и окрѣпнетъ дружба Германіи и Россіи. Я радъ и гордъ, что наслѣдникъ русскаго престола избралъ себѣ по сердцу германскую принцессу. Я всегда считалъ тебя, Ники, моимъ братомъ и другомъ. Теперь ты сталъ мнѣ еще ближе. Ты можешь всегда расчитывать на мою дружбу и поддержку; я тебя никогда не подведу.

Николай Александровичъ все принялъ за чистую монету. Онъ такъ былъ довѣрчивъ. Онъ еще не зналъ, что въ красивыхъ словахъ можетъ скрываться ложь. Онъ еще не научился распознавать лицемѣріе отъ искренности, красивую фальшь торжественныхъ рѣчей отъ правдивыхъ словъ, облеченныхъ въ простую форму. Въ томъ настроеніи, въ которомъ онъ находился, онъ готовъ былъ цѣловать каждаго, повѣрить всякому, кто подходилъ къ нему съ привѣтомъ. Его голова была въ туманѣ и черезъ этотъ туманъ ему улыбался сіяющій добрый и прекрасный міръ.

— Тебя, Алиса, — продолжалъ Вильгельмъ, — я прошу помнить всегда, что ты родилась подъ нашимъ германскимъ небомъ, хотя и росла на туманныхъ берегахъ Темзы. Не забывай никогда, что ты дочь германскаго герцога — славнаго Людвига IV — рыцаря безъ страха и упрека.....

Звенѣлъ въ огромной залѣ хрустальный, нѣжный звонъ бокаловъ съ золотистымъ пѣннымъ виномъ. И сладокъ и музыкаленъ былъ этотъ серебристо-поющій звонъ для счастливѣйшей въ мірѣ обрученной пары.

* *
*

Было двѣнадцать часовъ ночи, когда Николай Александровичъ остался одинъ. Онъ попрежнему былъ возбужденъ, радостенъ и свѣтелъ. Этотъ незабываемый день прошелъ для него въ чаду чудесныхъ переживаній. Развѣ можно спать, когда внутри все поетъ и ликуетъ, когда сердце готово вырваться изъ груди, когда душа въ восторгѣ несется къ небу.

Съ дѣтскихъ лѣтъ Цесаревичъ привыкъ молиться непостижимому, предвѣчному, живому Богу. На всю жизнь осталось воспоминаніе, какъ по вечерамъ, мать подводила его къ окну, показывала на темное загадочное звѣздное небо и говорила ему о надземномъ, безконечномъ и тайномъ.

— Все это сотворилъ Богъ, Ники. Все движется, живетъ и управляется Имъ. Эта необъятная Вселенная, эти стройные міры, въ тайну которыхъ не проникли ученые и, можетъ быть, никогда не проникнутъ, — все это царство Бога. Онъ тамъ на небесахъ, тамъ Его престолъ. Но Онъ незримо находится и здѣсь на землѣ. Онъ духъ вездесущій, Онъ живетъ и въ нашемъ сердцѣ, если оно чисто...

И слушая мать, мальчикъ замиралъ сердцемъ и умомъ передъ непостижимой тайной: небеса, синій безпредѣльный просторъ, золотой престолъ на воздухѣ и сидящій на немъ пресвѣтлый старецъ. Ему мучительно хотѣлось увидѣть живого Бога. Часто, лежа въ кровати, съ открытыми глазами, Ники всматривался въ полуосвѣщенный уголъ, гдѣ въ мягкомъ красноватомъ свѣтѣ неугасимой лампады мерцалъ образъ распятаго Христа. Всей силой своей маленькой дѣтской души, всѣмъ своимъ страстнымъ воображеніемъ, онъ хотѣлъ, чтобы маленькій Христосъ на иконѣ сталъ большимъ, живымъ Христомъ, который бы заговорилъ съ нимъ, какъ человѣкъ и показалъ бы ему руки, пробитыя гвоздями.

Нерѣдко дѣтское желаніе увидѣть Христа выливалось въ другую форму. Онъ слышалъ, что умирающія дѣти безгрѣшны, что души ихъ направляются въ рай, гдѣ они лицезрѣютъ Бога и Христа — Сына Божія. Мальчику страстно хотѣлось умереть, чтобы увидать въ лучахъ славы Бога, которому служатъ сонмища ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ.

Все это дѣтское, свѣтлое и чистое крѣпко запало на душу. Зерно упало на добрую почву и, поднявшись, не засохло, плевелы и сорныя травы страстей не заглушили его, и оно дало плодъ. А сколько соблазновъ подстерегаютъ человѣка въ жизни!... Какъ плѣнителенъ и сладостенъ грѣхъ!...

Все въ томъ же состояніи приподнятаго восторга Цесаревичъ опустился на колѣни передъ иконой и началъ молиться. Онъ благодарилъ Бога за все, что Онъ ему далъ: за радость любви, за отца и мать, за Аликсъ, за Россію, за счастье человѣческое. Съ умиленіемъ онъ шепталъ молитвы — святѣйшее святое слово: "Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра"... "Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже"... "Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ Тебѣ Владычице"...

Кончивъ молиться, Николай Александровичъ рѣшилъ написать письмо матери, чтобы подѣлиться съ ней своими переживаніями. Въ двадцать шесть лѣтъ онъ былъ для нея все тотъ же маленькій Ники: такъ себя чувствовалъ. Мать представлялась ему въ мягкомъ свѣтѣ: душевно теплая, нѣжная, заботливая и всѣхъ умиряющая. Въ отцѣ онъ видѣлъ идеалъ Царя-самодержца, идеалъ силы, величія и простоты. Письмо его дышало юношеской, простодушной, "кадетской" восторженностью.

“Милая, дорогая, безцѣнная мама. Ты не можешь себѣ представить, какъ я несказанно счастливъ. Свершилось, я женихъ Аликсъ...”

Онъ изложилъ послѣдовательно ходъ своихъ бесѣдъ, разсказалъ какъ убѣждалъ ее перемѣнить религію и какъ она себя чувствовала.

...“Она плакала все время и только отъ времени до времени произносила шопотомъ: “нѣтъ, я не могу”. Я, однако, продолжалъ настаивать и повторять свои доводы, и хотя этотъ разговоръ длился два часа, онъ не привелъ ни къ чему, потому что ни она, ни я не уступали. Я передалъ ей ваше письмо и послѣ этого она уже не могла спорить. Она рѣшила переговорить съ тетей Михенъ. Что касается меня, то въ теченіе этихъ трехъ дней я все время находился въ самомъ тревожномъ состояніи...

Сегодня утромъ насъ оставили однихъ, и тутъ, съ первыхъ же словъ, она согласилась. Одному Богу извѣстно, что произошло со мной. Я плакалъ, какъ ребенокъ и она тоже. Но лицо ея выражало полное довольство.

Нѣтъ, дорогая мама, я не могу выразить вамъ, какъ я счастливъ, и въ то же время, какъ мнѣ жаль, что я не могу прижать къ своему сердцу васъ и моего дорогого папа. Весь міръ сразу измѣнился для меня: природа, люди, все; и всѣ мнѣ кажутся добрыми, милыми и счастливыми. Я не могъ даже писать, до того дрожали у меня руки. Она совершенно перемѣнилась: стала веселой, забавной, разговорчивой и нѣжной...

Спаситель сказалъ намъ: “Все, что ты просишь у Бога, дастъ тебѣ Богъ”. Слова эти безконечно мнѣ дороги, потому что въ теченіе пяти лѣтъ я молился ими, повторяя ихъ каждую ночь, умоляя Его облегчить Аликсъ переходъ въ православную вѣру и дать мнѣ ее въ жены...

Пора кончать письмо. Прощай, моя дорогая мама. Крѣпко тебя обнимаю. Христосъ съ тобою. Горячо и отъ всей души васъ любящій Ники”.

Онъ закурилъ папиросу, прошелся по мягкому ковру и снова сѣлъ къ столу. Въ его рукахъ была изящная темно-малиновая тетрадь шагреневой кожи — его дневникъ.

— Еще не все, сказалъ онъ вслухъ и улыбнулся радостно. “Еще одно послѣднее сказанье”...

Красивымъ мелкимъ почеркомъ бѣжали строчки. Почти дѣтское слышалось въ его признаніяхъ. Такъ чувствуетъ себя “довѣрчивая младость”. Онъ былъ человѣкъ съ простой безхитростной душой.

“Чудный, незабвенный день въ моей жизни — день моей помолвки съ дорогой, ненаглядной Аликсъ... Боже, какая гора свалилась съ плечъ; какою радостью удалось обрадовать дорогихъ

папа и мама. Я цѣлый день ходилъ, какъ въ дурманѣ, не вполнѣ сознавая, что собственно со мной приключилось"...

И закончивъ писать въ дневникѣ, опять сказалъ съ радостной улыбкой: "Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога мнѣ, грѣшному"...

* *
*

Цесаревичъ спалъ здоровымъ, крѣпкимъ, молодымъ сномъ. Снились ему сны золотые. Онъ видѣлъ, чувствовалъ и переживалъ все видѣнное живо, ярко и отчетливо, какъ будто на яву. Снилось огромное, ровное поле. И на немъ, сколько видитъ глазъ, стояли конные и пѣшіе полки. А надъ ними, надъ безчисленнымъ множествомъ людей, простиралась необъятная, безпредѣльная гладь голубого неба, куда-то уходящаго въ невѣдомыя дали. Сверкало на солнцѣ оружіе, блестѣла амуниція, каски, кирасы, султаны, ментики, парили надъ головами, распластавъ крылья, золотые орлы и колыхались флаги.

"Какой восторгъ какая красота!", думалъ онъ, разсматривая маневренное поле. "Вотъ оно христолюбивое русское воинство, —мощь и сила Россіи, ея слава и гордость. Вотъ они потомки великаго народа, вынесшаго на своихъ плечахъ многовѣковую кровавую борьбу, великія испытанія, историческіе вихри и бури. Вотъ они древне-русскіе богатыри, витязи кіевскіе, тверскіе, суздальскіе, новгородскіе и всея великія и малыя Руси".

Николай Александровичъ замѣтилъ, что и самъ онъ стоитъ передъ строемъ этого россійскаго воинства. Гнѣдой красавецъ, благородныхъ кровей, съ тонкой шелковистой кожей, въ бѣлыхъ чулочкахъ, съ бѣлой отмѣтиной на лбу, стоитъ подъ нимъ недвижно, какъ будто чувствуя, что и онъ принадлежитъ къ этой русской стихіи.

Внезапно, по фронту, голосъ за голосомъ, переливнымъ крикомъ, донеслись слова: "Ѣдетъ Императоръ". Николай Александровичъ увидѣлъ, какъ далеко на флангѣ, верхомъ, показался отецъ. Въ тотъ же мигъ полились торжественные, величественные звуки, все наростая, ширясь и разливаясь въ прозрачномъ воздухѣ надъ этимъ полемъ, надъ этимъ несмѣтнымъ воинствомъ:

"БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ СИЛЬНЫЙ, ДЕРЖАВНЫЙ, ЦАРСТВУЙ НА СЛАВУ НАМЪ, ЦАРСТВУЙ НА СТРАХЪ ВРАГАМЪ, ЦАРЬ ПРАВОСЛАВНЫЙ!..."

Вмѣстѣ съ звуками мѣдныхъ трубъ слышался еще болѣе могучій, еще болѣе потрясающій, живой крикъ: "УРА". Десятки тысячъ людей, не смолкая, привѣтствовали Царя Русской Земли. Къ нимъ присоединялись новые и новые тысячи голосовъ. Вотъ волна докатилась вплотную. Могучій всадникъ на бѣлой лошади

подъѣхалъ къ полку. Оркестръ заигралъ гимнъ. Солдаты изступленно-радостно закричали "УРА". Неизъяснимое, сладостное чувство овладѣло душой и, сливаясь въ одно дыханіе, въ одно чувство, съ огромной солдатской массой, Цесаревичъ восторженно закричалъ, привѣтствуя отца.

Закричалъ и проснулся. Но сонъ продолжался на яву. Сразу не могъ понять: сонъ или явь. Подъ окнами оркестръ гвардейскихъ драгунъ королевы Викторіи исполнялъ русскій гимнъ. Широкимъ разливомъ, какъ волны морскія, поднимались и затихали прекрасные звуки. Какъ радостно и гордо услышать на сторонѣ чужой свой гимнъ, свою національную молитву. Стояло утро, золотой свѣтъ наполнялъ комнату. Міръ улыбался солнечными лучами. Сладкое чувство дрожало въ сердцѣ. Какъ прекрасна жизнь на Твоей землѣ, Боже-Господи!..

— Ты не сердился сегодня, мой милый Ники? — спросила принцесса.

— Почему, моя душка Аликсъ?

— Потому, что твой сонъ, вѣроятно, прервали музыканты.

— О, нѣтъ, моя ненаглядная. Наоборотъ, я былъ въ восторгѣ. Я былъ польщенъ вниманіемъ. Мы, русскіе, какъ дѣти, любимъ ласку, цѣнимъ ее и за добро готовы платить сторицей. Это наша національная черта. Дядя Сергѣй сказалъ, что концертъ былъ сыгранъ въ мою честь. Концертъ, — да, — въ мою честь, но гимнъ въ честь Русскаго Самодержца, въ честь Россіи. Это ты просила Granny, чтобы подъ моими окнами былъ концертъ?

— Нѣтъ, это сдѣлала сама бабушка. Ты ей понравился. Она никогда не ошибается въ своихъ оцѣнкахъ людей. Она мнѣ сказала: "Поздравляю тебя. Ники хорошій человѣкъ". Бабушка видѣла за свой вѣкъ множество людей изъ всѣхъ племенъ и народовъ міра. Я горда и счастлива мнѣніемъ моей мудрой бабки. Это необыкновенная женщина. Я счастлива любить и быть любимой. Какое блаженство слить жизнь свою съ жизнью любимаго...

* *
*

Какъ краткій мигъ промчались двѣнадцать дней, проведенныхъ вмѣстѣ. Воспоминанія о нихъ останутся на всю жизнь. Дни беззакатной любви. Дни свѣтлаго счастья. Дни невозвратные, какъ сонъ. Пришелъ часъ разлуки. "Проснулся съ грустнымъ чувствомъ, что насталъ конецъ нашего житья душа въ душу", записалъ Цесаревичъ въ дневникъ 20 апрѣля. — "Послѣ кофе поѣхалъ съ Аликсъ въ Календергъ къ вдовствующей герцогинѣ, которая живетъ сейчасъ въ своемъ замкѣ на горѣ".

Это былъ прощальный визитъ къ одинокой, доживающей вѣкъ, полуглухой и полуслѣпой старухѣ. Въ эти часы передъ

разлукой имъ хотѣлось быть вдвоемъ. Такъ хотѣлось сказать много-много, смотрѣть въ глаза другъ другу и не насмотрѣться. Визитъ былъ кстати.

Поднявшись въ гору, они пошли пѣшкомъ. Рѣзвились, рвали цвѣты, слушали жужжанье насѣкомыхъ, вдыхали запахи цвѣтовъ и поля и говорили тѣ нѣжныя, вѣчно новыя, чудныя слова о любви, которыя говоритъ все человѣчество. Кто не знаетъ этихъ непорочныхъ, чистыхъ, ласковыхъ словъ, кому они не звенѣли упоительной сладчайшей музыкой и кого не влекли на зарѣ жизни въ голубую манящую даль?...

Любовь и молодость! Какія чудныя, прекрасныя слова. Это то, что остается для человѣка навсегда, какъ самое дорогое, завѣтное и, увы, невозвратное. Это то, что онъ охотнѣе всего вспоминаетъ на закатѣ жизни, и, вспоминая, свѣтлѣетъ, свѣжѣетъ и какъ будто молодѣетъ его уставшая и огрубѣвшая душа.

— Аликсъ, хочешь мы побѣжимъ въ гору еще выше, къ небу, къ солнцу?

— Охотно, мой милый, любимый Ники. Съ тобой — куда угодно, хоть на край свѣта.

Плыли по небу молочно-сѣрыя тучи, вѣтеръ дулъ въ лицо, трепалъ золотисто-каштановые волосы принцессы, отталкивалъ назадъ, а они, взявшись за руки, бѣжали тяжело дыша, смѣялись радостно и хотѣлось имъ отъ великаго счастья обнять весь міръ.

— Мы бѣжимъ навстрѣчу бурѣ, Аликсъ, кричалъ онъ. Будетъ буря, мы поспоримъ и поборемся мы съ ней...

— Нѣтъ, мой милый. Мы бѣжимъ навстрѣчу счастью. Оно обойметъ насъ, какъ этотъ голубой туманъ и согрѣетъ, какъ солнце. Огромной любви не страшны житейскія бури и невзгоды...

Съ горы открывался далекій сѣрый горизонтъ. Внизу разстилался городъ. Просторъ и ширь влекли неодолимо. Сердце было во власти необыкновенныхъ чувствъ. Душа, какъ синяя птица, стремилась къ небу. Восторгъ бытія рвался наружу. Хотѣлось кричать, пѣть, говорить о своихъ чувствахъ.

— Боже мой. какъ хорошо. Благодарю Тебя за счастье, которое Ты мнѣ далъ, за жизнь, за любовь...

Онъ обнялъ раскраснѣвшуюся, цвѣтущую невѣсту и цѣловалъ ее безъ конца въ губы, цѣловалъ ея радостные, расширенные глаза, бѣлыя тонкія руки, завитушки волосъ и клялся ей въ любви.

— Здѣсь такъ чудесно, воздушно и легко. Я люблю этотъ безпредѣльный просторъ, этотъ таинственный міръ, это небо и цвѣтущую землю. Душа моя полна и отъ полноты ея ликуетъ все во мнѣ. Мнѣ хочется продекламировать тебѣ изумительные стихи нашего поэта. Они созвучны моей душѣ; они такъ красиво выражаютъ мои чувства. Когда ты узнаешь нашъ пѣвучій, чудный языкъ, ты полюбишь его и поймешь, что нѣтъ красивѣе нашего языка.

“Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды;
Благословляю я свободу
И голубые небеса.

И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную суму,
И степь отъ края и до края,
И солнца свѣтъ и ночи тьму,

И одинокую тропинку,
По коей, нищій, я иду,
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду”.

Онъ перевелъ стихи на англійскій языкъ и они восхитили восторженную невѣсту.

— О, если бы мы могли съ тобою, моя дорогая Аликсъ, вотъ такъ, какъ пилигриммы, одни, взявшись рука за руку, идти въ эту чудесную синюю даль, благославлять вселенную, радоваться нашему счастью и чувствовать, какъ наши души поютъ прекрасную пѣсню любви.

Она прижалась къ нему, ласкала его лицо и тихо шептала:

— Какой ты хорошій; ты поэтъ въ душѣ. Какъ мнѣ радостно и сладко быть съ тобою...

Имъ не хотѣлось уходить. Растягивали минуты. Но была пора, — приближался моментъ разставанья.

Въ часъ дня онъ простился съ Аликсъ. Она уѣхала съ бабкой въ Дармштадтъ. “Какъ пусто мнѣ показалось, когда вернулся домой”, — записалъ онъ въ дневникѣ. — “Я бродилъ одинъ по знакомымъ и дорогимъ мѣстамъ и собралъ ея любимые цвѣты, которые отправилъ ей въ письмѣ”...

Въ тотъ же день, вечеромъ, Николай Александровичъ покинулъ Кобургъ. 22 апрѣля онъ прибылъ въ Гатчино, гдѣ его встрѣтили отецъ, мать, братъ, сестры и великій князь Александръ Михайловичъ. “Какая огромная радость снова увидѣться при такихъ счастливыхъ обстоятельствахъ”, — отмѣтилъ онъ въ темно-бордовой тетради.

Въ этотъ вечеръ Ники долго сидѣлъ у матери. Разсказывалъ ей о поѣздкѣ, о своихъ переживаніяхъ, впечатлѣніяхъ, о красотѣ Аликсъ и о своей любви.

— Я, мама, люблю всѣхъ людей; всѣ люди хорошіе. Насъ такъ привѣтствовали, столько желали намъ счастья...

А она, мать, какъ всякая любящая мать, слушала съ довольной улыбкой, задавала ему вопросы и сердце ея билось спокойно и радостно.

ПОѢЗДКА ВЪ АНГЛІЮ

«Love is caught; I have bound his wings love! no longer will he room or fly away; Within our 2 hearts for ever love sings».

(«Любовь поймана; я связала ея крылья; она больше не улетитъ. Въ нашихъ сердцахъ будетъ всегда пѣть любовь»).

Вернувшись въ блистательный Санктъ-Петербургъ, Николай Александровичъ — счастливый женихъ — снова вошелъ въ обычную колею жизни, требовавшую отъ Наслѣдника Престола самыхъ разнообразныхъ и разностороннихъ служебныхъ занятій. Засѣданія, пріемы, встрѣчи, прогулки съ отцомъ, бесѣды съ матерью, полковые обѣды, дружескія пирушки, чаи, танцы ужины въ домахъ родовой, близкой ко Двору, знати, — текли ежедневно и отнимали у него много времени.

Любовь, которая питала его сердце, давала ему радостную бодрость, живость и энергію. Онъ чувствовалъ себя въ какомъ то необыкновенно повышенномъ настроеніи; точно переродился; будто возникли въ его груди новыя, возбуждающія его силы. Мозгъ работалъ отлично, все давалось легко и свободно; даже утомительные доклады въ Государственномъ Совѣтѣ не утомляли и не усыпляли его.

Время сладкихъ мечтаній начиналось для него тогда, когда онъ оставался одинъ. Это было обыкновенно ночью. "На небесахъ покой и на землѣ молчанье, и всюду тишина"... Съ нѣжностью и умиленіемъ онъ перечитывалъ ея письма, въ которыхъ она восторженно писала о своей великой любви. Замѣчая на душистой бумагѣ слѣды засохшихъ капель, онъ думалъ, что это ея слезы, и онъ цѣловалъ бумагу и шепталъ, радостно улыбаясь: "Милая душечка, дорогая Аликсъ, радость моя безцѣнная"...

Въ эти часы его незримаго общенія съ ней, она стояла передъ нимъ стройная, свѣтлая и сіяющая. Для него она была прекрасная, распустившаяся роза. Онъ видѣлъ ея прелестное лицо, на которомъ сіяла печать невинной дѣвичьей чистоты; такой чистоты онъ не замѣчалъ у другихъ женщинъ. Онъ видѣлъ милую

улыбку ея прекрасныхъ глазъ и эти глаза, влюбленные, ласковые, обвораживающіе, проникали ему въ душу и какъ звѣзды манили и звали. Сердце его замирало отъ нѣжности, отъ радостнаго сознанія, что эта чудная дѣвушка — его невѣста.

Николай Александровичъ выросъ въ царской свѣтлицѣ подъ сильнымъ вліяніемъ матери, женщины необыкновенной, обладавшей огромной духовной силой и привлекательностью. Эта хрупкая, изящная маленькая Царица безъ всякихъ усилій, легко и просто, какъ то незамѣтно, привлекла къ себѣ сердца русскаго народа и заставила его полюбить себя. Она внушила мягкому, застѣнчивому сыну, съ мистическими склонностями, благородную утонченность чувствъ. Для людей иного склада онъ могъ казаться восторженно-наивнымъ, жизненно несообразнымъ, какъ бы не отъ реальнаго, живого міра сего. Разлука наполняла его сердце красивой, свѣтлой, поэтической грустью. Какъ туманъ на водѣ, ждущій первыхъ лучей солнца, чтобы подняться и разсѣяться въ сіяющемъ свѣтѣ, такъ и душа его жаждала встрѣчи, чтобы слиться съ другой душой, которую она любила.

“Настоящую нѣжность не спутаешь
Ни съ чѣмъ. И она тиха...”

Такъ тихи и нѣжны были его чувства, навѣянныя разлукой. Иногда разлука казалась слишкомъ затянувшейся; онъ нервничалъ и жаловался.

— Ты не находишь, Сандро, что время тянется какъ-то чертовски медленно. Будто старая хромая кляча бредетъ по разбитой дорогѣ...

— Время, другъ мой, тянется какъ ему положено, — резонерски возразилъ великій князь. — Въ ожиданіи есть своя грустная прелесть, своя мелодія. Чѣмъ больше ты будешь ждать, тѣмъ радостнѣе и восторженнѣе будетъ встрѣча. Все премудро и благо въ этомъ, чудесно устроенномъ, мірѣ. Человѣкъ — странникъ въ жизни и мечтатель. А что такое мечта? Мечта — это бѣлый парусъ въ морѣ, это прелестная бабочка, которая порхаетъ весной и лѣтомъ по цвѣтущимъ лугамъ; это наша молодость, освѣщенная солнцемъ. Когда сѣрыя тучи закроютъ солнце и настанетъ студъ и холодъ, — капутъ бабочкѣ, капутъ мечтамъ.

— Сандро, ты философствуешь, — сказалъ, смѣясь, Николай Александровичъ. — Тебѣ надо отрастить длинную бороду, облечься во вретище и ходить по городамъ и весямъ, чтобы провозглашать “любви и правды чистыя ученья”. Истины твои холодныя, они не грѣютъ душу, но противъ нихъ ничего нельзя возразить. Только мало пользы отъ этихъ идеальныхъ истинъ человѣку, пока онъ не превратится въ существо засохшее. Они его не смогутъ утѣшить и не смогутъ ни на что воодушевить.

Молодое сердце, когда оно стучитъ и бьется и гонитъ по тѣлу горячую кровь, — требуетъ чего-то другого. Наоборотъ, надо укрѣпить вѣру: "все сбудется, чего сильно хочешь; за дальними берегами будетъ радость... ждетъ радость"...

И эта радость пришла. Одна фраза: "Николай, ты можешь поѣхать въ Англію", — зажгла костеръ въ его груди. Этотъ костеръ запылалъ, заигралъ, засверкалъ искрами, летящими въ небо. "Ура, я ѣду въ Англію", сказалъ онъ Сандро, весь сіяя отъ восторга. "Какая радость, какое счастье!" — "Поздравляю. Громъ побѣды раздавайся, веселися славный россъ", отвѣтилъ великій князь, смѣясь.

Николай Александровичъ по чувствамъ и настроеніямъ былъ моложе своихъ 26 лѣтъ. Это былъ, по существу, еще юноша — восторженный, живой, подвижный, съ душой непосредственной, свѣжей и чистой. Свиданіе съ невѣстой плѣняло его. Всѣ мысли были уже тамъ на туманныхъ берегахъ Темзы. Кто не испытывалъ въ молодости подобныхъ чувствъ, чье сердце не трепетало нѣжной горячей радостью въ подобномъ положеніи, чью душу не освѣжали въ старости воспоминанія о пережитыхъ сладкихъ чудесныхъ минутахъ.

"Укладывался для Англіи, — съ трудомъ вѣрится такому счастью, что скоро, дастъ Богъ, мнѣ удастся увидѣться и обнять мою ненаглядную Аликсъ"...

Въ этой записи, сдѣланной второго іюня, поздно ночью, за полсутки до отъѣзда, — все трогательно, все звучитъ по-русски, по-простонародному. И "ненаглядная Аликсъ" (не доставало написать: Саша или Олечка), и надежда на Бога, безъ которой русскій человѣкъ не можетъ жить, и простодушное выраженіе своихъ чувствъ. Было стопроцентно очевидно, что наслѣдникъ русскаго престола получилъ самое настоящее русское воспитаніе, русскую простонародную рѣчь и русское народное міросозерцаніе.

Съ отъѣздомъ въ Англію ему не терпѣлось. Боялся помѣхи, мало ли что можетъ произойти. Проснувшись утромъ, пришелъ въ отчаяніе. Погода была скверная, налетали ливни со шквалами. "Обрѣтался въ нѣкоторомъ безпокойствѣ насчетъ ухода, но я ненавижу откладывать рѣшенія отъѣзда и очень радъ на этотъ разъ".

Въ четыре часа пополудни императорская яхта "Полярная Звѣзда" вышла изъ Кронштадта и взяла курсъ на юго-западъ. На морѣ былъ мертвый штиль. "Полярная Звѣзда" шла мягкимъ ходомъ безъ качки. Скоро ушли берега; кругомъ разстилалась безбрежная даль Балтійскаго моря. Солнце спускалось къ закату. Небо горѣло багряно-розовыми и нѣжно-золотистыми красками. Небесно-морская феерія была красоты неописуемой. Дорогой въ

закатныхъ лучахъ встрѣтили бѣлую "Царевну", возвращавшуюся съ пробнаго плаванія.

Николай Александровичъ любилъ природу во всѣхъ ея видахъ, во всѣхъ ея спокойныхъ и бурныхъ проявленіяхъ. Его восхищало море и онъ часами готовъ былъ слушать неустанный рокотъ волнъ и шумъ прибоя; онъ любилъ зеркальную прозрачность озеръ, плавное, могучее теченіе рѣкъ, красоту и задумчивость лѣсовъ, ширь степей съ ковыльнымъ блескомъ, торжественное молчаніе мертвыхъ пустынь и грозное величіе горъ. Онъ любилъ таинственную тишину ночей съ мерцающими звѣздами и суетную яркость дня.

Все это онъ созерцалъ съ тѣмъ ненасытнымъ чувствомъ, которое никогда не ослабѣвало въ немъ. Несомнѣнно, эта любовь къ природѣ, къ ея тайнамъ, къ ея величію и красотѣ, — говорила о большой, мистически настроенной, человѣческой душѣ. "Цѣлый день торчалъ наверху до того было хорошо", записалъ Николай Александровичъ въ своемъ дневникѣ отъ 4 іюня. "Проходили полосами тумана; собственно, онъ съ нами милостиво обходился; паровая сирена дѣйствовала по временамъ"...

Въ короткихъ запискахъ, которыя Наслѣдникъ дѣлалъ ежедневно, чувствовался его большой художественный талантъ. Описанія его были стильны, сжаты и великолѣпны. "День былъ ясный, чудный, море было синее съ барашками. Яхту чуть-чуть покачивало, такъ какъ мы шли въ полвѣтра. Встрѣчали небольшіе пароходы съ рыбаками"... "Скагеракъ встрѣтилъ насъ тихою погодой и улегающеюся зыбью Нѣмецкаго моря. Къ 6-ти часамъ прочистилось и горизонтъ сталъ яснымъ"...

Пять дней продолжалось путешествіе. Пять дней Наслѣдникъ Престола находился въ офицерской морской семьѣ и съ неотлучнымъ Димкой (Димка — князь Дмитрій Голицынъ). Вмѣстѣ съ ними онъ кушалъ, игралъ въ «bull», шутилъ, слушалъ по вечерамъ дружескіе разговоры и кадетскіе разсказы. Онъ заразительно смѣялся, когда разсказы были смѣшны; онъ умѣлъ улавливать юморъ и подмѣчалъ тонкое остроуміе. А разсказы были живые, веселые, съ юмористическимъ огонькомъ. Они отражали пеструю, красочную, анекдотическую жизнь. Сыну Царя, будущему Императору, все нужно было знать, чтобы не быть оторваннымъ отъ многообразной русской дѣйствительности. А онъ былъ любознателенъ, интересовался всѣмъ и все воспринималъ его впечатлительный умъ.

Много наслушался онъ разсказовъ за эти дни во время вечернихъ "бродячихъ закусокъ", когда «loving cup» Цесаревича обходила столъ нѣсколько разъ. Кадетскій морской корпусъ прожилъ долгую жизнь. Не мало событій прошло въ его стѣнахъ за два столѣтія; не мало выдающихся людей вышло изъ его колыбели. Неписанная исторія, какъ преданіе, подмѣтила и отмѣ-

тила все достойное преклоненія, она же сохранила для памяти и добродушно-смѣшное. Разсказы о Сенявинѣ и о знаменитыхъ русскихъ флотоводцахъ переплетались съ анекдотами изъ красочной, богатой кадетской жизни. Родной корпусъ жилъ въ сердцахъ молодежи и какъ не вспомнить недавнее былое! Продекламировали и вольное переложеніе пѣсенки Беранже "Два гренадера" на кадетскій ладъ: "Выпуска старшаго двое изъ отпуска пьяные шли, и оба душой пріуныли, увидя свой корпусъ вдали"... Наслѣдникъ смѣялся добродушно, безъ укоризны; на него напалъ, по его выраженію, "хохотунъ". Отсмѣявшись, спросилъ: какая судьба постигла печальныхъ героевъ? — Заснули въ пути, Ваше Высочество, отвѣтилъ лейтенантъ подъ общій взрывъ молодого, здороваго смѣха.

Интимная близость Наслѣдника Престола, его доступность и добродушіе были всѣмъ по душѣ. Мичмана и лейтенанты были въ восторгѣ; ихъ молодыя сердца сильно бились влюбленной преданностью. Во имя этого человѣка каждый изъ нихъ совершилъ бы радостно и смѣло самый красивый подвигъ. Россія знала священныя слова: "вѣра, царь и отечество"; эти слова на протяженіи многихъ вѣковъ вдохновляли русскій народъ на служеніе Царю и внушали ему вѣру и вѣрность. Дѣлясь впечатлѣніями о своемъ высокомъ гостѣ, старшій офицеръ сказалъ: "Его царственная простота, скромность, при полномъ отсутствіи высокомѣрія, — будутъ его лучшимъ украшеніемъ... Помолчавъ немного, онъ добавилъ въ раздумьѣ: — Были у насъ цари, которые въ исторіи получили наименованія: "грозный, великій, благословенный и такъ далѣе". Этотъ, я думаю, получитъ по справедливости: "смиренный и благочестивый"...

Погода стояла великолѣпная; это дѣлало путешествіе особенно пріятнымъ. "Вотъ мы уже прошли половину Нѣмецкаго моря, а переходъ до сихъ поръ можно назвать озернымъ, — до того онъ былъ удаченъ", помѣтилъ Цесаревичъ въ дневникѣ отъ 7-го іюня. Только разъ или два пробѣжалъ радостный дождь. Надъ безоглядной морской далью сверкало лѣтнее солнце. Море сонно рябилось брилліантовой зыбью. Иногда, въ далекомъ туманѣ, появлялись смутно берега чужой земли и исчезали, какъ видѣнія. Ночи были чудесны. Не передать и не описать красоту звѣздной чаши небесъ, красоту луннаго свѣта, застывшаго въ безпредѣльности надъ просторомъ воды, яркую полосу золотой дороги, сверкающей и куда-то уводящей въ невѣдомую даль.

На душѣ у счастливаго жениха было радостно и легко. Свѣжія, чистыя чувства, благоуханныя, какъ дымъ кадильный, заставляли радостно биться сердце... "Итакъ, Богъ дастъ, завтра я увижу снова мою ненаглядную, дорогую Аликсъ. Теперь уже я схожу съ ума отъ этого ожиданія"...

Трогательны, наивны, а вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣтлы и прекрасны

были его экзальтированныя чувства, его нескрываемая восторженность. — "Я счастливъ такъ сильно потому, что въ моей груди слились три большихъ любви: къ родителямъ, къ невѣстѣ и къ Матушкѣ-Россіи. Мнѣ, братъ, трудно хранить холодное, безстрастное спокойствіе", сказалъ онъ Дмитрію Голицыну.

И дѣйствительно, ему не сидѣлось на мѣстѣ. Утромъ 8-го іюня всталъ рано. Нетерпѣливо, быстро одѣлся и вышелъ наверхъ. Надо хоть какъ-нибудь подогнать время. Надо постараться не замѣчать его, не слѣдить за часовыми стрѣлками. Ходилъ по палубѣ, блестѣвшей зеркальной чистотой, поглаживалъ усы тѣмъ жестомъ, который потомъ остался на всю жизнь, и часто всматривался въ туманно-сѣрую даль, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидалъ увидѣть берега Англіи. Небо въ этотъ день было тусклое, сумрачное, дулъ холодный вѣтеръ. Острова встрѣчали гостей свѣжей погодой.

Около полудня "Полярная Звѣзда" вошла въ устье Темзы. Съ этого времени Николай Александровичъ не покидалъ палубы. Онъ любовался красотой береговъ, съ интересомъ провожалъ многочисленныя встрѣчныя суда, наблюдалъ за темпомъ рабочей жизни на пристаняхъ большой рѣки.

—Слава Богу, еще нѣсколько часовъ и я обниму мою душечку, — думалъ онъ вслухъ. — Боже мой, какъ я счастливъ, какъ хороша жизнь...

Наконецъ, пришелъ тотъ мигъ, который онъ такъ нетерпѣливо ждалъ. Въ Гревзендѣ "Полярная Звѣзда" стала на бочку. Лилъ въ это время проливной дождь съ вѣтромъ и бурей. Погода была совсѣмъ не подходящая для спуска на берегъ. Но кто не безумствовалъ въ двадцать шесть лѣтъ, когда нѣтъ силъ усмирить горячее непокорное сердце. Развѣ любовь принцевъ и принцессъ не такая же вѣчная человѣческая любовь, какъ у другихъ?.. Николай Александровичъ не захотѣлъ ждать. — "Этотъ потопъ будетъ продолжаться вѣчность. Покорно благодарю. Пусть себѣ льетъ, а я буду дѣлать свое дѣло"... Можетъ быть, любовь несла его на крыльяхъ. Его не занимали почетные караулы, встрѣчи. Дороже всѣхъ церемоніаловъ была она "душечка Аликсъ".

"Съѣхалъ на берегъ штафиркой подъ проливнымъ дождемъ... Въ три съ четвертью встрѣтился съ дорогой Аликсъ. Снова испыталъ то счастье, съ которымъ разстался в Кобургѣ", записалъ онъ вечеромъ въ свой дневникъ.

* *
*

Пять недѣль, проведенныхъ въ Англіи были, вѣроятно, самымъ счастливѣйшимъ временемъ въ жизни жениха и невѣсты. Души были безмятежно покойны и свѣтлы. Ни одного облачка

на горизонтѣ. “Счастье наше такъ велико, полно и сладостно, что его нельзя описать; можно охарактеризовать только однимъ словомъ: “блаженство”. Съ каждымъ днемъ все больше, крѣпче и сильнѣе росла взаимная духовная близость. Николаю Александровичу нравилась дѣвственная непорочность во взглядѣ, въ выраженіи лица, во всей стройной, красивой фигурѣ Аликсъ. Ему казалось, что ни у одной женщины онъ не встрѣчалъ подобной духовной чистоты. Она была для него, ровно тотъ ангелъ, который пролеталъ въ полунощи надъ грѣшной землей и пѣлъ небесную пѣсню:

“И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой”...

Она была для него цвѣтокъ красивѣйшій, нѣжнѣйшій, окрапленный росою: невинная, чистая, святая. Безсчетное количество разъ цѣловалъ онъ дорогіе, задумчивые порой, порой сіяющіе, глаза. румяныя щеки и тонкія руки.

Той же безмѣрной любовью отвѣчала она ему на его ласки, на его признанія. Первая запись, которую она интимно сдѣлала въ его дневникѣ на чистой страницѣ, говорила объ ея мистической духовной настроенности.

“Чу, дорогой мой. Покойно дремли.
Ангелы святые охраняютъ твою постель.
Благословенія неба безъ числа
Нѣжно спускаются на главу твою...
Лучше, лучше съ каждымъ днемъ...

Съ беззавѣтной преданностью, которую мнѣ трудно выразить словами. Много горячихъ поцѣлуевъ. Да благословитъ тебя Господь, мой ангелъ. Навсегда, навсегда...”

Николай Александровичъ выросъ въ патріархальной, нравственной русской семьѣ. Честь, благородство, правдивость — были ея качествами. И онъ впиталъ въ себѣ понятія рыцарскія. Ему казалось, что онъ былъ бы безчестнымъ, человѣкомъ, если бы что-то скрывалъ, что-то таилъ, что-то дѣлалъ такое, о чемъ онъ не могъ бы сказать открыто. Какъ у всякаго молодого человѣка у него были увлеченія, грѣшки, забавы и утѣхи. И онъ искалъ случая разсказать объ этомъ Аликсъ.

Однажды вечеромъ они сидѣли на берегу моря. Стояла сонная ночная тишина. Только волны неустанно шумѣли, набѣгая и разбиваясь пѣной о береговые камни. Небо и земля были залиты серебристымъ луннымъ свѣтомъ. Мерцали рѣдкія звѣзды. На морѣ лежала, переливаясь и сверкая, полоса свѣта. Ночь навѣвала мечтательность и душевную прозрачность. Поэты сказали бы,

что эта ночь дышала феерической, чародѣйной красотой и что она колдовала. Сердца, и души такъ легко открывались для сокровенныхъ признаній, для самыхъ нѣжныхъ и ласковыхъ словъ.

Аликсъ была въ свѣтломъ легкомъ платьѣ, безъ шляпы, съ вуалевымъ шарфомъ на головѣ. Они сидѣли на бѣломъ камнѣ, который солнце нагрѣло за день. Тѣла ихъ тѣсно соприкасались; они чувствовали тепло другъ друга и эта близость жгла и какъ будто сливала въ одно тѣло, въ одно біеніе сердца.

— Милая моя, душечка Аликсъ. Я не знаю, какъ выразить тебѣ мои чувства. Любовь полонила меня. Ты стала моей госпожей, моей царицей. Я люблю твою душу, сердце, умъ, твою набожность, твою чистоту, твои взгляды на жизнь. Я такъ сильно и крѣпко тебя люблю, что и высказать не сумѣю. Порою мнѣ кажется: ты не только моя возлюбленная, дорогая невѣста, ты моя родная, милая сестра. Мы родились другъ для друга, насъ соединила воля Провидѣнія и ничто никогда насъ не разъединитъ...

Она повернула къ нему прелестное лицо. Подъ луннымъ свѣтомъ она была какъ богиня прекрасна. Таинственной глубиной блестѣли глаза; полуоткрытые жаркіе губы, какъ будто ждали поцѣлуя; подъ легкими складками платья проступало точеное, живое, горячее тѣло. Нѣжнымъ, почти материнскимъ движеніемъ рукъ, она обняла его, прижала крѣпко и поцѣловала долгимъ горячимъ поцѣлуемъ. Въ этомъ поцѣлуѣ соединились ласка и нѣжность сестры, цѣломудріе и стыдливая дѣвичья страсть невѣсты. Такъ истомно и сладко затрепетало тѣло.

— Ты правъ, Ники. Есть нѣчто чудесное въ любви двухъ душъ. Онѣ сливаются воедино и ни одной мысли не таятъ другъ отъ друга. Радость и страданія, счастье и нужду онѣ переживаютъ вмѣстѣ и отъ перваго поцѣлуя до послѣдняго вздоха онѣ поютъ о любви. Истинная любовь — даръ Божій. Съ каждымъ днемъ она становится все сильнѣе, глубже, полнѣе и чище. Съ беззавѣтной преданностью къ тебѣ я останусь навсегда. Мои самыя горячія желанія и молитвы, — это сдѣлать тебя счастливымъ.

Они снова погрузились въ созерцаніе. Часто молчаніе любви — краснорѣчивѣе словъ. Ихъ влекла и чаровала огромная таинственная стихія моря. Въ душѣ былъ восторгъ и умиленіе. Будто сливались они съ какой-то неразгаданной міровой тайной. Всѣмъ очарованнымъ сердцемъ чувствовали могущество и силу божества, отблескъ какой-то неизслѣдимой предвѣчной тайны, отблескъ Творца, создавшаго Вселенную.

"Ни одной мысли не таятъ другъ отъ друга"... Аликсъ высказала это сужденіе, какъ ея общій идейный взглядъ на взаимоотношенія близкихъ людей. Но это прозвучало для жениха, какъ напоминаніе. Ему захотѣлось тотчасъ же все разсказать Аликсъ,

исповѣдаться передъ ней въ своей прошлой жизни. Николай Александровичъ лишь одно мгновеніе колебался: "а не огорчитъ ли онъ своимъ сознаніемъ невѣсту, не нанесетъ ли онъ ей рану; не лучше ли обождать?" Но онъ не удержался на этой мысли и сказалъ:

— Аликсъ, ты такая чистая и непорочная, что мнѣ хочется очень сильно, какое-то непреодолимое чувство подсказываетъ мнѣ... Однимъ словомъ, я хотѣлъ бы тебѣ разсказать о моей прошлой жизни, то, чего ты не знаешь. Я не хочу ничего скрывать... Но можетъ быть, это тебя огорчитъ...

— Мой дорогой, милый Ники. Это меня не огорчитъ. Мы каждый годъ ходимъ къ исповѣди; несемъ наши сокровенные и тайные грѣхи въ надеждѣ, что милосердный Господь все проститъ. Наоборотъ, я хочу, чтобы твоя душа всегда была открыта передо мною, какъ и моя передъ тобою. Говори и ничего не бойся.

Ободренный женихъ повѣдалъ о своихъ невинныхъ амурныхъ прегрѣшеніяхъ. А когда онъ кончилъ разсказъ, Аликсъ ему сказала:

— Обожаемый, безцѣнный мальчикъ, да благословитъ тебя Господь. Что прошло, — прошло безвозвратно и не вернется вновь. Будущее скрыто для насъ и только настоящее мы можемъ считать своимъ. Такъ сказалъ одинъ очень умный человѣкъ. Говори мнѣ обо всемъ, душка. Смотри на меня, какъ на частицу тебя самого. Мой единственный, любимый...

А на другой день, вѣроятно, чтобы окончательно покончить съ вопросомъ о сдѣланныхъ признаніяхъ, Аликсъ написала въ его дневникѣ, на страницѣ отъ 8 іюля.

"Мой дорогой мальчикъ, никогда не мѣняющійся, всегда преданный. Вѣрь и полагайся на твою дѣвочку, которая не въ силахъ выразить словами своей глубокой и преданной любви къ тебѣ. Слова слишкомъ слабы, чтобы выразить любовь мою, восхищеніе и уваженіе; что прошло, прошло и никогда не вернется, и мы можемъ спокойно оглянуться назадъ, — мы всѣ на этомъ свѣтѣ поддаемся искушеніямъ, и въ юности намъ трудно бываетъ бороться и противостоять имъ, но какъ только мы раскаиваемся и возвращаемся къ добру и на путь истины, Господь прощаетъ насъ. "Если мы каемся въ нашихъ грѣхахъ, Онъ милостивъ и насъ прощаетъ". Господь прощаетъ кающихся. Прости, что я такъ много пишу, мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты былъ во мнѣ вполнѣ увѣренъ и зналъ, что я люблю тебя еще больше послѣ того, что ты мнѣ разсказалъ. Твое довѣріе меня глубоко тронуло, и я молю Господа быть всегда его достойной. Да благословитъ тебя Господь, безцѣнный Ники".

Николай Александровичъ остался очень доволенъ и собой и Аликсъ. Собой потому, что все разсказалъ, поступилъ честно и

благородно; объ Аликсъ онъ подумалъ: какая большая душа. Она поняла, что все его прошлое было лишь мимолетное и безслѣдное, а настоящая, большая, сильная любовь только къ ней...

Принцесса Алиса была женщина своеобразная. Она имѣла, конечно, и всѣ тѣ черты, которыя присущи большинству дѣвушекъ: стыдливость, скромность, любовь къ красотѣ, уюту и чистотѣ, духовное благоуханіе, поэтическую мечтательность и томленіе по мужчинѣ. Она была изящна въ словахъ, въ движеніяхъ, въ жестахъ и въ платьѣ; очарованіе ея дѣвственности можно было бы сравнить съ прелестью распустившагося на ранней зарѣ цвѣтка. Духовно и физически, какъ и всѣ дѣвушки, она тянулась къ мужчинѣ.

Но вмѣстѣ съ этимъ, у нея были свои собственныя качества, собственныя чувства, сложившіяся и образовавшіяся подъ вліяніемъ той обстановки, въ которой она росла. Маленькая дѣвочка, послѣ смерти матери, была взята бабкой къ англійскому Двору, гдѣ царствовалъ культъ вѣковыхъ традицій, старинныхъ обычаевъ и строгой пуританской морали. Она была любимицей бабки—королевы Викторіи, женщины умной, властной, сильной, волевой и во многихъ отношеніяхъ замѣчательной. Подъ ея непосредственнымъ, неотразимымъ вліяніемъ, развивался характеръ молодой принцессы.

Съ раннихъ лѣтъ Аликсъ пріучилась къ труду, къ дѣловой серьезности и къ порядку. Нравственныя начала и крайняя религіозность пропитали ея душу. Она соединила пылкость страстной натуры съ дѣловымъ спокойствіемъ, духовный мистицизмъ — съ жизненнымъ реализмомъ; скромность съ властной гордостью.

Принцесса хотѣла видѣть въ будущемъ мужѣ — человѣка, который бы отвѣчалъ ея духовнымъ запросамъ. Найдя такого человѣка, она отдала ему всю свою душу. Любовь къ Ники поглотила всѣ ея чувства; онъ сталъ для нея богъ и кумиръ, — источникъ ея земного счастья. Всѣ ея письма, всѣ, сдѣланныя ею записи въ дневникѣ жениха, говорятъ только объ этомъ.

"Я твоя, будь въ этомъ увѣренъ. Ты плѣненъ въ моемъ сердцѣ и ключикъ затерянъ и ты всегда останешься тамъ, дорогой Ники"... "Мнѣ снилось, я любима, и, проснувшись, убѣдилась въ этомъ наяву и благодарила на колѣняхъ Господа"... "Всегда вѣрная и любящая, преданная, чистая и сильная, какъ смерть"... "Почему я не могу на этомъ чистомъ листѣ написать одно слово: СЧАСТЬЕ"... "Вѣрная, всегда ожидающая, всегда любящая, всегда открывающая къ тебѣ простертыя объятія"...

Мистицизмъ, влеченіе къ загадочному, таинственному и не-

вѣдомому были ея нормальными свойствами. Она воспринимала міръ не какъ обыденность, къ которой люди привыкли, но какъ нѣчто, полное тайнъ. Какъ то разъ они сидѣли вдвоемъ. Николай Александровичъ дѣлалъ записи въ дневникъ. Она смотрѣла на него восторженными, ласковыми, преданными глазами. Въ мрачномъ Виндзорскомъ дворцѣ часы пробили полночь. Аликсъ съ милой улыбкой взяла книжечку у жениха и, продолжая прерванную строчку, написала по-англійски:

"Бьютъ часы на крѣпостной башнѣ и напоминаютъ намъ о каждомъ преходящемъ часѣ, но время вдаль уходящее, пусть не смущаетъ насъ, ибо время можетъ уходить безвозвратно, но любовь остается; я ощущаю, какъ ея поцѣлуи горятъ на моемъ разгоряченномъ челѣ. Если намъ суждена разлука, о, зачѣмъ же сейчасъ!... Не сонъ ли это? Тогда пробужденіе будетъ страданіемъ; не буди меня, дай мнѣ дальше дремать".

Въ одинъ изъ "дивныхъ вечеровъ", когда Николай Александровичъ "умиралъ отъ любви къ ней" (его выраженіе) — они сидѣли у раскрытаго окна. Смотрѣли на небо, усѣянное звѣздами. Одни звѣзды сіяли ярко, ровно, другія мерцали переливающимся свѣтомъ, будто горѣли и пламя, казалось, то вспыхивало, то затихало, какъ живое, непонятное, таинственное. Разными были оттѣнки пламени: то синевато-фосфорные, то красноватые, какъ свѣтъ малиновой лампадки.

"Гори, гори, моя звѣзда, Звѣзда любви моей блаженной" — полудекламируя, полунапѣвая, въ упоеніи, въ восторгѣ, произнесъ женихъ. Въ это время по небу, чертя блестящую, яркую дугу, пронеслась падающая звѣзда.

— Какая божественная, манящая тайна, Ники — весь этотъ красивый звѣздный міръ. Я иногда пытаюсь разрѣшить неразрѣшимое. Всей силой моего воображенія я переношусь въ небо; я хочу угадать, на какой звѣздѣ имѣетъ свое мѣстопребываніе Творецъ, создавшій непостижимый космосъ. Мнѣ кажется, что на какой-то звѣздѣ стоятъ чудесные хрустальные дворцы, огромные какъ вселенная и тамъ живетъ вѣчный, лучезарный Богъ. Иначе не можетъ быть. Мнѣ легче представить Его въ понятномъ для меня видѣ — бѣлаго старца, въ одеждѣ, какъ снѣгъ, чѣмъ въ видѣ непонятнаго Духа, какъ учитъ Церковь... Иногда мнѣ становится больно, что я не могу проникнуть въ эту тайну...

И, помолчавъ немного, она спросила:

— Ники, ты вѣришь въ прорицателей, въ волхвовъ, кудесниковъ, ясновидцевъ?

— Вѣрю такъ же, какъ дѣти вѣрятъ въ сказки. Впрочемъ, въ сказки вѣрятъ не только дѣти. Во время моей поѣздки по Японіи

я посѣтилъ одного отшельника-японца, по имени Теракуто. Онъ жилъ неподалеку отъ Кіото. Меня сопровождалъ Жоржъ греческій и маркизъ Ито, въ качествѣ переводчика. Внѣшній видъ монаха меня поразилъ. Бѣлый, какъ лунь, старикъ былъ какъ бы изъ нездѣшняго міра. То, что онъ мнѣ сказалъ, вѣрнѣе предсказалъ, необычайно и жутко. Я объ этомъ не хочу думать. Онъ сказалъ, что я выше всѣхъ, рожденныхъ женами; что надъ моей головой витаетъ опасность, но она будетъ устранена,... черезъ нѣсколько дней на меня былъ произведенъ террористическій актъ; что мнѣ суждены два вѣнца: одинъ земной, другой небесный, что земной померкнетъ, а небесный будетъ сіять; что Россію и меня ждутъ великія испытанія, что я останусь одинъ, всѣми покинутый и буду принесенъ въ жертву злобѣ демонической. Въ заключеніе, онъ сказалъ о безсмертіи и что стану я, осіянный свѣтомъ, преградой злу въ мірѣ...

По лицу Аликсъ пробѣжала тѣнь; безотчетная тревога сжала ея сердце. Такъ проносящаяся туча закрываетъ радостные лучи солнца. Овладѣвъ собою, она спросила:

— Ты чего-нибудь боишься, Ники. У тебя бываютъ когда-нибудь мрачныя мысли, предчувствія?

— Не знаю. Иногда сосетъ, но очень рѣдко. У меня веселый нравъ. Я не хочу объ этомъ думать. На все воля Божія...

— Мой милый, безцѣнный мальчикъ, что бы съ тобой ни произошло, я раздѣлю твою долю. Ни въ какой бѣдѣ я тебя не оставлю, не покину; я буду молиться за тебя, я буду бороться съ судьбой за твое счастье...

* *
*

День за днемъ бѣжали чудесные, свѣтло-радостные, быть можетъ, никогда неповторимые больше въ будущей жизни, дни. Можно ли описать, разсказать эту мучительно сладкую боль любви, нѣжность, сліяніе двухъ душъ, двухъ чуствъ. Сердце трепетало отъ радости, отъ близости, отъ безгрѣшныхъ чистыхъ объятій и поцѣлуевъ. Сердце жило восторгомъ. Какой-то поэтъ написалъ въ стихахъ: “Кто безъ любви спокойно прожить на свѣтѣ могъ, тотъ былъ счастливый смертный, но кто любилъ, тотъ богъ”... Любовь обожествляла и дѣйствительно вдохновляла человѣка. “Умъ жаждетъ вѣчности, онъ дышитъ широтой, и надобно любить, чтобъ мыслить врохновенно”...

Часто Ники и Аликсъ, красивые, стройные, свѣжіе, молодые, сопровождали королеву Викторію во время ея выѣздовъ на смотры, парады и церемоніи; сопутствовали они ей и во время ея прогулокъ. Старая и почтенная дама съ бѣлоснѣжными волосами, съ розовымъ цвѣтомъ лица, со вкусомъ одѣтая, производила

царственное впечатлѣніе. Никто не разскажетъ, о чемъ она думала, глядя на сіяющую счастьемъ пару. Давно перегорѣли страсти, жизнь прожита, осталась на днѣ души только перетлѣвшая зола. Но въ глазахъ ея и на лицѣ свѣтилась умиленная душевная теплота. Точно воскресала передъ ней ея собственная любовь, точно подогрѣвала золу пылающими углями любви своей внучки и Ники.

Послѣдніе пять дней пребыванія въ Англіи Николай Александровичъ и Аликсъ, вмѣстѣ съ королевой, провели на островѣ Уайтъ, въ Осборнѣ. Еще интимнѣе, еще ближе были они здѣсь. Стояли жаркіе дни. Неустанно шумѣло и билось о берегъ море, носились надъ нимъ огромныя морскія чайки и гортанно рѣзко кричали; виднѣлись вдали паруса рыбачьихъ лодокъ, проносились быстрые большіе пароходы. А на голубомъ небѣ сіяло іюльское солнце, все было зелено, радостно, и жизнь-обманщица манила въ даль, гдѣ въ голубыхъ испареніяхъ земли, какъ будто пролегала дорога, которую люди ищутъ въ своихъ мечтахъ, — дорога къ счастью.

Здѣсь дворцовый этикетъ не былъ строгъ. Тутъ Аликсъ и Ники имѣли еще большую свободу. Они бродили по берегу теплаго моря, какъ дѣти, беззаботные и затѣйливые играли, рѣзвились, разсказывали занимательныя исторіи, заразительно смѣялись, дурачились и цѣловались. Они вели себя, какъ всѣ влюбленные во всемъ мірѣ. А вечеромъ какъ-то она записала въ его дневникъ:

"Люблю ночью сидѣть у моря
И, мечтая, глядѣть въ его глубину,
Когда блѣдная, свѣтлая луна отражаетъ въ волнахъ
Свой серебристый вѣеръ".

А въ другомъ мѣстѣ: "Въ каждомъ языкѣ есть одно завѣтное слово: по-англійски — forget me not (не забудь), по-французски — souvenir".

Утромъ 11-го іюля шелъ теплый дождь; онъ перешелъ потомъ въ густой бѣлесый туманъ. Солнце скрылось за сѣрымъ полотнищемъ тучъ. Тихая покорная грусть опустилась надъ землей. Это былъ "грустный день разлуки послѣ болѣе мѣсяца райскаго житья"... Какъ будто природа захотѣла раздѣлить тѣ чувства, которыя овладѣли молодыми людьми съ утра.

"Дѣлалось все грустнѣе по мѣрѣ приближенія часа разлуки. Не отходилъ ни на минуту отъ своей милой, дорогой невѣсты. Послѣ чаю въ послѣдній разъ катался съ ней и Granny по направленію города Rude. Обѣдали немного раньше девяти часовъ. Играла музыка Partsmouth marines. Простился съ дамами, господами и Munschi. Переодѣлся въ сюртукъ Гвардейскаго Экипа-

жа, простился съ доброй **Granny** и поѣхалъ на пристань съ Аликсъ и Лико. Разстался съ моей ненаглядной прелестью и сѣлъ въ гребной катеръ"...

И когда "Полярная Звѣзда", набирая ходъ, уходила отъ береговъ Англіи, онъ стоялъ на борту, смотрѣлъ туда, гдѣ осталась Аликсъ и будто шепталъ: «**Adieu.** Прощай, дорогое время блаженнаго, безоблачнаго счастья. До скораго свиданія, мое незакатное солнышко, моя дорогая, любимая душечка"...

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ II

Стоялъ тихій солнечный сентябрь, безъ грозъ и безъ дождей. Была обычная картина русской осени, мягкой и чудесной. Отъ нея вѣяло нѣжной грустью, для многихъ безотчетно милой сердцу. Чистое небо, глубокое и безпредѣльное, легкія бѣлыя тучи, заснувшія на голубомъ фонѣ, пустынныя синія дали, хлопья летящей по опустѣвшимъ полямъ паутины и иногда четкіе треугольники въ небѣ и звенящее курлыканье журавлей, — все это возбуждало въ душѣ мягкое очарованіе и тихую, покорную печаль.

"...Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса"...

Старый заповѣдный лѣсъ въ Спалѣ, мѣсто царскихъ охотъ, былъ тихъ и безмолвенъ. Солнечные лучи пронизывали его и играли на листьяхъ. Легкій, золотисто-голубой туманъ сквозилъ среди чащи и это создавало и увеличивало торжественное великолѣпіе. Пахло чудеснымъ запахомъ разогрѣтой хвои и первой увядающей листвы. Деревья соперничали въ красотѣ осеннихъ нарядовъ: розовыхъ, красныхъ, оранжевыхъ и золотистыхъ.

По пустынной широкой аллеѣ. усыпанной опавшими листьями, шла невысокаго роста, худенькая, очень красивая дама, въ черномъ костюмѣ и въ черной шляпѣ съ большими полями и молодой офицеръ въ формѣ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка. Красивый темно-синій доломанъ съ пересѣкающими грудь шнурами, облегалъ его стройную фигуру. Можно было подумать, что это братъ и сестра: разница въ лѣтахъ была мало замѣтна, а сходство было большое, особенно въ очертаніи глазъ, бровей и носа. Однако, это были мать и сынъ, — Государыня Марія Феодоровна и Наслѣдникъ престола Николай Александровичъ.

На лицахъ ихъ было озабоченное выраженіе; что-то ихъ безпокоило, что-то причиняло имъ нравственное страданіе. Долго шли молча, не замѣчая, какъ чудесно сквозили золотые лучи, скользящаго къ закату солнца, какъ тихо падали желтые листья

и какъ разноголосо, беззаботно распѣвали въ чащѣ веселыя птицы.

— Ахъ, какъ жаль, что папа такъ долго упорствовалъ, не желая дать осмотрѣть себя врачамъ, — сказалъ сынъ, прерывая молчаніе.

Государыня быстро поднесла къ глазамъ бѣлый платокъ и, остановившись, начала вытирать бѣгущія слезы. У нея много накопилось этихъ слезъ и по человѣчески, просто, хотѣлось выплакать горе. На дружную, долгіе годы спокойно жившую, семью свалилось большая бѣда. Съ нѣкотораго времени Императоръ Александръ сталъ чувствовать недомоганіе. О докторахъ и лѣченіи онъ не хотѣлъ слышать. — "Что вы уморить меня хотите?... Все пройдетъ само собою"... Царь надѣялся на свой сильный организмъ и огромную физическую силу: подковы ломалъ. Къ тому же, онъ былъ еще сравнительно молодъ. Ему шелъ сорокъ восьмой годъ.

Но болѣзнь прогрессировала. Недавно Государь почувствовалъ, что невѣдомая хворость подточила его богатырскія силы. Онъ еще упирался, не хотѣлъ видѣть врачей, но онъ также не могъ видѣть слезы жены. Царь любилъ свою хрупкую, маленькую красавицу Царицу. Сперва позвали профессора Захарьина изъ Москвы. Знаменитый докторъ успокоилъ семью и посовѣтовалъ переѣхать въ Крымъ. Въ Спалу вызвали изъ Берлина профессора Лейдена. Нѣмецъ нашелъ здоровье Государя въ тревожномъ положеніи. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ его словъ мать и сынъ гуляли по лѣсу.

— Мама, не плачь. Прошу тебя. Не теряй мужества и вѣры. Доктора не вылѣчатъ, Господь вылѣчитъ. Богъ дастъ, болѣзнь пройдетъ и папа снова оправится, станетъ богатыремъ, какъ и раньше. Ты увидишь...

Мать улыбнулась сквозь слезы. Она поняла, что сынъ недалекъ отъ того, чтобы также расплакаться. Это было ей пріятно. Это пало на ея сердце, какъ утѣшительный бальзамъ. Это было необъяснимо, но она почувствовала мгновенно душевное облегченіе.

— Дай Богъ, дай Богъ, мой мальчикъ. Только бы папа слѣдовалъ совѣтамъ врачей... Я не могу понять, откуда пришла эта странная болѣзнь. Говорятъ, что это могло отразиться крушеніе въ Боркахъ, когда папа, спасая насъ, проявилъ огромную силу. Но съ тѣхъ поръ прошло шесть лѣтъ и никогда папа не жаловался на недомоганіе. Он велъ нормальный образъ жизни. Одно только, — папа много, чрезмѣрно много, умственно работалъ и, какъ говоритъ Лейденъ, онъ переутомился и надорвался, но вѣдь это, я думаю, не смертельно. Не правда ли, Ники? Отдохнетъ и поправится. Молись за твоего отца...

— О, мама, я всегда молюсь за васъ. И опять буду молиться.

Я еще вотъ что хочу сказать и спросить. Меня иногда смущаютъ нѣкоторыя мысли, которыхъ я не могу систематически продумать до конца и не въ состоянiи связно изложить тебѣ. Онѣ порождаютъ въ душѣ моей неопредѣленность, смутность, страхъ... Ты вотъ говоришь: откуда пришла болѣзнь. И не знаешь. Я спрашиваю, откуда и почему появляются несчастья? Братъ Георгiй былъ жизнерадостный юноша, но произошло паденiе, котораго онъ не хотѣлъ, котораго никто не предвидѣлъ, и вотъ, — онъ боленъ туберкулезомъ. Аликсъ была веселая, красивая, умная, хотѣла жить, готовилась стать матерью, но произошелъ трагическiй случай и она умерла. То же произошло съ рядомъ другихъ лицъ. Не находимся ли мы во власти загадочной, намъ невѣдомой, силы, которая распоряжается нашей судьбой? Не предопредѣляетъ ли наше будущее таинственный Рокъ, въ который вѣрили древнiе народы?.. А Церковь говоритъ: "волосъ единый не упадетъ съ головы безъ воли Божiей". Но вѣдь Богъ милосердный, а не жестокiй... Какъ же примирить съ этимъ происходящiя несчастья, горе и страданiе? Богъ не можетъ творить зла. Кто же его творитъ? Дьяволъ?!... Значитъ, мы не только подъ Богомъ ходимъ, но и дьяволъ распоряжается...

— Чему же ты удивляешься, Ники. Да, конечно, въ мiрѣ дѣйствуютъ двѣ силы: свѣтлая и добрая — Богъ; темная и злая — дьяволъ. Это совершенно согласно съ нашимъ христiанскимъ ученiемъ. Вспомни, какъ дьяволъ возводилъ Христа въ пустынѣ на высокую гору, показывалъ царства мiра и сулилъ отдать ихъ Ему за поклонъ. За одинъ только поклонъ... Вспомни, какъ Христосъ изгонялъ бѣсовъ, мучившихъ людей. Да и въ самомъ человѣкѣ иногда дѣйствуютъ два естества: одно влечетъ на соблазны, къ грѣху, другое возвышаетъ къ небу. Надо это не только произносить, но и повѣрить въ это...

— И все-таки, мама, трудно переносить испытанiя, не роптать, когда тяжко болитъ душа. Если все случайно, непрочно, шатко, безъ фундамента, тогда всѣ наши упованiя, надежды, только миражъ, мечта, погоня за грезой. Я читалъ на-дняхъ персидскаго поэта Кайяма. Вѣроятно, онъ въ жизни много страдалъ, потому что такимъ страшнымъ пессимизмомъ звучатъ его слова, сказанныя за много тысячелѣтiй. Въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ: "Я пришелъ въ этотъ мiръ, совершенно не зная зачѣмъ и откуда, подобно водѣ, подчиняясь необходимости и удаляясь изъ него, подобно вѣтру, который мчится черезъ пустыню неизвѣстно куда"...

— Мой сынъ, въ жизни все бываетъ — и радость и горе. Въ подавленномъ, удрученномъ состоянiи человѣкъ способенъ горько плакаться и сѣтовать на судьбу. При удачѣ, — онъ ликуетъ. Вотъ мое мнѣнiе: радость принимай, какъ милость; горе — какъ наказанiе, или испытанiе. Страдая молись. Мы каждый день по-

вторяемъ: "Да будетъ воля Твоя". Надо, чтобы эти слова произносили не только уста, но чтобы ихъ произносило и наше сердце.

— Какая ты хорошая, мама. Какъ я тебя люблю... — И столько теплоты, ласки и нѣжности послышалось въ его голосѣ. — Вотъ такая, какъ ты, будетъ и Аликсъ. Сегодня у меня цѣлый день происходила борьба между чувствомъ долга и страшнымъ желаніемъ полетѣть въ Вольфсгартенъ къ милой Аликсъ. Первое чувство восторжествовало. Мое мѣсто здѣсь. Я не могу помочь папа, но я долженъ и я готовъ дѣлить съ тобою горе. И когда я принялъ это рѣшеніе, мнѣ стало легко. Мнѣ только кажется, что будь Аликсъ съ нами, мы бы легче переносили наше горе...

* *
*

Душевныя страданія, нравственное напряженіе и томленіе, которыя семья переживала въ Спалѣ, продолжались и послѣ переѣзда въ Крымъ. Тревога, какъ приливъ и отливъ, то поднималась, то ослабѣвала, смотря по тому, какъ чувствовалъ себя Императоръ. Лѣченіе, прописанное профессорами, не остановило болѣзни. День за днемъ незамѣтно слабѣли физическія силы. Богатырскій организмъ безуспѣшно боролся съ страшнымъ недугомъ. Всей силой своей огромной воли Царь пытался преодолѣть болѣзнь. Въ первые дни по пріѣздѣ въ Ливадію, онъ совершалъ прогулки пѣшкомъ и въ экипажѣ; скоро долженъ былъ прекратить выѣзды, но каждый день вставалъ и сидѣлъ въ креслѣ, потомъ и это кончилось: онъ слегъ, чтобы больше не встать.

Дни и ночи Государыня проводила около больного мужа. Старалась скрыть свое волненіе и свои муки; боялась дурно повліять на его настроеніе. Можно было удивляться, какъ хватало у этой хрупкой, слабой на видъ женщины, столько нравственныхъ силъ, чтобы преодолѣть крайнюю усталость и изнеможеніе. Ея выдержка и самообладаніе были великолѣпны. Ни одной слезы она не проронила въ присутствіи мужа. Она улыбалась, она ободряла его, вела такіе разговоры, которые успокаивали больного, старалась показать, что болѣзнь совсѣмъ несерьезна, надо только слѣдовать указаніямъ врачей.

Николай Александровичъ страдалъ по своему. Когда отцу становилось хуже, онъ падалъ духомъ, приходилъ въ отчаяніе и скорбѣлъ невыносимо. Быть въ такомъ состояніи долго онъ не могъ. Чтобы оторваться отъ этой мучительной атмосферы, чтобы размыкать горе, онъ уѣзжалъ въ горы, или спускался по обрывамъ къ морю. Ему казалось, что во время его отсутствія непремѣнно произойдетъ облегченіе въ болѣзни отца и онъ опять будетъ счастливъ. Когда же Императоръ чувствовалъ себя лучше, Николай Александровичъ по-дѣтски радовался и забавлялся,

какъ юноша, весело и беззаботно. Въ возможность смерти отца онъ совсѣмъ не вѣрилъ и самую мысль объ этомъ онъ гналъ прочь.

Каждый день Николай Александровичъ дѣлалъ записи въ дневникъ. Въ интимныхъ, простодушныхъ, порой даже наивныхъ, коротенькихъ записяхъ, онъ отмѣчалъ то, что, по его мнѣнію, было достойно вниманія. Онъ былъ весь тутъ на-лицо: сердечный, мечтательный, добродушно-жизнерадостный, простой и обыкновенный, какъ самый обыкновенный человѣкъ. Въ этихъ записяхъ нерѣдко проскальзывалъ веселый насмѣшливый юморъ. Каждый день мечталъ о счастьѣ, о своей "ненаглядной душкѣ Аликсъ" и о томъ, что вотъ-вотъ на землѣ установится такое положеніе, когда всѣ люди вдругъ станутъ счастливыми и исчезнетъ горе съ земли.

"Въ два часа поѣхали верхомъ въ Айтодоръ, куда папа и мама пріѣхали раньше. Смѣшно было осматривать апартаменты Ксеніи въ новомъ домѣ, въ которомъ она, какъ хозяйка, принимала насъ и поила чаемъ. Она и Сандро выглядятъ такими счастливыми, что большаго и желать нельзя. Душа радуется, глядя на нихъ обоихъ. Но при видѣ ихъ счастья, невольно думаешь о своемъ, о томъ, напримѣръ, что могло бы быть, если бы я тоже женился лѣтомъ (25 сентября).

"Утромъ послѣ кофе, вмѣсто прогулки, дрались съ Ники каштанами, сначала передъ домомъ, а кончили на крышѣ. Въ 2 часа отправились верхомъ къ водопаду; влѣзали выше второй площадки. Опоздали къ чаю"...

"Невеселый день. Дорогой папа почувствовалъ себя настолько слабымъ, что самъ захотѣлъ лечь въ постель. Это случилось послѣ грустнаго, томительнаго завтрака... Уѣхалъ, скрѣпя сердце, верхомъ по дорогѣ въ Учансу и затѣмъ черезъ Алупку и Ялту вернулся домой"... (4 октября).

"Папа и мама позволили мнѣ выписать мою дорогую Аликсъ изъ Дармштадта. Ее привезутъ Элла и дядя Сергѣй. Я несказанно былъ тронутъ ихъ любовью и желаніемъ видѣть ее. Какое счастье снова такъ неожиданно встрѣтиться, — грустно только, что при такихъ обстоятельствахъ" (5 октября).

"Послѣ завтрака поѣхалъ верхомъ въ Оріанду. Видъ на пляжъ, гдѣ прибой былъ громадный, — рѣдкостный... Получилъ чудную телеграмму отъ милой, дорогой Аликсъ уже изъ Россіи о томъ, что она желала бы миропомазаться по пріѣздѣ. Это меня тронуло и поразило до того, что я ничего долго не могъ сообразить"...

Десятаго октября принцесса Алиса пріѣхала въ Ливадію. День встрѣчи опять былъ днемъ величайшаго счастья. Николай Александровичъ не боялся упрековъ въ томъ, что онъ жениховался въ то время, когда отецъ находился въ такомъ тяжкомъ со-

стояніи болѣзни. На замѣчаніе матери: "Не лучше ли повременить, Ники?", онъ съ жаромъ отвѣтилъ: "Мама, какое же тутъ жениховство. Аликсъ почти членъ нашей семьи.Она самый близкій намъ человѣкъ. Я считаю, — ея мѣсто здѣсь, у изголовья нашего дорогого папа. Мы будемъ съ ней вмѣстѣ молиться за его скорое выздоровленіе".

Любовь — огромная двигающая сила. Можетъ быть, иногда она бываетъ слѣпой, не терпитъ "ума холодныхъ разсужденій", порой толкаетъ человѣка даже на преступленія, но во имя ея часто совершаются дѣла величайшаго самопожертвовавнія, самоотреченіе, и движимый ею, человѣкъ способенъ преодолѣть всѣ препятствія. Въ основѣ своей — она сила радостная, свѣтлая, дѣйственная и животворящая. Только тотъ, кто любилъ въ молодости, любилъ любовью, а не страстью разбуженной крови, тотъ пойметъ, какое сладкое, чистое сердечное томленіе пережили Аликсъ и Ники, ожидая встрѣчи.

"Проснулся съ чуднымъ жаркимъ утромъ. Въ девять съ половиною отправился съ дядей Сергѣемъ въ Алушту, куда пріѣхали въ часъ дня. Десять минутъ спустя изъ Симферополя пріѣхала моя ненаглядная Аликсъ съ Эллой. Сѣли завтракать въ домѣ отставного генерала Голубова. Послѣ завтрака сѣлъ съ Аликсъ въ коляску и вдвоемъ поѣхали въ Ливадію. Боже мой, какая радость встрѣтиться съ ней на родинѣ и имѣть близко отъ себя. Половина заботъ и скорби, какъ будто спало съ плечъ. На каждой станціи татары встрѣчали съ хлѣбомъ-солью. Вся коляска была запружена цвѣтами и виноградомъ"...

Они ѣхали тѣсно прижавшись. Онъ обнималъ ея горячее тѣло, говорилъ нѣжныя слова о любви, о томъ, какъ онъ тосковалъ и томился въ разлукѣ, какъ постоянно мечталъ о встрѣчѣ и какъ онъ радъ нынѣ быть съ ней вмѣстѣ. Она смотрѣла на него сіяющимъ, радостнымъ взоромъ. Она свѣтилась счастьемъ, нѣжно ласкала его и цѣловала стыдливо, боясь, что кучеръ замѣтитъ ея поцѣлуи. Она шептала ему:

— Ты мой прекрасный господинъ и я твоя добровольная рабыня. Любящая, преданная, вѣрная рабыня, готовая, не задумываясь, отдать за тебя жизнь. Быть твоей — для меня невыразимое блаженство. Я испытываю чувства, которыхъ нельзя описать. Въ разлукѣ, — я была постоянно съ тобой; я чувствовала тебя, мой возлюбленный лаусбубъ, и днемъ и ночью; я знаю и вѣрю, что для истинной любви не существуетъ разстояній...

Коляска катила по гладкому шоссе среди роскошной природы благодатнаго Крыма. Вездѣ зелень, вездѣ цвѣты и тѣнистыя аллеи. Слѣва часто открывался синій, безкрайній просторъ моря, справа — заоблачная высь темныхъ горъ. И надъ всѣмъ бездонная, ровная синь неба и радостное ликующее солнце.

— Милая моя, разлюбезная, душечка Аликсъ, я былъ такъ

растроганъ твоимъ желаніемъ миропомазаться по пріѣздѣ, что буквально впалъ въ остолбененіе отъ радости. Мнѣ было такъ пріятно, что ты первымъ актомъ по вступленіи на русскую землю, которая станетъ твоей второй и единственной родиной, ты пожелала пріобщиться къ нашей святой православной вѣрѣ.

— Мой, милый Ники, это и не могло быть иначе. Твоя родина — отнынѣ моя родина. Твоя вѣра — моя вѣра; твой народъ — мой народъ. Женщина, выходя замужъ теряетъ свою отцовскую фамилію, свое подданство и сливается съ мужемъ, съ его семьей, съ его народомъ, съ его жизнью. Съ переѣздомъ русской границы, для меня легла грань не территоріальная, но грань духовная. Сзади осталась моя прошлая жизнь, когда я была нѣмкой по рожденію и англичанкой по воспитанію. Впереди новая жизнь, въ которой я буду только русская.

Они проѣзжали татарскую деревню. Толпы народа въ красочныхъ пестрыхъ одеждахъ привѣтствовали ихъ. На площади, у мечети, почтенный, важный, спокойно-величавый татаринъ, бѣлый, какъ лунь, поднесъ имъ хлѣбъ-соль, вино, фрукты и виноградъ, а старуха-татарка — цвѣты.

— Да благословитъ васъ Аллахъ, — сказалъ старикъ. — Хорошо быть молодымъ; ахъ, какъ хорошо. Когда-то и я былъ молодымъ и я любилъ и у меня была красивая жена. А ты еще лучше. Ты, какъ звѣзда красивая, — обратился онъ, по-дѣтски, радостно улыбаясь, къ принцессѣ. — Любишь. Вижу, что любишь. И ты его будешь любить всегда. У насъ тутъ поютъ старую пѣсню: “Любовь безъ горя, любовь безъ слезъ, что сине море безъ серебристаго прибоя”.. Тоже и роза безъ шиповъ не бываетъ, но какъ она душиста и прекрасна. Горе проходитъ, слезы высыхаютъ, а любовь живетъ; она безсмертна. Такъ пожелалъ Аллахъ. Да будетъ благословенно его великое имя...

Этотъ старый татаринъ, съ улыбкой ребенка на загорѣломъ лицѣ, съ живыми, мудрыми глазами и съ бѣлыми крѣпкими зубами, очаровалъ молодую пару. Николай Александровичъ былъ въ восхищеніи. Ему понравилась простота, добродушно-отеческій тонъ и вся рѣчь татарскаго патріарха. А когда любовь и радость поютъ чудесную пѣсню и сердце готово выпрыгнуть изъ груди, — трудно ли не прослезиться. На глазахъ Наслѣдника Россійскаго престола показались слезы. Онъ обнялъ и расцѣловалъ старика. Это былъ красивый жестъ, стоившій больше многихъ умныхъ пропагандныхъ рѣчей. Раздался восторженный гомонъ.

“Одинъ Алла на небѣ, одинъ Алла для всѣхъ. И ты одинъ. Пусть будетъ тебѣ хорошо”...

— Аликсъ, это честный, преданный и вѣрный престолу народъ, — сказалъ Николай Александровичъ, когда коляска катила дальше. — Это самый замѣчательный край на землѣ. Исторія его овѣяна сказочными легендами. На протяженіи тысячелѣтій мѣ-

нялись тутъ обитатели. Античная Грецiя, блестящiй Римъ, Венецiя и Генуя оставили здѣсь слѣды. Тутъ возникали и падали царства. Тутъ прошла самая красочная исторiя. Степи Тавриды — это колыбель скифовъ, сарматовъ, хозаръ, печенѣговъ, половцевъ и послѣднихъ хозяевъ его нагайскихъ татаръ. Уже в IX вѣкѣ Россiя занимала этотъ чудный край. Въ Херсонесѣ, гдѣ нынѣ только развалины, равноапостольный князь Владимiръ святой крестился.

На одной изъ полянъ, гдѣ море близко подходило къ дорогѣ, они остановились, вышли изъ экипажа и сѣли въ тѣни огромнаго дерева, на горячую траву. Передъ ними разстилалась даль моря, надъ нами простирался голубой океанъ неба, по сторонамъ вдали высились серебристые утесы, въ молчаливомъ спокойствiи стояли огромныя сосны и доносился снизу шумъ прибоя.

— Ты знаешь, чего бы я хотѣла сейчасъ? — сказала принцесса. — Положи свою голову ко мнѣ на колѣни, сдѣлай видъ, что ты дремлешь, я буду тебѣ пѣть пѣсню о любви, буду ласкать твои волосы и буду думать, что я не на землѣ, а въ какомъ то чудномъ мѣстѣ, которое люди называютъ раемъ. Большаго блаженства человѣкъ не можетъ получить.

Съ дѣтскимъ почти восхищенiемъ и восторгомъ онъ исполнилъ ея желанiе, положилъ свою голову къ ней на колѣни и закрылъ глаза. Она ласково шевелила его волосы и тихонько напѣвала:

May love and peace, and blessings end
Wreath all your path like flowers, oh my friend,
And if a thorn should touch you where they grow,
Believe, indeed, I would not have it so.

что обозначало по-русски:

Пусть миръ и любовь, и благословенiя безъ конца
Усѣютъ твой путь, о, мой другъ, межъ цвѣтовъ.
И если шипъ цвѣтка тебя уколетъ,
Повѣрь мнѣ, я не желала того.

— Какъ тутъ красиво, мой дорогой Ники. Я хотѣла бы частицу безцѣнную нашего счастья отложить на будущее, чтобы у насъ никогда оно не переводилось. Развѣ этого нельзя сдѣлать?

Въ Ливадiи молодымъ устроили торжественную встрѣчу. У дворца стояли стрѣлки Его Величества въ почетномъ караулѣ. Самъ Императоръ, превозмогая болѣзнь и слабость, всталъ съ постели и приказалъ одѣть себя въ мундиръ. Прiемъ произошелъ въ парадномъ залѣ. Женихъ и невѣста чувствовали себя не очень храбро; они оба были застѣнчивы и мужество ихъ оставило.

"Мною овладѣло страшное волненіе, когда мы вошли къ родителямъ", сознался Николай Александровичъ, записывая въ дневникъ обстоятельства пріѣзда.

Послѣ недолгихъ разговоровъ и разспросовъ, чтобы не утомлять сильно больного, сразу же прошли въ домовую церковь, гдѣ отецъ Іоаннъ Кронштадтскій отслужилъ краткій благодарственный молебенъ. Принцесса Алиса пріѣхала въ Россію, чтобы стать Александрой Феодоровной — Императрицей Всероссійской.

* *
*

Утромъ 17-го октября Александръ III, Самодержецъ Всероссійскій, причастился Святыхъ Тайнъ. Этотъ человѣкъ недаромъ возглавлялъ Россію. Онъ былъ настоящій русскій православный Царь со всѣми духовными чертами, присущими его народу. Чувствуя приближеніе смерти, онъ спокойно приготовился къ ней: исповѣдался, причастился, всѣмъ простилъ и у всѣхъ попросилъ прощенія. Днемъ долго слушалъ отца Іоанна. Священникъ говорилъ отрывисто, властно и убѣжденно. Говорилъ о вѣчности, о загробной жизни, о безсмертной душѣ человѣческой. Жизнь — мигъ, вѣчность за гробомъ. Надо только перебороть въ себѣ земное притяженіе.

Вечеромъ 18-го октября Императоръ позвалъ къ себѣ сына. Ночью онъ не спалъ: утромъ почувствовалъ очень худо; всѣхъ вызвали наверхъ въ его комнату; къ обѣду боль успокоилась. До этого Ники былъ какъ-то въ сторонѣ. Его какъ будто отодвинули отъ больного. Дяди, тетки, министры, господа изъ свиты и пять докторовъ заслоняли отца отъ сына. Они совѣщались, рѣшали, спорили и никто никогда не обратился къ сыну, хотя онъ былъ наслѣдникъ Престола. Это сразу замѣтила Аликсъ и сразу же ему рѣшительно сказала:

— Дорогой мальчикъ, будь стойкимъ и прикажи доктору Лейдену и Груббе приходить къ тебѣ ежедневно и сообщать тебѣ въ какомъ состояніи они находятъ папа. Пусть они говорятъ тебѣ всѣ подробности относительно того, что они находятъ нужнымъ для него сдѣлать. Такимъ образомъ, ты обо всемъ всегда будешь знать первымъ. Только тогда ты сможешь убѣдить папа дѣлать то, что нужно. И если доктору что-либо необходимо, пусть приходитъ къ тебѣ. Не позволяй другимъ быть первыми и обходить тебя. Ты любимый сынъ отца, и тебя должны спрашивать и тебѣ говорить обо всемъ. Выяви свою личную волю и не позволяй другимъ забывать, кто ты.

Александръ III сидѣлъ въ глубокомъ кожаномъ креслѣ, огромный, исхудалый, ослабѣвшій, съ отросшей бородой, въ которой сверкали серебряныя нити. На осунувшемся лицѣ рѣзко

выдѣлялись чернотой скулы, складки кожи и глубоко запавшіе глаза. Блѣдныя, худыя руки безсильно лежали на боковыхъ стѣнкахъ кресла. Въ комнатѣ былъ полусвѣтъ и отъ этого приглушеннаго огня рѣзче и сильнѣе было впечатлѣніе отъ умирающаго и отъ всей обстановки, окружающей эту близкую смерть.

Николай Александровичъ сѣлъ напротивъ отца. Сердце у него стучало и прыгало. Онъ былъ угнетенъ, прибитъ, подавленъ. Онъ еще не зналъ, о чемъ будетъ говорить съ нимъ отецъ, но чувствовалъ душевный трепетъ и тотъ разлившійся, дрожащій внутренній холодъ, который томитъ и грозитъ человѣку предчувствіемъ бѣдъ. Впервые, у него какъ бы раскрылись глаза и онъ увидѣлъ отца въ страшномъ предсмертномъ состояніи и понялъ, что тутъ, незримо гдѣ-то, у порога, стоитъ ангелъ смерти. Въ комнатѣ вмѣстѣ съ нимъ была только одна мать.

Николай, я скоро умру и потому хочу поговорить съ тобою, — началъ отецъ. Онъ не назвалъ, какъ всегда, "Ники", но Николай, какъ будто хотѣлъ этимъ подчеркнуть важность разговора и то, что Ники скоро станетъ Николаемъ II-мъ. — Вѣроятно, это будетъ наша послѣдняя бесѣда. Моя сдача и твой пріемъ. На часахъ Россіи, у русскаго знамени, станешь ты. Тебѣ предстоитъ взять съ плечъ моихъ тяжелый грузъ государственной власти и нести его до могилы, такъ же, какъ несъ его я и какъ несли наши предки.

— Папа, дорогой папа, ты долженъ жить, — сказалъ Николай Александровичъ и захлебнулся. Въ груди сперло, захватило дыханіе. Онъ припалъ къ отцовской рукѣ и поцѣловалъ ее рыдая.

— Ники, жизнь наша въ волѣ Божіей. Это отъ насъ не зависитъ. Совѣсть моя передъ Богомъ и передъ моимъ народомъ чиста. Я могу отойти спокойно. Я дѣлалъ то, что, по моему разумѣнію, могло принести пользу Россіи. Можетъ быть, были недовольные моимъ правленіемъ, но они принадлежатъ къ особому сорту людей, у которыхъ утрачено національное чувство.

Я передаю тебѣ царство, Богомъ мнѣ врученное. Я принялъ его тринадцать лѣтъ назадъ отъ истекавшаго кровью отца... Твой дѣдъ, съ высоты трона, далъ русскому народу гражданскія и политическія права: онъ освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; ввелъ новый, свободный, скорый и правый судъ; далъ новый порядокъ жизни. Кромѣ того, онъ освободилъ отъ турецкаго ига славянскіе народы. Въ награду за все это онъ получилъ отъ русскихъ революціонеровъ бомбу и смерть...

Въ тотъ трагическій день передо мною всталъ вопросъ: какой дорогой идти? По той ли, на которую толкало такъ называемое "передовое общество", зараженное либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывало мнѣ мое собственное

убѣжденіе, мой высшій, священный долгъ Государя и моя совѣсть. Я избралъ мой путь. Либералы окрестили его реакціоннымъ...

Наши устремленія были разныя. Ихъ влекли политическія завоеванія, съ парламентской трибуной, съ борьбой партій и съ той лукавой, порочной и лживой говорильней, на которыхъ построена демократическая система правленія. Я отвергъ политику во имя другихъ цѣнностей — духовныхъ и матеріальныхъ. Я считалъ, что счастье человѣка заключается не въ томъ, что онъ будетъ обладать правомъ, въ какой-то моментъ, выбирать въ парламентъ нѣкоторыхъ шумливыхъ, нахальныхъ политическихъ честолюбцевъ, а въ томъ, чтобы онъ былъ богатъ, сытъ, одѣтъ и благоустроенъ.

Меня интересовало только благо моего народа и величіе Россіи. Я стремился дать внутренній и внѣшній миръ, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крѣпнуть, богатѣть и благоденствовать. Но либеральные демагоги пытались и пытаются опорочить установленную мною систему. Они утверждаютъ, что только они могутъ дать свободу и счастье народу. Эти господа проявляютъ сектантскую нетерпимость и тупость, не желая понять, что русскій царь не есть деспотъ и тиранъ...

Государь замолчалъ. Ему трудно было говорить. Тяжелое, неровное дыханіе прерывалось частымъ мучительнымъ кашлемъ. Отдохнувъ немного, онъ продолжалъ:

— Политическіе умники кричатъ, что мы самая отсталая нація, что самодержавный строй есть анахронизмъ, что мы не шагаемъ въ ногу съ вѣкомъ и задерживаемъ ростъ страны. Эти господа не знаютъ Россіи, не знаютъ жизни, не знаютъ исторіи. Самодержавіе создало историческую индивидуальность Россіи. Сила Россіи въ единеніи Царя съ народомъ, вся жизнь котораго слагалась съ самодержавіемъ и внѣ котораго нѣтъ русской исторіи. Рухнетъ самодержавіе, не дай Богъ, тогда съ нимъ рухнетъ и Россія. Паденіе исконной русской власти откроетъ безконечную эру смутъ и кровавыхъ междуусобицъ.

Я завѣщаю тебѣ любить все, что служитъ ко благу, чести и достоинству Россіи. Охраняй самодержавіе, памятуя при этомъ, что ты несешь отвѣтственность за судьбы твоихъ подданныхъ передъ Престоломъ Всевышняго. Заботься неустанно о мирномъ преуспѣяніи, о процвѣтаніи и благоденствіи Отечества и не щади трудовъ для блага общаго. Вѣра въ Бога и въ святость твоего царскаго долга да будетъ для тебя основой твоей жизни. Будь твердъ и мужественъ, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всѣхъ, въ этомъ нѣтъ ничего позорнаго, но слушайся только самого себя и своей совѣсти.

Жизнь сложна и разнообразна. Для государственнаго управленія огромной имперіей необходимо имѣть опредѣленные прин-

ципы, какъ вѣхи при дорогѣ. Надо твердо знать, чего ты хочешь и этому слѣдовать неуклонно...

Въ политикѣ внѣшней — держись независимой позиціи. Помни, — у Россіи нѣтъ друзей. Нашей огромности боятся и потому всѣ готовы утопить насъ въ ложкѣ воды. Не строй себѣ иллюзій, не надѣйся ни на чью дружбу. Избѣгай войнъ, щади жизнь твоихъ подданныхъ и не стремись проливать чужую кровь.

Въ политикѣ внутренней — прежде всего, покровительствуй Церкви. Она не разъ спасала Россію въ годины бѣдъ. Укрѣпляй семью, потому что она основа всякаго государства. Покровительствуй наукамъ, искусствамъ и постепенному росту просвѣщенія. Стремись, чтобы всѣ твои подданные были грамотными, но не умножай недоучекъ, которые всегда будутъ бродильнымъ началомъ революціи. Способствуй развитію творческихъ, производительныхъ и ремесленныхъ силъ для увеличенія общаго благосостоянія. Страна наша богата, въ нѣдрахъ ея неисчерпаемыя цѣнности, развивай промышленность. Меня называли дворянскимъ царемъ; ты постарайся стать царемъ крестьянскимъ. Помоги крестьянству стать зажиточнымъ и независимымъ; это самая большая національная задача; я ее не успѣлъ выполнить, постарайся сдѣлать ты. Богатый мужикъ на своей землѣ, — это самый крѣпкій консерваторъ...

Государь опять остановился отъ страшной усталости. На лицѣ его было страдальческое выраженіе; глаза лихорадочно блестѣли. Видно было, что онъ превозмогалъ себя. Онъ еще силился что-то вспомнить и что-то сказать.

— Вотъ тебѣ, Николай, мое отцовское завѣщаніе. Ты вступаешь на тяжелый путь. Это не только почести и первенство, безъ которыхъ можно легко обойтись, но также и крестъ. Для многихъ царствованіе кончилось мученической кончиной. Тебя будутъ окружать разные люди; умѣй разбираться въ нихъ. Не обольщайся льстивыми словами. Честные придутъ только по твоему зову, а лукавые лизоблюды будутъ сами кружиться. Вотъ передъ тобой мать, поклонись ей, слушайся ее и всегда въ важныхъ дѣлахъ совѣтуйся съ ней.

Николай Александровичъ опустился передъ отцомъ на колѣни. Императоръ положилъ на голову сына правую руку и произнесъ торжественно, медленно и внятно; "Благословляю тебя, мой сынъ, на служеніе Россіи и призываю на тебя Божіе благословеніе"...

* * *

На дворѣ стояла чудная, еще достаточно теплая, южная ночь. На темномъ огромномъ небѣ мерцали звѣзды. Ихъ было безко-

нечно много. Синій бархатъ былъ усѣянъ далекими огнями. Звѣзды вездѣ, — куда ни глянь, вездѣ свѣтящіяся искры — большія, маленькія, свѣтлыя, желтоватыя, фосфорическія, недвижныя, дрожащія вспыхивающія.

Почему онѣ влекутъ такъ къ себѣ взоръ? Почему человѣкъ, тонко чувствующій, глядя на небо, испытываетъ какое-то непонятное, необъяснимое очарованіе, грусть и притяженіе? Почему онъ съ такой любовью поэтизируетъ эту небесную звѣздную красоту? Ужъ не потому ли, что безсознательно чувствуетъ, вспоминаетъ что-то навсегда забытое, какую-то сказку о потерянномъ раѣ? Не оттуда ли пришелъ человѣкъ на землю, чтобы здѣсь трудиться, страдать и томиться и не потому ли онъ такъ страстно тянется къ этой вселенской безднѣ?

А на землѣ, въ окружающихъ Ливадію сонныхъ садахъ, стояла безмолвная темень, покой и тишина. Смутно чернѣли очертанія горъ и не сразу можно было понять что это: тучи, застывшія островами, или вздыбившіеся до неба массивы Яйлы. Среди деревьевъ пискали какія-то, еще не успѣвшія заснуть, птицы.

Николай Александровичъ вышелъ отъ отца совершенно потрясенный. Онъ чувствовалъ боль, отчаяніе, ужасъ. Мысли были безформенныя, тупыя, возникали и исчезали тотчасъ же. Была безсознательная тяга идти куда-то впередъ, безразлично куда, въ смутномъ желаніи убѣжать отъ самого себя, отъ этой страшной боли, которая стиснула его бѣдное сердце. Сначала шелъ по пустынной вечеромъ дорогѣ, потомъ свернулъ на тропинку, поднимался въ гору, цѣплялся за какіе-то камни, останавливался на маленькихъ площадкахъ, потомъ шелъ снова, забывъ о времени и разстояніи.

Въ груди у него что-то тяжело давило. Онъ не чувствовалъ воли къ сопротивленію. Несчастье, свалившееся на него, превосходило его моральныя силы. "Господи, Господи, да что же это такое. За что же ты насъ такъ сильно наказываешь?" — произносилъ онъ вслухъ. Въ безнадежно острые моменты отчаянія по лицу его скатывались слезы; онъ ихъ не замѣчалъ. — "Что за испытаніе! Ужасно! Одно упованіе и надежда на милосерднаго Господа; да будетъ Его святая воля"...

И чѣмъ дальше шелъ, тѣмъ больше утомлялся физически; глуше становилась боль, спокойнѣе думалъ, сознательнѣе разсуждалъ. Высоко въ горахъ онъ остановился. Внизу, по скату, какъ свѣтлячки, горѣли огни Ялты. Въ заливѣ, на рейдѣ, мигали разноцвѣтные фонари: красные, зеленые и желтые. Море покрывала тьма, чернѣли береговые утесы. Міръ видимый жилъ своей таинственной жизнью. "Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу и звѣзда съ звѣздою говоритъ"... И началъ онъ молиться невидимому и невѣдомому Богу. Въ душу, потрясенную и смятенную, вливалась тихая, усыпляющая тишина.

Вотъ донесся откуда то снизу молодой сильный, звенящій голосъ:

"Горные вершины спятъ во тьмѣ ночной"...

Ему отвѣтилъ другой женскій, мягкій и нѣжный:

"Тихія долины полны свѣжей мглой...

А потомъ, слившись вмѣстѣ, зазвенѣли красивымъ дрожащимъ аккордомъ:

Не пылитъ дорога, не дрожатъ листы,
Подожди немного, отдохнешь и ты"...

Николай Александровичъ прислушался къ пѣнію. Можетъ быть, почувствовалъ русскую стихію, великій просторъ и русскую душу. Тайнымъ путемъ пришла въ сердце надежда и отодвинула сжимающую тоску. Горятъ огни! Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ! Много ли надо человѣческому сердцу, чтобы его воспламенила искра?... Онъ страстно внималъ пѣнію. Вотъ другой голосъ поплылъ въ ночной тишинѣ:

"Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой.
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой"...

Сразу же, мгновенно, въ его умѣ возникла мысль объ Аликсъ. Онъ почувствовалъ къ ней, родной и близкой, острую жалость. Она круглая сирота, всѣмъ чужая, не ласково принятая, остается тамъ одна, въ тревогѣ, не зная, что съ нимъ, гдѣ онъ. Захотѣлось страстно приласкать ее, сказать ей самыя нѣжныя слова о своей любви, быть съ ней вмѣстѣ.

Онъ сталъ быстро спускаться съ горы. Думалъ о ней. Думалъ о томъ, что "прилѣпится человѣкъ къ женѣ своей и будетъ два въ плоть едину". Смутно мелькали мысли, которыхъ онъ не пытался разрѣшать. Жизнь сложна, загадочна и непонятна. Вотъ они встрѣтились, появилось таинственное чувство, которое принесло имъ счастье. Вотъ появилось страданіе, — почему оно? Развѣ вся семья отца не стремилась къ свѣтлому, хорошему и доброму? За что же ее посѣтили горе и бѣды? И опять передъ нимъ проплылъ пугающій вопросъ о судьбѣ...

Придя къ невѣстѣ, онъ сказалъ:

— Прости, дорогая Аликсъ. У меня была на душѣ нестерпимая боль и я хотѣлъ одинъ, самъ, разогнать ее. Я бродилъ въ горахъ, пока не заглушилъ въ себѣ гнетущей тоски. Отецъ уми-

раетъ; это для меня теперь почти очевидно. Онъ преподалъ мнѣ послѣдніе совѣты, какъ завѣщаніе. Нервы мои распустились. Я не справился съ собой...

Пока онъ говорилъ, она смотрѣла на него печальными, слегка испуганными глазами. Она хорошо понимала, что событія приняли для всѣхъ и для нея, въ частности, характеръ стремительный, къ нимъ никто не былъ подготовленъ. Она сама холодѣла отъ робости, одиночества и непривычной обстановки. Но сейчасъ дорогой для нея человѣкъ переживалъ тяжелую душевную драму; онъ нуждался въ утѣшеніи. Она собрала всю силу воли. Она укоризненно улыбнулась ему, обняла, поцѣловала и сказала:

— Не падай духомъ. Ники. Господь ведетъ тебя по своимъ путямъ. Не бойся испытаній. Гдѣ бы ты ни былъ, повсюду стоитъ надъ тобой твой ангелъ-хранитель. Гдѣ ты — тамъ твой Богъ; гдѣ Богъ — тамъ твоя поддержка. Говори мнѣ обо всемъ. Дѣлись со мной всѣми твоими переживаниями. Смотри на меня, какъ на частицу тебя самого. Пусть твои радости и печали будутъ моими. Ближе тебя — для меня нѣтъ никого на свѣтѣ...

Она снова обняла его, прижалась къ его щекѣ и, касаясь завитками душистыхъ волосъ, говорила ему:

— Ты мой единственный, любимый, мое безцѣнное сокровище. Неси твое бремя со стойкимъ терпѣніемъ и надеждой. Если сердце разрывается отъ большого горя, подними свои глаза къ небу. Богъ дастъ тебѣ силы нести твой крестъ. Богу извѣстны твои слезы и они ему пріятны...

Сколько убѣжденности, вѣры, твердости было въ ея словахъ. Она сама была прекрасна, какъ ангелъ. Можетъ быть, на землѣ не было прекраснѣе дѣвушки, чѣмъ принцесса. Недаромъ ее называли звѣздочкой и солнечнымъ лучомъ. Эти глаза, соболиныя брови, розовыя щеки съ милыми ямочками, полныя губы, свѣтящіяся мѣдью волосы, идеальная грудь, плечи и стройное тѣло, — были шедевромъ природы.

Тоска, терзавшая сердце, какъ роса подъ солнцемъ, испарилась. Радостно было думать, что эта прелестная дѣвушка есть его невѣста.

— Милая Аликсъ, ты очень хорошая женщина. Ты будешь моя безцѣнная попутчица въ жизни. Это огромное счастье имѣть тебя, какъ друга, какъ близкое, родное существо. Есть ветхозавѣтное преданіе отъ временъ Соломона. Царица Савская, вернувшись изъ Палестины, привезла пѣсенку, въ которой были такія слова: “Солнце сушитъ воду; воду побѣждаютъ горы; горы извергаютъ огонь; огонь несетъ горе; горе побѣждаетъ любовь; любовь приноситъ женщина. Женщину ничто не побѣдитъ: женщина даетъ Жизнь”... Я тебѣ признаюсь: ты моя жизнь, ты моя любимая и желанная...

* *
*

Томленіе духа, которое Великій Князь Николай Александровичъ началъ испытывать давно, въ послѣдніе дни возрасло въ огромной степени. Онъ ясно видѣлъ, какъ гасли физическія силы отца, какъ на лицѣ его уже проступала мертвенная блѣдность и синева. 18 октября, поздно вечеромъ, онъ записалъ въ свой дневникъ тревожныя строчки. Онѣ были коротки, но въ нихъ отразилась вся кроткая, мягкая и любящая душа его.

"Тяжелый, грустный день. Дорогой папа вовсе не спалъ и почувствовалъ себя худо утромъ, такъ что насъ разбудили и позвали наверхъ. Что за испытаніе... Около одиннадцати часовъ у дяди Владиміра было совѣщаніе докторовъ — ужасно..."

19-го октября Императоръ Александръ III, Самодержецъ Всероссійскій, всталъ съ кровати въ послѣдній разъ. Нѣсколько часовъ онъ просидѣлъ въ креслѣ. Это опять дало надежду, которую всѣ такъ жадно хотѣли имѣть. Къ вечеру онъ слегъ.

Послѣдній роковой день Великій Князь описалъ подробно. Кончина отца потрясла его. Онъ совершенно палъ духомъ. Плакалъ горькими, неутѣшными слезами. Порою ему казалось, что это только страшный кошмарный сонъ, что вотъ онъ проснется и все увидитъ инымъ, увидитъ отца здоровымъ, увидитъ вокругъ себя веселыя лица и не будетъ на душѣ мучительной тоски, горя и тревоги.

"Боже мой, Боже мой, что за день. Господь отозвалъ къ себѣ нашего обожаемаго, дорогого, горячо-любимаго папа. Голова кругомъ идетъ, вѣрить не хочется, — кажется до того неправдоподобной ужасная дѣйствительность. Все утро мы провели наверху, около него. Дыханіе его было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислородъ. Около половины третьяго онъ причастился Святыхъ Тайнъ. Вскорѣ начались легкія судороги... и конецъ быстро насталъ. Отецъ Іоаннъ больше часу стоялъ у изголовья и держалъ за голову. Это была смерть святого. Господи, помоги намъ въ эти тяжелые дни. Бѣдная, дорогая мама. Вечеромъ, въ девять съ четвертью — была панихида, въ той же спальнѣ. Чувствовалъ себя, какъ убитый".

Это еще не былъ монархъ, умѣющій скрывать свои слабости, душевныя страданія и волненія. Онъ былъ юношески молодъ, деликатенъ, чувствителенъ. Онъ переживалъ свое горе точно такъ же, какъ переживалъ бы его всякій человѣкъ простой и не сановный. Въ то же время онъ понялъ, а можетъ быть, только смутно почувствовалъ, что на плечи его легла огромная тяжесть власти, а вмѣстѣ съ ней и отвѣтственности за судьбы Россіи. Обнимая своего шурина, мужа сестры Ксеніи, Великаго Князя Александра Михайловича, сверстника по лѣтамъ, онъ воскликнулъ въ слезахъ:

“Сандро, что я буду дѣлать? Что будетъ съ Россіей? Я еще не подготовленъ быть Царемъ. Я не могу управлять имперіей. Я даже не знаю, какъ разговаривать съ министрами. Помоги мнѣ, Сандро”...

Въ первые дни послѣ смерти отца молодой Государь жилъ въ атмосферѣ горячки. Тысячи различныхъ неотложныхъ дѣлъ, заботъ и разговоровъ поглотили его вниманіе и время. Ему некогда было задуматься серьезно и глубоко надъ тѣмъ превращеніемъ, которое съ нимъ произошло. Записи въ дневникѣ пестрѣли короткими фразами: “Цѣлый день отвѣчалъ на телеграммы и занимался дѣлами съ послѣднимъ фельдъ-егеремъ”... “Только и дѣлалъ, что отписывался отъ тучъ телеграммъ”... “Писалъ телеграммы безъ конца”...

Смерть отца накладывала на него трауръ, печаль и скорбь. Но рядомъ съ этимъ, умиряя его сыновнія страданія, стояла свѣтлая, огромная любовь къ Аликсъ, скорое вѣнчаніе и совмѣстная жизнь. Идти одной дорогой, бокъ о бокъ, чувствовать біеніе ея сердца, дышать однимъ воздухомъ, молиться одному Богу, — представлялось ему, какъ самое дорогое, завѣтное и радостное счастье. Эта волна влекла его къ широкимъ, синимъ горизонтамъ, къ таинственнымъ прекраснымъ берегамъ. Сила жизни, — сильнѣе преградъ, сильнѣе смерти. Передъ торжествующей любовью постепенно отступало горе. Уже 21 октября Государь записалъ въ дневникъ:

“И въ глубокой печали Господь даетъ намъ тихую и свѣтлую радость. Въ 10 часовъ, въ присутствіи только семейства, моя милая, дорогая Аликсъ была миропомазана и послѣ обѣдни мы причастились вмѣстѣ съ нею, дорогой мама и Эллой. Аликсъ поразительно хорошо и внятно прочла свои отвѣты и молитвы”...

А она — “дорогая душка Аликсъ”, прекрасная, какъ распустившійся цвѣтокъ, ласкала бѣлыми тонкими руками его волосы, ласково смотрѣла на него чудными голубыми глазами и говорила ему нѣжныя слова:

— Родной мой, безцѣнный мой, не могу выразить тебѣ, какъ я люблю тебя. Быть твоею, отдать тебѣ всю мою душу и сердце, всю силу моей любви, для меня есть величайшее счастье. Это счастье наполняетъ меня восторгомъ. Я лечу, какъ птица къ небу. Есть ли что-нибудь выше и чище этой любви. Господи, за что ты мнѣ послалъ такую радость...

Трудно было думать, и не могъ думать, въ такія минуты молодой Императоръ о томъ, что кончилась его беззаботная, счастливая молодость. Кончилась невозвратная и неповторимая пора жизни. Передъ нимъ лежала невѣдомая, дальняя дорога. Онъ не зналъ, куда она приведетъ его, но вѣрилъ въ счастливую звѣзду, вѣрилъ въ то, что говорила ему умная, разсудительная, солнечно-радостная Аликсъ.

— Мой милый Ники. Ты Богомъ поставленъ на царство. Твой долгъ теперь трудиться неустанно для блага подданныхъ. Я хочу, чтобы твое царствованіе было самымъ блестящимъ, самымъ замѣчательнымъ. Я хочу, чтобы русскій народъ тебя любилъ такъ сильно, какъ я тебя люблю; чтобы онъ благословлялъ твое имя и гордился тѣмъ, что ты его Императоръ...

ТРАГЕДІЯ ЦАРЯ

ПРОШЛО ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА

Стремительно бѣгутъ годы человѣческой жизни. Бѣгутъ неустанно къ послѣдней роковой чертѣ, за которой перестаетъ биться неугомонное, жаждущее жизни сердце. "Земля и въ землю отыдеши"... Гдѣ-то, на какомъ-то кладбищѣ выраститъ могильный бугорокъ и все. Только однимъ человѣкомъ убавится... Знаемъ всѣ, что это неизбѣжно, но не можемъ примириться съ концомъ. "Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть"...

Мы страстно любимъ жизнь. Она влечетъ насъ, внушаетъ сладкія мечты и обманываетъ. Намъ постоянно кажется, что счастье наше впереди, что вотъ-вотъ мы его настигнемъ, схватимъ и цѣпко будемъ держать въ своихъ рукахъ. И мы бѣжимъ, бѣжимъ... Часто жалуемся, озлобляемся, негодуемъ, и даже проклинаемъ. А придетъ конецъ, униженно просимъ: "Смертюшка, помоги намъ донести вязанку дровъ". Мы жить хотимъ. Насъ привлекаетъ голубѣющая въ туманѣ земля и земное счастье. Намъ безумно жаль путей пройденныхъ, времени невозвратнаго. Мы готовы примириться съ горемъ, болѣзнями и старостью, лишь только бы жить, лишь только бы пить изъ чаши бытія.

"Быстры, какъ волны, дни нашей жизни,
Что часъ, то короче къ могилѣ нашъ путь.
НАЛЕЙ, НАЛЕЙ, ТОВАРИЩЪ, ЗАЗДРАВНУЮ ЧАРУ"...

Налей, чтобы упиться, чтобы въ винѣ, въ соблазнахъ и страстяхъ, человѣкъ вѣнецъ творенія, могъ урвать у жизни, хотя бы суррогатъ счастья. Манитъ человѣка сладкими переживаніями грѣховный путь, путь забвенія, самообмана, — миражъ, ласкающій сердце.

Богъ далъ человѣку трудную жизнь на землѣ. Соблазненнаго зміемъ, онъ выгналъ его изъ рая. "Ты будешь въ трудахъ и лишеніяхъ добывать хлѣбъ насущный", — сказалъ Онъ Адаму. — "Ты будешь въ болѣзняхъ рождать чада", — назначилъ Онъ Евѣ. И началъ голый человѣкъ бороться за тепло, за кусокъ хлѣба и началъ плодиться и размножаться. Намъ нѣтъ никакого дѣла до того, было ли такъ, или это только библейскій мифъ. Но мифъ продолжаетъ осуществляться въ жизни. Неустанно человѣкъ бо-

рется за мѣсто подъ солнцемъ, за свое животное благополучіе. Библія, египетскіе іероглифы, исторія позднѣйшихъ народовъ, всѣ нѣмыя скрижали краснорѣчиво говорятъ о неустанной борьбѣ, о жестокихъ, кровавыхъ дѣлахъ человѣческихъ. "И по милости Твоей истеби враговъ моихъ и погуби всѣхъ, угнетающихъ душу мою, ибо я Твой рабъ", — взывалъ къ Богу псалмопѣвецъ, царь Давидъ. — "Убей, погуби, истреби", — вотъ крикъ человѣка, его страстный вопль къ Богу или къ дьяволу.

Уже въ первомъ поколѣніи появился братоубійца Каинъ. Зависть толкнула его на злодѣяніе. Потомъ, вскорости, объявился Хамъ — мужчина духовно выхолощенный, насмѣявшійся надъ своимъ отцомъ, сдѣлавшій попытку привлечь къ этому и своихъ братьевъ и готовый осквернить насмѣшкой все святое, божественное и чистое. Напослѣдокъ пришелъ Іуда, предавшій на смерть Богочеловѣка. Зловѣщія тѣни остались отъ этихъ именъ въ памяти человѣчества. Каинъ, Хамъ и Іуда — представители смертныхъ грѣховъ на землѣ, какъ мифическій вѣчный жидъ, продолжаютъ жить среди народовъ, размножаясь и безсчетное количество разъ повторяясь.

Евангеліе повѣтствуетъ, какъ Богъ посѣялъ пшеницу, а ночью пришелъ дьяволъ и тайкомъ разбросалъ на полѣ сѣмена плеveловъ. Выросла пшеница и выросли плевелы. Все перемѣшалось. Сорныя травы были крѣпче, упорнѣе, грубѣе, съ цѣпкими корнями и начали они заглушать пшеницу. Если бы они могли говорить, мы бы услышали: "Это поле для насъ; только мы имѣемъ право владѣть имъ. Пшеница нѣженка, аристократъ, она требуетъ за собой ухода, заботъ, мягкой постели, теплыхъ дождей; право за нами, — насъ больше"... Эта символическая притча о пшеницѣ и плевелахъ подразумѣваетъ духовно-нравственную борьбу въ человѣкѣ за его душу и сердце, но она также символична и по отношенію къ борьбѣ общественной, государственной и классовой.

Борьба дьявола съ Богомъ началась по Библіи съ соблазна Адама и Евы. Дьяволъ внушилъ имъ лукавыя мысли: "Не вѣрьте Богу. Онъ запретилъ вамъ вкушать плоды съ древа "познанія добра и зла" только потому, что, вкусивъ этихъ плодовъ, вы будете сами, какъ боги; вы будете знать, что есть добро и что есть зло"... Какъ было легко соблазнить довѣрчивыхъ, еще не знавшихъ грѣха людей. Вкуси... и все будешь знать. Вкусили и пали. Совершивъ грѣхопаденіе, устыдились наготы и прикрыли свой стыдъ фиговыми листьями. Спрятались, какъ напроказившія дѣти. А когда позвали къ отвѣту, сваливали съ себя вину и оговаривали другихъ". "Жена, которую Ты мнѣ далъ, она сорвала яблоко и я ѣлъ". — "А меня соблазнилъ змѣй; я тоже не виновата", оправдывалась Ева.

Дьяволъ былъ настойчивъ въ своихъ домогательствахъ. Съ

упорствомъ и изобрѣтательностью онъ умножалъ соблазны и одѣвалъ ихъ въ красивыя одежды. Онъ разжигалъ грѣховныя начала плоти и дѣлалъ человѣка рабомъ страстей. Онъ шепталъ ему: "Не вѣрь въ небесное царство; никто тамъ еще не былъ и оттуда не возвращался. Умрешь и кончено. Лови каждый моментъ твоего бытія, потому что онъ безвозвратенъ и неповторимъ. Рай только здѣсь, на землѣ. Вкушай отъ сладкаго древа жизни".

Такъ, отъ далекихъ временъ, отъ Моисея съ его скрижалями завѣта (не сотвори себѣ кумира, не укради, не убій, не прелюбодѣйствуй, не пожелай жены ближняго твоего, ни раба его, ни осла его...), отъ временъ Христа и до нашихъ дней идетъ неустанная борьба въ человѣчествѣ между началомъ божескимъ и дьявольскимъ, между тѣснымъ путемъ къ небу и широкимъ — къ соблазнамъ и порокамъ. Люди ожесточенно борются за блага земныя, за власть и силу, за господство надъ другимъ человѣкомъ. "Златой тѣлецъ" съ библейскихъ временъ игралъ для многихъ роль кумира. Дьявольское было милѣе и сладостнѣе человѣку, чѣмъ трудное, суровое воздержаніе и скудость во имя непостижимаго, величественнаго неба. Между подвижниками и дѣльцами лежала пропасть. На одной сторонѣ было смиреніе, цѣломудріе, терпѣніе и любовь, на другой гордое самомнѣніе, жажда славы и земныхъ утѣхъ. Только смерть неумолимо говорила: "все тлѣнъ, химера и суета суетъ"...

Шли вѣка. Возникали и исчезали царства, мѣнялись режимы, умирали народы. Одинъ строй управленія смѣнялъ другой строй. Лилась потоками кровь во внѣшнихъ завоевательныхъ войнахъ и въ политической и въ классовой борьбѣ. Царствовала жестокость, дикость, насиліе. Вчерашніе господа становились сегодня гонимыми, объектомъ истребленія. Средніе вѣка считались самыми темными въ исторіи Европы. Ихъ смѣнила эпоха "Возрожденія". Зародились идеи гумманизма, — попытка подмѣнить христіанскія заповѣди о любви къ ближнему идеалами гражданскими. Пожелали устроить рай на землѣ безъ Бога.

Въ 1789 году вспыхнула во Франціи великая революція. Народъ возсталъ противъ феодальнаго строя. Вожаки провозгласили увлекательные лозунги: «Liberté, Egalité, Fraternité». Эти слова украсили фронтоны всѣхъ общественныхъ зданій. Во имя ихъ рубили безъ счета головы. Родовая знать была разгромлена и сошла съ политической и общественной арены. Остатки ея замкнулись въ своей средѣ. Къ власти пришли новые люди, вышедшіе изъ народныхъ низовъ. Они начали строить новую жизнь.

Но что измѣнилось въ основномъ существѣ черезъ сто пятьдесятъ лѣтъ? Что произросло на землѣ обильно политой человѣческой кровью? Вернулся ли и возстановился ли потерянный

рай? Всѣ ли стали богатыми, умными и просвѣщенными? Наступила ли благодѣтельная пора всеобщаго довольства? Исчезла ли навсегда ненависть, зависть и злоба? Оправдала ли жизнь идею, — добиться счастья и справедливости путемъ насилія?

Пойдите во Францію, въ Парижъ — городъ-свѣточъ, пойдите по всѣмъ городамъ Европы и посмотрите сами, чтобы отвѣтить на эти вопросы и лично убѣдиться: "стоила ли игра свѣчъ" и облегчила ли революція матеріальныя тяготы людей? Каждое утро и вечеръ рабочій, отерханный, бѣдно одѣтый, тощій и злой, рулитъ на запыленномъ, грязномъ велосипедѣ съ работы и на работу. За плечами у него виситъ замызганная сумчонка съ бутылкой краснаго пинара. Онъ ненавидитъ трудъ и ненавидитъ богатыхъ. Онъ прибитъ нуждой и онъ страстно мечтаетъ завладѣть для себя буржуйскимъ добромъ. Онъ дико озлобленъ и путь грабежа, насилія и мести считаетъ единственнымъ средствомъ измѣнить свое положеніе. Осталось все почти такъ, какъ было.

Кто же выигралъ? Рабочій пролетаріатъ слѣпо идетъ за коноводами. Эти "защитники рабочаго класса", эти "идеалисты" съ широкой глоткой и съ ловко привязаннымъ языкомъ, знаютъ, что дѣлаютъ и во имя чего дѣлаютъ. Для нихъ соціальная борьба — есть средство къ жизни. Они ловко администрируютъ въ синдикатахъ, засѣдаютъ въ бюро и изъ самыхъ послѣднихъ низовъ поднимаются до парламентскихъ креселъ. Имъ не нужны научныя знанія, житейскій опытъ и практическія способности. Надо только умѣть увлекать толпу, надо сулить ей блага земныя и разжигать страсти. Эти честолюбивые божки изъ плебса умѣютъ обрабатывать массу. За ея счетъ они живутъ богатой, привольной и жирной жизнью.

Революція, какъ большой пожаръ, разбросала искры по свѣту. Идеи ея сказались вездѣ. XIX вѣкъ былъ временемъ расцвѣта революціонныхъ движеній. Почти во всѣхъ государствахъ происходили вспышки бунта. То, что происходило въ Европѣ, не могло не отразиться въ Россіи. Европа не знала Россію и ненавидѣла ее. Она готова была идти крестовымъ походомъ для "освобожденія народовъ Россіи отъ царской деспотіи". Европа любовно выращивала революціонныя бациллы и прививала ихъ на русской землѣ.

12-го апрѣля 1848 г. Ѳ. И. Тютчевъ въ статьѣ "Россія и революція" написалъ пророческія мысли:

"...Давно уже въ Европѣ существуютъ только двѣ дѣйствительныя силы — революція и Россія. Эти двѣ силы теперь противопоставлены одна другой, и, быть можетъ, завтра онѣ вступятъ въ борьбу. Между ними никакіе переговоры, никакіе трактаты невозможны; существованіе одной изъ нихъ равносильно смерти другой. Отъ исхода борьбы, возникшей между ними, величайшей

борьбы, какой когда-либо міръ былъ свидѣтелемъ, зависитъ на многіе вѣка вся политическая и религіозная будущность человѣчества"... "Революція прежде всего — врагъ христіанства. Антихристіанскія настроенія есть душа революціи"...

Россія жила своимъ укладомъ, непохожимъ на западныя формы государственной жизни. У нея была своя душа, таинственная для иностранцевъ «âme slave». Другія духовныя, моральныя и политическія цѣнности исповѣдывала она. Даже при крѣпостномъ правѣ человѣкъ-крестьянинъ былъ братомъ человѣка-помѣщика. Эксцессы, излишество и самодурство баръ были печальными и прискорбными явленіями, но они не замутняли чистаго и свѣтлаго образа Святой Руси.

Царство духа, царство Божіе должно быть внутри насъ, проповѣдывалъ Левъ Толстой. "Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ". "Благословенно царство Отца и Сына и Святого Духа", шепталъ, крестясь на храмы, богатый и бѣдный, знатный и простолюдинъ, читая, золотомъ, сіяющія, надписи надъ церковными вратами. Святая Русь не была выдумкой. Она вышла изъ нашей исторіи и слилась съ ней. Она въ нашихъ монастыряхъ, лаврахъ, въ чудотворныхъ иконахъ, среди дремучихъ лѣсовъ, на просторахъ полей, на разливахъ многоводныхъ рѣкъ, въ нашемъ русскомъ сердцѣ.

Россія — Домъ Пресвятой Богородицы. Страдающая, ласковая заступница міра холоднаго, прибѣжище въ несчастьи и горѣ, — она была русскому народу родной и близкой. Церковь колѣнопреклоненно пѣла ей въ восторгѣ, въ тихомъ шопотѣ, въ умиленіи: "Подъ Твою милость прибѣгаемъ Богородице Дѣво, моленій нашихъ не презри въ скорбѣхъ, но отъ бѣдъ избави насъ, Едина чистая и благословенная".

И такъ же умиленно, нѣжно и ласково писали о Богородицѣ русскіе свѣтскіе поэты и писатели. Духовнымъ взоромъ они видѣли ее Мать-пресвѣтлую на просторахъ нашей родины, ходящей по нашему православному христіанскому царству.

"Не туманъ бѣлѣетъ въ темной рощѣ, —
Ходитъ въ темной рощѣ Богоматерь,
По зеленымъ взгорьямъ, по долинамъ
Собираетъ къ ночи Божьи травы.
.. ..
Какъ туманъ бѣла Ея одежда,
Голубыя очи — точно звѣзды.
Соберетъ Она цвѣты и травы
И снесетъ ихъ къ Божьему престолу"...

(И. Бунинъ).

Революція возымѣла желаніе разрушить историческую Рос-

сію. Однимъ ударомъ покончить съ монархическимъ строемъ и со старой свято-русской жизнью. Спокойное, плавное, величавое теченіе русской рѣки къ свѣту, къ правдѣ Божіей, къ благоденствію и процвѣтанію, она захотѣла измѣнить на теченіе бурное, мутное, кровью окрашенное. "Карфагенъ долженъ быть разрушенъ", повторялъ неустанно Каттонъ передъ сенатомъ въ древнемъ Римѣ. "Самодержавіе должно быть уничтожено. Долой самодержавіе", — стало ходячимъ лозунгомъ революціи. — "Долой религію, долой боговъ", — провозгласили подпольщики — сыны дьявола, сыны погибели.

Сто лѣтъ готовила революція пожаръ въ Россіи. Первыми піонерами явились представители просвѣщеннаго общества — русская знать. Ихъ не устрашилъ кровавый терроръ Робеспьера, казни Людовика и Маріи-Антуанетты, безчинства, насилія и ненасытная кровавая работа гильотины на площади Конкордъ. Въ воздухѣ вѣяло флюидами чего-то новаго, свѣжаго, многообѣщающаго. Что-то слышалось хорошее, прекрасное, челвѣчное въ лозунгахъ братства, равенства и свободы. Это заражало; вѣрили во что-то лучшее, а казни и изувѣрства шли не въ счетъ.

Уже въ 1819 году двадцатилѣтній Пушкинъ, посѣтивъ родовое имѣніе, написалъ стихи, заключительная часть которыхъ стала знаменіемъ вѣка:

"...Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, павшее по манію Царя,
И надъ Отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря?..."

Молодой національный поэтъ отразилъ въ стихахъ лучшія чувства своей возвышенной, благородной души. Онъ не былъ революціонеромъ; онъ былъ врагъ насилія. Онъ мечталъ о подлинномъ духовномъ братствѣ людей; онъ пламенно взывалъ о милости къ падшимъ, о смягченіи дикихъ нравовъ, о свѣтѣ науки, о томъ радостномъ земномъ царствѣ, когда всѣ будутъ довольны и жизнь чудесна, когда не будетъ насилія, когда уйдетъ навсегда та суровая эпоха, при которой "барство дикое, безъ чувства, безъ закона, присвоило себѣ насильственной лозой и трудъ, и собственность, и время земледѣльца".

Пушкинъ никогда не думалъ о насильственномъ ниспроверженіи трона. Другіе пошли дальше. 14 декабря 1825 года произошла первая стычка исторической Россіи съ тѣми силами, которыя влекли ее на новый путь. Пролилась первая русская кровь во имя того, что смутно понимали устроители бунта и чего совсѣмъ не понимали солдаты гвардейскихъ полковъ, вызванные изъ казармъ на Дворцовую площадь. Въ мучительномъ, пугливомъ оболваненіи кричали они среди тусклаго сѣраго дня: "Да здравствуетъ

Константинъ и жена его Конституція!" Бары же, учинившіе свалку, помышляли о республикѣ.

Графъ Растопчинъ, сжегшій Москву, когда въ нее вошелъ Наполеонъ, послѣ возстанія сказалъ саркастическую фразу: "Во Франціи революцію дѣлали сапожники. Это понятно: желали стать барами. У насъ революцію сдѣлали баре. Неужели изъ желанія стать сапожниками?"

Растопчинъ былъ правъ. Онъ взялъ быка за рога. Никакихъ политическихъ программъ, кромѣ наивныхъ разсужденій, у устроителей 14 декабря не было. Это были политическія дѣти, русскіе идеалисты, въ большинствѣ своемъ мягкотѣлые, неспособные на пролитіе крови, неумѣющіе вообще что-либо дѣлать продуманно и планомѣрно. Вышли на площадь и топтались, не зная, что предпринять, пока ихъ не разогнали. Они, какъ дѣти, играли съ огнемъ и не помышляли, что могутъ вызвать пожаръ. Вѣроятно, ихъ вдохновляли тѣ же чувства, что и А. С. Пушкина.

Императоръ Николай Павловичъ твердой рукой придавилъ революцію. Роковой день 14 декабря запечатлѣлся ему на всю жизнь. Россія избѣжала грозившей опасности, но могла случайно и не избѣжать. "Блюдите, како опасно ходите", сказалъ онъ одному изъ допрошенныхъ революціонеровъ. "То, что Императоръ предвидѣлъ съ 1830 года, революція не преминула осуществить до послѣдней черты. Всѣ уступки, всѣ жертвы своихъ убѣжденій, приносимыя монархической Европой, въ надеждѣ найти какое то миролюбивое сожительство, были сдѣланы впустую. "Революціонная партія, почти не скрывая своихъ дѣйствій, изощрялась подрывать самую почву подъ ихъ ногами" (Тютчевъ).

Императоръ служилъ интересамъ національной Россіи. Онъ чувствовалъ тлетворное, отравленное дыханіе революціи и онъ не стѣснялся въ примѣненіи соотвѣтствующихъ предупредительныхъ мѣръ. Сколько злопыхательства, ненависти и яду излило на него революціонное подполье: "жестокій самодуръ, тиранъ, палачъ, деспотъ, жандармъ Европы, Николай Палкинъ"... Но лучшіе умы Россіи думали о немъ иначе. Въ своемъ отвѣтѣ "Друзьямъ", Пушкинъ писалъ:

"Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю;
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.
Его я просто полюбилъ.
Онъ бодро, честно правитъ нами...
. . . .
О, нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный;
Тому, кого караетъ явно.
Онъ втайнѣ милости творитъ"...

Въ другомъ родѣ, но такъ же похвально и краснорѣчиво отозвался о царѣ Тютчевъ:

"...къ счастью, на россійскомъ престолѣ находился Государь, въ которомъ воплотилась "русская мысль", и въ настоящемъ положеніи вселенной "русская мысль" одна была настолько отдалена отъ революціонной среды, что могла здраво оцѣнить факты, въ ней проявляющіеся".

Умирая, Николай Павловичъ завѣщалъ сыну обновить Россію, сдѣлать то, чего онъ, къ сожалѣнію, по условіямъ обстановки, не могъ сдѣлать.

Эпоха великихъ реформъ, совершенно измѣнившая внутреннее устройство Россіи, "зоря новыхъ дней", началась 19 февраля 1861 года. Въ этотъ незабываемый русскій день императоръ Александръ II подписалъ "Положеніе" объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. 5-го марта онъ объявилъ объ этомъ манифестомъ, который заканчивался замѣчательными словами:

"Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный русскій народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго".

Это была чудесная, золотая, благословенная страница въ жизни Россіи. Можно было думать, что "зоря новыхъ дней" удовлетворитъ и утихомиритъ либеральное русское общество. Мечта сбылась. Благоразуміе и государственная мудрость требовали освоить и наилучшимъ способомъ примѣнить реформы, которыя коренньмъ образомъ перестраивали жизнь. Увы, "кающіеся дворяне" забыли о благоразуміи. "Не хочу быть столбовой дворянкой,а хочу быть вольною царицей"... "Реформы не коснулись основного начала русской государственности — самодержавія. Мы желаемъ имѣть конституцію"...

Рядомъ съ просвѣщеннымъ барствомъ, которое желало "довершенія государственнаго зданія созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской для обсужденія нуждъ общихъ всему государству", начали дѣйствовать новыя силы, далеко оставлявшіе за собой "кающихся дворянъ". Революціонное движеніе продолжало развиваться. По всей Россіи тайно распространялись революціонныя прокламаціи, бунтовали студенты, зародились тайныя общества, ставившія цѣлью ниспроверженіе государственного строя; начался терроръ со стороны подполья; началось хожденіе въ народъ съ цѣлью устройства соціальной революціи.

"Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ
По ихъ стопамъ.
Гдѣ трудно дышится,

Гдѣ горе слышится,
Будь первый тамъ"... (Н. А. Некрасовъ).

Представители революціонной общественности "энтузіасты, идеалисты и демократы" — думали и убѣждали такъ думать другихъ, что "царское правительство и бюрократія страдаютъ основнымъ грѣхомъ: они не имѣютъ достаточно живого знакомства съ дѣломъ, далеки отъ народа и потому неспособны подготовлять полезныя для народа рѣшенія". Надо, чтобы управленіе перешло въ "свѣжія общественныя учрежденія", тогда все пойдетъ иначе, все будетъ великолѣпно и въ Россіи наступитъ царство благополучія.

Царская бюрократія на революціонномъ рынкѣ котировалась очень низко. Это было, по мнѣнію свободолюбцевъ, сборище какихъ-то идіотовъ, тупицъ, помпадуровъ, держимордъ, воровъ и мерзавцевъ. Сколько злословія, зубоскальства, насмѣшекъ и издѣвокъ было направлено въ ея адресъ! Даже самъ превосходительный царскій чиновникъ М. Е. Салтыковъ во множествѣ произведеній изощрялъ свой острый сатирическій языкъ, чтобы высмѣять своихъ собратій. Въ "сказкѣ о ретивомъ начальникѣ" онъ писалъ:

"А программа наша вотъ какова: Чтобы мы, мерзавцы, говорили, а прочіе, чтобы молчали. Чтобы наши мерзавцевы затѣи и предложенія принимались немедленно, а прочихъ желанія, чтобы оставлялись безъ разсмотрѣнія. Чтобы намъ, мерзавцамъ, жить было повадно, а прочимъ всѣмъ, чтобы ни дна, ни покрышки не было. Чтобы насъ, мерзавцевъ, содержали въ холѣ и въ нѣженіи, а прочихъ всѣхъ въ кандалахъ. Чтобы нами, мерзавцами, сдѣланный вредъ за пользу считался, а прочими всѣми, если бы и польза была принесена, то таковая за вредъ бы почиталась"...

Глашатаи революціи со всей ихъ сознательной ложью и безсознательными заблужденіями встрѣчали иногда отпоръ со стороны людей, далеко заглядывавшихъ впередъ и хорошо разбиравшихся въ правдѣ и въ неправдѣ. Одинъ изъ такихъ, князь П. О. Вяземскій, о которомъ Пушкинъ замѣтилъ:

"Судьба свои дары явить хотѣла въ немъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простодушіе съ язвительной улыбкой",

написалъ блестящее стихотвореніе, въ которомъ далъ тонкій, замѣчательный анализъ революціонной братіи, мечтающей облагодѣтельствовать Россію.

"Послушать — вѣкъ нашъ — вѣкъ свободы.
А въ сущность глубже загляни:
Свободныхъ мыслей коноводы
Восточнымъ деспотамъ сродни.

У нихъ два вѣса, два мѣрила,
Двоякій взглядъ, двоякій судъ:
Себѣ дается власть и сила,
Своихъ наверхъ, другихъ — подъ спудъ.

У нихъ на все есть лозунгъ строгій
Подъ либеральнымъ ихъ клеймомъ:
Не смѣй итти своей дорогой.
Не смѣй ты жить своимъ умомъ.

Когда кого они прославятъ,
предъ нимъ колѣна преклони.
Кого они опалой давятъ,
Въ того и ты за нихъ лягни.

Свобода, правда, сахаръ сладкій,
Но отъ плантаторовъ бѣда:
Куда, какъ тяжки ихъ порядки
Рабамъ свободнаго труда.

Свобода — превращеньемъ роли
На ихъ условномъ языкѣ
Есть отрицанье личной воли,
Чтобъ быть винтомъ въ паровикѣ.

Быть попугаемъ однозвучнымъ,
Который, весь оторопѣвъ,
Твердитъ съ усердіемъ докучнымъ
Ему насвистанный напѣвъ.

Скажу съ сознаніемъ печальнымъ:
Не вижу разницы большой
Между холопомъ либеральнымъ
И всякой барщиной другой".

На жизнь императора Александра II было совершено нѣсколько покушеній (Каракозовъ, Соловьевъ, взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ). Несмотря на это, царь продолжалъ работать въ направленіи реформъ, оставаясь попрежнему на тронѣ человѣкомъ. Онъ дѣлалъ прогулки по столицѣ безъ всякой охраны. Онъ считалъ для себя позоромъ, охраняться въ своей странѣ среди своихъ подданныхъ. На 4-е марта 1881 года было назначено засѣданіе Совѣта Министровъ, подъ предсѣдательствомъ Государя, для обсужденія проекта дальнѣйшихъ преобразованій. Это засѣданіе не состоялось: 1-го марта враги Россіи убили вѣнценосца.

Страна была поражена. Вспыхнулъ взрывъ негодованія. Под-

лое, отвратительное преступленіе было заклеймено всенароднымъ проклятіемъ. Какъ будто прозрѣли очи и увидѣли русскіе люди въ крови растерзаннаго царя ту бездну, куда влекла Россію революція. Предатели затаились и ушли въ глубокое подполье.

Царствованіе императора Александра III, продолжавшееся тринадцать лѣтъ, прошло спокойно. Царь, ломавшій подковы, царь, спокойно относившійся къ политическимъ убѣжденіямъ "насвистанныхъ скворцовъ", царь-великанъ во всѣхъ отношеніяхъ, — конечно, сломалъ бы всякую попытку къ мятежу, безпорядкамъ и волненіямъ, если бы это угрожало спокойствію государства. "Насвистанные скворцы" это отлично понимали. Царь былъ такъ простъ и величавъ, что даже у этой безпардонной братіи вызвалъ чувство невольнаго преклоненія передъ силой. Революціонное движеніе, не находя отклика въ массахъ, быстро замерло.

Оно вспыхнуло снова, когда на престолъ Россіи взошелъ молодой Императоръ Николай Александровичъ. Дворянство, общественные круги, представители науки, торговли и земскіе люди рѣшили поднять старый вопросъ о конституціи. А вслѣдъ за ними заволновалось и зашевелилось революціонное подполье. Духовный маразмъ началъ овладѣвать русскимъ обществомъ. На сцену жизни поднимались люди съ опустошенными, выхолощенными душами, для которыхъ не было ничего святого. Періодическая пресса вела ожесточенную пропаганду, подрывая государственные устои.

Прошло двадцать два года съ того дня, какъ Государь возложилъ на себя бармы Мономаха. Душа въ душу прожилъ онъ въ эти годы съ "милой Аликсъ". Это была рѣдкая любовь. Они создали идеальную семью, какая когда-либо была на свѣтѣ. Но счастье обмануло ихъ золотыя мечты. Никому, вѣроятно, не пришлось пережить столько горя и страданій, какъ пережили они.

"...Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты"...

ПОСЛѢДНЯЯ ПОѢЗДКА ВЪ СТАВКУ

1.

22-го февраля 1917 года, около трехъ съ половиною часовъ дня, на Александровскомъ вокзалѣ, въ Царскомъ Селѣ, въ особомъ царскомъ павильонѣ, собрались чины Свиты Его Величества. Они поджидали прiѣзда Государя, который въ этотъ день уѣзжалъ въ Ставку.

Тутъ былъ престарѣлый графъ Фредериксъ, министръ Императорскаго Двора, дворцовый комендантъ генералъ Воейковъ, адмиралъ Ниловъ, командиръ Конвоя графъ Граббе, князь Долгоруковъ, начальникъ военно-походной канцелярiи генералъ Нарышкинъ, флигель-адъютантъ полковникъ Мордвиновъ и лейбъ-хирургъ профессоръ Федоровъ.

Это было ближайшее окруженiе Государя. Многiе сопровождали его во всѣхъ поѣздкахъ. Каждый изъ нихъ видѣлъ его почти ежедневно, соприкасался съ нимъ въ той или иной степени, въ зависимости отъ исполняемой должности: одни больше, другiе меньше. Каждый изъ нихъ множество разъ слышалъ разговоры Государя, его смѣхъ, видѣлъ его очаровательную, влекущую улыбку, видѣлъ его ласковымъ, веселымъ, или грустнымъ, озабоченнымъ и сумрачнымъ. Общество приписывало этимъ господамъ большое влiянiе на Императора и на дѣла государственныя. При этомъ, конечно, судили, рядили, злословили и сплетничали.

Графъ Владимiръ Борисовичъ Фредериксъ сидѣлъ отдѣльно отъ другихъ; онъ недавно плотно позавтракалъ и его клонило ко сну; онъ то закрывалъ глаза, то силился ихъ открыть и смотрѣлъ уставшимъ, мутнымъ взглядомъ. Онъ былъ старъ, какъ Мафусаилъ. Это былъ красивый старикъ съ породистой барской внѣшностью. У него былъ прямой, стройный станъ, благообразное и благородное лицо съ пушистыми, холеными бѣлыми усами и бѣлой, коротко подстриженной бородкой. Только глаза потеряли свой блескъ, вылиняли, выцвѣли и потускнѣли.

Фредериксъ отъ старости все забывалъ, путалъ и не всегда все понималъ. Бывали случаи, когда, обращаясь къ Государю, онъ серьезно спрашивалъ: “А ты будешь сегодня на высочайшемъ

обѣдѣ?"... Или говорилъ кому-либо изъ обращавшихся къ нему съ просьбой: "Поговорите объ этомъ дѣлѣ съ министромъ Императорскаго Двора". Про старика ходило много забавныхъ анекдотовъ. Онъ служилъ пищей для петербургскихъ салоновъ. Къ былямъ прибавляли еще больше небылицъ. Впрочемъ, о старикѣ говорили всегда благожелательно, съ юморомъ, но и съ почтеніемъ.

Фредерикса давно нужно было уволить на покой. Но Государь цѣнилъ его за прошлыя заслуги, за службу тремъ императорамъ, за преданность и вѣрность. Желаніе Фредерикса служить Царю и Отечеству до послѣдняго издыханія, до могилы, — было въ глазахъ Государя символомъ высокой патріотической идеи и отраженіемъ тѣхъ красивыхъ, благородныхъ чувствъ, которыя одушевляли нѣкогда исчезнувшее рыцарство. Любила старика и Царица Александра Феодоровна; нерѣдко она писала супругу: "Присматривай за милымъ Фредериксомъ; онъ сталъ совсѣмъ какъ ребенокъ"...

Неподалеку отъ Фредерикса, и тоже отдѣльно, сидѣлъ его зять Владиміръ Николаевичъ Воейковъ. Это былъ плотный, плечистый, мускулистый, подтянутый молодой генералъ, съ лицомъ сухимъ, неулыбающимся, со взглядомъ твердымъ, жесткимъ и холоднымъ. Сослуживцы не любили его за непріятный характеръ. Онъ былъ неразговорчивъ, сухъ и рѣзокъ. Его считали человѣкомъ честолюбивымъ, самовлюбленнымъ и съ большимъ самомнѣніемъ.

Молва сдѣлала Воейкова личностью одіозной и ненавистной. Ему приписывали особенно отрицательное вліяніе на Государя. Его считали алкоголикомъ, который вмѣстѣ съ Ниловымъ, спаивалъ Николая II. Милюковъ утверждалъ, что это дѣлается для того, чтобы "держать слабаго, пьянаго Царя въ своихъ рукахъ". Провѣрить правду было очень легко. Но правда въ борьбѣ съ Царемъ была не нужна. Для этой цѣли было другое оружіе — испытанное и неотразимое: клевета. "Что можно ожидать отъ такого Царя, котораго окружаетъ вѣчно пьяная компанія", вздыхали сокрушенно радѣтели отечественной свободы. "Что можно ожидать отъ министровъ, пришедшихъ къ власти черезъ распутинскую квартиру"?... Государь пилъ очень мало; Воейковъ никогда не прикасался къ спиртнымъ напиткамъ. Это былъ типичный карьеристъ, образцово несшій свою службу. Никакой интимной близости съ Государемъ у него не было и никогда Государь не спрашивалъ у него совѣтовъ.

Въ сторонѣ, въ другомъ концѣ зала, отдѣльной группой, сидѣли Ниловъ, Граббе, Мордвиновъ, Долгоруковъ и Федоровъ. Кириллъ Анатольевичъ Нарышкинъ стоялъ у окна, задумчиво смотрѣлъ на бѣлую снѣжную даль и барабанилъ пальцами, выбивая различные мотивы. День былъ солнечный, сухой. небо —

синяя чаша, безъ тучъ, вѣтра не было, вдали надъ лѣсомъ стоялъ прозрачный молочно-сѣрый туманъ. Зимній пейзажъ Царскаго Села въ снѣжномъ, бѣломъ нарядѣ былъ прекрасенъ и очарователенъ.

— Вы что нахохлились? — спросилъ Ниловъ, упитанный, какъ тѣлецъ для закланія, съ двойнымъ подбородкомъ, съ полнымъ брюшкомъ, добродушно-веселый и неунывающій. — Въ чемъ дѣло? — обратился онъ къ флигель-адъютанту Мордвинову. — Я не люблю, батенька, людей съ тяжелой думой на челѣ, угрюмыхъ, сумрачныхъ, унылыхъ. Отъ мрачныхъ мыслей никогда не бываетъ ничего путнаго. Вы же не собираетесь совершить преступленіе? Надѣюсь также, что вы не готовитесь стать докторомъ философіи и, вѣроятно, меньше всего у васъ есть желанія отправиться въ обители райскія, гдѣ васъ еще не ожидаютъ.

— Ваше превосходительство, Константинъ Дмитріевичъ, вамъ хорошо; у васъ благодатный характеръ; вамъ даже моря не страшно, — вы морякъ, — оно вамъ, кажется, всегда по-колѣно. Къ сожалѣнію, я воспринимаю жизнь иначе, чѣмъ вы, и чаще впадаю въ дурное настроеніе. Вчера я получилъ извѣстіе, что вся моя усадьба, со всѣмъ имуществомъ сгорѣла. Для меня — это разореніе; я человѣкъ не богатый. Кромѣ того, я уѣзжаю на этотъ разъ съ тяжелымъ, гнетущимъ чувствомъ. Мнѣ кажется, что въ наше отсутствіе, здѣсь, въ Петербургѣ, произойдетъ что то ужасное... Всѣ говорятъ о неизбѣжной революціи...

— Ну, вотъ, поздравляю. Еще одинъ началъ пророчествовать, — сказалъ Ниловъ. — Любопытно послушать, что скажетъ флигель-адъютантъ Его Величества- Прорцы намъ, чадо!...

— Константинъ Дмитріевичъ, вы все изволите шутить. Вы, какъ будто сознательно не хотите видѣть грозящей Россіи опасности и всѣмъ намъ съ ней вмѣстѣ. Можетъ быть, это очень красиво и мужественно бравировать опасностью, сидѣть на пороховомъ погребѣ, ожидать взрыва и посмѣиваться. Но я не думаю, чтобы это было очень благоразумно. Вы надѣетесь, что взрыва никогда не будетъ, но даже и въ этомъ случаѣ, не мѣшаетъ быть осторожнымъ...

Мордвиновъ вынулъ золотой портсигаръ и нервно закурилъ. Что онъ нервничалъ, — было сразу замѣтно: по рѣзкости движеній, по дрожанію рукъ и по выраженію озабоченнаго, сумрачнаго лица.

— Я убѣжденъ, что кто-то сѣетъ смуту въ народѣ, кто-то готовитъ революцію, используя продовольственныя затрудненія и царящія въ обществѣ настроенія. Послѣ Новаго Года начали распространяться слухи о томъ, что столица скоро останется безъ продовольствія и хлѣба. Неужели вы не видите, что всѣ объяты психозомъ; всѣ ждутъ революціи, какъ манны небесной. Она освободитъ ихъ отъ чего-то; она принесетъ имъ что-то... Людей

тянетъ къ пропасти. Хоть гирше да инше... Сплетни, провокація и клевета — разливаются грязными потоками. Этимъ сплетнямъ вѣрятъ не только внизу, но и наверху..

— И вы раскисли оттого, что люди сплетничаютъ, — насмѣшливо произнесъ Ниловъ. — Батенька мой, вы, какъ невинный младенецъ, который всему удивляется. Сплетни всегда были и будутъ. Отъ начала и до скончанія вѣка. Общество будетъ всегда судачить другъ друга. Сплетня — это одинъ изъ основныхъ элементовъ легкаго разговора. Сплетня — это соль, безъ нея разговоръ будетъ прѣснымъ... Вы, какъ Чацкій — человѣкъ съ опасными уклонами...

Ниловъ открылъ ротъ и остановился. Какая-то новая мысль осѣнила пьяно-возбужденную голову. Добродушное, бритое, "актерское" лицо приняло постепенно суровое выраженіе, а въ уголкахъ толстыхъ губъ продолжала змѣиться веселая улыбка. Наконецъ, онъ какъ будто что-то вспомнилъ и, вдругъ началъ декламировать:

"...Куда меня закинула судьба?
Всѣ гонятъ, всѣ клянутъ; мучителей толпа,
Въ любви — предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ..."

Откуда это, милый другъ? Изъ "Горя отъ ума". Наше отеческое, родное, стародавнее. Всегда такъ было. Можетъ ли наше общество обойтись безъ этаго легкаго, пріятнаго вина?... Вы только послушайте и не перебивайте:

"А наши старички. Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ, что слово: п р и г о в о р ъ.
Вѣдь столбовые все: въ усъ никому не дуютъ
И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что если-бъ кто подслушалъ ихъ... б ѣ д а.
Не то, чтобъ новизны вводили, — н и к о г д а,
Спаси насъ Боже. Нѣтъ. А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ, и... разойдутся".

— Хорошій талантъ зря погибаетъ, — проворчалъ сумрачный Мордвиновъ. — Только, увы, я не Чацкій и вы не Фамусовъ, и живемъ мы совсѣмъ въ другое время... Мы живемъ въ подлое время....

— Да, столица полна слухами, — присоединился къ разговору Граббе. — По пословицѣ: "на чужой ротокъ не накинешь пла-

токъ". Молва бѣжитъ повсюду, какъ ручьи текутъ. Сейчасъ, напримѣръ, всѣ говорятъ, что Протопоповъ далъ Распутину пятьдесятъ тысячъ, чтобы стать министромъ. А вчера слышалъ изъ достовѣрныхъ устъ, что великая княгиня Марія Павловна, уѣзжая на Кавказъ, сказала: "Въ Петербургъ я вернусь только тогда, когда здѣсь все будетъ покончено"... Никому не секретъ, какъ надо эти слова понимать...

— Откуда извѣстно, что Протопоповъ далъ Гришкѣ деньги, — спросилъ Ниловъ. — Кажется, такія вещи дѣлаются обычно келейно? Довѣрять такому слуху опасно, а дѣлать изъ него тѣ выводы, которые сдѣлалъ Милюковъ, просто недостойно порядочнаго человѣка, претендующаго на роль демократа, учителя и моралиста.

— Протопоповъ, конечно, скрылъ фактъ передачи денегъ, а пьяный Распутинъ взялъ да все и выболталъ, — догадливо, иронически замѣтилъ Граббе, улыбаясь въ пушистые, холеные усы.

— Можетъ быть, выболталъ, не знаю. А можетъ быть, всю исторію со взяткой придумали заднимъ числомъ, послѣ смерти старца. Но вотъ результаты сплетенъ мнѣ хорошо извѣстны, — опять сказалъ Мордвиновъ. — Недавно я посѣтилъ моего родственника, генерала Зыкова. У него былъ убитъ единственный сынъ. Я поѣхалъ, чтобы выразить старику соболѣзнованіе. Онъ сразу же заговорилъ о слухахъ и буквально началъ кричать, не сдерживая себя: "Что это такое? Какой позоръ!... Распутинъ ставитъ министровъ. Вотъ до чего дошли! Развратный, пьяный мужикъ правитъ государствомъ. Какой срамъ! Развѣ это можно терпѣть?... Стоитъ ли послѣ этого умирать на войнѣ?..." Сплетня, господа, сдѣлала свое подлое дѣло. Почтенный человѣкъ, убѣжденный монархистъ, заслуженный ученый, поддался на удочку...

— Да-съ, дѣла и дѣлишки, что и говорить, — протянулъ Граббе. — Какъ не попасться на удочку, когда такъ много приманки. Взять хотя бы убійство Гришки. Вѣдь не ради же молодечества, и не по пьяному дѣлу, стрѣлялъ великій князь Димитрій въ Распутина? Было, значитъ, за что! Зналъ, что дѣлалъ.

— На-дняхъ я посѣтилъ моихъ хорошихъ знакомыхъ, — продолжалъ Мордвиновъ. — Было много гостей. Разговоръ шелъ, конечно, на милую тему о послѣднихъ слухахъ. Говорили о томъ, что измѣна свила гнѣздо во дворцѣ, что тамъ подготовляютъ сепаратный миръ съ Германіей, что съ этой цѣлью въ Петербургъ пріѣзжалъ братъ Государыни, герцогъ Дармштадтскій, что дѣлами государства правитъ мистическій кружокъ, что царица невѣрная жена, замыслившая устранить Государя и, подобно Екатеринѣ II, сѣсть на престолъ, и такъ далѣе.

Я заявилъ со всей доступной рѣзкостью, что все это гнусная ложь и что подобные разговоры недостойны для общества. На

это мнѣ снисходительно, мягко и укорительно, съ видимымъ сожалѣніемъ о моей слѣпотѣ, сказали: "Конечно, ваше положеніе обязываетъ васъ такъ говорить. Мы васъ понимаемъ и за рѣзкость не сердимся, но вѣдь вы сами отлично знаете, что это правда. Смѣшно было бы, право, не знать того, что знаютъ всѣ"...

Мордвиновъ безнадежно махнулъ рукой, показывая жестомъ, что все идетъ къ чорту. Онъ, нервничая, выбросилъ затухшую папиросу, двумя пальцами провелъ вдоль шеи, подъ воротникомъ, какъ будто освобождалъ себя отъ удушья. Видъ у него былъ разстроенный, — онъ дѣйствительно скорбѣлъ и негодовалъ. Вынулъ новую папиросу и опять закурилъ, сильно затягиваясь.

— Русское общество съ ума сошло. Эта игра въ революцію кончится очень плачевно...

— Не каркайте, Анатолій Александровичъ, и не судите, да не судимы будете. Тѣ, кто не согласны съ нѣкоторыми порядками, конечно, не менѣе насъ съ вами патріоты, — замѣтилъ опять съ улыбкой Граббе. — Всякое слѣдствіе имѣетъ свои причины и резоны. Можетъ быть, потому и осуждаютъ, что болѣютъ душой. Надо стать на ихъ точку зрѣнія и тогда станутъ понятными ихъ чувства. Общество было шокировано приближеніемъ Распутина къ трону. Оно восприняло это, какъ національный позоръ. Общество возстаетъ противъ участія Государыни въ дѣлахъ управленія имперіей, считая это ненормальнымъ. Родзянко на послѣднемъ докладѣ не постѣснялся заявить объ этомъ Государю. Онъ ему сказалъ о недопустимости, чтобы министры дѣлали государственные доклады кому-либо иному, кромѣ него, Государя. Это не по-русски. Недопустимо, чтобы на судьбы имперіи вліяли какія-то темныя, таинственныя и безотвѣтственныя личности. По словамъ Родзянко, Государь былъ сильно взволнованъ докладомъ; онъ схватился руками за голову и воскликнулъ: "Неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше и двадцать два года ошибался?" На это Родзянко замѣтилъ: "Ошибались, Ваше Величество!"

— Охъ, ужъ этотъ Родзянко, — вздохнулъ Федоровъ. — Онъ ведетъ странную политику. Его имя опредѣленно связываютъ съ революціоннымъ движеніемъ. Ему внушили, что взоры общества обращены къ нему, что только онъ, по своему положенію предсѣдателя Думы, можетъ вывести заблудившуюся, усталую Россію на свѣтлую стезю побѣды и спасенія. На его честолюбіи играютъ. Онъ не очень умный человѣкъ. Фиміамъ лести вскружилъ ему голову. Роль національнаго вождя въ трудную историческую годину ему очень нравится. Онъ мыслитъ неглубоко и упрощенно: надо устранить Царицу и учредить отвѣтственное передъ Государственной Думой правительство; послѣ этого тотчасъ же настанетъ тишь, гладь и Божья благодать.

— Однимъ словомъ, не мѣшайте мнѣ, хочу быть спасителемъ; хочу быть Мининымъ и Пожарскимъ сразу...

На кругломъ лицѣ Нилова просіяла довольная, блаженная улыбочка. Продолжая говорить, онъ спросилъ:

— Да онъ не Рюриковичъ ли, чего добраго? Можетъ быть, ему нравятся бармы Мономаха? Чѣмъ не царь всея Руси! И имя подходящее: Михаилъ Владиміровичъ,... и голосъ отмѣнный: басъ отличный... Только вотъ, господа, мое мнѣніе. Не дай намъ Богъ дожить до революціи. Это будетъ совсѣмъ не то, о чемъ мечтаютъ наши общественники. Мы всѣ будемъ висѣть на фонаряхъ: правые и виноватые; и "зубры" бѣловѣжскіе и бараны, которые идутъ нынѣ впереди двуногаго стада, и въ упоеніи говорятъ рѣчи и съ гордостью почитаютъ себя "вождями" общественнаго движенія...

Добродушное лицо Нилова перестало улыбаться; оно пріобрѣло новыя, суровыя черты, какъ будто это былъ другой человѣкъ; каріе глаза уже не смѣялись, смотрѣли строго и холодно.

— По поводу сказаннаго милѣйшимъ графомъ, я замѣчу: "Государыня-Императрица Александра Феодорвна есть одна изъ выдающихся женщинъ. Ея умъ, выдержку, характеръ, волю признаютъ за ней даже враги. Потому такъ и ожесточены противъ нея. Не вижу ничего зазорнаго и дурного въ томъ, если какой нибудь министръ спроситъ у нея совѣта о дѣлахъ государственныхъ... Говорятъ и сплетничаютъ много; замочки бы слѣдовало повѣсить на сахарныя уста. Много людей заблуждающихся, безвольныхъ, растерявшихся, а еще больше лукавыхъ рабовъ, не вѣрныхъ "вѣрноподданныхъ"... А въ общемъ, скажите, Анатолій Александровичъ, — мы сейчасъ сплетничали или нѣтъ?

Мордвиновъ не отвѣтилъ; можетъ быть, не нашелся сразу, что сказать. Граббе,кажется, былъ недоволенъ, что ввязался въ разговоръ. Долгоруковъ не проронилъ ни слова, хотя внимательно слушалъ. Федоровъ отвѣтилъ за всѣхъ.

— Константинъ Дмитріевичъ, въ качествѣ резюмэ, я вамъ вотъ что скажу. Анатолій Александровичъ несомнѣнно правъ. Время дѣйствительно тревожное и подлое. На это закрывать глаза нельзя. Тревожное потому, что въ умы вошла навязчивая, нелѣпая мысль о неизбѣжности какихъ-то событій. Это въ родѣ заразы. А подлое потому, что оно дѣйствительно подлое, нездоровое, аморальное. Люди нравственно опустились, размельчали, сбросили съ себя моральныя шоры. Говорю, главнымъ образомъ, о столицѣ. Какъ въ провинціи, — не знаю. Царитъ у насъ вакханалія, садомскій грѣхъ, погоня за развратомъ, за чувственными, животными наслажденіями и за деньгами. Въ судахъ — громкіе процессы. Печать изощряется въ поношеніи и въ поруганіи режима. Не слышно почти голосовъ благородныхъ, возвышенныхъ, національно-достойныхъ. Государственная Дума — это зданіе,

гдѣ митингуютъ различные господа и говорятъ зажигательныя рѣчи; Милюковъ сказалъ, что Дума, — это "какъ бы аккумуляторъ общественнаго недовольства и рупоръ общественныхъ настроеній"...

— Господа, прибылъ Государь, — громко сказалъ, стоявшій все время у окна, Нарышкинъ.

Синій императорскій "рольсъ-ройсъ" остановился у царскаго павильона. Свита быстро выстроилась для встрѣчи...

* *
*

Государь вошелъ подъ руку съ Императрицей. На немъ была походная шинель, свѣтло-сѣраго солдатскаго сукна съ красными петлицами и съ георгіевской розеткой по борту. На головѣ мягкая офицерская фуражка съ кокардой. Сильно постарѣвшее, исхудалое лицо было въ частыхъ глубокихъ морщинахъ. Оно было землистаго, сѣраго цвѣта съ большими темными кругами подъ глазами, съ синевато-пепельными, сухими губами. Лучистые синіе глаза смотрѣли спокойно, но что-то неуловимое, затаенное, грустное было и въ глазахъ и въ осунувшейся, постарѣвшей фигурѣ.

Не менѣе сильно измѣнилась также и Царица. Время, болѣзни и горе рукой безпощадной превратили когда-то молодую, свѣжую, стройную красавицу въ отяжелѣвшую, полную женщину, на лицѣ которой застыла маска печали, страданій и скорби. Уже давно она болѣла сердцемъ, отекомъ ногъ; нервы ея были издерганы до послѣдней степени, но она крѣпилась и боролась. Государыня оставила дома больныхъ дѣтей, чтобы проводить супруга. Она лучше, чѣмъ кто-либо, понимала его душевное состояніе. Она безошибочно научилась угадывать малѣйшія движенія его чувствъ. Она знала, что его благородное, чистое, жертвенное сердце изранено, что самыя завѣтныя желанія неосуществились, что свѣтлыя надежды разбиты, что онъ жестоко страдаетъ, чувствуя кругомъ враждебную атмосферу. Она знала, что за счастье русскаго народа онъ боролся одиноко, скрывая отъ всѣхъ непосильный гнетъ креста. Всей силой души, ума и сердца она стремилась, какъ разумѣла, какъ могла, облегчить крестную ношу Государя. Она билась сама въ тенетахъ клеветы, вражды и ненависти, не замѣчая, что ея борьба вызываетъ удесятеренную злобу и противодѣйствіе враговъ. "Она губитъ Россію", "она ведетъ монархію къ самоубійству", — кричали они. Царица стремилась поддержать нравственныя силы мужа; она не могла молчать, не могла оставаться безучастной и спокойной, когда онъ страдалъ. Она помогала ему выправить руль корабля, идущаго въ бурю противъ тяжелыхъ, мутныхъ волнъ.

Прощаясь съ нимъ въ роковые часы, она говорила ему послѣднія слова, какъ напутствіе. Она убѣждала его быть твердымъ; она увѣряла его, что все перемѣнится внутри, когда Россія одержитъ побѣду. "Замолкнутъ тогда всѣ эти гадкіе, мерзкіе Родзянки, Гучковы и Милюковы. Россія пойдетъ гигантскими шагами къ свѣтлому будущему. Надо только напречь всѣ усилія для побѣды"... "Они ненавидятъ меня, потому что я стою за твое дѣло, за Беби, за Россію... Я болѣе русская, чѣмъ они, попрекающіе меня нѣмкой. Я борюсь за разумный порядокъ, за трудъ, за полезную для государства инціативу; я возстаю противъ праздности, лѣни, роскоши, разврата и прожиганія жизни. Они не отнимутъ у меня права быть русской. Мои дѣти воспитаны русскими, моя душа слилась съ Россіей неразрывно"...

Государыня не знала компромиссовъ ни со своей совѣстью, ни со своими убѣжденіями. Прямолинейно, настойчиво отстаивала она то, что, по ея мнѣнію, было хорошо, полезно и нужно. Она принадлежала къ разряду людей не гнущихся, не умѣющихъ лукавить, льстить, разводить дипломатію. Она жила обособленной, замкнутой жизнью; это отчуждало отъ нея приближенныхъ и увеличивало количество недовольныхъ. Она не умѣла и не хотѣла умѣть нравиться. Государственныя дѣла она понимала не хуже любого министра. Ее безпокоила война, снабженіе, транспортъ и продовольственныя затрудненія въ столицѣ. Она говорила мужу:

"Все дѣлается не такъ, какъ нужно, — отстаетъ, опаздываетъ. Ничто не дѣлается быстро, умѣло и рѣшительно. Почему Германія, окруженная со всѣхъ сторонъ врагами, стиснутая блокадой, до сихъ поръ справляется съ трудностями войны? Только потому, что тамъ есть порядокъ, нравственная дисциплина, сознаніе долга, обязанностей и чувство отвѣтственности. Тамъ весь народъ, отъ перваго до послѣдняго, стремится къ единой цѣли — побѣдѣ. Тамъ не митингуютъ, тамъ борятся, тамъ жизнь и смерть каждаго поставлены на карту. А у насъ, — все пустыя слова и ради пустыхъ словъ, мы въ богатѣйшей странѣ кричимъ о голодѣ"...

Государыня волновалась; лицо ея горѣло красными пятнами, въ глазахъ были мольба, любовь и страданіе. Она спѣшила все высказать, что наболѣло на душѣ, что она, вѣроятно, говорила уже много разъ и къ чему возвращалась постоянно.

— У насъ всѣ газеты захвачены евреями. Даже "Новое Время" подкуплено Гучковымъ и Рубинштейномъ. Сзади, за занавѣсомъ, скрывается таинственный дирижеръ, управляющій силами революціи. Подъ его палочку пляшетъ Государственная Дума и ведется отвратительная подлая пропаганда противъ тебя, меня и правительства. Надо бороться съ ними тѣмъ же оружіемъ. Надо имѣть свои газеты, которыя бы обезвреживали зловредныя вліянія. Надо показать имъ силу, хлопнуть кулакомъ по столу,

надо лишить людей, сѣющихъ смуту, возможности продолжать злое, преступное, антигосударственное дѣло. Къ сожалѣнію, у нашихъ министровъ нѣтъ ни умѣнья, ни дерзанія, ни мужества.

Надо окружить тебя такими людьми, которые были бы безкорыстно вѣрны тебѣ, которые бы честно и нелицемѣрно служили тебѣ и Россіи, которые бы знали, что надо дѣлать для пользы государства. Если люди на войнѣ проливаютъ свою кровь за отечество и гибнутъ тысячами, то они въ правѣ желать, требовать, чтобы люди въ тылу помогали имъ въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ. Тамъ на боевыхъ поляхъ не митингуютъ, тамъ герои, а здѣсь гниль и тля.

Одному Богу извѣстно, сколько я перестрадала, когда заболѣвалъ Беби, когда всѣ профессора и доктора были не въ состояніи помочь ребенку. Только одинъ Григорій дѣйствительнымъ образомъ облегчалъ его болѣзнь. Они убили нашего друга. Они отняли у меня, матери, послѣдній лучъ надежды. Они безжалостные, безсердечные люди. Всякій, кто возводилъ хулы на Григорія и поносилъ его, — шелъ противъ тебя и Россіи. Я часто говорю тебѣ объ этомъ, но Господи, какъ тяжко жить, какъ страшно на душѣ. Меня пугаетъ его предсказаніе. Неужели впереди бездна. Просыпаясь, я вижу этотъ кошмаръ наяву. Я цѣпенѣю вся...

Прощаясь, она цѣловала его глаза, его руки, какъ мать, какъ жена, какъ другъ. Она торопилась влить въ его душу пламенную вѣру, въ его сердце спокойствіе и силу. Но еще больше волновала его. Она почти шептала послѣднія слова:

— До свиданья, мой драгоцѣнный, мой ненаглядный, любимый мой, солнышко мое, муженекъ мой, мой собственный. Вѣрь мнѣ, я навсегда, до смерти, твоя жена и другъ. О, какъ страстно я хотѣла бы видѣть твое дорогое лицо не омраченнымъ заботами, не уставшимъ отъ трудовъ и тревогъ, не обезпокоеннымъ, но сіяющимъ солнечной улыбкой твоихъ чудныхъ глазъ, какъ тогда, когда начиналась наша любовь.

Богъ возложилъ на тебя тяжелое бремя, но Онъ подастъ тебѣ мудрость и силу и вознаградитъ за кротость и терпѣніе. Наступитъ, наконецъ, хорошее время, когда ты и наша страна будетъ вознаграждена за всѣ сердечныя муки, за всю пролитую кровь. Всѣ, кто были взяты изъ жизни, горятъ, какъ свѣчи передъ Престоломъ Всевышняго. И тамъ, гдѣ бьются за правое дѣло, тамъ будетъ окончательная побѣда...

Прощай, мой дорогой. Ты для меня все самое цѣнное и святое въ жизни. Я такъ хотѣла бы быть тебѣ полезной, облегчить твою ношу, утѣшить тебя, когда ты страдаешь, отдать тебѣ всѣ мои силы, всю мою любовь и всю мою кровь до послѣдней капли. Но мы все врозь и врозь... Я одна, чужая всѣмъ, и ты тамъ одинъ...

Усиліемъ нечеловѣческой воли Царица удержала себя, чтобы не расплакаться. Перекрестила его, снова поцѣловала въ глаза, въ губы, и придерживаясь руками за стѣны, медленно вышла изъ вагона. Это была трепещущая, бѣлая чайка, смертельно раненая, бьющаяся о полую, мутную воду подбитыми крыльями, стараясь преодолѣть слабость, боль и послѣднее томленіе...

* *
*

«Веселые годы, счастливые дни —
Какъ вешнія воды промчались они»...

Поѣздъ тронулся. Государь остался одинъ. Черезъ окно онъ увидѣлъ прощальную улыбку жены, а потомъ на глазахъ ея навернулись крупныя слезы, заполнили орбиты. Царица что-то хотѣла сказать, но затряслись губы и такъ она осталась стоять недвижная, одинокая.

Рано спустились зимніе сумерки. Надвинулась темная звѣздная ночь. Долго, не замѣчая времени, ходилъ по кабинету взволнованный Императоръ. Временами останавливался, отодвигалъ шелковую штору, смотрѣлъ на небо, мерцающее свѣтомъ звѣздъ, на тускло-лиловыя, бѣлыя, унылыя пространства, на запорошенные снѣгомъ лѣса, темныя балки, черныя одинокія строенія и глухія, безъ огней, села. И все думалъ и думалъ о страшномъ положеніи, которое отняло у него покой, отравило ядомъ душу и сердце и изъ котораго онъ тщетно искалъ выходъ. Неустанно въ головѣ проносились мысли, возвращались назадъ, кружились, какъ черныя птицы кружатся на закатѣ дня въ жестокую зимнюю пору. Утомленный Государь опустился въ кресло, склонилъ голову на руку и прошла передъ нимъ трагическая исторія его царствованія.

Вотъ въ солнечномъ, золотисто-голубомъ туманѣ встала передъ нимъ Ливадія: старый дворецъ, заросшій плющемъ, роскошные, осенніе цвѣты, пальмы, кипарисы, сосны, синее небо и безбрежный просторъ моря, который такъ часто зачаровывалъ его взоры, волновалъ и завораживалъ душу.

Въ верхнемъ этажѣ, въ спальнѣ, умиралъ отецъ. Это была тяжелая, мучительная пора. Первый большой ударъ, который поразилъ его. Смерть отца, въ возрастѣ сорока восьми лѣтъ, была нежданной. Царствованіе пришло внезапно. Слишкомъ рано. Онъ не былъ къ нему подготовленъ: не было опыта для управленія огромной имперіей, не было житейской практики, навыка, дѣловой твердости въ обращеніи съ людьми, умѣнья ставить важные государственные вопросы въ имперскомъ маштабѣ. Надо было много и многому учиться, а это не могло прійти сразу.

Онъ былъ молодъ, едва только вышелъ изъ юношескаго воз-

раста, а приходилось говорить съ людьми, убѣленными сѣдинами, съ членами Государственнаго Совѣта, съ высшими государственными сановниками, наконецъ, съ дядями, передъ которыми онъ робѣлъ и смущался. Надо было выслушивать доклады, ставить резолюціи, давать указанія и принимать отвѣтственныя рѣшенія. Это его смущало, какъ смущало бы каждаго честнаго и порядочнаго человѣка. Онъ внутренно сжимался, боялся показаться смѣшнымъ, незнающимъ и непонимающимъ, глубже уходилъ въ себя, поначалу долженъ былъ подчиняться вліяніямъ дядей, старыхъ совѣтниковъ отца, и часто дѣйствовать по чужой указкѣ.

Все это не способствовало развитію въ характерѣ тѣхъ властныхъ, твердыхъ чертъ, какія были у отца. Душевно мягкій отъ природы, онъ не могъ побѣдить свою неувѣренность, застѣнчивость и свою деликатность въ отношеніи къ людямъ. Эти свойства характера были для него источникомъ длительныхъ нравственныхъ страданій.

Онъ не любилъ громкихъ, пышныхъ, торжественныхъ фразъ, публичныхъ выступленій, помпезной обстановки, а жизнь поставила его передъ необходимостью быть постоянно на-виду, говорить рѣчи, принимать делегаціи, участвовать въ торжественныхъ шествіяхъ, подчиняться слѣпо установленному этикету.

Въ немъ постоянно жило два человѣка. Одинъ, который переживалъ огромное нравственное напряженіе передъ всякими публичными выступленіями, когда мозгъ его, какъ бы цѣпенѣлъ, мысли разлетались и имъ овладѣвало непобѣдимое, подавляющее чувство застѣнчивости. И другой человѣкъ, который въ домашней, частной обстановкѣ, личнымъ обаяніемъ, живостью ума, красотою и образностью рѣчи очаровывалъ и обвараживалъ своихъ собесѣдниковъ.

Враги и сплетники считали его "недалекимъ, безвольнымъ, слабохарактернымъ, тряпичнымъ и жалкимъ"... Они не знали его, не понимали его и не стремились узнать и понять. Злорадствуя, насмѣхаясь и зубоскаля, они не видѣли, или не хотѣли видѣть, его напряженной, неустанной, неизмѣнной устремленности ко благу и счастью русскаго народа, къ величію и процвѣтанію Россіи.

Да, онъ былъ мягкій, добрый, застѣнчивый и скромный Царь. Онъ не былъ грубымъ, кровожаднымъ деспотомъ ("Кровавый Николай"), какимъ его обычно выставляли революціонеры. Онъ не былъ способенъ выводить крамолу верховъ, какъ Іоаннъ Грозный и не умѣлъ заставить богатыхъ, знатныхъ бездѣльниковъ работать, какъ это дѣлалъ Петръ со своей дубинкой. Онъ былъ мельче ихъ по натурѣ. Никто никогда не видѣлъ его въ состояніи бѣшенства, запальчивости, гнѣва, какъ это часто бывало съ Иваномъ Васильевичемъ и съ Петромъ Алексѣевичемъ. Его самообладаніе граничило иногда съ наружнымъ безразличіемъ. Особая щепе-

тильность говорила ему: “помазанникъ Божій не можетъ показывать своихъ чувствъ, какъ обыкновенный человѣкъ”. Болѣзненная деликатность лишала его мужества высказывать свое неудовольствіе прямо въ глаза. Онъ разставался съ неудовлетворившими его министрами очень ласково, не говоря имъ объ этомъ. Часто, послѣ обворожительнаго пріема, злополучный сановникъ, возвратясь домой, находилъ рескриптъ объ отставкѣ, написанный въ самыхъ теплыхъ тонахъ. Это своеобразное поведеніе Царя давало поводъ огорченнымъ министрамъ говорить о царскомъ двуличіи. И это все онъ зналъ.

У него часто бывали колебанія, сомнѣнія, противорѣчія и даже непослѣдовательность. Все это происходило изъ желанія сдѣлать, какъ можно лучше, разумнѣе, правильнѣе. Имперія была огромна, ее населяли разнообразные народы со своимъ особымъ историческимъ своеобразіемъ, съ разной степенью культурности, съ разнымъ бытомъ, религіей, родомъ занятій. Огромны были интересы государства и не всякій проворный умникъ могъ бы съ категорической опредѣленностью сказать, что надо дѣлать и какъ дѣлать, что полезно для блага государства и что вредно. Производить опыты на живомъ тѣлѣ народа Царь не могъ.

У него бывали ошибки и промахи. Иногда поддавался вліяніямъ окружающихъ лицъ, принималъ рѣшенія, которыя потомъ не оправдывались жизнью. Онъ это сознавалъ, огорчался, и еще строже относился къ своимъ рѣшеніямъ. По существу, это были мелочи, не стоющія вниманія, хотя досадныя и непріятныя. Главное заключалось въ его стремленіи ко благу Отечества. Если Петръ Великій былъ подобенъ бурному, кипящему потоку, который стремительно несся къ намѣченной цѣли, ломая, срывая и уничтожая все на своемъ пути, то онъ, императоръ Николай II, могъ сравнить себя съ тихой, покойной рѣкой, которая такъ же неустанно катила впередъ свои воды, смывала постепенно и медленно, безъ рывковъ, старое во имя новаго.

За свое царствованіе Государь достигъ огромныхъ результатовъ. Эти результаты могли бы быть еще большими, если бы жизнь складывалась такъ, какъ онъ хотѣлъ, если бы враги престола и режима не срывали его начинаній, не замедляли хода реформъ и не ввергали отечество въ смуты и войны.

Расхожденіе съ обществомъ началось чуть ли не съ первыхъ дней его царствованія, когда онъ пришелъ съ душой, открытой для добра. Онъ боготворилъ отца, который для него являлся образцомъ христіанскаго монарха. Онъ думалъ, что вся Россія преклонится передъ памятью умершаго Царя-Миротворца, что она вся признаетъ благодѣтельную цѣнность той мирной, спокойной жизни, которую онъ далъ, достойно охраняя интересы и честь Россіи. И въ этомъ сыновнемъ убѣжденіи, онъ объявилъ свой первый манифестъ къ народу.

"Горя нашего не выразить словами, но его пойметъ каждое русское сердце, и мы вѣримъ, что не будетъ мѣста въ обширномъ государствѣ нашемъ, гдѣ бы не пролились горячія слезы по Государю, безвременно отошедшему въ вѣчность и оставившему родную землю, которую онъ любилъ всею силою своей русской души, и на благоденствіе которой онъ полагалъ всѣ помыслы, не щадя ни здоровья своего, ни жизни"...

Увы, недолго онъ находился въ пріятномъ убѣжденіи насчетъ "горячихъ слезъ". Тотчасъ же за похоронами начали поступать свѣдѣнія о желаніи нѣкоторой части дворянства и земскихъ людей внести измѣненія въ систему государственнаго управленія и ограничить его самодержавную власть, которую отецъ завѣщалъ охранять неприкосновенной. Это поспѣшное изъявленіе затаенныхъ чаяній русскаго дворянства у раскрытой еще могилы оскорбило его какъ сына и огорчило какъ человѣка. Съ горькимъ чувствомъ онъ услышалъ, что императоръ Александръ III закупорилъ политическую жизнь въ Россіи и что это было большой ошибкой.

По совѣту стараго, мудраго Побѣдоносцева, котораго ненавидѣло радикальное общество, онъ рѣшилъ дать отпоръ вѣковымъ домагательствамъ дворянства и стремленіямъ земскихъ людей расширить базу своей дѣятельности и раздѣлить съ нимъ его права и прерогативы.

"Пусть всѣ знаютъ, — сказалъ онъ собравшимся делегаціямъ дворянъ, земскихъ и городскихъ дѣятелей, — что я, посвящая всѣ силы благу народному, буду охранять начала самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ ихъ мой незабвенный покойный родитель"...

Государь отлично вспомнилъ свой первый промахъ. Онъ случайно оговорился, сказалъ не то слово, которое слѣдовало и не сумѣлъ поправиться. Это можетъ случится со всякимъ, но слово сорвалось и пошло гулять по Россіи. Его обсуждали вкривь и вкось. Старое родовое дворянство было задѣто за живое, было оскорблено. Болѣе спокойные считали, что Государь неудачно выбралъ время для политическихъ изъявленій. Такъ или иначе, но "безсмысленныя мечтанія" стали жупеломъ въ борьбѣ съ Государемъ. Этихъ словъ ему не простили и ихъ не забыли за всѣ эти двадцать два года.

А затѣмъ, замелькали, какъ спицы въ колесахъ, одна за одной неудачи, несчастья, удары судьбы. Что-то роковое и обреченное было въ этихъ Ходынкахъ, войнахъ, смутахъ, убійствахъ, въ этой неустанной борьбѣ политическихъ враговъ, сѣявшихъ крамолу, подтачивавшихъ тронъ и стремившихся низвергнуть Россію въ пропасть.

Въ 1905 году, когда Россія вела тяжелую войну съ Японіей, на далекой восточной окраинѣ, въ странѣ вспыхнула революція.

вспыхнула потому, что это былъ удобный моментъ для нанесенія режиму смертельнаго удара. Загорѣлась пожаромъ Россія. Забастовали фабрики и заводы, остановились желѣзныя дороги, пересталъ дѣйствовать телеграфъ и почта, не выходили газеты, жизнь въ странѣ замерла и только революція дышала кровавымъ пламенемъ, пожарами помѣщичьихъ усадебъ и выше и выше поднималась революціонная волна.

Крамольная интеллигенція привѣтствовала японскія побѣды; не скрывая, она злорадствовала по поводу нашихъ неудачъ, и страстно желала русскаго пораженія. Она надѣялась цѣною русскаго позора, цѣною національныхъ интересовъ, купить побѣду надъ самодержавіемъ. "Макаки бьютъ кое-каковъ". "Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше", крикливо и безстыдно шумѣли по всей Россіи. "Нужно только навалиться всей силой на колеблющееся самодержавіе и оно рухнетъ"... Передавали слухъ, что Милюковъ привѣтствовалъ микадо съ побѣдой.

9 го января, революціонные вожаки, хитрые, лукавые и вѣроломные, двинули къ Зимнему дворцу, подъ прикрытіемъ иконъ и царскихъ портретовъ, рабочій пролетаріатъ столицы. На безчисленныхъ митингахъ они разожгли у рабочихъ жестокую, слѣпую, накаленную до-бѣла ненависть къ правительству, къ буржуямъ, ко всякому, кто носитъ "крахмальный воротничекъ", и къ Царю, какъ носителю верховной власти. Царю несли петицію. Эту петицію главари составили въ обычныхъ формахъ революціонной шпаргалки. Въ ней были жалкія слова, отъ которыхъ пахло приторной, лукавой фальшивкой:

"...Насъ толкаютъ все дальше въ омутъ нищеты, безправія и невѣжества... Мы немного просимъ; мы желаемъ только того, безъ чего наша жизнь — не жизнь, а каторга... Развѣ можно жить при такихъ законахъ? Не лучше ли умереть намъ всѣмъ, трудящимся? Пусть живутъ и наслаждаются капиталисты и чиновники!..."

Но кромѣ этихъ перловъ революціоннаго творчества, которые должны были вдохновить толпу, въ петиціи было еще четырнадцать пунктовъ, имѣющихъ смыслъ темный для толпы и хорошо понятный для вожаковъ. В этихъ четырнадцати пунктахъ и заключалась вся соль, вся суть предпринятаго марша "голодныхъ, ищущихъ правды". Отъ Царя требовали самоупраздненія и требованіе заканчивали словами: "Пусть Царь на эти требованія согласится и клятвенно обѣщаетъ ихъ исполнить..."

Интеллигенція стремилась къ установленію политическаго режима въ Россіи и добивалась власти уже давно. Она считала, что самодержавный режимъ отжилъ свой вѣкъ, что онъ является пугаломъ для Западной Европы, что онъ мертвитъ русскую жизнь. Она полагала, что власть должна принадлежать ей. Она жила обычными демократическими настроеніями. Она уже утра-

тила черты исконной, кондовой Россіи. Но къ власти еще болѣе страстно и напряженно стремилось революціонное, цѣпкое подполье, фабричные рабочіе и чернь. У этихъ уже совсѣмъ не было никакихъ русскихъ національныхъ чертъ. Ея интересы ограничивались неизмѣнными вожделѣніями безродной черни, интересами брюха. Ихъ боевымъ лозунгомъ была знаменитая фраза изъ Интернаціонала: "Кто былъ ничѣмъ, тотъ станетъ всѣмъ"...

Что долженъ былъ чувствовать онъ, Царь Земли Русской, когда рушились его дальневосточные планы, его надежды твердой ногой стать на берегахъ Тихаго океана? Въ своихъ мечтахъ онъ видѣлъ, какъ русскіе суда бороздятъ безпредѣльные просторы морей и какъ колышется и плещется въ лучахъ восходящаго солнца русскій флагъ. Что долженъ былъ чувствовать онъ, видя, какъ проливалась русская кровь на улицахъ столицы?...

"Тяжелый день, записалъ онъ въ дневникѣ 9 января (1905 г.). Въ Петербургѣ произошли серьезные безпорядки. Войска должны были стрѣлять въ разныхъ мѣстахъ города. Было много убитыхъ и раненыхъ. Господи, какъ БОЛЬНО И ТЯЖЕЛО"...

Сердце Государя было полно скорби. Онъ отвергъ всѣ проекты, которые ему предлагали и рѣшилъ лично переговорить съ представителями рабочихъ, какъ говоритъ отецъ съ провинившимися дѣтьми. Онъ имъ сказалъ:

"Приглашая васъ идти подавать мнѣ прошеніе о нуждахъ вашихъ, ИЗМѢННИКИ поднимали васъ на бунтъ противъ меня и моего правительства... Стачки и мятежныя сборища только возбуждаютъ безработную толпу къ такимъ безпорядкамъ, которые всегда заставляли и будутъ заставлять власти прибѣгать къ военной силѣ, а это неизбѣжно вызываетъ и невинныя жертвы.

Знаю, что нелегка жизнь рабочаго. Многое надо улучшить и упорядочить, но имѣйте терпѣніе. Вы сами по совѣсти понимаете, что слѣдуетъ считаться съ условіями нашей промышленности"...

Революція привела къ преждевременному миру, наканунѣ нашей побѣды. Японцы исчерпали свои средства, накопленныя раньшей, передъ войной, Россія же ихъ только сосредоточила.

"О, если бы Богъ даровалъ намъ побѣду, — писало "Новое Время". — Какъ бы Русь воспрянула, какъ отлетѣлъ бы отъ нея весь дымъ и чадъ, все это удушье, безтолковщина и безначаліе"...

"И неужели хоть на полгода времени нельзя вдохнуть въ интеллигенцію Россіи чувства патріотизма?..." — съ горькимъ чувствомъ замѣтилъ Куропаткинъ.

Революція привела Россію къ манифесту 17-го октября, коимъ были дарованы политическія свободы и учреждена Государственная Дума.

"Милая моя мама, — писалъ Государь Императрицѣ Маріи Федоровнѣ, послѣ подписанія манифеста. — Сколько я перемучился, ты себѣ и представить не можешь. Я не могъ телеграммой

объяснить тебѣ всѣ обстоятельства, приведшія меня къ этому страшному рѣшенію, которое я, тѣмъ не менѣе, принялъ совершенно сознательно... Ни на кого я не могъ опереться... Единственное утѣшеніе, — это надежда, что такова воля Божія, что это тяжелое рѣшеніе выведетъ дорогую Россію изъ того невыносимаго хаотическаго состоянія, въ какомъ она находится почти годъ... Мы находимся въ полной революціи, при дезорганизаціи всего управленія страною. Въ этомъ главная опасность. Но милосердный Богъ намъ поможетъ. Я чувствую на себѣ Его поддержку и какую-то силу, которая меня подбадриваетъ и не даетъ пасть духомъ. Увѣряю тебя, что мы прожили здѣсь года, а не дни, — столько было мученій, сомнѣній и борьбы"...

Привѣтствуя собравшихся членовъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, Государь открыто, честно, съ надеждой и вѣрой сказалъ имъ:

"Всевышнимъ Промысломъ врученное мнѣ попеченіе о благѣ Отечества, побудило меня призвать къ содѣйствію въ законодательной работѣ выборныхъ отъ народа.

Съ пламенной вѣрой въ свѣтлое будущее Россіи, я привѣтствую въ лицѣ вашемъ тѣхъ лучшихъ людей, которыхъ я повелѣлъ возлюбленнымъ моимъ подданнымъ выбрать отъ себя.

Трудная и сложная работа предстоитъ вамъ. Вѣрю, что любовь къ Родинѣ и горячее желаніе послужить ЕЙ воодушевятъ и сплотятъ васъ...

Да исполнятся горячія мои желанія видѣть народъ мой счастливымъ и передать сыну моему въ наслѣдіе государство, крѣпкое, благоустроенное и просвѣщенное.

Господь да благословитъ труды, предстоящіе мнѣ въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой и да знаменуется день сей отнынѣ днемъ обновленія нравственнаго облика Земли Русской, днемъ возрожденія ея лучшихъ силъ

Приступите съ благоговѣніемъ къ работѣ, на которую я васъ призвалъ и оправдайте достойно довѣріе Царя и народа. Богъ въ помощь мнѣ и вамъ".

Протянутую Царемъ искренно и чистосердечно руку, Дума отвергла. Отвергла потому, что у нея была другая цѣль, продиктованная революціоннымъ настроеніемъ и иными сторонними вліяніями. Объ этой цѣли Столыпинъ позднѣе мужественно, открыто сказалъ Думѣ: "...ВАМЪ НУЖНЫ ВЕЛИКІЯ ПОТРЯСЕНІЯ, — НАМЪ НУЖНА ВЕЛИКАЯ РОССІЯ..."

Первая Дума закончила свою дѣятельность знаменитымъ "Выборгскимъ воззваніемъ" съ призывомъ не платить налоговъ и не давать солдатъ въ войска.

Дарованіе свободъ и учрежденіе Государственной Думы не остановило борьбы, на что такъ надѣялся Государь. Въ теченіе десяти лѣтъ Дума была факеломъ, отъ котораго летѣли по всей

странѣ искры пожара. Начавшаяся война съ Германіей и Австріей вызвала патріотическій подъемъ. Но это продолжалось недолго. На одинъ моментъ пріостановилась борьба, а затѣмъ атака власти и режима вспыхнула съ новой разъяренной силой.

Передъ Государемъ, какъ призраки, замелькали тѣни враговъ. Вотъ проплылъ огромный, полный, заплывшій жиромъ, съ одышкой, съ куполообразной головой, съ желто-карими, тусклыми глазами, предсѣдатель Государственной Думы Михаилъ Родзянко. До мельчайшихъ подробностей вспомнилъ Государь ихъ послѣдній разговоръ. Родзянко говорилъ долго, топтался и кружился вокругъ однихъ и тѣхъ же вопросовъ, какъ кружится ночная бабочка вокругъ огня, и закончилъ словами:

— Общество требуетъ реформъ; требуетъ созданія отвѣтственнаго министерства, пользующагося довѣріемъ народа; требуетъ устраненія Императрицы отъ государственныхъ дѣлъ; требуетъ настоящаго народнаго представительства съ правами; требуетъ удаленія Протопопова. Растетъ народное недовольство. Мы наканунѣ огромныхъ событій, послѣдствій которыхъ предвидѣть нельзя. То, что дѣлаетъ Ваше правительство и Вы сами, до такой степени раздражаетъ населеніе, что все возможно. Всякій проходимецъ всѣми командуетъ. Если проходимцу можно, почему же мнѣ, порядочному человѣку, нельзя?

Государь вспомнилъ этотъ моментъ. Тогда онъ подумалъ: "Какую сморозилъ глупость; позавидовалъ проходимцамъ; какой недалекій человѣкъ".

Родзянко же продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Въ моемъ докладѣ я указываю Вамъ цѣлый рядъ мѣръ. Это искренно написано. Я изложилъ Вамъ правдиво то, чего требуетъ общество. Подумайте, Государь, и сдѣлайте такъ, какъ я Вамъ совѣтую. Спасайте себя.

— Я сдѣлаю то, что мнѣ подскажетъ моя совѣсть и то, что мнѣ положитъ Богъ на душу...

— Ваше Величество, Вамъ, во всякомъ случаѣ, надо очень помолиться, усердно попросить Господа Бога, чтобы Онъ показалъ Вамъ правый путь, потому что шагъ, который Вы теперь предпринимаете, можетъ оказаться роковымъ...

Государь остро почувствовалъ язвительную насмѣшку. Она обожгла его самолюбіе, какъ ударъ бича. Онъ всталъ и, смотря въ упоръ, на тяжелое, багрово-красное лицо Родзянки, на заплывшіе, невыразительные глаза, медленно и твердо сказалъ съ ледяной холодностью:

— Вы говорите, что общество требуетъ... А не кажется ли вамъ, что я также могу потребовать отъ общества и предъявить ему еще болѣе длинный списокъ обвиненій, въ началѣ котораго стоитъ подлинная измѣна и подлинное предательство. Предательство не только въ отношеніи меня, трона, но предательство болѣе

страшное: предательство Родины, Россіи, въ моментъ грозной и тяжелой войны.

Революція можетъ вспыхнуть, но исторія и Богъ насъ разсудятъ, кто былъ правъ и кто былъ виноватъ, кто защищалъ интересы родной земли, а кто защищалъ интересы фрондирующаго общества и интересы революціи въ прямомъ смыслѣ.

Общество изолгалось, исподличалось, потеряло чувство моральной отвѣтственности. Милюковъ сказалъ въ Думѣ гнусную ложь и вы его не остановили, вы не потребовали его исключенія, вы не передали дѣло о немъ прокурору, вы не заявили на всю Россію, что Милюковъ солгалъ, сказалъ неправду. Вы солидаризировались съ нимъ.

Не кажется ли вамъ, господинъ предсѣдатель Государственной Думы, что русское общество пропиталось бунтарской психологіей, что оно денно и нощно болтаетъ о заговорахъ и революціяхъ? Не сталъ ли Таврическій дворецъ мѣстомъ, откуда распространяется пропаганда по всей странѣ?

Вы требуете реформъ во время напряженной войны, когда всѣ силы народа должны быть направлены къ единой цѣли — побѣдить врага. Хорошо ли вы дѣлаете, удачно ли вы выбрали время, если васъ дѣйствительно интересуетъ побѣда? Въ моемъ правительствѣ нерѣдко были блестящіе, умные и дѣльные министры, но что вы съ ними сдѣлали? Вы ихъ затравили! Вы требуете убрать Протопова, но вѣдь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ былъ товарищемъ предсѣдателя Думы, — вашимъ товарищемъ. Сколько разъ я приспосабливалъ выборъ министровъ въ угоду Думѣ, но вы травили всякаго, кто приходилъ къ власти сегодня.

Обществу нужна революція и только революція. Но революція опасная игрушка: она опрокинетъ тронъ, но она разнесетъ и уничтожитъ все то, что вы такъ слѣпо отстаиваете. Снимите красные очки и посмотрите вокругъ себя съ благоразуміемъ. Не мнѣ искать довѣрія у васъ. Это вы должны заслужить его вновь передъ монархомъ.

— Ваше Величество, я ухожу въ полномъ убѣжденіи, что это мой послѣдній докладъ Вамъ.

— Почему?

— Потому, что я полтора часа Вамъ докладываю и по всему вижу, что Васъ повели на самый опасный путь... Вы хотите распустить Думу. Я уже тогда не предсѣдатель и къ Вамъ больше не пріѣду. Что еще хуже, я Васъ предупреждаю, — я убѣжденъ, что не пройдетъ и трехъ недѣль, какъ вспыхнетъ такая революція, которая смететъ Васъ и Вы уже не будете царствовать...

Родзянко вынулъ бѣлый батистовый платокъ и вытеръ вспотѣвшій лобъ и губы. Онъ былъ гордъ въ этотъ моментъ своей ролью политическаго дѣятеля.

— Нельзя такъ шутить съ народнымъ самосознаніемъ, съ

народной волей, съ народнымъ самолюбіемъ, какъ шутятъ тѣ лица, которыхъ Вы ставите. Нельзя ставить во главу угла всякихъ Распутиныхъ. Вы, Государь, пожнете то, что посѣяли...

— Увы, я сѣялъ добрыя сѣмена, а вы ихъ вытоптали и насадили крамолу и плевелы. Богъ дастъ, Матушка-Россія выйдетъ изъ бѣдъ...

— Богъ ничего не дастъ, — рѣзко, быстрой скороговоркой, перебивая Царя, возразилъ Родзянко. — Вы и Ваше правительство все испортили. Будетъ революція...

Вслѣдъ за Родзянко, передъ мысленнымъ взоромъ Царя появился новый врагъ, — самый умный и самый опасный. Это былъ Милюковъ. Къ его голосу прислушивались; его окружалъ ореолъ борца за "истинную демократію"; его имя было извѣстно по всей Россіи. Милюковъ нанесъ сокрушительный ударъ по монархіи. Съ того рокового дня, 16 ноября, тронъ зашатался и революція подошла къ Россіи гигантскими шагами. Съ трибуны Государственной Думы прозвучали слова объ измѣнѣ Царицы.

Съ того дня, душа Государя и его чувства вошли въ полосу безпросвѣтнаго мрака, душевной тоски и безсильнаго отчаянія. Все рушится, разлагается, все уничтожаетъ ядъ пропаганды. Царь увидѣлъ вокругъ себя паутину, которую планомѣрно и тщательно выткало революціонное подполье и либеральная общественность вмѣстѣ съ беззаботной знатью. За этой паутиной смутно вырисовывалась тѣнь огромнаго краснаго паука. Царю кажется, что паукъ корчитъ гримасы, сладострастно потираетъ мохнатыя лапы и нагло ждетъ добычи, попавшей жертвы.

Государь чувствовалъ тупую мучительную тяжесть въ головѣ; она была налита горячимъ свинцомъ. Въ ушахъ раздавался не затихающій звонъ и шумъ. Все тѣло ломило, одолѣвала слабость; въ отчаяніи хотѣлось забвенія, чтобы осталась безчувственнымъ, бреннымъ, уставшая плоть. Но душа, не переставая, тревожно ныла; въ однообразномъ, монотонномъ гудѣніи колесъ и рельсъ, въ тишинѣ безлунной ночи было что-то гнетущее, печальное и безнадежное.

Онъ всталъ и началъ снова ходить. "Надо разогнать это настроеніе, думалъ онъ; нельзя поддаваться ему, иначе раздавитъ въ порошокъ, какъ мельничный жерновъ". Но перебороть душевную тоску не смогъ. На его плечахъ лежала судьба имперіи, исходъ войны, внутреннее спокойствіе въ государствѣ. Тяжелыя мысли не уходили. Давило одиночество въ борьбѣ. Мужественныхъ Столыпиныхъ не было. Самъ онъ былъ неспособенъ рвануть, какъ Петръ, такъ, чтобы все затрещало, чтобы закружилось и потемнѣло въ глазахъ, — или самъ погибъ, или другихъ раздавилъ и все поставилъ на своемъ. Свои огорченія онъ переживалъ въ себѣ самомъ, не давая имъ вырваться наружу. Онъ безумно усталъ, жаждалъ покоя, а покоя не было...

"Кто виноватъ? — спрашивалъ онъ себя не разъ. — Виноватъ ли я или бѣдная Аликсъ, или виноваты они, что между нами легла пропасть? Развѣ я не стремился возвеличить Россію, сдѣлать ее сильной и богатой, благоустроенной и счастливой? Почему противъ насъ вооружились всѣ, даже члены семьи, даже родная сестра Аликсъ — смиренная монахиня? Какъ могла набожная, богобоязненная Элла привѣтствовать убійцъ Распутина и молиться за людей, пролившихъ кровь брата?!.. Значитъ и она осудила насъ; значитъ и она считала Распутина исчадіемъ ада, зломъ, которое надо было уничтожить".

Онъ силился уйти отъ себя, отдѣлиться, отойти въ сторону и посмотрѣть на все глазами посторонняго человѣка. Онъ совершенно честно и искренно хотѣлъ уяснить и понять истоки, начало и конецъ того клубка, который затягивался петлей на шеѣ Россіи. Онъ зналъ, что однимъ изъ порочныхъ звеньевъ въ ходѣ событій былъ Распутинъ.

— Они кричатъ: "Распутинъ — позоръ Россіи и наше несчастіе". Но въ чемъ заключается этотъ позоръ? Въ томъ ли, что во дворецъ иногда допускался простой сибирскій крестьянинъ; въ томъ ли, что онъ помогалъ сыну въ то время, какъ наука была безсильна? Въ томъ ли, что Распутинъ совершенно искренно любилъ Россію и желалъ ей блага? Они говорятъ, что "черезъ распутинскую переднюю проходили кандидаты на министерскія кресла". Но мнѣ лучше ихъ извѣстно, что это неправда. Я выбиралъ министровъ, выбиралъ, руководствуясь моими собственными соображеніями. Они вопили, что Распутинъ — это олицетвореніе сатаны, что это самый грязный, аморальный, падшій человѣкъ. Но вѣрно ли это? Не сказалъ ли митрополитъ Питиримъ, что Григорій человѣкъ необыкновенный, что въ самомъ худшемъ случаѣ, это "святой чортъ"... Развѣ не видѣли Григорія, какъ онъ тайно молился, изступленно бился о камни и по лицу его катился чуть ли не кровавый потъ...

Государь на минуту оторвался отъ грустныхъ мыслей. Паровозъ далъ протяжный гудокъ, поѣздъ замедлилъ ходъ, застучали на стыкахъ колеса, черезъ окно промелькнула пустынная, скудно освѣщенная станція, черныя фигуры желѣзнодорожныхъ служащихъ. сѣрыя строенія, проплыла околица и снова потянулось снѣжное поле.

Они приписывали Распутину пагубное участіе въ управленіи государствомъ, но даже, если бы это было такъ, развѣ не отозвался о немъ умный Витте словами весьма похвальными: "Это замѣчательный человѣкъ; человѣкъ большого ума. Онъ лучше, нежели кто, знаетъ Россію, ея духъ, настроенія и историческія стремленія. Онъ знаетъ все какимъ-то чутьемъ"...

"Какъ разгадать этого рокового человѣка?! Одни видѣли въ немъ только худшее и порочное. Для нихъ онъ былъ "мерза-

вецъ, негодяй, шарлатанъ, великій комедіантъ и удобная педаль нѣмецкаго шпіонажа". Но Аликсъ со всѣмъ ея благочестіемъ повѣрила въ него всѣмъ сердцемъ; для нея — это былъ святой старецъ, ищущій и взыскующій Бога. Со всѣмъ тѣмъ, этотъ человѣкъ обладалъ могущественной тайной силой, — онъ творилъ чудеса.

Государь вспомнилъ одну изъ ужасныхъ сценъ, когда наслѣдникъ умиралъ. Десять дней онъ лежалъ съ температурой въ 40 градусовъ. Наступилъ роковой вечеръ. Царица, не отходя, сидѣла у кровати сына, блѣдная, какъ полотно. Самъ онъ ходилъ въ тревогѣ въ сосѣдней комнатѣ. Тогда онъ спросилъ у Федорова:

— Можно ли сыну сдѣлать операцію?

— Нѣтъ, Ваше Величество. Кровоизліяніе слишкомъ глубоко. Операція потребуетъ не меньше двухъ часовъ. Ее можно сдѣлать только подъ хлороформомъ. Такой продолжительности не выдержитъ сердце Цесаревича; онъ умретъ на операціонномъ столѣ.

— Что же дѣлать?... Не думаете ли вы, что кровоизліяніе можетъ само разсосаться?...

— Ваше Величество, какъ врачъ и какъ вѣрноподданный, я обязанъ говорить правду; я не могу утѣшить Васъ въ этомъ отношеніи. Спасти можетъ только чудо.

И это чудо совершилось. Во дворцѣ появился Распутинъ. Его вызвала, минуя всѣ запреты, обезумѣвшая отъ горя и отчаянія Царица. Симбирскій мужикъ снова торжествовалъ. На утро температура пала, а черезъ двѣ недѣли наслѣдникъ уже былъ здоровъ. Что долженъ былъ думать онъ, мать, окружающіе? Какой силой сотворилъ выздоровленіе простой, почти неграмотный крестьянинъ? Божеской или дьявольской? Святой онъ, или окаянный грѣшникъ?.. Падалъ старецъ? — Да, падалъ. Валялся въ грязи, какъ песъ на блевотинѣ, но пришелъ моментъ и сотворилъ онъ то, что на языкѣ религіи называется чудомъ.

Рядомъ съ чудомъ, съ проявленіемъ силъ необъяснимыхъ, были у Григорія и "подвиги". Старца опредѣленно спаивали и толкали на безчинства. Государь вспомнилъ рапортъ Джунковскаго о похожденіяхъ Распутина въ Москвѣ. Точно жаромъ обдало его: чувство стыда разлилось до корней. Среди пьяныхъ, подбадривающихъ на откровенность, на интимныя признанія, собутыльниковъ, пьяный Григорій похвалялся своимъ могуществомъ: "Сама Сашка вышивала мнѣ эту рубашку. Сама ручку мнѣ цѣловала... Самъ тоже завсегда цѣлуетъ"...

Было ли такъ, какъ доложено и написано, или присочинили, пріукрасили и прилгали любители сочныхъ сплетенъ, но слухъ побѣжалъ по Россіи, попалъ въ полицейскій рапортъ, сталъ достояніемъ канцелярій. Страдая отъ стыда, отъ возмущенія, Царь жестоко винилъ себя, что не пресѣкъ во-время безобразій, что далъ возможность лиходѣямъ Россіи, используя Распутина, тас-

кать по кабакамъ его имя и дѣлать посмѣшищемъ его — носителя Шапки Мономаха.

"Боже мой, какъ все это вышло постыдно, недостойно и гадко"...

По новому представилась ему распутинская эпопея, толпа половыхъ эротманокъ, психопатокъ и истеричекъ, жаждущихъ "освятиться отъ батюшки". Въ непригляднемъ свѣтѣ увидѣлъ онъ окруженіе старца, его свиту: Манусовъ, Рубинштейновъ, Симановичей, Монасевичей и сбродъ прочей темной братіи; всѣхъ ихъ общество непремѣнно связывало съ дворцомъ. Предсталъ его взору Григорій — пьяный, красный, потный, съ растрепавшимися жирными волосами, по мужичьи отплясывавшій вприсядку подъ гармонь "камаринскаго" и дико, хрипло напѣвавшій: "Ахъ вы, сашки-канашки мои, размѣняйте вы бумашки мои. А бумажечки новенькія — двадцатипяти рублевенькія. Р а с к а м а р и в а й !..."

Не разъ Царь намѣревался отстранить Распутина. "Старецъ" получалъ приказъ покинуть столицу, выѣхать въ Покровское и больше не показываться. Но какъ только наслѣдникъ заболѣвалъ, какъ только доктора признавались въ своемъ безсиліи, какъ только появлялась роковая угроза, — все моментально мѣнялось. Государь не могъ не уступить Царицѣ-матери, не могъ разбить ту трепетную вѣру, которая ее поддерживала въ борьбѣ за жизнь сына.

— Меня не интересуютъ сплетни и клевета, — обычно отвѣчала она. — Если даже все, что говорятъ о нашемъ другѣ есть правда, я и тогда не соблазнюсь. На русской землѣ было много юродивыхъ, имена которыхъ горятъ передъ Господомъ. А какія непотребства учиняли они при жизни. Были мытари, были и фарисеи. Одни не смѣли поднять глаза къ Богу, каясь въ своей грѣховности, другіе похвалялись своей святостью. Пусть хулители Григорія почаще вспоминаютъ евангельское повѣствованіе, какъ привели къ Христу блудницу, чтобы спросить: "слѣдуетъ ли ее побить камнями за блудодѣяніе?" Въ іудейской толпѣ нашлась совѣсть. "Кто изъ васъ не грѣшенъ, пусть первый броситъ въ нее камень". И толпа въ смущеніи разошлась. А у нашихъ праведниковъ совѣсть луженая.

"Не общество ли само вовлекало Григорія въ развратъ, пьянство и безпутства? — продолжалъ думать Государь. — Не они ли спаивали его и пьянаго заставляли плясать, дѣлать непотребства, быть всеобщимъ посмѣшищемъ, перенося все это на дворецъ, который позоритъ себя связью съ подобнымъ типомъ? Не они ли заставляли пьянаго "старца" разсказывать о посѣщеніяхъ дворца, объ отношеніи къ нему Царицы, искусно при этомъ намекая, — не освящалась ли отъ него сама матушка-Царица? Кто ниже палъ духовно: совращаемый или совращающіе?.."

Вѣсть объ убійствѣ Распутина Государь встрѣтилъ спокойно. Онъ могъ даже почувствовать облегченіе, какъ человѣкъ, который долго несъ тяжелую ношу, усталъ, измучился и вотъ, наконецъ, она свалилась съ плечъ. Когда ему донесли о подробностяхъ убійства и о томъ, какъ молодые князья пытались скрыть концы въ воду, Царь вознегодовалъ.

— Какъ не стыдно, — сказалъ онъ, когда къ нему обратились съ просьбой о смягченіи участи Дмитрія Павловича и Феликса Юсупова. — Князь изъ Дома Романовыхъ и ближайшій родственникъ дѣйствовали, какъ обыкновенные убійцы изъ-за угла. Ставили себѣ высокую патріотическую цѣль, а въ какой обстановкѣ они осуществили свое желаніе. Спаивали, травили ядомъ, стрѣляли въ безоружнаго, добивали. Много ли въ этомъ доблести, мужества и чести? Никому не дано право убивать. Но если они думали, что совершаютъ подвигъ, надо было дѣлать его, какъ подвигъ...

Убійство Распутина показало, какъ глубока стала пропасть, раздѣлившая Государя съ его родственниками, съ оппозиціонно настроенной Думой, съ радикальной русской интеллигенціей. “Первый звонокъ революціи поданъ”, сказалъ Милюковъ, весь сіяя и радостно потирая руки. “Атмосфера расчистилась, но врядъ ли избѣжать катастрофы, замѣтилъ великій князь Николай Михайловичъ. “Пуля, убившая Распутина, попала въ самое сердце царствующей династіи”, восторженно провозгласили республиканскіе ублюдки.

Борьба съ трономъ продолжалась и послѣ убійства Распутина. Въ качествѣ боевого лозунга поставлена была новая цѣль: “Надо покончить съ Царицей и съ Протопоповымъ”... Государю донесли, что существуетъ нѣчто подобное на заговоръ съ задачей — произвести переворотъ и убить Царицу. Въ разговорахъ на эту тему принимали участіе, якобы, и нѣкоторые изъ членовъ Императорской фамиліи. Государь вспомнилъ о полученныхъ имъ многочисленныхъ письмахъ, коллективныхъ и отдѣльныхъ, отъ разныхъ лицъ. Ему захотѣлось перечитать эти письма. Онъ носилъ ихъ въ своемъ портфелѣ.

...“Пока производимый тобою выборъ министровъ, писалъ великій князь Николай Михайловичъ, при томъ же сотрудничествѣ, былъ извѣстенъ только ограниченному кругу людей, дѣла могли еще итти; но разъ способъ сталъ извѣстенъ всѣмъ и каждому и объ этихъ методахъ распространилось во всѣхъ слояхъ общества, такъ дальше управлять Россіей немыслимо.

Неоднократно ты сказывалъ мнѣ, что тебѣ некому вѣрить, что тебя обманываютъ. Если это такъ, то то же явленіе должно повторяться и съ твоей супругой, горячо тебя любящей, но заблуждающейся, благодаря злостному сплошному обману, окружающей ее среды.

Ты вѣришь Александрѣ Феодоровнѣ. Оно и понятно. Но то, что исходитъ изъ ея устъ, есть результатъ ловкихъ подтасовокъ, а не дѣйствительной правды. Если ты не властенъ отстранить отъ нея эти вліянія, то, по крайней мѣрѣ, огради себя отъ постоянныхъ систематическихъ вмѣшательствъ этихъ нашептываній черезъ любимую тобою супругу.

Если твои убѣжденія не дѣйствуютъ, а я увѣренъ, что ты уже неоднократно боролся съ этими вліяніями, постарайся изобрѣсти другіе способы, чтобы навсегда покончить съ этой системой... Твои первые порывы и рѣшенія всегда замѣчательно вѣрны и попадаютъ въ точку"...

Слова письма, какъ иглы, вонзались въ сердце. Государь зналъ, что великій князь либерально настроенъ, что онъ принадлежитъ къ придворной фрондѣ, что при случаѣ, онъ не прочь сыграть въ Филиппа Егалите. Зналъ также Государь, что Николай Михайловичъ уменъ, образованъ, способенъ неплохо разбираться въ сложныхъ, запутанныхъ процессахъ жизни и давать вѣрную оцѣнку.

Государь снова всталъ и началъ ходить. Такъ было легче думать, чтобы разогнать тоску. Ахъ, эта тревога, эти муки душевныя, — они терзали его. Спали, занесенныя снѣгомъ поля, спала ночная лиловая мгла, спали люди, звѣри, птицы. Только властелинъ этой огромной страны не спалъ и не находилъ себѣ покоя.

"Можетъ быть, онъ дѣйствительно правъ, думалъ Государь, во всякомъ случаѣ искрененъ. Онъ написалъ ужасное письмо, потому что желаетъ блага. Но вѣдь всѣ мои совѣтники на словахъ желаютъ только блага, а смотришь — выходитъ плохо. Николай Михайловичъ гордится независимостью своихъ взглядовъ, но вѣдь ни для кого не секретъ, что мнѣнія его не свободны отъ вліянія окружающей среды. Онъ грѣшитъ тѣмъ грѣхомъ, въ которомъ упрекаетъ другихъ. Онъ судитъ о вещахъ, разсматривая ихъ подъ своимъ угломъ зрѣнія и находясь при одномъ настроеніи — непроходящей ненависти къ Аликсъ, къ Распутину и Протопопову. Въ такомъ положеніи легко ошибиться...

Опять сѣлъ, опять началъ курить. Вотъ въ рукахъ Государя другое письмо. На плотномъ, золотисто-кремовомъ листѣ, съ блѣдно-голубымъ маленькимъ гербомъ въ лѣвомъ углу, бѣжали строчки крупнаго почерка великаго князя Александра Михайловича. Ихъ связывала долголѣтняя сердечная дружба; великому князю повѣрялъ онъ свои завѣтныя мысли. Но вотъ пролегла и тутъ черная полоса. Дружба осталась, но появилась сдержанность, натянутость, какая-то неловкость въ отношеніяхъ.

..."Нельзя править въ полный разрѣзъ съ желаніями всѣхъ вѣрноподданныхъ, писалъ великій князь въ письмѣ, датированномъ 4-го февраля 1917 года. Репрессивная политика только рас-

шатываетъ монархическій принципъ. Твои совѣтники продолжаютъ вести Россію и тебя къ вѣрной гибели. Недовольство растетъ съ большой быстротой, и чѣмъ дальше, тѣмъ шире становится пропасть между тобою и народомъ... Приходишь въ полное отчаяніе, что ты не хочешь внять голосамъ тѣхъ, которые знаютъ, въ какомъ положеніи находится Россія"...

Еще прошла по сердцу новая волна страданій. Государь находился въ томъ состояніи моральнаго и физическаго переутомленія, когда человѣку трудно отдавать себѣ ясный отчетъ въ своихъ переживаніяхъ, чувствахъ, настроеніяхъ и въ огромныхъ сложностяхъ жизни огромной страны. Все представлялось какъ бы въ густомъ туманѣ, черезъ который едва-едва проступало что-то смутное, неопредѣленное, тревожное, страшное, зловѣщее...

И какъ всегда, въ минуты острыхъ нравственныхъ страданій и душевной тоски, Государь обратился къ Богу, ища у Него защиты, въ молитвѣ успокоенія. Въ спальнѣ, въ мягкомъ свѣтѣ электрическихъ лампъ, отсвѣчивалъ блѣднымъ сіяніемъ серебра образъ Христа, привезенный ему изъ Іерусалима. Это была голова Іисуса въ терновомъ вѣнкѣ. Острые шипы вонзились въ мертвенно-блѣдное тѣло. По лбу и по щекамъ стекала каплями кровь. Въ голубыхъ глазахъ, устремленныхъ ввысь, свѣтилось неземное вдохновенное сіяніе, а въ заостренныхъ углахъ осунувшагося лица была запечатлѣна нечеловѣческая мука.

Государь долго смотрѣлъ на лицо Христа, не произнося ни слова. Какъ будто хотѣлъ оторваться отъ земли, оставить свою плоть и приблизиться духомъ къ величайшей тайнѣ. Скоро онъ увидѣлъ, какъ вокругъ головы Спасителя залучился свѣтъ. Ему стало казаться, что Христосъ ожилъ, смотритъ на него. Что-то дрогнуло въ сердцѣ, оборвалась тяжесть земная и зашепталъ Государь, обращаясь къ Распятому. Онъ сказалъ Ему, что пришелъ со своимъ крестомъ, что усталъ въ пути, что душа изранена, что сочится кровью сердце, что всѣ благія намѣренія обратились въ прахъ...

Когда Государь окончилъ молиться и утомленный сѣлъ въ спальнѣ на кровать, онъ увидѣлъ бѣлый конвертъ, лежавшій на подушкѣ. Это было письмо отъ Аликсъ, положенное камердинеромъ по ея приказанію. Иногда, разставаясь съ мужемъ, Царица оставляла ему такія письма. Въ этомъ было что-то дѣвическое, нѣжное, родное.

"Мнѣ такъ страстно хотѣлось бы помочь тебѣ нести твое бремя, — писала Царица. — Что я могу сдѣлать? Только молиться и молиться за тебя. Нашъ дорогой другъ въ иномъ мірѣ тоже молится за тебя, — такъ онъ еще ближе намъ...

Только будь твердъ; покажи имъ властную руку. Я знаю слишкомъ хорошо, какъ ревущіе толпы ведутъ себя, когда ты

близко. Они еще боятся тебя и должны бояться еще больше, такъ что, гдѣ бы ты ни былъ, ихъ долженъ охватывать все тотъ же трепетъ. И для министровъ ты тоже такая сила и руководитель...

Боже мой, какъ я люблю тебя. Все больше и больше; глубоко, какъ мать, съ безумной нѣжностью... Да хранятъ тебя свѣтлые ангелы. Христосъ да будетъ съ тобою и Пречистая Дѣва да не оставитъ тебя...

Чувствуй мои руки. обвивающія тебя, мои губы нѣжно прижаты къ твоимъ, — вѣчно вмѣстѣ, всегда неразлучны. Прощай, моя любовь".

Сердце Государя сжалось отъ острой жалости. Онъ понялъ по тону письма, что писала его Аликсъ въ состояніи крайняго душевнаго напряженія, надрыва и надлома. Онъ живо почувствовалъ душевную драму больной, истерзанной, затравленной и оклеветанной женщины. Что-то растерянное, неестественное и по-дѣтски жалкое слышалось въ ея утвержденіяхъ о трепетѣ ревущихъ толпъ.

"Милая, дорогая, безцѣнная Аликсъ, прошепталъ онъ. Вотъ во что обратилось то солнечное счастье, о которомъ мы когда-то мечтали"...

На глазахъ Государя навернулись слезы и медленно скатились по блѣдно-сѣрымъ щекамъ.

А за окномъ тянулась длинная зимняя ночь. Стояла полупрозрачная темень. Уходили вдаль неживые снѣга. Синій императорскій поѣздъ мчался къ Смоленску.

ВЪ СТАВКѢ

Государь прибылъ въ Могилевъ, гдѣ находился Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго, 23-го февраля, послѣ двухмѣсячнаго отсутствія.

Былъ морозный, сухой, безвѣтренный вечеръ. Догорала заря. Тускнѣли багряно-золотистыя краски; царственное великолѣпіе на небесахъ постепенно переходило въ темные тона. Надъ долиной Днѣпра спускался сумракъ; дальніе лѣса по ту сторону рѣки чернѣли надъ бѣлыми снѣгами. Тишина нѣмая стояла надъ засыпающей землей. Кое-гдѣ уже зажгли огни.

На вокзалѣ Государя встрѣтили старшіе чины Ставки. Такъ было всегда. Но въ этотъ разъ, обычная встрѣча произвела на него болѣе живое, радостное и бодрое впечатлѣніе. Увидѣвъ собравшихся генераловъ, Государь почувствовалъ какую-то особенную, почти родственную, близость къ этимъ сѣдоусымъ старикамъ; каждый изъ нихъ стоялъ у большого дѣла, — творилъ то, что помогало побѣдѣ надъ врагомъ. Государь надѣялся, что здѣсь, въ провинціальной тишинѣ, вдали отъ кипящихъ, шалыхъ страстей столицы, онъ найдетъ душевное успокоеніе и моральную поддержку. Онъ по настоящему сильно любилъ христолюбивое русское воинство. Военная среда была ему ближе, понятнѣе, роднѣе. Извѣрившись почти во всѣхъ, Государь вѣрилъ генераламъ, офицерамъ и солдатамъ. Онъ думалъ, что армія — это гранитная твердыня, о которую разобьется нѣмецкій мечъ и русская крамола.

"Армія никогда не посрамитъ земли русской". Эти слова онъ говорилъ не разъ и не одному изъ своихъ подданныхъ. Однажды, воспользовавшись добрымъ расположеніемъ Государя, одинъ изъ царедворцевъ, В. И. Мамонтовъ, сказалъ ему:

— Ваше Величество, я ни минуты не сомнѣваюсь въ доблести нашихъ войскъ, я вѣрю въ ихъ беззавѣтную храбрость и ихъ желаніе побѣдить врага, но я боюсь, что ежеминутно могущія начаться волненія въ тылу помѣшаютъ Вамъ окончить войну, какъ Вы надѣетесь...

Государь воскликнулъ съ нескрываемымъ изумленіемъ:

— Да, вы съ ума сошли; вамъ все это приснилось и присни-

лось когда-же? Чуть не наканунѣ нашей побѣды? И чего вы боитесь? Сплетенъ гнилого Петербурга и крикуновъ въ Думѣ, которымъ дорога не Россія, а ихъ собственные интересы? Можете быть спокойны... Побѣда теперь уже не за горами.

Армія вызывала восхищеніе Царя и восторженные отклики: "Армія — стражъ Россіи. Армія — это все лучшее, что Россія дала. На боевыхъ поляхъ льется сьященная, жертвенная кровь за Отечество"...

Воля къ побѣдѣ была у Государя сильнѣйшимъ императивнымъ чувствомъ. Мысль о побѣдѣ стала навязчивой идеей. Дни и ночи онъ думалъ только о выигрышѣ кампаніи. Побѣда открывала передъ Россіей широкіе, свѣтлые горизонты. Государь вѣрилъ въ побѣду, потому что для этого были налицо всѣ данныя: врагъ измотанъ, Россія пережила свои трудные моменты, армія вооружена, сильна, она способна и она готова выиграть послѣднюю битву.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь не закрывалъ глазъ на возникшія въ послѣднее время серьезныя затрудненія съ довольствіемъ войскъ и большихъ городовъ. Продукты питанія и военное снабженіе проходили далекій путь изъ Сибири. На этихъ колоссальныхъ пространствахъ проблема желѣзнодорожнаго транспорта пріобрѣтала исключительное значеніе. Параличъ сообщеній могъ привести къ неожиданнымъ роковымъ послѣдствіямъ.

Въ томъ положеніи, въ какомъ находился Государь, каждый человѣкъ могъ бы ослабѣть, опустить руки, поддаться чувству усталости, апатіи или озлобленности. Но онъ ни на одинъ моментъ не забывалъ лежащей на немъ отвѣтственности и его исторической миссіи. Воля къ побѣдѣ, воля къ жизни и чувство долга превышали въ немъ личныя переживанія. Съ цѣлью наладить всѣ вопросы, которые его тревожили, Государь прибылъ въ Ставку.

— Здравствуйте, Михаилъ Васильевичъ, — сказалъ онъ подошедшему Алексѣеву, Крѣпко пожалъ старику руку, поцѣловалъ его и спросилъ съ большимъ искреннимъ сочувствіемъ: — Какъ ваше здоровье? Помогло ли вамъ лѣченіе въ Крыму?

— Благодарю, Ваше Величество. Поправляюсь, но еще не чувствую себя здоровымъ.

— А мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы силы ваши возстановились и чтобы вы больше совсѣмъ не болѣли. Я не разъ молился Богу о ниспосланіи вамъ здоровья.

Государь внимательно разсматривалъ внѣшній видъ стараго генерала. Алексѣевъ былъ въ теплой зимней шинели и въ фуражкѣ съ надвинутымъ на лобъ козырькомъ. Лицо было болѣзненное, изнуренное и блѣдное. Даже отъ мороза оно ничуть не покраснѣло. Государь это замѣтилъ. Мягкимъ, задушевнымъ голосомъ сказалъ:

— Ваше здоровье необходимо для Россіи и для нашей побѣды.

Алексѣевъ благодарно и радостно улыбнулся. Сѣрые глаза его загорѣлись внутреннимъ свѣтомъ, заиграли морщинки и шевельнулись жесткіе, сѣдые, туго закрученные, генеральскіе усы.

Здороваясь съ чинами Штаба, Государь у каждаго что-нибудь спрашивалъ, обмѣнивался короткими словами и ласково улыбался. Подойдя къ начальнику военныхъ сообщеній, онъ спросилъ:

— Скажите, Тихменевъ, все ли вы перевозите, что необходимо для продовольствія арміи?

— Мы перевозимъ все, Ваше Величество, но долженъ доложить Вамъ откровенно, что удается это лишь потому, что даютъ намъ къ перевозкѣ очень немного, — отвѣтилъ генералъ Тихменевъ.

— Да, да... я знаю... это очень тяжело и горько... — Лицо Государя нахмурилось, улыбка сбѣжала съ него. Онъ перевелъ глаза на стоявшаго рядомъ полевого интенданта, генерала Егорьева, и сказалъ ему: — Я васъ прошу, достаньте непремѣнно продовольствіе для арміи, а вы, Тихменевъ, его перевезите. Я не сплю по цѣлымъ ночамъ, когда думаю, что армія можетъ голодать...

Во время обѣда Государь сказалъ Алексѣеву:

— Меня тревожитъ внутреннее положеніе. Нездоровая, неспокойная атмосфера сейчасъ въ Петербургѣ. Клевета, сплетни, вздорные слухи и политиканство, какъ заразная болѣзнь, поразили столичное общество. Намъ надо выиграть только два мѣсяца. Если ничего не произойдетъ до весны, Россія будетъ спасена. Надо преодолѣть транспортныя и продовольственныя затрудненія. Я такъ горячо прошу Бога спасти Россію! Помогите мнѣ въ этомъ.

Алексѣеву послышались трагическія нотки въ голосѣ Императора, особенно въ послѣднихъ словахъ. Съ полной искренностью, поддавшись впечатлѣнію минуты, онъ отвѣтилъ.

— Ваше Величество, мы все сдѣлаемъ, что будетъ въ силахъ человѣческихъ для нашей побѣды. Съ Божьей помощью мы справимся со всѣми трудностями. Худшее мы уже пережили...

* *
*

Но у Алексѣева была на душѣ одна страшная тайна. И онъ ее скрылъ отъ Государя. Скрылъ не безъ внутренней борьбы; скрылъ сознательно, успокаивая свою совѣсть мыслью, что роль его была пассивна и что такъ лучше будетъ. Когда Государь дѣлился съ нимъ своими сокровенными мыслями, разсказывалъ

о своихъ терзаніяхъ, тревогахъ и надеждахъ, — Алексѣевъ чувствовалъ, какъ маленькое пятно на совѣсти жгло его душу.

Алексѣевъ былъ человѣкъ простой, сердечный и скромный. Онъ не принадлежалъ ни къ типу карьеристовъ-честолюбцевъ, ни къ типу царедворцевъ. Онъ былъ только человѣкъ дѣла. Государя любилъ безъ слащавости и относился къ нему, какъ вѣрноподданный. Когда въ пасхальную ночь 1916 года, передъ Свѣтлой Заутреней, Государь зашелъ къ нему въ комнату и поздравилъ его своимъ генералъ-адъютантомъ, старикъ прослезился и, чего совсѣмъ не ожидалъ Государь, поцѣловалъ ему руку.

А потомъ, въ его сердце влили капельку яда. Однажды, во время болѣзни, въ Севастополѣ, его посѣтилъ Александръ Ивановичъ Гучковъ. Этотъ человѣкъ ненавидѣлъ Государя, и еще болѣе Царицу.

Кто онъ былъ? И друзья и враги сходились въ общей оцѣнкѣ. Обычно говорили: "Неугомонный и неутомимый интриганъ; человѣкъ авантюрнаго склада; умный, талантливый и просвѣщенный честолюбецъ; натура страстная, безпокойная и кипучая; характеръ властный и упорный; искренній патріотъ, влюбленный въ Москву и въ Московскую Русь; одинъ изъ самыхъ большихъ общественныхъ дѣятелей".

Начиная съ шестнадцатаго года, Гучковъ увлекся идеей государственнаго переворота. Въ его головѣ постоянно тѣснились мысли о заговорѣ, постоянно онъ строилъ всевозможные планы низложенія Императора и шелъ вплоть до его убійства. Онъ разъѣзжалъ по фронту, агитировалъ среди тѣхъ, кого хотѣлъ привлечь на свою сторону, чутьемъ угадывалъ среди генераловъ единомышленниковъ и увлекаясь самъ, увлекалъ другихъ. Съ цѣлью позондировать почву, онъ посѣтилъ больного Алексѣева.

— Вы, можетъ быть, не представляете во всей полнотѣ, широтѣ и глубинѣ внутреннее состояніе Россіи, — сказалъ онъ Алексѣеву. — Не представляя и не учитывая этого, вы не можете вести войну. Мрачна и безотрадна картина дней нашей жизни. Всюду, во всѣхъ отрасляхъ, царитъ полное разстройство, разруха и распадъ. Все гніетъ. Правительство состоитъ изъ ничтожныхъ личностей, мелькающихъ и исчезающихъ съ быстротой молніи. Царь безволенъ, слабъ, безхарактеренъ и цѣликомъ находится подъ вліяніемъ Царицы. А она, въ свою очередь, подъ вліяніемъ Распутина и шайки крупныхъ и мелкихъ мерзавцевъ. Національныя чувства оскорблены. Между Царемъ и Россіей легла пропасть.

Государственная Дума исчерпала всѣ возможности для мирнаго выхода изъ создавшагося положенія. Ея желаніе очень скромное: "отвѣтственное министерство". Но Царица внушаетъ Императору: "Не уступай. Ты повелитель, ты самодержецъ, ты поставленъ Богомъ. Стукни кулакомъ, покажи смутьянамъ свою

сильную руку. Сошли въ Сибирь, или еще лучше, прикажи повѣсить Милюкова, Гучкова и Родзянко"...

Съ фанатической настойчивостью, не желая ни съ чѣмъ считаться, Царица защищаетъ Распутина. Она отстаиваетъ человѣка, котораго ненавидитъ и проклинаетъ вся страна. Бѣлая горностаевая мантія Царя, увы, достаточно уже выпачкана въ грязи. Всѣ попытки открыть ей глаза оканчивались плохо для лицъ, пытавшихся это сдѣлать. На всѣ представленія слѣдовало одно: "Дай понять всѣмъ, что преслѣдуя нашего друга, или позволяя на него клеветать, они дѣйствуютъ прямо противъ насъ".

Я не говорю выдумки. Въ моихъ рукахъ есть рядъ документовъ, касающихся дѣятельности "святого старца". Одинъ изъ нихъ озаглавленъ: "Выписка изъ данныхъ наружнаго наблюденія за Григоріемъ Распутинымъ за время съ 1-го января 1915 года по 10-е февраля 1916 года". Подъ этимъ документомъ стоитъ подпись начальника петроградскаго Охраннаго Отдѣленія генерала Глобачева.

Самыя буйныя предположенія насчетъ цинизма, порнографіи, голаго разврата и дикихъ кутежей, не дадутъ того, что даетъ этотъ сухой полицейскій документъ. Новеллы Декамирона, — стыдливая наивность въ сравненіи съ тѣмъ, что описано въ этомъ рапортѣ охранки. Буквально день и ночь Распутинъ проводилъ въ развратѣ, пьянствовалъ, буянилъ, безобразничалъ и, совокупляясь, освѣщалъ "благодатью" психопатствующихъ поклонницъ. Похотливость грязнаго мужика превосходитъ всякое воображеніе.

Невозможно читать этотъ документъ спокойно. Все существо клокочетъ отъ негодованія, стыда и боли. Вотъ до чего мы дошли...

Гучковъ говорилъ съ великолѣпнымъ ораторскимъ искусствомъ: горячо, красиво, страстно. Голосъ его мѣнялся, то холодѣлъ, чеканилъ слова, то повышался, то срывался. И вмѣстѣ съ тѣмъ мѣнялось выраженіе его лица: оно то загоралось страстью, негодованіемъ, то принимало спокойный, холодный видъ, то улыбалось саркастической улыбкой.

— Что же я могу вамъ сказать въ заключеніе? Вездѣ настроеніе большой близкой грозы. Лопается народное терпѣніе. Самодержавіе приблизило собственную гибель. Нуженъ переворотъ, иначе будетъ такая революція, какой Россія еще не переживала за все свое историческое существованіе.

Алексѣевъ слушалъ молча, не перебивая, не дѣлая замѣчаній и вставокъ, ничего не переспрашивая. Его умные сѣрые, слегка косящіе, глаза, смотрѣли спокойно, не мигая, не уклоняясь въ сторону. Иногда казалось, что онъ что-то раздумываетъ, что въ этой большой головѣ, съ высокимъ лбомъ, формируются какія то мысли. Но ни одно движеніе на лицѣ, ничто, не давало воз-

можности понять, что думаетъ этотъ большой человѣкъ и какъ онъ относится къ сказанному.

Гучковъ замолкъ. У него былъ огромный опытъ по части закулисныхъ интригъ. Онъ легко распознавалъ движеніе человѣческихъ чувствъ; раскусывалъ, такъ сказать, людей, кто чѣмъ дышетъ и чѣмъ пахнетъ. Но здѣсь онъ ничего не уловилъ. И съ нѣкоторой тревогой ждалъ отвѣта.

— Вы все сказали? — спросилъ Алексѣевъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— На эту несчастную тему можно говорить и очень много и очень долго.

— Тогда я поставлю вамъ дополнительный вопросъ: какъ вы предполагаете совершить переворотъ? Въ какой формѣ?

— Простѣйшій способъ — заманить Царя въ ловушку, напримѣръ — захватить его на какой-нибудь глухой станціи, арестовать и потребовать отреченія. Если откажется — убить и объявить народу о внезапной смерти, скажемъ, отъ сердечнаго припадка. Существуетъ второй планъ: уничтожить Царицу, а Государя принудить отказаться отъ самодержавныхъ прерогативъ. Варіаціи могутъ быть различны. Важна цѣль — спасеніе Отечества, а способъ не имѣетъ значенія...

— Кажется, вы ничего мнѣ не сказали новаго, за исключеніемъ рапорта Глобачева; но я не имѣю вкуса и охоты къ чтенію полицейскихъ новеллъ о Распутинѣ, — началъ свою рѣчь Алексѣевъ. — Вы, конечно, сгустили краски. Вы впали въ ошибку и переоцѣнили значеніе тѣхъ событій, о которыхъ вы говорили.

Послѣ трехъ лѣтъ войны, каждое государство испытываетъ тѣ или иныя затрудненія. Въ этомъ отношеніи Россія находится скорѣе въ выгодныхъ условіяхъ. Во всякомъ случаѣ, положеніе нашихъ враговъ гораздо хуже нашего.

Мы переживаемъ, несомнѣнно, тяжелое состояніе: хромаетъ транспортъ, мало поступаетъ продовольствія. Но тяжесть заключается не только въ этомъ. Страшнѣе для насъ та атмосфера, которая господствуетъ въ столицѣ. Я считаю, что эта атмосфера создана искусственно и Государственная Дума сыграла въ этомъ дѣлѣ не послѣднюю роль.

То, что волнуетъ васъ, Думу, петроградцевъ, придворные круги и либеральное общество, вовсе не волнуетъ Россію, которой нѣтъ никакого дѣла до того, будетъ или не будетъ у насъ отвѣтственное министерство, самъ ли Государь избираетъ своихъ министровъ, или ему кто-то совѣтуетъ. И совсѣмъ по иному пойметъ простой народъ, почему "господа" такъ вооружились противъ Государя за то, что онъ приблизилъ къ себѣ простого крестьянина.

Къ вопросу надо подходить спокойно и объективно, не давая чувству страстности и негодованія овладѣть головой. Распу-

тинъ расцвѣлъ только потому, что русское общество находится въ процессѣ глубокаго нравственнаго разложенія. Обвиняемъ другихъ, когда сами кругомъ виноваты.

Выгодно ли намъ раздувать въ настоящее время дѣло о Распутинѣ, бороться за отвѣтственное министерство, вопить о внутреннихъ нестроеніяхъ и накалять страсти? Нѣтъ — невыгодно. Выгодно ли намъ раздувать всѣ эти безпочвенные разговоры о слабомъ, безхарактерномъ Царѣ, о засиліи Царицы, о переворотѣ? Нѣтъ — невыгодно. Ведя борьбу противъ Царя, сѣя въ народѣ смуту, подогрѣвая революціонный духъ, вы, господа, рубите сукъ, на которомъ держится Россія; вы готовите взрывъ.

Не странно ли вамъ, Александръ Ивановичъ, что сумасшедшая атмосфера начала особенно сгущаться въ тотъ самый моментъ, когда мы побѣдоносно провели наступленіе этого года, захватили огромную территорію — всю Буковину и часть Галиціи, взяли болѣе полумилліона плѣнныхъ и когда мы готовы къ новой большой кампаніи, быть можетъ, послѣдней. Вѣдь мы подошли къ порогу конца войны.

Вы утверждаете, что Дума борется за сплоченіе всѣхъ силъ народа во имя побѣды?! Но можете ли вы поручиться, что сѣя вѣтеръ, вы не пожнете бурю? Не разразится ли все это смутой, которая выведетъ Россію изъ числа воюющихъ державъ и кончится для насъ небывалымъ военнымъ разгромомъ? Не забывайте, что армія устала. Я именно это и предвижу. Вы, господа, стали на опасный путь.

Надо всѣ чувства и страсти подчинить главному, — довести войну до побѣднаго конца, а всѣ второстепенные вопросы, какъ бы они ни были остры — отложить на послѣ. Надо прекратить внутреннюю борьбу. Съ тѣмъ, что есть, мы побѣдимъ врага, — съ революціей — никогда.

Когда они разставались. Алексѣевъ сказалъ:

— Давайте, условимся. Разговора, который былъ, — не было. Вы мнѣ ничего не предлагали и ни во что меня не посвящали.

Позже Алексѣевъ узналъ, что Гучковъ не разъ посѣтилъ Брусилова и Рузскаго, велъ съ ними разговоры и встрѣтилъ сочувственное отношеніе къ плану государственнаго переворота.

* *
*

Въ Могилевѣ Верховный вождь Русской Арміи и Самодержецъ Всероссійскій занималъ двѣ маленькихъ комнаты въ неуютномъ губернаторскомъ домѣ. Одна изъ нихъ служила спальней, другая — рабочимъ кабинетомъ. Въ спальнѣ стояли столикъ, два стула, умывальникъ и двѣ узкихъ походныхъ кровати: одна

для Государя, другая для наслѣдника. На стѣнѣ, у изголовій, висѣли различныя иконы. Никакой роскоши и никакихъ спеціальныхъ удобствъ не было.

Эта спартанская обстановка удивляла людей, привыкшихъ представлять царскую жизнь въ блескѣ и великолѣпіи дворцовъ. Поражала ихъ также простота и непритязательность Царя, его скромный, сѣрый солдатскій нарядъ, походная защитная рубаха, потертыя шаровары и не первой молодости, не разъ уже чиненные, боксовые сапоги.

— Ваше Императорское Величество, — обратился однажды, въ приливѣ вѣрноподданническихъ чувствъ, могилевскій губернаторъ, Александръ Ивановичъ Пильцъ — мужчина длинный, съ длинной жилистой шеей и тонкими ногами, похожій на цаплю, — разрѣшите мнѣ пополнить ваше жилище какой-либо обстановкой изъ моей квартиры.

— Зачѣмъ? — удивленно спросилъ Государь. — Здѣсь все есть, что нужно.

— Ужъ очень пусто и неуютно, Ваше Величество. У меня любой колежскій регистраторъ живетъ лучше, — сознался Пильцъ.

— Вотъ какъ, — улыбнулся Государь. — Послушайте, Пильцъ, какъ вы думаете, на фронтѣ наши офицеры и солдаты спятъ на пуховикахъ, живутъ въ уютной обстановкѣ? — И не давая смутившемуся губернатору отвѣтить, добавилъ: — Они спятъ зачастую на голой, сырой землѣ. Они несутъ огромныя лишенія, подвергаясь въ то же время опасностямъ. Сейчасъ мы не имѣемъ права думать о нашихъ личныхъ удобствахъ.

— Ваше Величество, “кесарево кесареви, а Божіе Богови”. Каждому свое.

— Это вѣрно. Земная власть возложена на меня Богомъ. Вся моя жизнь принадлежитъ Россіи. Но “кто хочетъ быть первымъ, да будетъ всѣмъ слуга”...

Въ этотъ вечеръ своего пріѣзда Государь не работалъ у себя въ кабинетѣ, какъ обычно, до глубокой ночи. Въ халатѣ, въ мягкихъ туфляхъ, онъ сидѣлъ около камина, смотрѣлъ, какъ пылали, потрескивая, полѣнья; какъ переливался дрожа золотисто-бѣлый, раскаленный жаръ; какъ тускнѣли перегорѣвшіе угли и, тихо осѣдая, разсыпались серебристо-сѣрой золой. Созерцаніе навѣвало покой на душу.

Послѣ суетнаго Петрограда, онъ почувствовалъ себя здѣсь легче, свободнѣе; встрѣча съ генералами оживила его надежды и бодрость. На душу спустился миръ, котораго онъ такъ жаждалъ, какое-то состояніе нѣжной и смутной печали овладѣло имъ при видѣ давно покинутыхъ мѣстъ, комнатъ, вещей и всего, съ чѣмъ была связана жизнь въ теченіе этихъ двухъ тревожныхъ лѣтъ.

Мысли Государя неслись къ прошлому, отъ котораго вѣяло

грустью и очарованіемъ невозвратно минувшаго. Огромная память легко возстанавливала въ мельчайшихъ подробностяхъ картины пережитого. Это прошлое онъ противопоставлялъ настоящему, въ тайной надеждѣ найти указаніе для будущаго. Въ воспоминаніяхъ проходили событія большого историческаго значенія. Онъ вспомнилъ незабываемыя минуты, когда послѣ объявленія въ Георгіевскомъ залѣ о началѣ войны, онъ вышелъ на крыльцо Зимняго дворца. Огромная площадь была полна народомъ. Она гудѣла глухимъ гуломъ, какъ шумъ большихъ водопадовъ. Въ этомъ народномъ гулѣ десятковъ тысячъ людей была живая душа Россіи. При видѣ его, толпа дрогнула, раздался могучій крикъ: " Ура " и всѣ, какъ одинъ, опустились на колѣни.

"Боже, Царя Храни" — запѣли первые ряды". "БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ" — подхватили другіе дальше и скоро вся площадь, весь народъ, пѣлъ національный гимнъ. Въ этотъ моментъ "БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ" было наивысшимъ выраженіемъ русскихъ чувствъ. Лица горѣли страстнымъ возбужденіемъ, экстазомъ восторга, по щекамъ текли слезы. Россія поднялась на брань.

"Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки"...

И такъ близки были русскому сердцу и каждой душѣ завѣтныя, великія слова:

"Царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ,
ЦАРЬ ПРАВОСЛАВНЫЙ"...

Дивнымъ, величественнымъ звукамъ внимало синее бездонное небо, внимала Александровская колонна, императорскіе орлы, парящіе надъ дворцомъ, ангелъ побѣды и бѣшеные кони надъ аркой Главнаго Штаба; внималъ Великій Петръ, вздыбившій горячаго коня, блестящая Екатерина и всѣ творцы великой славы и блеска имперіи, прошедшіе здѣсь свой жизненный путь.

Затѣмъ въ первыхъ числахъ августа Государь посѣтилъ первопрестольную столицу. Стояли жаркіе дни. Надъ Москвой — сердцемъ Россіи — поднималась свѣтлая, бездонная яркая синь неба. Съ волненіемъ смотрѣлъ онъ на величавую красоту бѣлыхъ кремлевскихъ храмовъ, на блескъ золотыхъ куполовъ и на своеобразный, характерный для Московіи, русскій стиль старинныхъ башенъ.

Гудѣли мѣдные, литые, сладкозвонные колокола сорока сороковъ церквей. Безчисленныя толпы народа восторженно

встрѣчали слѣдовавшаго Императора, падали передъ нимъ на колѣни, протягивали къ нему руки, крестили его и кричали съ любовью: "Здравствуй, Царь-Батюшка!". Старая Москва била челомъ своему Царю.

Въ этотъ день Государь сказалъ собравшимся москвичамъ, людямъ всѣхъ возрастовъ, половъ и званій:

"Въ часъ военной грозы, такъ внезапно и вопреки моимъ намѣреніямъ, надвинувшейся на миролюбивый народъ мой, я, по обычаю державныхъ предковъ, ищу укрѣпленія душевныхъ силъ въ молитвѣ у святынь московскихъ, въ стѣнахъ древняго Кремля.

...Отсюда, изъ сердца русской земли, я шлю доблестнымъ войскамъ моимъ и мужественнымъ иноземнымъ союзникамъ, за одно съ нами поднявшимся за попранныя начала мира и правды, горячій привѣтъ. Съ нами Богъ!".

Дни пребыванія въ первопрестольной столицѣ оставили большое, яркое и сильное впечатлѣніе. Это зависѣло отъ многихъ причинъ. Оттого, что въ эти дни стояла великолѣпная погода, сіяло въ глубинѣ голубыхъ, спокойныхъ небесъ яркое солнце и мрѣли въ осеннихъ прозрачно-синихъ туманахъ подмосковныя лѣсныя дали, подернутыя первымъ багрянцемъ. Оттого, что гудѣлъ при встрѣчѣ торжественный перезвонъ колоколовъ и толпы народа привѣтствовали его съ любовью и восторгомъ. Оттого, что старая московская знать встрѣтила его по-московски, съ открытой душой, широко и хлѣбосольно.

Но не это было самое главное. Главное заключалось въ глубокомъ, мистически-религіозномъ настроеніи, которое онъ почувствовалъ въ стѣнахъ древнихъ московскихъ храмовъ, гдѣ каждый камень говорилъ о прошломъ, о старинѣ далекой-далекой. Оно обожгло его страшнымъ, таинственнымъ огнемъ. Онъ молился у святынь кремлевскихъ, передъ потемнѣвшими ликами, гдѣ въ грозную годину молились предки; онъ чувствовалъ эти священные камни, на которыхъ стояли въ Бозѣ почивающіе цари московскіе и всея Руси. Онъ просилъ святителей и чудотворцевъ о помощи, о дарованіи побѣды; онъ хотѣлъ прошлое великой страны слить съ настоящимъ и настоящее сдѣлать достойнымъ прошлаго.

Въ эти "московскіе" дни Государь посѣтилъ Успенскій соборъ, гдѣ короновались цари и гдѣ почивали святѣйшіе патріархи Гермогенъ и Филаретъ. Онъ побывалъ въ Архангельскомъ соборѣ и долго стоялъ на колѣняхъ въ безмолвіи, у гробницъ великихъ державныхъ Государей. Онъ съѣздилъ въ Троицко-Сергіевскую Лавру, гдѣ престарѣлый архимандритъ Товій благословилъ его иконой, написанной на гробовой доскѣ святого Сергія Радонежскаго.

Въ одну изъ ночей ему показалось, что онъ проснулся, услышавъ какой-то необыкновенный шумъ. Онъ прислушался. За стѣ-

нами дворца гудѣлъ глухой гомонъ множества людей, слышалось ржанье коней, гулкій топотъ, пронзительные свистки паровозовъ, громыханье колесъ, отдаленная военная пѣсня и чей-то близкій надрывный женскій плачъ.

Ему далѣе казалось, что онъ подошелъ къ окну. Надъ Москвой стояла полная луна. Въ свѣтлой синевѣ сказочной ночи таинственно высились, мерцая темнымъ золотомъ, купола церквей. Замоскворѣчье тонуло во мглѣ серебряннаго тумана. Городъ былъ какъ призрачный и красота его была неописуемая... Очарованіе продолжалось. Государю чудилось, что свѣтлая мгла живетъ, что ее наполняютъ безплотныя тѣни, что на улицахъ и площадяхъ движутся потоки предковъ въ странныхъ одѣяніяхъ. Память развертывала великую лѣтопись родной страны, родного народа и этого чуднаго города не разъ осаждаемаго, захватываемаго врагами, горѣвшаго и возстававшаго изъ-подъ пепла.

Ему представилась Россія, поднявшая мечъ для защиты маленькаго сербскаго народа, для защиты свободы, чести, права и правды. Представилась не въ образѣ величавой, царственной, порфироносной жены, но въ видѣ простой крестьянки въ платочкѣ, съ застывшимъ, невыплаканнымъ горемъ въ глазахъ, согнувшейся подъ тяжестью непосильной ноши, подъ тяжестью креста.

Сердце Государя пронизала острая жалость къ русской женщинѣ, къ русской матери, у которой война отняла сыновей, къ женѣ, оставшейся безъ мужа-кормильца. Онъ былъ по душѣ крестьянскій царь; жалѣлъ искренно простыхъ бѣдныхъ людей, которые несли на своихъ плечахъ всѣ государственныя тягости, нужды, пользовались малымъ, не притязали на многое, а въ минуту военной грозы, шли безропотно защищать родную землю отъ враговъ.

Гулко пробили у Ивана Великаго два часа. Какъ по командѣ, будя тонкую серебристую мглу, отозвались колокола московскихъ церквей. Государь окончательно проснулся. Понялъ, что онъ находился въ состояніи полусонномъ, полубредовомъ, промежуточномъ, когда человѣкъ полубодрствуетъ, полудремлетъ и когда сознаніе притушено, пригашено, находится какъ бы въ полумракѣ. Въ глазахъ еще стоялъ скорбный образъ, согнувшейся русской женщины въ слезахъ. Въ ужасѣ, передъ страшнымъ рокомъ, онъ думалъ, что потечетъ потоками кровь народа, что самые молодые, здоровые и сильные пойдутъ на поля брани и многіе изъ нихъ никогда не вернутся назадъ. Онъ зналъ, что неизбѣжно будутъ множиться по лицу родной земли горе, бѣды и слезы. Зналъ, что будетъ разносить по полямъ вѣтеръ страшный воющій плачъ осиротѣлыхъ матерей, женъ и сиротъ. Зналъ и... плакалъ.

Съ начала войны Государь неустанно колесилъ по родной

землѣ: встрѣчалъ и провожалъ войска, идущія на фронтъ, молился вмѣстѣ съ ними, благославлялъ ихъ на великій подвигъ биться смертнымъ боемъ съ врагами, вливалъ въ ихъ души ту грозную русскую силу, которая множество разъ проявлялась потомъ на поляхъ, обагренныхъ кровью.

Государь оставался внѣшне спокойнымъ. И только Богъ, да Государыня знали, какія душевныя терзанія переживалъ человѣкъ, считавшій себя отвѣтственнымъ за историческія судьбы Россіи. Въ первомъ "военномъ" письмѣ Государыня писала мужу:

"Мой родной, мой милый! Я такъ счастлива за тебя, что тебѣ удалось поѣхать, такъ какъ я знаю, какъ глубоко ты страдалъ все это время. Твой безпокойный сонъ доказывалъ это.

Это путешествіе будетъ маленькимъ отдыхомъ для тебя, и я надѣюсь, тебѣ удастся повидать много войскъ. Могу себѣ представить ихъ радость при видѣ тебя, а также и твои чувства.

Только бы хорошія извѣстія въ твое отсутствіе, ибо сердце обливается кровью при мысли, что тяжелыя извѣстія тебѣ приходится переживать въ одиночествѣ.

Уходъ за ранеными служитъ мнѣ утѣшеніемъ, и вотъ почему я даже въ это послѣднее утро намѣрена туда идти, въ часы твоего пріема, для того, чтобы подбодрить себя и не расплакаться передъ тобой"...

И не дожидаясь отвѣта, полная нетерпѣнія, Царица писала ему на слѣдующій день новое длинное письмо, информируя подробно обо всемъ, что произошло въ его отсутствіе.

"О, любовь моя, какъ тяжко было прощаться съ тобой и видѣть это одинокое, блѣдное лицо, съ большими грустными глазами въ окно вагона"...

Картина за картиной, какъ на экранѣ, проходили передъ Государемъ города, которые онъ посѣтилъ, люди, которыхъ онъ видѣлъ; проходила вся Россія, пришедшая въ движеніе. Вспомнилъ трогательный, яркій случай. Въ Новочеркасскѣ, при выходѣ изъ собора, ему поклонился старикъ-казакъ, высокій, стройный, съ большой бѣлой бородой, въ военной формѣ, съ вахмистерскими лычками, съ колодкой георгіевскихъ крестовъ и медалей, "забалканецъ", какъ его называли. Онъ сказалъ:

— Царь-батюшка, въ турецкую кампанію я видѣлъ Твоего дѣда — Царя-Освободителя; послѣ я видѣлъ Твоего родителя — Царя-Миротворца; нынѣ вижу Тебя — Царя-Благочестивѣйшаго. Господь сподобилъ меня жить при четырехъ Императорахъ. Но я еще силенъ и готовъ снова пойти воевать за Матушку-Россію и за мой славный тихій Донъ...

Но были и въ этотъ вечеръ моменты, когда Государь не могъ вспомнить, о чемъ онъ думалъ. Происходили какіе-то странные правалы и обрывы въ сознаніи. Набѣгала волна и уносила цѣ-

ликомъ въ таинственную тьму, какъ бы въ небытіе, когда казалось, что въ цѣпи мыслей получались зіяющія пустоты, какъ будто никакихъ мыслей вовсе не было.

— О чемъ я думалъ? — спрашивалъ себя, очнувшись Государь. — Что со мною? И не могъ вспомнить. Но зналъ твердо, что онъ, несомнѣнно, о чемъ-то думалъ и что мысли его были нерадостными. Имъ овладѣвала та безотчетная тревога, которая, набѣгая волнами, не давала ему покоя, какъ ни старался онъ отпугнуть ее, или утолить ея остроту. Она, какъ ржавчина, точила неустанно душу и сердце.

Однако, оторвавшись отъ Петербурга, Государь, несомнѣнно, почувствовалъ успокоеніе расходившихся нервъ. Во время пути его встрѣчали подданные и радостными криками привѣтствовали. Значитъ не было у нихъ той, спеціально петербургской, вражды и ненависти, которыя родились въ салонахъ, въ Думѣ, въ подпольѣ и которыя усердно насаждали въ рабочихъ кварталахъ профессіональные пропагандисты.

Подкладывая полѣнья, Государь вспомнилъ впечатлѣнія давно позабытыхъ лѣтъ. Въ дѣтствѣ онъ любилъ смотрѣть на пылающій каминъ, на золотистое мерцаніе, раскаленныхъ углей; ему нравилась полутьма, таинственность, багровые отблески огня на лицѣ и нѣжное, ласкающее тепло. На душѣ стало мягче, тише, покойнѣе.

Ложась спать, Государь, по обыкновенію, молился. "Отче нашъ, иже еси на небесехъ", читалъ онъ раздѣльно, внятно и поминутно крестясь. Всякій разъ онъ находилъ въ словахъ молитвы что-то близкое, сливающее его съ огромнымъ міромъ, съ безпредѣльными космическими пространствами вселенной, съ Отцомъ невѣдомымъ и непостижимымъ. "Да святится имя Твое; да пріидетъ царствіе Твое; да будетъ воля Твоя"...

4.

Въ этотъ вечеръ въ Могилевѣ было много разныхъ оживленныхъ разговоровъ. Старый губернскій городъ былъ все-таки провинція, несмотря на нахожденіе въ немъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Пріѣздъ изъ столицы двухъ-трехъ десятковъ лицъ, давно отсутствовавшихъ, естественно, вызвалъ разспросы о жизни Петербурга, о знакомыхъ, о слухахъ и сплетняхъ, о томъ, какъ живутъ разныя дамы и разные господа и что есть новаго въ мірѣ. Каждый вопрошалъ и говорилъ о томъ, что его больше всего интересовало. По складу характера, по темпераменту и по настроеніямъ — люди разные, и влеченія у нихъ тоже разныя. Однихъ развлекали и услаждали разговоры о женщинахъ, о дамахъ свѣта и полусвѣта, о томъ, какъ живетъ очаровательная Н. Н. и аппетитная Катринъ М., какъ встрѣчали и про-

водили Новый Годъ — тема, никогда не теряющая соблазна; другихъ занимали вопросы о томъ, что говорятъ въ столицѣ, слухи, сплетни и скоро ли у насъ произойдетъ революція.

— Что новенькаго, ваше превосходительство? — спросилъ штабной полковникъ у генерала Дубенскаго, пріѣхавшаго въ литерномъ поѣздѣ изъ Петрограда. — Вы нашъ современный Несторъ-лѣтописецъ. Все видите и все знаете. Пишете не мудрствуя лукаво. Ваши писанія для меня настольная книга. Какъ ложусь спать, на сонъ грядущій, такъ и читаю ваши произведенія и навѣваете вы мнѣ сны золотые. Всегда думаю, вотъ человѣкъ, который пишетъ и пишетъ незамѣтно правдивыя сказанья, — "да вѣдаютъ потомки православныхъ родной земли минувшую судьбу".

На губахъ полковника змѣилась подозрительная, хитрая улыбка. Бѣлобрысое лицо съ рыжими бачками блестѣло, какъ вымытое въ маслѣ; глаза ехидно играли и что-то іезуитское таилось въ насмѣшливомъ взглядѣ. Лицо, какъ будто говорило: "подсижу и тяпну".

— Да что же я могу вамъ сказать? — отвѣтилъ польщенный генералъ. — Я люблю жизнь въ Ставкѣ; мнѣ у васъ нравится. Всегда пріѣзжалъ съ радостнымъ возбужденіемъ. А вотъ на этотъ разъ ѣхалъ неохотно; съ тревогой покинулъ столицу. Неспокойно въ Петербургѣ. Того и гляди, какъ бы не полыхнуло пожаромъ.

— А вы что-же, ваше превосходительство, имѣли ввиду возложить на себя роль брандмейстера и принять мѣры къ его тушенію? Надѣялись справиться собственными силами? Или, можетъ быть, къ намъ пожаловали за поддержкой?

— Ну, ужъ тамъ тушить — не тушить, а все-таки въ такое время быть вмѣстѣ съ семьей лучше.

— Тэкъ-съ, тэкъ-съ... Иными словами, — nous aurons bientôt la révolution. N'est ce pas, Votre Execellence?

Полковникъ говорилъ все съ той-же насмѣшливой улыбочкой, не мѣняя тона и не мѣняя выраженія.

— Съ вашего позволенія, я вамъ доложу мое скромное мнѣніе. Пожары зарождаются иногда самопроизвольно. Залежалось что-нибудь очень долго, началось гніеніе, а тамъ, смотришь, и пожарчикъ возникъ. Напримѣръ, нельзя въ XX вѣкѣ жить такъ, какъ жили въ XVII, XVIII или даже въ XIX. Жизнь идетъ впередъ и рѣдко поворачиваетъ вспять. Это законъ, его же не прейдеши. Нельзя переть противъ рожна и плыть упрямо противъ теченія. Надо умѣть сдавать позиціи и уходить заблаговременно, пока не дали по шапкѣ.

— Увы, мы дѣйствительно находимся наканунѣ великаго перелома, — замѣтилъ отецъ Георгій, высокій, плотный священникъ, съ пышной львиной гривой темно-каштановыхъ волосъ, красивый, выхоленный, щеголевато одѣтый въ темно-лиловую

шелковую рясу. — Государь мистически относится къ своимъ державнымъ прерогативамъ. Онъ помазанникъ Божій...

— Что вы, отецъ Георгій, разводите мистику, въ которую, навѣрное, и сами не вѣрите, — перебилъ полковникъ. — Вѣдь онъ же по натурѣ совсѣмъ не самодержецъ. Жизнь разобьетъ его "августѣйшую" мистику, какъ и вашу собственную. Монархическій строй и религія отживаютъ свой вѣкъ. Девять десятыхъ, бьющихъ поклоны около церковныхъ зданій, — христіане только по названію, крестятся по инерціи, потому что не смѣютъ еще порвать съ пережитками старины...

— Вы развѣ атеистъ? — спросилъ сильно удивленный отецъ Георгій. Спросилъ тихимъ, подавленнымъ голосомъ. Онъ не удивился бы услышать подобное заявленіе изъ устъ революціоннаго подпольщика, свергающаго и отвергающаго всѣ нравственные идеалы; не удивился бы услышать эти слова отъ студента, рисующагося новизною взглядовъ, или отъ либеральнаго общественнаго дѣятеля, стыдящагося молиться въ храмѣ. Но говорилъ штабной офицеръ, въ полковничьемъ чинѣ и уже немолодой годами. Пораженный, онъ впился въ бѣлобрысое, насмѣшливое лицо полковника, ожидая отъ него отвѣта.

— Какое это имѣетъ значеніе. Мой отвѣтъ на вашъ вопросъ — утвердительный или отрицательный — ничего не можетъ ни объяснить, ни разъяснить, ни прибавить, ни убавить; ни доказать, ни опровергнуть. Это личный, лишній и безплодный вопросъ, къ дѣлу не относящійся.

Полковникъ чеканилъ слова. Онъ былъ очень доволенъ красотою ихъ построенія. Продолжалъ насмѣшливо улыбаться. Онъ зналъ, что эта улыбка нервируетъ и подавляетъ собесѣдниковъ. Для себя лично, онъ считалъ ее "демонической".

— Я повторяю, отецъ Георгій, — девять десятыхъ не вѣритъ ни въ чудеса, ни въ таинства (въ скобкахъ — вспомните Льва Толстого); не могутъ нормальные люди вѣрить въ загробную жизнь и интересоваться селеніями райскими, которыя вы намъ обѣщаете. На смѣну идетъ революціонный реализмъ. Онъ воспринимаетъ міръ безъ мистики; онъ не вѣритъ въ то, что не познается разумомъ. Христіанство зародилось, какъ религія рабовъ, религія дефективныхъ, низшихъ, убогихъ, жалкихъ, обдѣленныхъ природой, придавленныхъ въ жизни. Высшая добродѣтель: "блаженны нищіе духомъ".

Новыя соціальныя ученія несутъ новую религію, выдвигаютъ новый идеалъ жизни. Этотъ идеалъ не смиреніе и не примиреніе, но борьба. Борьба безпощадная и жестокая. Вмѣсто блаженства на небѣ, они обѣщаютъ блаженство здѣсь, на землѣ. Это заманчивѣе и понятнѣе. Они говорятъ человѣку: борись за свое раскрѣпощеніе. И человѣкъ-рабъ будетъ бороться. Потому, что новая религія — тоже религія рабовъ.

Повѣрьте мнѣ, отецъ Георгій, — рухнетъ старый міръ, основанный на нравственномъ законѣ. Рухнетъ христіанство подъ напоромъ стихійныхъ силъ рабовъ. На какой-то періодъ восторжествуетъ новая религія, основанная на матеріализмѣ. Вмѣсто братства и любви, звѣздой манящей будетъ новый идеалъ: соціальная справедливость. Пока не разочаруются и въ этомъ. А тамъ... Впрочемъ, что будетъ тамъ послѣ, — мнѣ это не интересно.

Лицо у отца Георгія горѣло сплошнымъ алымъ цвѣтомъ. Слова, какъ иглы, вонзались въ его сердце. Онъ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ ждалъ, когда полковникъ кончитъ говорить.

— "На камнѣ созижду церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ю", — крикнулъ онъ звенящимъ голосомъ. — Церковь пережила гоненія, ереси, расколы и не погибла, потому что она — дѣло рукъ Божіихъ, а не человѣческихъ. Не погибнетъ церковь во вѣки вѣковъ!

Вы съ ироніей относитесь къ таинствамъ. Вы отрицаете ихъ существо, потому что не можете постигнуть разумомъ. А такъ ли ужъ великъ разумъ человѣческій и не больше ли его наша душа? Богъ есть тайна непостижимая, величайшая, сладостная. Бога никто не видѣлъ, но даже дикарь чувствовалъ повсюду Его незримое присутствіе.

И только современный, развращенный умъ интеллигенціи создалъ въ самонадѣянной гордынѣ новыя теоріи о жизни безъ Бога, безъ религіи, безъ таинствъ, безъ святости и безъ любви. Безплодная и страшная попытка побороться съ Богомъ. Уже не одинъ боролся и палъ. Развѣ не слышитъ человѣчество отчаянный, изступленный крикъ Юстиніана: "Ты побѣдилъ меня, Галилеянинъ".

Страшно было смотрѣть на отца Георгія. Мягкій, деликатный, свѣтскій, почти "паркетный" батюшка, на этотъ разъ былъ грозенъ. Глаза его метали молніи; руки потрясали въ воздухѣ и что-то дѣйствительно было въ въ немъ отъ ветхозавѣтныхъ обличающихъ пророковъ.

— Царство Божіе подобно евангельской нивѣ. Вышелъ сѣятель сѣять. Одно зерно упало при дорогѣ и затоптали его прохожіе и поклевали птицы. Другое упало на каменистую почву; скоро взошло и скоро засохло. И только зерно, упавшее на добрую почву произрасло и дало плодъ. Люди глубокіе, цѣльные, чистые сердцемъ, — никогда не отрекутся отъ Христа, потому что Христосъ, — это любовь, а любовь, — это жизнь.

Русскій народъ и русскіе цари дали намъ непревзойденные, чудные образчики святости. Самое величайшее изъ всего, что создалъ русскій народъ за свою тысячелѣтнюю исторію, это Святая Русь. И эту Святую Русь вы нынѣ хотите превратить въ Русь безбожную, безсовѣстную, выхолощенную. Не будетъ этого!

Проклянутъ васъ за это потомки. "Горе тому, кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ. Лучше бы ему не родиться на свѣтъ"...

Вы не случайно предрекли паденіе самодержавія вмѣстѣ съ паденіемъ христіанства. Они связаны нераздѣльно между собою. Я не знаю другого такого монарха, который бы такъ искренно, просто и глубоко вѣрилъ въ существо Божіе. Я часто присматривался къ Государю, къ чертамъ его лица, къ его жизни и я не разъ испытывалъ на себѣ духовное очарованіе Государя.

Государь подлинный, настоящій христіанъ. Онъ любитъ обряды и истово выполняетъ ихъ безъ тѣни ханжества или лицемѣрія. Онъ на колѣняхъ выстаиваетъ во время пѣнія "Слава въ вышнихъ Богу" или "Отче нашъ" на литургіи. Онъ дѣлаетъ поклоны до самой земли, касаясь лбомъ. А многіе ли изъ васъ дѣлаютъ это?

Меня не разъ охватывалъ трепетъ, когда онъ смиренно цѣловалъ мою руку. Вѣдь это царь, всесильный самодержецъ, повелитель милліоновъ людей, владыка величественнѣйшаго царства, такъ кротко проявляющій свое смиреніе передъ Царемъ Небеснымъ.

Я никогда не забуду одинъ поразительный случай. Это было въ 1913 году. Я освящалъ морской соборъ въ Кронштадтѣ. На торжествѣ присутствовалъ Государь съ Царицей, вся Императорская семья, Государственный Совѣтъ, министры, Государственная Дума и высшій генералитетъ. Во время проповѣди у меня невольно вырвались слова: "Въ этомъ величественномъ домѣ Божіемъ и царь земной, при всемъ своемъ могуществѣ, долженъ чувствовать свое полное ничтожество передъ Царемъ Небеснымъ".

Нѣкоторые изъ слушавшихъ мою проповѣдь сдѣлали большіе глаза, нашли ее черезчуръ смѣлой. Каюсь, я забезпокоился. Сказалъ объ этомъ Государю. И вотъ, что онъ мнѣ отвѣтилъ:

— "Не волнуйтесь. Вы сказали правду. Я такъ о себѣ всегда и думалъ. Что я передъ лицомъ Бога, передъ сотворившимъ Вселенную, передъ управляющимъ мірами. Что мы всѣ передъ этой вѣчной тайной Божества. Что мы? — "пепелъ, призракъ, тѣнь и дымъ. Исчезнемъ всѣ, какъ вихорь пыльный и передъ смертью мы стоимъ, и безоружны и безсильны"...

Святая Русь и Государь связаны неразрывной связью. Ни одинъ изъ дома Романовыхъ не относился съ такой любовью къ этому пресвѣтлѣйшему творенію русской души. Изъ мукъ и страданій тысячелѣтнихъ, изъ неустанной борьбы съ врагами, изъ покорности нечеловѣческой, изъ безпредѣльной вѣры въ Бога вышла богоносная Россія. Вышла вмѣстѣ съ самодержавіемъ. Ихъ судьба нераздѣльна; она въ вѣкахъ слилась на историческихъ дорогахъ.

В качествѣ простого смертнаго, я нерѣдко думалъ, какъ думаютъ многіе, — почему Государь такъ отстаиваетъ свои дер-

жавныя прерогативы, почему онъ не хочетъ уступить желаніямъ общественности? Вѣдь ему же будетъ лучше. Иногда даже осуждалъ его. Но когда я подумаю объ этой тысячелѣтней нерасторжимой сліянности Царя и Россіи; когда я устремлю мою взоръ вдаль вѣковъ и передо мной предстанетъ Русь Кіевская, Суздальская, Тверская, Черниговская, Московская, тогда я говорю себѣ: "нѣтъ, Государь правъ". Безъ самодержавнаго Царя не будетъ Святой Руси.

— Вы очень краснорѣчивы, отецъ Георгій; убійственно краснорѣчивы, — сказалъ полковникъ съ той же загадочной, насмѣшливой, полупрезрительной улыбкой. — Для людей чувствительныхъ старозавѣтныхъ, старорежимныхъ, вынутыхъ изъ нафталина, ваша рѣчь — сладкая манна. Для божественныхъ старушекъ она, несомнѣнно, будетъ убѣдительна. Но для господъ, взрывающихъ основы, для тѣхъ, кто зоветъ на "послѣдній и рѣшительный бой", — все, что вы сказали — это, простите за сравненіе, яичница на постномъ маслѣ.

Кромѣ того, я не понимаю, почему вы метали громъ и молніи въ мой огородъ. Я не о себѣ говорилъ. Я говорилъ о томъ, что есть, съ чѣмъ нельзя не считаться, что, быть можетъ, завтра станетъ дѣйствительностью.

Почему необходимо играть въ прятки? Потому, что это намъ не нравится. Но вѣдь отъ этого ничто не измѣнится. Хуже будетъ, когда, обезумѣвъ, мы будемъ кричать: «Sauve qui peut», и останемся въ дуракахъ. Впрочемъ, господа, кто желаетъ спать — спокойной ночи.

СТРАНА МОЯ РОДНАЯ ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ

1.

«Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди.
Голубица моя въ ущельи скалы подъ кровомъ утеса.
Покажи мнѣ лице твое, дай мнѣ услышать голосъ твой;
потому что голосъ твой сладокъ и лице пріятно».
(Пѣсни пѣсней Соломона).

Весь XIX вѣкъ русская интеллигенція страстно мечтала о политической свободѣ. Ей она пѣла гимны, на нее молилась, за нее боролась. Политическую борьбу вознесла на горнія вершины духа. Она озарила ее свѣтомъ поэзіи. Она идеализировала ее. Она сказала: "это священная борьба народа за свои права, за свободу". "Юный революціонеръ съ сіяющимъ правдой лицомъ и все вообще непокладливое, одержимое, грозовое, пресыщенное электричествомъ", — грезилось, какъ идеалъ. Почти съ религіознымъ экстазомъ молодежь шла въ народъ, чтобы проповѣдывать устно и письменно свою правду. Въ этомъ служеніи народу, она, не знавшая ни жизни, ни народа съ его желаніями, видѣла свой высшій долгъ, свое призваніе, свое предназначеніе. Она хотѣла только одного: "глаголомъ жечь сердца людей", будить недовольство и смуту.

"По чувствамъ — братья, мы съ тобой.
Мы въ искупленье вѣримъ оба.
И будемъ мы съ тобой до гроба
Служить странѣ нашей родной"...

Эти нѣжныя, поэтическія строчки написалъ на листкѣ бумаги студентъ Морозовъ на политической сходкѣ при первой встрѣчѣ съ молоденькой Вѣрой Фигнеръ. Вспыхнувшую въ сердцѣ любовь къ дѣвушкѣ, онъ соединилъ вмѣстѣ съ любовью къ прекрасной принцессѣ Свободѣ, съ клятвой служить странѣ родной путемъ борьбы за какое-то невѣдомое, прекрасное будущее.

Съ молитвеннымъ вдохновеніемъ, съ восторгомъ шла революціонная молодежь — "враги внутренніе" на бой съ государственнымъ режимомъ. "Идея революціоннаго преображенія міра

воплощалась у нихъ въ романтическомъ образѣ большихъ кораблей, несущихъ усталымъ, обездоленнымъ людямъ какую-то неясную и нечаянную радость"...

"Въ голодной и больной неволѣ
И день не въ день и годъ не въ годъ.
Когда же всколосится поле,
Вздохнетъ униженный народъ"...

Правительственыя кары только воспламеняли духъ революціонной общественности къ дѣйствію. Лязгъ кандаловъ, въ которые когда-то заковывали преступниковъ, отправляемыхъ въ Сибирь, былъ для нея сладчайшей музыкой. Она опоэтизировала его и популяризировала по всей Россіи.

"Дзинь-бомъ, дзинь-бомъ...
Слышенъ звонъ кандальный.
Дзинь-бомъ, дзинь-бомъ...
Путь сибирскій дальній".

Каторги, ссылки и тюрьмы вызывали нѣжнѣйшія воспоминанія у тѣхъ, кто ихъ прошелъ. Политкаторжане какъ бы включались въ самый благороднѣйшій рыцарскій орденъ чести. Они были воинами безкорыстной, неподкупной борьбы за идеалъ. Передъ горячимъ, затуманеннымъ взоромъ, какъ миражъ, вставали Сибирь, Уралъ и Николаевскій трактъ. На студенческихъ сходкахъ, въ веселой компаніи, они распѣвали:

"По пыльной дорогѣ карета несется,
А въ ней два жандарма сидятъ...
Дайте мнѣ волю, сбросьте оковы,
Я научу васъ свободу любить"...

Звономъ могучаго колокола, годами, десятилѣтіями разносились по странѣ страстные, пламенные призывы къ борьбѣ. Они падали, какъ искры. Они увлекали русскую учащуюся молодежь своими чарами. Они гипнотизировали и завораживали сердца плѣнительной мечтой, сказкой о чемъ-то свѣтломъ, сверкающемъ, какъ горный хрусталь. Они говорили о лучезарныхъ даляхъ, гдѣ скрывается счастливая земля — потерянный рай. Они видѣли новаго человѣка, озареннаго духомъ свободы, — сильнаго человѣка въ сѣромъ армякѣ.

Революція 1905 года вызвала пьяный восторгъ — угаръ. Развернулась дикая стихія, какъ пожаръ, какъ половодье. "Революція открыла подлинное лицо проснувшейся жизни"... "мы сами ждемъ отъ себя вихрей. Какое важное время. Великое время. Ра-

достно", писалъ вѣрный пажъ "Прекрасной Дамы", Александръ Блокъ. А когда бунтарская стихія была подавлена, революціонные сладкопѣвцы — поэты и писатели разразились проклятіями:

"Градъ, избивающій пророковъ,
Всегда-ли ты будешь — рабства градъ?" —

взывалъ Александръ Амфитеатровъ. Съ его революціоныхъ устъ срывались слова, напоенныя желчью, гнѣвомъ и яростью. Онъ грозилъ, проклиналъ и вопилъ въ истерическомъ трансѣ:

..."И съ лицомъ, мокрымъ отъ слезъ, сказалъ ей:
"Ты видишь. Ты слышишь. Гдѣ же твоя улыбка?
Спаси мой разумъ... За что?... За что?...
И гремѣлъ предсмертный восторгъ:
"ДОЛОЙ УБІЙЦЪ! ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ СВОБОДА!"

Такъ, отъ Рылѣева до Блока, почти всѣ русскіе писатели и поэты были пѣвцами "гражданской скорби". "Гдѣ трудно дышится, гдѣ горе слышится, будь первый тамъ". Протестуй, добивайся, борись за угнетенныхъ и униженныхъ. Это было очень благородно, похвально и достойно. Это свидѣтельствовало о возвышенныхъ чувствахъ, о той душевной настроенности, которая была пронизана христіанскимъ началомъ братства. Желая народу счастья, добиваясь этого счастья, интеллигенція усматривала таковое въ плоскости политическихъ свободъ. Но эта дорога была чуждая русскому народу.

Двѣ идеи, двѣ правды, двѣ устремленности, взаимно противоположныя, несходныя, враждующія раздѣлили Государя и либеральную русскую общественность. Въ основѣ каждой была любовь. Любовь всечеловѣческая у интеллигенціи и простая, отеческая любовь у Государя. Проповѣдники политическихъ свободъ желали видѣть Россію, растворившейся въ западно-европейскомъ демократизмѣ, съ его партійной борьбой. Государь стремился только къ возвышенію и возвеличенію Россіи, чтобы каждый подданный былъ сытъ, обутъ, одѣтъ и благоденствовалъ.

Такъ ли дѣйствительно была безпросвѣтна, темна, жестока, уныла, затхла, гнетуща и безотрадна русская жизнь, какъ о томъ кричали люди радикальнаго направленія въ политикѣ? Такъ ли была она по-настоящему Русью темной, голодной и холодной, страной безденежной, безграмотной, безхлѣбной, безрабочей, безсудной, беззаконной, безземельной, безправной и подъяремной, гдѣ Царь былъ деспотъ, а народъ холопъ и рабъ?! Не было ли въ этихъ страстныхъ горячихъ утвержденіяхъ огромной доли преувеличенія?

Не двигалась ли Россія впередъ гигантскими шагами къ просвѣщенію, къ развитію промышленности, къ использованію національныхъ богатствъ, къ устроенію и улучшенію формъ государственнаго управленія, къ установленію соціальной справедливости для всѣхъ классовъ и къ обогащенію всего народа?

Не тормозила ли политическая борьба поступательный ходъ Россіи къ свѣтлому, прекрасному и величавому будущему и не тратились ли силы понапрасну? Были ли освободительныя идеи передовой интеллигенціи какой-то особенной живой, воскрешающей и возрождающей водой? Была ли Россія подъ властью самодержавнаго, православнаго, вѣрующаго Царя, — гніющимъ трупомъ, мертвымъ царствомъ, мертвымъ, каторжнымъ домомъ, который надо было сбрызнуть живой революціонной водичкой, а еще лучше — разрушить до основанія?

Исходила ли будирующая общественность изъ реальнаго учета сложной жизни и не увлекалась ли она борьбой, потому что гналась за воображаемой "синей птицей", потому что "тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ"... Нужна ли была эта долгая, страстная и упорная политическая борьба и не лучше ли было бы для блага и счастья Россіи, если бы интеллигенція всѣ силы свои и весь свой пафосъ отдала на служеніе родной землѣ вмѣстѣ съ Царемъ?

Много отвѣтовъ на эти вопросы можно привести, стремясь уяснить правду и возстановить правду. Придетъ отдаленное время и будетъ документально установлено, что Россія двигалась къ просвѣщенію семиверстными шагами. Множились школы, двери науки были для всѣхъ открыты, къ 1920-му году должно было быть введено всеобщее образованіе. Десятки, сотни выдающихся ученыхъ украшали своими именами наши университеты. Откуда они взялись въ отсталой, темной странѣ? Какъ могъ появиться Ломоносовъ уже въ XVIII столѣтіи?

Русская литература и поэзія достигла міровыхъ высотъ. Имена Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Достоевскаго, Тютчева и Чехова извѣстны почти во всемъ культурномъ мірѣ "Слово о полку Игоревѣ", Поученія Владиміра Мономаха, Лѣтопись Нестора — являются безцѣнными сокровищами многообразнаго русскаго духа. Какъ могла развиться литература въ странѣ деспотизма и рабства, гдѣ свободный творческій духъ скованъ полицейскимъ режимомъ? Какъ могъ появиться Горькій?

Русскій композиторы — Глинка, Даргомыжскій, Бородинъ, Чайковскій, Мусоргскій, Римскій-Корсаковъ, Рахманиновъ и множество другихъ воспѣли національную Россію въ чарующихъ божественныхъ звукахъ. Русскій театръ, русскій балетъ, не достигъ ли онъ предѣльныхъ высотъ, не занялъ ли онъ первое мѣсто, не далъ ли онъ міру Шаляпина и Анну Павлову? Какъ могли

произойти эти чудеса, если Россія была отсталая страна, гніющій трупъ, мертвый каторжный домъ?

А непревзойденная иконопись Рублева въ XIV столѣтіи, а художественное творчество Рѣпина, вышедшаго изъ крестьянскихъ дѣтей, а Суздаль, Новгородъ, Псковъ, Ростовъ Великій, Кіевъ, Московскій Кремль, — это все не наше, русское? А русскіе терема, деревянные дворцы, шатровыя церкви, — не поражаютъ своей самобытностью и красотой?

Стыдно было намъ, русскимъ, говорить въ XX столѣтіи о нашей отсталости, некультурности и дикости. Люди устремляли свой взоръ назадъ, забывъ при этомъ и татарское иго, и Смуту, и множество тяжкихъ войнъ. А впереди, если бы они смотрѣли туда русскими глазами, они бы увидѣли — "какой просторъ, какая ширь"...

"Правда и милость да царствуютъ въ судахъ" — возвѣстилъ императоръ Александръ II. Правда и милость — какія чудныя и многозначительныя слова. Самые выдающіеся, культурные юристы признали, что русскій судъ, послѣ Великихъ Реформъ, превзошелъ всѣ суды культурныхъ западныхъ странъ.

Кричали и кричатъ о нашей бѣдности, о нищетѣ. Да такъ ли ужъ мы были бѣдны, на самомъ дѣлѣ?

"Посмотрю, пойду, полюбуюся,
Что послалъ Господъ за труды людямъ.
Выше пояса рожь зернистая"...
(Кольцовъ).

"За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
Вездѣ слѣды довольства и труда"...
(Пушкинъ).

"Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора"...
(Толстой).

Это изъ литературы. А что говорятъ сухія цифры? Въ 1916 году было собрано: 1 милліардъ 304 милліона пудовъ ржи, 1 милліардъ пшеницы, 588 милліоновъ пудовъ ячменя, 771 милл. пудовъ овса, 750 милл. пудовъ свекловицы, 120 милл. п. сахара, 34 милл. п. льняного волокна, 27 милл. п. семени, 20 милл. п. хлопка, 2 милл. п. хлопковаго масла и 7 милл. пудовъ табака.

Не считали ли Россію житницей Европы? Не конкурировала ли она съ Америкой за хлѣбные рынки? Да, была, конечно, и бѣдность. (Гдѣ ея только нѣтъ?) Въ народной толщѣ еще оставались нестертые исторіей слѣды крѣпостного права. Еще не было забыто и изжито воспоминаніе о немъ. Въ душѣ человѣка жила смутная мечта о какой-то утраченной правдѣ, о другой жизни, гдѣ человѣкъ человѣку не волкъ, а братъ. Къ несчастью, была большая рознь между высшими и низшими классами, между барами и мужиками, между господами и "чертями сиволапыми". Этотъ пережитокъ старины уходилъ въ исторію, но медленными шагами.

Почти всѣ государи выражали сильное желаніе уничтожить, или хотя бы смягчить, крѣпостное рабство, — эту горькую несправедливость, исторически сложившуюся подъ давленіемъ государственной необходимости. Жизнь тасовала карты по своему и только императору Александру II удалось осуществить мечту.

Государю Николаю Александровичу досталось наслѣдство, которое требовало дальнѣйшихъ мѣропріятій къ улучшенію земельнаго вопроса: помѣщичье землевладѣніе было бѣльмомъ въ мужицкомъ глазу; существованіе его вызывало ненависть. Общинное крестьянское землепользованіе продолжало оставаться, въ качествѣ пережитка старины, уменьшая активность и иниціативу. Еще находились государственные сановники, которые считали общину исконной русской стихіей и убѣждали молодого Государя не мѣнять вѣкового уклада.

Къ огромному вопросу приходилось подходить медленно и осмотрительно. Знакомясь съ жизнью государства, Николай Александровичъ увидѣлъ, какъ оскудѣвало крестьянство, скованное общиной, и какъ богатѣло оно на своей землѣ. Пятый и шестой годы показали, въ какой степени грозенъ и зловѣщъ этотъ давній, неразрѣшенный земельный вопросъ. Революція заглохла, но тлѣющій костеръ остался. Онъ могъ вспыхнуть снова. Страшенъ былъ анархическій кровавый ликъ революціи съ ея изступленной ненавистью. Страшенъ былъ въ человѣкѣ проснувшійся звѣрь.

Государь не могъ однимъ манифестомъ сразу разрѣшить сложный вѣковой вопросъ. Онъ избралъ спокойный путь, который безъ потрясеній велъ страну впередъ къ свѣтлому будущему. Столыпинская реформа открыла выходъ изъ общины; крестьянинъ становился собственникомъ земли. Переселенческій отдѣлъ ежегодно увозилъ милліоны людей изъ тѣсной Европы на богатѣйшія, обширныя сибирскія земли. Крестьянскій банкъ ссужалъ крестьянъ долгосрочными кредитами на выкупъ помѣщичьихъ земель; за время царствованія Николая II тридцать милліоновъ десятинъ земли перешло въ крестьянскія руки. Было

много сдѣлано; будущее сулило блестящую эпоху, вспыхнувшая война пріостановила ростъ.

Россія шла къ своему разсвѣту мирнымъ путемъ. Интеллигенція не приняла реформъ сверху, съ высоты престола. Она продолжала революціонную тактику борьбы съ Царемъ. Сколько нужно было бросить въ души соблазна, чтобы разрушить тайное очарованіе и мистику, которая окружала тронъ. Сколько нужно было усилій, чтобы вывѣтрить, разсѣять и уничтожить духовную силу, которая незримо крѣпила Царя и народъ въ одно монолитное цѣлое. И они достигли своего. Если капля долбитъ камень и ржа точитъ желѣзо, то какъ могло не поддаться воздѣйствію словъ человѣческое сердце? "Горе тому, кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ"...

"Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ трескучихъ фразахъ утопая,
Кричала Герцену ура.

Все пробудилось, все возстало
И все куда-то понеслось.
Куда, зачѣмъ? — само не знало,
Но все впередъ, во чтобъ ни стало,
Съ просонокъ перъ лѣнивый россъ.

Чиновники, семинаристы,
Кадеты, дамы, гимназисты,
Квартальные, профессора,
Грудныя дѣти, фельдшера,
Просвирни, даже генералы —
Все поступило въ либералы
И всякій взяточникъ оралъ:
"Я прогрессистъ. Я либералъ"...

Интеллигенція лила воду на чужую мельницу и сама себѣ рыла могилу. Въ глубокомъ подпольѣ, скрыто, по низамъ, орудовали другія силы, — люди съ опустошенными, выхолощенными душами. Эти люди представляли изъ себя единеніе рабовъ, безъ націи, безъ традицій, безъ вѣры въ духъ, безъ любви, безъ красоты, безъ нравственности. Это были низы, чернь, объединенные въ ненависти, въ зависти, въ духовномъ убожествѣ. Это о нихъ сказалъ Достоевскій въ "Бѣсахъ" словами Степана Трофимовича Верховенскаго:

"Я разскажу о томъ подломъ рабѣ, о томъ вонючемъ и развратномъ лакеѣ, который взгромоздится на лѣстницу съ ножницами въ рукахъ и раздеретъ божественный ликъ великаго идеала во имя равенства, зависти и пищеваренія"...

У этихъ людей большевицкой, коммунистической партіи, вождь которой Владиміръ Ленинъ находился за-границей, ложь и провокація были возведены въ систему. У нихъ ничего не было святого. Они отрицали все: духовныя понятія, совѣсть, честь, порядочность, мораль. Все это буржуазные предразсудки. Реально существуетъ только матеріализмъ, борьба классовъ, борьба за кусокъ хлѣба. Въ этой борьбѣ надо перегрызть, перервать горло всякому, кто станетъ поперекъ дороги. Главари этой партіи, скрываясь по заграницамъ, пользовались покровительствомъ западныхъ демократій и лгали, клеветали и поносили ненавистный имъ царскій режимъ.

"Борьба противъ самодержавія имѣетъ общеевропейское значеніе, — писалъ изъ Соренто Максимъ Горькій, обращаясь къ англичанамъ. — Если правительство одержитъ верхъ, у вашихъ дверей будетъ существовать очагъ, вокругъ котораго зародятся разныя катастрофы. Британцы! Вы должны сдѣлать выборъ. Будете-ли вы поддерживать ТИРАНА съ его сателлитами или молодую, поднимающуюся демократію?... Черныя вѣсти идутъ изъ Россіи, — подлыя вѣсти о томъ, что духовно мертвое, спившееся кровью, пьяное отъ сладострастія жестокости, обезумѣвшее отъ преступленій, русское правительство начинаетъ варварскій походъ"...

Какіе цвѣты краснорѣчія! Какая напыщенность и пошлость выраженій! Вѣрилъ ли Горькій въ то, что писалъ? Или сознательно лгалъ? Или —

"О правдѣ красивой тоскуя,
Такъ жадно душой ее ждешь,
Что любишь безумно — какъ правду —
Тобой же рожденую ложь"... (Горькій).

О русской "несвободѣ" кричали всѣ: кричали въ Думѣ, въ судахъ, въ толстыхъ періодическихъ журналахъ и въ ежедневной прессѣ. Суды надъ политическими преступниками неизмѣнно превращались въ суды надъ государственнымъ режимомъ. Политическія раковыя опухоли все больше и больше поражали организмъ Россіи. Причину болѣзни видѣли въ одномъ: въ режимѣ самодержавія. Писателю-революціонеру Горькому вторилъ просвѣщенный интеллигентъ-баринъ, красавецъ и умница, блестящій адвокатъ и выдающійся депутатъ Думы. Не заграницей, а въ Россіи, не тайкомъ, а гласно и публично, онъ говорилъ:

..."И потому у нихъ другая политика, политика опредѣленная: радражать общество, возмущать общество, ослаблять общество, бороться съ обществомъ, наконецъ, какъ вѣнецъ всего этого, поддерживать атмосферу беззаконія и произвола"... Есть и другая политика, политика узурпаторовъ: это политика, кото-

рая ставитъ свои интересы выше всей страны, которая не довѣряетъ странѣ, которая всѣхъ боится, а защищаетъ только себя"...

Ему рукоплескали, его поздравляли, жали крѣпко руки, его мужествомъ восхищались. Онъ искренно вѣрилъ въ то, что говорилъ, потому что это былъ его политическій идеалъ, — идеалъ свободы, рожденный въ душѣ человѣка романтика. А дальше, ниже, въ другой средѣ, шелъ духовный маразмъ, нравственное и художественное обмертвеніе и опустошеніе душъ, что-то напоминающее картины изъ мертваго, сумасшедшаго дома. На виду у всей столицы, стараясь всѣхъ перекричать "крикомордны мъ" крикомъ, балаганомъ, бредомъ сумасшедшаго, "люди грядущаго", — "вкупѣ и влюбѣ массомясая, быкомордая орава" (такъ они называли сами себя) вопили словами "простыми, какъ мычаніе", открывали міру свои "новыя души, гудящіе, какъ фонарныя дуги". Они звали "человѣчій табунъ" въ земной рай, который они построютъ "для всѣхъ, кромѣ нищихъ духомъ", — "въ него будетъ вхожъ и нераскаянный убійца и любовьями всевозможными разметавшійся прелюбодѣй"...

"Изорвите все, что чтили и чтутъ,
И она, обѣтованная, окажется подъ бокомъ,
Вотъ тутъ"...

Хулиганствуя, кощунствуя и богохульствуя, — они вливали въ души теплопрохладной "шпаны" всѣхъ мастей, сортовъ и ранговъ, ядъ. "Долой вашу любовь, долой ваше искусство, долой вашъ строй, долой вашу религію"...

"Намъ написали Евангеліе,
Коранъ,
Потерянный и возвращенный рай,
И еще, и еще.
Многое множество книжекъ —
Каждая радость загробную сулитъ, умна и хитра.
Здѣсь, на землѣ, хотимъ
Не выше жить и не ниже
Всѣхъ этихъ елей, домовъ, дорогъ, лошадей и травъ.
Намъ надоѣли небесныя сласти,
Хлѣбище дайте жрать ржаной..."

Этихъ людей не держали въ сумасшедшихъ домахъ, хотя они представляли полноцѣнный и драгоцѣнный объектъ для психіатровъ. Въ нихъ находили что-то своеобразное, не затхлое, новое. Съ дикимъ восторгомъ застоявшихся жеребцовъ (по выраженію Розанова), петербургскіе снобы слушали человѣка въ желтой кофтѣ, который плевался, сморкался и вопилъ въ прокуренномъ залѣ на Обводномъ каналѣ:

"Вы думаете — это солнце нѣжненько
Треплетъ по щечкѣ кафе?
Это опять разстрѣлять мятежниковъ
Грядетъ генералъ Галифе!
Выньте, гулящіе, руки изъ брюкъ —
Берите камень, ножъ или бомбу,
А если у которыхъ нѣту рукъ —
Пришелъ, чтобъ и бился лбомъ бы!
Идите, голодненькіе, потненькіе, покорненькіе,
Закисшіе въ блохастомъ, грязненькіе!
Идите!...
Чтобъ флаги трепались въ горячкѣ пальбы,
Какъ у каждаго порядочнаго праздника —
Выше вздымайте фонарные столбы
Окровавленныя туши лобазниковъ"... (Маяковскій).

2.

Шелъ третій годъ войны. Въ жерло печи, пасть которой на русскомъ фронтѣ начиналась у Балтійскаго моря, а кончалась у Индійскаго океана, въ Персіи, символическій кровавый Молохъ неустанно бросалъ человѣческія массы. Подъ знаменами Россіи находилось уже 15 милліоновъ солдатъ. Напряженіе государства достигло неимовѣрной степени. Милліоны погибли, милліоны калѣкъ, изуродованныхъ, ампутированныхъ — разошлись по странѣ. Милліоны матерей, вдовъ и сиротъ оплакивали родныхъ и близкихъ, милліоны находились въ страхѣ. Чувствовалась надвигающаяся усталость.

Въ этой войнѣ у Россіи были и побѣды и пораженія. Они были у всѣхъ воюющихъ. Война не бываетъ безъ неудачъ. Англичане къ этому относились спокойно: "Мы можемъ проиграть всѣ сраженія за исключеніемъ послѣдняго"... У насъ, въ Россіи, было иначе. Великая Галиційская битва, брусиловское наступленіе, и громкія побѣды на Кавказѣ, блеснувшія золотымъ сіяніемъ славы, — показали искусство вождей и доблесть войскъ. Но эти побѣды не внушили интеллигенціи чувства національной гордости, уваженія и довѣрія. Интеллигенція охотнѣе видѣла наше пораженіе въ 1915 году, когда мы отступали безъ снарядовъ. "Какъ можно воевать съ такимъ никудышнымъ правительствомъ? Какъ можно довѣрять ему судьбу государства?..."

Въ 15-омъ году общественность окончательно свернула на роковую дорогу. Государственная Дума разъ навсегда рѣшила, что царское правительство можетъ быть только плохимъ. Взаимная непріязнь и страстность усиливали борьбу. Началась систематическая травля правительства. Ругать правительство, пре-

зирать правительство стало правиломъ хорошаго демократическаго тона. Чѣмъ больше правительство подвергалось нападкамъ, тѣмъ неспокойнѣе шла его работа; чѣмъ нервознѣе было состояніе травимыхъ министровъ, тѣмъ хуже они могли управлять своими министерствами. Получился порочный кругъ. Частой смѣной министровъ Государь пытался найти такихъ, которые бы удовлетворили Думу. Свистопляска только ухудшала положеніе.

А рядомъ съ этимъ, пользуясь этимъ и руководя русскими настроеніями, работали, не покладая рукъ, три инородныя силы: нѣмецкая, англійская и еврейская. Работали независимо другъ отъ друга, имѣя въ виду каждая получить свою выгоду отъ разложившейся, уставшей и обезсиленной Россіи. Они не распредѣляли между собой ролей, не сговаривались, не раздѣляли зонъ вліяній, не освѣдомляли другъ друга о своихъ планахъ и намѣреніяхъ и не создавали коалицій. Въ данномъ отрѣзкѣ борьбы наличіе постороннихъ силъ признавалось весьма благопріятнымъ.

Германія задыхалась въ тискахъ блокады. Она умирала съ голоду. Женщины рожали дѣтей безъ ногтей и волосъ. Картофельная шелуха стала нормальнымъ блюдомъ. Надо было во что бы то ни стало разорвать страшное кольцо. Надо было освободиться отъ желѣзныхъ объятій русскаго медвѣдя. Въ борьбѣ на жизнь и смерть надо было уничтожить хоть одного врага. Судьба послала имъ поддержку, которой они предусмотрительно воспользовались.

Въ іюлѣ 1914 года главарь соціалъ-демократической партіи Ульяновъ-Ленинъ, обрѣтавшійся за-границей, предложилъ германскому министерству иностранныхъ дѣлъ свое содѣйствіе по разложенію Россіи для пораженія ея въ начавшейся войнѣ. Это предложеніе было отвергнуто. Упрямый предатель на этомъ не успокоился. При содѣйствіи еврея Парвуса, онъ возобновилъ свое предложеніе германскому Генеральному Штабу. Тамъ онъ встрѣтилъ согласіе. Сдѣлка была заключена. Ленинъ получилъ многомилліонные кредиты и началъ работу. Государственный измѣнникъ стремился использовать войну и полученныя деньги пустилъ на пропаганду революціи. Такъ, на время цѣли Германіи слились съ цѣлями русскаго революціоннаго подполья.

"У пролетаріата нѣтъ родины, — поучалъ Ленинъ своихъ единомышленниковъ черезъ Швецію и Финляндію. — Для него не должно существовать національныхъ интересовъ, ради которыхъ якобы капиталистическія правительства посылаютъ на убой милліоны людей. У рабочаго класса можетъ быть только одинъ врагъ — буржуазія и только одна цѣль — сломать становой хребетъ государственнымъ режимамъ... Надо разъяснять товарищамъ, что религія, благославляющая на бойню, есть вели-

чайшій обманъ, при содѣйствіи котораго буржуазія и чиновники держатъ народъ въ покорности и рабствѣ"...

"Кому нужна эта война? Капиталисты всѣхъ странъ, которые изъ пролитой народной крови чеканятъ червонное золото барыша, утверждаютъ, что война служитъ защитѣ Отечества, демократіи, освобожденію угнетенныхъ народовъ. Они лгутъ. На самомъ дѣлѣ, они погребаютъ на поляхъ опустошенія свободу собственнаго народа вмѣстѣ съ независимостью другихъ націй... Долой войну! Да здравствуетъ миръ!..."

Ленинъ зналъ цѣну деньгамъ. Цинично онъ говорилъ, усмѣхаясь: "За деньги можно купить всякаго: бѣдняка, потому что у него нѣтъ денегъ и онъ ихъ страстно желаетъ имѣть; богача, — потому что онъ любитъ деньги"... За деньги продавались подручные коммунистической партіи — "парторги"; за деньги покупались и сбивались съ толку темные, озлобленные, недовольные рабочіе. За деньги велась пропаганда, за деньги организовывалось общественное недовольство. "За германскія марки мы устроимъ русскую революцію, — говорилъ Ленинъ своимъ ближайшимъ сподвижникамъ, — а на русскіе рубли мы устроимъ то же самое въ Германіи".

Чѣмъ туже становилось положеніе Рейха, чѣмъ больше разливалось броженіе въ Россіи, тѣмъ неограниченнѣй отпускались кредиты. 18 февраля (2 марта по новому стилю) 1917 года Рейхсбанкъ ордеромъ за номеромъ 7433 увѣдомилъ представителей всѣхъ нѣмецкихъ банковъ въ Швеціи, что деньги, назначенныя на пацифистскую пропаганду въ Россіи, пойдутъ черезъ Финляндію и подлежатъ выдачѣ Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсонъ, Козловскому, Коллонтай, Сиверсу и Меркалину.

Такъ легла зловѣщая, жуткая тѣнь предательства на русское революціонное подполье и, главнѣйшимъ образомъ, на главаря этого подполья Владиміра Ленина.

"И много понтійскихъ Пилатовъ,
И много лукавыхъ Іудъ,
Отчизну свою проклинаютъ,
Христа своего предаютъ"...

Англія вела старую традиціонную политику. Поклявшись воевать "до послѣдняго русскаго солдата", по ироническому замѣчанію Государя, она, скрѣпя сердце, согласилась на передачу Россіи Константинополя и проливовъ, благо, что она ихъ сама не смогла взять. Казалось, что многовѣковая мечта Россіи близится къ осуществленію. На Айя-Софіи запылаетъ золотымъ огнемъ православный крестъ; двуглавый орелъ снова расправитъ крылья надъ древней столицей Византіи.

Но поставивъ подпись золотымъ перомъ подъ дипломати-

ческимъ документомъ, коварный Альбіонъ продолжалъ свою историческую игру. Англія не любила русскій самодержавный строй. Онъ ее пугалъ всегда. Ей казалось, что онъ нависъ надъ ея индійскими владѣніями, что онъ угрожаетъ ея міровому могуществу. Надо было отъ него избавиться. Посольство Его Величества короля приложило къ этому усерднѣйшія старанія. Англійскимъ посломъ въ Петербургѣ былъ сэръ Бьюкененъ. Это былъ невзрачный, скорѣе плюгавый, пожилой мужчина, съ некрасивымъ лицомъ, покрытымъ красными пятнами, съ лысиной, которую онъ зализывалъ зачесами. Бьюкененъ сталъ совѣтникомъ и руководителемъ для наиболѣе вліятельныхъ членовъ Государственной Думы и Земства.

Начиная съ конца шестнадцатаго года въ англійское посольство все чаще и чаще стали захаживать Родзянко, Милюковъ, Гучковъ и князь Львовъ. Политическимъ боярамъ русскаго парламента бесѣды съ Бьюкененомъ и его совѣтниками были очень пріятны. Имъ нравилось, что ихъ считали за европейцевъ и истинныхъ демократовъ. Въ бесѣдахъ съ англичанами они горько сѣтовали объ отсутствіи въ Россіи настоящаго демократическаго образа правленія. Они вводили посла въ курсъ русскихъ дѣлъ, настроеній, слуховъ и сплетенъ. Ненавидя правительство слѣпой ненавистью, они не находили для него ни одного добраго слова. Въ ихъ обрисовкѣ — это были круглые идіоты, безталанные, безцвѣтные, лишенные воли и иниціативы тупицы. По мнѣнію этихъ "вѣрноподданныхъ" — "Царь Николай II былъ упрямый, но безвольный, нервный, но притупившійся ко всему, извѣрившійся въ людяхъ, задерганный и осторожный на словахъ, самъ себѣ не хозяинъ. Онъ пересталъ понимать положеніе и не дѣлалъ отчетливо ни одного шага, совершенно отдаваясь въ руки тѣхъ, кого самъ поставилъ у власти". Дѣлами Россіи правилъ "мистическій кружокъ", а въ него входила Царица, "наивная, преданная и несчастливая подруга Императрицы А. А. Вырубова" и рядъ "темныхъ личностей".

Англичане не стремились вызвать въ Россіи революцію. Это имъ было невыгодно. Война еще не кончилась, — для побѣды надъ Германіей участіе русскаго медвѣдя было необходимо. Ихъ желаніе было болѣе скромное: ослабить монархію, отнять у Императора самодержавныя права и прерогативы и установить въ Россіи обычный западно-европейскій демократическій строй.

По поводу дѣятельности Бьюкенена, великій князь Александръ Михайловичъ сказалъ крылатую фразу: "У Императора Александра III такой посолъ вылетѣлъ бы изъ Россіи, не успѣвъ получить ввѣрительныхъ грамотъ"...

Евреи, такъ же, какъ и демократы, ненавидѣли русскій самодержавный строй. Только въ одной "дикой, варварской странѣ, управляемой деспотической властью Царя и чиновниковъ",

существовалъ для евреевъ ограничительный законъ о процентной нормѣ и пресловутая "черта осѣдлости". Эти препятствія евреи прекраснѣйшимъ образомъ обходили. Самъ законъ давалъ для этого вѣрныя лазейки. "Черта осѣдлости" представляла обширнѣйшее пространство въ самой богатѣйшей, культурнѣйшей части западной Россіи. Но формально — законъ былъ и это оскорбляло самолюбіе людей еврейской національности.

Талантливый, предпріимчивый, изворотливый, не разборчивый въ средствахъ, многими ненавидимый и многихъ ненавидящій, презираемый и самъ презирающій, гонимый и много горя перенесшій за свою историческую жизнь, Израиль мечталъ о наступленіи золотого вѣка. Тысячелѣтіями онъ мечталъ о пришествіи Мессіи — еврейскаго царя, который поставитъ еврейскій народъ первымъ между народами. Двѣ тысячи лѣтъ назадъ, Симеонъ, увидѣвъ принесеннаго въ Іерусалимскій храмъ Іисуса, воскликнулъ вдохновенно:

"Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ: яко видѣста очи мои спасеніе Твое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей, свѣтъ во откровеніе языковъ, и славу людей Твоихъ Израиля".

Христосъ не оправдалъ надеждъ и чаяній Симеона. Онъ пришелъ "кротокъ и смиренъ сердцемъ". Пришелъ Владыкой вѣчной правды и агнцемъ за грѣхи человѣчества. "Царство Мое не отъ міра сего", сказалъ Онъ мучителямъ, поднимая голгофскій крестъ.

Поколѣнія смѣняли поколѣнія, а мечта попрежнему оставалась въ душѣ. Она манила и влекла избранный народъ, какъ манитъ насъ недосягаемая звѣздная даль. Въ 1877 году Ф. М. Достоевскій написалъ въ "Дневникѣ писателя":

"Царятъ тамъ (на Западѣ) повсемѣстно евреи на биржахъ. Недаромъ они двигаютъ капиталами, недаромъ они властители кредита и недаромъ, повторяю это, они же властители и всей международной политики. Близится ихъ царство, полное царство. Наступаетъ торжество идей, передъ которыми никнутъ чувства честолюбія, жажда правды, чувства христіанскія, національныя и даже народной гордости европейскихъ народовъ. Верхушка евреевъ воцаряется надъ человѣчествомъ все сильнѣе и тверже и стремится дать міру свой обликъ, свою суть"...

Самодержавный русскій Царь мѣшалъ евреямъ подняться на послѣднюю ступень міроваго могущества. Его и его министровъ они не могли купить ни за какія деньги. Это опредѣляло отношеніе евреевъ къ Царю. Уже въ революцію 1905 года сотни милліоновъ рублей были переданы на русскую смуту американскими банкирами-евреями: Яковомъ Шиффомъ, Кунъ Лоэбъ, Гугенгеймомъ и Максомъ Брейтунгомъ.

Ни одинъ народъ въ Россіи не доставлялъ правительству

столько хлопотъ, заботъ и непріятностей, какъ евреи. За нихъ и противъ нихъ шла постоянная борьба. Еврейскій вопросъ былъ, какъ оселокъ, о который натачивали страсти. Объ евреяхъ нельзя было говорить плохо. Всякій, кто говорилъ неодобрительно, непремѣнно зачислялся въ ряды черносотенцевъ, что на языкѣ либераловъ означало: держиморду, квасного патріота, грязную скотину. Вспыхивавшіе иногда еврейскіе погромы цѣликомъ заносились за счетъ правительства. "У насъ погромы устраиваетъ полиція", — разъ и навсегда объявила лѣвая печать. Для чего нужны были полиціи погромы, ради какихъ сладострастныхъ побужденій, — объ этомъ зачѣмъ же было долго говорить, разъ у насъ такой порядокъ.

Война, усталость, недовольство, повышенная нервность и страстность, слѣпая ненависть, моральное гніеніе и болѣзнь государственнаго и общественнаго организмовъ были такъ благопріятны для осуществленія завѣтныхъ цѣлей. Судьбу Императора Николая II и судьбу Россіи рѣшили подлинно темныя мистическія силы въ другомъ мѣстѣ. Нужно было довести русскихъ Ивановъ до бѣлаго коленія, до остервененія, до полнаго непониманія происходящаго. Нужно было исподволь создать такое положеніе, при которомъ внутренняя баталія стала бы неизбѣжной. Нужно было, чтобы сѣмена дали огромное произрастаніе, страшную детонацію.

"ЗА СВОБОДУ, ЗА МИРЪ, ЗА ХЛѢБЪ", — кричали на фабрикахъ и заводахъ. — "ВОЙНА ДВОРЦАМЪ — МИРЪ ХИЖИНАМЪ".

"ЗА ДЕМОКРАТІЮ, ЗА ПОДЛИННОЕ НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО", — провозглашала интеллигенція, во главѣ съ Государственной Думой. — "ЗА СПЛОЧЕНІЕ НАРОДНЫХЪ СИЛЪ ДЛЯ ПОБѢДЫ НАДЪ ВРАГОМЪ".

"ЗА ЗЕМЛЮ И ВОЛЮ", — объявляла партія соціалъ-революціонеровъ, взявшая на себя опеку надъ великимъ крестьянскимъ моремъ.

О Россіи, хоть и упоминали отчасти, но мало думали о Россіи вѣчной. Ея уже не было въ душѣ у петербургскаго рабочаго, у либеральнаго интеллигента и даже у вывѣтрившагося аристократа. Внушили себѣ твердо и опредѣленно, что всѣ члены государственнаго тѣла Россіи поражены, что болѣзнь не можетъ пройти сама собою, что нужна сложная и большая операція. НУЖНА РЕВОЛЮЦІЯ. Такъ рѣшили люди, которые гордо и самонадѣянно считали себя "ОБЛАДАВШИМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ СМЫСЛОМЪ".

Какіе это были жалкіе люди!

3.

— Кого бы я ни приблизилъ къ себѣ, какъ бы онъ ни былъ до того милъ, пріятенъ, цѣнимъ, любимъ и уважаемъ, какъ бы онъ ни былъ честенъ и благороденъ, уменъ, энергиченъ и опытенъ, — на другой день буквально онъ становился въ глазахъ политиканствующаго общества лицомъ недостойнымъ, ненавистнымъ, никчемнымъ и ничтожнымъ. Какъ будто служить Царю и Родинѣ стало дѣломъ зазорнымъ, малопочтеннымъ, компрометирующимъ человѣка, — сказалъ Государь Родзянко, во время его доклада о непопулярности премьеръ-министра Штюрмера.

Въ этихъ горькихъ, тоскливыхъ, выстраданныхъ словахъ была огромная, роковая для Россіи, правда. Всякій, кто подходилъ къ ступенямъ трона, кто служилъ и хотѣлъ служить своему Царю вѣрно и нелицемѣрно, кто не будировалъ, не злословилъ, не критиковалъ и не возставалъ противъ принципа самодержавнаго режима, кто пользовался царской лаской, — непремѣнно подвергался нападкамъ, травлѣ, лишался добраго имени и авторитета и зачислялся въ разрядъ людей малопочтенныхъ, а то и просто черносотенцевъ.

О людяхъ придворныхъ отзывались еще того хуже. Ихъ презирали, третировали, какъ лакеевъ и холуевъ, на ихъ счетъ зубоскалили и смѣялись злорадно. "Я въ шахматы играю, я двери открываю"... Царь, конечно, могъ ошибаться въ выборѣ министровъ и приближенныхъ, но не всё же окружали его дураки, проныри, лизоблюды, мелкіе честолюбцы, интриганы и авантюристы.

16-го сентября 1916 года Государь назначилъ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Александра Дмитріевича Протопопова. Онъ пользовался уваженіемъ и довѣріемъ въ думскихъ кругахъ; онъ состоялъ въ должности товарища предсѣдателя Государственной Думы; онъ былъ лидеромъ партіи 17-го Октября; онъ ѣздилъ весной 1916 года, по избранію Думы, за-границу: въ Англію и во Францію, велъ тамъ политическія бесѣды, Милюковъ называлъ его въ это время своимъ "милымъ другомъ и товарищемъ". Но какъ только онъ сталъ министромъ, — все молніеносно измѣнилось. Отъ него отвернулись думскіе круги; отшатнулся, какъ отъ чумнаго, "милый другъ" Милюковъ. Онъ сразу потерялъ всѣ свои достоинства, сразу сталъ человѣкомъ, у котораго "честолюбіе бѣгало и прыгало", сталъ посмѣшищемъ, полусумасшедшимъ маньякомъ, который почувствовалъ вдругъ "откровенную преданность и искреннее обожаніе къ Хозяину Земли Русской". Онъ сталъ самымъ ненавистнымъ министромъ. Каждый его шагъ вызывалъ истерію злобы. "Этотъ прохвостъ задался планомъ спасенія Россіи, которая представляется ему все больше и чаще въ видѣ царской вотчины"...

Протопоповъ скоро замѣтилъ происшедшую перемѣну въ отношеніяхъ къ нему. Рѣзкая оппозиція Думы его смутила. Онъ рѣшилъ переговорить на чистоту, выяснить причину охлажденія и вдругъ возникшей непріязни. Онъ рѣшилъ попытаться найти утерянный контактъ, выложить душу, найти былое дружеское общеніе и заставить людей понять его. Онъ хотѣлъ просить ихъ трудиться съ нимъ вмѣстѣ для блага и счастья Родины. Онъ страдалъ нравственно и это душевное состояніе его угнетало.

19-го октября, черезъ мѣсяцъ послѣ назначенія Протопопова, на квартирѣ у Родзянко произошла встрѣча и драматическое объясненіе съ бывшими друзьями и политическими сотрудниками. На этой встрѣчѣ присутствовали, кромѣ Родзянко и Протопопова, Шингаревъ, графъ А. Д. Капнистъ, Н. В. Савичъ, П. Н. Милюковъ, И. Н. Ефремовъ, В. В. Шульгинъ и еще нѣсколько депутатовъ.

"Друзья" встрѣтили Протопопова холодно, сухо, молча, — вульгарно выражаясь: "мордой объ столъ". Нѣкоторые смотрѣли на него съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣли сказать: "Какъ ты низко палъ". Другіе переговаривались между собою и какъ будто совсѣмъ не замѣчали нѣсколько взволнованнаго министра и не интересовались его личностью. Если бы Протопоповъ не былъ такъ возбужденъ, онъ, несомнѣнно, замѣтилъ бы, что атмосфера была для его душная, спертая, злая; онъ понялъ бы, что это свиданіе не сулитъ для него пріятныхъ послѣдствій. Но министръ былъ взволнованъ, блѣденъ, руки у него слегка дрожали и онъ не догадался сразу, что стучитъ въ глухую стѣну, что его никто не услышитъ и никто не отзовется.

Когда всѣ усѣлись за большимъ длиннымъ столомъ въ прекрасной, богато обставленной, обширной комнатѣ съ золотыми лѣпными потолками, — хозяинъ, величественный, важный баринъ — "демократъ" Родзянко, спокойно, глухимъ басомъ, изложилъ причину и цѣль собранія.

— Вы желали высказаться, господинъ министръ; я предоставляю вамъ слово.

— Господа, я прибылъ сюда, чтобы побесѣдовать по-душамъ, по-пріятельски, какъ это было раньше. Я замѣтилъ, что вы измѣнились въ отношеніяхъ ко мнѣ. Мнѣ непонятно, почему я лишился вашей дружбы? Развѣ я сталъ хуже, чѣмъ былъ два мѣсяца тому назадъ? Я готовъ отвѣтить на всѣ ваши вопросы, чтобы разсѣять недобрыя чувства, возстановить дружбу и найти общій языкъ. Я прошу только, чтобы наша бесѣда была конфиденціальной и то, что я буду говорить и то, что вы мнѣ скажите, осталось въ этихъ стѣнахъ и не ушло дальше этой залы.

— Часъ секретовъ, милостивый государь, ваше превосходительство, господинъ министръ, прошелъ, — крикнулъ Милю-

ковъ съ желчнымъ сарказмомъ, подчеркивая и оттѣняя каждое слово. — Я лично не могу взять на себя никакихъ обязательствъ въ этомъ отношенiи, будучи обязаннымъ дать отчетъ объ этомъ засѣданiи своей партiи.

Милюковъ смотрѣлъ на Протопопова насмѣшливымъ уничижительнымъ взглядомъ. Отъ него вѣяло холодомъ, какъ отъ льдины и въ словахъ его былъ ледяной холодъ. Милюковъ былъ некрасивъ. У него было большое лицо съ грубыми, жесткими чертами. Сѣдѣющiй, липкiй волосъ былъ зачесанъ небрежно спутанной полоской по лѣвому краю головы. Черныя брови поднимались крутыми дугами; узкiе злые глаза смотрѣли холодно черезъ очки въ старинной золотой маленькой овальной оправѣ. Черные густые усы закрывали ротъ. Онъ былъ одѣтъ въ черный костюмъ, съ жилетомъ, подпирающимъ подъ самый воротничекъ, съ бѣлыми откидными крахмальными кончиками.

Внѣшнiй видъ Милюкова былъ не изъ очень прiятныхъ. Что то сухое, жесткое, даже отталкивающее было въ выраженiи его глазъ. Лицо его, вѣроятно, очень рѣдко согрѣвала улыбка. Внѣшней сухости соотвѣтствовала сухость внутренняя, духовная. Пуришкевичъ сказалъ о немъ: "Любовь Милюкова къ народу — профессорская, отъ ума холодныхъ разсужденiй, а потому она холодная, неживая, мертвая. Любовь его напоминаетъ мнѣ студенистую протоплазму, въ которой нѣтъ крови, нѣтъ тепла, а вѣчно скользящая жижа, — начало, которому не суждено оживиться кровью"... Дорошевичъ сказалъ о немъ: "Это богъ безтактности".

— Въ такомъ случаѣ я не могу говорить и прошу васъ, господинъ предсѣдатель Думы, и васъ, господа, извинить меня, что побезпокоилъ васъ своимъ посѣщенiемъ и былъ причиной настоящаго собранiя. Что произошло, что вы не желаете говорить по-товарищески?

Милюковъ внезапно, шумно, отодвигая стулъ, вскочилъ со своего мѣста, подбѣжалъ къ Протопопову и ожесточенно размахивая рукой, точно отбиваясь отъ невидимыхъ враговъ, или нападая на нихъ самъ, закричалъ во весь голосъ, задыхаясь и дрожа.

— Вы желаете знать, что произошло? Я вамъ скажу... я вамъ скажу... Человѣкъ, который выпустилъ на свободу Сухомлинова, котораго вся Россiя считаетъ измѣнникомъ, который освободилъ Манусевича-Мануйлова: человѣкъ, который преслѣдуетъ прессу и политическiя организацiи, — такой человѣкъ не можетъ быть нашимъ товарищемъ. Запомните: не можетъ быть... Впрочемъ, говорятъ, что Распутинъ принималъ участiе въ вашемъ назначенiи.

Протопоповъ вздрогнулъ, еще больше поблѣднѣлъ, поднялся, потомъ сѣлъ, справился съ собой и сказалъ спокойно:

— Вы хотѣли меня оскорбить. Я вамъ отвѣчу пунктъ за пунктомъ на ваши обвиненія. Сухомлиновъ не находится на свободѣ; измѣненъ только режимъ его предварительнаго заключенія...

— Онъ находится подъ домашнимъ арестомъ и дѣлаются демарши къ его освобожденію, — прерывая Протопопова, снова выкрикнулъ Милюковъ.

— Да. Что касается прессы, то она зависитъ не отъ меня, а отъ военнаго министерства. Я ѣздилъ къ Хабалову и просилъ его освободить редактируемую Милюковымъ газету "Рѣчь" отъ прадварительной цензуры. Я желалъ бы отвѣтить вамъ сейчасъ и о Распутинѣ, но я могъ бы сказать только въ конфиденціальномъ порядкѣ, а меня хотятъ заставить сдѣлать сообщеніе для прессы. Милюковъ зажалъ мнѣ ротъ. Я могъ надѣяться, что послѣ нашей совмѣстной поѣздки по заграницѣ, наши сердечныя симпатіи улучшили наши взаимоотношенія. Я ошибся. Ничего не подѣлаешь. Я желалъ бы достигнуть съ вами согласія для общей работы на благо нашей родины. Но если это невозможно, если мнѣ противопоставляютъ столь огромную враждебность, я буду дѣйствовать одинъ, въ одиночествѣ.

— Прежде, чѣмъ говорить по-товарищески, надо установить ясно: можемъ ли мы быть еще товарищами? — спросилъ Шингаревъ тихо.

Онъ смотрѣлъ на Протопопова недовѣрчивымъ, сомнѣвающимся взглядомъ. Лицо у него было не злое, какъ у Милюкова, — мягкое, доброе, типичное лицо русскаго интеллигента-идеалиста.

— Увы, мы не знаемъ, какъ произошло то, что вы оказались министромъ. А между тѣмъ, идутъ слухи, что Распутинъ участвовалъ въ вашемъ назначеніи... Почему вы вошли въ министерство Штюрмера, котораго всѣ, совершенно опредѣленно, считаютъ измѣнникомъ? Вы не только не отдалились отъ него, но вы сообщили въ вашемъ интервью, что ваша программа была его программой и что Штюрмеръ развилъ ее въ Думѣ. Другой измѣнникъ Сухомлиновъ былъ освобожденъ вами, какъ только вы стали министромъ. Вы заняли мѣсто лица, которое было уволено за то, что воспротивились этому. Вы выпустили на свободу также Манусевича-Мануйлова — личнаго секретаря Штюрмера, относительно котораго имѣются подозрительные слухи. Наконецъ, въ возбужденіи рабочихъ, которое наблюдается нынѣ, ваше министерство дѣйствуетъ, какъ и предшествующія, при помощи провокаціи, распространяя лживыя новости среди народа. Вы явились къ намъ не въ простомъ сюртукѣ, но въ жандармскомъ мундирѣ. Вотъ то, относительно чего, мы желали бы выслушать ваши объясненія, прежде, чѣмъ возстановить отношенія, которыя мы можемъ имѣть съ вами.

— Я пришелъ сюда съ намѣреніемъ говорить дружески. Но я вижу, что здѣсь я только подсудимый. Больше того, вы имѣете полную возможность говорить все, что вамъ вздумается, въ то время, какъ мнѣ Милюковъ не далъ этой возможности своимъ заявленіемъ, что все, мною сказанное, будетъ завтра же напечатано въ газетхъ. Я не могу вамъ сдѣлать въ этихъ условіяхъ довѣрительныя изъявленія, которыя бы опровергли вздоръ, болтовню и сплетни, которымъ вы, господа, повѣрили въ кредитъ. Напримѣръ, я видѣлъ Распутина нѣсколько лѣтъ тому назадъ и въ обстоятельствахъ совсѣмъ другихъ, чѣмъ вы думаете. Въ дѣйствительности, и въ этомъ есть истина, я былъ кандидатомъ Императора, котораго я нынѣ знаю близко и котораго я люблю. Но я не буду настаивать на этой особенной точкѣ зрѣнія на мое назначеніе...

— Прежде всего, мы должны отсѣчь вопросъ о нашихъ взаимоотношеніяхъ, — заговорилъ въ свою очередь Шульгинъ. — Всѣ мы васъ обвиняемъ. Я обвинялъ васъ публично и я почитаю моимъ долгомъ повторить вамъ мои обвиненія. Я предупреждаю, что вамъ придется пережить нѣсколько непріятныхъ минутъ. Мы не знаемъ больше, что о васъ думать? Есть ли вы мученикъ и пришли ли вы туда съ желаніемъ сдѣлать что-то, тогда какъ въ этой средѣ ничего нельзя сдѣлать? Есть ли вы честолюбецъ, котораго прельстилъ блестящій постъ? И вы соблазнились, не скрывая отъ себя, что вы ничего не можете сдѣлать? Вы видите, въ какое положеніе вы себя поставили. Были люди, которые васъ любили, очень васъ цѣнили... А сейчасъ?!.. Вы пали очень низко... Вы удалили отъ васъ единственныхъ людей, которые васъ могли бы поддержать тамъ. Этотъ разговоръ, который мы имѣемъ сегодня, мы должны были бы имѣть передъ тѣмъ, какъ вы приняли власть. Поэтому совершенно понятно, что Милюковъ считаетъ невозможнымъ хранить секретъ этого засѣданія. Завтра, когда узнаютъ, что мы имѣли съ вами разговоръ, могутъ заподозрить насъ, что мы имѣемъ съ вами тайное соглашеніе. Вамъ это нисколько не поможетъ, а намъ повредитъ, какъ погубило васъ. Если мы не достигнемъ сегодня никакого результата, я готовъ допустить возможность, чтобы ничего не разглашать. Можно будетъ сказать: "Говорили, но не нашли базы для соглашенія". Но если мы придемъ къ чему-либо по тѣмъ или инымъ пунктамъ, то будемъ вынуждены сообщить публикѣ тѣ основанія, которыя легли въ основу нашего соглашенія.

Рѣчь Шульгина подлила масла въ огонь. Она показала Протопопову, что люди, съ которыми онъ пришелъ бесѣдовать, ни на какія соглашенія не пойдутъ. Онъ ясно увидѣлъ лежащую между ними и имъ пропасть. Онъ понялъ, что "друзья" считаютъ его чуть ли не подлецомъ, общеніе съ которымъ мараетъ ихъ въ общественномъ смыслѣ. Раздраженный, едва сдерживая себя, что-

бы не закричать такъ же, какъ Милюковъ, онъ отвѣтилъ съ негодованіемъ и возмущеніемъ:

— Если здѣсь говорятъ, что я болѣе не уважаемъ, я отвѣчу внѣ этого дома, лицомъ къ лицу, съ пистолетомъ въ рукахъ. Что касается общественнаго мнѣнія, въ глазахъ котораго я, якобы, низко палъ, то я имѣю возможность быть точно освѣдомленнымъ относительно таковогo. Много несчастныхъ и бѣдняковъ приходили ко мнѣ со своими нуждами, просьбами и тревогами и никто не возвращался безъ того, чтобы не быть утѣшеннымъ и облегченнымъ. Я знаю оцѣнку этой публики; она совсѣмъ другая, чѣмъ та, которую я нахожу здѣсь... Я исполняю волю Императора. Я всегда исповѣдывалъ монархическія убѣжденія. Вы хотите насильственныхъ потрясеній; вы хотите измѣненія режима. Вы этого не достигнете. А я, служа моему Царю, сдѣлаю немного-понемногу хоть что-нибудь.

— Сегодня положеніе таково, господинъ министръ, — ехидно замѣтилъ депутатъ Стемпковскій, — что выражаясь точно, сдѣлать "что-нибудь", это очень мало и плохо, это хуже, чѣмъ ничего.

— Я буду дѣлать то, что смогу сдѣлать...

— Я извиняюсь передъ моими товарищами, прежде всего, въ томъ, что я говорилъ въ повышенномъ тонѣ, — заявилъ Милюковъ. — Это былъ крикъ сердца. Это будетъ въ послѣдній разъ. Я сознаюсь, что мои отношенія съ Протопоповымъ стали наиболѣе дружескими во время нашей поѣздки по Европѣ. Ничто мнѣ тогда не позволяло думать, что Протопоповъ будетъ дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствуетъ нынѣ. Теперь время измѣнилось. Чувства не причемъ. Мы здѣсь не друзья, а политическіе враги...

Вы сказали, что вы монархистъ. Въ какомъ смыслѣ вы монархистъ? Являетесь ли вы поклонникомъ абсолютной монархіи, или вы стоите за конституціонный образъ правленія? Если вы монархистъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, то зачѣмъ вы намъ заявляете о своихъ монархическихъ чувствахъ? Вотъ на этотъ вопросъ я желалъ бы получить отвѣтъ.

— Да, я всегда былъ монархистомъ. Теперь же, когда я лично узналъ Государя, я его полюбилъ еще больше. Я не знаю почему, но Государь также относится ко мнѣ съ любовью и я этимъ горжусь, — съ сильнымъ возбужденіемъ произнесъ Протопоповъ.

— Не волнуйтесь, г. Протопоповъ, — съ язвительной насмѣшкой отозвался графъ Капнистъ. — Не объясняйтесь въ любви, здѣсь вѣдь нѣтъ "обожаемаго" монарха...

Капнистъ самодовольно разсмѣялся. Красивое лицо Протопопова горѣло отъ волненія. Онъ находился теперь въ томъ состояніи, когда его не пугали и не тревожили больше нападки враговъ. Онѣ ему были безразличны. Онъ самъ готовъ былъ на-

падать. Онъ почувствовалъ, что ему незачѣмъ давать отвѣты этимъ людямъ. Но поддаваясь чувству, крикнулъ, пылая:

— Вамъ хорошо это говорить. Вы сидите спокойно въ креслѣ, а я нахожусь въ положеніи человѣка, котораго травятъ. О, между нами огромная разница. Вы — графъ, вы, господинъ Капнистъ, имѣете огромное состояніе, вы имѣете огромныя связи. Въ то время, какъ вы ни въ чемъ не нуждались, я началъ свои первыя шаги бѣднымъ студентомъ. Я давалъ уроки по 50 копѣекъ. Я ничего не имѣю и теперь, кромѣ поддержки моего Императора. Но съ этой поддержкой я буду идти до конца, какое бы ни было ваше отношеніе ко мнѣ...

— Я еще не кончилъ, — съ холоднымъ самодовольствіемъ сказалъ опять Милюковъ, видя волненіе своего политическаго врага. — Мы подошли къ моменту, когда терпѣніе страны исчерпано окончательно. Надо принять срочно экстраординарныя мѣры, чтобы успокоить народъ...

— Надо создать "министерство довѣрія" при вашемъ благосклонномъ участіи, — съ горькой насмѣшкой отпарировалъ Протопоповъ. — Вы напрасно оперируете мнѣніемъ страны, голосомъ народа. Вы мнѣнія страны не знаете и собственное настроеніе выдаете за голосъ народа...

— Невозможно жить больше въ атмосферѣ гнетущихъ недоразумѣній, вызванныхъ вашимъ назначеніемъ, г. Протопоповъ.

— Протопоповъ сказалъ намъ, что онъ монархистъ и заявилъ о своей любви къ Царю. Но выше Царя есть родина. Если Царь ошибается, если онъ идетъ дорогой, которая можетъ быть опасной для Отечества, долгъ монархиста, любящаго Царя, указать ему на ошибки. Господинъ Протопоповъ, выполнили ли вы свой долгъ? — спросилъ Шингаревъ. — Мы этого не знаемъ, но потому, какъ вы дѣйствуете и послѣ вашей декларации, которую мы выслушали, — въ этомъ можно сомнѣваться...

— Протопоповъ утвержадетъ, что онъ не знаетъ, кому онъ могъ бы передать портфель министра, — сразу запальчиво, съ высокой ноты, точно въ присутствіи глухихъ людей, громко заговорилъ кругленькій, невысокаго роста, краснощекій и благообразный Иванъ Николаевичъ Ефремовъ. — Это не имѣетъ значенія. Какой бы ни пришелъ новый человѣкъ, дѣло не двинется. Онъ ничего не сможетъ сдѣлать въ правительствѣ, которое правитъ безъ программы и безъ поддержки націи. Положеніе настолько тяжелое, что его невозможно измѣнить простой замѣной министровъ. Нужна не перемѣна министровъ, которую мы наблюдаемъ теперь довольно часто, — нужна перемѣна правительственной системы...

Родзянко слушалъ спокойно, какъ нападали на несчастнаго министра думскіе тузы, одобрительно улыбался, покачивая круп-

ной головой въ знакъ согласія и былъ доволенъ. Наконецъ, онъ произнесъ почти торжественно свое собственное мнѣніе.

— Послѣднія слова Ивана Николаевича содержатъ глубокую истину. Я совершенно согласенъ, что надо мѣнять режимъ. Я вамъ могу подтвердить, господинъ Протопоповъ, что то, что вы здѣсь сейчасъ услышали, — это есть единогласное мнѣніе всѣхъ членовъ Думы. Вы не найдете ни одного, который бы думалъ иначе.

Протопоповъ хотѣлъ коснуться еще нѣкоторыхъ вопросовъ. Онъ вынулъ изъ портфеля бумаги и сталъ объяснять положеніе продовольственнаго вопроса. Къ нему подошелъ графъ Капнистъ и тономъ человѣка, который убѣждаетъ, призываетъ къ благоразумію, а въ то же время почти требуетъ, сказалъ:

— Господинъ Протопоповъ, подайте въ отставку...

Милюковъ съ мѣста крикнулъ: "Вы ведете Россію къ разрушенію и гибели. Уходите"... Еще чей-то голосъ сказалъ насмѣшливо: "Господинъ Протопоповъ, идите лучше спать"... Послышались шуточки и насмѣшки. Кровь ударила въ голову Протопопову. Какъ будто публично били его по щекамъ. Подъ гулъ голосовъ онъ крикнулъ въ какомъ-то истерическомъ трансѣ: "Меня поддержитъ Земство. Земство пойдетъ со мной"...

— Никто васъ не поддержитъ. Напрасныя иллюзіи и безплодныя надежды. Не пойдетъ за вами Земство, — гудѣли голоса насмѣшливо. — За поддержкой совѣтуемъ идти въ "мистическій кружокъ", къ Гришенькѣ, къ Андроникову и къ Бадмаеву. Спросите совѣта у Аннушки...

Протопоповъ всталъ, сдѣлалъ общій поклонъ и повернулся уходить.

— На прощанье, я могу вамъ подать докторскій совѣтъ: идите ложитесь спать; вы нуждаетесь въ отдыхѣ, — сказалъ Шингаревъ.

На дворѣ стояла черная осенняя ночь. Съ моря дулъ холодный вѣтеръ, моросилъ мелкій дождь, скрипѣли и шумѣли печально деревья. Пустынныя, мокрыя улицы тонули во мглѣ. И такая же мутная печаль и тоска были на душѣ у человѣка, дерзнувшаго пойти противъ теченія во имя своего Царя.

4.

Въ концѣ декабря 1916 года, въ одной изъ залъ Таврическаго дворца, происходило засѣданіе Особаго Совѣщанія Государственной Думы. Предсѣдательствовалъ Гучковъ. На засѣданіи разсматривались вопросы о снабженіи арміи. По этой причинѣ присутствовалъ военный министръ, генералъ Бѣляевъ. Для него это была миссія трудная и весьма непріятная. Онъ находился какъ бы въ станѣ враговъ. Государственная Дума неизмѣнно и неустанно штурмовала самодержавіе и правительство. Депутаты

играли въ политику съ такимъ же энтузіазмомъ и самозабвеніемъ, какъ дѣти играютъ въ любимую игру. Почти на каждомъ засѣданіи съ чьихъ либо устъ срывались слова, напоенныя желчью, ненавистью и негодованіемъ. Думали и вѣрили, что разваливая камни подъ трономъ, они служатъ русскому народу.

"Россія — это очень большой сумасшедшій домъ", написала какъ то въ приливѣ откровенности или прозрѣнія передовая либеральная писательница Зинаида Гиппіусъ. "Если сразу войти въ залу желтаго дома, на какой-нибудь вечеръ безумцевъ, вы, не зная, не поймете этого. Какъ будто и ничего. А они всѣ безумцы"...

— Власть наша охвачена процессомъ гніенія, — началъ Гучковъ вступительное слово. Онъ смотрѣлъ куда-то въ пространство, мимо Бѣляева и временами бросалъ взглядъ на членовъ Совѣщанія. На носу поблескивало золотое пенснэ. Живые, черные глаза выдавали его душевное состояніе, скорѣе радостное, чѣмъ печальное. Можетъ быть, радовался онъ тому, что все начинается, какъ обычно. Мы наступаемъ, врагъ пассивенъ и не обороняется. Мы можемъ его штурмовать по заведенному порядку, не боясь потерь. Будемъ танцевать кадриль или еще лучше — танго. "Сонечка, полегче дрыгайте ногами и не поднимайте кверху задъ"...

— Если бы нашей внутренней жизнью и жизнью нашей арміи руководилъ германскій генеральный штабъ, онъ не создалъ бы ничего, кромѣ того, что создала наша русская правительственная власть...

Гучковъ пріостановился и внимательно на этотъ разъ посмотрѣлъ на генерала Бѣляева. Взглядъ его говорилъ краснорѣчиво и выразительно: "ты видишь, я говорю прямо и меня ничуть не смущаетъ присутствіе вашего превосходительства".

— Нашъ ветхій государственный корабль несется безъ руля, безъ вѣтрилъ и, можно сказать, безъ капитана. Происходитъ въ странѣ грозное и зловѣщее явленіе: наступаетъ параличъ транспорта, а съ нимъ — параличъ всей жизни государства, страшный, какъ смерть.

Гучковъ замѣтно рисовался. На его красивое лицо купидона падали лучи заходящаго солнца. Онъ изрѣдка, съ удовольствіемъ, раздваивалъ свою сѣдѣющую круглую бородку. Онъ чувствовалъ себя въ ударѣ, это его возбуждало, слова звучали страстно, увеличивая силу производимаго впечатлѣнія. Бѣлая рука съ крупнымъ брилліантомъ отбивала тактъ костями согнутыхъ пальцевъ на ударныхъ мѣстахъ рѣчи.

— Правительство, раздираемое различными вліяніями, лишенное воли, въ лучшемъ случаѣ — бездѣйствуетъ. Во главѣ его нѣтъ боевого атамана, нѣтъ людей, способныхъ на творчество. Надо ли говорить, что общество относится къ нему съ недовѣ-

ріемъ. Оно стало притчей во языцѣхъ. Надъ нимъ смѣются, его презираютъ, его больше уже не боятся. Но оно, какъ наростъ, какъ струпъ, не даетъ пробиться живымъ силамъ страны.

— Александръ Ивановичъ, пощадите, — сказалъ съ улыбкой и безъ малѣйшей тѣни волненія, генералъ Бѣляевъ. — Вы насъ били, не давали встать и опять бьете. Если вы полагаете, что этимъ битьемъ вы облегчаете положеніе, оказываете намъ содѣйствіе и исполняете вашъ долгъ передъ Россіей, то вы напрасно тратите ваше несомнѣнное краснорѣчіе. Смѣю сказать, — вы глубоко заблуждаетесь. Процессомъ гніенія зараженна вся столица и прежде всего, то общество, въ которомъ вы занимаете столь высокую и руководящую роль. Это мое глубочайшее убѣжденіе. Давайте лучше говорить о дѣлѣ.

— Ваше превосходительство, я присоединяюсь полностью къ вашему мнѣнію, — сказалъ съ мѣста человѣкъ могучаго сложенія, съ окладистой русой бородой и густой львиной шевелюрой. — Очень жаль, что правительство медлитъ и до сихъ поръ не вскрыло этотъ гнойникъ. Пора прекратить безобразіе. Намъ не нужны доморощенные демократы. Намъ нужны мужи совѣта, земскіе люди, русскіе люди, а не западные грамофоны...

Мгновенно зашипѣлъ и закипѣлъ лѣвый секторъ.

— Это провокація... Это оскорбленіе... Долой черносотенца... Господинъ предсѣдатель, поставьте этотъ вопросъ на голосованіе... Мы требуемъ...

— Требуйте, требуйте. Я васъ, милостивые государи, не боюсь, — огрызнулся бородатый. — Я иду по русской дорогѣ и съ нея не сверну. Я отъ черноземной Россіи, у меня крѣпкія руки... И онъ показалъ въ сторону шипѣвшихъ огромный крѣпкій кулакъ.

— Господа, засѣданіе продолжается. Переходимъ къ очереднымъ дѣламъ...

5.

«Четырнадцатое декабря. Люблю этотъ день, этотъ горькій праздникъ «первенцевъ свободы». В этотъ день пишу мои рѣдкіе стихи. Сегодня написала «Петербургъ». Ужъ очень мнѣ оскорбителенъ «Петроградъ», созданіе «растерянной челяди, что, властвуя, сама боится насъ»... Да, но «близокъ ли день», когда «возстанетъ онъ».—

...Все тотъ же, въ ризѣ дѣвственныхъ ночей,
Во влажномъ визгѣ вѣтренныхъ раздолій
И въ бѣлоперистости вешнихъ пургъ,
Созданье революціонной воли —
Прекрасно-страшный Петербургъ?..

(З. Гиппіусъ)

Изъ дома Мережковскихъ было видно: налѣво — закатъ солнца, въ глубинѣ, прямой, уходящей въ розовый вечеръ Сергіевской улицы. Направо — Таврическій садъ, за которымъ, сквозь чащу голыхъ деревьевъ, смутно проступалъ дворецъ съ свѣтло-голубой крышей и золотымъ куполомъ. Бѣлый дворецъ среди голого лѣса былъ сказочно прекрасенъ.

Здѣсь, въ просторной, богатой барской квартирѣ писателя, часто собирались "на огонекъ" друзья, знакомые и полузнакомые представители русской интеллигенціи — самой передовой и культурной. Сюда приходили ученые, философы, религіозные мыслители, писатели и поэты. Они составляли какъ бы нѣкій духовно-политическій орденъ "свободолюбивыхъ". Изъ нихъ мало кто примыкалъ къ политическимъ партіямъ и велъ политическую работу, но всѣ они были не равнодушны къ идейнымъ сторонамъ общественнаго вопроса. Они всѣ были заражены духомъ либерализма и русскаго мессіанства: "Мы принесемъ Европѣ свѣтъ съ Востока". И сами Мережковскіе и ихъ гости сочувствовали лѣвымъ теченіямъ, полагая, что только эти теченія несутъ Россіи и міру пылающій факелъ свободы.

Война не измѣнила порядка жизни этихъ людей. Такъ же, какъ и раньше собирались для дружескихъ, долгихъ разговоровъ, ходили въ театры, ѣздили отдыхать отъ "военныхъ тяготъ" въ Кисловодскъ. Ни одной жертвы не принесли для войны, но все брюзжали и сѣтовали: "Война всѣмъ, кажется, надоѣла выше горла. Однако, ни смерти, ни живота не видно... никому"... "Всѣ взяты на войну. Или почти всѣ. Всѣ ранены. Или почти всѣ. Кто не тѣломъ — душой". "Роетъ тихая лопата, роетъ яму, не спѣша. Нѣтъ возврата, нѣтъ возврата, если ранена душа"...

Какъ то вечеромъ, у Мережковскихъ сидѣли заглянувшіе

"на огонекъ" пріятели. Въ гостиной разливался мягкій, голубоватый, точно лунный свѣтъ, отъ котораго такъ было хорошо и уютно въ залѣ. Хозяйка дома сидѣла въ мягкомъ, глубокомъ креслѣ и вела разговоръ.

— Для всѣхъ, кто не потерялъ здраваго смысла, ясно: война для Россіи, при ея современномъ политическомъ положеніи, не можетъ окончиться естественно. Раньше конца ея, несомнѣнно, будетъ революція. Это предчувствіе, болѣе того, — это знаніе. Слышны раскаты громовъ. Приближается гроза. Какимъ голосомъ, какимъ рупоромъ надо кричать объ этомъ. Съ правительствомъ, которое мы имѣемъ, вести войну нельзя. Не можетъ Россія въ позорѣ рабства дотащиться до конца. Цѣлую кучу людей окрестили "пораженцами" за то, что мы хотимъ окончанія войны на основѣ честныхъ, святыхъ словъ Вильсона: "миръ безъ побѣдителей и безъ побѣжденныхъ". А у насъ пораженцемъ зовутъ всякаго, кто во время войны смѣетъ говорить о чемъ-либо иномъ, кромѣ полной побѣды.

Но что же будетъ? Революція, или безумный бунтъ? "Она" ли, настоящая, нужная, вѣрная и желанная, или "оно" — стихійное возстаніе снизу — бунтъ и крахъ? Страшна только революція снизу. Кто ей поставитъ предѣлы? Кто будетъ кончать ненавистную войну? Несчастная Россія, несчастный народъ...

Зинаида Николаевна Мережковская — дама бальзаковскаго возраста, но молодящаяся, принадлежала къ литературной богемѣ. Это была худощавая, плоскогрудая, тонкобедрая женщина съ тонкими чертами лица, остраго, сухого, не очень красиваго, но умнаго и интереснаго. Это былъ типичный "синій чулокъ", по мѣткому выраженію Пуршикевича. Не любили въ Россіи бабъ, когда онѣ путались въ мужскія дѣла. Оберегали ихъ отъ огрубенія и омужествленія. Считали основнымъ предназначеніемъ женщины — рожать дѣтей, быть хорошей матерью, женой, хозяйкой. Берегли женщину — какъ цвѣтокъ.

— У насъ нѣтъ ничего крѣпкаго, — продолжала Мережковская. — Вырождающееся правительство и призрачный парламентъ — Дума. Интеллигентный слой слишкомъ тонокъ. Его раздираютъ внутреннія несогласія и противорѣчія. Если бы не было одной, всѣхъ объединяющей, священной ненависти къ самодержавію, то интеллигенція представляла бы печальную картину разобщенности. Единственная либеральная партія — кадетская — въ сущности, не имѣетъ подъ собой никакой почвы. У нея нѣтъ связей съ низами. Какъ будто живемъ въ безвоздушномъ пространствѣ. Что вы думаете, господа, на этотъ счетъ? Ты, напримѣръ, Димитрій? — обратилась она къ мужу, сидѣвшему рядомъ.

— Не знаю, что будетъ. Будетъ ли переходъ изъ одной формы къ другой, или это будетъ выходъ изъ всѣхъ государственныхъ формъ, — это рѣшить сейчасъ трудно. Во всякомъ случаѣ,

уже и теперь ясно, что это игра опасная не только для русскихъ, но и для европейцевъ. Европейцы наивно думаютъ, что мы переживаемъ болѣзнь политическаго роста, что мы перебѣсимся, что все равно выше головы своей не прыгнемъ, кончимъ тѣмъ же, чѣмъ и они, остепенимся, взнуздаемся въ парламентскій намордникъ, откажемся отъ соціалистическихъ и анархическихъ крайностей и удовольствуемся буржуазной, демократической лавочкой, вмѣсто града Божьего.

Пожалуй, и дѣйствительно было бы такъ, если бы мы не были европейцами наизнанку. Мы разбиваемъ головы объ стѣну, летимъ пятами вверхъ... Души Россіи они, европейцы, не знаютъ. Душа Россіи останется для нихъ вѣчною загадкой. Во всякомъ случаѣ, на конституціонной монархіи мы не остановимся. Да и не можетъ русская монархія дать конституцію. Для царя православнаго отречься отъ самодержавія, — значитъ отречься отъ православія.

Но когда всѣ историческія формы государственности и церковности будутъ низвергнуты, тогда въ политическомъ и религіозномъ сознаніи народа зазіяетъ пустота, которую не наполнятъ никакія существующія формы европейскихъ государствъ, не только конституціонная монархія, но и буржуазно-демократическая республика. Въ Россіи "немедленный соціализмъ", — это бракъ пятилѣтней дѣвочки — растленіе. Русская революція такъ же абсолютна, какъ и отрицаемое ею самодержавіе. Все живое цвѣтетъ и благоухаетъ, только мертвое тлѣетъ и смердитъ. Я боюсь смерти. Смерти духа и свободы. Боюсь, что придетъ то, о чемъ сказалъ Побѣдоносцевъ: "Россія — это ледяная пустыня, по которой ходитъ лихой человѣкъ". Боюсь человѣка-звѣря, охваченнаго безуміемъ...

Мережковскій замолкъ. Голосъ у него былъ тихій, мягкій. Лицо тонкое, тѣло сухое, не сильное, безъ одной грубой черты. Молчали нѣсколько времени и всѣ остальные. Какъ будто, — всѣ погрузились въ свои мысли, чтобы вдуматься въ сказанное, осознать сложнѣйшій и мучительный вопросъ о жизни, разобраться въ настоящемъ и угадать невѣдомую дорогу, по которой Россія пойдетъ въ будущемъ. Каждому изъ нихъ свѣтилъ далекій маякъ — мечта. Видѣлась жизнь человѣчества, на которую изливались лучи божественнаго духа. Отъ папиросъ и сигаръ поднимался струйками голубой дымъ.

— Я не принадлежу къ числу ненавидящихъ и осуждающихъ, — произнесъ, докуривъ папиросу, господинъ съ умнымъ, слегка угловатымъ лицомъ, съ задумчивымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, въ которыхъ свѣтилась не то тоска, не то упрямство и боль. Это былъ философ Василій Васильевичъ Розановъ. Одни ему симпатизировали, другіе ненавидѣли. — Я часто задавалъ себѣ вопросъ: "За что общество ненавидитъ царя и государственную

власть? Чѣмъ провинилось злополучное правительство, на которое, какъ на бѣднаго Макара, валятся всѣ шишки? Есть ли это реакціонеры, душители свободы, отмѣнные идіоты, или отпѣтые дураки? Есть ли это гнусные, подлые, отвратительные люди? Или это преступники, измѣнники, или какіе-то необыкновенные монстры?" — Ни то, ни другое, ни третье. Такіе же почтенные русскіе люди, какъ всѣ, съ такими же недостатками и достоинствами. Однимъ словомъ — не лучше и не хуже другихъ. Несчастіе ихъ заключается въ томъ, что они иначе думаютъ, чѣмъ другіе.

Ругать правительство, злословить по поводу Протопопова и зубоскалить насчетъ интимныхъ прелестей Аннушки, стало моднымъ у насъ. Потому, молъ, кричимъ, что нашъ государственный аппаратъ — ни къ чорту. Но я убѣжденъ, что сами кричащіе, будутъ еще болѣе ни къ чорту. У этихъ хоть опытъ есть. Когда былъ во главѣ правительства умница, молодой, полный силъ, талантливый, энергичный, мужественный Столыпинъ, — развѣ наше общество не орало во всѣ тяжкія: "д о л о й !". Орало, да еще какъ орало. Оно добивалось и понынѣ добивается власти для себя. Въ этомъ только и есть смыслъ борьбы. Для этого только общество и мечтаетъ о великихъ потрясеніяхъ. Намъ хоть архангеловъ дай, — будетъ все равно... Есть старая поговорка: "Слѣпой слѣпого ведетъ, — не оба ли упадутъ въ яму". Слѣпое общество пытается вести темный, слѣпой народъ. Закончится это грандіознымъ крушеніемъ: все полетитъ къ собакѣ подъ хвостъ и хамъ воцарится...

Розановъ пріостановился. Подперъ рукой умную голову, задумался спокойно, потомъ добавилъ:

— Нѣтъ, общество наше заслужило казни себѣ. Это общество — зажирѣвшій жеребецъ на стойлѣ: самодовольный, хвастливый, чавкающій маслянистымъ ртомъ. Съѣлъ правду этотъ жеребецъ. Ему надо жиру спустить. Я хорошо знаю, что Аракчеевъ — это варварство, казнь. Но есть времена, именно вотъ золотенькія, именно вотъ благоутробныя, когда хочется не разсужденій и не философій, а казней.

Розановъ говорилъ медленно, своеобразно. Голоса не повышалъ, держался на одной нотѣ, ударныя слова растягивалъ. Говорилъ для себя такъ убѣдительно, что для слушающихъ становилось очевиднымъ: онъ не допускаетъ возраженій. Интересный былъ человѣкъ. Правѣе его сидѣлъ красивый мужчина въ русской поддевкѣ, — писатель Леонидъ Андреевъ. Какъ въ одеждѣ, такъ и въ писаніяхъ онъ оригинальничалъ, манерничалъ и умничалъ. Темы избиралъ страшныя. Левъ Толстой сказалъ о немъ злую фразу: "онъ пишетъ о страшныхъ вещахъ, а мнѣ совсѣмъ не страшно". На петербургскомъ небѣ Леонидъ Андреевъ былъ одинъ изъ модныхъ писателей.

— Зинаида Николаевна подняла страшный вопросъ. Страшнѣе смерти, — началъ Андреевъ. — Мы безсильны его разрѣшить, такъ какъ отъ насъ ничего не зависитъ. Мы можемъ только высказывать наши сужденія. Въ моей душѣ живетъ два чувства. Я ненавижу Николая. Ненавижу всѣми фибрами моего существа. Я прихожу въ изступленіе, когда мнѣ попадается на глаза его портретно-медально-монетное лицо, съ проборчикомъ и рыжей бородкой. Въ эти минуты я бѣшено жажду революціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какой-то робкій, предостерегающій голосъ говоритъ мнѣ: "Революція сейчасъ можетъ оказаться прыжкомъ въ пропасть". Я знаю, что когда она придетъ, къ ней опять примажется всякая сволочь. Знаю, что можетъ случиться то, что предвидятъ Дмитрій Сергѣевичъ и Василій Васильевичъ. И потому я чувствую раздвоенность и не могу остановиться на какомъ-либо рѣшеніи. Какъ всѣ, я иду въ общемъ стадномъ движеніи безвольно, покорно и понуро.

— Не бойтесь, милый другъ, грядущихъ событій, — отвѣтилъ почтенный старикъ, съ большими пышными космами снѣжно-бѣлыхъ волосъ. — Это будетъ красивый, сильный и могучій прыжокъ. Мы увидимъ штурмъ стараго, одряхлѣвшаго міра. Намъ откроются огромные, необъятные горизонты. Мы увидимъ то, что грезилось въ мечтахъ всю жизнь. Мы увидимъ дорогу въ царство свободы, мы увидимъ ея лучезарное сіяніе...

— Мы увидимъ, герръ профессоръ, людей, захлебывающихся въ крови, горы труповъ, моря человѣческихъ слезъ, милліонъ страданій. Это будетъ апофеозъ вашей свободы, — замѣтилъ съ насмѣшкой Розановъ.

— Ахъ! какъ это у васъ мрачно все получается, — сказала недовольная хозяйка. — Точно навожденіе какое-то или кошмаръ, — зловѣще и жутко. Я женщина, живу не только разумомъ, но и чувствомъ. Я вѣрю въ свѣтлое, разумное. Я не фаталистка. Я думаю, что люди и ихъ воля что-то вѣсятъ въ исторіи. Если начнется ударами, періодическими бунтами, то авось, кому надо, успѣютъ понять и принять мѣры. Что-то же значатъ думскіе лидеры! Наконецъ, на сторонѣ революціи такой выдающійся человѣкъ, какъ Керенскій. Я въ него вѣрю; не потому, что онъ красиво говоритъ. Слова что. "Слова — какъ пѣна, невозвратимы и ничтожны". Онъ умный парень и связанъ съ низами. Надо вѣрить въ революцію очистительную, благостную, живую, какъ весенній дождь; страна вздохнетъ свободно, радостно, вся заликуетъ, переродится. Надъ обновленной Россіей безъ кандальныхъ цѣпей, безъ змѣинаго шипѣнія, безъ ярма самодержавія, блеснетъ яркое солнце свободы.

— Ночью, при свѣтѣ фонарей, и грязная вонючая лужа тоже блеститъ, — пробурчалъ Розановъ. — Керенскій, милѣйшая Зи-

наида Николаевна, просто болтунъ. Плохенькій адвокатъ, плохенькій политикъ и плохенькій человѣкъ. Плохенькій въ кубѣ...

— Вамъ, можетъ быть, больше нравится Протопоповъ съ его "божественной слезой". Онъ уже, хотя и робко, но началъ прорицать. Готовитъ на крышахъ пулеметы... Со стороны взглянуть — комедія. Чужіе смѣются. У меня смѣхъ въ горлѣ останавливается. Вѣдь это — мы. Вѣдь это Россія въ такомъ стыдѣ...

Мережковская замолкла, поджавъ тонкія губы. Мужчины курили. Мягкій свѣтъ лился съ потолка. Въ мірѣ ничего не произошло, оттого, что люди спорили...

6.

У камина, въ домѣ, на окраинѣ швейцарскаго города, сидѣлъ вождь партіи большевиковъ — Владиміръ Ильичъ Ленинъ. Изъ желѣзной коробки онъ подбрасывалъ совочкомъ круглые угли въ чугунную рѣшетку, гдѣ горѣлъ огонь. Кругомъ его сидѣли подручные. Онъ имъ говорилъ и поучалъ. Рядомъ съ нимъ находилась его царственная супруга, Надежда Константиновна Крупская — толстая баба, какъ вѣдьма: глаза на-выкатѣ, ноздри на-выкатѣ, мочальный волосъ сбитъ въ пучокъ, отвислыя груди у живота. Около нея сидѣлъ кучерявый и толстозадый Овсей Ароновичъ Зиновьевъ. Съ другой стороны, отъ Ленина, жеманилась Розочка Равичъ — предполагаемая любовница вождя, изъ-за которой не разъ происходили семейныя потасовки. Тутъ были еще Сокольниковъ-Бриллiантъ, Розенблюмъ и Айзенбергъ.

Съ 17-ти лѣтъ Владиміръ Ульяновъ ушелъ въ революцію. Вся семейка была мятежная. Онъ сталъ профессіоналомъ революціи, отъ нея кормился, отъ нея ждалъ великихъ и богатыхъ милостей. Тридцать лѣтъ онъ только тѣмъ и занимался, что подготовлялъ крушеніе Стараго Міра. Въ качествѣ перваго объекта и будущаго плацдарма онъ избралъ Россію. Осиливъ мучительный, скучнѣйшій трудъ Карла Маркса — сына раввина Мардохея Маркса Леви, — Ленинъ увѣровалъ въ новое ученіе съ фанатическимъ пыломъ сектанта. Міръ, существующій, жизнь человѣчества, складывавшуюся вѣками, онъ не хотѣлъ знать. Онъ ее отрицалъ на-чисто, во имя несуществующаго, что, по его мнѣнію, должно было замѣнить старое. Онъ отвергъ духовное начало въ жизни. Для него это была выдумка буржуазіи. Кроткому ученію Христа: "не хлѣбомъ единымъ живъ будетъ человѣкъ", онъ противопоставилъ: — "только хлѣбомъ". "Къ чорту мистику! Мы вырастимъ новаго человѣка. Мы вырастимъ такой эгоизмъ и такую ненависть, которая побѣдитъ весь міръ... Наша сила — это каждый товарищъ долженъ понять — ненависть къ богатымъ, къ крахмальному воротничку, къ Богу".

Внѣшний видъ Ленина былъ не безобразный, но мало похо-

жий на тотъ, что значился въ фишкѣ Департамента полиціи: "Ростъ 2 аршина 5 съ половиною вершковъ, тѣлосложеніе среднее, наружностью производитъ впечатлѣніе пріятное; волосы на головѣ и бровяхъ русые, усы и борода рыжеватыя; глаза каріе — средней величины; голова круглая — средней величины; лобъ высокій"... Рыжихъ волосъ на головѣ осталось мало; лобъ былъ лысъ и оттого казался большимъ. Сухощавый, плечистый, онъ имѣлъ большія руки съ узловатыми пальцами. Въ полицейской фишкѣ не было двухъ самыхъ примѣчательныхъ данныхъ. Полиція не обратила вниманіе на большіе оттопоренныя уши и на окраску райковъ глазъ. Глаза у него были золотокрасные, какъ у обезьяны-лемура. Все вмѣстѣ создавало впечатлѣніе человѣка холоднаго, упорнаго, упрямаго, черстваго и жестокаго.

Потирая руки, Ленинъ сказалъ собравшимся:

— Я получилъ хорошія вѣсти оттуда. Скоро начнется...

Онъ вдругъ какъ-то необыкновенно захихикалъ. Можно было подумать, что это смѣется полуидіотъ. Крупская безпокойно повернула жабьи глаза. У Ленина часто бывали припадки, подобные эпилепсіи; не разъ наблюдала она признаки умопомѣшательства. Но Ленинъ оправился и продолжалъ:

— Нѣкоторые изъ нашихъ товарищей выражали неудовольствіе по поводу извѣстныхъ вамъ денежныхъ источниковъ. Эти добродѣтельные революціонеры боялись потерять свою, никому не нужную, невинность. Они кричатъ противъ экспропріаторовъ, противъ грабителей, противъ уголовныхъ... А придетъ время возстанія и они будутъ съ нами. На баррикадахъ взломщикъ, рецидивистъ будутъ полезнѣе Плеханова. Нельзя въ оцѣнкѣ партійныхъ товарищей подходить съ узенькой мѣркой мѣщанской морали. Иной мерзавецъ, можетъ быть, для насъ именно тѣмъ и полезенъ, что мерзавецъ.

Все должно быть сдѣлано во благовременіи и не стѣсняясь въ средствахъ. На все нужна сноровка. Все надо дѣлать такъ, чтобы ни одно усиліе зря не пропадало. Чтобы разжечь печь, надо сначала наложить въ нее бумаги, на бумагу положить достаточное количество сухихъ щепокъ, сверху насыпать уголь, который быстро разгорается, а ужъ потомъ, когда заговорится и запылаетъ, — тогда сыпь все, тогда и камни будутъ трещать, накаляться и пламенѣть жаромъ.

Устроить революцію, — это то же, что растопить печь. Только идіоты могутъ думать, что революцію можно сдѣлать на "священномъ гнѣвѣ". Нужны деньги, большія деньги. Нужна пропаганда, нужна демагогія, нужна долгая агитація, чтобы разбить крѣпость режима. Сколько усилій потребовалось, чтобы доказать, что режимъ сгнилъ, изжилъ себя, вывѣтрился, выродился, что онъ мѣшаетъ жизни, что при немъ бѣдные люди влачатъ жизнь подневольныхъ рабовъ. Путемъ пропаганды мы внушили

рабочимъ и всякой городской сволочи, что дальше такъ жить нельзя. Долой самодержавіе! Для либеральныхъ дураковъ — мы подсунули другое: "Да здравствуетъ свобода. Да здравствуетъ синяя птица, сидящая въ тюремной клѣткѣ. Долой тюремщиковъ. Да здравствуетъ прекрасная мечта!...

Что получилось въ результатѣ? Царя обожествляли, за него молились и на него молились. Ему пѣли многолѣтія, его чтили, его боялись, передъ нимъ падали на колѣни... Эту мистику мы разбили. Нынѣ Николай никому не страшенъ. Онъ пугало только для глупыхъ воронъ... Разжечь у рабочихъ ненависть къ богатымъ, — было не трудно. Также не трудно было вытравить боязнь. Мы внушили: "Вставай, проклятьемъ заклейменный міръ угнетенныхъ и рабовъ... Ничего не бойся; за тобой сила. Эти фабрики и заводы будутъ твои; богатства богатыхъ будутъ твои; все будетъ твое; ты будешь царствовать надъ вселенной... Вставай, чтобы побѣдить. Это будетъ твой послѣдній и рѣшительный бой. Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое... Кто былъ ничѣмъ — тотъ станетъ всѣмъ"... "Тебѣ нечего терять, кромѣ своихъ цѣпей, а пріобрѣтешь ты цѣлый міръ. Развѣ можетъ быть что-либо хуже, чѣмъ твоя распостылая жизнь. Вставай, борись"...

"Превращеніе имперіалистической войны въ гражданскую — вотъ твой идеалъ. Революціонныя партіи пролетаріата должны стоять за пораженіе своего буржуазнаго правительства. Безъ борьбы за пораженіе своего буржуазнаго правительства въ имперіалистической войнѣ нѣтъ подлиннаго пролетарскаго интернаціонала"...

— Все сказанное интересно, правильно, поучительно и нашей партіей принято въ качествѣ постоянныхъ ударныхъ лозунговъ, — замѣтилъ Зиновьевъ, который не такъ ужъ сильно чтилъ вождя и самъ не прочь былъ сыграть въ вождя. — Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ новостей, о которыхъ вы упомянули.

Ленинъ слышалъ вопросъ, но не отвѣтилъ, — сидѣлъ нѣкоторое время молча. Его скуластое, монгольское лицо съ раскосыми глазами, на которое падалъ отсвѣтъ пламени, было подобно лицу дьявола — Мефистофеля. Полумракъ усиливалъ это впечатлѣніе. Бездушный революціонный роботъ не прочь былъ сравнить себя съ тѣмъ, кто, согласно библейскаго мифа, возсталъ противъ Бога. Отрицая существованіе Бога, Ленинъ готовъ былъ признать символическое существованіе дьявола. Первый бунтарь и онъ — сливались въ одно. Въ больномъ, пораженномъ сифилисомъ мозгу, рождались иногда мысли маніакальныя. Передъ нимъ проносились тысячелѣтія. Онъ міровой протестъ отъ начала и до конца. Въ немъ духъ того перваго, который сразился съ воинствами деспотическаго бога. Въ немъ духъ того народа, который Богъ избралъ и не разъ проклиналъ потомъ. Онъ грѣхъ и зло, клевета и ложь, грязь и безстыдство, распущенность и

вѣроломство, паденіе и порокъ, матеріализмъ и духовная смерть. Онъ вторая половина міра, которой предстоитъ сразиться и заполнить собою весь міръ.

— Вы знаете, товарищи, какую роль играетъ для революціи Петербургъ, — продолжалъ послѣ молчанія Ленинъ. — Тамъ начнется возстаніе; тамъ разыграются рѣшающіе бои. Захватъ этого города будетъ знаменовать побѣду общую. Этотъ огромный городъ, расположенный у чертей на куличкахъ, имѣетъ ненасытное, прожорливое и вмѣстительное брюхо. Каждый день нужны милліоны килограммъ для его прокормленія. Все до послѣдняго фунта надо подвозить изъ-за тридевять земель: зерно съ юга, масло изъ Сибири, мясо со всей страны. Это петербургское брюхо нашъ настоящій, незамѣнимый союзникъ. Растутъ и множатся въ Петербургѣ огромныя продовольственныя трудности. Люди часами стоятъ въ длинныхъ очередяхъ, мокнутъ подъ дождемъ, мерзнутъ на сѣверномъ вѣтрѣ, усталые сидятъ на ледяной землѣ. И часто уходятъ съ пустыми руками; часто раздаются въ бѣлесой зимней мглѣ проклятія, плачъ и безпомощныя всхлипыванія. Мы этому должны содѣйствовать. Часто, вмѣстѣ съ подступившимъ голодомъ и слабостью, накатываетъ на душу отчаяніе и овладѣваетъ человѣкомъ жажда мести тѣмъ, кто создалъ эту невыносимую жизнь, то есть ненависть къ правительству и къ буржуямъ. Трудности жизни превращаютъ рабочаго въ отличнаго революціоннаго бойца. Мы работаемъ, не покладая рукъ. Мы сѣемъ и сѣемъ сѣмена грядущей революціи. Намъ везетъ чертовски счастье. Намъ помогаютъ слюнявые идіоты изъ Государственной Думы. Я ничего не сочиняю. Нахамкесъ прислалъ мнѣ драгоцѣннѣйшій документъ. Слушайте, слушайте, чортъ васъ всѣхъ побери...

Ленинъ снова засмѣялся. Но это былъ скорѣе не смѣхъ, а какое-то истерическое, идіотское хихиканье. Онъ точно захлебывался. Лицо подергивалось, голову вскидывалъ прыгающими движеніями какъ-то на бокъ. Какъ-будто хотѣлъ освободиться отъ занозы, рѣзавшей ему мозгъ. Жаба снова безпокойно зашевелилась... Гости съ недоумѣніемъ смотрѣли на него и на нее. Но мигъ смущенія продолжался недолго. Ленинъ вынулъ письмо и началъ читать, низко наклонившись къ огню.

— Вотъ, что донесъ по командѣ начальникъ Охраннаго отдѣленія, Глобачевъ.

..."Съ каждымъ днемъ продовольственный вопросъ становится острѣе. Никогда еще не было столько ругани, дракъ и скандаловъ, какъ въ настоящее время, когда каждый считаетъ себя обиженнымъ и старается выместить свою обиду на сосѣдѣ... Если населеніе еще не устраиваетъ голодные бунты, то это не означаетъ, что оно не устроитъ ихъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Озлобленіе растетъ и конца его не видать... А что подоб-

наго рода стихійныя выступленія голодныхъ массъ явятся первымъ и послѣднимъ этапомъ по пути къ началу безсмысленныхъ и безпощадныхъ эксцессовъ самой ужасной изъ всѣхъ — анархической революціи — сомнѣваться не приходится...

...В это трудное и страшное время общество и господа изъ Думы продолжаютъ, ни на что не взирая, громить власть... Неспособные къ органической работѣ, переполнившіе Государственную Думу, политиканы способствуютъ своими рѣчами разрухѣ тыла. Ихъ пропаганда, не остановленная правительствомъ въ самомъ началѣ, упала на почву усталости отъ войны. Дѣйствительно возможно, что роспускъ Государственной Думы послужитъ для вспышки революціоннаго броженія и приведетъ къ тому, что правительству придется бороться не съ ничтожной кучкой, оторванныхъ отъ большинства населенія членовъ Думы, а со всей Россіей.

Передовые круги либеральной оппозиціи уже думаютъ о томъ, кому и какой именно изъ отвѣтственныхъ портфелей удастся захватить въ свои руки. Въ данный моментъ находятся въ наличности двѣ исключительно серьезныя общественныя группы, которыя самымъ кореннымъ образомъ расходятся о томъ, какъ раздѣлить шкуру медвѣдя. Первую изъ этихъ группъ составляютъ руководящіе "дѣльцы" парламентскаго прогрессивнаго блока, возглавляемые перешедшимъ въ оппозицію и упорно стремящимся къ "премьерству", предсѣдателемъ Государственной Думы — шталмейстеромъ Родзянко. Во главѣ второй группы, дѣйствующей пока законспирированно и стремящейся во что бы то ни стало выхватить будущую добычу изъ рукъ думской оппозиціи, стоятъ не менѣе жаждущіе власти Гучковъ, князь Львовъ, Третьяковъ, Коноваловъ и другіе"...

Вотъ, товарищи, какова обстановка. Что надо сдѣлать еще? Только шепнуть въ народѣ: "Хлѣба нѣтъ, муки осталось на нѣсколько дней, продуктовъ нѣтъ, подвоза нѣтъ и не предвидится, надвигается голодъ и смерть. Спѣши запасаться, чѣмъ можешь". Начнется продовольственная паника. Напуганный обыватель бросится къ пекарнямъ, въ мучные склады. Будутъ драться смертнымъ боемъ за лишній кусокъ, за лишній фунтъ. Тутъ не дремай и не зѣвай. Это начало...

Когда ночью товарищи расходились по домамъ, Зиновьевъ сказалъ, шедшимъ съ нимъ по одной дорогѣ Розенблюму и Айзенбергу:

"Ленинъ, кажется, того; на него порою накатываетъ; гніетъ; сифилисъ себя даетъ знать"... "Ходитъ птичка весело по тропинкѣ бѣдствій, не предвидя отъ сего никакихъ послѣдствій"...

7.

«Полнощной порой камыши шелестятъ.
Въ нихъ жабы гнѣздятся,
Въ нихъ змѣи свистятъ»...

Въ февралѣ мѣсяцѣ, на Выборгской сторонѣ, на квартирѣ у рабочаго Сергѣя Алилуева, человѣка ничѣмъ не замѣчательнаго, съ пьянымъ лицомъ, на которомъ красовался сизо-багровый, взрыхленный носъ, происходило тайное собраніе различныхъ типовъ — представителей революціоннаго подполья. Въ продолговатой комнатѣ. выходившей на задній дворъ, съ единственнымъ окномъ, закрытымъ ставней и завѣшаннымъ для предосторожности сѣрымъ байковымъ одѣяломъ, сидѣло тѣсно человѣкъ пятнадцать. Въ центрѣ — Овшій Моисеевичъ Нахамкесъ.

Нахамкесъ былъ мужчина лѣтъ сорока, съ самымъ обыкновеннымъ лицомъ, безъ особыхъ примѣтъ. Такими полонъ міръ. Ничего звѣрскаго и отвратительнаго; ничего красиваго и пріятнаго. Темный волосъ былъ зачесанъ назадъ и торчалъ подъ ежика. Отъ пейсъ, по скуламъ, тянулась тонкая рыжая полоска, которая на подбородкѣ заканчивалась совершенно рыжей, почти красной, вьющейся рѣдкой порослью.

Овшій Моисеевичъ именовалъ себя обычно Стекловымъ. Эту фамилію онъ безуспѣшно пытался закрѣпить за собою. Съ этой цѣлью подавалъ прошеніе на Высочайшее имя. Повидимому, родительское прозвище ему не очень нравилось. Правда, отъ него несло мѣстечковыми ароматами: чеснока, кислятины и вони. При этомъ имени — воображеніе рисовало огненно-горящаго кучеряваго еврея, въ длинномъ лапсердакѣ и въ маленькой кургузой шапочкѣ — еврейскомъ картузѣ. Овшій Моисеевичъ совсѣмъ не былъ такимъ. Можетъ быть, къ перемѣнѣ фамиліи его побуждали не столько эстетическія чувства, сколько реальныя, практическія соображенія.

Нахамкесъ былъ членомъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи. Къ работѣ онъ не имѣлъ никакого непосредственнаго касательства. Никогда въ жизни онъ не держалъ въ рукахъ ни серпа, ни молота, ни топора, ни пилы, ни шила, ни дратвы, ни иголки, ни нитки и никакихъ другихъ орудій производства. Онъ былъ очень гордый. Съ шестнадцати лѣтъ Овшій Моисеевичъ посвятилъ себя и всѣ свои силы революціонной дѣятельности, подобно другимъ сородичамъ. Война застала его въ Германіи. Въ качествѣ русскаго подданнаго, онъ былъ арестованъ. Но просидѣлъ въ узилищѣ недолго, скоро "спѣлся" и былъ препровожденъ черезъ Стокгольмъ въ Россію. Нѣмцы поручили ему спеціальную работу: "шпіонить, возбуждать страсти и разлагать". Увы, плохо работала россійская контръ-развѣдка. Ни корпусъ

жандармовъ, ни Охранное отдѣленіе не знали, что поднадзорный еврей Овшій Нахамкесъ состоитъ платнымъ нѣмецкимъ агентомъ.

Остальная кампанія представляла разношерстный сбродъ рабочихъ на различныхъ предпріятіяхъ, червонныхъ валетовъ и серію столичнаго жулья. По внѣшности — люди были примѣчательные, что ни личность, то бубновый тузъ. Конечно, какими же могли быть цвѣты подполья?... Если бы Рѣпинъ захотѣлъ изобразить почтенное сообщество, онъ, несомнѣнно, далъ бы живую картину, только не "Запорожцевъ", а тюремныхъ обитателей. Тутъ были типы дегенеративные, деклассированные, съ каиновой печатью на лицахъ. Тутъ Остаповъ и Тарасовъ не было. Только одни Смердяковы. Это даже не были горьковскіе бездомники, бродяги, люди, опустившіеся до дна, но не потерявшіе въ себѣ образъ Божій. Тутъ были только такіе, о которыхъ сказано: "Вставай, проклятьемъ заклейменный"... На лицахъ этихъ людей клеймо горѣло.

— Товарищи, я открываю настоящее собраніе, — объявилъ Нахамкесъ. — Товарищъ Іоселевичъ будетъ себѣ записывать въ головѣ, о чемъ мы будемъ тутъ говорить.

Все готово къ послѣднему бою и потому я говорю: "Товарищи, бьетъ двѣнадцатый часъ". Близится раволюція; мы ее разыграемъ, какъ по писанному. Пятый годъ далъ намъ богатый опытъ. Въ эти дни надо усилить вездѣ пропаганду и агитацію: на фабрикахъ, въ казармахъ, въ очередяхъ. Идите и скажите товарищамъ рабочимъ и товарищамъ солдатамъ: "За оружіе!". Повсюду неустанно повторяйте, что царское правительство было правительствомъ угнетателей. Оно дало рабочимъ кабакъ, въ которомъ они пропивали послѣдніе гроши. Оно дало подневольный, проклятый трудъ, голодъ и холодъ. Рабочаго спаивали водкой, чтобы отвлечь его отъ борьбы съ капиталистами и съ самодержавіемъ. Попы въ церквахъ старались убѣдить рабочихъ и ихъ семьи, что покорность и непротивленіе существующимъ порядкамъ освящены самимъ Богомъ.

Съ десятилѣтняго возраста, не зная радостей дѣтства, мы шли на фабрики, чтобы не подохнуть съ голоду. Рабочихъ ничему не учили. Ихъ готовили прожить свою жизнь въ качествѣ покорныхъ рабовъ у богатыхъ кровососовъ. Вы посмотрите на себя и посмотрите на нихъ. Они бары, господа, а вы сволочь, холопы, челядь, халуи... А крестьяне? Въ лучшемъ ли они положеніи находились, чѣмъ вы? Кто владѣетъ землей? — Царь, помѣщикъ и христолюбивая церковь, обѣщающая народу Царство Небесное, чтобы не думали о царствѣ земномъ. Тридцать тысячъ царскихъ бояръ имѣютъ земли гораздо больше, чѣмъ десятки милліоновъ крестьянъ. Въ полуразвалившихся, гнилыхъ, покосившихся хатахъ живутъ безпросвѣтно и безотрадно "любезные вѣрноподданные". По всей странѣ простирается мутное царство

нищеты, грязи, темноты и пьянства. Вотъ эта дикая, голодная, подневольная Россія и есть та "Святая Русь", о которой возглашаютъ попы и повторяютъ царскіе блюдолизы.

Эту темную распостылую жизнь славословитъ черносотенная печать, славословятъ помѣщики, еще недавно мѣнявшіе крестьянскихъ дѣвокъ на собакъ; славословятъ царскіе опричники, потому что имъ сладко живется. Они стараются скрыть, замазать правду. А она жжетъ, горитъ, прорывается. Борцовъ за угнетенный народъ не останавливаютъ ни ссылки, ни тюрьмы, ни казни. Сколько погибло нашего брата на висѣлицахъ, на каторгѣ, въ Сибири въ ссылкахъ. Вотъ какъ изобразилъ нашу сладкую жизнь, бывшій крѣпостной, откупленный Жуковскимъ у помѣщика, Тарасъ Шевченко:

..."Намъ только плакать, плакать, плакать,
И хлѣбъ насущный замѣсить
Кровавымъ потомъ и слезами...
А слезъ, а крови? Напоить
Всѣхъ императоровъ бы стало,
Съ потомствомъ ихъ и утопить"...

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Нахамкесъ, тяжелыя, сумрачныя, злыя, исподлобья, лица багровѣли и глаза наливались кровью. Какъ будто наполнялись сердца тяжелой кипящей влагой, отъ которой жгло внутри нестерпимымъ жаромъ.

— Ахъ, какъ я ихъ ненавижу, проклятыхъ, — сказалъ рѣзникъ съ бойни. Ему было лѣтъ тридцать. Онъ былъ приземистый, широкоплечій и широкогрудый. Большая голова была вдавлена въ туловище. Мутные, недобрые глаза звѣря смотрѣли съ кровавой искоркой. Онъ ненавидѣлъ всѣхъ. Ежегодно, забитая имъ жена, рожала дѣтей. Билъ онъ ее нещадно. Жалкое сизое существо ходило постоянно въ багровыхъ кровоподтекахъ. — Да будетъ ли когда-нибудь она, эта распроклятая революція, товарищъ Стекловъ?

— Революція не только будетъ, она уже почти есть. Если вы видите, что на рѣкѣ ледъ посинѣлъ, если вы слышите въ весенній день отдаленный гулъ, трескъ и раскаты, подобные орудійнымъ, вы говорите: "ломаетъ ледъ". Такъ сейчасъ кругомъ, вездѣ, повсюду — на фронтѣ, въ тылу, въ городѣ, въ деревнѣ, — по всей Россіи трещитъ ледъ, гудитъ молва, поднимаются волны революціи. Сломаны твердыни самодержавія. Двуглавый орелъ больше ни эмблема силы; это уже ощипанная ворона, распустившая крылья. Разрыхлены, размельчаны, вывѣтрились силы, поддерживавшія режимъ. Нуженъ только толчокъ, чтобы гнилое свалилось, сгорѣвшее разсыпалось, отжившее умерло.

О, кровавый Николай, палачъ, душитель и угнетатель! Ты дорого заплатишь за страданіе моего народа, за погромы, за черту осѣдлости и за твою полицію.

Рыжевато-желтое лицо Нахамкеса налилось кровью. Распаляя другихъ, онъ самъ распалился. Его гортанный крикъ прозвучалъ, какъ вопль у "стѣны плача", какъ вой одинокаго, томимаго темными чувствами, звѣря. Въ сердцѣ еврея вспыхнули древнія чувства ветхозавѣтнаго народа, который на протяженіи всей Библіи боролся съ врагами, сладострастно разбивалъ о камни головы воиновъ и младенцев. Припадокъ изступленія длился недолго. Нахамкесъ снова продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Въ подготовкѣ революціи принимаетъ участіе и буржуазія. Она помогаетъ намъ въ нашей борьбѣ. Она, несомнѣнно, стремится къ захвату власти, считая, что только она можетъ и должна править народомъ, а мы должны ей за это цѣловать ручки и кланяться въ ножки. Не знаю, найдутся ли среди васъ такіе простаки, которые бы пожелали пойти въ новую кабалу, смѣнить одно ярмо на другое. Я спрашиваю васъ, товарищи, поклонимся ли мы въ ножки капиталистамъ и помѣщикамъ? Пожелаемъ ли мы снова тянуться въ струнку передъ начальствомъ? Пожелаемъ ли мы, чтобы нами попрежнему командовали и луцкали по мордамъ ихъ превосходительства и ихъ благородія?

Нахамкесъ билъ на эффектъ и любовался производимымъ впечатлѣніемъ. Онъ отлично зналъ свою незамысловатую и ожесточенную аудиторію. Зналъ, что слова его вонзаются, какъ иглы въ самое чувствительное мѣсто. Въ отвѣтъ по комнатѣ пробѣжалъ хриплый, негодующій гулъ голосовъ, послышались ожесточенные плевки, заходили скулы и заиграли желваки на щекахъ.

— На, пусть выкусятъ, — вскипѣлъ, побагровѣвшій, угрюмый рабочій, большой, скуластый, съ нечесаннымъ, грязнымъ волосомъ, съ низкимъ лбомъ, съ тяжелыми, почернѣвшими руками. Въ приливѣ охватившей злобы, онъ вскочилъ и показалъ комбинацію изъ трехъ пальцевъ. — Я задушу каждую сволочь, каждую падлюку, которая пойдетъ на соглашеніе съ гадами. Довольно они попили нашей кровушки, — крикнулъ въ бѣшенствѣ... И разразился трехэтажной, непечатной бранью, вспоминая мать.

— Не забудьте, товарищи, — подлилъ масла въ огонь Нахамкесъ, —что буржуазія, это не только прежнее рабство для рабочихъ и крестьянъ, — это еще и война до побѣднаго конца. Сколько уже погибло нашего брата, — развѣ имъ дорога наша жизнь. Сколько еще можетъ погибнуть, чтобы они жирѣли. Съ войной надо покончить. Нѣмцы такіе же люди, какъ и мы. Тамъ тоже страдаютъ рабочіе люди. Зачѣмъ имъ сражаться съ нами? Бороться, товарищи, надо за собственное дѣло, за соціализмъ, за освобожденіе всѣхъ трудящихся, подавленныхъ и порабощенныхъ классовъ...

— Ну, канешна, за наше дѣло, за сицилизмъ. Штобы значитъ все было общее. А не то што Сонька для всѣхъ, а барыня въ шелкахъ и неизвѣстно для чего. Всѣ такъ всѣ...

Парень былъ жигало, сутенеръ, котъ и плутъ. Профессіи соотвѣтствовала наружность. Лицо ничтожное, безцвѣтное, съ водянисто-сѣрыми, наглыми, бѣгающими глазами. Прилизанный, рыжевато-соловый, жидкій волосъ прикрывалъ просвѣчивающую лысину.

— Товарищъ Саенко, вы не по вопросу дня. На повѣсткѣ у насъ стоитъ: "долой войну" и "да здравствуетъ революція".

— Да-къ я же и говорю: "долой войну" — Соньку въ министры, а барыню для всеобщаго пользованія. Это вамъ што? Я, товарищъ, можно сказать, такой же почетный дезентиръ, какъ и вы. Давай риволюцію хоть сейчасъ...

— Все надо дѣлать со смысломъ и по плану, товарищъ Саенко. Поспѣшно только блохъ ловятъ. Надо все подготовить основательно.

— А чего же ждать-то? — спросилъ рабочій въ черной поддевкѣ и въ сѣрой кепкѣ, надвинутой на лобъ. Въ глазахъ у него бродилъ русскій хмѣль, — "дай порвать". Рябое лицо съ приплюснутымъ носомъ, съ вихремъ выбившихся волосъ, дышало удалью. — Чего же ждать-то? — повторилъ онъ настойчиво. — Вы же сказали: "все готово". Пустимъ кровь буржуямъ и пойдетъ потѣха...

— Товарищи, это будетъ очень скоро. Мы подождемъ отъѣзда Николая въ Могилевъ. Лучше, когда его здѣсь не будетъ, потому что есть еще дураки, для которыхъ онъ "царь-батюшка". Какъ только уѣдетъ, мы остановимъ работу на фабрикахъ и пойдемъ требовать хлѣба. Это и будетъ начало революціи.

8.

Графъ Владиміръ Николаевичъ Коковцовъ, бывшій премьеръ, ѣхалъ на свиданіе къ своему другу и бывшему сотруднику Николаю Николаевичу Покровскому, министру иностранныхъ дѣлъ. На сердцѣ у него было неспокойно, тревожно и сумрачно. Онъ настолько углубился въ свои мысли, что не замѣтилъ, какъ проѣхали Моховую, Сергіевскую и шоферъ остановился у квартиры министра.

Коковцовъ былъ человѣкъ незаурядный. Выдающійся умъ, знанія и опытъ онъ соединялъ съ настойчивостью и почти нечеловеческой работоспособностью. Въ жизни онъ шелъ своей дорогой. Почти ни съ кѣмъ не сближался; имѣлъ на все свое собственное мнѣніе; отстаивалъ съ прямолинейнымъ упорствомъ то, что считалъ правильнымъ; дипломатическая гибкость, податливость и изворотливость, — ему были несвойственны. Въ сорокъ

съ лишнимъ лѣтъ онъ былъ министромъ финансовъ, а къ шестидесяти годамъ — графомъ Россійской имперіи. Онъ слылъ за человѣка колкаго, сухого, труднаго, неспособнаго къ сантиментальнымъ изліяніямъ и къ тому образу жизни, который вели всѣ. "Сухарь", говорили про него въ обществѣ. Правые его не любили, а лѣвые ненавидѣли. Краснорѣчивые депутаты его побаивались; онъ часто ихъ сѣкъ, какъ мальчишекъ.

Коковцовъ ничего не дѣлалъ спроста. Онъ цѣнилъ время, цѣнилъ трудъ, цѣнилъ самого себя. Никогда онъ не поѣхалъ бы къ кому-нибудь на свиданіе по пустякамъ, ради удовольствія или для пріятныхъ разговоровъ. Такихъ потребностей у него не было. Все, что онъ дѣлалъ, — дѣлалъ по обязанности, по чувству долга, какъ онъ его понималъ. Наканунѣ Коковцовъ былъ у Императора. Это свиданіе его разстроило. Хотя графъ былъ уже не у дѣлъ, но счелъ своимъ долгомъ побесѣдовать съ министромъ о дѣлахъ огромнаго государственнаго значенія.

Покровскій принялъ графа въ обширномъ кабинетѣ. Они сѣли въ углу другъ противъ друга. Коковцовъ, невысокій, сухощавый, благообразный, съ пріятнымъ румянымъ лицомъ, безукоризненно одѣтый, съ брилліантовой булавкой въ галстукѣ. Покровскій — большой, нескладный, въ мѣшковатомъ, просторномъ мундирѣ, висѣвшемъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ; обряди его въ блузу дворника, поставь у воротъ и онъ отлично сойдетъ за таковогo.

— Какъ вамъ извѣстно, я не былъ въ Царскомъ Селѣ съ января прошлаго года, — началъ Коковцовъ. — За это время ничто не измѣнилось во дворцѣ: тотъ же швейцаръ, тотъ же скороходъ, тѣ же конвойцы у дверей, тѣ же альбомы и книжки въ пріемной, тѣ же картины и портреты на стѣнахъ, тѣ же лица изъ окруженія — Бенкендорфъ и Боткинъ. Только одинъ человѣкъ измѣнился тамъ. Вотъ объ этомъ человѣкѣ я и пріѣхалъ съ вами поговорить.

Государь принялъ меня, стоя у окна, у самыхъ входныхъ дверей. Онъ не сѣлъ самъ и не предложилъ мнѣ сѣсть, какъ это дѣлалъ обычно раньше. Видъ его поразилъ меня. Онъ былъ неузнаваемъ. Осунулся, потемнѣлъ, весь въ морщинахъ, какъ глубокій старикъ. Глаза потускнѣли, выцвѣли, бѣлки пожелтѣли и было въ этихъ, когда-то прекрасныхъ глазахъ, выраженіе безжизненности, безпомощности, усталости и какъ-будто выжиданіе чего-то пугающаго и страшнаго.

Во время разговора онъ не смотрѣлъ на меня пристальнымъ взглядомъ, какъ это бывало раньше, а все блуждалъ по сторонамъ и, казалось, что его не интересуетъ то, о чемъ я докладывалъ и что мысли его прикованы къ чему-то другому, что было въ глубинѣ его сознанія. Принужденная грустная улыбка не сходила съ его лица. Съ трудомъ я подавилъ охватившее меня вол-

ненiе. Жалость сжала мнѣ сердце. Боже мой, до чего довели человѣка!

— Ваше Величество, — сказалъ я, — что съ вами? Вы такъ устали, такъ перемѣнились съ прошлаго января, когда я видѣлъ васъ въ послѣднiй разъ. Я позволю себѣ сказать вамъ, что вамъ необходимо подумать о вашемъ здоровьѣ. Тѣ, кто видятъ васъ часто, очевидно, не замѣчаютъ вашей перемѣны, но она такая глубокая. Вѣроятно, въ васъ таится какой-нибудь недугъ?

Государь повернулся ко мнѣ и, стараясь убѣдить меня въ противномъ, сказалъ тихимъ, прибитымъ голосомъ:

— Я совсѣмъ здоровъ и бодръ. Мнѣ приходится только много сидѣть безъ движенiя, а я такъ привыкъ регулярно двигаться. Повторяю вамъ, Владимiръ Николаевичъ, я совершенно здоровъ. Вы просто давно не видѣли меня. Да я, можетъ быть, немного поблѣднѣлъ, потому что неважно спалъ эту ночь. Вотъ пройдусь по парку и снова приду въ лучшiй видъ.

Слова Государя не разсѣяли моего чувства. Наоборотъ, моя тревога еще болѣе возросла при дальнѣйшемъ разговорѣ. Когда, поблагодаривъ Государя за назначенiе меня попечителемъ лицея, я спросилъ его, — угодно ли ему дать мнѣ теперь же указанiя по тому дѣлу, которое онъ мнѣ поручаетъ, Государь пришелъ въ какое-то непонятное для меня, совершенно безпомощное состоянiе. Странная улыбка, какая-то безсознательная, болѣзненная, безъ всякаго выраженiя остановилась на его лицѣ. Онъ смотрѣлъ на меня такъ, какъ будто искалъ поддержки, какъ будто хотѣлъ, чтобы я ему подсказалъ, напомнилъ то, что онъ забылъ.

— Ваше Величество, — сказалъ я, — министръ-предсѣдатель сообщилъ мнѣ о вашемъ желанiи, чтобы я подготовилъ матерiалы для будущихъ мирныхъ переговоровъ..

Государь еще больше растерялся. Онъ смотрѣлъ на меня удивленнымъ, безпомощнымъ, виноватымъ взглядомъ, продолжая какъ-то странно улыбаться. Его молчанiе показалось мнѣ безконечнымъ. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Ахъ, да, я говорилъ съ Покровскимъ и хотѣлъ высказать вамъ мое мнѣнiе. Но я еще не готовъ теперь къ этому вопросу. Я подумаю и вамъ скоро напишу, а потомъ, при слѣдующемъ свиданiи, мы уже обо всемъ поговоримъ подробно.

Продолжая улыбаться все той же безпомощной, угнетенной, неврастенической улыбкой, Государь подалъ мнѣ руку и мы разстались. Слезы буквально душили меня. Выйдя отъ Государя, я сказалъ Боткину: "Неужели вы не видите, въ какомъ состоянiи находится Государь? Вѣдь онъ наканунѣ душевной болѣзни, если уже не во власти ея. Вы, господа, всѣ понесете тяжкую отвѣтственность, если вы не примете мѣръ къ тому, чтобы измѣнить всю создавшуюся обстановку"...

— Владиміръ Николаевичъ, на то, что вы мнѣ разсказали, я вамъ отвѣчу вотъ что. Послѣ возвращенія Государя изъ Ставки, я видѣлъ его нѣсколько разъ. Душевнаго разстройства у него, конечно, нѣтъ. Но несомнѣнно, что онъ усталъ душевно и тѣлесно сверхъ мѣры, сверхъ предѣла, положеннаго для человѣческихъ силъ. Этого отрицать невозможно. Также невозможно отрицать и того, что усталость вліяетъ на душевное состояніе человѣка, на его внѣшній видъ, на его поступки и дѣла, на его отношеніе къ окружающему міру и на тѣ рѣшенія, которыя ему приходится принимать.

Вы знаете не хуже моего, какая сложилась сейчасъ обстановка въ государствѣ. Общественность ведетъ ожесточенную кампанію противъ Государя и Царицы, пуская въ ходъ и ложь, и клевету, и провокацію, и чудовищные слухи, которыхъ непосвященные не могутъ провѣрить и принимаютъ на слово. Достаточно указать на выступленіе Милюкова. Вы помните, что, обвиняя Царицу въ измѣнѣ, онъ сказалъ: "Не думайте, господа, что я говорю необоснованно. У меня имѣются на рукахъ документы, подтверждающіе всѣ мои слова и я впослѣдствіи ихъ опубликую". Онъ солгалъ безсовѣстно и подло солгалъ, "ради революціонной тактики".

Столкнулись въ непримиримомъ противорѣчіи двѣ идеи: идея сохраненія принциповъ управленія государствомъ, какъ это сложилось въ теченіе столѣтій и идея народоправства, по типу западныхъ демократій. Государь крѣпко стоитъ на своемъ не только потому, что онъ считаетъ свою идею правильной, оправданной историческимъ ходомъ жизни Россіи, но также и потому, что не вѣритъ въ силы нашей демократіи и подозрительно относится къ ея способностямъ. Государь не желаетъ ломки сейчасъ, въ періодъ войны.

Вѣруя въ Промыселъ Божій, въ какую-то высшую, неземную правду, Государь надѣется, что нависшая надъ Россіей туча, сама собою пронесется и не разразится бурей. Онъ возлагаетъ огромную надежду на нашу побѣду, въ которую онъ вѣритъ безъ всякаго колебанія. На-дняхъ онъ мнѣ сказалъ: "Въ военномъ отношеніи, технически, мы сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Скоро весною будетъ наступленіе, и я вѣрю, что Богъ дастъ намъ побѣду, а тогда измѣнятся и настроенія, смущающія сердца. Мы всѣ должны думать не обо мнѣ лично, а о Россіи. Только бы Господь сохранилъ ее"....

Если бы у Государя не было вѣры въ скорую побѣду, то, конечно, при создавшейся обстановкѣ, слѣдовало бы, или уступить общественымъ вожделеніямъ, или установить на время диктатуру и крутыми мѣрами подавить растущее движеніе и общественное недовольство. Но вотъ эта вѣра, этотъ фатализмъ Государя, лишаетъ возможности такъ или иначе разрубить Гордіевъ узелъ.

Покровскій замолчалъ. Молчалъ нѣкоторое время въ раздумьи и Коковцовъ. Потомъ сказалъ:

— Изъ всего надо дѣлать практическіе выводы. Государь усталъ, его измучили сплетни, политическая борьба, ему вреденъ воздухъ Петрограда, — надо Государю отдохнуть, надо уѣхать отсюда. Пусть поѣдетъ въ Крымъ, на Кавказъ; наконецъ, пусть совершитъ путешествіе по Россіи. Тамъ онъ встрѣтитъ горячій пріемъ, встрѣтитъ преданый народъ и совершенно иную обстановку. Это его успокоитъ, возстановитъ силы и нервную систему. Безъ этого, я убѣжденъ, онъ не выдержитъ, а это сулитъ Россіи огромными потрясеніями. Вынуть камень, составляющій основу дома, это значитъ потрясти все зданіе.

Государь вѣритъ въ народъ и вѣритъ народу. Это я хорошо знаю, какъ знаю и обратную сторону — любовь народа къ обожествленному имъ Царю. Поѣздку нужно такъ организовать, чтобы онъ безъ средостѣній соприкоснулся съ крестьянствомъ. Я не могу до сихъ поръ забыть рѣчь, сказанную волостнымъ старшиной Мочаловымъ, во время юбилейныхъ Романовскихъ торжествъ. Она дѣйствительно была хороша и проста.

"Ты, Государь, защита наша отъ всѣхъ враговъ. Въ тебѣ правда, въ тебѣ милость... Будь же счастливъ, возлюбленный Государь нашъ. Да продлятся и благословитъ Господь дни твои. Да процвѣтаетъ мирно Русская Земля подъ крѣпкою Державою твоею. Да растетъ на радость тебѣ, и матушкѣ-Царицѣ и намъ всѣмъ, вѣрнымъ твоимъ людямъ, державный отрокъ, Государь Наслѣдникъ-Цесаревичъ. И вѣрь, Государь, что жизнь наша для тебя. Вѣрь, что по первому призыву твоему, мы станемъ тѣсною стѣною и, какъ Иванъ Сусанинъ, сложимъ головы свои за твою, Государь, драгоцѣнную жизнь, за родъ твой, во славу Родины нашей. ЦАРСТВУЙ НА СЛАВУ НАМЪ, ЦАРСТВУЙ НА СТРАХЪ ВРАГАМЪ, ЦАРЬ ПРАВОСЛАВНЫЙ..."

На лицѣ "сухаря" показалось явное волненіе. Всегда ровный, одинаковый, какъ будто совсѣмъ безстрастный, какъ манекенъ, онъ подозрительно закашлялся, отвернулъ лицо въ сторону и вытеръ его бѣлымъ батистовымъ платкомъ. Это продолжалось моментъ. Опять сановникъ былъ спокоенъ и продолжалъ:

"Духовный складъ мышленія Государя, вся нравственная сущность его души, вся моральная основа его жизни покоются на вѣрѣ, ею освѣщаются, ею пронизаны. Государь страстно хочетъ видѣть въ человѣкѣ лучшія качества и огорчается глубоко, когда видитъ зло, постоянное злостное враждованіе, интриганство, лицемѣріе, зависть, подсиживаніе и ту моральную распущенность, которая такъ внѣдрилась за послѣднее время въ нашемъ образованномъ обществѣ. Съ полнымъ правомъ можно повторить слова инокини Марфы Ивановны: "Русскіе люди измолодушествовались". Государя доконалъ послѣдній годъ. Поѣздка

по Россіи ободритъ Государя и покажетъ ему, что, кромѣ вѣчно бунтующей Думы, есть русскій народъ, для котораго онъ Хозяинъ Земли Русской. Кажется, у поэта такъ сказано: "Гремятъ словесные витіи, кипитъ словесная война, а тамъ, во глубинѣ Россіи, — тамъ вѣковая тишина". Вотъ эта тишина и будетъ для Государя цѣлительнымъ лѣкарствомъ.

9.

Приближались времена апокалипсическія. Надвигалась великая страшная ночь на Русскую Землю. Смута въ умахъ, въ сердцахъ и въ душахъ людей уже горѣла и жгла, какъ отрава ядовитая, смертная. Близился хаосъ, изъ утробы котораго должно было выйти красное чудовище, о которомъ сказано въ Писаніи: "И сталъ я на пескѣ морскомъ и увидѣлъ выходящаго изъ моря звѣря"... Гады, большіе бѣсы и малые бѣсенята въ подпольѣ пришли въ движеніе, въ ярость неукротимую. Вѣтеръ бунтарства свистѣлъ и вылъ надъ столицей. Цѣлый народъ охватила болѣзнь — бѣсноватость.

"Червями мерзкими киша и расползаясь,
Въ мозгахъ у насъ живетъ разгульныхъ бѣсовъ рой"...

Революціонный романтизмъ, растлѣніе душъ, духовная пустота, шутовство и балаганщина, половая распущенность и извращенность, бѣшеная погоня за острыми наслажденіями, озорство, самовлюбленное самолюбованіе, зубоскальство и моральное, грязное болото съ пороками, — вотъ что было въ эти предпослѣдніе дни въ Петербургѣ:

"Я выжегъ души, гдѣ нѣжность ростили.
Это труднѣе, чѣмъ взять тысячи Бастилій"... —

гремѣлъ съ эстрады, одѣтый въ желтую кофту, огромнаго роста, съ размалеваннымъ лицомъ, поэтъ Маяковскій. Публика выла отъ восторга, слушая уродливыя, аморальныя нелѣпости и скоморошьи кривлянія. А за нимъ выступали другіе бѣсноватые и бросали въ толпу, какъ боевой сигналъ, слова революціонныхъ призывовъ къ борьбѣ.

"Я бѣлье мое всполосну, всполосну,
А потомъ господъ полосну, полосну.
Крови лужица, въ глазахъ кружится"...

Петербургъ былъ центромъ и разсадникомъ заразы. Сюда поступали заграничныя директивы, шли деньги, шла пропаганд-

ная литература, пріѣзжали черезъ Финляндію большевицкіе эмиссары, здѣсь былъ центръ нѣмецкой агентуры. Отсюда растекались по странѣ слухи, сплетни, провокація и пропаганда. Отравленные словесные ручьи текли въ города, въ фабричные поселки, въ казармы къ тыловымъ солдатамъ, въ окопы, на фронтъ.

Въ тылу притаились "окопавшіеся" шкурники, трусы, слизняки, матерые стервятники, спекулянты и прожигатели жизни. Лучшіе гибли на фронтѣ, худшіе въ тылу, какъ паршивыя овцы, заражали паскудствами другихъ. Они больше всего вопили о "тягостяхъ войны", кричали о нашихъ неудачахъ, о непорядкахъ, о никчемности правительства. Вся художественная литература этихъ лѣтъ была заражена революціей. О революціи мечтали, она была желанной любовницей.

"Я не зналъ, что любовь — зараза,
Я не зналъ, что любовь — чума,
Подошла — и прищуреннымъ глазомъ
Хулигана свела съ ума".. (Сергѣй Есенинъ).

Уѣзжая въ Ставку, страдающій, скорбный Государь сказалъ швейцарцу Жильяру — воспитателю сына:

"Вы не можете представить, какъ тяготитъ меня пребываніе въ тылу. Здѣсь, въ Петербургѣ, какъ будто все, до воздуха включительно, отравлено и загрязнено. Эта атмосфера ослабляетъ энергію и расшатываетъ характеръ. Здѣсь слухи самые пессимистическіе, новости самыя нелѣпыя, самыя невѣроятныя, — принимаются на вѣру и охотно распространяются. Здѣсь только занимаются интригами и заговорами; живутъ лишь интересами эгоистическими"...

Было что-то отдаленно схожее, подобное съ тѣми словами, которыя сказалъ тоскующій и любящій Христосъ, взирая съ Елеонскихъ высотъ на Іерусалимъ, освѣщенный закатомъ:

"О, Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ. Сколько разъ хотѣлъ я собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли... Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что уподобляетесь окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты"...

Россія не оцѣнила царскихъ заботъ, не полюбила его душевную мягкость и кротость, не поняла его и не пошла за нимъ Государь страдалъ невыносимо. Душа его была ранена смертельно. Нерѣдко онъ просыпался среди ночи съ холоднымъ потомъ на лбу, послѣ кошмара, лежалъ съ открытыми глазами и чудился ему ужасъ и слышался ему воющій, страшный крикъ: "Распни Его!"...

БУНТЪ И КРУШЕНІЕ МОНАРХІИ

1.

Въ любой столицѣ міра, въ любомъ большомъ городѣ, какой бы ни существовалъ въ государствѣ режимъ, есть кварталы, населенные бѣднотой. Дома здѣсь невзрачные, темные, запущенные, заплеванные; улицы, сдавленныя, тѣсныя, унылыя, безъ деревца и зелени; дворы грязные съ отвратительной вонью нечистотъ и помоевъ, Отовсюду глядитъ безотрадная глухая тоска, давящая, сѣрая, бетонная, какъ проклятіе.

Пройдите по рабочимъ кварталамъ, по ярмаркамъ, вдоль балагановъ и увеселительныхъ мѣстъ, гдѣ толчется народъ, — и вы увидите среди прочихъ лицъ, — лица мужскія и женскія, на которыя природа не бросила свѣта и не одѣлила ихъ своими дарами. На нихъ какъ будто легла печать вырожденія и дегенератизма; или они еще не вышли изъ пещернаго періода первобытнаго человѣчества. Вы увидите людей безцвѣтныхъ, тусклыхъ и тщедушныхъ съ тупымъ, тяжелымъ, иногда животно-звѣринымъ выраженіемъ, лишенныхъ красоты и гармоніи. Они находятся на самой низкой ступени культурнаго развитія. Они представляютъ примитивъ, который на языкѣ болѣе развитыхъ классовъ носитъ названіе "плебса", или по-русски "черни". Ихъ духовныя потребности минимальныя, или онѣ вовсе отсутствуютъ.

Эта отсталая часть человѣчества (по выраженію нѣкоторыхъ: отбросы, мусоръ, люди, обиженные природой) существуетъ на землѣ въ такомъ жалкомъ видѣ, въ силу многихъ бытовыхъ и соціальныхъ причинъ. Главнѣйшими изъ нихъ являются: бѣдность, жизнь въ худыхъ жилищныхъ условіяхъ и усиленное дѣторожденіе при отсутствіи возможностей къ выращиванію здоровыхъ, сильныхъ людей. Народная мудрость опредѣлила это положеніе краснорѣчивыми словами: "У богатаго телята, у бѣднаго ребята". Измѣнить условія жизни, въ которыхъ бьется человѣчество, можетъ только духовно-нравственное и религіозное перевоспитаніе народа.

Можно и должно жалѣть человѣка, ибо всѣ мы равны передъ Господомъ. Нужно и должно желать каждому человѣку добра и блага, потому что каждый имѣетъ право на милосердіе. Смерть

уравниваетъ всѣхъ. Судьба одна: и лежащаго въ пышномъ мавзолеѣ и положеннаго въ бѣдную могилу въ сырой землѣ.

...“Средь груды тлѣющихъ костей,
Кто царь, кто рабъ, судья иль воинъ?
Кто царства Божія достоинъ
И кто отверженный злодѣй?” (Толстой).

Но все это только въ духовномъ, философскомъ смыслѣ, да по ученію нашей христіанской церкви и міровыхъ возвышенныхъ религій. Въ живой, органической и соціальной жизни дѣленіе человѣчества продолжается, какъ неизмѣнно и постоянно продолжается борьба. Во всей природѣ, во всемъ животномъ и растительномъ мірѣ существуетъ отборъ, порода, сортъ. Также и среди людей. Встрѣчаются геніи, таланты и выдающіеся умы; существуютъ люди среднихъ способностей и, наконецъ, — тупицы и идіоты. Одни проходятъ по жизни, бросая лучи свѣта, будя мысль и духъ, создавая и творя духовныя и матеріальныя цѣнности. Другіе исчезаютъ, безслѣдно, какъ тля и черви.

Лучшіе, свѣтлые, выдающіеся умы настойчиво стремились и стремятся нынѣ поднять отъ земли человѣческій духъ и разрѣшить мучительныя соціальныя проблемы на основѣ гуманности и братства.

...“Боже, дай намъ избавленья, дай свободы и стремленья, дай веселья Твоего. О, спаси насъ отъ безсилья, дай намъ крылья, дай намъ крылья, крылья Духа Твоего” (Дм. Мережковскій). Философы и мыслители не разрѣшили “проклятыхъ вопросовъ”, а бились они надъ ихъ разрѣшеніемъ вѣками и тысячелѣтіями. Человѣчество оказалось безсильнымъ достигнуть равенства духа, ума, сердца и чувствованій.

“Ина слава солнцу, ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ.... Звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ”, отвѣтилъ Христосъ на мучительный вопросъ апостола о равенствѣ на землѣ. И этими словами Учитель выразилъ величайшую правду, вѣчную и не старѣющую: “Кесарево — кесареви, а Божіе — Богови”. Свобода и равенство только передъ Богомъ. Разнствованіе человѣческое было, есть и, вѣроятно, будетъ до скончанія вѣка. Попрежнему таинственное, творческое, обновляющее начало въ жизни будетъ выдѣлять лучшихъ и отсѣивать худшихъ. Природа консервативна въ своемъ творчествѣ. Она обновляетъ міръ медленно, постепенно и безъ потрясеній. Вѣчна въ своихъ формахъ Вселенная: все движется по разъ начертанному пути.

“Въ часъ полночный, близъ потока,
Ты взгляни на небеса;
Совершаются далеко.
Въ горнемъ мірѣ чудеса.

Ночи вѣчныя лампады,
Невидимы въ блескѣ дня,
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго огня"... (А. Хомяковъ).

Міровые катаклизмы на землѣ, нѣкогда происходившіе, и случающіеся по временамъ изверженія вулкановъ и землетрясенія оставили только дикія горы, скалы, камни и голыя безжизненныя нагроможденія.

Революція представляетъ тотъ же катаклизмъ въ жизни народовъ. Она несетъ съ собой разгулъ темныхъ, низменныхъ страстей; она родитъ безуміе и похоть къ убійствамъ; она выпускаетъ на свободу человѣка-звѣря. Революція — это чаще всего — бунтъ черни противъ господъ, когда устанавливается главенство толпы, надъ которой предводительствуютъ революціонные бѣсы: садисты, циники, провокаторы, паразиты и негодяи, совокупившіе въ себѣ всѣ пороки.

2.

"Хлѣба... хлѣба... хлѣба...", раздавался пронзительный женскій крикъ. Сотни женщинъ старыхъ и молодыхъ, безобразныхъ, сизыхъ, озлобленныхъ, съ безкровными губами, безгрудыхъ, почти безполыхъ, съ глазами острыми и ненавидящими, съ тѣлами тощими, — шли по снѣжной бѣлой улицѣ и сипло, зловѣще и жутко кричали: "Хлѣба... хлѣба... хлѣба..."

Съ бабами вперемѣшку двигались толпы мужчинъ. Они были подъ стать "прекрасной половинѣ". Для этого эскорта, конечно, ихъ никто специально не подбиралъ по наружности, такъ пришлось, но парни были аховые, жуликоватые хулиганы и озлобленные рабочіе. Одѣты были разнообразно, но преобладали короткія черныя чуйки и на головѣ ушастыя треухи.

Закутанныя въ шали и полушальки, захлюстанныя, задрипанныя, съ мокрыми отъ снѣга, обвислыми подолами, сбивавшимися отъ движенія ногъ въ грязные жгуты, — бабы казались изступленными по виду. Въ сердцахъ у нихъ горѣла, а можетъ быть клокотала, та острая, предѣльная злоба и ненависть, которая дѣлаетъ человѣка невмѣняемымъ и превращаетъ его въ озвѣрѣлое животное, жаждущее крови. Только тогда, когда зубы вопьются, а ногти вонзятся въ трепыхающія тѣла, тогда можетъ насытиться кровожадное чувство.

Давно и отъ многихъ причинъ родилась ненависть. Колыбелью его была вѣковѣчная нищета, грязь дикость и убожество. Она росла годами на фабрикахъ и заводахъ, она подогрѣвалась завистью ко всѣмъ, кто былъ хоть чуточку лучше одѣтъ, кто

былъ красивѣе, смазливѣе, кто лучше устроился, лучше жилъ, лучше ѣлъ. Эти женщины жили безъ любви и радости. Имъ чужда была нѣжность и душевная мягкость. Съ годами ненависть вошла въ плоть и въ кровь. Сердце очерствѣло, ожесточилось и окаменѣло. Онѣ ненавидѣли весь міръ.

Мужчины были довольны и веселы. Во-первыхъ, за это выступленіе, за участіе въ устройствѣ голодныхъ безпорядковъ имъ хорошо заплатили. Кто?... — Да развѣ это важно. Деньги не пахнутъ. Спасибо благодѣтелямъ. Во-вторыхъ, самое буйство съ неподчиненіемъ властямъ, предвиденіе схватокъ съ "фараонами", возможность безнаказанно грабануть и побуянить, зрѣлище чего-то новаго, разгульнаго, широкаго, — захватывало и увлекало.

Изрѣдка къ женскому пронзительному, изступленному крику о хлѣбѣ, присоединялся мужской хоръ: "Долой войну!... Долой полицію!... Мира и хлѣба!..."

Напрасно, первый встрѣтившійся "фараонъ", въ черной теплой ватной шинели, плотно набитый и неуклюжій, кричалъ толпѣ, вращая глазами, съ непріятнымъ, тревожнымъ холодкомъ на сердцѣ: "Разойтись, разойтись!... Не дозволено собираться въ демонстраціи". Толпа валила дальше. Парни показывали блюстителю порядка кулаки, громко хохотали и весело кричали: "Кончилось, братъ, твое царство, — пошелъ къ чорту, лягавый".

И шли, шли, шли толпы, разбивая бѣлый снѣгъ, выпавшій за ночь. А онъ — блюститель порядка — стоялъ одинокій растерянный, напуганный и чувствовалъ, что онъ оплеванъ, осмѣянъ и безсиленъ. Жалкими, выпученными глазами смотрѣлъ "фараонъ" на черную массу людей, нарушившихъ порядокъ, нарушившихъ законъ и что-то безпокойное щемило подъ ложечкой. Яростно, почти съ ожесточеніемъ, засвистѣлъ онъ, кого-то освѣдомляя, точно кричалъ въ пустое пространство: " С л у ш а й !... С л у ш а й !..."

Толпа двигалась въ направленіи къ центру. Требовать хлѣба въ рабочихъ кварталахъ, на Выборгской сторонѣ, или въ Полюстрово, или на Охтѣ, или въ Колпино, — было безсмысленно. Надо было бросить вызовъ на Невскомъ, у дворцовъ, у Казанскаго собора, у Гостиннаго двора, пронести его по Литейному до Знаменской площади, расплескать по всей фешенебельной части столицы.

— Мы должны создать впечатлѣніе огромности и стихійности народнаго движенія, — сказалъ Нахамкесъ. — Совершенно неважно, что по началу не будетъ порядка, или будетъ казаться, что его нѣтъ. Важно, наоборотъ, чтобы весь Петербургъ погрузился въ анархію; чтобы всѣмъ стало ясно, что революція началась. Не надо забывать, что подготовка сдѣлана и силы револю-

ціи будутъ дѣйствовать въ томъ направленіи, какъ указано и такъ, какъ нужно.

Въ этотъ день надъ Петербургомъ небо было безоблачное, ясное и бездонно-глубокое. Снѣгъ въ садахъ и на деревьяхъ лежалъ бѣлый, дѣвственный, чистый и мягкій. Чѣмъ ближе къ центру, тѣмъ наряднѣе, богаче и красивѣе становилась картина. Чудная панорама открывалась на ту часть города, гдѣ перекинулись черезъ Неву огромные мосты, гдѣ поднимался вдали надъ моремъ крышъ, въ голубомъ туманѣ, золотой куполъ Исаакія, гдѣ сверкали на солнцѣ башни дворцовъ, гдѣ чертила въ небо золотая игла Петропавловской крѣпости.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше увеличивалась толпа за счетъ любопытныхъ, державшихся, однако, стороной по бокамъ улицы. За Финляндскимъ вокзаломъ ее встрѣтила конная и пѣшая полиція. Передъ этими "кагортами" Протопопова гарцевалъ на конѣ полицеймейстеръ Выборгской части, полковникъ Шалфеевъ, мужчина солидный, тучный, съ гладко выбритыми щеками, съ бородкой на подобіе лопаточки. Конные стояли величественнымъ строемъ. Сидя на откормленныхъ лошадяхъ, увѣренные въ своей силѣ, они спокойно поджидали мятежное скопище. И вотъ подошли и стали. Двѣ стѣны: голодные, озлобленные, спровоцированные рабочіе, мятежная чернь и государственная полиція, которой довѣрена охрана порядка.

— Разойтись! — запальчиво закричалъ Шалфеевъ, держа въ правой рукѣ повисшую плеть. — Прошу васъ разойтись по домамъ, иначе я вынужденъ буду прибѣгнуть къ инымъ мѣрамъ воздѣйствія. Я не допущу безпорядковъ въ моемъ районѣ.

Для этой толпы голодныхъ, жалкихъ людей у него не нашлось простыхъ, благоразумныхъ словъ, которыя бы дошли до сердца и мягко и просто успокоили страсти и утихомирили возбужденіе. Онъ чувствовалъ себя только начальствомъ, которому дано право держать, вязать и не пущать.

"Хлѣба, хлѣба, хлѣба", — завопили, завизжали, заулюлюкали и завыли бабы. — Какой онъ смѣлый, да жирный, — закричали парни. — Небось жретъ, сукинъ сынъ, въ свое удовольствіе!..

— Замолчать, мерзавцы!..

— Самъ замолчи! Хлѣба, хлѣба, хлѣба!.. — выли жуткимъ, отчаяннымъ воемъ женщины.

— Господа, честью васъ прошу разойтись. Въ Петроградѣ есть шесть съ половиной милліоновъ пудовъ муки. Этой муки хватитъ на мѣсяцъ. Кромѣ того, есть много муки въ мучныхъ складахъ. Для кормленія войскъ — у интендатства имѣются свои запасы.

— Врешь, врешь!... — выбѣжалъ впередъ потрепанный, пожилой рабочій, въ рваной шапчонкѣ и въ рваномъ пальто. Онъ

кричалъ, захлебываясь, какъ безумный. Съ перекошеннаго рта летѣла брызгами слюна. Глаза, налившіеся кровью отъ бѣшенства, были круглы. — Покажи намъ этотъ хлѣбъ, покажи намъ эти сухари!... — кричалъ онъ рѣзкимъ голосомъ.

— Стой, стой! — вопилъ въ свою очередь Шалфеевъ, густымъ, слегка хриплымъ басомъ. — Вотъ объявленіе, вотъ объявленіе... — Перекрикивая гамъ, багровый отъ натуги, онъ началъ громко читать приказъ командующаго войсками генерала Хабалова:

"За послѣдніе дни отпускъ муки въ пекарни для выпечки хлѣба въ Петроградѣ производился въ томъ же количествѣ, какъ и прежде. Недостатка хлѣба въ продажѣ не должно быть. Если же въ нѣкоторыхъ лавкахъ хлѣба инымъ нехватило, то потому, что многіе, опасаясь недостатка хлѣба, покупали его въ запасъ на сухари"...

На моментъ толпа какъ будто затихла, прислушалась, присмирѣла. Скажи Шалфеевъ: "Братцы, сейчасъ вамъ привезутъ хлѣбъ и я самъ буду наблюдать за его раздачей", — можетъ быть, голодный звѣрь повернулъ бы назадъ. Но этого не случилось. Шалфеевъ не былъ психологомъ. Замѣтивъ заминку, онъ закричалъ на стоявшаго впереди оборваннаго рабочаго:

— А тебѣ, сукинъ сынъ, мерзавецъ, я покажу кузькину мать! — И сдѣлавъ начальственный жестъ въ сторону полицейскихъ, добавилъ: — Забрать этого подлеца!...

Какъ отъ спички загорѣлась сухая солома. Сразу вспыхнуло и моремъ огня взметнулось пламя. Изъ толпы выбѣжала вихремъ баба — жалкое, отвратительное, ничтожное существо. Сизо-землистое лицо ея, перекошенное флюсомъ, подергивалось конвульсіями, точно ей нехватало воздуха. Это была настоящая, классическая мегера.

— На, на, посмотри, — завизжала она острымъ, пронзительнымъ крикомъ и, поднявъ полы пальто, высоко заголила мокрый подолъ юбки.

Этотъ безстыжій, грубый жестъ бабы употребляли въ моментъ самаго сильнаго и непреодолимаго желанія оскорбить и унизить врага, — "плюнуть ему въ морду".

Шалфеевъ всего ожидалъ, только не этого. Онъ какъ-то опѣшилъ и инстинктивно замахнулся на бабу плетью. Въ этотъ моментъ на него ринулись, какъ голодная волчья стая, рабочіе. Въ мгновеніе ока Шалфеева стянули съ коня; кто-то саданулъ его по черепу и лицо залилось кровью; кто-то рванулъ руку, свернулъ ее въ кисти, хрустнули кости и рука повисла сломанная. Шалфеевъ закричалъ отчаянно, громко и дико, какъ звѣрь. Закричалъ отъ боли и предсмертнаго страха. Онъ сталъ бѣлѣе бумаги.

На выручку начальника въ свалку бросились полицейскіе — конные и пѣшіе. На мигъ черная масса завертѣлась водоворотомъ.

Мелькали въ воздухѣ палки, плети, летѣли камни, бутылки, осколки льда. Побѣда осталась за толпой. Черезъ нѣсколько минутъ она, прорвавъ кордонъ, двинулась впередъ къ Невѣ, и въ знакъ побѣды, въ головѣ подняли красное полотнище.

Литейный мостъ, самый длинный на Невѣ, занимали заставы отъ воинскихъ частей. За мостомъ рѣка раздѣлялась и уходила двумя рукавами къ Финскому заливу. Однимъ — она обнимала острова Аптекарскій, Каменный и Крестовскій, другимъ — Васильевскій. Нева лежала бѣлая, широкая, пустынная, сверкающая снѣжными алмазами. Съ моста прямой стрѣлой отходилъ Литейный проспектъ; были видны въ солнечно-дымномъ, голубѣющемъ туманѣ Лѣтній садъ, башни Петропавловской крѣпости, дворцы у набережной, Финляндскій вокзалъ, Арсеналъ и куполъ Таврическаго дворца. Картина открывалась дивная, красоты изумительной, невыразимо-чудесной, единственной и неповторимой.

Когда толпа подошла къ мосту, передніе увидѣли, стоявшаго въ ожиданіи, высокаго, стройнаго, молодцеватаго унтеръ-офицера л.-гв. Московскаго полка, съ четырьмя георгіевскими крестами на груди. У него было слегка рябоватое, смуглое лицо, крупное, смѣло и рѣшительно очерченное, съ твердымъ, холоднымъ взглядомъ черныхъ глазъ. Онъ стоялъ не шелохнясь, какъ статуя изъ бронзы.

— Ишь дьяволъ стоитъ, — сказалъ кто-то, ухмыляясь, но съ почтительнымъ выраженіемъ, — Такой не побѣгёть...

— Тутъ, братъ, навѣрно наше дѣло не выгоритъ, — отозвался другой.

Толпа, замедляя ходъ, подошла къ мосту. Передніе остановились, задніе подтягивались и сжимались въ плотную массу.

— Служивый, можно переходить? — спросили передніе.

— Нѣтъ, нельзя.

— То-есть, какъ это нельзя и почему нельзя, товарищъ гражданинъ? — спросилъ жиденькій господинъ въ черномъ пальто съ бархатнымъ воротникомъ, въ пенснэ на покраснѣвшемъ носу и съ маленькой бородкой клинушкомъ. По выраженію лица и по тону голоса было замѣтно, что онъ старается язвить и показать "салдофону" свое превосходство и презрѣніе.

— Съ какихъ это поръ мосты охраняются войсками? Отъ кого это они охраняются? Отъ русскихъ людей, поднявшихся на защиту своего права; отъ людей, которыхъ морятъ голодомъ? Не объясните ли вы намъ, любезнѣйшій и достопочтеннѣйшій, эту странную загадку?

— Не мое дѣло входить въ обсужденіе этихъ вопросовъ. Мое дѣло исполнить приказъ и я его исполню.

— Вы что же Царя-батюшку защищаете и на нѣмцевъ работаете, сепаратный миръ въ царскомъ дворцѣ готовите? Не прой-

детъ этотъ номеръ. Товарищи, вотъ предъ вами типичная шкура, которая хочетъ выслужиться...

Унтеръ-офицеръ сдѣлалъ шагъ впередъ. Въ глазахъ его вспыхнулъ мгновенно огонь. Лицо точно преобразилось. Онъ сдѣлалъ еще шагъ, приближаясь къ штатскому господину. Толпа затихла; будтоознобъ пробѣжалъ по тѣлу. Расширенные, остановившіеся зрачки смотрѣли, впиваясь, въ поблѣднѣвшее лицо другого; отъ нихъ нельзя было оторваться; они приковывали, какъ гипнозомъ. Въ нихъ была суровая, грозовая сила. Еще шагъ, сильный взмахъ кулакомъ и ораторъ, какъ метеоръ, мелькнулъ и распластался на снѣгу.

Лицо унтеръ-офицера приняло прежнее спокойное, строгое выраженіе. Онъ повернулъ спину и отошелъ назадъ. Въ его манерѣ держаться, въ холодномъ безстрашіи, въ его взглядѣ было что-то импонирующее, подавляющее. Толпа почувствовала огромную нравственную силу и склонилась передъ ней.

— Ишь, чортъ, какъ бьетъ, — сказалъ съ завистью и какъ будто съ почтеніемъ тотъ рабочій, который восхищался унтеромъ при подходѣ толпы. — Ловко свистнулъ. И сказавъ эту сентенцію, ни къ кому не обращаясь, тихо засмѣялся.

— Товарищи, разъ по мосту нельзя, такъ есть же ледъ. Мы и по льду можемъ пройти, — крикнулъ прыщавый юноша въ форменномъ пальто и фуражкѣ, ученикъ какой-то технической школы.

Выходъ былъ неожиданно найденъ. Черезъ нѣсколько минутъ по бѣлому снѣгу пустынной Невы потянулся черный человеческій муравейникъ.

Въ эти часы, въ штабѣ Градоначальства было тревожно. Командующій войсками генералъ Хабаловъ, высокій, плотный, широкоплечій, чернявый, въ очкахъ, съ большимъ крючковатымъ носомъ на крупномъ сѣромъ лицѣ, по прозвищу "Крокодилъ", нервно курилъ, о чемъ-то думалъ, безпокойно, автоматически мялъ бумагу въ рукахъ и изрѣдка спрашивалъ у выходившаго и приходившаго генерала Балка:

— Ну, что, какъ? Какія свѣдѣнія?

Когда Балкъ сообщилъ ему о происходящемъ на Невѣ, у Литейнаго моста, Хабаловъ какъ-то осѣлъ; глаза его округлились, въ нихъ какъ въ зеркалѣ, отразился испугъ, внутреннее волненіе, тревога, безпомощность и разслабленность.

— Что же дѣлать? — спросилъ онъ глухо и нерѣшительно у подвѣдомственнаго ему генерала.

— Спросите мнѣніе у военнаго министра, ваше превосходительство, — какъ будто съ насмѣшкой отвѣтилъ Балкъ.

— Да, да. Я спрошу... Это хорошо... Послушаемъ, что онъ скажетъ...

Хабаловъ говорилъ медленно, точно старался, что-то осмы-

слить, что-то понять, что-то перебороть внутри себя. Телефонная трубка дрожала въ его рукѣ. Слышенъ былъ разговоръ.

— Они переходятъ Неву по льду... Въ толпѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ... Да, да, — въ головѣ несутъ красное знамя... Положеніе очень трудное. Стрѣлять по бунтовщикамъ — это одно, а стрѣлять по толпѣ, требующей только хлѣба, — это совсѣмъ другое... Ну, конечно... Я подумаю...

Балкъ изъ отрывочныхъ фразъ кое-что понялъ, но не все.

— Что онъ предлагаетъ? — спросилъ у опустившагося въ кресло Хабалова.

— Разгонять толпы, по возможности не прибѣгая къ оружію. Онъ говоритъ, что ужасное впечатлѣніе произведетъ на нашихъ союзниковъ, когда толпа разойдется и на Невскомъ останутся трупы. По переходящимъ Неву по льду, предлагаетъ стрѣлять, но такъ, чтобы пули ложились передъ толпой. Я считаю эту мѣру безцѣльной... Да, да — безцѣльной и безполезной...

Прыщавый юноша въ форменной шинели шелъ впереди толпы, а за нимъ два парня несли метра полтора краснаго кумача. Юноша присталъ къ толпѣ случайно, когда избивали Шалфеева. Но теперь онъ чувствовалъ себя ведущей частицей этого чернаго людскаго потока. Ему казалось, что онъ совершилъ нѣчто необыкновенное, замѣчательное, сверхгероическое. Распаленная фантазія рисовала ему картины головокружительныя. Онъ славный полководецъ, ведущій за собой "несмѣтныя полчища". Онъ герой, чье имя будетъ у всѣхъ на устахъ. Честолюбивый бѣсенокъ подсказалъ ему фразу, недостававшую для величія минуты: "И слабымъ маніемъ руки на русскихъ двинулъ онъ полки". Юноша вспомнилъ фразу и лицо его расцвѣло.

Съ той стороны Невы, набережная чернѣла отъ множества людей, съ любопытствомъ наблюдавшихъ за необычайнымъ зрѣлищемъ. Было видно, какъ легкій вѣтеръ колыхалъ складки краснаго полотнища надъ толпой, разсыпавшейся по бѣлому простору рѣки. У широкихъ спусковъ на Неву, — воротъ черезъ гранитный парапетъ, спѣшно собиралась полиція.

— Очень эффектно, очень эффектно, — говорилъ сосѣду одинъ изъ наблюдавшихъ. Въ тонѣ голоса было полное, невозмутимое спокойствіе. Никакой тревоги, — только любопытство. — Посмотримъ, посмотримъ, чѣмъ это кончится.

— А не лучше ли намъ по-добру, по-здорову подальше отсюда. А то неровенъ часъ, какъ бы не случилось "въ чужомъ пиру похмѣлье". Какъ бы не влипнуть въ грязную исторію.

— Ну, что вы! Что можетъ быть? Стрѣлять навѣрное не будутъ. А если и начнутъ стрѣлять, то мы спрячемся за этимъ гранитомъ. Въ крайнемъ случаѣ махнемъ черезъ улицу въ подворотню. Упустить такую рѣдкую возможность, какъ бой толпы съ

полиціей, просто грѣшно. Такія событія не часто бываютъ. Смотрите, смотрите...

Голова толпы пріостановилась. Черный муравейникъ надвигался сзади, ползъ вправо и влѣво, разсыпался, удлинялъ крылья и все больше и больше сближался съ берегомъ. Прыщавый юноша былъ теперь на виду у всѣхъ. Онъ что-то кричалъ, что-то кому-то повелѣвалъ и что-то показывалъ "маніемъ руки".

Очевидно, замѣтивъ наряды полиціи, сгруппировавшіеся у проходовъ, въ чьей-то головѣ мелькнула мысль: прорваться въ обходъ черезъ гранитную стѣну. Можетъ быть, приказъ отдалъ кто-нибудь изъ тѣхъ, кто шелъ сзади за краснымъ флагомъ, а можетъ быть, счастливая мысль пришла въ пылкую голову все тому же прыщавому юношѣ, богоданному "полководцу". Толпа слѣдовала,какъ стадный звѣрь, который не разсуждаетъ.

У берега озвѣрѣлые, грязные и словно помѣшанные люди, — мужчины и женщины, бѣгомъ бросились къ гранитному парапету, ползли, какъ черви, на стѣну, переваливаясь животами черезъ гранитъ и въ мигъ, смѣшавшись съ толпой зрителей, заполнили улицу.

На набережной происходило что-то небывалое и дикое, какъ сцена изъ сумасшедшаго дома, или одинъ изъ эпизодовъ столпотворенія. Нѣкоторое время была настоящая каша. Безчисленное множество людей смѣшалось въ зыбкую гущу. Одни сторонились на тротуары и въ подъѣзды, другіе сбивались въ толпы, третьи кружились, натыкались, пробивались въ сторону, четвертые неслись прочь. Бабы визжали дикими голосами: "хлѣба, хлѣба, хлѣба"... Въ короткое время полиція была смята. Мятежная толпа прорвалась на Литейный проспектъ. Въ головѣ ея хриплые голоса запѣли:

"Вставай, подымайся, рабочій народъ.
Вставай на Царя, людъ голодный.
Раздайся кличъ мести народной.
Впередъ, впередъ, впередъ!..."

— Ну, теперь пошла писать губернія, — сказалъ тотъ господинъ, что сгоралъ отъ любопытства, — посмотрѣть, чѣмъ все это кончится.

3.

«Вещи и дѣла, аще не написанніи бываютъ, тьмою покрываются и гробу безпамятства предаются; написанніи же яко одушевленніи»...

(Изъ старинной лѣтописи).

... «Тотъ счастливъ, кто съ младенчества
Въ толпѣ желаній призрачныхъ
Не зналъ лукавыхъ грезъ,
И счастливъ тотъ, кто съ вѣрою
Погибъ за человѣчество,
Кто рано легъ въ холодный гробъ,
Кто зла не перенесъ.
Но тѣ — еще счастливѣе,
Кому борьба печальная
Не смѣла крылья юные
До времени разбить,
Чье слово вдохновенное,
Какъ арфа — музыкальное,
Осталось въ мірѣ дремлющихъ
На доброе будить...
Исчезнетъ зло мятежное,
Пройдутъ мечты лукавыя,
Пройдутъ непостоянные,
Безумные года.
Погибнутъ всѣ жестокіе,
Погибнутъ всѣ неправые,
А истина великая и слово — НИКОГДА.

(К. Фофановъ).

Въ офицерскомъ собраніи лейбъ-гвардіи Московскаго полка, на Сампсоньевскомъ проспектѣ, въ субботу вечеромъ, 25-го февраля, какъ бывало обычно, собрались офицеры запаснаго баталіона. Такъ они собирались и раньше по вечерамъ, каждый за своимъ дѣломъ: кто поужинать, сыграть въ картишки, потанцовать, а кто просто провести время въ дружеской компаніи.

Офицерское собраніе полка, въ довоенное время, играло роль клуба, роль храмины, гдѣ закладывались, воспитывались и укрѣплялись основы товарищества, дружбы, пріязни, хорошихъ взаимоотношеній и гдѣ люди какъ бы роднились и сливались по-настоящему въ одну большую, тѣсную, дружную, полковую семью. Такъ бывало вездѣ: будь то въ столицѣ, или въ большомъ областномъ центрѣ, или гдѣ-нибудь, въ самой глухой дырѣ, на великой границѣ Россійской имперіи.

"Нашъ полкъ... Завѣтное, чарующее слово
Для тѣхъ, кто смолоду и всей душой въ строю"...

Это чувство необыкновенной привязанности, благородной любви къ своему полку и горделивое, почтительное преклоненіе

передъ его прошлымъ, передъ его золотой славой, запечатлѣнной на страницахъ полковыхъ исторій, дышало особой мужской нѣжностью и красотой. Прошлое въ поэтическихъ образахъ уходило вдаль, затянутое плѣнительнымъ солнечнымъ туманомъ времени. Тутъ въ этомъ полку прошла молодость и жизнь отцовъ и дѣдовъ, проходила собственная молодость каждаго, о чемъ человѣкъ вспоминаетъ всегда не безъ теплаго, душевнаго волненія.

И всѣ эти чувства находили живое, волнующее, чудное выраженіе въ стѣнахъ собранія. Здѣсь въ торжественныхъ залахъ висѣли портреты Государей, полковыхъ шефовъ, начальниковъ, героевъ, командировъ полковъ, офицеровъ, картины славныхъ боевъ, въ которыхъ отличился полкъ и историческія картины подвиговъ арміи Россійской.

Здѣсь находился полковой музей, въ которомъ любовно собирались и хранились священныя реликвіи прошлаго — безцѣнные свидѣтели славы, купленной кровью предковъ.

Здѣсь принимали Государей, начальниковъ и молодыхъ офицеровъ, пришедшихъ со школьной скамьи. Здѣсь провожали старыхъ товарищей, уходившихъ изъ полка и ни одна слеза скатилась въ этихъ стѣнахъ по стариковскимъ щекамъ, когда человѣкъ прощался со своимъ прошлымъ навсегда.

Но теперь было необычное время. Тревожныя событія развертывались, нарастая съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Можно было ожидать, что безпорядки, начавшіеся третьяго дня, выльются въ форму жестокаго, страшнаго, анархическаго бунта, или даже революціи. Положеніе самихъ офицеровъ становилось трагическимъ. Противъ нихъ велась ожесточенная пропаганда; на нихъ науськивали солдатъ и чернь; ихъ травили; ихъ иначе не называли, какъ злѣйшими врагами трудового народа, мордобоями и кровопійцами.

Въ углу "турецкой" гостиной, затянутой сверху до низу дорогими коврами и матеріями, съ огромнымъ, чуднымъ ковромъ на полу, подальше отъ зиркающихъ глазъ и подслушивающихъ, жадныхъ ушей прислуги, сидѣла, послѣ ужина, одна изъ группъ, этихъ самыхъ "кровопійцъ", и вела оживленный, хотя и не очень веселый разговоръ. Турецкій фонарь съ высоты потолка испускалъ мягкій темно-красно-синій свѣтъ. Все до полной иллюзіи напоминало здѣсь горячій, таинственный, сказочный Востокъ.

Ихъ было человѣкъ семь-восемь, — розовая, жизнерадостная молодежь. Въ центрѣ, на мягкомъ диванѣ, подъ большой картиной, изображающей выступленіе полка въ турецкій походъ 1877 года, сидѣлъ невысокаго роста, коренастый, рыжеватый, 25-лѣтній штабсъ-капитанъ Александръ Николаевичъ фонъ Ферrенъ, доблестью вѣнчанный герой, тяжело-раненый подъ Вильной, кавалеръ Георгіевскаго оружія. Лицо у него было твердое,

волевое, глаза упрямые и смѣлые. Такіе не трепещутъ и не блѣднѣютъ передъ опасностью.

Рядомъ съ нимъ справа сидѣлъ поручикъ Александръ Верига, красивый молодой блондинъ, съ румянцемъ во всю щеку, безусый, съ нѣжно-золотистой кожей и пухлыми юношескими губами. За смѣшливый нравъ, за душевную мягкость и за этотъ румянецъ, въ корпусѣ товарищи ласково называли его: "дѣвочка"; иногда, привѣтствуя пѣли: "Дѣвочка милая, дѣвочка, славная, дѣвочка, радость моя". Но "дѣвочка" ходила въ атаку во весь ростъ, пулямъ и снарядамъ не кланялась и попала въ тылъ съ тяжелымъ раненіемъ.

По другую сторону от Фергена сидѣлъ, покинувшій студенческую аудиторію, подпоручикъ Шабунинъ, стройный, тонкій, изящный, съ одухотвореннымъ лицомъ, прекрасный товарищъ и доблестный офицеръ. Бывшій студентъ, по народной терминологіи тысяча девятьсотъ пятаго года, "врагъ внутренній", — онъ скоро завоевалъ среди кадровыхъ офицеровъ полка любовь и дружбу за свою духовную чистоту и порядочность.

Передъ ними полукругомъ, какъ молоденькая стайка птичекъ, размѣстились на мягкихъ стульяхъ юные прапорщики. Это была совсѣмъ зеленая, безусая молодежь, только недавно окончившая училище и ожидавшая командированія въ полкъ. Ихъ лица были нѣжны; каріе, голубые, черные и сѣрые глаза блестѣли; куда-то манила ихъ жизнь, какъ таинственная незнакомка. И все имъ казалось красивымъ, чудеснымъ и вездѣ чудилось новое неизвѣданное и радостно-влекущее...

— Мы подошли къ роковой грани. Рѣшается судьба Россіи. Все, что происходитъ сейчасъ, похоже на бардель, на предательство, или на массовое психическое умопомѣшательство, — говорилъ Фергенъ, сдвинувъ густыя рыжеватыя брови.

Мы вовлечены въ порочный кругъ событій и играемъ, къ сожалѣнію, пока пассивную роль. На одной сторонѣ бунтующая чернь, рабочіе, фабричный пролетаріатъ, для которыхъ ненавистно слово Отечество, на другой слабонервная, размякшая, перетрусившая власть, потерявшая волю, самообладаніе и респектъ. Вы чувствуете опредѣленно, какъ благодаря непротивленію нарастаетъ мятежная волна.

Господа, есть народъ и народъ. И цѣнность одной и другой группы разная и разная ихъ количественная величина. Есть многомилліонный русскій народъ, достойный уваженія и гордости; народъ, создавшій великое государство, давшій міру замѣчательныхъ монарховъ, государственныхъ дѣятелей, полководцевъ, ученыхъ, писателей, поэтовъ, мыслителей, художниковъ, композиторовъ, изобрѣтателей, строителей, инженеровъ, архитекторовъ и такъ далѣе, и такъ далѣе. И есть просто чернь, рвань, ни на что неспособная и ничего не создавшая. Она распропагандирована,

развращена, темна, невѣжественна и совершенно лишена чувства національной гордости. Ея интересы не поднимаются выше потребностей брюха.

Сейчасъ, вотъ эта самая чернь, представляющая количественно ничтожное меньшинство, учиняетъ бунтъ подъ кричащимъ, бьющимъ по нервамъ, лозунгомъ: "х л ѣ б а". Либеральные ханжи вопятъ: "Это возмутительно! Полиція разгоняетъ несчастныхъ, голодныхъ людей съ примѣненіемъ жестокихъ, звѣрскихъ насилій. Сумасшедшій Протопоповъ разстрѣливаетъ толпы изъ пулеметовъ, поставленныхъ на крышахъ". Неправда ли, господа, какая жуткая фантастическая картинка: сумасшедшій министръ носится по крышамъ и стрѣляетъ, стрѣляетъ и коситъ, какъ смерть.

Бунтъ есть бунтъ. Во дни войны съ внѣшнимъ врагомъ, его можно разсматривать только какъ преступленіе, какъ государственную измѣну. Никакіе резоны не могутъ оправдать происходящихъ событій. И тѣмъ не менѣе, политиканствующіе Маниловы изъ Государственной Думы, сами бунтовщики, лицемѣрно и лукаво кричатъ, что режимъ прогнилъ, что бунтъ есть ни что иное, какъ актъ самообороны государственнаго организма противъ гніенія во имя побѣды. Если они въ это вѣрятъ, — они дураки; если не вѣрятъ, — они подлецы.

Для меня и тѣ и другіе, — и тѣ, которые бунтуютъ и которые подстрекаютъ, — одинаково: сволочь. Но чернь темная и голодная можетъ разсчитывать на снисхожденіе, тогда какъ эти сытые, обезпеченные и празднoболтающіе достойны только веревки.

Я хочу сдѣлать выводъ изъ сказаннаго мною. На фронтѣ погибли за русскую честь и славу милліоны лучшихъ сыновъ. Ихъ кровь цѣннѣе, чѣмъ жизнь десятковъ или даже сотенъ тысячъ черни, нынѣ бунтующей. Я предпочелъ бы, чтобы погибли эти сотни тысячъ отъ голода, чѣмъ погибла бы Россія.

Фергенъ закурилъ папиросу, жадно затянулся разъ, другой и замолчалъ. Привычка курить съ сильной затяжкой осталась у него отъ войны. Тогда подъ пулеметнымъ огнемъ и шрапнелями, обдаваемый пылью земли, бравируя опасностью, онъ курилъ, глядя расширенными глазами на поле, раздѣлявшее ихъ отъ враговъ. "Гвардія не ложится, гвардія не сдается, гвардія впередъ!" — подавалъ онъ команду своимъ подчиненнымъ.

Въ отвѣтъ заговорилъ Шабунинъ. Голосъ у него былъ мягкій, музыкальный, бархатный.

— Я бесѣдовалъ вчера и сегодня со многими знакомыми, — сказалъ онъ. — Въ кругахъ общественности, среди горожанъ и студентовъ распространено мнѣніе, что безпорядки вспыхнули стихійно сами собой, что ими никто не руководитъ, что это го-

рячій паръ, который вырвался изъ герметически закупореннаго котла.

Большинство привѣтствуетъ бунтъ, какъ начало "освобожденія" и осуждаетъ и порицаетъ наше участіе въ разгонѣ толпъ. Публика загипнотизирована словами о свободѣ; она зачарована представленіемъ о новой золотой эрѣ, которая наступитъ тотчасъ же послѣ паденія существующаго режима. Эта эра грезится имъ въ видѣ чего-то лучезарно-свѣтлаго, радостнаго, сіяющаго.

Люди, которые еще недавно были самыми лойяльными вѣрноподданными, которые никогда никакимъ стѣсненіямъ не подвергались, теперь говорили вещи совершенно дикія: "Нынѣшній режимъ, — это режимъ каторги и кнута. Окружающіе Царя — это свирѣпые палачи, чудовища, вампиры"...

Но что особенно невѣроятно и феноменально, — эти же самые господа шопоткомъ, одинъ-на-одинъ, передавали мнѣ, что этотъ бунтъ купленный, спровоцированный. Бабы, которыя сотнями собирались въ очереди у пекаренъ и голосили "хлѣба" — купленныя, имъ за это заплатили; парни, которые валяли трамваи, жгли полицейскіе участки и били витрины — купленные; рабочіе, которые митинговали, срывали съ работъ тѣхъ, кто не хотѣлъ бастовать и при этомъ жестоко избивали ихъ — купленные.

Забастовки на фабрикахъ начались, благодаря провокаціи. Распространились тревожные слухи о томъ, что фабрика Путилова закрыта; произведено болѣе шестисотъ арестовъ среди рабочихъ и безчисленное количество обысковъ; при чемъ, полиція, якобы, проявила жестокость и насилія, не имѣющія прецедентовъ. Это дало толчокъ къ прекращенію работъ вездѣ, въ качествѣ пассивнаго протеста. Провокація хлѣбная и провокація забастовочная дали взрывъ.

Вы видите, господа, что этотъ взрывъ "священнаго негодованія", что эта "національная революція", что этотъ "трепетъ свободы", есть явленіе весьма сомнительнаго свойства и во всякомъ случаѣ совсѣмъ не то, о чемъ кричатъ негодующіе, бьющіе себя въ перси, ораторы съ трибуны Государственной Думы и о чемъ говорятъ въ обществѣ безликіе, мягкіе, розоватые, сладковатые, рахатъ-лукумы.

— Это чудно сказано, — разсмѣялся Верига. — Сегодня я слышалъ отъ одной рахатъ-лукумки, личности либеральной, стриженной и въ пенснэ, слова, сладость и ароматъ которыхъ вы можете оцѣнить сами. Изрекла она эти слова по поводу нынѣшнихъ событій: "Этотъ февраль, какъ пышная, цвѣтущая роза, будетъ самымъ благоуханнымъ мѣсяцемъ въ исторіи Россіи"...

Тамъ же я слышалъ и другую сенсацію. Разсказали ее "милостивые государи" изъ того сорта людей, которые все знаютъ, всѣ тайны имъ открыты, министры у нихъ пріятели и самъ Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, родной дядюшка.

Они увѣряли, что безпорядки устроены самой полиціей; что все это состряпалъ "нашъ душка министръ-провокаторъ Протопоповъ". Устроены безпорядки съ двойной цѣлью: во-первыхъ, заключить сепаратный миръ, чего, якобы, добивается дворцовая партія. Нормально выйти изъ войны нельзя, не нарушивъ союзнаго договора. Это можно сдѣлать только въ томъ случаѣ, когда въ государствѣ вспыхнетъ революція. А во-вторыхъ, Протопоповъ страстно желаетъ помѣряться силами со своими политическими врагами, для чего и придумалъ этотъ трюкъ.

Когда имъ на это резонно возразили и сказали, что это абсурдъ, нелѣпость и невѣроятная чепуха, — они таинственно и многозначительно заявили, что это такъ же вѣрно, какъ Богъ святъ и что въ правительствѣ всѣ министры держатся того же мнѣнія.

Во время этого разговора выяснилось, что въ Петербургѣ на милліонъ восемьсотъ тысячъ жителей, изъ которыхъ четыреста тысячъ рабочихъ, имѣется всего три тысячи полицейскихъ. Господа прапорщики, надѣюсь, вы можете быстро въ умѣ подсчитать, сколько "придержаемыхъ" приходится на одного "фараона"? Но можно и безъ подсчета сразу сказать, что Петербургъ — подлинно богоспасаемый городъ, потому что только Богъ могъ поддерживать въ немъ порядокъ при такомъ числѣ полиціи.

Въ гостиную въ это время вошелъ, тяжело опираясь на палки и слегка горбясь въ плечахъ, высокій, суровый по внѣшности капитанъ, смуглый, съ густыми черными усами, завитыми въ кольца, съ густой длинной бородой. Онъ шелъ, слегка прихрамывая. Внѣшній видъ его говорилъ о сильной волѣ, о сильномъ характерѣ, о непреклонной твердости. Онъ какъ-то приковывалъ къ себѣ вниманіе. Глядя на него, невольно думалось: этотъ человѣкъ, очевидно, не мало пережилъ и не разъ, быть можетъ, смотрѣлъ въ глаза смерти.

Вошедшій капитанъ только недавно сталъ ходить. Цѣлый годъ онъ пролежалъ въ госпиталѣ послѣ жестокой контузіи и раненій. Доктора, порой, не надѣялись его спасти. Но сильный молодой организмъ тридцатилѣтняго человѣка переборолъ болѣзнь; только въ минуту волненій дрожали руки и слабо подчинялись ноги.

Вслѣдъ за капитаномъ вошло еще нѣсколько молодыхъ офицеровъ.

— Господа, — обратился капитанъ къ присутствующимъ, когда всѣ разсѣлись и стали ожидать, что скажетъ сегодня начальникъ охраны Выборгскаго района. — Я хочу васъ информировать о томъ, что происходило въ столицѣ за эти дни и, въ частности, что было сегодня.

Мы переживаемъ исключительно грозное время, когда наши души и сердца, наши чувства и мысли должны быть слиты въ

одно цѣлое, въ одну волю, въ одно желаніе, въ одно непреклонное рѣшительное дѣйствіе. Иначе, погибнетъ наша Россія и мы съ ней погибнемъ.

Я буду говорить съ вами, какъ старшій товарищъ, ничего не скрывая, ничего не преувеличивая, давая оцѣнки, какъ передъ собственной совѣстью. Я буду называть вещи собственными именами, ибо не время теперь замалчивать правду во имя деликатности или субординаціи. Враговъ, потакателей, шляпъ и предателей надо называть по имени и отчеству, какъ бы высоко не было ихъ служебное положеніе.

Мы должны быть готовы противопоставить себя революціонной толпѣ. Должны быть готовы въ этой борьбѣ встрѣтить смерть, потому что, если мы смалодушничаемъ, мы сами окажемся недостойными тѣхъ императорскихъ мундировъ, которые мы носимъ, тѣхъ погонъ, которые являются символомъ благородства, чести, вѣрности, доблести и жертвенной готовности отдать жизнь свою за Родину и за своего Царя...

Капитанъ опустилъ голову. Скулы его ходили, руки дрожали мелкой дрожью, какъ бѣгъ секундной стрѣлки. Было видно, какъ нечеловѣческимъ усиліемъ воли онъ старается перебороть вспыхнувшее волненіе. А когда переборолъ, снова сталъ говорить.

— Вчера бастовало до двухсотъ тысячъ рабочихъ. Забастовщики снимали силой тѣхъ, кто не подчинялся добровольно. Установить число рабочихъ этой послѣдней категоріи, конечно, невозможно.

Толпы мужчинъ и женщинъ въ разныхъ мѣстахъ стремились прорваться къ центральнымъ артеріямъ, и главнымъ образомъ, на Невскій. Иногда это имъ удавалось. Въ три часа на Знаменской площади, у памятника Императору Александру III, произошелъ митингъ. Среди голосовъ раздавались крики: "Да здравствуетъ республика!" "Долой полицію!"

Въ это время, въ Государственной Думѣ, шло возбужденное засѣданіе. Дума превратилась въ клубъ революціонеровъ. Депутаты Родичевъ, Чхеидзе и Керенскій произнесли возмутительныя, преступныя рѣчи. Керенскій звалъ къ цареубійству. Предсѣдатель военно-цензурной комиссіи, генералъ Адабашъ, испросилъ разрѣшеніе военнаго министра не печатать рѣчей этихъ преступниковъ.

Въ часъ дня въ Маріинскомъ дворцѣ состоялось экстренное засѣданіе правительства, на которомъ присутствовали Родзянко и предсѣдатель Государственнаго Совѣта. Принято рѣшеніе — передать продовольственное дѣло городскому самоуправленію. Надо замѣтить, что бѣлый хлѣбъ былъ и есть въ достаточномъ количествѣ. Недоставало только чернаго хлѣба. Бабы, которыя

собирались у булочныхъ по 20-30 человѣкъ, были спеціально кѣмъ-то наняты для учиненія демонстрацій.

Сегодня утреннія газеты вышли не всѣ; вечернія не вышли вовсе. Бастовало 240.000 рабочихъ. Дѣйствія толпы стали болѣе агрессивными: въ жандармовъ бросали ручныя гранаты, петарды и бутылки. Утромъ избитъ полицеймейстеръ Выборгскаго района, полковникъ Шалфеевъ. При разсѣяніи толпы на Знаменской площади, убитъ приставъ Крыловъ.

Въ 5 часовъ у Гостиннаго Двора демонстранты запѣли революціонныя пѣсни. На сдѣланное предупрежденіе разойтись, иначе будетъ пущено въ ходъ оружіе, бунтовщики сами открыли огонь изъ револьверовъ и ранили солдатъ. Вслѣдствіе этого взводъ драгунъ спѣшился и открылъ стрѣльбу по толпѣ, которая мгновенно разсѣялась. Было убито три и ранено десять.

Сегодня Родзянко просилъ князя Голицына подать въ отставку, такъ какъ движеніе бунтовщиковъ направлено противъ правительства, которое ненавистно рабочимъ. На это князь Голицынъ отвѣтилъ отказомъ и указалъ на портфель, гдѣ находился заранѣе подготовленный указъ Государя о роспускѣ Думы.

Въ связи съ переживаемыми нынѣ событіями, я только что доложилъ по командѣ о нижеслѣдующемъ:

1) Три дня войска гоняютъ безъ толку туда и сюда, не давая имъ возможности исполнить свой воинскій долгъ. Это мыканье нервируетъ, утомляетъ и раздражаетъ людей.

2) Распредѣленіе участковъ для занятія войсками не соображено съ дѣйствительнымъ положеніемъ, благодаря чему войска занимали такіе отдаленные отъ центровъ пункты, гдѣ никакихъ сборищъ не было и, наоборотъ, осатвались свободными тѣ улицы и площади, по которымъ двигались толпы.

3) Запрещеніе стрѣлять по мятежникамъ вызываетъ, съ одной стороны, наглость, — толпы смѣлѣютъ, въ безпорядки вовлекаются новыя и новыя тысячи, — а съ другой стороны — солдаты, не получившіе еще воинскихъ основъ воспитанія, вчерашніе крестьяне и рабочіе, смущенные происходящимъ, деморализуются, распускаются и уже не прочь потворствовать бунтовщикамъ и даже присоединиться къ нимъ.

4) Запрещеніе толпѣ двигаться по улицамъ, но разрѣшеніе идти по тротуарамъ сводитъ усилія войскъ на-нѣтъ и фактически лишаетъ войска и полицію возможности остановить безпорядки.

На основаніи вышеизложеннаго, я, по долгу присяги, заявилъ рѣшительнымъ образомъ, что высшее начальство проявляетъ бездѣйствіе власти, благодаря чему мятежъ ширится и безпорядки, во время не остановленные и не прекращенные, грозятъ великими бѣдствіями для нашего Отечества. Я заявилъ также, что я не могу

участвовать въ попустительствѣ и потому самостоятельно отдамъ приказъ подчиненнымъ мнѣ командамъ стрѣлять по мятежникамъ.

Господа! Бунтъ, который могъ быть подавленъ въ первый день, разгорается. Воля министровъ, воля генерала Хабалова парализована. Командующій войсками похожъ на человѣка, потерявшаго сердце. Всѣ поддались общему психозу. Революцію давно ждали; вотъ она пришла и передъ ней спасовали; всѣ опустили руки; всѣ какъ-будто заранѣе рѣшили, что борьба не только безполезна, но и какъ-бы не очень почтенна.

Начало этому положено давно. Вы помните, какъ съ половины прошлаго года въ полкахъ начали распространяться таинственнымъ образомъ прокламаціи возмутительнаго свойства. Вы помните, что эти прокламаціи распространялись отъ имени какого-то комитета Государственной Думы. Тщетно офицерство протестовало противъ вторженія политики въ казарму и просило высшее начальство принять рѣшительныя мѣры къ прекращенію подобной агитаціи въ войскахъ. Мы предлагали тогда и мѣры, какими слѣдовало бы бороться со зломъ. Увы, нашъ голосъ остался гласомъ, вопіющаго въ пустынѣ. Штабъ округа самъ игралъ въ политику; онъ не внялъ нашему протесту; онъ игнорировалъ нашу тревогу и нашу скорбь за нашу Родину.

И вотъ, змѣя, которая росла въ революціонномъ подпольѣ, выползла наружу. Можетъ быть только два положенія, два рѣшенія: или мы убьемъ змѣю, или она насъ смертельно ужалитъ и мы погибнемъ.

Капитанъ всталъ. Поднялись и всѣ офицеры. Бываютъ въ жизни минуты, когда подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, въ моментъ сильныхъ переживаній — радости или горя, подъ впечатлѣніемъ слышанныхъ словъ, музыки, пѣнія, при видѣ необыкновенныхъ картинъ земли, величественныхъ явленій природы, или при видѣ страшныхъ событій, — человѣкомъ овладѣваетъ необъяснимое чувство, просыпаются какія-то скрытыя силы; они влекутъ его безотчетно, смѣло, стремительно, легко. Въ такія минуты человѣкъ находится какъ бы внѣ себя: онъ Богъ, онъ царь, онъ червь, онъ рабъ...

— Надо убить змѣю, — раздѣльно повторилъ капитанъ, какъ загипнотизированный. Руки его снова задрожали. Въ выраженіи лица была та бѣшенная, упрямая рѣшимость, которую онъ испытывалъ не разъ, когда хриплымъ, неестественнымъ, почти звѣринымъ голосомъ, кричалъ въ послѣднюю минуту: "Въ атаку, въ штыки, впередъ!"

4.

Огромный театръ на Невѣ, въ которомъ разыгрывался одинъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ русской исторіи,

по выраженію Хабалова "кипѣлъ какъ котелъ". Уже свистѣла и выла буря; уже стонали полыя, мутныя воды революціи; уже носился буревѣстникъ, о которомъ такъ страстно пѣлъ революціонеръ Максимъ Горькій.

... "Между тучами и моремъ,
Гордо рѣетъ Буревѣстникъ,
Черной молніи подобный.
То волны крыломъ касаясь,
То стрѣлой взмывая къ тучамъ,
Онъ кричитъ, — и тучи слышатъ
Радость въ смѣломъ крикѣ птицы.
Въ этомъ крикѣ — жажда бури,
Сила гнѣва, пламя страсти
И увѣренность въ побѣдѣ
Слышатъ тучи въ этомъ крикѣ"...

На огромной сценѣ, — пространствомъ между Невой, Лиговкой, Николаевскимъ вокзаломъ и Вознесенскимъ проспектомъ, лицедѣйствовало множество актеровъ. Они принадлежали къ разнымъ классамъ; были различной значимости, различнаго соціальнаго и культурнаго уровня. Были первые и были самые послѣдніе. Одни играли по обязанности, прижатые къ стѣнѣ, вынужденные защищаться и защищать. Другіе — изъ любви къ искусству словоговоренія и по сердечному влеченію къ идеямъ демократіи. Третьи — прекраснодушные, по врожденной маниловщинѣ. Четвертые буревѣстники — потому что душила ихъ звѣриная злоба и ненависть. Пятые — пристроились въ качествѣ мирныхъ статистовъ изъ любопытства. Шестые — изъ любви къ разнообразію, — имъ надоѣло, пріѣлось старое и захотѣлось новаго, независимо отъ того, будетъ ли оно лучше или хуже. Седьмые и прочіе участники въ игрѣ по стадному чувству: куда другіе, туда и мы. Въ сторонѣ отъ всѣхъ обрѣтались нейтральные.

"А я стою одинъ межъ ними,
Въ ревущемъ пламени и дымѣ, —
И всѣми силами своими
Молюсь за тѣхъ и да другихъ".
(М. Волошинъ).

Неблагодарную роль "классическихъ злодѣевъ", реакціонеровъ, "мракобѣсовъ" и угнетателей — играло обезличенное, растерявшееся Правительство со своими агентами: полиціей, жандармеріей и войсками. Роль благородныхъ отцовъ", добродѣтельныхъ гуманистовъ, исторія предоставила Предсѣдателю Государственной Думы Михаилу Владимировичу Родзянко, профессору

русской исторіи Павлу Николаевичу Милюкову, отпрыску купеческой московской семьи Александру Ивановичу Гучкову, депутатамъ: Пуришкевичу, Родичеву, Шингареву, Шульгину, Савичу и тѣмъ, кто засѣдалъ въ Думѣ, слушалъ, голосовалъ и иногда говорилъ. Къ нимъ примыкали неизлечимо больные "гражданской скорбью" интеллигенты.

На роляхъ подстрекателей, поджигателей и смутьяновъ, актеровъ не Богъ вѣсть какихъ, состояли въ Думѣ два: грузинъ Николай Чхеидзе, похожій на озабоченную, грустную, большую обезьяну съ косящими злыми глазами, съ зализанной лысиной, — субъектъ тупой, озлобленный, неряшливый и непріятный, и Александръ Федоровичъ Керенскій, молодой человѣкъ, съ блуждающими, безпокойными глазами, бритый, блѣдный, истерикъ, неврастеникъ, плохенькій адвокатъ по бракоразводнымъ дѣламъ и большой честолюбецъ.

Затѣмъ, какъ въ каждой исторической пьесѣ, былъ "народъ". Это тѣ, — кто двигались многотысячными толпами, выкрикивали лозунги, били полицію, валяли трамваи, безчинствовали, били витрины, подъ шумокъ — грабили, пользуясь сумятицей, жгли въ судахъ и въ полиціи компрометирующіе документы, носились чертями на грузовикахъ, обвѣшанные оружіемъ, съ красными полотнищами, стрѣляли и убивали.

Режиссеръ, какъ и подобаетъ каждому режиссеру, скрывался за кулисами, невидимый для публики, таинственный, какъ Мефистофель. Онъ незамѣтно руководилъ ходомъ событій и направлялъ игру огромной труппы, которую онъ не репетировалъ, но дѣйствіями которой распоряжался и игралъ, какъ опытный, искусный шахматистъ.

Во главѣ Правительства стоялъ въ эти роковые дни князь Н. Д. Голицинъ. Это былъ старый аристократъ, баринъ, — человѣкъ чистый, честный, благородный. Власть его не тѣшила и онъ не стремился къ ней. Когда Государь предложилъ ему постъ премьера, онъ усердно просилъ освободить его отъ этой чести. Безъ всякой рисовки, какъ подлинный баринъ, онъ сказалъ Государю:

"Я старъ, Ваше Величество. Я ни о чемъ больше не мечтаю, какъ только объ отставкѣ и отдыхѣ. Я хотѣлъ бы закатъ моей жизни провести въ тишинѣ и покоѣ, вдали отъ политической грызни и бурь, къ которымъ я не имѣю ни вкуса, ни привычки. Вы возлагаете на меня тяжелую, непосильную ношу"...

Государь, извѣрившійся въ людяхъ, искалъ порядочнаго человѣка, не честолюбца, льстеца и царедворца. Онъ упросилъ старика принять должность.

Правительство состояло изъ четырнадцати лицъ. Среди нихъ были — генералы, адмиралы, профессора и служилые сановники. Про многихъ изъ нихъ не смогли бы сказать худого слова даже

люди, ведшіе борьбу съ Правительствомъ. Были и высокопорядочные люди, честные, умные и знающіе свое дѣло. Но къ несчастью, не было ни одного съ твердой, упрямой большой волей и съ сильнымъ характеромъ. Не было, что называется, "боевого атамана", орла, способнаго видѣть и до смерти драться. Для мирнаго, спокойнаго времени, — это была бы очень приличная власть, но они не годились для борьбы. Какъ и всѣ, — неслись въ общемъ водоворотѣ къ катастрофѣ. Ничья личность не выдѣлялась замѣтно, кромѣ одной. И выдѣлялся этотъ одинъ только потому, что общество избрало его "козломъ отпущенія", возненавидѣло больше всѣхъ.

Министръ Внутреннихъ дѣлъ А. Д. Протопоповъ не оправдалъ надеждъ, не справился со своей задачей. Молва сдѣлала его личностью одіозной. Его больше всѣхъ травили, чернили. О немъ не говорили иначе, какъ въ юмористическомъ тонѣ. Злая насмѣшка — очень тонкое и сильное оружіе. Милюковъ назвалъ его "загадочной картинкой" и добавилъ: "Этотъ роковой человѣкъ принесъ къ подножію Трона истерическій клубокъ своихъ личныхъ чувствъ и мыслей". Въ обществѣ было широко распространено мнѣніе, что Протопоповъ зараженъ "маніей величія", что на него временами "накатываетъ", что онъ психически ненормаленъ, что въ дѣлѣ онъ диллетантъ, лишенный не только государственнаго, но и просто здраваго смысла. Все это Протопоповъ зналъ. Онъ не былъ тѣмъ человѣкомъ, которому "начхать съ высокаго дерева" на общественное мнѣніе, на всѣ сплетни, издѣвательства и насмѣшки. Онъ былъ чувствителенъ, самолюбивъ, и потому болѣзненно переживалъ гудѣвшую вокругъ его имени травлю. Даже въ составѣ министровъ онъ чувствовалъ недоброжелательство къ себѣ. Нелюбовью къ полиціи были заражены очень многіе, если не всѣ. Черезъ четыре мѣсяца пребыванія на посту, онъ сталъ больнымъ человѣкомъ. Къ революціи онъ подошелъ съ надорванной волей.

Въ эти дни министры сходились, бесѣдовали о событіяхъ, обмѣнивались впечатлѣніями, сѣтовали по поводу того, что "кабинетъ не можетъ поладить съ Думой, потому что Дума не хочетъ ладить съ нимъ", выслушивали доклады Глобачева, Хабалова и Протопопова, высказывали различныя мнѣнія и, не принимая никакихъ рѣшеній, расходились, чтобы затѣмъ снова собраться. Это была "дѣятельность" машины на "холостомъ ходу". Въ отвѣтственный часъ исторіи, когда звонокъ пробилъ сигналъ революціи, господа министры сразу выпустили руль управленія. Тянули, "кто въ лѣсъ, кто по дрова". Покровскій говорилъ, что "съ Думой работать нужно и требованія ея принять нужно", — Протопоповъ, Добровольскій и Раевъ считали, что Думу надо "разогнать". Протопоповъ говорилъ, что "безпорядки слѣдуетъ прекратить вооруженной силой", а на-смерть перепуганные ми-

нистры кричали: "Что вы, что вы, стрѣлять по народу"... Арестъ Рабочей группы, произведенный Протопоповымъ безъ вѣдома министровъ, привелъ ихъ въ ужасъ и дрожь.

— Васъ смущаетъ этотъ арестъ. Онъ былъ необходимъ. Мы еще, слава Богу, не толстовцы. Непротивленіе злу не входитъ въ правительственную систему управленія. Вы говорите о нашихъ ближнихъ, о малыхъ сихъ. Это очень великодушно и похвально. Но эти малые охотно перегрызутъ вамъ горло и не только не будутъ сокрушаться по этому случаю, но будутъ торжествовать и похваляться геройствомъ"...

Событія все сильнѣе разгорались, ширился ихъ масштабъ, увеличивалось число бастующихъ рабочихъ, увеличивалась дерзость толпы. Государь приказалъ Хабалову "прекратить въ столицѣ безпорядки, недопустимые въ тяжелое время войны съ Германіей и Австріей". Надо было, наконецъ, на что-то рѣшиться. Приказъ Государя смутилъ министровъ и подтолкнулъ ихъ. На частномъ совѣщаніи у Голицына постановили распустить Думу и ввести осадное положеніе.

Увы, эти мѣры были уже ни къ чему. Ихъ приняли слишкомъ поздно, моментъ былъ упущенъ. Сбылось крылатое петровское изреченіе: "Промедленіе смерти безвозвратной подобно". Бездѣйствіе власти привело къ ея крушенію.

5.

> ... «Въ центрѣ разговоровъ стояла опять-таки Дума. Родзянко разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что къ нему неоднократно обращались представители высшаго общества съ заявленіями, что Дума должна спасти Россію. Сложилась легенда, что предсѣдатель Думы при содѣйствіи гвардейскихъ офицеровъ и англійскаго посла Бьюкенена подготовляетъ дворцовый переворотъ. Генералъ Крымовъ въ началѣ января устроилъ свиданіе съ членами Думы у Родзянко и указавши, что, по мнѣнію арміи, безъ перемѣны курса не можетъ быть побѣды, заявилъ: «Настроеніе арміи таково, что всѣ съ радостью будутъ привѣтствовать извѣстіе о переворотѣ»...
>
> (Милюковъ. «Россія на переломѣ»).

Родзянко имѣлъ представительную, сановитую внѣшность. Онъ былъ высокъ ростомъ, плотенъ, могучъ, какъ дубъ. У него было выразительное, властное, крупное лицо съ высокимъ лбомъ, съ крупнымъ орлинымъ носомъ, съ твердымъ подбородкомъ, окаймленнымъ сѣдой бородкой клинушкомъ. Во всей фигурѣ была видна порода и кровь стариннаго дворянскаго рода. Взглядъ былъ по-стариковски сухъ, холоденъ; полосу сентиментальности онъ уже давно миновалъ. Что-то внушительное было въ выраженіи и въ чертахъ его лица; можетъ быть оттого, что чувство-

валъ монументальную важность своей политической роли. Костюмъ изъ дорогой матеріи свободно облегалъ его массивное тѣло. Въ толпѣ онъ замѣтно выдѣлялся и производилъ впечатлѣніе.

Въ руководящихъ кругахъ Думы Родзянку не считали своимъ, не считали умнымъ, не считали способнымъ широко и всесторонне обнимать сущность происходящихъ событій. Имъ откровенно и безцеремонно пользовались, какъ тараномъ, направляя его удары въ сторону ненавистнаго самодержавія. За спиной, среди своихъ, Милюковъ иронически высмѣивалъ "боевое увлеченіе Родзянки ролью Предсѣдателя Думы". Онъ отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ, который "отъ широкихъ общественныхъ и политическихъ теченій стоялъ далеко" и вслѣдствіе этого дѣлалъ "невольныя упрощенія, недоступной ему, стороны картины и преувеличенія силы факторовъ, доступныхъ его наблюденію"...

Родзянко былъ честолюбивъ. Знаки вниманія и почета кружили ему голову; лесть ласкала его чувства. Съ того момента, какъ онъ сталъ Предсѣдателемъ Думы, онъ возмечталъ и возомнилъ о себѣ необыкновенно. Избраніе подняло его на очень большую высоту: онъ имѣлъ право личнаго доклада у Государя, его имя стало извѣстно не только въ Россіи, но и за-границей. Атмосфера Думы, вліяніе общественныхъ страстей, парламентскіе дебаты, большая политика, — все это кружило ему голову. Ловкіе политическіе интриганы скоро сумѣли сдѣлать его "своимъ", сумѣли убѣдить его въ томъ, что на него легла огромная задача — вывести Россію изъ тупика. Родзянкѣ внушали, что русскій парламентаризмъ — не настоящій, что самодержавная монархія отжила свой вѣкъ, что Царь смотритъ на Россію, какъ на свою вотчину.

Постепенно онъ усвоилъ убѣжденіе, что на немъ лежитъ обязанность не только указывать Государю на ошибки и недочеты въ управленіи, но также и поучать Царя, указывать Ему на его личныя ошибки и промахи и побуждать къ исправленію таковыхъ. Родзянкѣ внушили, что не всегда царская власть была самодержавной, что было время, когда съ Царемъ засѣдала Боярская Дума, что первые Романовы не разъ созывали Земскіе Соборы. Усвоивъ эту мысль, онъ пересталъ видѣть въ Царѣ тотъ единственный, самодовлѣющій источникъ власти, на которомъ держалась вся Россія, послѣ эпохи Смутнаго Времени.

А ко всему этому примѣшалась несчастная исторія рокового человѣка Григорія Распутина. Она больше всего повліяла на Родзянку, на его отношенія къ Царю и въ особенности къ Царицѣ. О "мистическомъ кругѣ" говорили всѣ, говорили вездѣ, говорила постоянно дома его жена. Оба Родзянки ненавидѣли Царицу жгучей ненавистью. Жена ненавидѣла еще больше, чѣмъ мужъ.

Она внушала Родзянкѣ фанатическую непримиримость. Вмѣстѣ съ мужемъ она дѣлала политику. Она писала направо и налѣво негодующія письма. Въ одномъ изъ нихъ, къ княгинѣ З. Юсуповой, она сообщала:

"Всѣ назначенія, перемѣны, судьба Думы, мирные переговоры, — въ рукахъ сумасшедшей нѣмки, Распутина, Вырубовой, Питирима и Протопопова...

"Несмотря на весь окружающій насъ мракъ, я твердо вѣрю, что мы выйдемъ побѣдителями, какъ въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, такъ и съ внутреннимъ. Не можетъ Святая Русь погибнуть отъ шайки сумасшедшихъ и низкихъ людей; слишкомъ много пролито благородной крови за славу и честь Россіи, чтобы дьявольская сила взяла верхъ"...

Оба Родзянки горѣли предѣльной любовью къ Россіи. Ихъ патріотизмъ былъ внѣ всякихъ сомнѣній. Но ненависть, овладѣвшая ихъ сердцами, затуманила разумъ, заслонила дѣйствительность и они съ яростнымъ ожесточеніемъ рубили сукъ, на которомъ держалась Россія и сидѣли сами. Ненависть, какъ и любовь, обладаетъ могущественной силой. Она ослѣпляетъ умственное зрѣніе и обостряетъ чувства. За этой черной страстью Родзянки уже ничего больше не видѣли, кромѣ Распутина и "мистическаго круга"; не видѣли — огромнаго прогресса, который въ царствованіе Императора Николая II шелъ гигантскими шагами во всѣхъ областяхъ жизни, не замѣтили, какъ развивалась имперія.

— Ахъ, какое это несчастіе, какое несчастіе, — повторялъ Родзянко не разъ, тяжело, по-стариковски, вздыхая, и хлопая себя по ляжкамъ. — Скандалъ на весь міръ... Стыдобушка всесвѣтная...

Съ такими чувствами и настроеніями Родзянко подошелъ къ порогу революціи. Онъ былъ убѣжденъ, какъ невинный младенецъ, что въ приходѣ ея, онъ, Родзянко, не виноватъ ни слухомъ, ни духомъ, что она пришла, какъ нѣчто неизбѣжное, стороннее и независимое, и что настоящимъ виновникомъ ея является только Царь и его окруженіе.

Когда ему сообщили о начавшихся голодныхъ безпорядкахъ, онъ взволнованно, съ чувствомъ горечи, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ нескрываемымъ, откровеннымъ злорадствомъ, сказалъ сокрушенно:

— Довели!.. Вотъ теперь пусть пожинаютъ плоды. Сколько разъ я говорилъ Царю и предупреждалъ его: плохо это кончится. Меня не послушали...

Родзянко сыгралъ трагическую роль. Онъ видѣлъ сучокъ въ глазу брата, но не видѣлъ бревна у себя. Это бревно онъ не увидѣлъ до самаго послѣдняго рокового момента. Увлекаясь рокомъ, онъ не прозрѣлъ и тогда, когда уже гудѣлъ и пылалъ пожаръ. Борьба съ Царемъ и его Правительствомъ продолжалась. Ни одного человѣка не нашлось въ Думѣ, который бы въ эти

страшные дни крикнулъ громкимъ голосомъ: "Стой! Впереди Опасность. Назадъ!" О нѣтъ, въ Думѣ лились рѣчи страстныя, полныя пафоса и негодованія. Отъ такихъ рѣчей мертвый встрепенется и самый ледяной человѣкъ полѣзетъ на стѣну.

Воспламененный этими рѣчами, французскій политическій журналистъ послалъ въ Парижъ краснорѣчивую телеграмму: "Вотъ что привело къ революціи. Нищета огромных массъ населенія, остававшагося въ невѣжествѣ и въ грязи. Взятки и лихоимство сверху до низу. Абсолютная власть центра распутнаго, развратнаго и слабаго. Скандалъ при Дворѣ. Измѣна Военнаго Министра. Провокаторская работа Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Безпорядокъ публичный и частный. Все это неуклонно революціонировало духъ народа. Анархія транспорта и начавшійся голодъ сдѣлали все остальное"...

Родзянко проявлялъ въ эти дни несвойственную ему горячую, даже кипучую, дѣятельность. Начавшіеся безпорядки вывели его изъ привычной, спокойной, размѣренной колеи. Событія сразу понеслись, закружились, замелькали и вмѣстѣ съ ними понесся онъ въ невѣдомую даль. Отяжелѣвшій, толстый, упитанный человѣкъ съ одышкой, съ высокимъ давленіемъ крови, онъ какъ-то вдругъ преобразился, почувствовалъ какую-то юношескую пылкость и легкость. Онъ предсѣдательствовалъ въ Думѣ, совѣщался съ лидерами политическихъ партій, велъ переговоры съ министрами, говорилъ по телефону и безъ телефона, выслушивалъ доклады и сообщенія, обсуждалъ, прислушивался, и въ промежутки ѣздилъ по городу и наблюдалъ за движеніемъ мятежныхъ толпъ.

Сочувствовалъ ли Камергеръ Его Величества начавшимся безпорядкамъ? Осуждалъ ли онъ людей, поднявшихся на бунтъ въ періодъ тяжелой войны? Пытался ли онъ какимъ-либо способомъ остановить событія, чреватыя трудными и огромными послѣдствіями для Россіи? Тушилъ ли онъ пожаръ? — Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Мысли Родзянко бѣжали по запутаннымъ, кривымъ, извилистымъ дорогамъ. Онъ не сочувствовалъ безпорядкамъ, но и не осуждалъ безчинствующій народъ; онъ не помогалъ непосредственно бунтующихъ, но не принималъ никакихъ мѣръ, хотя бы идейнаго порядка, къ тушенію пожара. Крикъ о хлѣбѣ Родзянко своеобразно воспринималъ, какъ крикъ о недовѣріи къ власти, какъ требованіе ея устраненія.

— Зачѣмъ Вы проливаете кровь? — спросилъ онъ у Хабалова, послѣ первой огневой вспышки на Невскомъ.

— Затѣмъ, что войска не могутъ быть мишенью для мятежниковъ и должны отвѣчать на выстрѣлы.

— Но вѣдь говорятъ, что бомбу бросилъ городовой.

— Господинъ Предсѣдатель Думы, Вы знаете не хуже меня, что бомбы до сихъ поръ бросали только революціонеры...

— Подайте въ отставку, — сказалъ Родзянко Голицину. — Уйдите отъ власти. Вы видите, что васъ ненавидятъ. Эти безпорядки произошли по Вашей милости. Правительство, Вами возглавляемое, проявило полную неспособность организовать страну для войны и побѣды. Вамъ никто не довѣряетъ. Уйдите отъ власти, чтобы не довести Россію до разгрома, позора и гибели. Уступите мѣсто тѣмъ, за которыми пойдетъ страна къ свѣтлому будущему, — тѣмъ, кому страна вѣритъ.

— Михаилъ Владимировичъ, позвольте мнѣ Вамъ сказать откровенно и не въ обиду. Мнѣ кажется, что Вы и Ваши единомышленники немного увлекаетесь; Вы слегка страдаете чувствомъ излишняго самомнѣнія и самоувѣренности, — отвѣтилъ съ тонкой, едва замѣтной усмѣшкой, старый князь. — Та чернь, которая нынѣ бунтуетъ, врядъ ли кому-нибудь изъ насъ повѣритъ. Напрасно Вы такъ крѣпко полагаетесь на ея любовь. Я очень сомнѣваюсь, чтобы ее особенно интересовали политическіе вопросы въ Вашей редакціи.

Князь замолчалъ, опершись на руку, согнутую въ локтѣ. По лицу его пробѣжала тѣнь. Очевидно, какая-то тайная забота омрачила красивыя, благородныя черты. Умные, спокойные глаза устало смотрѣли въ одну точку. Можетъ быть думалъ: "все рушится"...

Когда они прощались, уже въ дверяхъ, князь сказалъ Родзянкѣ:

— Михаилъ Владимировичъ, мы съ Вами старики. Когда за плечами седьмой или восьмой десятокъ, поздно увлекаться. Не забудьте, что "старость ходитъ осторожно и осмотрительно глядитъ". А что касается суда исторіи, которымъ Вы меня припугнули, то я Вамъ напомню притчу о мытарѣ и фарисеѣ. До свиданія.

Родзянко, выйдя отъ князя, задумался надъ его словами, но они его не убѣдили. Россія будетъ жить и не погибнетъ. Та перемѣна, которой добивается Дума и осуществленія которой желаетъ, какъ ему казалось, весь народъ, только укрѣпитъ государство. Кончится правительственная свистопляска, прекратится вліяніе тайныхъ силъ и Россія возродится. Обновленная страна объединится и сольется въ одномъ общемъ могучемъ усиліи и двинется побѣднымъ маршемъ впередъ къ свѣтлому будущему, къ новой жизни.

Рано утромъ 26 февраля Родзянко послалъ Государю въ Ставку свою первую телеграмму.

"Народныя волненія, начавшіеся въ Петербургѣ, принимаютъ стихійный характеръ и угрожающіе размѣры. Основа ихъ — недостатокъ печенаго хлѣба и слабый подвозъ муки, внушающій панику, но главнымъ образомъ, полное недовѣріе къ власти, неспособной вывести страну изъ тяжелаго положенія. На этой почвѣ, несомнѣнно, разовьются событія, сдержать которыя можно

будетъ временно цѣною пролитія крови мирныхъ гражданъ, но которыхъ при повтореніи сдержать будетъ невозможно. Движеніе можетъ переброситься на желѣзныя дороги, и жизнь страны замретъ въ самую тяжелую минуту...

Правительственная власть находится въ полномъ параличѣ и совершенно безсильна возстановить порядокъ... Государь, спасите Россію; ей грозитъ униженіе и позоръ. Война при такихъ условіяхъ не можетъ быть побѣдоносно окончена, такъ какъ броженіе распространилось уже на армію и грозитъ развиться, если безначалію и безпорядку власти не будетъ положенъ рѣшительный конецъ.

Государь! Безотлагательно призовите лицо, которому можетъ вѣрить вся страна, и поручите ему составить Правительство, которому будетъ довѣрять все населеніе. За такимъ Правительствомъ пойдетъ вся Россія, одушевившись вновь вѣрою въ себя и своихъ руководителей. Въ небывалый по ужасающимъ послѣдствіямъ и страшный часъ иного выхода нѣтъ и медлить невозможно".

Въ этотъ день Родзянко видѣлъ какъ по льду Невы широкой лавой шли толпы. Опершись на палку, онъ стоялъ у берега, небритый, сумрачный, и что-то холодное, тревожное пробѣгало въ груди. Пристальнымъ взоромъ онъ смотрѣлъ на двигавшуюся вдали массу. Отъ переносицы къ высокому лбу поднимались рѣзкіе, крутые изломы. Тяжелыя складки ослабѣвшей, старой кожи свисали надъ глазами, подъ которыми бороздили глубокія морщины. Губы были плотно сжаты. Все выраженіе лица было суровое, рѣзкое и властное. Онъ напряженно думалъ, и это было сразу видно.

Родзянко не скоро очнулся. Черная лавина людей приковывала его вниманіе, а въ мозгу шла своя независимая работа. Онъ вспоминалъ и мысленно перечитывалъ телеграмму, посланную Царю; она казалась ему дѣльной, убѣдительной и горячо написанной. Онъ думалъ о событіяхъ, которыя поставили его передъ роковыми рѣшеніями; онъ думалъ о страшной загадкѣ: къ какимъ берегамъ приведутъ эти событія. Онъ не чувствовалъ особой близости къ массамъ; зналъ, что и самъ для нихъ чужой. Но судьбу свою связалъ съ бунтовщиками и уже нѣтъ возврата назадъ.

— Совсѣмъ какъ черва ползетъ, — сказалъ кто-то вблизи.

Родзянко повернулъ голову. Рядомъ съ нимъ на пустынной набережной остановился человѣкъ изъ народа; быть можетъ мастеровой, мелкій лавочникъ или бакалейный приказчикъ. Въ другое время Родзянко не сталъ бы разговаривать, но сейчасъ его потянуло, какъ Гарунъ-аль-Рашида, узнать, какъ относятся къ событіямъ эти простые люди, именемъ которыхъ пользуются всѣ политическіе дѣятели и онъ въ томъ числѣ.

— Скажи, братецъ, что ты думаешь вотъ по поводу этихъ... — Родзянко хотѣлъ было сказать безпорядковъ, но остановился; ему показалось, что этого говорить нельзя, и онъ добавилъ: — вотъ этихъ народныхъ волненій? — Онъ кивкомъ головы указалъ въ сторону переходившихъ.

— Что мы можемъ сказать, баринъ. Вамъ навѣрно, виднѣе. Отецъ мой всегда говорилъ: "Бога бойся, сынокъ, Царя чти, властямъ повинуйся"...

— А если власти ни къ чорту, — перебивая, съ гнѣвомъ выкрикнулъ Родзянко.

— Ну, баринъ, да вѣдь и на это есть текстъ изъ Священнаго Писанія. "Нѣсть власти аще не отъ Бога". А если каждый изъ насъ начнетъ осуждать начальство, то какой же выйдетъ толкъ?..

— Къ чорту съ твоими разсужденіями, — побагровѣвъ, раздраженно, закричалъ Родзянко и прибавилъ презрительно: — Псалмопѣвецъ. Кутья подлая...

Родзянко круто повернулся и пошелъ прочь. А человѣкъ изъ народа съ удивленіемъ и недоумѣніемъ смотрѣлъ на высокую, плотную фигуру въ черномъ пальто съ бобровымъ воротникомъ, и не понималъ, почему такъ разозлился богатый, важный баринъ.

До полудня было спокойно. Воскресенье — законный день отдыха. Пролетаріатъ, потрудившійся въ предыдущіе три дня во славу революціи, на время почилъ отъ безчинственныхъ дѣлъ своихъ. Котелъ закипѣлъ къ четыремъ часамъ, когда въ центральной части столицы снова стали собираться толпы. Большая масса двигалась по Невскому, огромное скопище направлялось по Лиговской улицѣ. чернѣла снова Знаменская площадь, и съ занесеннаго снѣгомъ массивнаго, тяжелаго памятника Александру III ораторы произносили зажигательныя рѣчи. Какъ будто горящія головешки кто-то швырялъ по столицѣ.

Въ этотъ день у Родзянки чувства натягивались, какъ струны, — все выше и туже. Когда онъ услышалъ залпы, по тѣлу пробѣжалъ ознобъ. Сердце сжалось, точно сдавила его невидимая рука; въ волненіи онъ вызвалъ генерала Бѣляева — военнаго министра.

— Ваше Превосходительство, что же это такое, — на улицахъ стрѣляютъ... Мало пролито крови, мало позору; вѣдь это несчастіе, ужасъ... Что вы дѣлаете?!..

— А какія мѣры противъ бунтовщиковъ Вы предложили бы намъ, Михаилъ Владимировичъ? — почти насмѣшливо спросилъ Бѣляевъ. — Можетъ быть, мы имъ послѣдуемъ, если они чудодѣйственно и безкровно заставятъ мятежниковъ спокойно разойтись по домамъ?

— Я совѣтую Вамъ разсредотачивать скопленія людей съ помощью пожарныхъ. Скажите объ этомъ Хабалову.

— Эта мѣра ничего не дастъ. Она только возбуждаетъ... По-

ливать боунтовщиковъ водой, — это лить на мельницу революціи. Увы, противъ бушующей улицы есть одно лишь дѣйствительное средство: патроны.

— Но убивать безоружныхъ людей, господинъ Военный министръ, преступно, преступно, преступно...

Родзянко точно сорвался съ нарѣзовъ и кричалъ въ телефонную трубку, весь багровѣя.

— Власть, изжившая себя, власть, неспособная накормить голодныхъ людей, — можетъ ихъ только разстрѣливать...

— Я это уже слышалъ. Я знаю Ваше мнѣніе и мнѣніе Вашихъ друзей. Когда изъ-за угла подло убиваютъ полицейскихъ и солдатъ, — это героизмъ; а когда стрѣляютъ по бунтовщикамъ, — это звѣрство. На улицахъ, господинъ Предсѣдатель Государственной Думы, царствуетъ демагогія, которая увлекаетъ дикія, темныя, анархическія массы къ учиненію бунта. Коноводитъ — уголовный элементъ. Все это можетъ кончиться хаосомъ и крахомъ. Я позволю себѣ Васъ спросить: что сдѣлала Дума, чтобы прекратить вредныя для государства волненія, чтобы избавить насъ отъ тяжелой необходимости стрѣлять? Вѣдь обязанность Думы не только критиковать, издавать новые законы, но также исполнять законы существующіе.

Родзянко закричалъ въ отвѣтъ:

— Я ищу возможности смягченія происходящихъ событій, а Вы ихъ разжигаете...

— Въ этомъ можно усомниться. Достаточно вспомнить рѣчи Керенскаго и Чхеидзе. Вы проявляете странное непротивленіе злу. Больше, чѣмъ однобокое. Вы повернулись лицомъ въ сторону революціи и заняли непримиримую позицію въ отношеніи Правительства. Мужъ государственный, мужъ благоразумный и справедливый на совѣтъ нечестивыхъ не идетъ, съ грѣшными не якшается и съ губителями Родины не сидитъ вмѣстѣ...

Родзянко весь налился кровью. Онъ бросилъ трубку, схватилъ ее опять и закричалъ въ приливѣ злобы: — Я съ Вами не буду больше разговаривать... — Онъ снова порывисто бросилъ трубку и быстрыми шагами забѣгалъ по обширному кабинету.

Вечеромъ проворный, всезнающій и вездѣсущій думскій журналистъ (былъ такой у Родзянко освѣдомитель и борзописецъ), докладывая ему о происшествіяхъ дня, сообщилъ о бунтѣ въ запасномъ баталіонѣ Л.-Гв. Павловскаго полка. Взбунтовалась четвертая рота эвакуированныхъ солдатъ.

— Это было замѣчательно революціонно. Представьте огромную массу солдатни съ разгоряченными, свирѣпыми лицами, воодушевленныхъ идеей Освободительнаго Движенія, которые вылетѣли изъ казармъ и какъ вихрь понеслись къ площади храма Воскресенія. На бѣгу, они стрѣляли въ воздухъ, кричали новыя

завѣтныя слова о землѣ и свободѣ, о волѣ и мирѣ. Я слышалъ также голоса: "Да здравствуетъ Государственная Дума".

На площади, гдѣ стояли войска, они потребовали прекращенія стрѣльбы и увода всѣхъ въ казарму. А потомъ сами открыли стрѣльбу по взводу конно-полицейской стражи. Этотъ моментъ былъ самый необыкновенный. Какъ будто воздухъ ловилъ ихъ слова и крики. Восторгъ народа былъ полный; многіе плакали и цѣловались съ солдатами.

Журналистъ не захотѣлъ портить великолѣпнаго впечатлѣнія и умолчалъ о послѣдующемъ, но Родзянко самъ спросилъ:

— А что же было потомъ?

— Потомъ? Ну потомъ пришелъ баталіонный командиръ и полковой священникъ, начали солдатъ стыдить уговаривать и грозить. Предложили имъ вернуться в казармы, сдать оружіе и выдать зачинщиковъ.

— Ну и что же? вернулись? выдали? — нетерпѣливо спросилъ Родзянко.

— Да, вернулись, но не всѣ; двадцати одного человѣка всетаки не досчитались; а выдали девятнадцать человѣкъ...

Вечеромъ Родзянко, возвратившись домой, усталый, но возбужденный, нашелъ у себя на квартирѣ слѣдующій указъ:

"На основаніи статьи 99 Основныхъ Государственныхъ Законовъ, Повелѣваемъ: занятія Государственной Думы прервать съ 26-го февраля сего года и назначить срокъ ихъ возобновленія не позднѣе апрѣля 1917 года, въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе".

Какъ буйно помѣшанный, Родзянко закричалъ голосомъ раненаго человѣка и бѣшено ударилъ со всего маху кулакомъ по столу.

— Они безумцы, безумцы! Устранить единственный оплотъ порядка, устранить сейчасъ Думу, — надо не имѣть головы на плечахъ...

— Миша, Михаилъ Владимировичъ, успокойся, — сказала встревоженная жена. — Тебѣ вредно волноваться...

— Да какъ же не волноваться? Устранить Думу въ самый роковой моментъ...

Родзянко долго потомъ сидѣлъ въ креслѣ, мучительно обдумывая новое для него положеніе. На лбу выдѣлялись рѣзкія морщины, а съ боковъ глазъ чернѣли налившіяся вены. Вопросъ былъ сложный и страшный. Рѣшить его надо было теперь же, не медля и не откладывая. Отъ того рѣшенія, которое приметъ онъ и Дума, будетъ безповоротно зависѣть судьба Россіи и судьба его лично. Обстановка не предоставила никакой лазейки для третьяго рѣшенія, Завтра будетъ уже другой Родзянко, — тотъ ли, который подчинился Царю въ моментъ, когда быть мо-

жетъ такъ была близка желанная побѣда, или другой — Родзянко бунтовщикъ, ослушникъ и измѣнникъ.

— Миша, какъ же ты думаешь поступить? — спросила жена. — Давай посовѣтуемся. Твоя судьба — моя судьба; вмѣстѣ шли, вмѣстѣ пойдемъ до конца, что бы ни предстояло впереди. Телеграфируй Царю; объясни ему положеніе, настаивай на принятіи немедленныхъ рѣшеній; скажи ему, что насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и династіи. Пиши Алексѣеву, Брусилову и Рузскому — проси ихъ поддержать твои требованія передъ Царемъ.

Спокойный, ласковый, дружескій тонъ жены подѣйствовалъ на Родзянко успокоительно. Насталъ моментъ какой-то нравственной реакціи. Старикъ сердечно поцѣловалъ руку жены и началъ писать. Было уже за полночь.

Въ понедѣльникъ 27 февраля утромъ Родзянко послалъ телеграмму:

"Занятія Государственной Думы указомъ Вашего Величества прерваны до Апрѣля. Послѣдній оплотъ порядка устраненъ. Правительство совершенно безсильно подавить безпорядокъ. На войска гарнизона надежды нѣтъ. Запасные баталіоны гвардейскихъ полковъ охвачены бунтомъ. Убиваютъ офицеровъ. Примкнувъ къ толпѣ и народному движенію, они направляются къ дому Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Государственной Думѣ. Гражданская война началась и разгорается.

"Повелите, Государь, немедленно призвать новую власть на началахъ, доложенныхъ мною Вашему Величеству во вчерашней телеграммѣ. Повелите въ отмѣну Вашего Высочайшаго указа вновь созвать законодательныя палаты. Возвѣстите безотлагательно эти мѣры Высочайшимъ манифестомъ.

"Если движеніе перебросится въ Армію, восторжествуетъ нѣмецъ, и крушеніе Россіи, а съ ней и династіи, неминуемо. Отъ имени всей Россіи прошу Ваше Величество объ исполненіи изложеннаго. Часъ, рѣшающій судьбу Вашу и Родины, насталъ. Завтра, можетъ быть, уже будетъ поздно".

Въ тотъ же день Родзянко написалъ Рузскому. Онъ нарисовалъ ему мрачную картину. Изложивъ обстоятельства бунта, онъ, ко всему прочему, добавилъ то, что, по его мнѣнію, должно было воздѣйствовать на психику Главнокомандующаго.

"Движеніе можетъ переброситься на желѣзныя дороги, и жизнь страны замретъ въ самую тяжелую минуту. Заводы, работающіе на оборону въ Петроградѣ, останавливаются за недостаткомъ топлива и сырого матеріала; рабочіе остаются безъ дѣла, и голодная, безработная толпа вступаетъ на путь анархіи, стихійной и неудержимой. Желѣзнодорожное сообщеніе по всей Россіи въ полномъ разстройствѣ. На югѣ, изъ 63 доменныхъ печей работаютъ только 28, ввиду отсутствія подвоза топлива и необходи-

маго матеріала. На Уралѣ изъ 92 доменныхъ печей остановилось 44, и производство чугуна, уменьшаясь изо дня въ день, грозитъ крупнымъ сокращеніемъ производства снарядовъ.

"Населеніе, опасаясь неумѣлыхъ распоряженій власти, не везетъ зерновыхъ продуктовъ на рынокъ, останавливая этимъ мельницы, и угроза недостатка муки встаетъ во весь ростъ передъ арміей и населеніемъ.

"Правительственная власть находится въ полномъ параличѣ и совершенно безпомощна возстановить нарушенный порядокъ. Россіи грозитъ униженіе и позоръ, ибо война при такихъ условіяхъ не можетъ быть побѣдоносно окончена"...

6.

«За Невой-рѣкой широкой
Змѣй-Горынище лежалъ.
Сто головъ у злого змѣя,
Сто кровавыхъ острыхъ жалъ.
Я на змѣя вышелъ въ поле.
Али мнѣ себя беречь?
И — въ чешуйчатое брюхо
Угодилъ мой вѣрный мечъ»...
(А. Амфитеатровъ).

"БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ" — слова, которыя перестали волновать сердце такъ называемаго "передового" русскаго общества и вмѣстѣ съ нимъ городской черни. Они стали ненавистны для нихъ. Царь православный превратился въ ихъ представленіи въ того страшнаго "змѣя-горыныча", которымъ пугали дѣтей въ сказкахъ. Сто лѣтъ твердили, что этого кроваваго змѣя надо устранить и уничтожить. И вотъ поднялся вѣтеръ революціи.

День 27-го девраля былъ пасмурный, тусклый. Большими хлопьями мягко падалъ снѣгъ. Дали заволакивала бѣлесая, мутная пелена. Все было бѣло, торжественно, призрачно и какая-то особая, почти сказочная, таинственная красота стояла надъ запорошеннымъ сѣвернымъ — полнощнымъ городомъ.

Рано утромъ на перекресткѣ полупустынныхъ улицъ въ отдаленной части, на Выборгской сторонѣ, раздался долгій пронзительный свистъ. За нимъ послѣдовало трехголосое тріо, — громкій, протяжный крикъ съ растяжкой на послѣднемъ звукѣ: "Го-го-г-о-о". А потомъ снова зазвучалъ призывный свистъ.

Три парня, два въ черныхъ поддевкахъ, одинъ въ коричневомъ кожаномъ пальто, въ сапогахъ съ короткими порыжѣлыми голенищами, въ шерстяныхъ, сплющенныхъ спереди, каскеткахъ, съ красными вязанными шарфами на шеѣ, приложивъ пальцы къ губамъ, раздувая щеки, усердно свистѣли на весь кварталъ. Вдали,

въ тусклой, снѣжной перспективѣ улицы, появились новыя группы свистуновъ. "Го-го-го" отозвалось оттуда и понеслось дальше.

Изъ воротъ и подворотень, изъ заснѣженныхъ домовъ и домиковъ, изъ подваловъ и чердаковъ — начали появляться черныя фигуры. Скоро широкая бѣлая улица почернѣла отъ множества людей. Тысячи мужчинъ, женщинъ, мальчишекъ и дѣвченокъ соединились, сгрудились, составили какъ бы одно существо, имя коему толпа.

Въ это время на патронномъ заводѣ у Невы зловѣще выли сирены. Туда со всѣхъ сторонъ спѣшили изъ Полюстрово и Охты новыя толпы рабочихъ. На перекресткахъ къ идущимъ присоединялись другія мятежныя сборища. Черная масса росла, множилась и нестройной лавиной двигалась впередъ.

"И чернѣли, какъ тучи, толпы людей,
И, какъ тучи, сшибались толпы съ толпами,
И, какъ въ тучахъ, въ толпахъ гремѣлъ громъ,
И сверкали молніи смерти.
И — распластавшись надъ городомъ
Желтымъ, отвислымъ брюхомъ,
Какъ старый, голодный паукъ, —
Хохотала и выла въ тысячу пастей
Тысячеголовая ненависть"...

(А. Амфитеатровъ).

Это былъ первый день, когда на улицы столицы вышли многочисленныя народныя массы. Изъ безтолковщины, изъ настойчивыхъ попытокъ проникнуть на Невскій проспектъ и въ центральную часть города, чтобы прокричать тамъ "хлѣба", изъ битья стеколъ и витринъ, изъ валянья трамваевъ и поджоговъ, изъ всего безпорядка первыхъ четырехъ дней, началъ обнаруживаться искаженный злобой, дикій, ощеренный, кроваво-красный призракъ революціи.

"Темныя ночи проходили въ тревогѣ. Въ темныя ночи по ту сторону Невы, въ рабочихъ кварталахъ и на заводахъ бродила жестокая агитація", писалъ въ Парижъ французскій журналистъ — сотрудникъ «l'Illustration». "Силы рабочихъ организуются. Инертность Правительства толкаетъ даже самыхъ боязливыхъ смыкаться вокругъ комитета революціи. Въ тѣ часы, когда массы тѣснѣе сжимаютъ свои ряды и выбираютъ начальниковъ, старый режимъ бездѣйствуетъ. Правительство не знаетъ, что происходитъ подъ покровомъ сѣрыхъ петербургскихъ ночей"...

И дѣйствительно, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ какъ будто не замѣчалъ пожара. Онъ продолжалъ писать успокоительныя бодрыя телеграммы. Въ тотъ вечеръ онъ сообщилъ Воейкову: "...Войска дѣйствовали ревностно... Охраннымъ отдѣленіемъ

арестовано на запрещенномъ собраніи 50 постороннихъ лицъ, 136 партійныхъ дѣятелей и революціонный руководящій коллективъ изъ пяти лицъ... Поступили свѣдѣнія, что 27 февраля часть рабочихъ намѣревается приступить къ работамъ"...

Кто-то невѣдомый, тайный и неуловимый направлялъ движеніе толпъ. Одни съ Выборгской стороны двигались къ казармамъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка; другіе съ Полюстрово и Большой Охты тянулись къ Невѣ, чтобы перейти на лѣвую сторону; третьи шли съ восточныхъ и южныхъ окраинъ для атаки дворцовъ, казармъ, государственныхъ учрежденій и жизненныхъ центровъ.

Путиловцы несли боевыя красныя знамена. На первомъ деревянномъ щитѣ, обтянутомъ кумачомъ, былъ намалеванъ Царь въ коронѣ набекрень, съ видомъ пьянаго удалого молодчика; справа отъ него — толстый жирный митрополитъ, съ плотояднымъ, хитрымъ, елейнымъ лицомъ; слѣва толстякъ въ долгополомъ купеческомъ сюртукѣ, съ цѣпочкой черезъ раскормленный тучный животъ. Подъ рисункомъ стояла надпись: "Царь, попъ и богачъ на плечахъ у трудового народа. Долой Царя! Да здравствуетъ республика!"

Плакатъ несли двое. Маленькій, почти карликъ, на кривыхъ тонкихъ ножкахъ, съ блѣднымъ нездоровымъ лицомъ, съ злыми ненавидящими глазами, съ тонкимъ, поджатымъ сизымъ ртомъ и большими оттопыренными ушами, двадцатидвухлѣтній подмастерье Николай Ежовъ. Другой былъ горбунъ, тоже съ сѣрымъ лицомъ, но съ умными, печальными глазами, съ поданными впередъ острыми плечами, надъ которыми возвышался, какъ безобразная кочка, сдвинутый вправо горбъ.

Когда ихъ снаряжали въ походъ, Іоселевичъ спросилъ:

— Ви не боитесь, товарищи? Ви же будете себѣ сегодня какъ иманинники. На васъ будутъ смотрѣть всѣ народы. Ми васъ возьмемъ въ объективъ. Ну такъ ви же будете первые люди. И ми вамъ заплатимъ, — подмасливалъ Іоселевичъ гортаннымъ голоскомъ.

— Ты не прельщай насъ, жидюга, — съ ненавистью вдругъ крикнулъ Ежовъ, высокимъ, тонкимъ, пискливымъ голоскомъ. — Знаю безъ тебя на что иду, знаю все... Я ненавижу баръ, ненавижу всѣхъ проклятыхъ, потому и иду. Подавись ты, жидъ, своими деньгами.

— Ви не сознательный товарищъ, — нервно сказалъ поблѣднѣвшій, обиженный, Іоселевичъ. — Ви, такъ я себѣ вижу, почти недостойны нести это червленое знама...

— Пошелъ прочь, проклятый жидъ, — взвизгнулъ Ежовъ. Его маленькое, карликовое тѣло затряслось; отъ головы до пятокъ, до послѣняго нерва онъ горѣлъ и дышалъ ненавистью. Эту ненависть вмѣстѣ съ завистью къ богатымъ онъ впиталъ

всѣми частицами скудной, темной души въ темныхъ грязныхъ улицахъ на Лиговкѣ и среди мрачныхъ, закоптѣлыхъ заводскихъ зданій.

27-е февраля принесло роковыя рѣшенія. Примѣръ Павловцевъ подѣйствовалъ заразительно; о немъ передавали изъ устъ въ уста. Ночь, какъ волшебница, подмѣнила солдатъ. Легли съ однимъ настроеніемъ — встали съ другимъ. Лежали скученно, тѣсно на трехъэтажныхъ нарахъ. Стояла духота, — спертый, смрадный воздухъ. Едва мерцали въ углахъ притушенныя лампочки. Изъ темноты несся чей-то горячій, страстный голосъ.

— Сегодня мы стрѣляли по голоднымъ людямъ. Вдумайтесь, друзья, въ эту страшную правду, въ эту проклятую жуть: стрѣляли по голоднымъ людямъ... Мы убивали нашихъ братьевъ за то, что они просили хлѣба, за то, что они голодали, устали на работѣ; за то, что они хотѣли принести хлѣба голоднымъ дѣтямъ. И не принесли. Мы имъ послали пули...

Этотъ невѣдомый, незнаемый, нѣкто въ сѣромъ, можетъ быть солдатъ, можетъ быть спеціальный ораторъ со стороны, говорилъ такъ, такимъ тономъ, съ такой интонаціей, съ такимъ искусствомъ, что каждое слово, какъ игла, вонзалось въ сердце, душило человѣка, жгло все внутри.

— Подумайте, мы стрѣляли въ тѣхъ, кому не хватаетъ больше слезъ, чьи глаза выплаканы, чье сердце изсушено, какъ змѣя гложетъ его тоска, чья жизнь отъ рожденія до могилы — трудъ и горе. Я слышу сейчасъ жалобный дѣтскій плачъ, въ моихъ ушахъ постоянно звенитъ крикъ малютокъ, просящихъ ѣсть: мама, тата, хлѣба, хлѣба...

Въ казармѣ стало напряженнѣе и тише. Глухая ночь и жуткія слова наэлектризовали умы. Чувства стали воспріичивѣе и острѣе. Почудилось, будто говорившій плачетъ.

— Сегодня мы убивали ихъ отцовъ и матерей, — продолжалъ послѣ молчанія ораторъ. — Проклятъ тотъ, говоритъ Писаніе, кто вмѣсто хлѣба подастъ просящему камень...

Рано утромъ учебная команда л.-гв. Волынскаго полка собралась передъ казармами. Это была дисциплинированная, отчетливая, болѣе другихъ подготовленная часть. Наканунѣ вечеромъ солдаты спокойно, съ замѣтнымъ озлобленіемъ, стрѣляли въ рабочихъ на Казанской площади. Сегодня лица ихъ были сумрачны, взглядъ тяжелый и выжидательно злой. Что-то произошло съ ними.

— Не пойдемъ, — завопили они разомъ, когда капитанъ Лашкевичъ подалъ команду къ движенію... — Не пойдемъ... Не желаемъ больше убивать голодныхъ, не желаемъ стрѣлять въ нашихъ братьевъ.

Крикъ былъ изступленный, съ надрывомъ, съ истеріей.

Что-то подкатило къ сердцу и вырвалось въ видѣ безсвязныхъ дикихъ словъ и воплей, какъ звѣриный вой.

Лашкевичъ поблѣднѣлъ. Медленно опустилъ въ кобуру руку и досталъ черный вороненый наганъ.

— Не желаете? — спросилъ онъ хрипло, раздѣльно, почти по слогамъ. — Значитъ военный бунтъ?..

Онъ поднялъ револьверъ. Не то хотѣлъ оружіемъ привести къ повиновенію; не то понялъ, что все кончено и больше не стоитъ жить. Сразу раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Лашкевичъ упалъ впередъ на притоптанный снѣгъ, раскинувъ руки. Кровь брызнула и начала заливать мѣсто подъ уткнувшейся головой.

Въ 7 часовъ командиръ запаснаго баталіона, дрожа отъ волненія, сообщилъ Хабалову по телефону:

— Сейчасъ Начальникъ Учебной Команды Капитанъ Лашкевичъ не то убитъ солдатами, не то самъ застрѣлился передъ строемъ. Взбунтовавшаяся команда самовольно, съ оружіемъ въ рукахъ, двинулась на улицу.

— Приказываю Вамъ обезоружить и вернуть команду въ казармы. О происшествіи я сообщу Военному Министру...

Вслѣдъ за учебной командой на Греческій проспектъ двинулись остальныя роты. Нѣкоторые съ изступленіемъ и энтузіазмомъ кричали о своемъ желаніи присоединиться къ народу. Но масса шла понуро, нерѣшительно, неувѣренно, несмѣло, сбитая съ толку, какъ бы раздавленная грандіозностью событій. Она колебалась была смущена, дрожала отъ страху за свое участіе. Среди нихъ не было офицеровъ. И все происходящее имъ было не по душѣ. Почти противъ ихъ воли ихъ втягивалъ водоворотъ.

Волынцы слились съ толпою рабочихъ, къ нимъ присоединились Литовцы и рота Преображенскаго полка. Съ каждымъ мигомъ мятежное сборище увеличивалось: вливались новые людскіе потоки. Но настоящаго пафоса все-таки не было. Громили казармы жандармскаго дивизіона, разнесли помѣщеніе школы прапорщиковъ инженерныхъ войскъ, а въ настроеніяхъ огромнаго большинства было все то же: колебаніе и страхъ. Не было того безумства, которое обжигаетъ сердце человѣка, когда все нипочемъ, море по колѣно и душа проситъ чего-то огромнаго и стихійнаго.

Восторгъ начался отъ ничтожной и случайной причины. На углу одной изъ улицъ къ головѣ толпы подошелъ неизвѣстный офицеръ, подпоручикъ Георгій Астаховъ и закричалъ высокимъ теноромъ: "Братья, я иду съ вами!" И этого было довольно. Дикое "у р а", какъ буря, внезапно, пронеслось по толпѣ. Какъ будто надо было нажать какую-то кнопку, чтобы вспыхнуло электричество. Загремѣли голоса многихъ тысячъ: "Да здравствуетъ свобода!"

Откуда-то, по комъ-то, можетъ быть, ни по комъ, раздался пулеметный огонь. Люди, еще кричавшіе о свободѣ, метнулись въ дикой паникѣ. Но пулеметный огонь замеръ и толпа снова ободрилась. — Въ Думу, въ Думу... — раздались голоса. Пройдя по Литейному проспекту, свернули на Шпалерную улицу. Впереди шли бабы, помахивая платочками. Сзади кричали: "впередъ, впередъ. Насъ ведетъ офицеръ".

7.

Таврическій дворецъ — это красивая сказка русской исторіи. Сказка о томъ, какъ небогатый, незнатный дворянинъ сталъ любимцемъ великой Екатерины, ея некоронованнымъ супругомъ, какъ онъ превратился потомъ въ блестящаго всесильнаго вельможу и какъ дѣлами своими онъ прославилъ имя свое.

Здѣсь, въ этомъ элегантномъ бѣломъ домѣ съ колоннами не разъ бывала красавица Екатерина; не разъ раздавался ея мягкій, серебристый, грудной смѣхъ, то въ нѣжномъ, страстномъ « tête-à-tête » съ Потемкинымъ, то въ кругу блестящихъ царедворцевъ. Иногда, очень рѣдко, тутъ появлялся великій, непонятый чудакъ, — знаменитый Суворовъ.

Бѣлый дворецъ, построенный Растрелли для свѣтлѣйшаго князя Потемкина, напоминалъ дворцы хановъ въ завоеванномъ Крыму. Издали, съ высоты птичьяго полета, или съ колокольни ближайшаго собора, онъ вмѣстѣ съ огромнымъ садомъ казался бѣлымъ видѣніемъ у синихъ водъ огромной многоводной рѣки. Зрѣлище привлекало взоръ и что-то нѣжное, смутное, позабытое будило въ душѣ восторгъ и вдохновеніе.

Умеръ свѣтлѣйшій князь, умерла въ глубокой старости, пережившая его, рыхлая, уже заживо гнившая, Екатерина, и кончилась неповторимая, прекрасная сказка. Кончился золотой вѣкъ блестящей изъ Царицъ. Дворецъ опустѣлъ, въ холодныхъ нежилыхъ залахъ воцарилось нѣмое молчаніе, исторія перевернула страницу. Остался только памятникъ о славѣ минувшей, о людяхъ вознесшихъ Россію на небывалую высоту. Тотъ, кто крѣпко вѣритъ въ загадочное и таинственное, въ безсмертіе человѣческой души, тотъ можетъ вѣрить, что здѣсь, въ этомъ обширномъ дворцѣ, витаютъ таинственныя тѣни ушедшихъ.

Спустя болѣе ста лѣтъ, въ 1906 году, въ Таврическомъ дворцѣ появились другіе люди, не очень блестящіе, не очень замѣчательные, и не очень сановные. Это были уже не Екатерининскіе орлы. Они принесли съ собой тупую сѣрую тоску, гражданскую скорбь и мечту о безформенномъ поравненіи всѣхъ. Здѣсь засѣдала Дума, говорились рѣчи и утверждался вмѣсто исконнаго самодержавія принципъ торжествующей демократіи. Насту-

пали политическіе сумерки Россіи, близился упадокъ государства.

Засѣданіе Думы, котораго не должно было быть, но которое, тѣмъ не менѣе, состоялось, закончило десятилѣтнюю борьбу Думы съ Царемъ актомъ революціоннаго присоединенія ея къ возникшему бунту.

Когда Родзянко поднялся на предсѣдательское мѣсто и сѣлъ подъ огромнымъ портретомъ Государя съ грустными, какъ на всѣхъ портретахъ, задумчивыми глазами, въ залѣ были заняты почти всѣ мѣста. Родзянко былъ взволнованъ. Помятое, послѣ безсонной ночи, лицо, небритый, отросшій волосъ, и набухшіе подъ глазами мѣшки, — еще болѣе увеличивали впечатлѣніе тревожности его душевнаго состоянія.

Родзянко не опустилъ подбородокъ на согнутыя въ локтяхъ мягкія руки, какъ дѣлалъ обычно, когда спокойно слушалъ рѣчи депутатовъ. Онъ сѣлъ прямо, недвижно, какъ истуканъ. Милюковъ усмѣхнулся и, по привычкѣ къ злословію, шепнулъ Шингареву: "Родзянко кажется проглотилъ аршинъ". Когда въ залѣ воцарилась тишина, Родзянко поднялся — огромный, массивный, суровый, и прочиталъ указъ Государя о роспускѣ Думы.

— Предлагаю считать этотъ указъ мертвымъ письмомъ, — крикнулъ съ мѣста, вскочившій, Милюковъ.

— Мертвымъ... мертвымъ... мертвымъ, — прокатилось эхомъ по всѣмъ кресламъ и замерло въ вышинѣ.

— Предлагаю принять резолюцію, — опять крикнулъ Милюковъ, — "Государственная Дума, заслушавъ докладъ о роспускѣ, постановила перейти къ очереднымъ дѣламъ. Засѣданіе Думы продолжается".

Раздался взрывъ аплодисментовъ и вмѣстѣ съ нимъ многоголосый крикъ: "Продолжается... продолжается... продолжается"...

Обезьяноподобный Чхеидзе съ тоскливымъ, желто-матовымъ лицомъ, занимавшій мѣсто въ лѣвомъ секторѣ, поднялся, худой, тощій, черный и, простирая къ депутатамъ руки, крикнулъ съ надрывомъ и страстью:

"Государственная дума! Ты слышишь на улицѣ крикъ свободы. Ты знаешь, что сегодня насталъ историческій часъ, — часъ великихъ рѣшеній. Крикни и ты громко: "Долой самодержавіе! Долой монархію!"

Какъ безумные, сорвались депутаты лѣваго сектора съ мѣстъ. Они махали руками, что-то вопили изступленно, чего нельзя было разобрать въ поднявшемся гамѣ, стучали ногами, свистѣли и били яростно въ ладоши. Со стороны можно было подумать, что эти люди, подобные бѣсноватымъ, находятся въ состояніи невмѣняемости.

Такъ нѣкогда передъ Лифостротономъ — судилищемъ Пилата — экзальтированная толпа фанатиковъ, при видѣ Человѣка

въ терновомъ вѣнцѣ, бѣснуясь, кричала изступленно: "Распни Его"... И на вопросъ проконсула: "Какое же зло сотворилъ Онъ?", — они еще сильнѣе вопили: "Распни, распни Его"...

Узнавъ о случившемся, Голицынъ приказалъ Хабалову очистить Таврическій дворецъ отъ депутатовъ. Рота Преображенцевъ была послана для исполненія приказа. Когда солдаты вошли въ залъ, Родзянко всталъ, депутаты спокойно продолжали сидѣть. Родзянко понялъ, что насталъ критическій моментъ. Эту схватку съ Правительствомъ надо выиграть, иначе игра закончится плачевно. Онъ напрягъ всѣ силы ума и воли, чтобы рѣшить, что надо сдѣлать, какъ поступить?

Пронеслось мгновеніе, въ теченіе котораго бѣшенно работалъ мозгъ. Тѣло дрожало мелкой дрожью, сердце учащенно билось, внутри томилъ какой-то холодокъ, но ощущеніе тревожности было лишь смутное и затуманенное.

Вспомнилъ ли Родзянко знаменитую фразу Наполеона, сказанную у деревни Лаффрей, когда онъ, послѣ бѣгства съ Эльбы, возвращался въ Парижъ и встрѣтился съ войсками Людовика XVIII, преградившими ему путь, или это произошло случайно, но сцена въ Думѣ сильно напомнила сцену въ Лаффрей.

— Преображенцы, — громко крикнулъ Родзянко. — Я старый офицеръ лейбъ-гвардіи. Привѣтствую васъ нашимъ россійскимъ возгласомъ: "Здорово, молодцы Преображенцы!"

И точно барабанная дробь, въ отвѣтъ сорвался стройный, отчетливый крикъ: "Здравія желаемъ, Ваше Высокопревосходительство!" Крикъ прокатился гулко подъ высокими сводами, по широкимъ корридорамъ и отозвался эхомъ въ Екатерининскомъ залѣ, гдѣ уже гудѣла толпа. Родзянко выигралъ ставку.

Съ того момента, какъ Дума стала на сторону бунта, — бунтъ превратился въ русскую революцію. Произошелъ бракъ по расчету. Дума нуждалась въ народѣ. Ведя длительную борьбу съ Царемъ, она, въ сущности, находилась въ безвоздушномъ пространствѣ; говорила страстныя рѣчи, но не чувствовала опоры подъ ногами. Въ свою очередь мятежный народъ хотѣлъ какъ-то узаконить плодъ любви несчастной. Темнымъ, хитрымъ, звѣринымъ инстинктомъ онъ чувствовалъ необходимость укрыться за кого-то на случай отвѣтственности. При нуждѣ, потомъ, если начальство потянетъ къ отвѣту, можно будетъ сказать, отъ всего отпираясь: "мы люди темные; насъ соблазнили, — а мы што? — мы ничего"...

Когда первая толпа всякаго чина и званія: рабочіе, солдаты, рѣдкіе матросы, студенты, гимназисты, бабы, мальчишки и любопытствующіе, подошли къ Думѣ, къ ней вышелъ, вѣрнѣе стремительно выбѣжалъ, безъ шапки и безъ пальто, Александръ Федоровичъ Керенскій.

Въ его движеніяхъ была порывистость, страстность и возбужденная, какая-то ненормальная суетливость. На немъ прилично сидѣлъ хорошо сшитый черный сюртукъ; бритое, нервное, подергивающееся лицо подпиралъ высокій стоячій, бѣлый, крахмальный воротничокъ въ отвернутыми кончиками; бѣлую крахмальную манишку рубахи украшалъ черный официальный шелковый галстукъ.

— Товарищи, братья и сестры! Первое слово, которое я вамъ скажу...

Керенскій поблѣднѣлъ, захлебнулся, глаза расширились, имъ овладѣлъ экстазъ, по лицу пошли судороги. Похоже было, что онъ близокъ къ припадку эпилепсіи.

— Свобода! — задыхаясь крикнулъ онъ. — Священная свобода. Поколѣнія русскихъ людей жили и умерли съ мечтой о ней. Тысячи и тысячи прошли крестный путь служенія своему народу, вынесли пытки, тюрьмы, ссылки, каторгу и Сибирь — во имя свободы. Братья!.. братья!.. нѣтъ ничего лучше, ничего прекраснѣе, какъ это великое слово... свобода...

Керенскій вздрогнулъ, спазмы стали душить его горло, холодный потъ обливалъ его лицо. Онъ горѣлъ, какъ въ лихорадкѣ, хотя на дворѣ было 14 градусовъ ниже нуля.

Въ отвѣтъ ему раздался страшный крикъ звѣря: “Да здравствуетъ свобода”. Въ воѣ толпы было что-то нечеловѣческое, похожее на звѣриный ревъ, и по широтѣ — на гулъ морскихъ волнъ.

Керенскій началъ говорить о безсмертной идей равенства и братства; о режимѣ, который душилъ и угнеталъ трудовыя массы, и о той новой счастливой жизни, которую народъ теперь завоевалъ.

Впереди на ступенькахъ, ближе къ Керенскому, стоялъ пьяненькій рабочій, добродушный по виду, блаженно улыбающійся и красный отъ опьянѣнія. Онъ смотрѣлъ въ ротъ Керенскому и въ тактъ рѣчи покачивалъ головой.

— Ишь, какъ чешетъ, сукинъ сынъ, — сказалъ онъ одобрительно. Помолчалъ немного, опять заговорилъ.

— Ты это харашо говоришь про тѣхъ, которые трудящійся. Дай я тебя поцалую сукинъ сынъ, въ твои сахарныя уста...

— Замолчи, замолчи, — зашипѣли сосѣди.

— Што? замолчи? Я замолчи, когда слабода? — рыданулъ пьяный.

— Ш-ш-ш-ш, — зашипѣли еще сильнѣе. — Замолчи ты, скотина..

— Ты мнѣ не сипи, а за скатину, я тебѣ въ морду дамъ, — крикнулъ во весь голосъ ближайшему сосѣду. — Ты штоля не слыхалъ, какъ товарищъ антилигентъ сказалъ: “слабода”. Што хочу, то и дѣлаю...

Это былъ первый тріумфъ Керенскаго. Солдаты подхватили

его, трепещущаго и блѣднаго, на руки и высоко подняли надъ головами. Огромная толпа ревѣла. Раздавались крики и возгласы: "Да здравствуетъ свобода; да здрвствуютъ борцы за народъ; да здравствуетъ революція"...

Когда тріумфатора опустили на площадкѣ подъ бѣлыми колоннами, къ нему на шею бросился какой-то штатскій господинъ, обнялъ его, облобызалъ и, истекая восторгомъ, умиленно и подобострастно воскликнулъ: "Тебя, какъ первую любовь, Россіи сердце не забудетъ".

Съ 27февраля Таврическій дворецъ превратился въ вооруженный военный лагерь, — въ главный штабъ революціи. Повсюду, у входовъ и выходовъ, въ коридорахъ и у оконъ на улицу, стояли пулеметы, топорща черные жуткіе стволы. У стѣнъ были сложены ружья и лежали на полу въ деревянныхъ ящикахъ груды патроновъ. Всѣ залы и проходы были полны солдатъ, вооруженныхъ рабочихъ, студентовъ, студентокъ и учащейся молодежи. На лѣстницѣ у главнаго входа, между колоннъ лежали мѣшки съ мукой для раздачи бѣднымъ.

Вездѣ шли митинги. Ораторы смѣняли другъ друга; говорили безъ конца; можетъ быть, была какая-то потребность для массы въ потокѣ этихъ словъ, а можетъ быть, попросту, у ораторовъ чесались языки. Тема была одна, варіаціи разныя. Поздравляли съ побѣдой, проклинали "кроваваго Николая" и обѣщали медовыя горы и кисельныя берега. Все это непремѣнно дастъ новая власть, прекрасная фея — демократія.

Нѣкоторые "оратели" — отъ слова "орать и горлодерствовать" несли нестерпимую чушь и белиберду. Говорили что-то дикое, сумбурное и безсмысленное, какъ бредъ. Врядъ ли они сами понимали то, что говорили. Одинъ изъ такихъ "орателей", дѣтина огромнаго роста, нескладный, несуразный, съ лошадинымъ крупнымъ лицомъ, со вдавленными щеками, съ подбородкомъ, собраннымъ въ желтый комокъ, съ глазами тусклыми, какъ у залежавшейся, протухлой рыбы, говорилъ, размахивая руками и подмигивая глазами. На груди у него была "анненская" лента.

— Видали... Вотъ еще што. Товарищи, которые сознательные, такъ они усе понимаютъ. Конешно... Проводъ прямой у Берлинъ безъ аннексій и контрибуцій. Тѣ, которые толстопузые, такъ имъ што? имъ нипочемъ... Правильно, товарищи? Вонъ оно што значитъ побѣда трудящихся...

— Кто здѣсь говоритъ? — спросили знакомые у Пуришкевича, послушавъ ораторовъ въ разныхъ залахъ.

— За двѣ категоріи могу поручиться, — сказалъ съ улыбкою убійца Распутина. — Тѣ, которые зовутъ къ углубленію революціи, — это опредѣленно — нѣмецкіе агенты; а тѣ, которые говорятъ вздоръ — это дураки. А въ общемъ, кругомъ сволочь...

Въ Думу стекались всѣ новости и сразу же становились об-

щимъ достояніемъ. Говорили, что Судъ горитъ, что во дворѣ жгутъ дѣла, что политическіе заключенные выпущены изъ тюремъ, а заодно, на радостяхъ, и уголовные, что Арсеналъ взятъ, что Петропавловская крѣпость занята, что полицейскіе участки горятъ, что части гарнизона переходятъ на сторону возставшихъ, что со всѣхъ общественнымъ, правительственныхъ и учебныхъ зданій сорваны императорскіе орлы, что начались аресты министровъ и сановниковъ и что убито много генераловъ и офицеровъ.

Вечеромъ въ кулуарахъ Думы, Милюковъ, чувствовавшій себя именинникомъ (имя его, Родзянко, Гучкова, Керенскаго и Караулова — повторялось тысячами возставшихъ), сказалъ побѣдоносно своимъ политическимъ товарищамъ:

— Изъ всѣхъ засѣданій Думы — сегодняшнее было самое историческое; изъ всѣхъ рѣшеній, которыя когда-либо принимала Дума, — это было самое важнѣйшее и замѣчательное...

Въ полночь, въ Европейской гостиницѣ, французскій журналистъ Mr. S. de C., подводя итогъ своимъ впечатлѣніямъ, писалъ въ Парижъ:

« La Duma est l'âme de cette revolution... Et, à l'honneur du parlement russe, il convient de faire ressortir que l'oukase de sa dissolution, signé par l'empereur le 9 Mars sur l'instances de Mr. Protopopoff, a été considéré à l'unanimité comme lettre morte, — variante de la célèbre apostophe de Mirabeau à Mr. de Dreux-Brézé. Par la, la Chambre russe a réellement sauvé le pays de l'inévitable désarroi qui aurait pu se déchaîner sur les ruines du vieux regimes »...

8.

Съ утра Начальникъ охраны Выборгскаго раіона чувствовалъ ломоту въ тѣлѣ и тупую, ноющую боль въ перебитыхъ костяхъ. Волненія минувшихъ дней не прошли безслѣдно. Чаще стали дрожать руки и нѣтъ-нѣтъ подергивалась челюсть. Въ мозгу гвоздемъ сверлила догадка: "возвращается контузія", но онъ превозмогалъ физическія недомоганія и продолжалъ ревностно исполнять службу, ему порученную.

Въ четыре часа онъ былъ на ногахъ. Надо было проводить и напутствовать роты, назначенныя для занятія различныхъ участковъ на Выборгской сторонѣ. Стояла ночь. Въ бѣлесой мглѣ смутно чернѣли казармы, темнѣли деревья вдоль рѣшетки у аллеи Лѣсного проспекта. Было тихо-тихо. На обширной полковой площади лежалъ глубокій, почти вездѣ утоптанный снѣгъ. Тускло свѣтили фонари, въ домахъ было темно и не было слышно обычнаго гула столицы. Блистательный Петербургъ еще спалъ.

Подходя къ темной линіи выстроившихся ротъ, капитанъ думалъ, что сказать. Это было не такъ просто. Чувства и мысли тѣс-

нились въ его сердцѣ, въ его мозгу. Но ихъ было много, онѣ были сложны, онѣ готовы были всѣ рваться сразу. А нужно было сказать коротко, и то самое, что могло быть понятно простому человѣку, недавно одѣтому въ солдатскую шинель, и что могло удержать его отъ соблазновъ.

"МОСКОВЦЫ! Вчера Командующій войсками генералъ Хабаловъ получилъ отъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Государя Императора приказъ — прекратить безобразіе въ столицѣ. Всякій честный, порядочный солдатъ отлично понимаетъ, какой вредъ причиняется государству бунтовщиками въ военное время. Смута идетъ на пользу и радость нашимъ врагамъ. Нѣмцы ликуютъ. Тотъ, кто помогаетъ нашимъ врагамъ, — самъ врагъ Россіи. Значитъ измѣнникъ и предатель.

"Я пролилъ свою кровь за Отечество. Я не шкурникъ, въ тылу не скрывался, никого не мутилъ. Я почти калѣка, которому впереди предстоитъ горькая жизнь. У меня нѣтъ ни имѣній, ни богатствъ. У меня есть только три безцѣнныхъ сокровища, онѣ принадлежатъ и вамъ, — мой Царь, моя Россія, моя Православная вѣра. Поэтому я имѣю право, я могу сказать вамъ, солдаты: "Не соблазняйтесь; не вѣрьте тѣмъ, кто зоветъ васъ къ неподчиненію и бунту. Это подлецы и негодяи".

"Триста лѣтъ тому назадъ, на Руси было Смутное время. Въ государствѣ царило безначаліе; властей не было. Пришли иноземцы и грабили русскую землю. Все было поругано, осквернено, оплевано. Тысячами гибли русскіе люди. Отчаяніе народа было неописуемое. Оплакивали свое гибнущее государство и молили Бога о спасеніи. И Богъ спасъ Россію.

"Два замѣчательныхъ человѣка Мининъ и Пожарскій, собрали ополченіе и изгнали поляковъ изъ Москвы. Земскій соборъ избралъ на царство Михаила Федоровича Романова. Узнавъ объ этомъ, поляки рѣшили убить юнаго царя. Они послали вооруженныя шайки. Одна изъ нихъ пришла въ село Домнино и остановилась на ночлегъ у старосты Ивана Сусанина. Было недалеко отъ Ипатьевскаго монастыря, гдѣ находился Царь.

Поляки не скрывали — зачѣмъ пришли. Сусанинъ завелъ ихъ въ дремучій непроходимый лѣсъ. На разсвѣтѣ онъ имъ сказалъ: "Убейте, замучьте, моя здѣсь могила, но знайте, отъ смерти я спасъ Михаила". и онъ палъ подъ ударами польскихъ сабель. Но подвигъ Сусанина благословляетъ Россіи и самъ онъ живетъ среди насъ и будетъ жить вовѣки.

"Сейчасъ враги внутренніе влекутъ наше Отечество къ новой смутѣ, можетъ быть, еще болѣе страшной и тяжкой, чѣмъ триста лѣтъ назадъ. Пусть примѣръ Сусанина воодушевитъ каждаго изъ васъ. Пусть каждый будетъ готовъ отдать свою жизнь за Царя. Приказываю по измѣнникамъ стрѣлять боевыми патронами".

Въ ночной темнотѣ раздался дружный стройный возгласъ:

“Рады стараться, Ваше Высокоблагородіе”. По голосу, по силѣ и по интонаціи Капитанъ отчетливо уловилъ твердое настроеніе своихъ солдатъ. Онъ почувствовалъ, какъ сразу отлегло на сердцѣ. “Они исполнятъ свой долгъ, Московцы не подведутъ, не измѣнятъ”, подумалъ онъ, наблюдая, какъ съ площади черезъ большія ворота на Сампсоньевскій проспектъ во тьму уходили солдаты.

Капитанъ не принадлежалъ къ числу тепло-прохладныхъ, эластичныхъ, резиновыхъ людей, легко мѣняющихъ оболочку, легко приспособляющихся къ текущимъ обстоятельствамъ, легко и быстро, безъ надрыва, безъ внутренней борьбы, отвергающихъ то, во что вѣрилъ, сжигающихъ то чему поклонялся вчера. “Вѣра и вѣрность” — символъ священный для гвардіи, были по-настоящему символомъ всей его жизни со школьной кадетской скамьи.

Онъ былъ человѣкъ прямой, мужественный и по-солдатски — твердый. Передъ начальствомъ не заискивалъ, не разстилался мелкимъ бѣсомъ и не старался угодничать. “Офицеру не пристало быть ласковой телкой, чтобы извлекать изъ этого выгоды...”, сказалъ онъ однажды во время разговора о комъ-то, преуспѣвающемъ въ чинахъ на служебной лѣстницѣ. Въ службѣ былъ суровъ, какъ монахъ; въ жизни частной — милъ и пріятенъ; съ нижними чинами простъ и доступенъ, но строгъ; на популярность не билъ, но заботился о ввѣренныхъ людяхъ всемѣрно. “Я вашъ старшій братъ. Мой долгъ учить васъ, воспитывать духовно, укрѣплять физически и дѣлать изъ васъ достойныхъ сыновъ Отечества. Помните, что мы, солдаты, состоимъ на службѣ Россіи”...

Къ служебнымъ волненіямъ, которыя капитанъ переживалъ съ эти дни очень сильно, примѣшивалось и свое личное, человѣческое. Онъ отлично зналъ, какая смертельная опасность вьется надъ его головой. Это его не страшило, какъ не страшило во время кровавыхъ боевъ на фронтѣ. Но тогда было лучше, тогда онъ могъ не волноваться за семью, — государство о ней позаботится. Теперь, въ случаѣ несчастья, семья обречена была бы на нищенство.

Къ обѣду вернулся прапорщикъ Камень-Овскій, котораго капитанъ посылалъ посмотрѣть своими глазами, что происходитъ на той сторонѣ. Съ волненіемъ прапорщикъ, уже пожилой человѣкъ изъ запаса, разсказывалъ:

— Тамъ, Николай Николаевичъ, бурлитъ, какъ въ котлѣ. Это уже подлинная огромная революція. Видѣли вы когда-нибудь развороченный муравейникъ? Вотъ, если бы этотъ муравейникъ заснять, увеличить, да пустить на экранъ, то получилась бы примѣрная картина происходящаго.

Впечатлѣніе таково, какъ будто весь Петербургъ высыпалъ на улицы. Куда ни глянь, — повсюду многотысячныя толпы, по-

всюду массовое движеніе, вездѣ кишмя кишитъ. Въ воздухѣ виситъ безпорядочная стрѣльба; проносятся съ пронзительнымъ визгомъ мотоциклы; несутся грузовики съ солдатами, видѣлъ нѣсколько броневиковъ; царитъ атмосфера огромнаго напряженія; чувствуется, что толпа охвачена экстазомъ; ее влечетъ огромный огневой порывъ на борьбу съ властью; она вѣритъ, что побѣда принесетъ ей такое счастье, котораго на землѣ никогда не было. Раздавить эту силу тѣмъ не менѣе можно: толпа труслива и жалка; я видѣлъ, какъ люди разбѣгались въ паникѣ, заслышавъ выстрѣлы. Но найдутся ли части, способныя пустить въ ходъ оружіе? На этотъ счетъ у меня увѣренности нѣтъ.

Сегодня уже можно опредѣленно сказать: это не бунтъ изъ-за хлѣба и очередей; это соціально-политическая революція. Вездѣ надъ толпой рѣютъ красные флаги. Я записалъ нѣсколько лозунговъ: "Долой самодержавіе", "Да здравствуетъ миръ", "За землю и свободу", "Рабочимъ нечего терять кромѣ своихъ цѣпей". На одномъ плакатѣ былъ изображенъ гигантъ рабочій съ поднятымъ кулакомъ; кованными сапогами онъ топталъ генераловъ, офицеровъ, буржуевъ, духовенство и бюрократію. Подъ нимъ стояла надпись: "Владыкой міра будетъ трудъ".

Камень-Овскій еще разсказывалъ о видѣнномъ и слышанномъ, какъ въ дежурной комнатѣ раздался телефонный звонокъ.

— Господинъ капитанъ, васъ проситъ полковникъ Михайличенко изъ Градоначальства, — доложилъ дежурный офицеръ.

Капитанъ поспѣшно взялъ трубку. Замолкнувшіе офицеры внимательно слѣдили за выраженіемъ его лица, стараясь угадать на немъ: хорошія или дурныя вѣсти сообщаетъ Михайличенко. Лицо Николая Николаевича просвѣтлѣло, стало радостнымъ. "Да... да?", — полувопросительно спрашивалъ онъ. — "Ну слава Богу, слава Богу"...

— Господа, — сказалъ капитанъ торжественно, — полковникъ Михайличенко передалъ, что на той сторонѣ все покончено. Возстановленъ полный порядокъ. Тепедь очередь за нами. Надо, чтобы московцы показали себя вѣрными слугами Престола. Надо усмирить бунтующія массы здѣсь. Выборгская сторона — это очагъ и оплотъ бунта. Прекратятся безобразія у насъ и мятежъ пойдетъ на убыль.

Капитанъ изъ кармана вынулъ записную книжку и отмѣтилъ время разговора. Онъ всему повѣрилъ, что сказалъ Михайличенко. Ему и въ голову не приходило, что его старшій начальникъ сказалъ неправду; солгалъ сознательно, чтобы возбудить, усилить и укрѣпить нравственныя и физическія силы, чтобы вдохнуть радостную волю къ побѣдѣ и поддержать огонь въ послѣдней непобѣжденной точкѣ.

А испытанія уже стояли у дверей. Какъ въ древнихъ греческихъ трагедіяхъ, одинъ за другимъ прибѣгали вѣстники. Первый

изъ нихъ сообщилъ, что четвертая рота, занимавшая Литейный мостъ, обезоружена. Второй вѣстникъ донесъ, что на Лѣсномъ проспектѣ противъ казармъ собираются огромныя массы. Готовится атака.

На обширномъ полковомъ дворѣ, откуда утромъ ушли роты, Николай Николаевичъ устроилъ короткое ученье ротѣ поручика Вериги. Онъ самъ подавалъ команды, слѣдилъ за правильнымъ и отчетливымъ исполненіемъ перестроеній и ружейныхъ пріемовъ. Никто бы не могъ заподозрить, что капитанъ волнуется, что надъ полкомъ нависла опасность, что сейчасъ придется драться.

Когда рота двинулась къ Лѣсному проспекту, капитанъ задержалъ Веригу и сказалъ ему:

— Саша, можетъ быть, не увидимся больше. Давай простимся и поцѣлуемся... — Голосъ дрогнулъ, на глазахъ навернулись слезы и опять конвульсіи затрясли все тѣло.

Третій вѣстникъ прибѣжалъ на площадь и доложилъ, что многотысячныя толпы приближаются къ воротамъ полка по Сампсоніевскому бульвару.

— Передай приказаніе прапорщику Камень-Овскому — немедленно вывести всѣхъ людей къ рѣшеткѣ и взять всѣ винтовки, какія только найдутся въ помѣщеніи.

Изъ оконъ Офицерскаго собранія Николай Николаевичъ увидѣлъ приближеніе толпы. Широкій, бѣлый, прямой какъ стрѣла, Сампсоніевскій бульваръ былъ черенъ отъ народу. Въ толпѣ двигались тяжелые грузовые автомобили. Противъ горсточки людей, одѣтыхъ въ солдатскую форму, поднялись тысячи.

Капитаномъ незамѣтно овладѣло странное, необъяснимое душевное состояніе. Онъ какъ бы погрузился въ самого себя и пересталъ ощущать реальную дѣйствительность. Сначала передъ нимъ пронеслись обрывки забытыхъ воспоминаній. Яркій солнечный день, глубокая бирюзовая синь безпредѣльнаго неба, очарованная тишина теплыхъ, дымчатыхъ лѣсовъ, красноватый поѣздъ, мчавшійся къ западной границѣ и залихватская удалая пѣсня: "Скажи-ка, дядя, вѣдь недаромъ Москва, спаленная пожаромъ, французу отдана". Московцы ѣхали на фронтъ. Война началась, и что-то ликующее, радостное пѣло въ душѣ.

Потомъ пришелъ первый большой бой. Ночь, мутный блескъ луны, смутно темнѣющая въ сумракѣ возвышенность, откуда огнемъ лился стальной дождь. Жутко, пронзительно грохотала артиллерія, стоялъ несмолкаемый "смѣхъ" пулеметовъ и висѣла надъ лѣсомъ и въ прозрачной мглѣ долины неустанная, густая трескотня ружей. Полкъ понесъ огромныя потери, но одержалъ блестящую побѣду.

Затѣмъ начало вдругъ казаться, что все, что онъ видитъ, есть только сонъ, кошмаръ, бредъ или фантастика. Въ глазахъ, устремленныхъ въ какую-то незримую точку, мутилось, расплывалось

кругами, красные флаги ширились, удлинялись, вотъ они слились въ одно полотнище и все стало краснымъ.

— Господинъ капитанъ, — услышалъ Николай Николаевичъ тревожный голосъ. Онъ очнулся. Передъ нимъ стоялъ растерянный, блѣдный и плачущій прапорщикъ Камень-Овскій. — Господинъ капитанъ, рота отказалась стрѣлять...

— Что же вы плачете? Эхъ вы, шляпа. Пойдемте посмотримъ, будутъ ли они стрѣлять. Сколько винтовокъ?

— Двадцать четыре.

— Больше не нашлось?

— Никакъ нѣтъ.

— Сколько патроновъ?

— По двѣ пачки на ружье.

— Немного...

— Рота, смирно, — крикнулъ капитанъ во весь голосъ. — Готовсь. По толпѣ у воротъ пальба ротой, цѣлить въ ноги, рота пли!..

Залпъ вышелъ превосходный; ни одного срыва, какъ на смотровой стрѣльбѣ. Эффектъ получился также блестящій. Толпа стремительно ринулась впередъ, давя другъ друга; мгновенно площадь опустѣла.

Глядя на паническое отступленіе враговъ, со стороны казавшееся траги-комическимъ, капитанъ пробормоталъ презрительно: "Сволочь, трусы... Кричатъ о свободѣ, а въ каждомъ сидитъ рабъ подлый и дрянь"...

Первое донесеніе отъ поручика Вериги было бодрое и благопріятное. "Врагъ отбитъ; я его тѣсню къ морю"... "Не увлекайтесь; вернитесь назадъ и не покидайте указаннаго вамъ мѣста", отвѣтилъ капитанъ.

Увлеченіе Вериги оказалось роковымъ. Сзади надвинулись новыя толпы и ударили въ тылъ. Рота очутилась между двухъ огней. Около четырехъ часовъ, когда уже сильно стемнѣло, къ капитану прибѣжалъ блѣдный унтеръ-офицеръ и закричалъ:

— Ваше Высокоблагородіе! Поручикъ Верига убитъ, подпоручикъ Шабунинъ кончается. Толпа ворвалась во дворъ и направляется сюда.

Въ это время тысячи бунтовщиковъ снова вели атаку на Сампсоньевскомъ противъ главнаго входа. Въ чугунныя ворота били тяжелые грузовики, раскатываясь задомъ. Грохотъ ударовъ, безпорядочные звуки стрѣльбы, взрывы гранатъ и дикіе крики представляли вмѣстѣ что-то нестройное, страшное и жуткое.

Въ этой напряженной обстановкѣ, въ потемкахъ наступающей ночи, извѣстіе о смерти боевыхъ товарищей и о приближеніи мятежниковъ сзади, явилось для нравственныхъ силъ человѣка чрезмѣрнымъ. И горный орелъ, сраженный пулей, падаетъ внизъ. Капитанъ тошнотворно почувствовалъ такое состояніе, какъ бы ему нанесли страшный ударъ по темени. Засверкали молніи и по-

шли красные круги. Мелькнула послѣдняя мысль: "все погибло, надежды растоптаны, впереди ужасъ, прощай, бѣдная Надя" и затѣмъ настало какъ бы небытіе. Какъ подкошенный, или сбитый ударомъ, капитанъ покачнулся и грохнулся наземь безъ сознанія.

Унтеръ-офицеръ и подбѣжавшіе солдаты изъ Офицерскаго собранія въ мгновеніе ока подняли упавшаго. Чувствовали, что дорога каждая минута. — Надо спрятать его, — повелительно сказалъ унтеръ-офицеръ. — Куда? — Лучше всего въ ванную комнату. Туда входъ почти незамѣтенъ...

Они быстро ушли, а черезъ нѣсколько минутъ внизу раздавались бѣшеные крики ворвавшейся толпы: "Гдѣ они, мерзавцы? Убить проклятыхъ гадовъ... Убить и растерзать на клочки, бросить собакамъ на съѣденіе"...

На другой день смертная очередь пришла за Фергеномъ. Было около шести часовъ вечера. Къ офицерскому флигелю на Сампсоньевскомъ подошла большая смѣшанная толпа; тутъ были солдаты изъ роты Фергена и множество вооруженныхъ рабочихъ изъ разряда тѣхъ, что, не зная пощады, не разбирая правыхъ и виноватыхъ, упиваясь кровью, расправлялись съ такъ называемыми "классовыми врагами". Предводительствовалъ бандой убійцъ высокій рыжій студентъ еврей.

Фергенъ сидѣлъ съ капитаномъ Нелидовымъ и пилъ чай. Онъ услышалъ шумъ на дворѣ, но продолжалъ спокойно разговаривать. Раздался сильный стукъ въ дверь, сопровождаемый густой матерщиной. Вбѣжалъ перепуганный денщикъ.

— Ваше Высокоблагородіе, прячьтесь, пришли по васъ.

— Я, мой другъ, отъ нѣмцевъ не прятался, ни отъ кого не прятался и отъ сволочи прятаться тоже не буду.

Денщикъ снова бросился къ дверямъ. Слышенъ былъ шумъ, удары чѣмъ-то тяжелымъ въ дверь, крики и возгласы: "Фергенъ, сволочь, выходи".

— Саша, — сказалъ поблѣднѣвшій, трясущійся Нелидовъ, — умоляю тебя: бѣги черезъ окно; въ темнотѣ ты легко скроешься.

— Ни за что. Другъ мой, ты меня знаешь: н и з а ч т о. Чтобы Фергенъ бѣжалъ передъ сволочью, — этого никогда не будетъ. — И, улыбаясь, спокойной улыбкой, онъ продекламировалъ: — "Приходитъ часъ судьбой опредѣленный. Благословенъ и день заботъ, благословенъ и тьмы приходъ". Давай поцѣлуемся, другъ мой. Помолись о моей душѣ. Пришелъ мой конецъ.

— Выходи на улицу, — раздался уже вблизи нечеловѣческій звѣриный крикъ.

Фергенъ пошелъ прямой, твердой походкой. Голова была приподнята, глаза смотрѣли пронзительно. На груди у него былъ полковой значокъ — Андреевскій крестъ съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ въ центрѣ, знакъ Павловскаго училища и орденъ св. Владиміра 4-й степени.

Подбѣжалъ денщикъ. Рыдая, бросился на колѣни, ловилъ и цѣловалъ руки. — Прости меня, Ваше Высокоблагородіе, если въ чемъ согрубилъ...

Фергенъ поцѣловалъ его. Вынулъ бумажникъ. — Это тебѣ. Матушкѣ моей напиши, что я умеръ...

Нелидовъ услышалъ черезъ раскрытыя двери страшный крикъ, въ которомъ ничего не было человѣческаго. Это былъ дикій звѣриный вопль голоднаго звѣря, жаждущаго крови, или сумасшедшій смѣхъ палача. Чтобы не слышать, онъ закрылъ уши, сдавилъ голову, бросился въ уголъ и замеръ. Его трясла лихорадка, онъ былъ какъ безумный.

Фергенъ умеръ ужасной смертью. Его били прикладами, подняли на штыки, а потомъ, уже едва трепыхающее тѣло, въ которомъ еще билась жизнь, разорвали на клочки.

Черезъ нѣсколько минутъ Нелидову показалось, что шумъ стихъ. Онъ открылъ уши. Стояла непонятная могильная тишина. Въ жилыя комнаты несло наружнымъ холодомъ. Ничего не понимая, онъ вышелъ на освѣщенное крыльцо. На залитомъ кровью снѣгу лежалъ трупъ и оторванныя руки. А около него стояла толпа солдатъ и плакалъ денщикъ. Слышались всхлипыванія и шопотъ: “Господи, что же мы надѣлали? Какъ же это можно, — сваво командира убили”...

Все это было похоже на бредъ, на страшный сонъ. И какъ въ бреду, не одѣваясь, безъ шапки, Нелидовъ рванулся впередъ на ходу крикнулъ: “Будьте вы прокляты!” и быстрыми шагами пошелъ въ темноту холодной, безрадостной ночи.

9.

Родзянко ходилъ въ Думѣ мрачнѣе тучи. Его монументальная, важная фигура была попрежнему величественна и сановита. Кажется онъ достигъ того, къ чему стремился. Дума и самъ онъ лично попали въ фокусъ революціонныхъ событій. Съ внѣшней стороны онъ сдѣлался персоной исключительно знатной. Онъ ходилъ съ краснымъ бантомъ, говорилъ о “нашей революціи”, о нашей побѣдѣ и о нашей свободѣ, а въ душѣ гнѣздился чернѣе чернаго мракъ и онъ самъ боялся заглянуть туда пристально.

Лицо у Родзянки было хмурое, блѣдное и окаменѣлое. Какъ будто застыло на немъ выраженіе глубокаго смущенія и просто отчаянія. Какъ онъ ни старался держаться независимо и безстрастно, ему это плохо удавалось: въ глазахъ отражалась тревога, разочарованіе и крайняя степень усталости.

Часто, проходя по заламъ дворца среди разношерстной толпы, гдѣ вмѣстѣ одновременно митинговали, лускали сѣмечки, курили, плевали на полъ, портили воздухъ и публично, нисколько не стѣс-

няясь, на весь залъ издавали непристойные звуки, — онъ чувствовалъ нестерпимую гадливость и отвращеніе. Хотѣлось бросить все къ чорту и бѣжать куда глаза глядятъ отъ этого зрѣлища, отъ этого загаженнаго мѣста, отъ этихъ толпъ.

Когда Родзянкѣ 27-го февраля, вечеромъ, сообщили, что Нахамкесъ, присяжный повѣренный Соколовъ, Чхеидзе и еще какія-то личности устроили въ помѣщеніи Таврическаго дворца собраніе невѣдомыхъ людей и объявили объ образованіи Совѣта Рабочихъ депутатовъ, онъ поморщился и промычалъ что-то невнятное, какъ будто хотѣлъ сказать, что онъ принимаетъ сообщеніе къ свѣдѣнію.

Въ первый моментъ, это извѣстіе не произвело на него тревожнаго дѣйствія и не поразило очень сильно. Онъ больше всего удивился нѣкоторой наглой безцеремонности устроителей собранія, не потрудившихся даже предупредить его. Но подумалъ, что "лѣсъ рубятъ — щепки летятъ". Когда происходятъ столь грандіозныя событія, — можно ли волноваться по поводу такихъ мелочей. Въ горячкѣ, въ суматохѣ, въ разговорахъ и въ общей напряженности, которую онъ переживалъ, онъ не имѣлъ времени вдуматься въ такой фактъ, какъ появленіе подъ крылышкомъ Государственной Думы революціонной организаціи.

Тревога, щемящая догадка и раздраженіе заползли къ нему въ душу на другой день, когда ему сказали, что на улицахъ столицы расклеено "возмутительное воззваніе Совѣта Рабочихъ депутатовъ". Это воззваніе онъ нашелъ расклееннымъ во множествѣ на внутреннихъ и внѣшнихъ стѣнахъ Думы. Что-то совсѣмъ грубое, площадное, базарное ворвалось въ бѣломраморныя стѣны дворца.

Родзянко остановился около одного изъ кричащихъ воззваній и прочиталъ:

"Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ засѣдающій въ Государственной Думѣ, ставитъ своей основной задачей организацію народныхъ силъ и борьбу за окончательное упроченіе политической свободы и народнаго Правленія въ Россіи.

"Совѣтъ назначилъ районныхъ комиссаровъ для установленія народной власти въ районахъ Петрограда.

"Приглашаемъ все населеніе столицы немедленно сплотиться вокругъ Совѣта, образовать мѣстные комитеты въ районахъ и взять въ свои руки управленіе всѣми мѣстными дѣлами".

Содержаніе ударило обухомъ. Родзянко налился кровью. — Да что же это такое? — завопилъ онъ внѣ себя, обращаясь къ членамъ Временнаго Комитета Государственной Думы, созданнаго въ качествѣ перваго революціоннаго Правительства. — Кто власть — мы или они?..

— Народъ — власть, — дерзко, ехидно и наставительно сказалъ Керенскій.

— А что же мы? — спросилъ опѣшившій Родзянко. — Что же мы? — повторилъ онъ уже раздраженно.

— Мы тоже власть, если народъ насъ признаетъ за таковую и если мы оправдаемъ довѣріе революціи. То, что вы возбуждаете подобные вопросы, показываетъ, что вы еще не уяснили смысла, сущности и размѣра происходящихъ событій. Сейчасъ опасно раздражать народъ и идти противъ его воли.

— Но народъ, наполняющій этотъ дворецъ, уже выявилъ намъ свое довѣріе. Онъ привѣтствуетъ насъ, а не самочинный Совѣтъ. Никто не посмѣетъ сказать, что Дума была не съ народомъ... Всякое двоевластіе можетъ оказаться гибельнымъ, какъ сейчасъ, такъ и впослѣдствіи...

— Я не совѣтую вамъ употреблять слова, оскорбительныя для воли народа. Совѣтъ образовался точно также, какъ образовался Комитетъ Государственой Думы. Все старое рухнуло и на развалинахъ появляется новое, выдвинутое изъ нѣдръ народа. Увы, господинъ Родзянко, долженъ васъ огорчить, — Дума такъ же рухнула, какъ и всѣ прочія царскія установленія.

— Скажите, а вы не состоите въ Совѣтѣ? — вдругъ неожиданно спросилъ Родзянко, осѣненный какой-то мыслью.

— Да, я избранъ товарищемъ предсѣдателя.

— Вы что же, какъ двуликій Янусъ: рѣшили ѣхать на двухъ лошадкахъ?

— Я вамъ не позволяю говорить со мною въ такомъ тонѣ и дѣлать подобныя догадки, — высокомѣрно и холодно отвѣтилъ Керенскій.

Къ сердцу Родзянки, къ сердцу стараго барина, подкатила волна горячаго страстнаго негодованія. Ему хотѣлось крикнуть, оборвать “мальчишку”, затопать ногами, поставить его на мѣсто, но онъ сдержался. Званіе Предсѣдателя Думы и почтенная старость не позволили ему вступить въ пререканія съ “щелкоперомъ и свистуномъ”. Онъ почиталъ споръ съ нимъ ниже своего достоинства. Всякій разъ, когда на трибунѣ появлялся Керенскій, онъ вспоминалъ ядовитую фразу Пуришкевича. “Этотъ молодой республиканецъ, съ блуждающимъ взглядомъ, кажется онанистъ, можетъ быть, морфинистъ, во всякомъ случаѣ, несомнѣнный хлыстъ, истерикъ и лѣзетъ въ дамки”.

Оставшись съ друзьями, Родзянко излилъ свои подозрѣнія, догадки и душевную тревогу. Какъ ревнивый мужъ, обостреннымъ чутьемъ онъ угадывалъ за спиной Думы таинственную работу, какія-то шашни, какія-то неуловимыя вліянія. Онъ чувствовалъ, что соперникъ безцеремоннѣе, напористѣе и наглѣе, что для него всѣ средства хороши, что онъ ближе и понятнѣе плебсу съ его анархической душой и ненавистью къ барамъ.

— Кругомъ низкая ложь, фальшивыя слова и привѣтствія, не имѣющія никакой цѣны. Сегодня они тысячами валятъ сюда,

чтобы заявить о своихъ чувствахъ готовности отдать себя въ распоряженіе Думы и поддержать ее въ борьбѣ съ Правительствомъ, а завтра они пошлютъ насъ всѣхъ къ чорту и пойдутъ за тѣми, кто имъ пообѣщаетъ грабежъ, насиліе, кисельныя рѣки и всякую чепуху.

— Объ этомъ нынѣ поздно говорить, Михаилъ Владиміровичъ, — спокойно и увѣсисто сказалъ Милюковъ. — Что сдѣлано, то сдѣлано. Надо смотрѣть впередъ. Пока еще нѣтъ ничего страшнаго въ томъ, что появился Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Въ 1905 году онъ тоже былъ. Все это неизбѣжно по началу. Съ Совѣтомъ надо войти въ контактъ, договориться и сдѣлать такъ, чтобы возможно меньше было треній, пока не окрѣпнетъ Правительство.

— Павелъ Николаевичъ, вы, какъ всегда, все основываете на разсужденіяхъ вашего отличнаго разума, а я сейчасъ угадываю грядущее чутьемъ, чувствомъ. И оно мнѣ подсказываетъ, что мы въ плѣну у невѣдомой намъ враждебной стихіи. Насъ обойдутъ, обманутъ и предадутъ. Вотъ чего я боюсь...

Послѣдующія событія скоро подтвердили догадки Родзянки. Зъ тотъ же день вечеромъ ему принесли первый номеръ газеты "Извѣстія", выпущенной Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ. Редакторомъ газеты значился таинственный Нахамкесъ, котораго онъ никогда не видѣлъ, но имя котораго уже слышалъ; оно не внушало ему пріятныхъ чувствъ. Каждая статья кричала, вопила, звала къ борьбѣ, звала къ поддержкѣ Совѣта, какъ единственной законной народной власти. Каждая строчка была напитана ядомъ. Но что больше всего поразило Родзянко, — это большевистскій "манифестъ". Онъ нѣсколько разъ перечиталъ его и все страшнѣе и тяжелѣе ему становилось.

"Немедленная и неотложная задача Временнаго революціоннаго Правительства, — говорилось въ "манифестѣ", — войти въ сношеніе съ пролетаріатомъ воюющихъ странъ для революціонной борьбы народовъ всѣхъ странъ противъ своихъ угнетателей и поработителей, противъ царскихъ правительствъ и капиталистическихъ кликъ и для немедленнаго прекращенія кровавой человѣческой бойни, которая навязана порабощеннымъ народамъ"...

"Манифестъ", какъ красная тряпка передъ разъяреннымъ быкомъ, вызывалъ у Родзянки ожесточенныя мысли и чувства. Съ острой ненавистью смотрѣлъ онъ на красныя строчки и распалялся духомъ и кипѣло у него возмущенное сердце. Какъ смѣли эти безымянные, никому не вѣдомые люди, только что вынырнувшіе изъ подполья, назвать свое гнусное, дезертирское писаніе манифестомъ? Какъ смѣли они провозглашать идеи антинаціональныя, пораженческія и преступныя? Какъ смѣли они вносить анархію въ умы, и безъ того разстроенныя смутой, въ атмосферу напряженную?..

Онъ кипѣлъ отъ негодованія, а внутренній холодный голосъ,

какъ бы насмѣхаясь надъ его чувствами, говорилъ ему: “Что, братъ, не нравится? Не любишь эти пѣсни? Ничего не подѣлаешь. Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ. Слушай, что они говорятъ, и внимай. Они другихъ пѣсенъ пѣть не умѣютъ, они другихъ словъ не знаютъ. Имъ чужды національные интересы, они не связаны никакими традиціями, никакой мистикой и поэзіей. Они шпана, — каторжная, кандальная шпана, которая теперь желаетъ командовать. Они “Боже, Царя храни” пѣть не станутъ; надъ двуглавымъ орломъ умиляться не будутъ. Имъ подсунутъ “Интернаціоналъ”, гдѣ для нихъ есть слова болѣе понятныя: “Мы свой, мы новый міръ построимъ. Кто былъ ничѣмъ, тотъ станетъ всѣмъ”...

Слѣдующій день явно обозначилъ поворотъ къ обрыву. “Шпана” работала во всю, машина гудѣла на полномъ ходу, неслась “на всѣхъ парусахъ”. Вездѣ: на улицахъ, на площадяхъ, въ общественныхъ мѣстахъ, въ театрахъ, въ синема и въ очередяхъ шли митинги, разглагольствованія, произносились рѣчи, шла агитація. Ораторы взбирались на перевернутые трамваи, на выступы фонарей, на столы, на памятники, и заливались соловьями. Повсюду на стѣнахъ пестрѣли афиши, плакаты и листовки.

И всѣ слова сказанныя, и всѣ слова написанныя были Родзянкѣ одинаково ненавистны, чужды и враждебны. Холодѣя отъ страшныхъ мыслей, сознавая полное безсиліе измѣнить ходъ событій, чувствуя себя въ положеніи человѣка, оказавшагося среди огромнаго пожарища, онъ проходилъ по заламъ, гдѣ безчинствовала чернь и думалъ неотвязную думу о томъ, что произошло нѣчто непоправимое, огромное, роковое и что это “нѣчто” связано съ его именемъ, съ его участіемъ.

Самое страшное къ Родзянкѣ пришло позже. Среди толчеи, хаоса, “столпотворенія вавилонскаго”, къ нему подошелъ болѣзненно-блѣдный, высокій депутатъ Савичъ и, вручая листовку, сказалъ: “Полюбуйтесь. Свѣженькое”... Родзянко началъ читать, но прочитанное скользило, не давалось и уходило, не доходя до сознанія. Получались отдѣльныя слова, но общій смыслъ былъ въ туманѣ. Душевное состояніе его было такъ потрясено, такъ нарушено, что мозгъ, какъ бы, отупѣлъ. Въ его рукахъ былъ знаменитый “Приказъ № 1-й”.

“1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградскаго округа всѣмъ солдатамъ гвардіи, арміи, артиллеріи и флота для немедленнаго и точнаго исполненія, а рабочимъ Петрограда для свѣдѣнія.

Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ постановилъ:

1) Во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, паркахъ, батареяхъ, эскадронахъ и отдѣльныхъ службахъ разнаго рода военныхъ управленій и на судахъ военнаго флота немедленно выбрать ко-

митеты изъ выборныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ вышеуказанныхъ воинскихъ частей.

2) Во всѣхъ воинскихъ частяхъ, которые еще не выбрали своихъ представителей въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, избрать по одному представителю отъ ротъ, которымъ и явиться съ письменными удостовѣреніями въ зданіе Государственной Думы къ 10 часамъ утра 2-го сего марта.

3) Во всѣхъ своихъ политическихъ выступленіяхъ воинская часть подчиняется Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и своимъ комитетамъ.

4) Приказы военной комиссіи Государственной Думы слѣдуетъ исполнять только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчатъ приказамъ и постановленіямъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

5) Всякаго рода оружіе, какъ-то винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться въ распоряженіи и подъ контролемъ ротныхъ и баталіонныхъ комитетовъ и ни въ коемъ случаѣ не выдаваться офицерамъ даже по ихъ требованіямъ.

6) Въ строю и при отправленіи сужебныхъ обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но внѣ службы и строя, въ своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни въ чемъ не могутъ быть умалены въ тѣхъ правахъ, коими пользуются всѣ граждане. Въ частности, вставаніе во фронтъ и обязательное отданіе чести внѣ службы отмѣняется.

7) Равнымъ образомъ отмѣняется титулованіе офицеровъ: ваше превосходительство, благородіе и т. п. и замѣняется обращеніемъ: господинъ генералъ, господинъ полковникъ и т. д.

Грубое обращеніе съ солдатами всякихъ воинскихъ чиновъ и, въ частности, обращеніе къ нимъ на “ты”, воспрещается и о всякомъ нарушеніи сего, равно какъ и о всѣхъ недоразумѣніяхъ между офицерами и солдатами, послѣдніе обязаны доводить до свѣдѣнія ротныхъ комитетовъ”.

— Что же это такое? — растерянно произнесъ Родзянко. — Вѣдь это же моральный развалъ, подрывъ дисциплины, натравливаніе противъ офицеровъ. Это самая большая услуга нѣмцамъ. Какъ же можно воевать при подобныхъ условіяхъ?..

Обхвативъ ладонью небритую сѣдую бороду, Родзянко какъ бы окаменѣлъ, застылъ въ глубокой мучительной думѣ, ничего не замѣчая. Въ рукахъ его дрожалъ злополучный приказъ. А сбоку за нимъ наблюдалъ съ усмѣшкой на тонкихъ губахъ, съ искорками въ веселыхъ глазахъ, неунывающій, энергичный, живой, быстрый въ рѣшеніяхъ горный инженеръ Пальчинскій — правая рука Гучкова.

— Михаилъ Владиміровичъ, — обратился Пальчинскій. — Когда-то Куропаткинъ рекомендовалъ терпѣніе. Сейчасъ надо запастись также и спокойствіемъ. Зло сдѣлано. Нельзя идти противъ теченія. Надо сдѣлать видъ, что приказъ появился съ благословенія Правительства. Необходимо его канализировать, а вмѣстѣ съ тѣмъ — ограничить рамки дѣйствія столицей.

— Да кто ихъ выбиралъ? кто имъ далъ право отдавать приказы? — нетерпѣливо спросилъ Родзянко.

— Этотъ вопросъ мы имъ задали и получили въ отвѣтъ: "Никто не выбиралъ. Мы сами себя выбрали". Въ настоящее время это не важно. Важно, будутъ ли ихъ слушать и будутъ ли за ними слѣдовать массы. Нужна сложная, тонкая и деликатная политика. Если бы вы видѣли сумасшедшаго генерала Потапова, который то и дѣло бѣгаетъ на собранія Совѣта и изъ кожи лѣзетъ, чтобы тамъ понравиться; если бы вы слышали, какія высокопарныя рѣчи загибаетъ о "демократическихъ началахъ" генералъ Рубецъ-Мосальскій, если бы вы познакомились съ настроеніями и мыслями нашихъ "младотурковъ", — то вы бы меньше удивлялись революціонному правотворчеству Нахамкесовъ и Соколовыхъ.

Люди больны, — продолжалъ Пальчинскій, — и діагнозъ для всѣхъ одинъ: психозъ, истерія, чертовщина, свихъ. Какъ напримѣръ можно объяснить такое превращеніе. Почтенный полковникъ, генеральнаго штаба, богачъ, баловень фортуны, карьеристъ, человѣкъ, которому режимъ далъ всѣ блага жизни, — 24 февраля онъ "имѣлъ счастье представиться Его Императорскому Величеству", завтракалъ за царскимъ столомъ, былъ восхищенъ Государемъ и съ большимъ удовольствіемъ разсказывалъ, что "у него тѣ же свѣтлые голубые глаза и та же свѣтлая очаровательная улыбка". Ровно черезъ два дня, 26 февраля, этотъ самый полковникъ, неизвѣстно зачѣмъ появившійся въ Петербургѣ, сразу же бросился въ революцію. Сейчасъ онъ въ штабѣ у Гучкова, носится по столицѣ, шифруетъ и расшифровываетъ, организуетъ военное управленіе, подготовляетъ революціонныя войска для отпора, на случай, если бы Ивановъ пришелъ въ Петроградъ, и работаетъ съ такимъ жаромъ, съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто революція была мечтой его жизни, его стихіей. Невѣроятно? — Да! — Фактъ? — Да.

Повѣрьте, Михаилъ Владиміровичъ, то, что произошло, должно было произойти. Если цыпленокъ въ свое время не пробьетъ яйца, онъ задохнется. Для того чтобы Россія могла жить и дышать, могла выйти къ свѣту, — она должна была разбить скорлупу. Смотрите на событія спокойно и просто. Представьте себѣ, что вы перешли изъ одной обжитой комнаты въ другую, гдѣ вамъ все кажется неуютнымъ, неудобнымъ и стѣснительнымъ. Освоитесь и все будетъ хорошо.

Конечно, вамъ тяжело пока читать и слушать то, что пишется и говорится. Вы вѣдь по существу баринъ. Какой вы революціонеръ?! Но вы не должны упускать изъ виду, что ни одна революція не проходила безъ крови, излишествъ и крайностей. Когда чернь исчерпаетъ весь запасъ ненависти, тогда начнется переходъ къ спокойнымъ, нормальнымъ и здоровымъ условіямъ жизни. Пока же надо искусно лавировать, чтобы разлетѣвшаяся подъ кручу Россія не свалилась въ грязную канаву, или не расшиблась на крутомъ поворотѣ.

Родзянко слушалъ, смотрѣлъ на молодое, свѣжее, улыбающееся лицо Пальчинскаго, на его живую энергичную, жестикулирующую фигуру и, понемногу успокаиваясь, думалъ: "Ты уменъ, подвиженъ, какъ ртуть, легокъ въ мысляхъ и въ дѣйствіяхъ, тебѣ все просто, для тебя жизнь играетъ, а я тяжелъ, старъ, мнѣ за вами не угнаться. Мнѣ поздно начинать новую жизнь, поздно идти дальше, чѣмъ я могу, чѣмъ я предполагалъ... И такъ сдѣлали революціонеромъ"...

А Пальчинскій между тѣмъ все говорилъ и говорилъ. Ему нравилась роль утѣшителя и разъяснителя.

— Все образуется. Не надо только впадать въ уныніе и опускать руки. Не надо подходить къ революціи строптиво, какъ дѣлаетъ это Пуришкевичъ. Можетъ быть, то, что онъ говоритъ, очень красиво, хлестко, эффектно и даже справедливо, но вѣдь толпа не Государственная Дума. Зачѣмъ дразнить собакъ, въ особенности, когда онѣ злыя.

— А развѣ Пуришкевичъ сказалъ что-нибудь возбудительное? — полюбопытствовалъ Родзянко. — У него языкъ богатый и сочный. Онъ любитъ подавать свои мысли подъ острымъ соусомъ. Ему принадлежитъ рядъ выраженій, ставшихъ поговорками.

— Пуришкевичъ не только сказалъ но и написалъ. Прочитывая расклеенныя прокламаціи, тамъ, гдѣ тѣснится толпа, онъ не стѣсняясь ни временемъ, ни мѣстомъ, ни окружающей аудиторіей, — заявилъ: "Писали видно добрые мерзавцы. Чувствую вонючій запахъ плебса и слюну бѣшеной собаки"... А написалъ онъ сатирическіе стихи, которые уже ходятъ по рукамъ въ рукописномъ видѣ.

— Неужели? Я не зналъ за нимъ этихъ способностей; не зналъ, что онъ можетъ стихи писать. Что же онъ изобразилъ?

— Боюсь, Михаилъ Владиміровичъ, оскорбить сіе почтенное, важное, государственное мѣсто. Стихи неблагопристойные.

— Ну, мѣсто сіе и безъ того превратилось въ хлѣвъ. А вы разскажите съ многоточіемъ...

— Съ многоточіемъ можно. Только я не совсѣмъ хорошо помню. Начинается оно, кажется, такъ, хотя я не увѣренъ, что именно такъ.

“Не видать земли ни пяди.
Все смѣшалось въ кучу: кони, люди, бляди.
Съ краснымъ знаменемъ впередъ
Обалдѣлый претъ народъ.
Нѣтъ ни совѣсти, ни чести,
Все съ г . . . смѣшалось вмѣстѣ.
И одно могу сказать:
Дождались, е . . . м . . .”.

Родзянко разсмѣялся. Его скверное настроеніе почти разсѣялось, онъ крѣпко и благодарнс пожалъ Пальчинскому руку и снова занялся дѣлами.

10.

Интернаціоналъ распорядился, чтобы европейская революція началась въ Россіи, и начнется, ибо нѣтъ у насъ надежнаго отпора ни въ управленіи, ни въ обществѣ. Бунтъ начнется съ атеизма и грабежа всѣхъ богатствъ, начнутъ низлагать религію, разрушать храмы и превращать въ казармы, въ стойла, зальютъ міръ кровью и потомъ сами испугаются»...

(Достоевскій, т. XI, стр. 63).

Революціонерка по духу и по настроеніямъ ЗинаидаГиппіусъ-Мережковская, вечеромъ 28 февраля, въ изступленіи кричала передъ иконой: “Господи! Спаси Россію. Спаси, спаси, спаси! Внутренно спаси, по Твоему веди”... Она была напугана до смерти стрѣльбой, темными, зловѣщими слухами и видомъ и дѣлами революціоннаго народа, о свободѣ для котораго она такъ много говорила. Въ эти дни, передъ ихъ домомъ прошли десятки тысячъ людей. Плыли по воздуху красные флаги, трепыхали подъ вѣтромъ кумачевыя полотница. Шли солдаты безъ воинскаго вида, бабы, рабочіе, подростки и разная рвань, какъ она опредѣлила внутренно. Летѣла чаще другихъ, хриплая, простуженная пѣсня интернаціонала:

“Никто не дастъ намъ избавленья,
Ни богъ, ни царь, и ни герой.
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Вставай, проклятьемъ заклейменный
Міръ угнетенныхъ и рабовъ”...

Улица шла, оживленная криками, воплями, стонами, грохотомъ грузовиковъ, ружейной стрѣльбой, пулеметными вспышками, топотомъ безчисленныхъ ногъ, экстазомъ толпы, опьяненной безначаліемъ, отсутствіемъ властей и анархической

жаждой — "дай порвать". Въ душѣ человѣка жила и живетъ темная, дикая, страшная сила, которая, просыпаясь, превращаетъ его въ существо получеловѣческое, полуразумное, неспособное бороться съ охватившей страстью. Подъ безсмысленными, озорными, хулиганскими ударами толпы погибло немало произведеній искусства, созданій упорнаго труда, вспышекъ творчества генія. Низы какъ будто мстили за то, что они низы; какъ будто въ дикости и тьмѣ ненавидѣли то, что рождено свѣтомъ. Темныя низкія страсти плыли вмѣстѣ съ толпой.

У Мережковскихъ побывали въ эти дни многіе: знакомые, малознакомые и просто посторонніе — солдаты съ обыскомъ. Притащился изъ Царскаго Села Андрей Бѣлый, о которомъ хозяйка сказала: "геніальное, лысое, неосмысленное дитя" и упрекнула его за дружбу съ Ивановымъ-Разумникомъ, "этимъ писателемъ, котораго точно укусила ядовитая змѣя"... Заходилъ взволнованный А. В. Карташовъ и въ экстазѣ объявилъ: "Самъ видѣлъ собственными глазами, Питиримку повезли. Пиримку взяли и въ Думу солдаты везутъ"... ("Питиримка" — это митрополитъ С.-Петершургскій, а Карташовъ — профессоръ духовной академіи). Истинно помутился свѣтъ Божій. На короткое время заходилъ Розановъ и ушелъ послѣ нескладнаго разговора съ хозяйкой.

— Ну, что — "она" или "оно"? — спросилъ онъ Мережковскую. — Сбылись ваши мечты. Покорно васъ благодарю за доставленное удовольствіе.

— Вы хотите позубоскались немного, Василій Васильевичъ? Напрасно благодарите, — я тутъ не при чемъ, да и благодарить пока не за что. Я знаю всякія кислыя извѣстія о наростающей стихійности, о паденіи дисциплины, о враждѣ совѣтовъ къ думцамъ. Уже намѣчаются, конечно, безпорядки. Уже много пьяныхъ солдатъ. Уже налицо таврическое двоевластіе. Но я видѣла много хорошихъ лицъ, сіяющихъ отъ радости. Я видѣла юныхъ, новыхъ, медовыхъ революціонеровъ съ горящими отъ восторга глазами. Имъ блеснула заря свободы... Да развѣ могла произойти невиданно-молніеносно революція, если бы ее не хотѣлъ народъ?..

Розановъ продолжалъ. — Въ Таврическомъ дворцѣ содомъ, бедламъ, мусоръ, солома, грязь, отхаркиванія, мерзость, густой махорочный дымъ, вонь и визгливые истерическіе крики ораторствующихъ идіотовъ среди непроходимой толпы празднаго плебса...

— Этотъ плебсъ — ваши ближніе. Вы получили блага культуры, они нѣтъ; это не ихъ вина; но они все-таки ваши ближніе, которымъ вы должны желать блага, если не любить...

— А вы ихъ любите черезъ окно вашего дома на улицѣ, и вы воображаете, что это любовь, которая имъ очень нравится и безъ которой они никакъ не могутъ обойтись. Ничего не стою-

щая иллюзія... Кругомъ преступное легкомысліе, демагогическія вожделѣнія, партійныя интриги и сусальный восторгъ. Какъ же: — "великая безкровная", "рухнулъ деспотизмъ", "заря свободы"... Все это лицемѣріе и ложь. Вопили, что революція нужна для того, чтобы сплотить и объединить всѣ силы страны для побѣды надъ нѣмцами. А что же получилось? — "Войти въ сношенія съ пролетаріатомъ воюющихъ странъ противъ своихъ угнетателей и поработителей, царскихъ правительствъ и капиталистическихъ кликъ для немедленнаго прекращенія человѣческой бойни, которая навязана порабощеннымъ народамъ"... Развѣ можно было сомнѣваться, что будетъ именно такъ.

— А вамъ хочется, чтобы проливали кровь. Вамъ не страшно, что разрушается душа человѣческая; вамъ не кажется, что эта бойня — безнравственна. Вамъ никого не жалко. Вамъ не жалко мать, у которой убили сына. На нее нельзя поднять глазъ, ее нельзя утѣшить. Передъ ней всѣ разсужденія и всѣ мысли смолкаютъ. Да, я жажду чуда, чтобы война кончилась; насъ такихъ жаждущихъ много.

— Это женское разсужденіе, основанное на непосредственномъ воспріятіи чувствъ. Вы не заглядываете впередъ; да, вѣроятно, вы и не можете заглянуть дальше сегодняшняго дня. Запомните мои слова. Вы увидите не потоки, а моря крови; нашей русской крови; можетъ быть и моей и вашей. Читали ли вы когда-нибудь историка французской революціи Луи Мадлэна? Онъ пришелъ къ заключенію, что существуетъ подлинное революціонное помѣшательство. Коллективное безуміе превращаетъ народное возбужденіе въ кровавую бойню. Все, что есть преступнаго, подлаго, темнаго въ націи, подымается на поверхность, а вмѣстѣ съ ними вся звѣрская жестокость и всѣ отвратительныя страсти.

— Я же вамъ когда-то говорила, что я противъ стихійныхъ крайностей. Я ставила роковой вопросъ: "она" или "оно". Я желала, чтобы была "она", — революція, несущая свободу, равенство и братство. Богъ дастъ — крайностей не будетъ. Мы уже имѣемъ Думскій Комитетъ и Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Ихъ связываетъ Керенскій. Это очень хорошо. Въ Керенскомъ есть горячая интуиція и революціонность; онъ наиболѣе яркое лицо. Я въ него вѣрю.

— Временный Комитетъ Думы — это кучка ничтожныхъ фантазеровъ; это политическіе Маниловы. Керенскій — зеро. Болѣзненно-тщеславный господинчикъ, актеръ, страстный любитель позы и пышности. И больше за нимъ ничего нѣтъ. Единственная сила — это совѣтъ рабочихъ, — самозванное представительство подполья и черни и оплаченное представительство германскаго генеральнаго штаба. Эту сволочь надо было бы, во имя вѣковыхъ русскихъ интересовъ, арестовать, или еще лучше и проще — перестрѣлять...

— Для васъ, очевидно, мало стрѣляли протопоповскіе пулеметы?

— Зинаида Николаевна, я считалъ васъ умной женщиной; зачѣмъ же вы говорите глупости? Если бы Протопоповъ имѣлъ пулеметы на крышахъ и перекресткахъ, — у насъ не было бы революціи. Я видѣлъ этихъ революціонныхъ героевъ, которые сверкали пятками отъ одного выстрѣла.

— Простите, я чувствую головную боль, — сказала хозяйка, и они растались.

*

* *

Съ вечера 27 февраля въ Думу начали свозить арестованнахъ министровъ и бывшихъ сановниковъ режима. 1-го марта привезли Сухомлинова. На дворѣ ревѣла толпа, требуя выдачи царскаго генерала. Смущенные думцы не знали что дѣлать и безпомощно переговаривались.

— Сволочи! — рѣзко, съ негодованіемъ крикнулъ Сухомлиновъ. — Разъ вы ничего не можете, — выводите, предатели. Я сумѣю умереть не какъ трусъ и подлецъ.

И выйдя передъ бѣснующейся толпой, крикнулъ: — Вы чего хотите? моей головы — вотъ она; царскихъ погонъ, — возьмите ихъ.

И сорвавъ золотые погоны, онъ швырнулъ ихъ въ толпу. Мгновенно ревъ прекратился. Произошелъ психологическій шокъ.

— Да мы ничего; мы хотѣли только посмотрѣть, — сказали передніе.

ЦАРИЦА

Съ утомленнымъ, блѣднымъ лицомъ, бѣлизна котораго рѣзко выдѣлялась на фонѣ чернаго пальто и шляпы, съ каплями слезъ на голубыхъ глазахъ, Царица стояла на перронѣ Царскосельскаго вокзала, провожая мужа. Синій императорскій поѣздъ, окутанный дымомъ и бѣлесымъ паромъ, уходилъ, набирая ходъ и скоро скрылся за поворотомъ. Донесся издали густой протяжный гудокъ, нѣкоторое время слышался отдаленный грохотъ колесъ и рельсъ, потомъ все смолкло. Она осталась одна.

Разлука съ мужемъ всегда вызывала у нея нѣжную, тихую грусть, печаль и тоску одиночества. Такія чувства она переживала неизмѣнно. Съ годами почти ничто не измѣнилось. Это было поистинѣ рѣдкое супружество. Она любила его почти такъ же пылко и страстно, какъ въ молодые годы. Онъ былъ для нея попрежнему желаннымъ, любимымъ и дорогимъ. Въ каждомъ письмѣ, а писала она въ разлукѣ ежедневно, встрѣчались интимныя строчки, въ которыхъ она выражала свою большую любовь:

"...Я жажду твоихъ поцѣлуевъ и ласкъ; мнѣ ихъ никогда не достаточно..." "Помни о послѣдней ночи, о томъ, какъ мы нѣжно прижимались другъ къ другу..." "Завидую своимъ цвѣтамъ, которые будутъ сопровождать тебя. Крѣпко, крѣпко прижимаю тебя къ груди, цѣлую каждое любимое мѣстечко съ нѣжной любовью. Я вся твоя, собственная, для которой ты — все въ этомъ мірѣ..." "Положу свою усталую голову на твою грудь въ это утро и постараюсь найти спокойствіе и силу для разлуки..."

Въ этихъ постоянныхъ напоминаніяхъ о любви, о духовной и физической близости, о сліянности двухъ въ одно, — проявлялась та особая сентиментальность натуры, романтизмъ, извѣчно женское начало, которое такъ сильно было замѣтно въ молодые годы принцессы. Кажется, что свѣжесть и яркость дѣвичьихъ чувствъ у нея осталась и въ зрѣлые годы. Какъ будто это были ея слова, которыя сказала прекрасная Суламита въ "Пѣснѣ пѣсней" Соломона: "Положи меня, какъ печать, на сердце твое, какъ перстень, на руку твою; ибо крѣпка, какъ смерть, любовь... Большія воды не могутъ потушить любви, и рѣки не зальютъ ея"...

Въ это послѣднее разставанье чувства любви и тихой грусти соединялись съ другими чувствами безотрадными и гнетущими.

Государь оставилъ ее одну въ обстановкѣ мучительной и тревожной: дома лежали больныя дѣти; въ Петербургѣ открыто говорили о грядущей революціи и ждали ее съ нетерпѣніемъ; ненависть къ ней всѣхъ, о чемъ она хорошо знала, достигла высшаго, предѣльнаго напряженія. Это было непосильно для усталой, одинокой, затравленной женщины. Душевное состояніе ея было ужасное: сердце надрывалось отъ боли. Только помощь небесная могла облегчить ея страданія. Часто она искала успокоенія у иконъ, у горящихъ кіотовъ вдали отъ людей. Не разъ она писала мужу о своихъ чувствахъ, упованіяхъ и молитвахъ.

"Вся моя надежда на Бога. Изъ глубины сердца и души молю Всемогущаго Творца благословить тебя. Да увѣнчаетъ Онъ успѣхомъ всякое твое начинаніе, вознаградитъ армію за ея доблесть, ниспошлетъ намъ побѣду, покажетъ нашимъ врагамъ, на что мы способны. Прошлую ночь я молилась такъ, что думала, душа разорвется и глаза выплачу отъ слезъ. Не могу вынести мысли о томъ, сколько приходится тебѣ переносить, и все это совсѣмъ одному, далеко отъ насъ. О, мое сокровище, ясное мое солнышко, любовь моя"...

Она стояла на перронѣ прямая, неподвижная и скорбная. Безпомощно опущенныя руки были сжаты впереди и подергивались нервной дрожью. Если бы это была простая баба-крестьянка, она завыла бы во весь голосъ истошнымъ, надрывнымъ, жуткимъ воемъ; если бы это была дама изъ общества, — она забилась бы гдѣ-нибудь въ уголокъ и, захлебываясь отъ рыданій, выплакала бы свое горе. Но ей и этого было нельзя: на нее отовсюду смотрѣли сотни любопытныхъ глазъ.

Царица собрала все свое мужество, волю, самообладаніе и выдержку. Поборовъ волненіе, она вышла. Солнце спускалось къ закату; синева неба темнѣла; надъ городомъ сгущался сѣрый туманъ; стояла нѣмая зимняя сѣверная тишина; въ церквахъ раздавался медленный, протяжный, великопостный звонъ. Этотъ звонъ, какъ будто разбудилъ въ ея душѣ что-то; она вспомнила, какъ однажды Государь сказалъ ей: "Я очень люблю церковный благовѣстъ; онъ такъ много говоритъ моей душѣ. Поколѣнія сходили въ могилу, проходили вѣка, а колокола надъ Русской Землей все гудятъ и гудятъ. Это неумирающій голосъ Святой Руси"... Государыня съ умиленіемъ подумала о мужѣ.

Начался Великій Постъ, — время, когда человѣкъ пытается по-настоящему, или въ какой-то слабой степени, сбросить съ себя бремя грѣховъ и опутывающихъ всю жизнь соблазновъ. "Покаянія отверзи мнѣ двери..." несется въ полутемномъ храмѣ, напоминая человѣку о неизбѣжномъ концѣ и о томъ таинственномъ судѣ, когда каждому будетъ воздано по дѣламъ его. Государыня почувствовала горячую, страстную потребность въ молитвѣ. — "Упасть къ ногамъ Владычицы и просить ее, просить...", кричалъ ей внут-

ренній голосъ. Она приказала везти себя въ Феодоровскій государевъ соборъ.

Величественный храмъ былъ сооруженъ ея усердіемъ, ея заботами и почти цѣликовъ на ея средства. Онъ чудесно сквозилъ сказочнымъ видѣніемъ среди чащи высокихъ липъ и большихъ деревьевъ, на берегу прозрачно-синяго Царскосельскаго пруда. Въ ясную погоду храмъ отражался въ глубинѣ водъ, какъ древній градъ Китежъ на днѣ заповѣднаго озера.

Царица тянулась душой къ временамъ древнимъ, къ той далекой старинѣ, когда люди были ближе къ Богу, когда они ревновали объ истинномъ благочестіи, когда они шли на казни и муки, радуясь и славословя Бога. Она любила древнее русское зодчество, старую русскую иконопись. Ее восхищала Русь Кіевская, Суздальская, Тверская, Черниговская, господинъ Великій Новгородъ и соборный Псковъ. Она благоговѣла передъ памятью строителей Русской Земли, ея святителей и подвижниковъ. Она сливалась съ ними духовно и ратовала о царствѣ Божіемъ на землѣ.

Для Феодоровскаго собора Царица избрала новгородскій стиль. Бѣлыя стѣны храма говорили о дѣвственной, безгрѣшной чистотѣ и непорочности, объ отрѣшенности отъ земныхъ страстей; сине-небесныя краски крышъ и подкрылій — устремляли взоръ къ небу; уходящій въ высь куполъ возносилъ мысли къ Престолу Всевышняго, къ блистанію славы божества, а узкія, высокія окна и тѣсныя двери — говорили о суровомъ монастырскомъ подвижничествѣ и о томъ, что только тѣсными вратами можно войти въ Царство Небесное.

Въ храмѣ Царица прошла въ особый, потаенный, скрытый отъ взоровъ, тѣсный притворчикъ. Передъ старинными иконами XIV и XV вѣковъ мерцали зеленыя, синія и малиновыя лампады. Мягкій полусвѣтъ падалъ изъ алтаря черезъ полуоткрытую дверь.

"Господи, Ты все знаешь и видишь, — произнесла она, упавъ на колѣни. Опустилась тяжело и замерла недвижно, устремивъ взоръ на образъ Богоматери въ мягкомъ свѣтѣ лампадъ. — Мати Всепѣтая, исцѣли мою больную душу, — шептала она беззвучно. — Дай мнѣ силы нести крестъ. Враги мои возстали на меня, ополчились ненавидящіе и преслѣдуютъ клянущіе. Ты знаешь, что я никому не хотѣла зла... Избавь меня отъ этихъ невыносимыхъ мукъ... Но если нужно нести крестъ, если на это есть воля Твоего сына, я буду нести его, только помоги, не оставляй меня... Сынъ Твой падалъ подъ тяжестью креста, что я могу, слабая... Помоги мнѣ"...

И она зарыдала. Слезы катились по блѣднымъ щекамъ. Сердце надрывалось отъ боли, отъ жалости къ несчастному, забитому судьбой мужу, къ дѣтямъ.

— Прости меня за то, что я слабая, не могу простить моимъ

врагамъ. Они оклеветали меня. Они не пожалѣли меня, какъ мать, не пощадили, какъ женщину, очернили, какъ жену. Они затоптали мое имя, мою честь, въ грязь и надругались надъ моими чувствами... Но Ты, милосердная, прости меня и ихъ прости...

Спустились давно сумерки. Въ узкія окна смотрѣла вечерняя темнота. Изъ глубины храма доносился древній великопостный напѣвъ: "Помощникъ и покровитель, бысть мнѣ во спасеніе. Сей мой Богъ, и прославлю Его: Богъ отца моего, и вознесу Его: славно бо прославися"...

Царица вышла изъ храма успокоенная и облегченная. Теперь она снова чувствовала силу нести крестъ.

2.

Трагически сложилась судьба этой женщины. Когда-то она мечтала, какъ мечтаетъ каждая дѣвушка, о большомъ человѣческомъ счастьѣ. Она была молода, прекрасна собою, была любима и сама любила такъ, какъ, можетъ быть, не любила ни одна женщина. Ея высокія нравственныя качества, доброе отзывчивое сердце, глубокая религіозность и выдающійся умъ, — давали основаніе думать многимъ, что она станетъ любимицей народа, что ее будутъ благословлять подданные. Но жизнь сложилась совсѣмъ иначе и совсѣмъ не такъ, какъ грезилось молодой принцессѣ.

Новая родина духовно полонила молодую Царицу. Безпредѣльный, таинственный просторъ земли, равнины, горы, пустыни, лѣса, моря и рѣки, весеннія грозы, зимніе бураны, вьюги, вѣтры степные, — все стихійное, широкое, могучее полюбила она пламенно и страстно. Здѣсь она нашла то, чего нѣтъ нигдѣ на бѣломъ свѣтѣ, чего не могла имѣть тѣсная, меркантильная, обездушенная Европа. Нашла русскую правду и русскую святость. Она открыла здѣсь новый духовный міръ, какого не было на культурномъ, просвѣщенномъ Западѣ, гдѣ почти всѣ говорили и крѣпко утверждали:

"На землѣ весь родъ людской
Чтитъ одинъ кумиръ священный.
Тотъ кумиръ — ТЕЛЕЦЪ ЗЛАТОЙ"...

Здѣсь, и въ жизни, и въ философіи, и въ духовнымъ исканіяхъ люди исповѣдывали идеалъ вселенскаго, всечеловѣческаго братства и христіанской любви. Тамъ, на Западѣ, воздвигали роскошные дворцы и замки, превозносили гордость человѣческую; здѣсь въ смиреніи и въ простотѣ строили монастыри, скиты и лавры. Тамъ поклонялись золоту, здѣсь чудотворнымъ ико-

намъ, мощамъ святыхъ угодниковъ и святынямъ народнымъ. Тамъ гордыня и стяжаніе, — здѣсь тихая сѣнь и смиреніе. И возлюбила Царица святую Богоносную Русь.

Но глухо осталось къ ней русское общество. Русская знать и русская интеллигенція не замѣтили и не оцѣнили нравственной чистоты молодой Царицы и ея восторженной любви къ новой Родинѣ. Да и какъ они могли оцѣнить, когда сами уже растеряли безцѣнное достояніе своего народа! Не понравилась обществу любовь Царицы къ патріархальной семейной жизни, къ ея скромному, непритязательному трудолюбію, къ умѣренности и къ нѣкоторой замкнутости.

Для "шумнаго свѣта", съ его специфической атмосферой, съ чудесно раскрашенной фальшью, лестью и ложью, съ пьянымъ разгуломъ, съ безсонными ночами, съ цыганщиной, съ чувственными развратными наслажденіями, съ пересудами и сплетнями, съ лѣностью и съ утраченнымъ чувствомъ русскости, — Царица была слишкомъ прѣсной. Почти съ первыхъ лѣтъ легла трещина между Царицей и обществомъ. Началось, какъ это часто бываетъ въ жизни, съ мелочей. Александра Феодоровна была робка, стыдлива и застѣнчива. По этой причинѣ она краснѣла, смущалась и избѣгала общества; она не умѣла и не могла очаровывать такъ, какъ очаровывала людей вдовствующая Царица Марія Феодоровна. И общество поставило ей въ минусъ "надменность, нелюдимость и холодность".

А когда между людьми ложится тѣнь непріязни, антипатіи и вражды, тогда они перестаютъ видѣть непріятнаго имъ человѣка нормальными глазами, съ нормальной точки зрѣнія и представляется онъ имъ, какъ въ кривомъ зеркалѣ, — въ искаженномъ видѣ: выпячиваются, растягиваются и расширяются однѣ стороны и суживаются, мельчаютъ и пріобрѣтаютъ комическій характеръ другія. Судятъ пристрастно, осуждаютъ строго.

Годъ за годомъ Царица рожала дѣтей или ходила беременная. Казалось бы, въ этомъ ничего не было противоестественнаго, шокирующаго и смѣшного. Весь свѣтъ рожаетъ. Но "свѣтъ" думалъ иначе. — "Она опять ходитъ брюхатой", говорили одни; "плодовитая нѣмецкая фрау", острили другіе; "Это же неприлично для Царицы. Рожаетъ, какъ простая баба", возмущались третьи.

Такъ же жестоко общество осудило увлеченіе молодой Царицы православными церковными обрядами и ея любовь къ ладонкамъ, крестикамъ и иконамъ. — "Это ужъ, извините, не православіе, не мистицизмъ, а какая-то примитивная психопатія и ненормальная изступленность", — авторитетно высказывались одни. — "Мы всѣ христіане, но это не значитъ, что мы должны увѣшивать наши комнаты образами. Это не только смѣшно, но это пахнетъ языческимъ фетишизмомъ, это почти идолопоклон-

ство. Богъ есть духъ, а не икона", — судили вкось и вкривь другіе отечественные "богословы".

Такъ и не наступила весна въ отношеніяхъ Царицы и общества. Чѣмъ дальше шло, тѣмъ хуже. Осеннія непогоды смѣнились суровыми зимними вьюгами, мятелями и свинцовымъ небомъ. Приближеніе ко Двору Вырубовой и Распутина привело къ длительной борьбѣ, которая оказалась одинаково роковой для обѣихъ сторонъ.

Дружба съ Вырубовой началась въ 1905 году. Къ этому времени Царица уже была душевно надломлена. Отношенія съ высшимъ обществомъ испортились въ конецъ. Ее томило и угнетало одиночество. Какъ всякій человѣкъ она искала сближенія съ кѣмъ-нибудь; искала общенія, искала женщину, или дѣвушку, съ которой она могла бы проводить время, дѣлиться своими мыслями и чувствами, гулять и развлекаться. Можетъ быть, это и явилось главной причиной приближенія "Аннушки", духовно и тѣлесно, характеромъ и умомъ съ ней совершенно разной, слѣпленной изъ другого тѣста.

Фрейлина Анна Александровна Вырубова, сбѣжавшая отъ мужа въ первую брачную ночь, была на десять лѣтъ моложе Александры Феодоровны. Круглоликая, съ искорками въ глазахъ, съ толстыми чувственными красными губами, съ тяжелой грудью, съ крутыми бедрами затянутая въ тугое платье, рѣзко выдѣлявшее сладострастныя формы молодого тѣла, — она вызывала у мужчинъ грѣшныя желанія.

— "Хорошая баба", "аппетитная самочка", говорили гвардейскіе офицеры, щеголеватые молодые люди и господа болѣе солиднаго возраста, безцеремонно разсматривая женщину жадными похотливыми глазами. — "Жаль, что она немного проста, немного вульгарна и похожа на провинціалочку"...

Возможно, что эта простота и непосредственность Вырубовой больше всего нравилась Царицѣ. Ежедневно они проводили вмѣстѣ долгіе часы, вели бесѣды, читали, пѣли, играли на роялѣ, или просто созерцали.

— Я каждый день благодарю Бога за то, что Онъ даровалъ мнѣ такую подругу, — говорила Царица уставшему мужу, когда семья сходилась вечеромъ вмѣстѣ.

Дружба странная и, по мнѣнію "свѣта", необъяснимая, продолжалась несмотря на всѣ пересуды, злословія, грязные намеки и оскорбительныя сплетни общества. Царица, какъ будто, шла наперекоръ всѣмъ. Невольно возникали вопросы: есть ли это сознательное, упрямое желаніе не считаться съ тѣмъ, что говорятъ, или она дѣйствительно ничего не замѣчаетъ и живетъ въ своемъ хрустальномъ уединеніи, отдыхая душой въ обществѣ Аннушки. Вѣроятно, по началу это такъ и было, а потомъ пришло упрямство и раздраженіе.

Въ послѣдніе годы отношенія съ Вырубовой были неровныя и часто тепло-холодныя. Безмужная дѣва-женщина стала проявлять приступы раздражительности, близкой къ истеріи, и нерѣдко капризничала. Это огорчало Царицу. Иногда она жаловалась супругу на неуравновѣшенность и неблагодарность Аннушки. Въ письмѣ отъ 4 апрѣля 1914 года она писала Государю:

"Ты мнѣ будешь страшно недоставать, но я рада за тебя, что ты два дня будешь въ отсутствіи и получишь новыя впечатлѣнія и ничего не услышишь объ исторіяхъ Ани. Мое сердце болитъ, мнѣ тяжело. Неужели доброта и любовь всегда такъ вознаграждаются? Сперва черная семья, а теперь вотъ она... Всегда говорятъ, что нельзя достаточно любить. Здѣсь мы дали ей наши сердца, нашъ домашній очагъ, даже нашу частную жизнь, а что мы отъ этого пріобрѣли? Трудно не испытывать горечи, такъ это кажется жестоко и несправедливо"...

Но жалуясь и страдая, Царица не могла измѣнить дружбѣ. Она была безсильна отстранить отъ себя Вырубову, ставшую ей необходимой. При Дворцѣ въ это время появилась другая, еще болѣе зловѣщая фигура, связь съ которой поддерживалась при содѣйствіи Аннушки. Вырубова была "фонографомъ словъ и внушеній" Распутина. Какъ въ классическихъ драмахъ, рокъ нагромождалъ вокругъ несчастной семьи трагическія обстоятельства.

Въ 1904 году, послѣ десяти лѣтъ супружества, Царица родила мальчика. Наконецъ сбылось то завѣтное желаніе, о чемъ она такъ страстно и неустанно просила Бога. Она любила этого ребенка въ своихъ мечтахъ задолго до его появленія. Она отдала ему всю свою материнскую нѣжность, ласку и заботу. Онъ былъ для нея свѣтъ и радость, тотъ солнечный лучъ, который блеснулъ для больного, уже уставшаго сердца, чтобы его согрѣть.

Но радость матери не была полной и не могла быть полной. Она томилась страшнымъ предчувствіемъ. Душу ея точила тайная тревога. Она хорошо знала страшную наслѣдственную болѣзнь Гессенскаго дома; отъ гемофиліи умерли ея дядя, братъ и два племянника. Царица ужасалась при мысли, что она можетъ передать эту болѣзнь своему сыну. Она вся холодѣла, сжималась и трепетала, когда по ночамъ, въ разстроенномъ воображеніи, предчувствіе переходило въ увѣренность.

Судьба была безжалостна. Скоро родители убѣдились, что ихъ возлюбленный сынъ боленъ проклятой болѣзнью. Оружіе скорби прошло душу и сердце Царицы. Съ этого момента она уже больше не знала покоя. Чернымъ, безысходнымъ мракомъ затянулись дни ея жизни. Одна мысль владѣла ею безпрестанно: "мой сынъ боленъ. Надо бороться за его жизнь"... Были продуманы всѣ предосторожности, были приняты всѣ мѣры; были призваны къ леченію медицинскія свѣтила: врачи, хирурги и профессора. Но все было напрасно: наука была безсильна, а убе-

речь отъ случайностей живого по характеру ребенка было невозможно.

Убѣдившись въ безплодности усилій человѣческихъ, Царица обратилась къ послѣднему прибѣжищу. Только одинъ Богъ можетъ спасти ея мальчика, только Онъ можетъ совершить чудо; только отъ Него зависитъ послать здоровье, радость и счастье. Часто въ мягкомъ молумракѣ потаенныхъ угловъ храма, прячась отъ людей, она смотрѣла немигающими, застывшими глазами на образъ Богоматери и беззвучно шептала слова, которыя ей подсказывала материнская любовь и материнская скорбь.

Приливы и отливы слѣдовали въ болѣзни. Когда послѣ припадка мальчикъ, медленно набираясь силъ, розовѣлъ, оживлялся и весело игралъ, сердце матери ликовало; пасхальнымъ звономъ раздавался для нея тогда звонкій смѣхъ сына. Въ душѣ воскресала надежда. Умиленная и радостная, сіяя отъ счастья, она говорила близкимъ: “Господь услышалъ меня. Онъ сжалился надо мною”.

Но радость скоро смѣнялась печалью. Страшная болѣзнь набрасывалась снова. Наступали дни тревоги, наступали минуты безпросвѣтнаго, мучительнаго, долгаго отчаянія. Только мать, только любящая безпредѣльно, до самозабвенія, мать можетъ понять и перечувствовать ту невыносимую боль, которую чувствовала Царица.

Въ одну изъ жуткихъ, страшныхъ минутъ, къ постели умирающаго мальчика, князь Путятинъ привелъ “старца” Григорія Распутина, человѣка съ горящимъ взглядомъ ветхозавѣтнаго пророка.

“Вѣрь въ силу моей молитвы, — сказалъ необыкновенный сибирскій крестьянинъ. — Вѣрь въ могущество моего заступничества передъ Богомъ и Твой сынъ будетъ жить”.

Царица содрогнулась. Надломленная долгой борьбой, доведенная до предѣла наивысшихъ страданій, она почувствовала трепетъ въ душѣ, точно обожгло огнемъ. Ее поразилъ громовымъ образомъ этотъ человѣкъ съ непонятной, загадочной силой. Давно уже ея душа влеклась къ таинственному и непостижимому. И вотъ передъ ней стоялъ “божій старецъ”, который властно сказалъ: “ в ѣ р ь ! ”. “Вѣрь въ чудо!..” И она повѣрила.

Распутинъ былъ высокъ ростомъ. Видъ имѣлъ типично мужицкій. Одѣтъ былъ въ просторную бѣлую рубаху на выпускъ, поясъ терялся въ складкахъ; черные штаны были вправлены въ высокіе сапоги. Длинный монашескій волосъ, съ неровнымъ проборомъ посрединѣ, мягко падалъ на плечи и сливался съ растрепанной густой черной бородой. На исхудаломъ блѣдномъ лицѣ выдѣлялся крупный носъ и глубоко сидящіе, острые, пронизывающіе, сѣровато-зеленые глаза. Въ этихъ лихорадочныхъ глазахъ былъ весь фокусъ и вся таинственная сила этого человѣка. Въ

минуты напряженія они какъ-будто излучали магическій, мерцающій свѣтъ.

Царица повѣрила въ силу Распутина; повѣрила безоглядно, не оставляя для себя никакихъ сомнѣній. Не разъ она собственными глазами видѣла чудо. Видѣла, какъ подъ таинственнымъ, напряженнымъ взглядомъ "старца", кровотеченіе останавливалось, болѣзнь какъ бы переламывалась и мальчикъ поправлялся. Видѣла и еще большее чудо.

Однажды, это было въ октябрѣ 1912 года въ Спалѣ, Цесаревичъ тяжко заболѣлъ. Врачи потеряли всякую надежду его спасти; съ минуты на минуту ожидали рокового конца. Распутинъ находился въ Сибири за нѣсколько тысячъ верстъ. Тутъ же ожидалъ прибывшій для доклада Государю министръ Иностранныхъ Дѣлъ С. Д. Сазоновъ. Во дворцѣ была напряженная, какая-то странная, притаившаяся тишина.

Сазоновъ сидѣлъ задумчиво въ креслѣ. Онъ былъ человѣкъ либеральнаго образа мыслей. Обычный тепло-прохладный интеллигентъ со скепсисомъ. Въ Распутина не вѣрилъ, надъ "чудесами" смѣялся; почиталъ ихъ выдумкой, или простой случайностью. Сейчасъ онъ думалъ о томъ, какія послѣдствія повлечетъ за собою смерть наслѣдника, въ чемъ онъ не сомнѣвался.

Внезапно дверь въ залъ раскрылась. Вошла Императрица. На ней не было лица. Бѣлая, какъ полотно, съ обрѣзавшимися глазами, она еле держалась на ногахъ. Но взглядъ у нея былъ радостный, на губахъ свѣтилась легкая улыбка.

— Врачи не констатируютъ у наслѣдника никакого улучшенія, но я больше не тревожусь, — сказала она Сазонову. — Я только что получила отъ отца Григорія вотъ эту телеграмму.

Сазоновъ, находившійся въ атмосферѣ общей тревоги, взволнованно взялъ изъ рукъ Государыни тонкій синій почтовый бланкъ. На немъ было написано:

"Богъ увидѣлъ Твои слезы и услышалъ Твои молитвы. Не печалься, — Твой сынъ останется въ живыхъ".

Утромъ весь дворецъ говорилъ о чудѣ. Температура у Наслѣдника пала, кровотеченіе остановилось и болѣзнь пошла на убыль. Сазоновъ разводилъ руками, подергивалъ плечами и искренно удивлялся происшедшему. За завтракомъ онъ сказалъ профессору Федорову: "Это невѣроятно; это совершенно непостижимо и необъяснимо; это какое-то чудо, фактъ котораго нельзя оспаривать".

Такъ судьба связала Распутина съ царскимъ дворцомъ. Постепенно росло его вліяніе. Распутинъ былъ преданъ престолу, обладалъ здоровымъ практическимъ смысломъ; совѣты подавалъ дѣльные и умные. И если его слушались иногда, въ этомъ ничего не было предосудительнаго. Государь могъ слушать чьи угодно совѣты и дорожить мнѣніемъ каждаго вѣрноподданнаго,

если это мнѣніе было разумнымъ и полезнымъ. Однако, участіе Распутина въ жизни Дворца было роковымъ для престижа династіи.

Вокругъ Распутина роемъ кружились авантюристы, темные финансовые дѣльцы, сексуальныя, эротическія психопатки и разныя пресмыкающіяся твари. Черезъ Распутина добивались министерскихъ постовъ честолюбивые карьеристы съ невзыскательной, гуттаперчевой совѣстью. При содѣйствіи Григорія ловкіе дѣльцы устраивали свои темныя дѣла. Его все больше и больше втягивали въ пьяныя оргіи. "Святой старецъ" скоро сталъ притчей во языцѣхъ. Во время пьянства онъ велъ себя непристойно, безобразничалъ, нерѣдко похвалялся своей близостью къ Царю и Царицѣ. Это раздражало общество и оскорбляло національную гордость. Распутинъ позналъ силу надъ людьми, власть денегъ, власть плоти, сладость грѣха.

Борясь за жизнь сына, Царица неминуемо и неизбѣжно должна была бороться за Распутина. Въ томъ положеніи, въ ка комъ находился вопросъ леченія, у нея не было выхода. Какая мать согласилась бы сознательно принести своего ребенка въ жертву политическимъ или общественнымъ соображеніямъ. И развѣ неестественно было то, что она хваталась за послѣднюю слабую соломинку, за призрачную надежду, въ которую она повѣрила.

Какъ всякая другая женщина, Царица одинаково больно переживала свои страданія, печаль, тревогу и тоску. Ея сердце было изранено. Она постоянно чувствовала душевный гнетъ. Это было выше силъ человѣческихъ. Въ сорокъ два года она была больной, разбитой женщиной съ сѣдѣющими волосами. Но она боролась.

Александра Феодоровна обладала сильной мужской волей. Чѣмъ больше жизнь ставила передъ ней препятствій, тѣмъ больше она сопротивлялась. Она не останавливалась передъ преградами, не отступала передъ врагами и не предавалась малодушію. За свою правду она боролась изступленно, до полнаго напряженія силъ. Для нея не было, и не могло быть, такихъ жертвъ, которыя бы она не принесла во имя любви къ мужу, къ сыну и къ Россіи. Свое здоровье, покой и всѣ свои силы, физическія и нравственныя, она бросала не жалѣя, не считая и даже не думая, что ихъ когда-то можетъ не хватить. Любовь повелѣвала ею; любовь и жалость были для нея движущей силой, которая восполняла недостатокъ силъ физическихъ и которая какъ бы гальванизировала эти силы, когда онѣ были на исходѣ, или когда ихъ уже больше не было.

Увлеченная борьбой, Александра Феодоровна шла впередъ, какъ изступленная слѣпая. Она уже не замѣчала, кто врагъ и кто другъ. Въ ожесточеніи отбрасывала отъ подножія трона даже та-

кихъ вѣрноподданныхъ, которые горячо любили Царя, желали блага Россіи и не помышляли ни о какихъ конституціонныхъ измѣненіяхъ. Врагомъ былъ всякій, кто возставалъ противъ Распутина, или неодобрительно о немъ отзывался. Несчастная женщина была въ томъ нравственномъ и психическомъ состояніи, когда уже не могла остановиться, оглядѣться и трезвыми глазами посмотрѣть вокругъ. Она ни одного мгновенія не сомнѣвалась въ своей правотѣ.

Пропасть между трономъ и обществомъ катастрофически увеличивалась, расширялась и углублялась. Все меньше и меньше оставалось вокругъ престола преданныхъ людей. Въ станѣ враговъ оказались даже члены династіи. Для пропаганды политическихъ враговъ режима были открыты огромнѣйшія возможности. Они ихъ использовали умѣло искусно, съ выдающейся энергіей. Душой Царицы овладѣли мрачныя тѣни. Повсюду чудились враги и недруги. Она замкнулась въ себѣ, прекратились балы, вечера, торжественные пріемы, парадные обѣды. Александровскій дворецъ, какъ монастырь, погрузился въ созерцательное, молчаливое и грустное одиночество.

Тучи сгущались, тяжелѣли, срывались порывы вѣтра. Наконецъ грянулъ громъ. Въ ночь на 16 декабря во дворцѣ князя Юсупова былъ убитъ Григорій Распутинъ и трупъ его брошенъ въ рѣку. Убійство совершили ближайшіе родственники Царя: двоюродный братъ великій князь Дмитрій Павловичъ и прекрасный Феликсъ Юсуповъ, женатый на племянницѣ, княжнѣ Иринѣ Александровнѣ. Помогалъ имъ обоимъ членъ Государственной Думы В. М. Пуришкевичъ.

Вѣсть объ "исчезновеніи Гришки" распространилась въ Петроградѣ съ быстротой молніи. Сенсація была огромная. Газеты соперничая другъ съ другомъ, стремились поднести читателю самый сногсшибательный полицейскій матеріалъ, Надо было использовать необыкновенный случай. Чего только не писали въ эти дни проворные борзописцы. Фантазія работала съ необыкновеннымъ подъемомъ. Печальныя были стыдливо прятались въ потокахъ небылицъ. Общество было въ восторгѣ. На лицахъ сіяло радостное возбужденіе. Знакомые и незнакомые обсуждали событіе и всѣ говорили, облегченно вздыхая, "Слава Богу!"

— Messieurs les assassins, je vous salue! — сказалъ на другой день великій князь Николай Михайловичъ, войдя въ комнату Дмитрія Павловича, гдѣ находился и встревоженный Феликсъ Юсуповъ. — Цѣню вашъ благородный порывъ. Вы избавили Россію отъ грязной гадины. Вы расчистили воздухъ. Кошмаръ кончился, а то и я на старости лѣтъ попалъ бы въ убійцы, хотя и питалъ всегда глубочайшее отвращеніе къ убійству ближняго и ко всякой смертной казни. Но то, что вы сдѣлали, есть только полумѣра. Надо обязательно покончить съ Александрой Феодо-

ровной и съ Протопоповымъ. Вы видите, у меня мелькаютъ замыслы новыхъ убійствъ...

А въ это время, въ Александровскомъ дворцѣ, одинокая Царица металась, какъ безумная. Горе ея было безгранично, отчаяніе безпредѣльно. Она почти находилась въ состояніи невмѣняемости. Рухнула ея послѣдняя, единственная надежда. Никто уже теперь не сможетъ облегчить страданія ея мальчика, не сможетъ спасти его. Въ безуміи сидитъ она въ своей комнатѣ. Ей слышится, какъ будто шопотъ, послѣднее страшное предсказаніе Григорія:

"Я знаю, меня не любятъ; а за меня и Тебя не любятъ. Они ищутъ моей головы. Горе, горе, матушка Царица. Не пройдетъ и шести недѣль послѣ моей смерти, какъ обрушатся на бѣдную Россію бѣдствія и дитяти будетъ угрожать большая опасность. Гибель вижу... гибель неминучую..."

Николаю Михайловичу не удалось организовать убійства Царицы. Его къ этому подстрекали, возбуждали и умоляли дѣйствовать, но время было упущено. Князь Юсуповъ былъ сосланъ въ провинцію, Дмитрій Павловичъ командированъ на Кавказъ, другихъ исполнителей не было. 31 декабря самъ великій князь получилъ царскій указъ о высылкѣ. Въ бѣшенствѣ, задыхаясь отъ охватившаго его раздраженія, не сдерживая себя, онъ сказалъ пришедшему Шаховскому: "Меня ссылаютъ въ Грушевку. Александра Федоровна торжествуетъ. Но надолго ли стерва удержитъ власть?.."

Бѣшеный потокъ проклятій, сорвавшійся съ великокняжескихъ устъ, подхватилъ "свѣтъ". Вспышка ненависти къ Царицѣ, какъ расплавленный металлъ, наполнила чувства салонной аристократической знати. "Не желаемъ терпѣть власть узкой, больной психопатки", кричали повсюду съ зубовнымъ скрежетомъ. "Не желаемъ, чтобы нами управляла своенравная, властолюбивая, сумасшедшая нѣмка"... "Не желаемъ, чтобы шайка авантюристовъ позорила Россію. Протестуемъ, протестуемъ, чортъ побери"... «Vous vous croyez une Marie Therèse, mais vous vous trompez. Vous devez ne vous occuper que des enfants et des mères», — написалъ Царицѣ въ обширномъ, на тридцати страницахъ, дерзкомъ посланіи, оберъ-егермейстеръ Иванъ Петровичъ Балашевъ.

Второго января Государыню посѣтила оберъ-гофмейстерина Е. А. Нарышкина. Начавшійся Новый Годъ не сулилъ ничего добраго. Царица была разстроена, раздражена, чувствовала упадокъ силъ. Она жаловалась на людскую несправедливость, неправду, и неблагодарность. Она негодовала на высшее общество, но больше всего на членовъ династіи, демонстративно не пришедшихъ поздравить Государя. На глазахъ ея то и дѣло навертывались слезы.

— Мнѣ такъ безумно жаль Государя. Онъ такой мягкій, добрый, кроткій, сердечный, отзывчивый, полный самоотреченія. Онъ

работаетъ сверхъ силъ человѣческихъ; ему нуженъ душевный покой, а они отравляютъ ему существованіе...

Нарышкина искренно, отъ всей души, жалѣла несчастную, измученную, издерганную и уставшую женщину. Хотѣла утѣшить, но и не могла скрыть правды.

— Государыня, мы переживаемъ время очень тревожное и неспокойное. Всѣ озлоблены. Чернь ведетъ себя возбужденно и дерзко. Положеніе очень опасное. Вы знаете мою преданность и любовь къ Государю и къ Вамъ. Это облегчаетъ мнѣ сказать то, что повелѣваетъ долгъ. Противъ Васъ въ обществѣ царитъ слишкомъ острое недовольство и раздраженіе. Можно опасаться непоправимыхъ послѣдствій. Это будетъ ужасно. Я осмѣливаюсь подать совѣтъ Вамъ и Государю: "уступите Думѣ; пойдите навстрѣчу пожеланіямъ страны. Вамъ будетъ лучше".

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, — съ жаромъ воскликнула Царица. — Si nous cedons d'une ligne, demain il n'aura plus d'Empereur, plus de Russie, plus de rien... Il faut être ferme et montrer que nous sommes les maîtres. Я знаю, меня многіе ненавидятъ. Ну что жъ, Богъ насъ разсудитъ...

Крупныя слезы заполнили ея голубые глаза и она снова заплакала.

Царица была искренна въ своемъ чувствѣ. Лукавство было ей несвойственно. Но также были искренны и тѣ, кто осуждалъ ее за вмѣшательство въ дѣла управленія. Сложилось твердое общее мнѣніе, что виновницей надвигающейся катастрофы яляется Государыня, только она одна. Это мнѣніе рѣшилъ высказать ей великій князь Александръ Михайловичъ. Седьмого февраля онъ былъ принятъ Императрицей. Больная Александра Федоровна лежала въ постели. Прекрасное, одухотворенное лицо ея со слѣдами физическихъ и нравственныхъ страданій было серьезно и сухо. На стѣнахъ спальни висѣли многочисленныя иконы и горѣли повсюду лампады.

— Аликсъ, я чувствую волненіе, приступая къ разговору съ тобой, — началъ великій князь. И онъ дѣйствительно волновался. — Я буду говорить только правду, какъ на исповѣди. Пусть всѣ святые угодники, иконы которыхъ я вижу здѣсь, будутъ свидѣтелями того, что я пришелъ къ тебѣ съ благими намѣреніями и буду говорить отъ чистаго сердца. Мое желаніе открыть тебѣ глаза на политическое положеніе страны, чтобы измѣнить курсъ, хоть въ послѣдній моментъ, пока не поздно. Можетъ быть ты въ послѣдній часъ поймешь, что мы наканунѣ революціи, что пропаганда проникла въ гущу населенія, что всѣ клеветы и сплетни принимаются за правду и что престижъ престола поколебленъ...

— Это неправда, — рѣзко перебила Государыня. — Народъ попрежнему преданъ Царю. Только предатели въ Думѣ и въ петроградскомъ обществѣ мои и его враги.

Она повернула негодующее лицо къ сидѣвшему рядомъ у кровати Государю, какъ бы желая ему сказать: "ты слышишь, что говорятъ".

— Аликсъ, я пришелъ, какъ другъ, какъ самый близкій, вѣрный другъ, который самъ страдаетъ, видя происходящее. Я не пришелъ препираться съ тобою. Ты отчасти права въ своемъ утвержденіи; но только отчасти. Нѣтъ ничего опаснѣе полуправды, Аликсъ. Нація вѣрна Царю, но нація негодуетъ по поводу того вліянія, которымъ пользовался Распутинъ. Никто лучше меня не знаетъ, какъ ты любишь Никки, но все же я долженъ признать, что твое вмѣшательство въ дѣла управленія приноситъ престижу Никки и народному представленію о самодержцѣ вредъ.

Въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ, Аликсъ, я былъ вашимъ вѣрнымъ другомъ. Я и теперь вашъ вѣрный другъ, но на правахъ таковаго я хочу чтобы ты поняла, что всѣ классы населенія Россіи настроены къ твоей политикѣ враждебно. У тебя чудная семья. Почему тебѣ не сосредоточить заботы на томъ, что дастъ твоей душѣ миръ и гармонію? Предоставь твоему супругу государственныя дѣла.

Лицо Александры Феодоровны покрылось багровыми пятнами; оно выражало негодованіе, возмущеніе и страстность. Государь спокойно курилъ, молчалъ и только скорбная тоска была въ его глазахъ. Не давая прервать свою рѣчь, великій князь продолжалъ:

— Ради Бога, Аликсъ, пусть твои чувства раздраженія противъ Государственной Думы не преобладаютъ надъ здравымъ смысломъ. Повѣрь мнѣ: коренное измѣненіе политики смягчило бы народный гнѣвъ. Не давайте этому гнѣву вырваться наружу...

Царица улыбнулась, и въ этой улыбкѣ ея было презрѣніе, нетерпѣливость и насмѣшка.

— Все, что вы говорите, смѣшно. Никки самодержецъ. Какъ можетъ онъ дѣлить съ кѣмъ-то власть, свои божественныя права.

— Вы ошибаетесь, Аликсъ, — возразилъ, приходя въ возбужденіе, но все еще сдерживаясь, великій князь. — Вашъ супругъ пересталъ быть самодержцемъ 17 октября 1905 года. Надо было тогда думать "о божественныхъ правахъ". Теперь это, увы, слишкомъ поздно. Быть можетъ, черезъ два мѣсяца въ Россіи не останется камня на камнѣ, что бы напоминало о самодержцахъ, сидѣвшихъ на тронѣ нашихъ предковъ.

Царица вспыхнула и, повысивъ голосъ, рѣзко замѣтила, приподнявшись на подушкѣ:

— Я не думала, что вы желали меня видѣть только для того, чтобы сказать примѣрно то, что говорятъ наши враги и что мнѣ хорошо извѣстно.

— Аликсъ, не забывайте, — въ бѣшенствѣ, съ яростью закричалъ Александръ Михайловичъ, — что я молчалъ тридцать

мѣсяцевъ. Я не проронилъ ни слова о томъ, что творилось въ составѣ нашего Правительства, или вѣрнѣе говоря — вашего правительства. Я вижу, что вы готовы погибнуть вмѣстѣ съ вашимъ мужемъ, но не забывайте о насъ. Развѣ всѣ мы должны страдать за ваше слѣпое безразсудство? Вы не имѣете права увлекать за собою вашихъ родственниковъ въ пропасть...

— Я отказываюсь продолжать этотъ споръ, — съ ледянымъ холодомъ прервала Царица. — Вы преувеличиваете опасность. Когда вы будете менѣе возбуждены, вы сознаете, что я была права.

Александръ Михайловичъ всталъ. Красивое, мужественное лицо его было блѣдно. Онъ едва сдерживалъ себя. На душѣ у него кипѣла злоба. И въ то же время онъ чувствовалъ неловкость, неудовлетворенность и такое сильное возбужденіе, отъ котораго нервно дрожало тѣло. Вотъ результатъ его посѣщенія: дикая сцена, почти ссора и взаимная пропасть. Надежда разсѣялась, какъ дымъ. Думалъ сдѣлать благо, вышло еще хуже. Теперь уже ничѣмъ не поправить ихъ взаимоотношеній.

Царица вѣрила только въ свою правоту. Ни малѣйшаго сомнѣнія не закрадывалось ей въ душу. Никто не смогъ бы убѣдить ее въ томъ, что ея дѣятельность причиняла вредъ Россіи. "Разъ я хочу блага, какъ я могу дѣлать зло. Несчастія происходятъ не оттого, что я помогаю мужу въ дѣлахъ государственнаго управленія, когда онъ отсутствуетъ, — а потому, что русское общество разболталось и вмѣсто дѣла разводитъ базаръ, занимается не тѣмъ чѣмъ нужно и должно во время войны". И она тоже была по своему права.

Кружились и завывали надъ русской землей ледяные вѣтры. Надвигалась роковая ночь, одна изъ тѣхъ историческихъ ночей, когда больная Россія погружалась въ пучину анархіи и кровавой смуты.

3.

Утро проснулось солнечное и яркое. Огромные залы Александровскаго дворца были залиты золотисто-блещущимъ, торжественнымъ свѣтомъ. Лучи весело играли, сверкали и отражались на зеркальномъ паркетѣ, на позолотѣ рамъ, на красномъ деревѣ, на хрусталѣ люстръ, на мраморѣ колоннъ, и заглядывали повсюду, куда было доступно. Въ этомъ свѣтѣ было какое-то живое, радостное, трепещущее начало. "Сіянье люстръ и зыбь зеркалъ слились въ одинъ миражъ хрустальный"... Розовый, чуть-чуть туманный воздухъ и чистая синь неба предвѣщали близкую весну.

Одѣваясь, Царица сказала комнатной дѣвушкѣ Аннѣ Степановнѣ:

— Какъ хорошо сегодня, Анюта. Господь посылаетъ свѣтъ, чтобы разогнать мракъ. Свѣтъ — это сіяющій ликъ Господень; мракъ — это дьяволъ. Въ солнечномъ свѣтѣ — мы черпаемъ радость, бодрость и надежду. Древніе люди поклонялись солнцу, какъ Богу. Не знали еще Бога, но чувствовали въ темнотѣ своей, что Онъ есть. Свѣтъ — это великая тайна и милость Господня. Въ духовномъ смыслѣ — свѣтъ и во тьмѣ ствѣтитъ. "Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ"...

Государыня задумалась; перестала одѣваться; устремила взоръ на иконы, смотрѣла нѣсколько мгновеній, потомъ, что-то рѣшивъ въ умѣ своемъ, о чемъ думала часто, добавила:

— Надо вѣчно благодарить Бога за все, что Онъ даетъ людямъ. А за то, что отнимаетъ, — не надо роптать. Значитъ такъ нужно. Мы не знаемъ Его воли. Не знаемъ, почему Промыселъ ведетъ насъ часто по тернистой дорогѣ. Вотъ теперь вокругъ тьма и мракъ. Люди озвѣрѣли, кровь льется потоками, какъ будто побѣждаютъ насъ силы зла. По легкомыслію, по непониманію, мы склонны къ скороспѣлымъ рѣшеніямъ. Мы готовы осуждать. Нашъ развращенный умъ и оскудѣвшее сердце соблазняетъ насъ: "Или Бога нѣтъ, или Онъ жестокій и несправедливый"... Но что мы знаемъ, ничтожные и жалкіе въ этомъ мірѣ. Ничего. Надо отдаться на волю Провидѣнія, иначе жить нельзя, иначе мы погибнемъ духовно подъ тяжестью неразрѣшимыхъ вопросовъ...

Днемъ Царица съѣздила на могилу Распутина. Она искала у него мертваго помощи, вѣруя безпредѣльно, что смерти нѣтъ. Вернулась обратно бодрая, посвѣжѣвшая, даже порозовѣвшая на морозѣ. На душѣ у нея было свѣтло и она написала Государю длинное, нѣжное письмо.

"...Солнце свѣтитъ такъ ярко и я ощущаю такое спокойствіе и миръ на его дорогой могилѣ. Онъ умеръ, чтобы спасти насъ. Будь спокоенъ и твердъ въ борьбѣ за нашу великую Родину. Господа изъ Думы умѣютъ только красно говорить о свободѣ, о принципахъ демократіи, о правахъ и о нашихъ непорядкахъ. Но критика — не есть творчество. Допусти ихъ къ управленію, — они надѣлаютъ непоправимыхъ глупостей. Кто насъ осуждаетъ? кто распускаетъ сплетни? Это распутные, пляшущіе, болтающіеся по ресторанамъ снобы. А народъ простой, который несетъ тяжесть войны, далекій отъ политиканства, онъ сердцемъ вѣренъ русскимъ вѣковымъ началамъ, вѣренъ тебѣ..."

Царица точно игнорировала опасность, какъ будто находилась въ состояніи слѣпоты къ окружающей дѣйствительности, къ тому невыносимому положенію, которое сложилось въ столицѣ. Страдая, находясь въ постоянномъ мучительномъ напряженіи, тревожась за мужа и сына, она не хотѣла признать величину и степень опасности, рѣшительно отвергала мысль, что вокругъ Трона горитъ, что его окружаютъ не вѣрноподданные уже, а враги, его

ненавидящіе. Она простирала свой духовный умственный взоръ къ необъятной Россіи, къ народу, который она противопоставляла высшимъ и культурнымъ классамъ и вѣрила въ эту Россію и въ этотъ народъ. Грозящей общей опасности не понимали и тѣ, съ кѣмъ она боролась за свою правду.

"Чтобы люди, съ крикомъ и грохотомъ колесъ несущіеся къ пропасти, услышали то, что имъ кричатъ тѣ, которые хотятъ спасти ихъ, имъ надо прежде всего остановиться"... такъ сказалъ Левъ Толстой въ одномъ изъ своихъ произведеній. Увы, этого желанія остановиться, сдѣлать передышку, оглядѣться вокругъ, у русскихъ людей не оказалось въ роковые февральскіе дни. Они продолжали бѣгъ, его ускоряя.

"А между тѣмъ рукой незримой
Нашъ Рокъ свой пишетъ приговоръ,
Безжалостный, неумолимый
Безумству нашему въ укоръ...

(Д. Ознобишинъ).

Чѣмъ выше мѣсто, съ котораго падаютъ, тѣмъ больнѣе паденіе. Чѣмъ неожиданнѣе горе, тѣмъ оно сильнѣе. Это общій законъ, какъ доказанная аксіома. Начало душевнаго пожара пришлось на вечеръ. Вечеромъ у сына обнаружился сильный жаръ. Онъ горѣлъ въ огнѣ, метался, плакалъ отъ головной боли и, раздирая сердце матери, повторялъ: "мама, больно; ой, какъ больно"... Въ эти минуты, когда сердце у матери надрывалось отъ боли, и безсильная помочь, — она только ласкала волосы и лицо наслѣдника, — Протопоповъ вызвалъ къ телефону графа Бенкендорфа и сообщилъ вѣсть о начавшихся безпорядкахъ.

"Въ Петроградѣ начался голодный бунтъ. Толпы окраиннаго люда требуютъ хлѣба. Несомнѣнно, — это только предлогъ, только ловкій трюкъ. Въ глубинѣ слышится подземный гулъ политической революціи"...

Такъ около шести часовъ вечера 23 февраля для Государыни начался одинъ изъ самыхъ роковыхъ моментовъ ея жизни. Началось послѣднее испытаніе, послѣдняя борьба женщины, матери и жены съ вихремъ, на нее налетѣвшимъ. Душу Царицы бросили въ огонь раскаленнаго пламени. Или перегоритъ она и ничего не останется, кромѣ золы, праха, или выйдетъ чистый сплавъ, по яркости подобный солнцу, по крѣпости — крѣпче закаленной стали.

Душевное томленіе, тревога и пронизывающая боль наростали съ каждымъ днемъ, сжимая въ тиски уставшее, больное сердце, нанося ему кровавыя раны. Съ каждымъ днемъ кривая нравственныхъ страданій быстро и рѣзко шла вверхъ. Болѣзнь сына осложнилась, состояніе его здоровья внушало самыя худшія опасенія. Плачъ, стоны и метанія мальчика вызывали у нея нестер-

пимыя мученія. Она безтрепетно и спокойно отдала бы себя на распятіе, лишь бы избавить его отъ страданій. Вслѣдъ за сыномъ заболѣла третья дочь и двѣ горничныхъ. Дворецъ превратился въ больницу. А изъ Петрограда шли вѣсти одна страшнѣе другой.

Царица забыла про сонъ и усталость. Духовное напряженіе и нервный подъемъ, которые въ эти дни были у нея такъ сильны, непрерывно возбуждали ея силы. Почти всѣ дни и ночи она проводила у постели дѣтей. Ходила по комнатамъ неслышно, какъ тѣнь. Если символическое выраженіе: "сердце разрывается на части отъ горя" — вѣрно, то здѣсь былъ моментъ наивысшихъ страданій. Молитва и вѣра не заглушали, не разсѣивали жестокихъ мукъ. Человѣческое, земное обуревало душу. Тянулись безконечно минуты, часы и дни страданій. Иногда она простиралась на полу въ своей спальнѣ, трепетала, содрогалась душой, замирала тѣломъ и оставалась недвижно въ этой позѣ унынія, скорби и уничиженія передъ лицомъ невѣдомаго Бога. Одинъ разъ Анюта случайно увидѣла и услышала, какъ она у древняго образа Иверской Божіей Матери говорила: "Пречистая! Холодно и страшно мнѣ. Осѣни, закрой своимъ покровомъ, защити, пошли утѣшеніе"...

Вечеромъ 25-го февраля пріѣхалъ съ докладомъ Протопоповъ. Либеральное общество и революціонная молодежь привыкли представлять министра Внутреннихъ Дѣлъ въ обликѣ человѣка демоническаго, держиморды и звѣря. Протопоповъ былъ не изъ такихъ; мрачная слава окружала его зря. Внѣшне онъ былъ пріятенъ, красивъ, хорошо одѣтъ, чисто выбритъ, пышные черные усы весело смотрѣли кверху. Наружно министръ былъ спокоенъ, бодръ, и на лицѣ его иногда играла улыбка.

Протопоповъ доложилъ Государынѣ о происходящихъ событіяхъ, о принятыхъ мѣрахъ къ подавленію безпорядковъ и, полный надеждъ, выразилъ увѣренность, что черезъ нѣсколько дней ему удастся со всѣмъ покончить и наступитъ успокоеніе.

— Ваше Величество, прошу Васъ не волноваться и не тревожиться. Все завершится благополучно: мѣры приняты, бунтъ будетъ ликвидированъ и враги получатъ по заслугамъ. Могу добавить къ этому: за Васъ и за Россію молится Григорій. Припомните мой сонъ, о которомъ я имѣлъ счастье Вамъ докладывать 15-го января. Я какъ сейчасъ вижу синее небо въ бѣлесыхъ тучахъ и среди облаковъ отецъ Григорій со вздѣтыми руками молится за Россію. Я явственно слышалъ его слова: "я молюсь за Русскую Землю и буду охранять ее отъ враговъ". Мы не должны волноваться. Будемъ надѣяться на хорошій конецъ.

Говорилъ ли Протопоповъ правду (конечно, онъ могъ видѣть такой сонъ), или подыгрывалъ на чувствахъ Государыни, вѣрилъ ли онъ въ силы полиціи, войскъ и въ принятыя мѣры для подавленія безпорядковъ, или только храбрился и хорохорился, — это въ сущности говоря не имѣло значенія, потому что

Государыня нуждалась въ успокоенiи и все сказанное готова была принимать за чистую правду. Она съ жадностью ловила слова, которыя несли ей хотя бы призрачную надежду. Съ слѣпымъ довѣрiемъ она отнеслась къ разсказу о Распутинѣ; она не почувствовала никакого кощунства въ томъ, что человѣкъ, проклинаемый Россiей, представленъ въ роли святого, — молитвенника за Русскую Землю. Она вѣрила въ святость старца, а то, что онъ грѣшилъ и падалъ — это для нея не имѣло значенiя, потому что "нѣсть человѣка, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ".

Воскресенье 26 февраля прошло почти спокойно; до половины дня выступленiй бунтующей толпы не было. Только около десяти часовъ Протопоповъ вызвалъ къ телефону личнаго камердинера Императрицы — Алексѣя Андреевича Волкова и сказалъ ему:

"Доложите Государынѣ. Въ Петроградѣ бурно. Объявлено осадное положенiе. Сегодня въ разныхъ мѣстахъ были кровавыя столкновенiя. Войска не надежны. Казаки переходятъ на сторону революцiонеровъ. Газеты не вышли. Бастуютъ всѣ фабрики и заводы. Трамвайное движенiе остановилось. Нѣкоторыя улицы забаррикадированы возставшими. Завтра рѣшится все. Надѣюсь, наша возьметъ верхъ. Я приказалъ полицiи занять посты на чердакахъ"...

Сообщенiе министра, которое Протопоповъ читалъ, повидимому, по составленному тексту, сильно разволновало стараго слугу. Онъ неодобрительно покачивалъ головой, вздыхалъ, кряхтѣлъ и повторялъ односложно съ досадой: "такъ, такъ, такъ"... Хотѣлъ спросить: "А накого же и на что вы надѣетесь, господинъ министръ, если казаки переходятъ къ мятежникамъ, а остальныя войска ненадежны?..", но изъ деликатности и учтивости не спросилъ, а только подумалъ. За успокоительными словами старикъ видѣлъ бунтъ, который разростался.

Волковъ не любилъ Протопопова; не чувствовалъ къ нему довѣрiя; считалъ его нѣсколько страннымъ, легковѣснымъ и не положительнымъ. Чрезмѣрныя любезности, которыя Протопоповъ расточалъ передъ всѣми, его раздражали. — "Не министръ, а просто патока; точно человѣка медомъ вымазали..." — бурчалъ онъ иногда сердито. — "Министру надлежитъ быть сановитому, спокойному, дѣльному и не заискивающему передъ каждой шушерой"...

Волковъ прожилъ большую и интересную жизнь. Тридцать пять лѣтъ онъ провелъ въ царскихъ дворцахъ, видѣлъ сильныхъ мiра сего въ интимной обстановкѣ, внѣ этикета, со всѣми человѣческими достоинствами и недостатками, съ выдержкой и слабостями, въ горѣ и въ радости. Передъ его глазами прошли блестящей вереницей короли, королевы, князья, вельможи, министры и особы высокаго духовнаго сана. Поле наблюденiя было огром-

ное и глаза его многое видѣли. Съ великимъ княземъ Павломъ Александровичемъ онъ изъѣздилъ всю Европу, былъ для него близкимъ человѣкомъ и по его просьбѣ благословилъ его, когда великій князь женился на госпожѣ Пистолькорсъ. Послѣдніе семнадцать лѣтъ прошли во дворцѣ при царствующемъ монархѣ.

Изъ всѣхъ лицъ, окружавшихъ Царя и Царицу — это былъ самый преданный, вѣрный и безкорыстный человѣкъ. Свою близкую къ Трону службу онъ не использовалъ и не желалъ использовать для своей выгоды. Онъ служилъ царю безъ лести и коварства. Почиталъ Царя, какъ отца, и какъ Сусанинъ готовъ былъ отдать за него жизнь. Трагедія царицы-матери прошла на его глазахъ. Ея жестокія душевныя страданія волновали его простую русскую душу и часто онъ смахивалъ стариковскія слезы.

Волковъ зналъ, какъ больно переживаетъ Царица неступившую смуту, какъ она томится въ ожиданіи все худшихъ и худшихъ извѣстій. Трудная была его роль сказать правду; каждое слово могло причинить ей невыносимую муку. Зналъ старикъ, что она, выслушавъ спокойно, не будетъ спать потомъ цѣлую ночь, будетъ долго стоять на колѣняхъ какъ черная монашенка, будетъ изступленно молиться. Замедляя шаги, останавливаясь, онъ шелъ съ докладомъ и напряженно обдумывалъ каждое слово. Онъ самъ страдалъ.

— Матушка-царица, министръ Внутреннихъ Дѣлъ проситъ доложить Вамъ, что безпорядки продолжались и сегодня. Кое-гдѣ стрѣляли. Трамваи не ходятъ. Завтра онъ ожидаетъ рѣшающій день и надѣется, что Правительство справится съ волненіями. Вотъ только казаки, какъ будто, переходятъ къ бунтовщикамъ...

— Этого не можетъ быть, — съ живостью воскликнула взволнованная царица. — Это ошибка; казаки не пойдутъ съ бунтовщиками.

— Ваше Величество, такъ просилъ доложить министръ Внутреннихъ Дѣлъ.

— Никогда не повѣрю. Казаки противъ Государя не пойдутъ. Они всегда были вѣрными. Измѣнятъ и предадутъ другіе, можетъ быть, многіе, но казаки не измѣнятъ. Какъ можно думать, что казаки оставятъ своего царя.

— Государыня, люди-то вѣдь измѣнились. Они забыли и Бога и Царя. Нельзя нынѣ всѣмъ вѣрить и на всѣхъ полагаться, какъ дѣлаете это Вы, — съ горечью возразилъ Волковъ.

Старикъ только досказалъ послѣднія слова, какъ раздался опять телефонный звонокъ. Снова говорилъ Протопоповъ.

"Доложите Ея Величеству, что я твердо надѣюсь подавить возстаніе. Я также предполагаю, что завтра рабочіе станутъ на работы".

— Конечно, это такъ и будетъ, — сказала Царица, когда ей Волковъ передалъ слова министра. Блѣдная улыбка надежды

мелькнула на ея лицѣ. — Господь не допуститъ, чтобы погибла Россія. Господь посылаетъ намъ испытанія, но онъ же нашъ помощникъ и покровитель. Святой Серафимъ сказалъ: "Бываете укоряемы — благословляйте, гонимы — терпите, хулимы — утѣшайтесь, злословимы — радуйтесь". Зачѣмъ намъ впадать въ отчаяніе...

Послѣднее извѣстіе привезъ секретарь министра на другой день. Видъ у него былъ на смерть перепуганный, лицо блѣдное, растрепанное, голосъ срывался, хрипѣлъ, будто у него пересохло въ горлѣ. По одному внѣшнему виду можно было судить, что пріѣхалъ онъ не съ добрыми вѣстями.

— Ваше Величество, положеніе въ столицѣ ужасное. Горитъ Литовскій замокъ, горятъ полицейскіе участки, тюрьма, судъ. Сожженъ домъ Министра Двора. Больная графиня Фредериксъ и ея дочь ночью увезены неизвѣстно куда. Полиція безсильна. На войска нельзя надѣяться. Нѣкоторые полки перешли на сторону бунтовщиковъ. Возрастаетъ анархія. Толпа наглѣетъ и безчинствуетъ. Изъ тюремъ выпущены уголовные преступники. Идутъ убійства офицеровъ. Съ минуты на минуту ожидается арестъ Правительства.

— Что же дѣлать? — спросила Царица упавшимъ голосомъ. Вѣроятно, этотъ вопросъ вырвался невольно. Что могъ посовѣтовать перепуганный, потерявшій самообладаніе, полицейскій чиновникъ? Отъ ошеломляющаго удара какъ бы затянуло сознаніе туманомъ. Огромность событій плыла передъ ней какой-то роковой безформенной массой. Она почувствовала, что подъ ней открылась пустота, какъ пропасть. Такъ падаетъ раненая птица.
— Что же дѣлать?..

Вопросъ остался безъ отвѣта. Почти всю эту ночь Царица сидѣла въ креслѣ недвижно. Нѣсколько разъ входила безшумно обезпокоенная Анюта и заставала ее все въ одной и той же позѣ.

— Государыня, можетъ быть Вамъ нехорошо? Не пригласить ли врача? — спросила робко, любовно и съ той женской мукой, на которую было такъ отзывчиво ея жалостливое сердце.

— Нѣтъ, Анюта, сегодня мнѣ нуженъ другой врачъ. Ту болѣзнь, которая гложетъ и надрываетъ меня, можетъ исцѣлить только Тотъ, во власти Котораго вся наша жизнь. Да будетъ святая воля Его...

Въ первомъ часу Царица читала Евангеліе. Она нашла то мѣсто отъ Луки, гдѣ повѣствовалось о страшной ночи въ Гефсиманскомъ саду, когда Іуда предалъ Христа. Она читала, перечитывала это короткое повѣствованіе и какъ изъ источника живой воды черпала силы для великаго боренія.

"...Пришедъ же на мѣсто, сказалъ имъ: молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе. И самъ отошелъ отъ нихъ на верженіе камня и, преклонивъ колѣна, молился, говоря: "Отче! о, если бы Ты бла-

говолилъ пронесть чашу сію мимо меня. Впрочемъ, не Моя воля, но Твоя да будетъ". Явился же Ему ангелъ съ небесъ и укрѣплялъ Его. И, находясь въ бореніи, прилежнѣе молился; и былъ потъ Его, какъ капли крови, падающія на землю"...

Къ утру она задремала, сидя въ креслѣ. Ей представился садъ у подножія Елеона съ оливковыми деревьями, звѣздная палестинская ночь, заснувшая мертвая тишина въ горахъ и въ долинѣ и какой-то мерцающій свѣтъ среди деревьевъ. Она подошла ближе и увидѣла Христа, распростертаго на камняхъ. Агнецъ Божій готовился быть преданнымъ въ руки грѣшниковъ. И, затрепетавъ, Царица проснулась.

На другой день больше никто не пріѣзжалъ. Связь съ Петроградомъ оборвалась. Доходили только тѣ случайные слухи, которые распространялись въ Царскомъ Селѣ. Не было вѣстей и отъ Государя. Телеграммы возвращались назадъ съ помѣткой краснымъ карандашомъ: "мѣстопребываніе адресата неизвѣстно". Царица была внѣ себя. Отчаяніе ея было безграничное, Она не находила себѣ мѣста, когда оставалась одна.

Но мужество не покидало ея. Сила воли была огромная. Какъ только входила она къ дѣтямъ, — лицо ея принимало спокойное, ласковое выраженіе. Она даже улыбалась, чтобы подбодрить больныхъ, отъ которыхъ скрывала о событіяхъ въ Петроградѣ. Спокойно бесѣдовала она съ людьми, ее окружавшими. Ничто не выдавало пока ея волненій. Лицо ея было попрежнему величаво и прекрасно. Это была подлинно Царица. Это была женщина — мать и жена, передъ величіемъ духа которой, передъ ея человѣческимъ достоинствомъ, нельзя было не преклониться, независимо отъ того, была ли она невольной, ослѣпленной виновницей несчастій, поразившихъ Россію, или сама была жертвой ослѣпленной человѣческой злобы.

"Весь свой вѣкъ подъ грозою сердитою
Простояла ты — грудью своей
Защищая любимыхъ дѣтей.
И гроза надъ тобой разразилась.
Ты, не дрогнувъ, ударъ приняла"...

(Некрасовъ).

Да, она приняла ударъ одна. Въ трагическіе дни Царицу покинули всѣ. Нужно было обладать большимъ гражданскимъ мужествомъ, чтобы въ эти дни не убояться показать свою симпатію. или проявить участіе къ женщинѣ, которую русское общество огуломъ считало виновницей катастрофы. Мужество въ эти страшные дни вообще оставило русскихъ людей и они его не проявили. Катились въ пропасть, а видѣли зарю новой жизни. Одни благоразумно отошли подальше; другіе самодовольно облачились въ про-

курорскую тогу: “мы предвидѣли, мы предупреждали, мы подавали совѣты, насъ не послушали, и вотъ результатъ”... Третьи просто злорадствовали, удовлетворяя чувство ненасыщенной ненависти. Четвертые больше всего думали о дѣлахъ своихъ, старательно помышляя о томъ, какъ спастись и незатронутыми выйти изъ грозы, потрясающей основы. Никто не пришелъ къ Царицѣ со словами смѣлыми, бодрыми и сильными, чтобы поддержать ея духъ въ трагическія минуты. Никто не предложилъ себя и свое оружіе для попытки, пусть даже безнадежной и заранѣе обреченной, остановить ходъ событій и спасти Тронъ. Кругомъ нея была жуткая пустота одиночества. Только немногіе раздѣлили ея волненія, тревоги и скорбь: Бенкендорфъ и Боткинъ, да простыя русскія души — Анюта — комнатная дѣвушка и Алексѣй Андреевичъ.

Потоки революціонныхъ событій неслись и гудѣли въ непосредственной близости отъ Царскаго Села. Въ любую минуту искры пожара могли перекинуться на Александровскій дворецъ. Царица отчетливо сознавала эту огромную роковую опасность и ея больше всего боялась. Когда вечеромъ 28 февраля въ поздній часъ пришло извѣстіе о томъ, что весь Петербургскій гарнизонъ перешелъ на сторону бунтовщиковъ, что правительство перестало существовать и министры находятся подъ арестомъ, что въ столицѣ царитъ анархія, льется кровь и Таврическій дворецъ сталъ штабомъ революціи, — Царица крикнула Бенкендорфу: “Я надѣялась на Бога, на его помощь и милость, но и Онъ насъ оставилъ. Вотъ совершается надъ Россіей гнѣвъ Божій, судъ Божій”... И не докончивъ словъ, она вышла изъ гостиной.

Какъ потомъ и почему она оказалась въ классной комнатѣ сына, она не могла припомнить. Она сидѣла на табуретѣ въ состояніи, которое послѣ ей самой казалось страннымъ и необъяснимымъ. Сознаніе ее было затуманено. Она видѣла надъ собой плывущіе потоки водъ. Волны катились и переливались, не покрывая ее. Какъ будто стеклянное дно ограждало ее, и черезъ это дно она видѣла бѣшеную массу проносящейся воды. Потомъ сверху упала кровяная капля и все сразу окрасилось въ багряный цвѣтъ. Напряженіемъ внутреннихъ силъ, она встряхнула себя. “Надо овладѣть собою”, мелькнула мысль. Недаромъ въ жилахъ ея текла мужественная кровь. Она встала, и опять къ ней вернулась сила, двигающая ее впередъ. Если бы дѣло касалось только ея, — она не устрашилась бы. Ее самое не смутили бы крики темной, анархической толпы, которые раздавались въ эти дни: “Долой Алису... Долой гессенскую нѣмку... Долой монархію”... Но дѣло касалось мужа, сына, Трона и Россіи. Она должна бороться до послѣдней возможности.

Царица переборола мучительное томленіе духа. Она рѣшила пригласить великаго князя Павла Александровича. Страхъ за грядущее отнималъ у нея покой, но онъ же возрождалъ и удесяте-

рялъ ея духовную сопротивляемость. Еще недавно, послѣ убійства Распутина, она отказалась принять великаго князя, когда онъ пришелъ просить ее о смягченіи судьбы своего сына. Теперь она сама умоляла его прибыть къ ней немедленно. Передъ лицомъ событій, ломающихъ все, она сломила свою гордость и свое ожесточенное негодованіе, которое питала къ членамъ династіи.

— Государя нѣтъ здѣсь, — сказала она великому князю. — Некому принять мѣры, необходимыя къ подавленію бунта. Военныя власти проявили малодушіе и трусость. Государь врядъ ли знаетъ о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Петроградѣ. Если ему кто-либо сообщаетъ о происходящемъ, напримѣръ Родзянко, то можно опасаться, что свѣдѣнія ему передаются въ соотвѣтствующемъ освѣщеніи, дабы вынудить его къ принятію ихъ требованій. Поѣзжайте на фронтъ. Попробуйте привести людей, которые будутъ намъ вѣрными. Надо любой цѣной спасти Тронъ, находящійся въ опасности. Нельзя допустить, чтобы бунтъ петербургскихъ рабочихъ привелъ къ крушенію государства.

— Я не могу исполнить этого порученія, — отвѣтилъ рѣшительно великій князь. — Я не былъ начальникомъ гвардіи. Ни она меня, ни я ее, — мы другъ друга не знаемъ. Я для гвардіи человѣкъ чужой.

— Господи, да развѣ можно останавливаться надъ такими вопросами? — замѣтила съ горечью Царица. — Сейчасъ дорога каждая минута. Нужна инціатива безъ промедленія; нужно противодѣйствіе бунтующимъ силамъ.

— Я сомнѣваюсь въ цѣлесообразности моего участія, — возразилъ великій князь. — Моя инціатива въ этомъ направленіи ничего не дастъ. Скажу откровенно, — у меня создалось такое впечатлѣніе, что сейчасъ всѣ войска разложены и революціонизированы. Таково дыханіе въ воздухѣ. Всѣ жаждутъ перемѣнъ: отъ генераловъ и общества до народныхъ низовъ. Люди устали отъ войны, и эту усталость использовали революціонеры. Я Вамъ совѣтую: напишите письмо Никѣ и пошлите съ кѣмъ-нибудь изъ флигель-адъютантовъ. Ему лучше извѣстно, на кого можно опереться. Пусть самъ распорядится, какъ нужно.

Отказъ великаго князя огорчилъ Царицу. Даже самая неудачная, маловѣроятная попытка все же представлялась ей лучше, чѣмъ бездѣйствіе. Не въ ея характерѣ было оставаться сидѣть, сложа руки. Въ тотъ же вечеръ она вызвала флигель-адъютанта Линевича, передала ему письмо и приказала немедленно выѣхать на розыски Государя.

Около девяти часовъ вечера, маленькая баронесса Софія Карловна Буксгевденъ — фрейлина Императрицы — постучала къ Жильяру — воспитателю Наслѣдника. На хорошенькомъ личикѣ дѣвушки отражался крайній испугъ. Она вся дрожала. Вѣроятно. сердце ея билось, какъ у пойманной птички.

— Mr. Gilliard, je viens d'apprendre tout de suite, que la garnison Tsarskoie-Selo s'est mutinée et que l'on tire dans la rue. Il faut avertir l'Impératrice qui est auprès des grandes-duchesses...

Извѣстіе было неожиданное и страшное. Людямъ все еще казалось, что петербургскія событія пройдутъ стороной. Царица поспѣшно вышла въ коридоръ. На ея утомленномъ и грустномъ лицѣ застылъ тревожный вопросъ. Какъ будто, безъ словъ спрашивала: "Что еще? какое новое несчастіе?". Буксгевденъ разсказала объ извѣстіи, только что переданномъ по телефону. "Взбунтовавшіяся войска и толпа направляются ко дворцу". Дѣвушку билъ нервный ознобъ; наконецъ она, рыдая, захлебнулась, мужество оставило ее, полились слезы и она забилась въ истерикѣ.

— Софи, мое милое, бѣдное дитя, не надо волноваться. Трудно переживать то, что происходитъ. Но Господь надъ нами и Матерь Пречистая осѣняетъ насъ Своимъ омофоромъ. Они здѣсь, около насъ, съ нами. Чего же намъ бояться?..

Втроемъ они подошли къ окнамъ. На дворѣ стояла мглистая ночная темень. Небо было въ тучахъ. Снѣгъ смутно, сѣрыми пятнами бѣлѣлъ въ углахъ площади и висѣлъ гроздьями на вѣткахъ спящихъ деревьевъ. Передъ главными воротами дворца и вдоль чугунной рѣшетки стояли роты Сводно-гвардейскаго полка. Пулеметчики устанавливали пулеметы. Генералъ Ресинъ — командиръ полка — разговаривалъ съ группою офицеровъ; по его жестамъ было видно, что онъ отдавалъ приказанія.

Царица глядѣла въ темноту уставшими отъ безсонныхъ ночей, много слезъ выплакавшими, глазами. Можетъ быть, еще не совсѣмъ ясно понимала и осознавала. что происходитъ тамъ, во тьмѣ, за оградой дворца. Можетъ быть, смутно надѣялась, что страхи преувеличены, оспасность не такъ велика и все понемногу успокоится и разсѣется. Подошедшей дочери, великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ, сказала съ полнымъ самообладаніемъ:

— Получено сообщеніе, что въ Царскомъ неспокойно. Солдаты вышли изъ повиновенія и безобразничаютъ. Я не думаю, чтобы они не образумились. Ихъ безчинства могутъ радовать только враговъ Россіи. Конечно, они русскіе люди, которыхъ злодѣи вовлекаютъ въ смуту и ведутъ на путь безумія..., они поймутъ, что долгъ передъ родиной повелѣваетъ хранить порядокъ и воинскую дисциплину.

Три женщины и одинъ мужчина стояли у окна въ полутемномъ огромномъ залѣ дворца; свѣтъ проникалъ изъ сосѣднихъ комнатъ, падая треугольниками на паркетный полъ. Они старались разглядѣть происходившее на замерзломъ дворѣ, услышать слова или команды и понять, какъ велика опасность. Сильный драматическій сюжетъ для художника представляла эта группа людей, что-то выжидающихъ. Тревоги настоящей еще не было, но она

уже гдѣ-то росла, напрягалась, откуда-то незримо ползла. Сѣрая, угрюмая ночь зловѣще хранила страхи и подготовляла въ своей темнотѣ неслышно надвигающуюся драму.

Вотъ кто-то подбѣжалъ къ генералу Ресину и что-то ему доложилъ, послышались крики, вѣроятно команды; солдаты быстро начали расходиться вдоль чугунной рѣшетки. Прибѣжалъ старикъ Волковъ: "Ваше Величество, по телефону передали, что ко дворцу приближаются толпы мятежниковъ... Только что ими убитъ полицейскій"... Вотъ гдѣ-то совсѣмъ близко раздался сухой трескъ ружейной стрѣльбы... Стало очевиднымъ: "сейчасъ начнется кровопролитіе, ужасъ, безуміе".

Не говоря ни слова, какъ была, безъ пальто, съ шерстянымъ платкомъ на плечахъ, Царица бѣгомъ бросилась на дворъ. За ней спѣшила дочь, еще не понимавшая, что дѣлаетъ, чего хочетъ мать. На княжнѣ было только черное шерстяное платье. Жильяръ и Софія Буксгевденъ остались стоять у окна недвижно, потрясенные и дрожащіе. Въ эти мгновенія, когда кровь холодѣла, или бѣжала горячимъ потокомъ, когда некогда было раздумывать, Царица поступала, подчиняясь инстинкту матери: защитить дѣтей любой цѣной.

Навстрѣчу Царицѣ отъ воротъ быстрыми, крупными, пѣхотными шагами шелъ, увидавшій ее, генералъ Ресинъ, высокій, плотный, въ теплой зимней генеральской шинели съ отсвѣчивающими орлами пуговицъ. Остановившись на положенной дистанціи, онъ доложилъ:

— Ваше Величество, ко дворцу приближаются мятежники. Я приказалъ встрѣтить ихъ огнемъ, если они попытаются проникнуть во дворецъ.

— Благодарю васъ, генералъ, но я прошу избѣжать столкновенія. Я не хочу, чтобы здѣсь пролилась кровь, чтобы стрѣльба обезпокоила дѣтей. Пошлите сказать бунтовщикамъ, что во дворцѣ лежатъ больныя дѣти и больные слуги.Я среди нихъ одна какъ мать и простая сестра милосердія. Я никуда не бѣгу отсюда и не побѣгу; я беззащитна. Сейчасъ, здѣсь, — я только женщина...

Царица пошла вдоль ограды. Какія мысли руководили ею, она, пожалуй, не смогла бы отвѣтить. Было подсознательное стремленіе видѣть опасность передъ собой, лицомъ къ лицу, а не ожидать ее въ жгучей, непереносимой тревогѣ, когда она вдругъ нагрянетъ внезапно. Соприкосновеніе съ солдатами вернуло ей мужество. Обходя людей, она разговаривала съ офицерами и солдатами, просила воздержаться отъ неосторожныхъ дѣйствій, могущихъ вызвать кровавую бойню. Съ задушевной прямотой и скорбью она говорила о страшномъ вредѣ для русскаго дѣла, который причиняетъ бунтъ. Она говорила еще о болѣзни дочерей и о тяжкихъ страданіяхъ Наслѣдника. Слова ея будили въ сердцахъ горячую отзывчивость и сочувствіе. Самое

появленіе Царицы съ дочерью среди ночи, въ необычайной обстановкѣ, произвело замѣтное впечатлѣніе. Сверхсрочнослужащій фельдфебель сказалъ растроганно:

— До чего мы дожили. Обезумѣли люди, — на Царя пошли. Кого послушали? — Сицилистовъ да разныхъ негодяевъ. Ты не бойся, Царица-Матушка, мы тебя и царскихъ дѣтей въ обиду не дадимъ...

На глазахъ Государыни появились слезы. Мужество, которое она проявляла въ эти дни и все нравственное напряженіе должны были окончиться какой-то сильной реакціей. Къ горлу ея подкатилъ комокъ, она пошатунулась, протянула старику руку, сказала "спасибо" и вся въ слезахъ пошла назадъ, повторяя: "За что, за что?"...

Послѣ безсонной, безпокойной ночи Царица снова послала за великимъ княземъ Павломъ. Онъ пріѣхалъ не сразу.

— Où est mon époux? Est-il vivant? Que faut-il faire pour calmer l'agitation? — быстро спросила она, подавая руку и цѣлуя князя въ голову.

Павелъ Александровичъ замѣтилъ, что за эти дни Царица осунулась и постарѣла на десять лѣтъ.

— Вотъ что надо сдѣлать, — сказалъ великій князь, протягивая сложенную вчетверо бумагу. Это былъ манифестъ о дарованіи полной конституціи и учрежденіи отвѣтственнаго Правительства. Подъ нимъ стояли подписи великихъ князей: Михаила Александровича, Павла Александровича и Кирилла Владиміровича. — Этотъ проектъ мы вручили подъ расписку Милюкову. Надъ этимъ нельзя медлить ни минуты. Императоръ не долженъ дѣлать никакихъ оттяжекъ.

— Я согласна и одобряю, — отвѣтила Царица. — Я лишена возможности сноситься съ мужемъ. Мои телеграммы возвращаются назадъ. Если вы можете, — пошлите этотъ проектъ Государю возможно скорѣе...

Ночью Родзянко вызвалъ къ телефону Бенкендорфа. Голосъ у него былъ встревоженный, нервный и осипшій.

— Скажите Императрицѣ, чтобы она и дѣти тотчасъ же уѣзжали изъ дворца. Грозитъ большая опасность. Сейчасъ ни за что нельзя ручаться.

— Дѣти тяжко больны. У Наслѣдника и у старшихъ княженъ температура сорокъ градусовъ. Ихъ нельзя везти, — отвѣтилъ старый, сѣдой, величественный графъ. — И куда поѣдешь? — добавилъ онъ безнадежно. — Вездѣ анархія и развалъ.

— Уѣзжайте, куда угодно, — нетерпѣливо и раздраженно бросилъ Родзянко. — Уѣзжайте скорѣе. Когда горитъ домъ, — и больныхъ дѣтей уносятъ. Вы не понимаете, какъ велика опасность. Вы живете, господа, какъ святые.

— Святые живутъ праведной жизнью, Михаилъ Владиміро-

вичъ. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать относительно грѣшниковъ, — спокойно отпарировалъ царедворецъ.

Когда Бенкендорфъ передалъ Царицѣ разговоръ съ Родзянко, она возбужденно, съ горячностью, рѣзко и громко сказала:

— Никуда, никуда не поѣдемъ. Пусть дѣлаютъ со мной, что хотятъ, но я дѣтей губить не стану. Они пророчили мнѣ судьбу Маріи-Антуанетты, — пусть будетъ то, чего они желали. Я отдаю себя на волю Провидѣнія.

Бенкендорфъ замѣтилъ, какъ по лицу Государыни пробѣжали мрачныя тѣни. Оно измѣнилось, приняло ожесточенное выраженіе; запавшіе глубоко глаза горѣли рѣшимостью; лѣвой рукой прижимала сердце, правая дрожала на спинкѣ кресла.

Третьяго марта Царица опять позвала великаго князя. Онъ казался ей симпатичнѣе, проще и душевнѣе другихъ. Она ненавидѣла умнаго, злоязычнаго Николая Михайловича, рѣзко была настроена противъ Кирилла Владиміровича и не очень любила брата Государя, великаго князя Михаила. Въ этотъ день къ полудню распространился слухъ объ отреченіи. Но ни у кого не хватило мужества и смѣлости сообщить новость Царицѣ. У нея былъ болѣзненный, измученный видъ, лицо блѣдное, съ темной синевой подъ глазами. Она еле держалась на ногахъ, — видно мужество покупала очень дорогой цѣной.

— Что вамъ извѣстно о Государѣ? Имѣете ли вы свѣдѣнія гдѣ онъ находится, и что происходитъ внѣ Петрограда? — съ живостью спросила она, какъ только они сѣли въ салонѣ.

— Государь вчера, поздно вечеромъ, во Псковѣ... — великій князь сдѣлалъ паузу, какъ будто запнулся, опустилъ голову и, понизивъ голосъ, закончилъ фразу, — отрекся отъ престола.

— А-а, — раздался протяжный стонъ, похожій на шопотъ.

Павелъ Александровичъ посмотрѣлъ на помертвѣвшее лицо. Ему стало не по себѣ. Испугался рокового исхода: выдержитъ ли больное сердце Царицы. Съ минуту молчалъ, смотря пустымъ взоромъ по сторонамъ. Взглядъ упалъ на висѣвшій гобеленъ: “Марія-Антуанетта съ дѣтьми”. Подумалъ: “Вотъ она, новая жертва”. Вслухъ сказалъ: — Ники передалъ власть Мишѣ.

— Je n’y crois pas! — вскрикнула вдругъ Царица такимъ голосомъ, какъ кричатъ раненые отъ нестерпимой боли.

— Вотъ сообщенія газетъ. Онѣ съ большимъ оптимизмомъ, на высокихъ мажорныхъ нотахъ пишутъ о радостномъ событіи, открывающемъ зарю новой жизни.

— Ce ne sont là que des mensonges, des inventions des journaux. Je crois en Dieu et en armée. Ils ne nous ont pas encore abandonnés...

— Государыня, не только Богъ оставилъ, но и вся армія присоединилась къ революціи. Увы, скольженіе въ пропасть видѣли

очень многіе и, къ несчастью, этого не видѣли вы, упорно закрывая глаза на то, что было вокругъ...

Великій князь чувствовалъ, что онъ говоритъ безжалостныя слова. Ему показалось, что только въ этотъ моментъ, можетъ быть, въ первый разъ, Императрица пала духомъ. Онъ вывелъ также заключеніе, что она поняла, какое зло причинила Россіи и Трону распутинская вакханалія.

Спустя два дня, великій князь снова былъ у Императрицы. Она не могла больше говорить. Она плакала навзрыдъ, рыдала и просила то и дѣло сказать, что она должна дѣлать. Распухшіе глаза были красны отъ слезъ. Въ эти роковые дни она проходила черезъ послѣднія, наивысшія страданія. Она поднялась на Голгофу; ее распинали, въ душу ея вбивали гвозди и сочилась незримо для всѣхъ кровь изъ нанесенныхъ ранъ.

Голгофу Царица преодолѣла. Уже седьмого марта, посѣтившая ее гофмейстерина Елизавета Алексѣевна Нарышкина сообщила знакомымъ: "Была у Императрицы. Она спокойна, очень кротка, у нея необыкновенное, непостижимое величіе души. Мнѣ кажется, она не вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ въ непоправимости совершившагося. Ждетъ Государя. Просила отслужить напутственный молебенъ, — ей отказали. Плакала, когда сообщили, что въ церквахъ больше не поминаютъ благочестивѣйшаго Царя. Сейчасъ и это прошло. Она мнѣ сказала:

"Богъ сильнѣе людей. Христа евреи мучили, первосвященники Его проклинали, чернь надъ нимъ глумилась, — Ему плевали въ лицо и били по ланитамъ, потомъ Его распяли. Но Христосъ вскресъ, возсіялъ, смертью побѣдилъ смерть и намъ показалъ путь жизни. Меня не страшатъ испытанія; я не боюсь мукъ, ни клеветы, ни глумленія. Господь все видитъ. Онъ мой помощникъ и покровитель".

Восьмого марта генералъ Корниловъ, по приказу Временнаго Правительства, арестовалъ Царицу. Революція дѣлала свое дѣло. Отреченія Царя было мало: голодный звѣрь жаждалъ крови. Пропаганда звала улицу къ расправамъ, къ убійствамъ. А толпа страшна и безпощадна, когда у нея горятъ по-волчьи глаза, ноетъ чувство неудовлетворенной мести и кровавой бѣшеной слюной брызжетъ изо рта.

ОТРЕЧЕНІЕ

Утромъ 25-го февраля изъ губернаторскаго дворца въ Могилевѣ на Днѣпрѣ вышелъ невысокаго роста человѣкъ въ сѣрой черкескѣ, стройно облегающей фигуру, съ Георгіемъ 4-й степени на груди и въ черной папахѣ. За нимъ шелъ высокій полковникъ въ длинной шинели сѣраго солдатскаго сукна и другой полковникъ пониже съ погонами офицера генеральнаго штаба. Группа прошла вдоль рѣшетки городского сквера, пересѣкла Днѣпровскій проспектъ и по широкой лѣстницѣ поднялась въ большое зданіе казеннаго типа.

Въ этотъ часъ на улицѣ и на площади было обычное движеніе. Для человѣка чужого, не русскаго, появленіе этой группы совсѣмъ не бросилось бы въ глаза. Скромно вышли, скромно прошли и незамѣтно скрылись. Никто впереди и по бокамъ не гарцовалъ на конѣ, никто не разгонялъ толпу, никто не трубилъ въ трубы и не провозглашалъ ничего. Жизнь текла обычнымъ порядкомъ. Только военные становились "во фронтъ" и отдавали честь, а штатскіе низко снимали шапки и долгимъ взглядомъ провожали прошедшаго человѣка. Только это отчасти и говорило, что среди людей прошелъ кто-то несовсѣмъ обыкновенный.

Дѣйствительно, — этотъ невысокій, скромно одѣтый человѣкъ, прошедшій безъ помпы и церемоній, былъ тотъ, кого Церковь называла "благочестивѣйшимъ", кто олицетворялъ Россію, былъ краеугольнымъ камнемъ въ ея историческомъ строеніи и кто былъ Верховнымъ Главнокомандующимъ вооруженными силами огромной имперіи. Тихая, спокойная, благородная скромность Царя была скромностью всей Земли Русской, всего народа. Она была его украшеніемъ, его подлиннымъ величіемъ.

Полтора года тому назадъ русская армія оказалась въ трагическомъ положеніи: безъ снарядовъ и патроновъ она должна была отступать въ глубь страны; къ срединѣ августа была оставлена Польша, Литва, Бѣлоруссія и часть Курляндіи. 16 іюля военный министръ генералъ Поливановъ сообщилъ Правительству о тяжкомъ положеніи на фронтѣ; свой докладъ онъ началъ словами: "Считаю своимъ гражданскимъ и служебнымъ долгомъ заявить Совѣту Министровъ, что о т е ч е с т в о в ъ о п а с н о с т и"... "На темномъ фонѣ матеріальнаго, численнаго и нравственнаго раз-

стройства армiи, есть еще одно явленiе, которое особенно чревато послѣдствiями и о которомъ нельзя умалчивать. Въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго наблюдается полная растерянность. Она тоже охватывается убiйственной психологiей отступленiя и готовится къ отходу вглубь страны, на новое мѣсто. Назадъ, назадъ, назадъ — только и слышно оттуда"...

Стремительный отходъ русской армiи вызвалъ катастрофическiя послѣдствiя. Отступали не только штабы, войска, интендантскiе склады, госпиталя, всѣ тыловыя учрежденiя, отступали также въ паническомъ бѣгствѣ миллiоны жителей. Начинался тыловой хаосъ. Надо было подлинно спасти Отечество и принять для этого исключительныя мѣры, которыя могли бы измѣнить ходъ событiй и дать благодѣтельные результаты. Въ этотъ роковой русскiй часъ Государь рѣшилъ стать во главѣ вооруженныхъ силъ.

Рѣшенiе Царя вызвало страстный, несдерживаемый вопль русской общественности. "Надо не допустить до этого шага", — кричали, говорили, нашептывали отечественные "патрiоты". "Государю не по плечу и не по знанiямъ непосредственное руководительство войною..." — авторитетно утверждалъ въ Ставкѣ генералъ Ю. Н. Даниловъ. "Во имя спасенiя страны и спасенiя Династiи надо сломить волю Монарха и заставить его подчиниться, вмѣсто мистики, политической реальности..." — говорилъ въ салонѣ профессоръ баронъ Нольде. "Примите рѣшительныя мѣры противодѣйствiя, чтобы онъ отказался отъ своего намѣренiя", — требовалъ отъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ Михаилъ Родзянко. Наконецъ, восемь министровъ написали Царю коллективное письмо и подали въ отставку; "Находясь въ такихъ условiяхъ, мы теряемъ вѣру въ возможность съ сознанiемъ пользы служить Вамъ и Родинѣ"...

Государь выдержалъ огромный натискъ, выслушалъ множество вѣрноподданическихъ любезныхъ просьбъ, остался твердъ и спасенiе Родины взялъ въ свои руки. Вмѣсто нравственной поддержки, въ грозную минуту, онъ встрѣтилъ дружный отпоръ, кликушескiя предсказанiя гибели, завуалированную вражду и то отношенiе, которое на практическомъ языкѣ можно было бы выразить словами: "мы тебя, Царь-батюшка, въ грошъ не цѣнимъ"... "Всѣ попытки отговорить Царя указанiемъ на опасность и рискъ занятiя этой должности не помогли, — записалъ въ своей книжечкѣ профессоръ Павелъ Милюковъ. — Распутинъ убѣдилъ Императрицу и Императора, что принятiе командованiя въ моментъ, когда врагъ углубился въ предѣлы имперiи, есть религiозный долгъ Самодержца. Мистическiй взглядъ на свое призванiе, поддерживаемый сплотившимся придворнымъ кружкомъ, окончательно парализовалъ всѣ другiя влiянiя. Отнынѣ всѣ попытки извнѣ указать Царю на возрастающую опасность народнаго недовольства будутъ наталкиваться на пассивное сопротивленiе

человѣка, подчинившагося чужой волѣ и потерявшаго способность и желаніе прислушиваться къ новымъ доводамъ. Ходятъ слухи, что это состояніе умственной апатіи поддерживается въ Царѣ УСИЛЕННЫМЪ УПОТРЕБЛЕНІЕМЪ АЛКОГОЛЯ"...

Милюковъ негодовалъ и бичевалъ. По русской пословицѣ о красномъ словцѣ, онъ не щадилъ никого. Увлекаясь сладкозвучіемъ, говорилъ и писалъ мысли несдержанныя, не выношенныя, по существу спорныя, хотя и хлесткія. Душа у него была не русская, чужая, интернаціональная, — душа безроднаго космополита. Ему были чужды отеческія традиціи, потому и осуждалъ такъ презрительно религіозную мистику Царя. А какъ цѣнна была эта мистика въ русской жизни; какъ былъ дорогъ народу совѣстливый Царь, постоянно обращающій свой взоръ къ Правдѣ Божіей!..

Можно ли было осуждать Царя за то, что въ тяжкіе, страшные дни крушенія военного фронта, — онъ взялъ въ свои руки непосредственное руководство борьбой съ вторгшимся въ предѣлы Россіи врагомъ? Можно ли было на основаніи этого выставить его, какъ безвольнаго, безхарактернаго человѣка, подчинившагося стороннему вліянію, съ пассивнымъ упрямствомъ и умственной апатіей? Не достоинъ ли былъ самаго суроваго осужденія тотъ, кто съ такой завуалированной легкостью возвелъ вину на неповиннаго, обвинивъ Царя въ усиленномъ употребленіи алкоголя, что было отратительной неправдой? Изъ какихъ источниковъ Милюкову были извѣстны народныя настроенія и почему онъ связывалъ ростъ народнаго недовольства со вступленіемъ Царя въ командованіе арміями? "Я не могу сказать о настроеніяхъ моего села. А у нихъ, видите ли, чувства всего народа, какъ на ладони. Кто его спрашивалъ? Грѣхъ на душу берутъ эти люди. Неправду говорятъ; говорятъ отсебятину", сказалъ въ одномъ изъ разговоровъ Распутинъ.

Вступивъ въ командованіе, Государь написалъ 25 августа свое первое письмо Царицѣ изъ Ставки:

"Благодаренъ Богу, все прошло, и вотъ я опять съ этой новой отвѣтственностью на моихъ плечахъ. Но да исполнится воля Божія. Я испытываю такое спокойствіе, какъ послѣ святого Причастія. Все утро этого памятнаго дня 23 августа, прибывши сюда, я много молился... Начинается новая чистая страница, и что на ней будетъ написано, одинъ Богъ всемогущій вѣдаетъ. Я подписалъ мой первый приказъ и прибавилъ нѣсколько словъ довольно-таки дрожащей рукой"...

А умники продолжали шипѣть и критиковать. "Вступленіе въ командованіе всей Арміей Императора встрѣчено съ недовѣріемъ и уныніемъ, — заявилъ недовольный генералъ Даниловъ. — Всѣмъ хорошо извѣстно, что онъ не обладаетъ ни знаніями, необходимыми для этого, ни опытомъ, ни волей. Весь его внутренній обликъ мало соотвѣтствуетъ грандіозному масштабу войны"...

Эти просвѣщенные, образованные генералы, какъ и представители оппозиціоннаго штатскаго общества давно перестали учитывать реальность духовной стороны. Они запамятовали, что для русскаго народа Царь является помазанникомъ Божіимъ. "Царь и Богъ" вотъ что зналъ русскій народъ; вотъ что онъ соединялъ вмѣстѣ. Умники ошиблись. Уже 25 августа пришла побѣда: "Я получилъ черезъ Алексѣева телеграмму отъ Иванова, сообщившаго, что сегодня наша II-я армія (Щербачева) въ Галиціи атаковала двѣ германскихъ дивизіи съ тѣмъ результатомъ, что было взято свыше 150 офицеровъ и 7.000 солдатъ, 30 орудій и много пулеметовъ. И это случилось сейчасъ же послѣ того, какъ наши войска узнали о томъ, что я взялъ на себя верховное командованіе. Это воистину Божія милость и такая скорая"...

Произошло по существу чудо. Отступленіе, представлявшее грозное, стихійное и паническое бѣдствіе, остановилось. Войска начали оправляться, пополняться, набираться силъ. Въ 1916 году они отвѣтили врагу огромнымъ наступленіемъ отъ Волыни до Карпатскихъ вершинъ, нанесли врагу смертельный ударъ, отъ котораго Австрія уже больше не оправилась. Но враги внутренніе продолжали подтачивать корни во имя... "побѣды". Быть можетъ, потому и противились царскому командованію, что боялись его побѣды?..

На одномъ изъ послѣднихъ предреволюціонныхъ засѣданій петроградскихъ присяжныхъ повѣренныхъ разсматривался вопросъ о революціи, какъ будто это входило въ сферу дѣятельности почтенныхъ господъ адвокатовъ.

— Такого удара съ тыла не выдержитъ никакой фронтъ, — сказалъ предсѣдатель сословія Н. П. Карабчевскій. — При первой вѣсти о немъ, фронтъ разсыплется въ прахъ, какъ разъ открывая врагу прямую дорогу въ тѣ ворота, у которыхъ онъ пока еще только стоитъ.

Въ отвѣтъ ему закричалъ истерическій Керенскій: — Поймите же, наконецъ, что революція можетъ удасться только сейчасъ, во время войны, когда народъ вооруженъ, и моментъ можетъ быть упущенъ НАВСЕГДА...

Резолюція Керенскаго въ пользу революціи была принята огромнымъ большинствомъ. Кѣмъ былъ въ это время Керенскій и господа адвокаты — патріотами, или предателями? защитниками, или врагами родины?..

Огромный рискъ Царя удался вопреки всѣмъ предсказаніямъ. Произошелъ самоочевидный переломъ въ ходѣ кампаніи: отъ пораженія къ побѣдѣ. Ученые генералы и генералы отъ политики сдѣлали видъ, что они никогда не ошибались. Они все авторитетно разъяснили: наступленіе нѣмцевъ, начавшееся на Дунайцѣ 19 апрѣля должно было остановиться само собою, такъ какъ надо было наладить тылъ и пополнить расходъ въ огневыхъ припа-

сахъ; русское наступленіе въ 16 году удалось потому, что нѣмцы въ это время бросили свои силы на Верденъ, а австрійцы штурмовали на Изонцо. Такъ и не захотѣли признать, что побѣдила мистика Царя, побѣдила его вѣра въ русскій народъ, побѣдилъ воскресшій героизмъ Русской Арміи. Горе людямъ духовно слѣпымъ, чей мозгъ и совѣсть отравлены ядомъ.

2.

"Алексѣевъ очень хорошо дѣлаетъ доклады", написалъ Государь Царицѣ въ первые дни своего сотрудничества съ начальникомъ Штаба. Полтора года они работали вмѣстѣ. Почти ежедневно встрѣчались. Огромные оперативные вопросы, тщательно разработанные, предлагалъ Алексѣевъ на рѣшеніе Царя: "Какъ повелишь, Государь?" Ни одно темное облачко не промелькнуло между ними за это время. Царь довѣрялъ Алексѣеву и цѣнилъ его.

Они сидѣли вдвоемъ, на углу стола, другъ противъ друга передъ большой картой, покрывавшей столъ. У обоихъ лица были землистаго, нездороваго цвѣта. Въ комнатѣ было тепло. Алексѣевъ былъ въ кителѣ цвѣта хаки, съ аксельбантами генеральнаго штаба. На груди бѣлѣлъ Георгій 3-й степени. Высокій умный лобъ, темныя нависшія брови, небольшіе, внимательные сѣрые глаза и ямочка на подбородкѣ, — придавали лицу суровое, строгое выраженіе. Лицо было простое, непородистое, но умное и волевое.

Алексѣевъ докладывалъ, изрѣдка открывая то одну, то другую папку, вынималъ оттуда нужные документы и прочитывалъ ихъ Государю. Старикъ любилъ работать самъ: каждая бумага должна была пройти черезъ его руки. Какъ будто никому не довѣрялъ. Это было особое свойство характера; привычка, которая стала его второй натурой. Это вызывало скрытое неудовольствіе и недоброжелательство подчиненныхъ; это перегружало его самого сверхъ мѣры и утомляло до крайняго изнеможенія. Но измѣнить порядокъ онъ не только не помышлялъ, но ему и въ голову не приходило, что часть второстепенной работы можно было возложить на подчиненныхъ.

Облокотясь на столъ, сжимая правой рукой лѣвую, Государь внимательно слушалъ. Иногда задавалъ короткіе вопросы и, получивъ отвѣтъ, снова погружался въ молчаніе. Память у него была огромная. Когда Алексѣевъ доложилъ, что 3-й конный корпусъ графа Келлера отведенъ въ раіонъ Кишинева — Оргѣева, потому что чувствовался недостатокъ фуража и его трудно было подвозить въ Румынію, Государь спросилъ: "Этотъ корпусъ дрался подъ Фульгой на подступахъ къ Бухаресту и потомъ отходилъ съ

непрерывными боями до Фокшанъ, — не такъ ли? я не ошибаюсь"? — "Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество, Вы не ошибаетесь"... Глаза Государя смотрѣли спокойно, твердо, не мигая, но въ глубинѣ ихъ просвѣчивало какое-то смутное отраженіе тайной тревоги, печали и скорби.

Два часа длился докладъ. Алексѣевъ развернулъ передъ Царемъ огромную картину состоянія фронта. Онъ началъ съ наличнаго состава вооруженныхъ силъ Россіи,подчеркнувъ пополненіе частей новыми укомплектованіями, отмѣтилъ положеніе фронтовъ, армій, корпусовъ и дивизій, коснулся боевого снабженія, количества тяжелыхъ, мортирныхъ, гаубичныхъ и полевыхъ пушекъ, пулеметовъ и огнеприпасовъ, указалъ на трудности снабженія продовольствіемъ колоссальнаго количества войскъ. Затѣмъ онъ нарисовалъ краткую картину положенія союзниковъ и положенія враговъ. Заканчивая докладъ, Алексѣевъ сказалъ:

— Въ заключеніе, я сдѣлаю, Ваше Величество, общій выводъ изъ моего доклада. Положеніе нашихъ враговъ тяжелое. Окруженные со всѣхъ сторонъ, они задыхаются въ тискахъ блокады. Мало сырья, очень мало нефти, почти нѣтъ продовольствія. Людскіе резервы исчерпаны; подъ знамена призваны старики и юноши. Не хватаетъ рабочихъ рукъ. Сельское хозяйство въ упадкѣ. Трудно будетъ потребовать отъ этихъ народовъ еще большаго напряженія.

Наша подготовка къ весенней кампаніи идетъ полнымъ ходомъ. На фронтѣ сосредоточены огромныя живыя силы. Техническое снабженіе достигло такого же уровня, какъ и у нашихъ союзниковъ. На складахъ заготовлено достаточное количество огнеприпасовъ. Никогда мы не были такъ сильны, какъ къ началу этой весны. Въ то же время могущество Франціи и Англіи непрерывно возрастаетъ; силы ихъ достигли полутораста дивизій. Одновременное наступленіе съ Запада и съ Востока, колоссальное сжиманіе тисковъ съ двухъ сторонъ можетъ оказаться роковымъ для державъ центральнаго блока. Не впадая въ большую ошибку, не дѣлая почти никакого преувеличенія, можно утвердительно сказать: исходъ войны очевиденъ и несомнѣненъ, — Австрія и Германія будутъ разбиты. Спасти ихъ можетъ только чудо.

Однако, Государь, чтобы побѣда отъ насъ не ускользнула, надо уберечь Россію отъ внутреннихъ потрясеній. Это единственное условіе, которое необходимо для побѣды.

Алексѣевъ больше ничего не добавилъ для разъясненія послѣдней фразы, а Государь промолчалъ и ничего не спросилъ. Онъ не любилъ разговоровъ о внутреннемъ положеніи. Это былъ для него самый больной вопросъ, который не давалъ покоя ни днемъ, ни ночью.

3.

Послѣ обѣда въ субботу Государь совершилъ прогулку. Онъ нуждался въ отдыхѣ, потому что дѣла государственныя требовали отъ него сверхчеловѣческихъ усилій. Онъ былъ самодержецъ не только по титлу, но и по существу. Та мистика, которая опредѣляла путь его царскаго служенія и надъ которой передовая общественность изощряла перлы своего будничнаго острословія, — заставляла его постоянно, напряженно трудиться. Чтобы не надорвались силы, онъ долженъ былъ на часъ-другой удаляться отъ тяготѣющихъ заботъ и волненій. Государь любилъ прогулки, любилъ ходить пѣшкомъ, въ молодости ѣздилъ на конѣ, въ Ставкѣ выѣзжалъ на автомобилѣ.

Бобруйское шоссе бѣжало по живописнымъ мѣстамъ. Чередовались бѣлыя поля, запорошенные снѣгомъ перелѣски, сосновыя рощи, среди которыхъ невѣстами бѣлѣли березы, темнѣли вдали деревни, синіе купола церквей. Дулъ ледяной вѣтеръ. Въ полѣ курилась снѣжная пыль. Сѣрыя, мутныя тучи неслись быстрымъ потокомъ. Государь былъ въ походной рубахѣ, безъ пальто и въ фуражкѣ. Свита пожималась отъ холода, всѣ были безъ шинелей, но никто не посмѣлъ спросить молчавшаго Царя, почему онъ вышелъ такъ легко одѣтымъ. Всю дорогу Государь молчалъ и задумчиво смотрѣлъ по сторонамъ.

Первую остановку сдѣлали у часовни въ память Отечественной войны. Государь видѣлъ этотъ памятникъ, но очевидно его влекло какое-то возбуждающее чувство, — постоять здѣсь, прикоснуться душой къ прошлому, можетъ быть умиленно почувствовать гордость передъ подвигами русскаго народа въ великихъ испытаніяхъ, получить для себя мужество и силу въ борьбѣ. Давно отгремѣли великія событія. Въ этихъ мѣстахъ, въ августѣ 1812 года, корпусъ Раевскаго дрался съ превосходящими силами Даву и Мортье, сдерживая напоръ. Французы прорывались къ Смоленску, чтобы отрѣзать путь отступленія для русской арміи, окружить ее и уничтожить. Имъ этого не удалось.

Государь обошелъ вокругъ часовни по глубокому, неразбитому снѣгу, утопая въ немъ. Онъ казался еще меньше ростомъ. Защитная рубаха сидѣла на немъ мѣшковато, грубыми складками; широкіе, темно-синіе шаровары, помятые и потертые, были вправлены въ короткія голенища боксовыхъ сапогъ. Царь не любилъ щегольства; можетъ быть, сознательно хотѣлъ приблизиться внѣшнимъ видомъ къ народу, къ русскому солдату. Внѣшне — въ немъ не было никакого величія. На посинѣвшемъ отъ холода лицѣ, съ большими темными, почти черными, кругами подъ глазами, рѣзко проступали морщины и складки кожи. Кажется, былъ обыкновенный, уставшій человѣкъ, котораго одолѣвали тяжелыя

думы. Но величіе было; это чувствовали даже господа изъ свиты, — было величіе внутреннее, духовное.

— Вотъ картина, достойная кисти художника, — сказалъ лейбъ-медикъ Федоровъ, обращаясь къ Мордвиному. Онъ растиралъ руками замерзшіе уши и билъ нога объ ногу, чтобы согрѣть закоченѣвшія кости. — Надо духовно перенестись къ прошлому и соединить его съ настоящимъ. Запорошенное, пустынное, молчаливое поле, гдѣ когда-то кипѣлъ горячій бой и лилась обильно кровь. Ни одного человѣка не осталось въ живыхъ, только безвѣстныя могилы, — незамѣтные бугорки земли. Но что-то осталось и незримо живетъ; что-то вотъ тянетъ насъ сюда; что-то неслышно говоритъ намъ, да такъ, что въ душѣ пламя и плакать хочется... Прошло столѣтіе и это поле обходитъ Царь Земли Русской...

Федоровъ помолчалъ немного, сдѣлалъ нѣсколько рѣзкихъ движеній плечами. нѣсколько взмаховъ, потеръ лицо и русую бородку и опять обратился къ сумрачному Мордвинову.

— Съ кѣмъ только не дрался русскій народъ? Сколько надо было борьбы, чтобы отстоять свое существованіе, чтобы изъ отдѣльныхъ племенъ, изъ отдѣльныхъ враждующихъ княжествъ создать великую имперію. Стоитъ только оглянуться назадъ и представить мысленно позабытую зипунную Русь, чтобы побѣжали картины: представьте себѣ — степной городъ, розовѣющій разсвѣтъ, городскую стѣну, на которой плачетъ Ярославна, а гдѣ-то къ Каялу идутъ по степямъ полки Игоревы. Черезъ два столѣтія на Куликовскомъ полѣ у Непрядвы происходитъ великая битва съ татарами. А ближе къ намъ потокъ двунадесяти языкъ во главѣ съ Наполеономъ. Устояла Россія. Неужели не устоитъ теперь?..

Мордвиновъ отвѣтилъ озлобленно. — Все это было, прошло и быльемъ поросло. Остался по названію Федотъ, да не тотъ. Какъ непутевый сынъ — русскій народъ размоталъ наслѣдство. Всѣ цѣнности переоцѣнилъ, все охаялъ, ко всему подошелъ по-новому. Въ упадкѣ религія, семья, искусство, нравственность. Моднымъ сталъ Маяковскій въ разноцвѣтной кофтѣ; кумиромъ — Блокъ съ ненавистью къ монархическому режиму; героемъ дня — подпольщикъ, мечтающій о великомъ разрушеніи, и общество "огарки" съ откровеннымъ развратомъ. Мы летимъ къ чорту, подъ откосъ, въ грязную вонючую яму. Мы жертва разложенія, соблазновъ, масоновъ и евреевъ. Таинственная рука уже пишетъ: "мани, текелъ, фаресъ"...

Въ лѣсу Государь сошелъ съ машины.. Вѣковыя деревья стояли по сторонамъ дороги. Шоссе подъ снѣгомъ было гладко накатанное, почти зеркальное. Государь шелъ быстрыми шагами. Изрѣдка встрѣчались крестьяне. Не всѣ узнавали Государя, а узнавшіе останавливались, снимали шапки, низко кланялись и во

всѣ глаза смотрѣли на него, какъ на божество. Нѣсколько разъ Государь останавливался, вступалъ въ короткіе разговоры. Одинъ старикъ съ библейской бородой привлекъ его вниманіе. — "Надѣнь, отецъ, шапку, давай поговоримъ"... Онъ спросилъ имя, фамилію, изъ какой деревни, какъ живетъ, большая ли семья, какъ онъ узналъ его? — "Государь-батюшка, въ горницѣ, около божницы, у меня виситъ Твой портретъ. Какой бы я былъ русскій, если бы не узналъ своего Царя. Какой бы я былъ сынъ Отечества, если бы мнѣ сердце не подсказало, что передо мною Отецъ!.." Четверть часа разговаривалъ съ нимъ Государь, на прощанье подалъ руку, которую тотъ благоговѣйно поцѣловалъ. Встрѣча Царю была пріятна. Долго сумрачно молчавшій, онъ сказалъ свитѣ: "Давайте закуримъ и пойдемъ дальше"...

— Я пройдусь по этой дорогѣ одинъ, а вы оставайтесь здѣсь и ждите меня, — сказалъ Государь Воейкому и свернулъ на боковую аллею. Узкая просѣка уходила вглубь лѣса. По снѣгу виднѣлся едва пробитый слѣдъ пѣшеходовъ. Пошелъ медленно, опустивъ голову. Дымъ отъ папиросы расплывался синимъ облачкомъ. Свита осталась на большой дорогѣ; нѣкоторое время слѣдили, какъ удалялся человѣкъ въ защитной солдатской рубахѣ и затѣмъ разбрелись. Воейковъ и Граббе гуляли по одиночкѣ. Граббе красивый, холеный, съ пышными усами, въ нарядной черкескѣ и мохнатой черной папахѣ, ходилъ, насвистывая марши. Федоровъ, Мордвиновъ и Лейхтенбергскій маршировали быстрымъ шагомъ, стараясь разогрѣться.

— Государь очень страдаетъ, — сказалъ Федоровъ. — Сегодня жаловался на дурной сонъ и на тяжелое, гнетущее состояніе духа. Онъ получилъ свѣдѣніе, что заболѣла третья дочь — Анастасія Николаевна. Во дворцѣ теперь настоящая больница.

— По человѣчеству, его жаль. Но онъ самъ виноватъ, — отозвался Лейхтенбергскій. — Царю нельзя быть такимъ мягкимъ. Нашъ россіянинъ любитъ твердость; проститъ и оправдаетъ крутой нравъ, но не пойметъ и не оцѣнитъ мягкость и слабость. Твердая власть — это вовсе не есть реакція; во всякомъ случаѣ — не всегда есть реакція. Великій князь Александръ Михайловичъ сказалъ какъ-то, что онъ еще не встрѣчалъ человѣка, который могъ бы похвастаться знаніемъ русскаго народа. Тѣмъ не менѣе я признаю правильнымъ мнѣніе нѣкоторыхъ, что у русскаго человѣка въ натурѣ немало анархическихъ черточекъ.

— Прибавьте къ этому крайнюю жестокость, на которую способенъ нашъ христолюбивый собратъ. Убить, разграбить, сжечь и изнасиловать — самое разлюбезное дѣло. Тутъ онъ охулки на руку не положитъ. Но, конечно, это мнѣніе одностороннее... — присоединилъ Мордвиновъ. — Народъ я, можетъ быть, и не осудилъ бы. Только побывавъ въ его шкурѣ, мы могли бы имѣть о немъ правильное представленіе. Но вотъ кого я ненавижу и кому

ничего не могу простить, — это наше, такъ называемое, передовое общество, которое лучше было бы назвать "передковымъ". Оно виновникъ смуты, интригъ и предательства... Такого Государя, какъ Николай Александровичъ, надо было бы благословлять и превозносить...

Разговоръ прекратился на время. Холодъ давалъ себя чувствовать. Открывать ротъ было не безопасно. Сѣдыя сосны и ели стояли стѣной, обсыпанныя сверху чистѣйшимъ снѣгомъ. До глубины лѣса, до его сердца не доходили бури. Только гудѣлъ вѣтеръ глухимъ шумомъ, и въ этомъ была поэзія; чудесна и могуча была музыка лѣсного царства. На вершинѣ одной сосны сидѣли воронъ и ворониха. Увидѣвъ людей, птицы прокаркали, — навѣрно выразили неудовольствіе: "зачѣмъ сюда пришли люди", нехотя поднялись и улетѣли.

— Каркай, каркай, чортъ съ тобою, — погрозилъ Мордвиновъ и, обратившись къ лейбъ-медику, спросилъ: — Сергѣй Петровичъ, вы вѣрите въ предчувствія, въ вѣщіе сны, въ дурной глазъ, въ колдовство, въ разные флюиды и въ прочую чертовщину. Какъ смотритъ на это наука? Глупо это, или есть что-то, чего мы не знаемъ?

— Вѣрю, мой другъ. Отчего же не вѣрить? Міръ хранитъ, навѣрное, много тайнъ еще не раскрытыхъ и не разъясненныхъ. Тема очень интересная. Люди нашего поколѣнія привыкли на все смотрѣть съ насмѣшливымъ скепсисомъ. Мы люди безплоднаго вѣка: ни взлета фантазіи, ни воображенія, ни увлекательныхъ сказокъ. Мы ни во что не вѣримъ. Мы ничего не оставимъ потомству. Мы безталанные, скучные, сѣрые люди...

— Всѣ великія религіи міра были созданы въ глубокой древности. Всѣ онѣ имѣютъ въ основѣ тайну, — страшную тайну непостижимаго, всемогущаго и вѣчнаго Бога. Каждая религія говоритъ о загробной жизни, то-есть о томъ, чего мы также постигнуть не можемъ. Въ каждой религіи есть сказанія о чудесахъ. Но мозгъ нашъ, не имѣющій силъ проникнуть за какой-то предѣльный рубежъ, постоянно стремится разложить вѣру въ пользу безвѣрія. Поэтому наша интеллигенція такъ теплохладна къ вѣрѣ. Змѣй искуситель внушилъ ей: "вы будете сами, какъ боги, — вы будете знать добро и зло". Добра и зла интеллигенція не узнала, но формулу о божественности своего разума восприняла охотно.

Наши предки, которыхъ мы склонны считать людьми совсѣмъ некультурными, невѣжественными и дикими, обладали богатѣйшей фантазіей, полетомъ воображенія и проникновенностью въ такіе незримые, неосязаемые уголки, въ которые мы теперь не способны проникнуть. Они населили наши лѣса, рѣки, жилища — лѣшими, русалками, водяными, домовыми, вѣдьмами и прочими

таинственными силами. Въ этихъ таинственныхъ нашихъ сожителей мы тоже не вѣримъ.

Мы ко всему привыкли и привычка сдѣлала насъ нечувствительными. Насъ ничто не удивляетъ. Вокругъ насъ тайны, но мы ихъ не замѣчаемъ. Мы отупѣли. Вотъ падаетъ въ землю зерно и умираетъ, зерна нѣтъ, но выросло новое растеніе; оно украшается такими цвѣтами, такой окраски, что и самъ премудрый царь Соломонъ во всей своей силѣ и славѣ не одѣвался въ такіе роскошные наряды. Вдумайтесь, — какъ это произошло, откуда взялись эти божественныя краски, какъ изъ мертваго вышло живое?!..

Предчувствія, предзнаменованія, вѣщіе сны, — все это явленія того же таинственнаго порядка. Если сказать, что все это глупость, выдумка и фантазія, тогда значитъ надо похерить все, на чемъ стояло и стоитъ человѣчество. Тогда надо сказать, что не было на землѣ никакихъ тайнъ и чудесъ: ни вавилонскихъ, ни индійскихъ, ни египетскихъ. Тогда, значитъ, и Христосъ не совершалъ чудесъ: никого не воскрешалъ, не исцѣлялъ и самъ не воскресъ. Но развѣ не чудо, что одиннадцать бѣдныхъ, безвѣстныхъ рыбаковъ проповѣдывали Евангеліе царства Божія и вотъ почти весь міръ нынѣ простираетъ свои руки къ Распятому Богу...

Профессоръ говорилъ такъ, что каждое слово и каждое понятіе становилось новымъ. Какъ будто дневное обычное освѣщеніе онъ замѣнилъ ночнымъ, призрачнымъ, луннымъ, и все казалось инымъ, таинственнымъ и чуднымъ.

— Я вамъ разскажу два случая, непосредственно связанные съ Государемъ и съ однимъ мѣстомъ. Это будетъ иллюстрація къ тому, что я говорилъ.

Въ пятнадцатомъ году Государь осматривалъ въ Севастополѣ пластунскій корпусъ генерала Гулыги, который предназначался для десанта въ Турцію. По обыкновенію, онъ посѣтилъ Георгіевскій монастырь. Вы помните этотъ бѣлый храмъ на горѣ, откуда открывается безконечный синій морской просторъ. Внизу шумятъ, пѣнятся и бьются о скалы волны. Мягкій влажный вѣтеръ несется отъ далекихъ береговъ Малой Азіи. Здѣсь дыханіе Божіе и красота невыразимая. Здѣсь, въ Херсонесѣ, крестился Владиміръ Святой; тутъ каждый камень, изъѣденный временемъ, влагой и дождями, говоритъ о старинѣ, о промчавшейся невозвратно жизни. И вотъ эта святость и древность мѣста влекла къ себѣ Государя.

Во время молебна, со двора послышался шумъ и возгласы. Государь не любитъ, когда нарушается благочиніе службы. Онъ недовольный повернулъ голову и спросилъ у Шереметева: "Въ чемъ дѣло?"

А на монастырскомъ дворѣ, откуда доносился шумъ, произошло событіе дѣйствительно странное и необъяснимое. Съ давнихъ поръ, среди скалъ внизу у моря жили въ обѣтѣ молчанія

два древнихъ отшельника. Годами ихъ никто не видѣлъ. На пустынной тропинкѣ внизу имъ ежедневно ставили пищу. И только потому что пищу забирали, братія знала, что схимники еще живы.

И вотъ монахи, работавшіе во дворѣ, увидали, какъ по знакомой крутой тропинкѣ, отъ моря, медленно поднимались въ гору два человѣка. Это были старцы — выходцы изъ другого міра. Они дошли до монастырскихъ воротъ и стали около нихъ.

Появленіе отшельниковъ явилось событіемъ чрезвычайнымъ. Если бы на небѣ ночью появилась радуга, — это произвело бы не большее впечатлѣніе. Люди простые, вѣрующіе, не искушенные современными соблазнами и не отравленные ядомъ безвѣрія, увидѣли въ этомъ явленіи таинственное знаменіе. Потому и произошло волненіе.

Государь пожелалъ увидѣть старцевъ — “Можно ли съ ними говорить?, — спросилъ онъ у архимандрита. — “Нельзя, Государь”. — Приблизившись къ отшельникамъ, Государь сложилъ руки, какъ складываютъ ихъ, подходя подъ благословеніе. Его поразило вдохновенное выраженіе лицъ; глаза смотрѣли на него ласково, но какъ бы были устремлены въ какую-то неземную даль. Старцы не подали благословенія, но молча поклонились ему въ ноги до самой земли. Молча затѣмъ поднялись, и начали спускаться внизъ. Пораженный Государь долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ, пока за выступами скалъ черныя фигуры не скрылись совершенно.

— А вѣдь они ушли отъ насъ въ другой міръ, — въ раздумьи сказалъ Государь. — Въ міръ спокойнаго, свѣтлаго царства Божія, въ царство Духа...

Нѣсколько позже разсказаннаго случая, произошелъ второй. Мнѣ объ немъ разсказалъ самъ Государь. “Штандартъ” направлялся въ Ливадію. Была чудная свѣтлая лунная ночь. Въ синей безднѣ неба мерцали одинокія звѣзды. Спокойное море искрилось, играло и переливалось серебристой рябью. Каждый изъ насъ видѣлъ эту дивную красоту, когда въ прозрачномъ голубомъ свѣтѣ какъ будто рождаются и бродятъ призраки. Государь одиноко стоялъ на палубѣ и, очарованный, любовался ночной картиной.

Вотъ вверху, залитый луннымъ свѣтомъ, показался феерически-бѣлый Георгіевскій монастырь. Красота его привлекла вниманіе Государя. Вдругъ онъ замѣтилъ, какъ на сѣрыхъ скалахъ появилась одинокая фигура человѣка. По длинному одѣянію Государь догадался, что это былъ монахъ.

Мгновенно онъ вспомнилъ здѣсь бывшее и, какъ на экранѣ, увидѣлъ первое появленіе старцевъ. Какъ будто трепетомъ наполнилась душа. Монахъ стоялъ на краю скалы, отвѣсно падавшей въ море. Въ блѣдномъ серебристомъ свѣтѣ Государь разгадалъ черты одного изъ старцевъ. Онъ поднялъ высоко надъ го-

ловою крестъ и осѣнилъ имъ Государя. Въ томъ, что это благословеніе было обращено къ Государю, — сомнѣній не было. Такъ продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, пока "Штандартъ" не отдалился отъ берега.

Вотъ вамъ факты, а выводы дѣлайте сами. Добавлю только, что монахи Георгіевскаго монастыря и до сихъ поръ гадаютъ и спорятъ, — почему старцы не преподали благословенія Государю, а поклонились ему до самой земли. Самый фактъ появленія старцевъ никакихъ сомнѣній не вызываетъ. Это тайна, недоступная пониманію обыкновеннаго человѣка; это вѣщее знаменіе.

— Монахамъ легко вѣрить, — замѣтилъ съ саркастической усмѣшкой Мордвиновъ. — Они люди простые, въ гимназіяхъ не обучались, плодовъ отъ либеральныхъ наукъ въ университетахъ не вкушали, съ матеріализмомъ и скептицизмомъ не знакомы. Для нихъ религія есть религія, а не опіумъ и не поповская выдумка для простонародья, для людей темныхъ. Иначе обстоитъ дѣло у господъ лакированныхъ интеллигентовъ и въ особенности у тупыхъ, злыхъ и завистливыхъ недоучекъ. У нихъ умъ развращенъ, обуянъ гордостью всезнанія и отрицанія; у нихъ на днѣ души — зола, а зола не горитъ и огня не даетъ. Обмелѣли мы духовно; обмелѣли до такой степени, что обнажились всѣ наши нечистоты...

Мордвиновъ замолчалъ. На его крупномъ лицѣ остановилось выраженіе какъ будто раздумья и въ то же время раздраженія. Прошли нѣсколько шаговъ, и онъ снова заговорилъ.

— Сегодня ночью я видѣлъ дурной сонъ. Какъ будто мы переправлялись черезъ какую-то большую рѣку. Сначала все было благополучно, а потомъ вдругъ понеслись огромныя мутныя волны. Наше судно, — не то большая лодка, не то паромъ, начало бросать — вотъ-вотъ перевернемся. Внезапно я замѣтилъ на волнахъ черное большое бревно. Я не успѣлъ сказать ни слова, какъ раздался трескъ. Государь пошатнулся и упалъ въ мутную пучину. Раза два голова его показалась среди волнъ и скрылась. Въ дикомъ ужасѣ я проснулся въ холодномъ поту; кажется, я что-то кричалъ...

Федоровъ остновился, какъ остолбенѣлый. На лицѣ его былъ почти испугъ. Быстро и возбужденно онъ сказалъ:

— Господа, это что-то невѣроятное. Сегодня Государь разсказалъ мнѣ сонъ, какъ онъ переходилъ черезъ рѣку по узкому шаткому мостику въ одну доску. Кругомъ неслись полыя мутныя волны. Доски пригибались и шатались подъ напоромъ воды. Внезапно мостъ сорвался и Государь вмѣстѣ съ нимъ...

Анатолій Александровичъ, никому не разсказывайте вашъ сонъ. Это должно остаться тайной. Не дай Богъ это дойдетъ до Государя; нервы его и безъ того не въ порядкѣ. Онъ не долженъ ничего знать. Это надо скрыть...

Вечеромъ Государь и свита вернулись въ Могилевъ. Дежурный полковникъ Ставки уже дожидался ихъ пріѣзда.

— Генералъ Алексѣевъ проситъ васъ доложить эти телеграммы Государю, — сказалъ онъ Мордвиному: А затѣмъ какъ-то испуганно добавилъ: — Тамъ, кажется, происходитъ что-то серьезное...

Это были первыя телеграммы отъ Хабалова и Протопопова. Въ различныхъ редакціяхъ оба сообщали о начавшихся безпорядкахъ, о разростающейся забастовкѣ рабочихъ, о разгромѣ лавокъ, о прекращеніи трамвайнаго движенія, о демонстративныхъ шествіяхъ съ красными флагами и революціонными пѣснями, о столкновеніяхъ и объ убійствѣ чиновъ полиціи.

4.

За большимъ дубовымъ столомъ свѣтлой окраски, въ секретной аппаратной комнатѣ телеграфа, въ мягкомъ креслѣ, обитомъ черной клеенкой, сидѣлъ бѣлобрысый полковникъ. Ему было убійственно скучно. Время тянулось скупо, медленно. Надоѣло сидѣть, надоѣло ходить, надоѣло дежурить. Звѣрски зѣвалъ, былъ раздраженъ и такъ какъ не было объекта, на комъ бы онъ излилъ свою желчь, то чувство раздраженія его душило. Развлекаясь, онъ барабанилъ пальцами, выбивалъ марши и съ ненавистью говорилъ: “чортъ бы его бралъ... Насточертѣло...” Но къ кому относились эти слова и что они должны были обозначать, — онъ не зналъ и самъ. Ругалъ такъ, вообще. Иногда подходилъ къ окну, смотрѣлъ въ мутную темноту ночи, гдѣ не спѣша падалъ снѣгъ, и тихо, подъ носъ, напѣвалъ модный романсъ.

“Вотъ вспыхнуло утро, румянятся воды,
Надъ озеромъ бѣлая чайка летитъ.
Ей много простору, ей много свободы,
Лучъ солнца у чайки крыло серебритъ...”

Большіе, круглые часы на стѣнѣ четко, однообразно отбивали время: “тикъ-такъ, тикъ-такъ, тикъ-такъ”... Вторя имъ, стучалъ телеграфный аппаратъ, какъ пулеметъ на позиціи: та-та-та... За нимъ, склонившись, сидѣлъ полусонный телеграфный чиновникъ. — Та-та, тикъ-такъ, та-та... тикъ-такъ... Механическая жизнь текла неустанно, безъ перебоевъ. Бездушные предметы хрипѣли, стучали, повизгивали. Живые люди томились въ тоскѣ, въ сонной скукѣ, въ отсутствіи какого-либо интереса. Было воскресенье, не было обычнаго оживленія, въ унылой казенной комнатѣ царила тощая, сѣрая тоска.

Полковникъ пересталъ пѣть. Его осѣнила другая идея. Онъ

вынулъ изъ щегольского, темно-зеленаго, френча маленькое карманное зеркальце, желтый роговой гребень и началъ тщательно прилизывать жидкіе, соломеннаго цвѣта, волосы, съ англійскимъ проборомъ. Окончивъ эту работу и убѣдившись, что ни одинъ волосокъ не торчитъ, онъ съ такой же старательностью расчесалъ рыжеватые бакенбарды. Потомъ досталъ флакончикъ французскихъ духовъ "керъ-де-Жаннет", пальцемъ надушилъ взбодренные усики, закрутилъ ихъ въ стрѣлку и, оставшись доволенъ своею внѣшностью, замурлыкалъ снова, уже весело и беззаботно.

"...Но чу, — Это выстрѣлъ. Нѣтъ чайки прелестной.
Она умерла, трепеща, въ камышахъ..."

Послѣднюю руладу онъ протянулъ громко, мягкимъ теноркомъ. Въ этотъ моментъ часы, какъ пишутъ въ старинныхъ романахъ, или какъ занимательно разсказываютъ любители увлекательныхъ исторій у камелька, за стаканомъ добраго стараго вина, — часы судорожно захрипѣли, заскрежетали и, понатужась, пробили десять. Въ этотъ моментъ телеграфный чиновникъ крикнулъ возбужденно:

— Господинъ полковникъ, весьма важная телеграмма отъ Предсѣдателя Государственной Думы, его превосходительства, гсподина Родзянко.

Полковникъ быстрыми шагами подошелъ къ аппарату и началъ слѣдить за лентой, на которой машина автоматически отбивала текстъ.

"...Положеніе серьезно. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ продовольствія и топлива пришелъ въ полное разстройство..."

— Тэ-тэ-тэ... — повторялъ вслухъ, самъ себѣ, какъ будто обрадованный полковникъ. — Ну-ну-ну...

"...На улицахъ происходитъ безпорядочная стрѣльба. Части войскъ стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое Правительство. Медлить нельзя..."

— Тэ-тэ-тэ... "Tout va très bien, Madame la Marquise", — оживленно сказалъ полковникъ, вставивъ невѣдомо зачѣмъ французскую фразу, которая видимо выражала его какую-то тайную мысль.

"...Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на Вѣнценосца..."

— Здорово загнулъ. Ловко. Съ ножемъ къ горлу и никакихъ чертей. Мы устраиваемъ революцію, а за разбитые горшки плати ты, царь-батюшка... "Молю Бога"... — Врешь, старый хрычъ; никому ты не молишься и ни о чемъ не просишь. Пустыя слова бросаешь на вѣтеръ для красоты отеческаго стиля. Любитъ божиться

и клясться русскій человѣкъ, хотя и не жидъ... Ну, кажется, сегодня любезный Вѣнценосецъ здорово будетъ разглаживать пятерней рыжій усъ.

Полковникъ быстрыми шагами, какъ будто подхваченный порывомъ вѣтра, помчался съ телеграммой для врученія ея подлежащему начальству.

— Ваше Превосходительство, исключительно интересное сообщеніе изъ Петербурга, — сказалъ онъ съ живостью благообразному краснощекому генералу, невысокаго роста и не воинственнаго вида. Только генеральскія погоны и военная форма указывали, что этотъ человѣкъ принадлежитъ къ военному міру. Въ рясѣ — онъ легко могъ бы сойти за уѣзднаго батюшку; въ вицъ-мундирѣ — за чина губернскаго управленія, не выше статскаго совѣтника; а въ длиннополомъ сюртукѣ и въ сапожкахъ гармоникой — за подрядскаго купчика. Это былъ генералъ-квартирмейстеръ Ставки Александръ Сергѣевичъ Лукомскій, творецъ мобилизаціоннаго плана Россійской имперіи, блестяще проведеннаго въ 1914 году.

Лукомскій спокойно, внимательно прочиталъ телеграмму, потомъ перечиталъ ее сызнова и, поднявъ умную голову, съ низко остриженными подъ "ежика" каштановыми волосами, съ удивленіемъ взглянулъ на бѣлобрысаго полковника. Взоры ихъ скрестились. Полковникъ смотрѣлъ въ упоръ, безъ тѣни страха и смущенія, еще не совсѣмъ понимая, почему на него такъ смотритъ генералъ. На губахъ его и въ уголкахъ глазъ змѣилась побѣдоносная, заносчивая улыбка. Даже рыженькіе холеные бакенбарды какъ будто смѣялись вмѣстѣ съ хозяиномъ. Полковникъ принадлежалъ къ группѣ молодыхъ генштабистовъ, которые свысока относились къ "старикамъ". Почти въ каждомъ штабѣ были такіе "младотурки" — подполковники и капитаны. Даже самые выдающіеся генералы, какъ Алексѣевъ, Брусиловъ, Калединъ, Лечицкій и Радко подвергались ихъ суровой и самоувѣренной критикѣ. Они считали ихъ людьми отсталыми, представителями отжившей военной школы, неспособными руководить большими операціями въ современныхъ условіяхъ войны.

— Вы кажется чему-то радуетесь, полковникъ? Что васъ привело въ такое веселое настроеніе? — насмѣшливо спросилъ Лукомскій. — Не по случаю ли праздника?

— Я всегда бываю доволенъ, ваше превосходительство, когда мои предвидѣнія сбываются. Это даетъ мнѣ основанія съ довѣріемъ относиться къ самому себѣ и къ тому, что мнѣ подсказываетъ разумъ. Скажу безъ излишней скромности: моя дальновидность и прозорливость много разъ оправдывались въ жизни. Сегодня я горжусь собою.

По лицу Лукомскаго скользнула едва замѣтная улыбка.

Скользнула и какъ будто ея не было. Только въ глубинѣ умныхъ глазъ осталось что-то насмѣшливое и неопредѣленное.

— Вы что же предвидѣли? — съ любопытствомъ спросилъ онъ гордаго полковника. А взглядъ говорилъ: "ну и дуракъ же ты, братецъ".

— Революцію, ваше превосходительство.

5.

Длиннѣйшая телеграмма Родзянко была передана Государю въ одиннадцать часовъ вечера. Прочитавъ ее, онъ сказалъ Фредериксу:

— Опять толстякъ пишетъ всякій вздоръ. Онъ кажется помѣшался на мысли объ отвѣтственномъ министерствѣ. Странный человѣкъ. Вѣра его въ чудодѣйственность этого парламентскаго средства равняется его глупости. Политическая карьера его испортила. У него развилось огромное, болѣзненное самомнѣніе. Лицо, которому довѣряетъ страна, — это, конечно, онъ, Родзянко. Увы, я ему не довѣряю. Ставъ у власти, онъ все загубитъ. Критиковать власть гораздо легче, чѣмъ управлять самому. Я не буду отвѣчать ему.

Телеграмма Родзянко, конечно, была непріятна ему. Но сильнаго безпокойства онъ поначалу не почувствовалъ. Родзянко повторилъ то что говорилъ не разъ, чѣмъ запугивалъ Царя въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ. Только когда онъ легъ въ постель и остался одинъ, къ нему пожаловали назойливыя, давно знакомыя, гостьи: душевное томленіе, безпокойство, мрачныя предчувствія и неутолимая тоска полнаго, безнадежнаго одиночества. Онъ понималъ, что власть Царя держалась на исторической традиціи и освящалась свыше Божіимъ соизволеніемъ, милостью Божіей. Но если традиція поколеблена, подточена, если подъ трономъ нѣтъ больше вѣковой опоры, а духовное начало перестало быть цѣнностью для русскихъ людей, то какъ можно было бороться противъ гибельныхъ тенденцій? Царь не могъ заснуть, хотя сознавалъ, что ему необходимъ отдыхъ. Ночь тянулась, а онъ все ворочался на походной кровати, то закрывалъ глаза, то лежалъ съ устремленнымъ взглядомъ въ окно, гдѣ темнѣло мутное небо безъ звѣздъ.

Утромъ Царь всталъ съ головной болью. Лицо у него было измятое, блѣднѣе обыкновеннаго. Глаза какъ будто провалились внутрь; въ нихъ было скорбное, вымученное, страдальческое выраженіе. Рѣзко выдѣлялись надглазныя кости; черныя борозды пролегли отъ угловъ носа къ бородѣ. Только огромная выдержка давала ему возможность держаться спокойно и не выдавать того, что онъ переживалъ. Эту выдержку нѣкоторые готовы были при-

знать за безчувствіе. Появилась подлая, злостная манера все расцѣнивать наоборотъ. Царь проявлялъ мягкость, говорили объ его слабости; когда онъ обнаруживалъ твердость, говорили объ его упрямствѣ. Если Царь принималъ совѣты другихъ, — говорили объ его безволіи; если онъ не принималъ совѣтовъ, — обязательно говорили о вліяніи мистическаго кружка.

Утро 27-го февраля было сѣрое, мутное. На короткій моментъ показалось изъ Заднѣпровья багровое, въ красныхъ кругахъ, солнце и скрылось. Небо затянуло густой, непроницаемой, сѣрой пеленой тучъ. Иногда срывались рѣдкія снѣжинки и медленно кружась безъ вѣтра, тихо падали. Что-то гнетущее, безотрадное было въ состояніи природы. Эта сырая, промозглая мгла передавалась людямъ, вліяла на ихъ настроеніе, камнемъ давила на душу. Люди ходили хмурые, злые, раздраженные.

Въ этотъ день телеграфъ, телефонъ и радіо принесли въ Ставку множество извѣстій. Каждое сообщеніе увеличивало напряженіе. Въ столицѣ шла большая политическая игра, ставкой которой съ одной стороны былъ Тронъ, режимъ и династія, съ другой революція, "свобода", "побѣда демократіи". Брусиловъ, Рузскій, Родзянко, Государыня, Бѣляевъ, Хабаловъ, Бенкендорфъ, братъ — великій князь Михаилъ Александровичъ, князь Голицынъ и другіе извѣщали о кровавыхъ событіяхъ, о переходѣ войскъ на сторону возставшихъ, о безсиліи Правительства, о растерянности потерявшихъ сердце военныхъ властей, о необходимости принятія срочныхъ мѣръ. Ни отъ одного человѣка Царь не услышалъ ободряющаго слова.

"Государь... войска становятся на сторону населенія и убиваютъ своихъ офицеровъ... Положеніе ухудшается. Надо принять мѣры, ибо завтра будетъ уже поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и династіи..." — телеграфировалъ въ полдень Родзянко. Звучалъ все тотъ же тревожный, роковой мотивъ бури; все тѣ же слова съ требованіями отвѣтственнаго министерства и политическихъ свободъ.

Царь еще держалъ въ рукахъ эту телеграмму, еще внутренно переживалъ смыслъ заключенныхъ въ ней словъ, какъ, кружась, водоворотъ принесъ новый телеграфный листокъ. "Революція вчера приняла ужасающіе размѣры. Знаю, что присоединились и другія части. Извѣстія хуже, чѣмъ когда бы то ни было. Аликсъ". Черезъ часъ новая телеграмма отъ Царицы: "Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войскъ перешло на сторону революціи"...

Весь день Государь оставался внѣшне спокоенъ, ровенъ, любезенъ, только менѣе разговорчивъ и болѣе сумраченъ. Спокойствіе онъ покупалъ дорогой цѣной. Это обманывало поверхностныхъ наблюдателей. Никто не чувствовалъ и, вѣроятно, не подозрѣвалъ, какую душевную драму переживалъ онъ. Господа, усвоив-

шіе мнѣніе о "слабости" Царя, объ его "безволіи", съ большимъ нетерпѣніемъ ждали, что вотъ-вотъ онъ сдастъ, раскиснетъ, размякнетъ. Мужество Царя ихъ раздражало.

— Добру и злу внимая равнодушно, Его Величество улыбается, — острилъ въ канцеляріи полковникъ съ рыжими бакенбардами. — На него одинаково дѣйствуютъ и хорошія, и дурныя вѣсти. Онъ стается безразличенъ и къ тѣмъ, и къ другимъ. Надо думать, — это хорошо усвоенныя особенности его высочайшаго ремесла...

По-своему судили о Государѣ и тѣ, кто духовно былъ на сторонѣ Царя православнаго. Гуляя по Днѣпровскому валу, генералъ Дубенскій бесѣдовалъ съ профессоромъ Федоровымъ и говорилъ ему возбужденно:

— Столичныя событія несомнѣнно произвели переворотъ въ душевныхъ силахъ Государя. Онъ, кажется, не отдаетъ отчета въ обстановкѣ и какъ-то безучастно относится къ происходящему. Отъ него нельзя ждать указаній и директивъ. Онъ будетъ оставаться пассивнымъ, если ему не помочь. Неужели же ничего нельзя сдѣлать? — восклицалъ старикъ въ отчаяніи. — Неужели нѣтъ среди насъ человѣка смѣлаго, способнаго взять на себя задачу подавленія петербургскаго бунта?..

Въ это время Ставка продолжала свои занятія, какъ будто нигдѣ ничего не происходило грознаго и тревожнаго. Между дѣломъ спокойно разговаривали о волненіяхъ въ Петербургѣ, не придавая имъ исключительнаго значенія. Многимъ изъ штабныхъ казалось, что событія имѣютъ мѣстный, эпизодическій характеръ. Всѣ знали, что рабочіе вообще, а питерскіе въ особенности, — люди озлобленные, неспокойные, бунтарски, анархически настроенные. Голодный "бабій бунтъ" объясняли недостаткомъ хлѣба. — "Муку подвезутъ" и бунтъ самъ собою кончится. Въ политикѣ ничего не смыслили, политикановъ попросту презирали, партійныя программы представляли темный лѣсъ, неизвѣстно зачѣмъ и почему существующій. Слышали слова: большевики, меньшевики, кадеты, октябристы, прогрессисты, соціалъ-революціонеры, но все это проносилось мимо ушей, какъ пустой звукъ. "Мало ли на свѣтѣ существуетъ идіотовъ. Ну и пусть измышляютъ. Кому нужны ихъ дурацкія выдумки?.."

Передъ завтракомъ Государь долго бесѣдовалъ съ Алексѣевымъ. Это былъ первый разговоръ на политическую тему съ Начальникомъ Штаба. Государь, какъ правило, обычно избѣгалъ подобныхъ разговоровъ съ людьми, не имѣющими непосредственнаго отношенія къ политикѣ. Теперь онъ началъ бесѣду самъ. Говорилъ спокойно, но почти непрерывно курилъ.

— Михаилъ Васильевичъ, я хочу поговорить съ вами о событіяхъ въ Петербургѣ. Бунтъ рабочихъ столицы увлекъ за собой малосознательныя, малодисциплинированныя и нестойкія

запасныя части. Это можетъ при дальнѣйшемъ развитіи безпорядковъ угрожать государственнымъ интересамъ Россіи. Я не могу простить себѣ, что не настоялъ въ свое время на томъ, чтобы въ Петербургъ была введена гвардейская конница на мѣсто ненадежной пѣхоты. Господа, которымъ я предлагалъ это сдѣлать, ссылались на отсутствіе помѣщеній и сложность этой операціи въ отношеніи пѣхоты. Я довѣрился, и вотъ мы пожинаемъ плоды этой фатальной непредусмотрительности.

Военныя власти столицы не оправдали надеждъ, на нихъ возлагавшихся. Родзянко, несомнѣнно, въ своихъ сообщеніяхъ, по обыкновенію, увлекается и все преувеличиваетъ. Но было бы еще большей ошибкой не дооцѣнивать событій. Надо принять необходимыя мѣры, чтобы ликвидировать возстаніе, позорное и недопустимое. Я прошу васъ высказать мнѣ ваше мнѣніе о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдовало бы принять, какъ въ планѣ политическомъ, такъ и въ планѣ непосредственнаго подавленія бунта.

— Ваше Величество. Я всегда цѣнилъ ваше довѣріе ко мнѣ. Нынѣ цѣню его въ особенности. На вашъ вопросъ отвѣчу какъ вѣрноподданный, какъ сынъ Россіи. Событія слишкомъ грозны и зловѣщи, чтобы скрывать то, что я о нихъ думаю. На основаніи всѣхъ поступившихъ свѣдѣній, я считаю, что сообщенія Предсѣдателя Государственной Думы близки къ истинѣ. Бунтъ въ Петербургѣ уже началъ переливаться въ революцію.

Есть два способа ликвидаціи возстанія: или подавленіе его вооруженной силой, при чемъ прольется русская кровь, заблудшихъ-людей; или установленіе того режима политическихъ свободъ, о которомъ ходатайствуетъ Родзянко, вмѣстѣ съ учрежденіемъ Правительства, отвѣтственнаго передъ Думой. Въ первомъ случаѣ — революція будетъ загнана внутрь, будутъ жертвы, павшія за свободу, будутъ мученики. Вы знаете, какъ это воспламеняетъ неспокойныя, горячія головы. Въ честь этихъ жертвъ будутъ тайно и явно распѣвать по всей Россіи ихъ революціонный похоронный маршъ...

— Какой маршъ? — тихо спросилъ Государь.

— Я знаю изъ него только одинъ отрывокъ, Ваше Величество. На темную толпу онъ дѣйствуетъ неотразимо, онъ ее наэлектризовываетъ. Вотъ его слова: "Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой, въ любви беззавѣтной къ народу. Вы отдали все, что могли за него, за жизнь его, честь и свободу"... Революціонная пропаганда проникла въ массы. Со слѣпой вѣрой отъ революціи ждутъ чего-то спасительнаго. Подавить революцію можно, но, какъ сказалъ Наполеонъ, сидѣть на штыкахъ нельзя. Это противно нашему русскому духу.

Второе рѣшеніе дастъ удовлетвореніе народнымъ чаяніямъ. Съ Вашихъ плечъ будетъ снята огромная отвѣтственность; прекратится эта долгая борьба общественности съ Трономъ; всѣ силы

народа будутъ направлены на борьбу съ внѣшнимъ врагомъ. Я думаю, что Вашъ личный авторитетъ еще выше поднимется въ народныхъ массахъ. Поэтому я дерзаю, Ваше Величество, просить Васъ принять второе рѣшеніе.

Государь горько улыбнулся. Онъ хорошо позналъ людей, цѣну словамъ, увѣреніямъ и клятвамъ. Скромный, застѣнчивый, — онъ давно научился смотрѣть на дѣла и людей мудрымъ, духовно-трезвеннымъ, внутреннимъ взоромъ. Можетъ быть, никто изъ его поддданныхъ, самыхъ талантливыхъ и умныхъ, не видѣлъ государственной жизни съ такой отдаленной перспективой, какъ онъ. Свой царскій долгъ онъ разсматривалъ въ свѣтѣ Божьей правды, чистой совѣсти, съ постоянной мыслью дать отвѣтъ за всѣхъ и за вся.

— Михаилъ Васильевичъ, — началъ онъ, и въ словахъ его прозвучала укоризна. — Вы давно со мною. И вы еще не поняли меня, и я вижу, вы не знаете меня. Съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ власть, для меня не существуетъ личныхъ интересовъ. Только одинъ единственный интересъ носилъ и ношу я въ сердцѣ, — любовь къ Отечеству и къ родному народу. Я берегъ самодержавную власть не для себя, но для Россіи. Я убѣжденъ, что перемѣна формы правленія не дастъ спокойствія и счастья намъ. Россія еще нуждается и долго будетъ нуждаться въ самодержавной власти Царя. Наши политическіе дѣятели неспособны и не подготовлены къ управленію огромной имперіей. Они оторвались отъ крѣпкаго русскаго берега и стремятся къ зыбкимъ берегамъ чужимъ. Помимо всего, мы не можемъ заниматься сейчасъ, во время страшной войны, ломкой государственнаго строя. Все это хотятъ совершить не въ интересахъ Родины, а въ своихъ личныхъ. Мнѣ трудно повѣрить въ разумность и искренность плановъ Родзянки и Гучкова. Первый изъ нихъ, — человѣкъ недалекій, ограниченный, но съ большимъ самомнѣніемъ, а второй опредѣленный авантюристъ, ловкій, закулисный интриганъ и явно мнѣ враждебный.

Съ первыхъ дней моего царствованія для меня начался крестный путь. Я стремился ко благу Россіи, я хотѣлъ быть достойнымъ моихъ державныхъ предковъ; мнѣ не нужны были ни слава, ни почести, ни богатства. Богъ видитъ, что я объ этомъ меньше всего заботился. Но лучшія мои стремленія не нашли поддержки. Я скорблю, что общество избрало мою семейную жизнь объектомъ для своихъ салонныхъ разговоровъ, для сплетенъ и насмѣшекъ. Оно отравило мнѣ жизнь. Я несу такой крестъ, какого никто не несъ изъ моихъ подданныхъ.

Государь умолкъ. Не выдержала обычная стойкость передъ ударами судьбы. Душевное волненіе перехлестнуло черезъ преграды. Онъ не могъ его подавить. Опустивъ голову на согнутыя въ локтяхъ руки, Царь застылъ неподвижно. Такъ сидѣли они

нѣсколько минутъ. А когда императоръ Николай II поднялъ голову, Алексѣевъ увидѣлъ на его глазахъ блестѣвшія слезы.

Царь быстро подавилъ минутную слабость. Алексѣеву стало не по себѣ. Онъ почувствовалъ жалость къ человѣку, затравленному рокомъ. Въ глубинѣ души шевельнулось чувство укоряющей совѣсти. Вспомнилъ бесѣды съ Гучковымъ, Львовымъ и Родзянко. Зналъ, что эти господа замышляютъ недоброе, что мятежныя мысли полонили ихъ, но не принялъ мѣръ, не задушилъ предательства, и все, что зналъ, надежно спряталъ въ сердцѣ. Подъ суровымъ выраженіемъ болѣзненнаго лица онъ скрылъ волненіе.

— Они хотятъ "отвѣтственнаго министерства", но развѣ въ какой-нибудь странѣ существуетъ безотвѣтственное правительство? Это только игра словами. Смѣшна, наивна и несерьезна мысль, будто правительство, отвѣтственное передъ Думой, станетъ вдругъ лучше, работоспособнѣе и талантливѣе. Въ угоду имъ я въ послѣдніе годы привлекалъ къ власти людей, принадлежавшихъ къ общественнымъ кругамъ, которые занимали въ ихъ рядахъ руководящія роли. Они оказались на повѣрку хуже опытныхъ и знающихъ свое дѣло чиновниковъ. Я привлекъ Протопопова, у котораго мысли скачутъ, они тотчасъ же вооружились противъ него. Уступки, которыя я дѣлалъ имъ, только подливали масла въ огонь. Я не вижу разумной, національной серьезности въ ихъ требованіяхъ, передъ которыми я могъ бы склониться со спокойной совѣстью...

— Ваше Величество, правильное рѣшеніе можно принять только при правильномъ учетѣ обстановки. Я всецѣло раздѣляю мысли, высказанныя Вами. Но обстановка сложилась противъ Васъ, противъ старыхъ формъ жизни. Я нисколько не сомнѣваюсь, что многое произошло подъ вліяніемъ злонамѣренной пропаганды и упадочныхъ настроеній въ русскомъ обществѣ. Однако, этотъ вопросъ сейчасъ не имѣетъ значенія. Обнаружился рѣзкій припадокъ болѣзни; надо принимать исключительныя мѣры, чтобы спасти Россію. Вѣдь мы имѣемъ еще не законченную войну, мы стоимъ передъ лицомъ врага, разгромъ Россіи будетъ національнымъ позоромъ, будетъ величайшимъ бѣдствіемъ. Во имя этого надо уступить, Государь.

— Всѣ ли генералы въ Ставкѣ думаютъ, что я долженъ уступить настойчивости Государственной Думы и передать управленіе имперіей въ руки людей неспособныхъ?

— Ваше Величество, генералы надѣются, что съ образованіемъ министерства народнаго довѣрія будетъ положенъ предѣлъ для бунта. Во всякомъ случаѣ, явится болѣе реальная возможность для борьбы съ мятежниками.

— Уступками не спасешь положенія. Вы, вѣроятно, забыли, что значитъ анархія, — съ горечью замѣтилъ Царь. — Уступить мятежнымъ требованіямъ, — это значитъ разжать руки, вися надъ

пропастью. Уступить, — это значитъ для меня — умыть руки, какъ Пилатъ. Я не хочу быть Пилатомъ въ отношенiи моей Родины.

— Государь, но вѣдь висѣть надъ пропастью долго нельзя, — тихо, подавленнымъ голосомъ сказалъ Алексѣевъ. — Надо выбирать путь, гдѣ меньше риска, гдѣ вѣроятность спасенія болѣе очевидна.

— Михаилъ Васильевичъ, я знаю, что иду противъ теченія. Но этотъ путь диктуетъ мнѣ моя совѣсть, мой царскій долгъ передъ Россіей и передъ исторіей... А если я помѣха счастью Россіи... — въ голосѣ Царя послышалось скрытое рыданіе... — то я готовъ даже не только царство, но и жизнь отдать за Россію...

6.

— Что же это такое? — спрашивалъ Дубенскій, обращаясь то къ тому, то къ другому. — Алексѣевъ не отдаетъ распоряженій, Воейковъ, говорятъ, устраиваетъ квартиру для жены и никто ничего не дѣлаетъ. Развѣ же такъ можно?.. Надо Государю помочь, надо Петербургу показать твердую руку... Петербургъ не вся Россія... Надо крамольникамъ посбавить форсу...

26-го февраля, послѣ завтрака, воспользовавшись случаемъ, Дубенскій подошелъ къ выходившему Воейкову. Видъ у него былъ нахохленный, взъерошенный, какъ у воробья въ холодный сѣрый день. Дворцового коменданта старикъ считалъ всесильнымъ фаворитомъ, сухимъ, надменнымъ и гордымъ. По этой причинѣ онъ его боялся. Разговоръ началъ издалека.

— Чѣмъ изволили заниматься, Владиміръ Николаевичъ? — заискивающе, ласково спросилъ, не безъ тайнаго страха.

— Васъ это очень интересуетъ? — отрѣзалъ Воейковъ раздраженнымъ тономъ. Онъ не терпѣлъ подобныхъ разговоровъ. Не чувствовалъ потребности къ общенію, не касающемуся служебныхъ дѣлъ. Разъ навсегда усвоилъ себѣ за правило: съ нимъ можетъ разговаривать только тотъ, кого онъ самъ вызываетъ на разговоръ, и только тогда, когда онъ желаетъ разговаривать. — Никому нѣтъ дѣла до моихъ занятій, Ваше Превосходительство. Вѣдь я васъ не спрашиваю, чѣмъ вы изволили заниматься... Впрочемъ, я могу удовлетворить ваше любопытство. Я развѣшивалъ по стѣнамъ квартиры картинки, прибивалъ шторы и занавѣски на окнахъ. Вы удовлетворены?..

— А васъ развѣ не тревожатъ петербургскія событія? Сегодня уже третій день, какъ идутъ безпорядки. И ничего не предпринимается... Вѣдь такъ нельзя...

Воейковъ поднялъ удивленно одну бровь. Сверху внизъ, вкривь и вкось посмотрѣлъ на старика. Подобный разговоръ

онъ уже считалъ дерзостью и нахальствомъ. Отвѣтилъ холодно и рѣзко, подчеркивая ударныя слова:

— Кажется, это не входитъ въ кругъ вашихъ прямыхъ обязанностей, Ваше Превосходительство? Вамъ вѣдь никто не поручалъ заниматься этими дѣлами? У васъ вѣдь никто не спрашивалъ мнѣнія по поводу этихъ дѣлъ? Это вѣдь васъ не касается, Ваше Превосходительство?

Неожиданно для самого себя старикъ разозлился. Вспомнилъ о своемъ возрастѣ, о своемъ чинѣ, о томъ, что его сыновья бьются за Отечество и что онъ достоинъ не меньшаго уваженія, какъ и Воейковъ. Сказалъ ему сухо, строго и нравоучительно:

— Пожаръ надо тушить во-время, чтобы не дать ему разгорѣться. Это касается всѣхъ насъ, русскихъ людей, касается Россіи, Ваше Превосходительство. Принятіе нужныхъ мѣръ зависитъ отъ васъ и отъ генерала Алексѣева. Это вашъ долгъ вѣрноподданнически доложить Государю...

— Да вы что, учить меня вздумали? — крикнулъ Воейковъ, обрывая старика. — Въ Петроградѣ имѣется двѣсти тысячъ солдатъ. Этого достаточно, чтобы усмирить бунтующую сволочь. Было бы лучше, если бы на эту тему болтали поменьше, кого это не касается...

И повернувъ широкую, плотную спину, туго затянутую кителемъ, Воейковъ пошелъ своей дорогой.

*
* *

Генералъ-майоръ Дмитрій Николаевичъ Дубенскій былъ на Олимпѣ человѣкъ небольшой. Онъ небылъ богатъ и знатенъ, не принадлежалъ къ высшему обществу, не вершилъ важными государственными дѣлами и не числился любимцемъ кого-либо изъ сильныхъ міра сего. Онъ состоялъ въ должности "исторіографа". До войны писалъ патріотическія брошюры для народа; во время войны велъ своего рода лѣтопись описаніямъ путешествій Государя по фронту, по городамъ и весямъ, по Россіи. Никого особенно не интересовали его писанія. Писалъ, но могъ бы и не писать. Внѣшность имѣлъ представительную, ростъ порядочный, чувства благонамѣренныя.

Судьбѣ угодно было, чтобы этотъ ничѣмъ незамѣчательный человѣкъ сыгралъ нѣкоторую роль въ ходѣ русской трагедіи. На сценѣ его никто не замѣтилъ. Его игра прошла за кулисами. Дѣйствовалъ онъ по собственной инициативѣ, побуждаемый благородными, патріотическими чувствами. Но то, что онъ сдѣлалъ, оказалось въ общей суммѣ роковымъ для Россіи.

Неудача бесѣды съ Воейковымъ еще больше разстроила старика. Онъ долго не могъ успокоиться. Искалъ возможность вылить кому-нибудь то, что чувствовалъ, открыть свою душу. Ве-

черомъ, бесѣдуя съ лейбъ-медикомъ Федоровымъ, жаловался на Воейкова:

— Зазнался очень. Сталъ недоступенъ. Его никто не любитъ. Фанфаронъ какой-то. Около Государя много людей, а посовѣтоваться не съ кѣмъ. Ни великiе князья, ни Фредериксъ, ни Ниловъ, ни Воейковъ — въ совѣтники не годятся. Фредериксъ очень порядочный человѣкъ, вѣрный, преданный, но слишкомъ старъ. Никто изъ нихъ не имѣетъ вѣса въ глазахъ Государя. Никто изъ нихъ не понимаетъ сложную, мистическую, чистую душу Государя. Онъ тутъ одинокъ, а истиннаго, вѣрнаго друга съ нимъ нѣтъ. Будь Царица здѣсь, мы не сидѣли бы сложа ручки. Изъ всѣхъ штабныхъ, я думаю, могъ бы измѣнить положенiе въ столицѣ только одинъ генералъ Ивановъ.

— Да, но вѣдь онъ очень старъ... Куда ему усмирять бунтъ. Для этого нужны люди помоложе и по энергичнѣе. Жаль, что далеко отсюда находится Келлеръ. Этотъ бы усмирилъ и навелъ порядокъ.

— Это ничего, что старъ. Онъ уменъ, остороженъ, религiозенъ, честенъ. Его имя извѣстно всей Россiи. Онъ пробилъ себѣ дорогу самъ, упорнымъ трудомъ; вышелъ въ люди изъ простой семьи. Молодой да ретивый генералъ можетъ зарваться и натворитъ Богъ знаетъ чего, а этотъ все взвѣситъ, каждый шагъ обдумаетъ...

Въ 6 часовъ вечера 27 февраля Дубенскiй и Федоровъ ѣхали на станцiю. Старый извозчикъ трюпалъ, поднимаясь въ гору. Погода была сырая, мокрая и мутная. Отъ освѣщенныхъ оконъ падали тусклыя полосы свѣта. За Днѣпромъ, далеко, во мглѣ мигали огоньки поселка. За городомъ все тонуло въ холодномъ сумракѣ. На запасныхъ путяхъ стоялъ полуосвѣщенный огнями императорскiй поѣздъ. Неподалеку отъ него, въ собственномъ салонъ-вагонѣ жилъ генералъ-адъютантъ Николай Iудовичъ Ивановъ.

Посѣтителей гостепрiимно встрѣтилъ высокiй старикъ, съ коротко остриженными, "подъ гребенку" серебристыми волосами и съ длинной, въ полгруди, густой, совершенно бѣлой бородой, съ которой сливались вмѣстѣ сѣдые, но еще темные усы и волосы на щекахъ. На старикѣ былъ просторный китель свѣтло-защитнаго цвѣта съ генералъ-адъютантскими погонами и эксельбантами и темно-синiе длинные брюки съ генеральскими лампасами. На груди бѣлѣлъ Георгiй. Гостямъ онъ былъ радъ.

— Ваше Высокопревосходительство, мы къ вамъ по дѣлу, — началъ Дубенскiй, когда всѣ усѣлись въ мягкiя кресла и бывшiй главнокомандующiй Юго-Западнымъ фронтомъ, еще недавно повелѣвавшiй сотнями тысячъ людей, сталъ самолично разливать чай изъ большого серебрянаго чайника. — Прiѣхали спецiально къ вамъ, чтобы слезно васъ просить.

— О чемъ же? — улыбаясь, спросилъ старикъ. Ему несомнѣнно было пріятно, что къ нему обратились съ просьбой. Значитъ еще не совсѣмъ вышелъ въ тиражъ. Начинающееся забвеніе онъ переносилъ съ большой, трудно скрываемой горечью. — Я теперь мало что значу. Прошло мое время, — какъ будто похваляясь, отвѣтилъ онъ.

— Вамъ, можетъ быть, предстоитъ еще болѣе славная задача, чѣмъ та, которую вы блестяще выполнили. Столица во власти взбунтовавшихся рабочихъ и деморализованныхъ солдатъ. Начинается разруха, которая грозитъ небывалыми бѣдствіями. Необходимо прійти на помощь Государю. Въ Ставкѣ ему не съ кѣмъ посовѣтоваться. Онъ душевно измученъ. Кромѣ васъ некому помочь. Государь, по всему видно, самъ не проявитъ инаціативы. Вамъ надо отправиться въ Петербургъ и водворить порядокъ.

— Поздно теперь, господа. Части зашатались и вѣрныхъ мало осталось. Мнѣ самому ничего не надо; жизнь идетъ къ концу; меня уже забыли... Конечно, я радъ буду и счастливъ помочь Его Величеству, но какъ это сдѣлать? Необходимо имѣть хоть небольшую, но твердую часть. Важно до Царскаго Села доѣхать, охранить Царицу и семью, а тамъ ужъ дѣйствовать, какъ Богъ укажетъ. Боюсь, что поздно...

— Ваше Высокопревосходительство, неужели такъ и катиться въ пропасть, неужели у насъ нѣтъ вѣрныхъ частей? Да хотя бы Георгіевскій батальонъ, тутъ подъ бокомъ. Надо все это подсказать Государю. Алексѣевъ очень боленъ и медлитъ съ принятіемъ мѣръ. Вы сегодня за обѣдомъ переговорите съ Государемъ сами. Доложите ему ваши соображенія, скажите, что готовы принять на себя порученіе Его Величества. Государь, навѣрное, будетъ благодаренъ вамъ, если вы возьмете на себя тяжелую задачу по умиротворенію столицы. Сейчасъ это подвигъ, равный подвигу Сусанина. Богъ вамъ поможетъ. Васъ знаетъ вся Россія. Вашъ авторитетъ стоитъ очень высоко. Ваше имя внушаетъ довѣріе...

Ивановъ слушалъ, слегка наклонивъ голову, опершись рукой на столъ. Свѣтъ лампы падалъ сверху на бѣлые волосы, отчего голова свѣтилась, какъ нимбъ святого. Бѣлый Георгій сверкалъ изъ-подъ серебристыхъ волосъ бороды. Каріе глаза, еще живые и блестящіе, смотрѣли серьезно, внимательно и строго. Онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ похожъ на Сусанина. Собесѣдники, видимо, убѣдили его; онъ сдался на уговоры и сказалъ:

— Дмитрій Николаевичъ, моя жизнь принадлежитъ Царю и Родинѣ. Я готовъ отдать имъ послѣднія силы. Если Государь мнѣ поручитъ то, о чемъ вы просите, я соглашусь взять на себя это опасное и трудное порученіе. Можетъ быть, это будетъ моя послѣдняя служба Царю и Родинѣ. Меня смущаетъ только, что

поздно хватились. Моментъ упущенъ. Но я готовъ и нынѣ стать во главѣ войскъ противъ смуты.

Дубенскій прослезился отъ полноты охватившихъ его чувствъ. Минута, которую они переживали въ вагонѣ на запасныхъ путяхъ, была для него исторической. Онъ думалъ, что это поворотный рубежъ, съ котораго начнется оздоровленіе. Очарованный, съ растроганнымъ, плачущимъ лицомъ, онъ поднялся и сказалъ Иванову:

— Витязь земли русской! Позвольте земно вамъ поклониться. Въ роковые, судьбоносные дни Россіи вы не поколебались стать на ея защиту и на помощь нашему страдающему Вѣнценосцу...

Внезапно старикъ опустился передъ другимъ старикомъ на колѣни и коснулся головой до самого пола. Въ этомъ поступкѣ онъ не видѣлъ для себя униженія. Спасеніе Россіи, жизнь за Царя, вотъ что руководило его дѣйствіями въ эту большую минуту.

— Дмитрій Николаевичъ, что вы дѣлаете? Я же не Царь и не Богъ.

Старикъ поспѣшно помогъ Дубенскому подняться и они троекратно, по-русски, облобызались.

Возвращаясь назадъ, Дубенскій и Федоровъ увидѣли на Днѣпровскомъ проспектѣ, у ярко освѣщеннаго изнутри дома, автомобиль дворцоваго коменданта.

— Смотрите, это Воейковъ хлопочетъ, подготовляя квартиру для жены. Онъ ждетъ ее на дняхъ. Онъ кажется ни о чемъ не волнуется, — сказалъ Федоровъ.

— Ахъ, Сергѣй Петровичъ! Это достойно удивленія. Я не могу понять, да и никто навѣрное не пойметъ, какъ такой близкій ко Дворцу человѣкъ можетъ заниматься такими пустяками, когда рѣшается судьба всего нашего государственнаго строя, Царя, его семьи и всей Россіи. Или онъ не сомнѣвается въ благополучномъ исходѣ, или онъ... — старикъ не нашелъ сразу подходящаго, не рѣзкаго слова, дважды повторилъ застрявшее “или онъ...” и, наконецъ, закончилъ, — или онъ очень легкомысленный человѣкъ и плохой царскій слуга, хотя и службистъ.

7.

Обѣдъ въ Ставкѣ, скромный, какъ всегда, прошелъ очень тоскливо и напряженно. Большинство кушали молча и ни одно веселое, бойкое слово не сорвалось съ языка въ этотъ вечеръ. Всѣ были подавлены и угнетены. Даже самые безпечные и жизнерадостные не могли побороть смущенія. Поняли, что не голодный “бабій бунтъ” происходитъ въ столицѣ. Не балагурилъ, по обыкновенію, неунывающій Ниловъ; сумрачно сидѣлъ красный, взъерошенный Воейковъ, тараща глаза; Алексѣевъ былъ блѣ-

денъ и видимо пересиливалъ гложущій его недугъ. У каждаго на душѣ была своя тревога.

Государь молчалъ, былъ спокоенъ, но какъ-то особенно тихъ. Ивановъ сидѣлъ съ нимъ рядомъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда Царь заговоритъ самъ. Только въ концѣ обѣда Государь спросилъ его:

— Вы слышали, Николай Іудовичъ, — Павловскій полкъ вышелъ изъ повиновенія и отказался дѣйствовать противъ бунтующей толпы?

— Такъ точно, Ваше Величество, — отвѣтилъ поспѣшно старикъ, точно онъ боялся, что Государь встанетъ и уйдетъ. — Это очень прискорбно, но разсматривать молодыхъ солдатъ запаснаго баталіона, какъ гвардейскій полкъ, никакъ нельзя. Какіе же это Павловцы? Только одно названіе. Было очень неосторожно сосредоточить въ столицѣ сотни тысячъ мобилизованныхъ, большинство изъ которыхъ фабричные рабочіе...

Не теряя минуты, Ивановъ высказалъ Царю свое мнѣніе о необходимости посылки войскъ съ фронта. Онъ разсказалъ, какъ въ 1905 году ему удалось успокоить волненія въ Харбинѣ при помощи двухъ полковъ безъ единаго выстрѣла. Это Царю понравилось. Уходя изъ столовой, онъ сказалъ:

— Николай Іудовичъ, зайдите ко мнѣ въ кабинетъ черезъ полчаса.

Когда Ивановъ прибылъ къ Государю, онъ ему сказалъ:

— Я васъ назначаю Главнокомандующимъ Петроградскимъ округомъ. Какъ вамъ извѣстно, тамъ въ запасныхъ батальонахъ безпорядки и заводы бастуютъ. Отправляйтесь безотлагательно. Отъ генерала Алексѣева вы получите необходимыя указанія, какъ о составѣ войскъ, поступающихъ подъ вашу команду, такъ и объ объемѣ вашихъ правъ.

— Ваше Величество, вѣрноподданнически благодарю Васъ за довѣріе. Готовъ послужить Вамъ и Россіи. Но я уже годъ, какъ стою въ сторонѣ отъ арміи. Я думаю, что не всѣ части останутся вѣрными, въ случаѣ народнаго волненія, а потому я полагаю, лучше не вводить войска въ городъ, пока положеніе не выяснится, чтобы избѣжать кровопролитія...

— Да, конечно, — отвѣтилъ Государь машинально, занятый своими мыслями.

Назначеніе генерала Иванова произошло молніеносно. Еще въ полдень имя это совсѣмъ не называлось. Правда, и разговоръ о посылкѣ войскъ тоже не ставился, какъ мѣра срочнаго порядка. Почти передъ самымъ обѣдомъ были получены телеграммы о переходѣ войскъ петроградскаго гарнизона на сторону возставшихъ, объ арестѣ министровъ и высшихъ сановниковъ, объ убійствахъ, насиліяхъ и безчинствующей анархіи. Докладывая Государю, Алексѣевъ снова вернулся къ ранѣе высказанной мысли

о необходимости уступокъ и умолялъ Царя дать согласіе на образованіе Правительства, отвѣтственнаго передъ народомъ. Алексѣевъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ настроеній и мыслей столичной общественности. Свѣдѣнія, сообщаемыя ему Родзянкой, онъ принималъ на вѣру, не дѣлая шаговъ къ ихъ повѣркѣ. Онъ какъ-то слѣпо воспринималъ то, что ему внушалъ Родзянко: "съ учрежденіемъ министерства довѣрія безпорядки пойдутъ на убыль и все можетъ благополучно кончиться". Ко всему прочему, примѣшивалось незамѣтно отрицательное отношеніе къ нѣкоторымъ членамъ династіи. Въ роковые дни онъ такъ и не сумѣлъ подняться на вершину государственнаго кругозора, чтобы все увидѣть и принять мудрое рѣшеніе.

Иначе думалъ, иначе чувствовалъ Государь. Онъ далеко проглядывалъ впередъ и видѣлъ то, чего не видѣлъ Алексѣевъ и никто изъ его окруженія. Въ эти дни и часы въ душѣ Царя шла огромная, напряженная борьба. Онъ не былъ человѣкомъ, у котораго душа горитъ, какъ раскаленный пламень, и, вырываясь наружу, дѣлаетъ пожаръ. Душа его была подобна тихой свѣчкѣ, которая свѣтитъ въ кельѣ монаха и самъ онъ, весь во власти религіозной мистики, объятый ея божественной силой, смотрѣлъ на міръ и жизнь глазами пустынножителя, спокойными, провидящими и скорбными.

Событія понуждали Царя къ принятію немедленныхъ рѣшеній. Онъ и не поколебался бы ихъ принять, если бы не встрѣтилъ глухое противодѣйствіе, если бы не видѣлъ, что подавляющее большинство совѣтниковъ настроено враждебно противъ твердыхъ мѣръ. Разговоръ съ Ивановымъ былъ рѣшающимъ въ этомъ вопросѣ. Появилась какая-то блѣдная, туманная тѣнь надежды прекратить бунтъ безъ кровопролитія, тѣми чудодѣйственными способами, о которыхъ разсказывалъ старый главнокомандующій фронтомъ. Царь плохо вѣрилъ въ эту кисельно-сладкую возможность, но лучше какія-то мѣры, чѣмъ полное бездѣйствіе.

Генералъ Ивановъ, получивъ назначеніе, воодушевился. Старая кровь заиграла. Онъ чувствовалъ необыкновенный подъемъ силъ и неудержимую подвижность. До полуночи онъ велъ переговоры съ Алексѣевымъ, Лукомскимъ и съ Петербургомъ. Только въ часъ ночи прилегъ, разсчитывая утромъ двинуться въ походъ. Онъ только что задремалъ, какъ его разбудилъ адъютантъ, — "Государь требуетъ васъ къ себѣ"... Было два часа ночи. Въ вагонѣ Царя произошла новая бесѣда.

— ...Ваше Величество, продовольственный вопросъ въ столицѣ находится не въ блестящемъ состояніи. Для успокоенія людей, ихъ надо прежде всего накормить. Я прошу Вашего соизволенія дать мнѣ право потребовать отъ соотвѣтствующихъ министровъ скорѣйшаго подвоза продовольствія. Я докладываю объ

этомъ, памятуя сентябрь 1914 года, когда мои жалобы на отсутствіе снарядовъ вызвали неудовольствіе даже въ Ставкѣ. Я прошу Вашихъ полномочій въ отношеніи министровъ: внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія, промышленности и путей сообщенія.

— Пожалуйста, передайте генералу Алексѣеву, чтобы онъ телеграфировалъ предсѣдателю Совѣта Министровъ, чтобы всѣ требованія генерала Иванова всѣми министрами исполнялись безпрекословно, — отвѣтилъ Царь, протягивая руку. — До свиданія, вѣроятно, въ Царскомъ Селѣ увидимся.

— Ваше Величество, позвольте напомнить относительно реформъ..

— Да, да. Мнѣ только что напоминалъ объ этомъ генералъ Алексѣевъ, — какъ-то нетерпѣливо замѣтилъ Царь. По лицу его скользнула тѣнь неудовольствія, горечи и скорби. Капля по каплѣ падали на его сердце разочарованіе и тоска смертельная. Въ эти дни онъ увидѣлъ разсѣявшимися свои иллюзіи, полностью убѣдился, что болѣзнь проникла и въ ту воинскую среду, на здоровую національную крѣпость которой онъ надѣялся, и во что вѣрилъ слѣпо и безпредѣльно. "Одинъ противъ всѣхъ" — все чаще и чаще думалъ онъ. Вечеромъ кто-то "услужливо" прислалъ старую статью профессора Петра Струве. Крѣпкими, густыми красными линіями были подчеркнуты ударныя мѣста: "...Обратитесь противъ истиннаго врага страны!.. Этотъ врагъ — самодержавіе и самодержавники!.. Все равно, кто онъ, надменный деспотъ или презрѣнный трусъ... Царь Николай сталъ открыто врагомъ и палачомъ народа... Кто внутренній врагъ? Все населеніе или упрямый Царь и его клевреты? Вся Россія или помазанникъ церкви, жалкій человѣкъ?"...

Душа надрывалась отъ нестерпимой боли... Онъ, готовый отдать жизнь свою за Россію, — сталъ внутреннимъ врагомъ, палачемъ, убійцей...Какъ жутко и жестоко обернулась жизнь. Ощеренный, оскаленный звѣриный призракъ апокалипсическаго звѣря возсталъ изъ бездны противъ него. Какъ бѣшеная слюна летѣли повсюду броски лжи, клеветы и злословія. Не на кого надѣяться. Только на Бога... А развѣ Его не распяли люди, для которыхъ Онъ принесъ миръ, любовь и благость? Ему предсталъ Христосъ, благословляющій дѣтей, проповѣдующій заповѣди блаженства, исцѣляющій слѣпыхъ и прокаженныхъ, и, въ заключеніе, влекомый на казнь, какъ преступникъ... Шелъ четвертый часъ ночи, а онъ еще не ложился спать. Тупая, ноющая боль въ лѣвомъ боку сосала гнетуще, какъ будто сжималъ кто-то сердце...

*

* *

Въ 9 часовъ вечера 27 февраля генералъ Алексѣевъ вызвалъ къ аппарату Юза начальника Штаба Сѣвернаго фронта генерала Данилова, того самого, который такъ критически относился къ

Государю и не любилъ его, затаивъ личную обиду, послѣ раскассировки бывшаго Штаба Великаго Князя Николая Николаевича, когда генералъ Даниловъ долженъ былъ покинуть свой постъ.

— Юрій Никифоровичъ. Государь Императоръ повелѣлъ: генералъ-адъютанта Иванова назначить Главнокомандующимъ Петроградскаго военнаго округа; въ его распоряженіе, возможно скорѣй, отправить отъ войскъ Сѣвернаго фронта въ Петроградъ два кавалерійскихъ полка, по возможности изъ находящихся въ резервѣ 15-й дивизіи, два пѣхотныхъ полка изъ самыхъ прочныхъ, надежныхъ, одну пулеметную команду Кольта для Георгіевскаго баталіона, который ѣдетъ изъ Ставки. Нужно назначить прочныхъ генераловъ, такъ какъ, повидимому, генералъ Хабаловъ растерялся, и въ распоряженіе генерала Иванова нужно дать надежныхъ, распорядительныхъ и смѣлыхъ помощниковъ... Обстоятельства требуютъ скораго прибытія войскъ... Такой же силы нарядъ послѣдуетъ съ Западнаго фронта, о чемъ я буду говорить съ генераломъ Квецинскимъ...

Прошло пять дней отъ начала бунта, какъ Ставка, выполняя волю Царя, наконецъ, сдѣлала распоряженіе о посылкѣ войскъ для возстановленія порядка. Петроградъ уже былъ во власти бунтовщиковъ. Безславно закончило свое существованіе Правительство; запасные полки перешли на сторону революціи; мятежная Дума создала Временный Комитетъ — блѣдное подобіе власти; въ Таврическомъ дворцѣ водворился совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Можно было бы вспомнить нѣкогда сказанныя слова: "Промедленіе смерти безвозвратной подобно". Можно было бы вспомнить русскую былину о витязѣ на распутьѣ.

Роковая обреченность возникла и расплылась темной тучей надъ Русской Землей. Пелена легла на очи, перестали слышать уши, погасло сознаніе. "Когда Богъ захочетъ наказать, — Онъ отнимаетъ разумъ". Можно было видѣть, предвидѣть, предугадать, что бунтъ закончится катаклизмомъ. Уже гудѣли подземные гулы, уже сотрясалась земля. Но русскій народъ былъ слѣпъ; былъ отравленъ наркозомъ. Его, какъ самоубійцу, влекла бездна. И, можетъ быть, только одинъ Царь понималъ, какая опасность угрожаетъ Россіи.

О событіяхъ съ столицѣ войска на фронтѣ ничего не знали. Эхо докатилось до нихъ позже, когда уже все было кончено. Но внутри страны кто-то заботливо и предусмотрительно разбрасывалъ листовки, "просвѣщалъ свѣтомъ революціи", звалъ на "послѣдній и рѣшительный бой" и возвѣщалъ торжественно о наступленіи "зари новыхъ дней". Сѣмена разложенія, покорности и непротивленія были брошены и въ души тѣхъ, кто, казалось, долженъ былъ быть застрахованъ отъ всякихъ соблазновъ.

Георгіевскій баталіонъ, назначенный въ распоряженіе генерала Иванова, представлялъ изъ себя крѣпкую часть. Такъ думалъ Алексѣевъ, такъ могъ думать каждый военный, потому что бѣлый крестикъ говорилъ о воинской доблести, о вѣрности, о чести. Баталіонъ былъ составленъ изъ лучшихъ солдатъ. Командовалъ имъ тяжко искалѣченный генералъ Пожарскій. Славой вѣнчанные были и всѣ офицеры.

Вечеромъ генералъ Пожарскій сообщилъ офицерамъ о возложенной на баталіонъ задачѣ. Онъ отдалъ всѣ распоряженія, касательно выступленія. Какъ старый военный, онъ все предусмотрѣлъ, на все обратилъ вниманіе. И все это было хорошо. Но покончивъ съ приказаніями, генералъ пустился въ политическія разсужденія, далъ оцѣнку происходящимъ событіямъ, смутно высказалъ свое мнѣніе: “должно признаться и нельзя не сознаться” и заключилъ свою рѣчь словами: “Въ Петербургѣ я не отдамъ приказа стрѣлять въ народъ, хотя бы этого потребовалъ генералъ Ивановъ”.

Это были новыя слова; страшныя слова въ устахъ генерала, георгіевскаго кавалера, начальника части. Произошла перемѣна въ душѣ, необъяснимая и непонятная въ нормальныхъ условіяхъ. Или слова: “за вѣру, Царя и Отечество” были для него всегда пустыми, или произошелъ переломъ подъ воздѣйствіемъ внушеній и пропаганды, болѣе сильныхъ, чѣмъ вѣрноподданическія чувства.

— Ваше Превосходительство, тогда зачѣмъ же мы поѣдемъ? — спросилъ высокій красавецъ капитанъ. — Въ этомъ случаѣ, намъ останется только побрататься съ возставшими и присоединиться къ нимъ.

— Я объ этомъ не говорилъ. Не ваше дѣло входить въ обсужденіе моихъ дѣйствій...

— Ваше Превосходительство, я присягалъ такъ же, какъ и вы; цѣловалъ крестъ, евангеліе и полотнище нашего боевого знамени. Я такъ же, какъ и вы, ношу мундиръ Его Величества. Я не былъ клятвопреступникомъ и не желаю быть измѣнникомъ. Я поступлю такъ же, какъ и вы.

— То-есть...

— Я не исполню вашего приказа и, если будетъ надо, буду стрѣлять...

Генералъ Ивановъ выѣхалъ изъ Могилева въ одинъ часъ дня 28 февраля. Георгіевскій баталіонъ — его опора и надежда — уѣхалъ раньше; старикъ долженъ былъ его нагнать въ пути. Къ моменту отъѣзда, онъ заботливо собралъ всѣ свѣдѣнія о положеніи въ столицѣ; онѣ были ужасными. Въ его распоряженіе назначалось восемь полковъ; сборный пунктъ въ окрестностяхъ Петрограда. Планъ будущихъ дѣйствій исчерпывался словами: “пріѣду, увижу, а тамъ, что Богъ дастъ”. Въ этихъ словахъ звучало что-то суворовское, но самъ Ивановъ, къ несчастію, не былъ

Суворовымъ. Всѣ послѣдующія дѣйствія можно было бы охарактеризовать словами: "горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся". Дѣйствительно, старикъ толокъ воду въ ступѣ. Онъ не понималъ существа происходящихъ событій; о соціальныхъ ученіяхъ, взрывающихъ и потрясающихъ основы, онъ не имѣлъ ровно никакого представленія. Его основная мысль: усмирить мятежъ безъ драки, безъ огня и кровопролитія, — была наивна и нелѣпа, какъ затѣи ребенка. Это была главнѣйшая ошибка, превратившая "походъ на Петроградъ" въ пустое болтаніе по желѣзнымъ дорогамъ. Не понявъ психологически того, что происходило въ столицѣ, онъ не могъ принять единственно нужнаго и цѣлесообразнаго рѣшенія. Очень скоро движеніе, на которое возлагалось столько надеждъ, превратилось въ траги-комедію.

Въ 7 часовъ вечера Ивановъ прибылъ въ Витебскъ. Здѣсь онъ нагналъ эшелонъ съ георгіевцами. Отсюда двинулись вмѣстѣ. Старикъ заснулъ сномъ праведника. Безсонная предыдущая ночь утомила его; не такъ ужъ велики стариковскія силы въ 67 лѣтъ. Спалъ, какъ убитый. Проснулся въ 7 часовъ утра. Поѣздъ стоялъ, похрипывая подъ парами. На дворѣ было еще сѣро.

— Гдѣ мы находимся? — спросилъ онъ у денщика.

— На станціи "Дно", Ваше Высокопревосходительство.

— Какъ, за 12 часовъ проѣхали только двѣсти верстъ, вмѣсто пятисотъ?

Денщикъ ничего не отвѣтилъ. Ивановъ никого не "распекъ"; удовлетворился сомнительными объясненіями. Мысль о томъ, что ихъ могли умышленно задерживать въ пути, ему не пришла въ голову. О молніеносности движенія онъ вообще не думалъ.

— Что же мы стоимъ? — спросилъ онъ, напившись чаю. — Прикажите желѣзнодорожникамъ двигаться дальше, — сказалъ онъ адъютанту.

Въ это время ему доложили о приходѣ поѣзда, въ которомъ было много пьяныхъ, буйствующихъ солдатъ.

— Задержать выступленіе, — приказалъ онъ рѣшительно. — Надо навести порядокъ. Какъ можно оставить дебошировъ продолжать свой безчинственный путь...

Главнокомандующій какъ будто обрадовался, что нашлось живое дѣло. Тутъ же на платформѣ началъ чинить "судъ и расправу", забывъ, что для этого существуетъ военно-полевой судъ. "Расправа" была своеобразная: пьяныхъ и дерзившихъ ему наглецовъ онъ ставилъ на колѣни. Считалъ это "отеческимъ воздѣйствіемъ". Это было смѣшно и не очень серьезно. Пьяные хулиганили, окружавшіе смѣялись во все горло. — Потѣха да и только, — шумѣли въ вагонахъ. — Это какой-то балаганъ, — возмущались между собой офицеры. — Что онъ, выжилъ изъ ума? Происходитъ чортъ знаетъ что, а онъ занимается дѣтской забавой...

Три раза генералъ Ивановъ останавливался въ пути для по-

добной же операціи. Сорокъ солдатъ, потерявшихъ обликъ человѣческій и угрожавшихъ оружіемъ, были имъ арестованы. Въ 6 часовъ вечера Георгіевскій баталіонъ прибылъ на станцію Вырица, въ непосредственной близости отъ Царскаго Села. Здѣсь онъ получилъ свѣдѣніе, что въ Царскомъ неспокойно, что Тарутинскій полкъ выгружается на станціи Александровской. Генералъ Ивановъ рѣшилъ немедленно передвинуться въ Царское, куда приказалъ явиться начальствующимъ лицамъ.

Въ ночь съ 1 на 2 марта Георгіевскій баталіонъ стоялъ на станціи въ Царскомъ Селѣ, не выгружаясь изъ вагоновъ. Находясь въ такомъ положеніи, онъ дѣйствовать не могъ; не могъ бы и сопротивляться въ случаѣ нападенія. Генералъ Пожарскій и не предполагалъ дѣйствовать. Прибывшимъ къ нему представителямъ отъ города и отъ мятежныхъ войскъ онъ заявилъ торжественно, что его солдаты стрѣлять въ народъ не будутъ и воевать со своими братьями не собираются.

— Мы будемъ держать "нейтралитетъ"...

Завывалъ, гудѣлъ, шипѣлъ змѣей поднявшійся со взморья вѣтеръ. Такой же вѣтеръ, только другой, родившійся отъ столкновенія людскихъ страстей, гудѣлъ надъ Петроградомъ, надъ Царскимъ Селомъ, надъ всей Россіей. О чемъ пѣлъ этотъ буйный вѣтеръ? Не о томъ ли, что въ темную ночь расползался по русской землѣ черный мракъ, что вытѣснялъ онъ древній свѣтъ святой праведной Руси, что въ душѣ народа проснулись стихійныя дикія страсти, какъ пожаръ, все уничтожающія. Бывало подобное и раньше, но размѣры были другіе и не весь народъ и не вся душа были поражены духовной анархіей.

"Товарищъ, винтовку держи, не трусь.
Пальнемъ-ка пулей въ Святую Русь.
Въ кондовую, въ избяную, въ толстозадую...
Эхъ, эхъ, безъ креста..."

Долой святыни, жги иконы, на свалку древнюю святость, къ чорту тысячелѣтнюю исторію. Эхъ, эхъ, безъ креста, безъ боговъ... Родился новый міръ, новый свѣтъ. Свиститъ, воетъ дикій вѣтеръ; рветъ кумачовыя полотнища; красно-багровый свѣтъ революціи горитъ пожаромъ. Еще слышится: "свобода, равенство и братство", но уже замираетъ, мѣшается съ другимъ: "ненависть, классовое самосознаніе, смерть врагамъ"... "Мы на горе всѣмъ буржуямъ міровой пожаръ раздуемъ"!.. Эхъ, эхъ, безъ креста!.. За чечевичную похлебку, за химеру и утопію отреклись отъ историческихъ путей и отъ древняго наслѣдства.

Старикъ Ивановъ, безвольный, дряхлый, но цѣплявшійся за видимость власти, не разбиралъ словъ, о чемъ поетъ петербургскій вѣтеръ. Деникинъ сказалъ о немъ: "трудно представить бо-

лѣе неподходящее лицо въ усмирители и диктаторы". Не доносились петербургскія пѣсни и до ушей Алексѣева. Рузскій былъ ближе, слышалъ о чемъ поютъ, но думалъ, что во второмъ отдѣленіи программа будетъ новая... Не было твердости монолита у тѣхъ, кто стоялъ наверху. Плохо вѣрили въ то, чему служили и поклонялись. Въ роковой часъ легко поддались впечатлѣніямъ и соблазну. Безъ повѣрки повѣрили тѣмъ, кому не слѣдовало вѣрить. Родзянко, Гучковъ и прочіе одурачили царскихъ генераловъ.

Ночью, въ Царскомъ Селѣ, Ивановъ получилъ шифрованную телеграмму отъ Алексѣева. Начальникъ Штаба сообщалъ: "Частныя свѣдѣнія говорятъ, что въ Петроградѣ наступило полное спокойствіе: войска, примкнувшія къ временному правительству, въ полномъ составѣ приводятся въ порядокъ. Воззваніе, выпущенное Временнымъ Правительствомъ, говоритъ о необходимости монархическаго начала. Ждутъ съ нетерпѣніемъ пріѣзда Его Величества, чтобы представить ему все изложенное и просьбу принять это пожеланіе народа"... Это была неправда, которую Алексѣеву внушилъ Родзянко.

Ивановъ размякъ еще больше. Успокоился, какъ праведникъ.

— Чего же лучше; вотъ все и пойдетъ по-хорошему, мирно, гладко и безъ позорной междуусобицы, — сказалъ адъютанту.

Въ три часа ночи тихій сонъ его прервалъ прибѣжавшій начальникъ станціи:

— Ваше Высокопревосходительство, на вокзалъ двигается тяжелый дивизіонъ и первый баталіонъ Перваго запаснаго стрѣлковаго полка. Навѣрно будутъ драться въ вами...

Старикъ заволновался; извѣстіе ошеломило его. Поспѣшно началъ одѣваться; съ трудомъ попадалъ тощими ногами въ штанины. "Скорѣй, скорѣй, скорѣй отсюда", шепталъ про себя. Адъютанту приказалъ:

— Эшелонъ съ георгіевцами немедленно направить на станцію Вырица... Если пойдетъ толпа, тысячи уложишь, — добавилъ онъ въ поясненіе бѣгства.

Адъютантъ усмѣхнулся. Вспомнилъ польскій анекдотъ: "То не со страху, то со злощи"... Передавая приказъ, сказалъ дежурному офицеру:

— Старая шляпа; тоже въ усмирители назвался...

Извѣстіе о движеніи войскъ Иванова на Петроградъ быстро распространилось среди тѣхъ, кто имѣлъ достаточно основаній, чтобы бояться тонкой веревки. Заволновались не только представители революціоннаго подполья, но и вожди демократіи. Родзянко, Гучковъ, Милюковъ и руководители Думскаго Блока были охвачены трепетомъ не веселаго свойства. Ставка въ игрѣ была очень большая. Или побѣда, сверженіе Царя, гибель режима, можетъ быть, гибель Россіи, или позоръ и казнь. Поворота назадъ

уже не могло быть. На митингѣ 2-го марта въ Екатерининскомъ залѣ, Милюковъ бросилъ въ накаленную толпу слова, полныя ненависти: "Или старый деспотъ, доведшій Россію до полной разрухи, добровольно откажется отъ престола, или онъ будетъ свергнутъ".

Гучковъ метеоромъ носился по казармамъ, по вокзаламъ, по ближайшимъ окрестностямъ, чтобы организовать отпоръ надвигающейся опасности. Въ одномъ мѣстѣ его автомобиль обстрѣляли "союзники" — сознательные пролетаріи и убили адъютанта князя Вяземскаго. Положеніе было черезчуръ серьезное. Паническое настроеніе наростало. Параллельно съ Гучковымъ работали по линіи желѣзной дороги Бубликовъ и Ломоносовъ. 2-го марта Ломоносовъ вызвалъ Лобанова — представителя Виндавской дороги..

— Что въ Гатчинѣ?

— Тамъ тысячъ двадцать лояльныхъ войскъ.

— Что значитъ лояльныхъ?

— Не революціонныхъ.

— Усвойте себѣ разъ навсегда, что это бунтовщики. Лояльные это тѣ, которые на сторонѣ народа. Итакъ, Гатчина въ рукахъ бунтовщиковъ. Дальше...

— Въ Александровской тоже нѣсколько эшелоновъ, а главное изъ Пскова поѣздъ за поѣздомъ напираютъ новыя войска.

— Снимите въ Гатчинѣ крестовины. А какъ карамболь съ балластнымъ поѣздомъ?

— Еще не знаю. Едва ли...

— Звоню въ Думу... — Военная комиссія?

— Я генералъ Потаповъ, кто говоритъ?

— Я помощникъ Бубликова Ломоносовъ...

Гучковъ отлично понималъ, что дѣло держится на волоскѣ. Насталъ роковой моментъ: "или" — "или". При первомъ настоящемъ давленіи революціонная "армада" засверкаетъ пятками и разсыпется, какъ мука въ рѣшетѣ. Надо было выиграть время; недопустить до столкновенія; другимъ путемъ надавить на Царя; пустить въ ходъ другія пружины. Старый, опытный интриганъ рѣшилъ сыграть на генеральской довѣрчивости, "или глупости". Авось клюнетъ. Онъ уже зналъ, что Рузскій потребовалъ отъ Царя отреченія. Утромъ 2-го марта Гучковъ послалъ записку Иванову: "Ѣду въ Псковъ. Примите всѣ мѣры повидать меня либо въ Псковѣ, либо на обратномъ пути изъ Пскова въ Петроградъ. Распоряженіе дано о пропускѣ васъ въ этомъ направленіи".

Ивановъ клюнулъ съ большой охотой. Это соотвѣтствовало его предвзятой идеѣ. Не разспросилъ, не разузналъ, для чего и почему ѣдетъ Гучковъ. Понялъ по-своему и съ радостью отвѣтилъ: "Радъ буду повидать васъ; мы на станціи Вырица. Если это для васъ возможно, телеграфируйте о времени проѣзда".

Потирая руки, Гучковъ сказалъ: "Не такихъ проводили". И тотчасъ же телеграфировалъ: "На обратномъ пути изъ Пскова постараюсь быть Вырицѣ, желательнѣе встрѣтить васъ Гатчинѣ Варшавской".

Свиданіе, котораго Ивановъ такъ нетерпѣливо ждалъ, не состоялось. Гучковъ въ немъ больше не нуждался. Отпала причина и цѣль. Не зачѣмъ было больше водить старика за носъ. "Тороплюсь въ Петроградъ. Очень сожалѣю. Не могу заѣхать. Свиданіе окончилось благополучно". Слова, слова, пустыя слова.

Въ этотъ роковой для Россіи день поѣздъ Иванова бродилъ по соединительной желѣзнодорожной линіи. Старикъ кого-то хотѣлъ видѣть, съ кѣмъ-то о чемъ-то говорить, но плавалъ безъ руля и безъ вѣтрилъ. Движеніе было безтолковое, ненужное, лишенное всякаго смысла. На станціи Сусанино поѣздъ загнали на запасный путь и поставили въ тупикъ. Здѣсь онъ получилъ грозную, дерзкую телеграмму отъ Бубликова, который обругалъ его, какъ мальчишку. Кто такой былъ Бубликовъ старикъ не зналъ, но душа его преисполнилась смущенія и тревоги. Вернулся назадъ въ Вырицу и телеграфировалъ Алексѣеву: "Прошу принятія экстренныхъ мѣръ для возстановленія порядка среди желѣзнодорожной администраціи"... Растерялся, почувствовалъ, что въ этомъ огромномъ кипящемъ котлѣ ему ничего не понять и ничего не сдѣлать.

На слѣдующій день получилъ приказъ отъ Гучкова: "Главнокомандующимъ назначенъ Корниловъ. Возвращайтесь въ Могилевъ". Уже повсюду гудѣла вѣсть объ отреченіи Царя. Миссія его, Иванова, была безславно закончена. Послѣдняя миссія въ жизни. Честно и ревностно служилъ, а кончилъ пустяками. Служба кончена, и жить больше незачѣмъ. По щекамъ покатились горькія стариковскія слезы...

8.

«Помолись, душа святая,
И о странныхъ и чужихъ,
О тоскующихъ, далекихъ,
И о добрыхъ и о злыхъ.
Помолись, душа святая,
И о томъ, чей путь далекъ,
Кто съ душой, любовью полной,
Въ мірѣ всюду о д и н о к ъ...»
(А. Майковъ).

Рѣшеніе о возвращеніи въ Царское Село Государь принялъ почти внезапно. Это была та роковая, тревожная ночь, когда взволнованный Бенкендорфъ, поспѣшно глотая слова, торопился сказать Фредериксу о смертельной опасности, которая угрожала Царицѣ. Къ Александровскому дворцу приближалась бунтующая

чернь, натравленная вожаками изъ столицы. Послѣднія слова, которыя Бенкендорфъ сказалъ, вѣшая трубку, были: "Слышны недалекіе выстрѣлы... Не дай Богъ, если толпа ворвется во дворецъ.

Государь находился въ столовой и медленно пилъ чай. Какъ всѣ эти дни, — онъ былъ молчаливъ, задумчивъ и грустенъ. Лицо блѣдное, усталое, осунувшееся. Можно было бы сказать про него: "какъ снятый со креста"... Государь, повидимому, находился въ состояніи глубокой задумчивости. Бѣлая рука его съ перстнемъ то и дѣло разглаживала и покручивала усы. Онъ, кажется, ничего не замѣчалъ, и мысли его, и душа его — были далеко отсюда.

Неожиданно вошли въ столовую Фредериксъ и Воейковъ. Они никогда не пили чай вечеромъ въ общемъ залѣ. Уже это одно привлекло къ нимъ вниманіе. Было и другое: встревоженный видъ говорилъ со всей очевидностью, что они пришли вѣстниками какихъ-то пугающихъ событій. Фредериксъ приблизился къ Царю. Въ столовой настала мертвая тишина; всѣ перестали говорить; хотѣли уловить, что скажетъ старый министръ. Но Фредериксъ сказалъ тихо:

— Ваше Величество, я имѣю Вамъ доложить срочныя извѣстія, сообщенныя сейчасъ изъ Царскаго Села...

Государь вздрогнулъ. На щекахъ его пробѣжала конвульсія; въ глазахъ промелькнулъ испугъ, тревога и страданіе. Но быстро подавилъ волненіе. Молча всталъ и вышелъ въ сосѣднюю комнату.

— Боже мой, что же еще? Что значитъ этотъ неурочный докладъ? — сказалъ Мордвиновъ, сидѣвшему рядомъ, Федорову. — Мнѣ представляется какой-то надвигающійся ужасъ. Кажется огромное черное чудовище, въ видѣ костистаго, чешуйчатаго змѣя съ кровавыми глазами, схватило жертву и медленно, полураздвигая страшную кровавую пасть, впиваясь острыми зубами, втягиваетъ ее въ свое нутро. Всѣми овладѣлъ гипнозъ безволія, покорности, паралича. А гдѣ же Георгій Побѣдоносецъ? Неужели былъ только въ Гербѣ, какъ символъ того, чего давно уже больше нѣтъ...

Вокругъ Царя быстро возростала жуткая, ледяная пустота. Незримый кругъ отчужденія медленно сжимался, превращаясь въ маленькую точку земли — для Голгофы... Внутри круга почти никого не осталось, только малочисленные вѣрные безъ активности и дерзанія. За кругомъ бѣсновалась столичная чернь, отбросы города и рабочіе. Доморощенные россійскіе "народолюбцы" въ слѣпомъ яростномъ усердіи расшатывали и вырывали послѣдніе устои Трона. Петербургъ вылъ, какъ голодный шакалъ. А дальше простиралась безпредѣльная страна, великая, смиренная, покорная, у которой никто не спрашивалъ мнѣнія и съ волей которой никто не считался. Въ роковой обреченности сплетались событія и устремляли историческую Россію въ бездну.

Выслушавъ докладъ Фредерикса, Государь сказалъ тихо и подавленно:

— Да будетъ воля Господня. Если мнѣ и моей неповинной семьѣ суждено испить горькую чашу, — я выпью ее безъ ропота. Чему надлежитъ быть, — тому не миновать. Русскій народъ сейчасъ боленъ. Я не могу осудить его за то, что онъ поддался лживымъ обольщеніямъ. Отвѣтственность падаетъ на головы тѣхъ, кто соблазнилъ, кто обманулъ, кто отравилъ душу ядомъ... — Обращаясь затѣмъ къ Воейкову, Государь приказалъ: — Немедленно сдѣлайте распоряженія къ срочному отъѣзду въ Царское. Я хочу быть тамъ возможно скорѣе...

Сердце Царя надрывалось отъ боли. Любовь и нѣжность къ семьѣ горѣла пламенемъ чистымъ и прекраснымъ. Для нихъ, во имя Аликсъ, сына и дочерей — онъ готовъ претерпѣть всѣ муки. Къ нимъ, съ ними, обнять, приласкать, утѣшить, съ ними слиться въ общемъ родномъ чувствѣ, съ ними найти успокоеніе въ самомъ страшномъ горѣ, — вотъ что диктовало ему сознательно и безсознательно рѣшеніе объ отъѣздѣ. Было и другое. Хотѣлъ во что бы то ни стало быть ближе къ тому мѣсту, гдѣ рѣшалась судьба Россіи. Была смутная надежда, что, находясь въ Царскомъ, онъ яснѣе, отчетливѣе увидитъ общую картину и сможетъ отдать нужныя распоряженія. Покидая могилевскій дворецъ, онъ записалъ въ дневникъ: "...Отвратительное чувство быть такъ далеко и получать отрывочныя, не хорошія извѣстія"...

Въ 5 часовъ утра 28 февраля царскій поѣздъ покинулъ Могилевъ. Государь только что передъ тѣмъ заснулъ. Всю ночь онъ велъ дѣловые разговоры съ Алексѣевымъ, Ивановымъ, Фредериксомъ и другими генералами. Алексѣевъ еле держался на ногахъ. Его лихорадило, онъ осунулся, лицо было блѣдное съ желтизной, глаза мутные, больные. Прощаясь съ царской свитой, онъ сказалъ: "Напрасно Государь уѣзжаетъ изъ Ставки. Въ такое время лучше было бы оставаться здѣсь. Я пытался его отговорить, но Государь сильно безпокоится за Императрицу и за дѣтей... Я не рѣшился ужъ очень настаивать..." Что-то доброе и сердечное прозвучало въ этихъ словахъ. Онѣ были сказаны упавшимъ голосомъ. Мордвиновъ охотно заключилъ, что Алексѣевъ пожалѣлъ Царя. Всегда суровый на видъ, рѣдко когда улыбавшійся, старикъ какъ-то вдругъ размякъ; черезъ обычную сухость лица пробилась человѣческая нотка состраданія и жалости.

— Вы обратили вниманіе, — сказалъ Мордвиновъ Воейкову, когда автомобиль мчался на станцію по пустыннымъ, соннымъ улицамъ города: — Алексѣевъ, провожая Государя, былъ подавленъ и разстроенъ. Развѣ можно сомнѣваться, что онъ вѣренъ Царю и его любитъ?!..

— Алексѣевъ просто боленъ, — пробурчалъ Воейковъ, — а

кромѣ того, чужая душа — потемки... На дворѣ морозъ, можно простудить горло, давайте лучше молчать.

— Вы какъ будто сомнѣваетесь въ искренности Алексѣева? — попытался опять заговорить, послѣ небольшого молчанія, Мордвиновъ. — У васъ, вѣроятно, есть подозрѣнія на этотъ счетъ? Интересно знать, на чемъ онѣ основаны? Не на слухахъ ли? У Лукомскаго, напримѣръ, даже говорили, что Государь пересталъ довѣрять Алексѣеву. Но вы сами видѣли, какъ Государь тепло съ нимъ простился. Алексѣевъ очень сердечно желалъ счастливой поѣздки и чтобы все кончилось благополучно.

— Ну и что же изъ этого? Родзянко тоже клялся въ своихъ чувствахъ, а оказался предателемъ. Вотъ кого надо было бы повѣсить. Алексѣевъ слишкомъ много прислушивается къ тому, что говоритъ Родзянко...

Воейковъ замолчалъ и не прибавилъ больше ни слова за всю дорогу. На вокзалѣ, выходя изъ автомобиля, онъ, какъ будто вспомнивъ что-то, раньше выскочившее изъ головы, сказалъ:

— Я не сомнѣваюсь, что Ивановъ справится съ мятежными запасными солдатами и съ бунтующей шпаной. Вы представляете, какія пѣсни запоютъ тогда милостивые государи изъ Думы? Какъ униженно будутъ клясться въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ. На этотъ разъ имъ не удастся отвертѣться отъ петли, которую они давно заслужили. Я съ удовольствіемъ припомню имъ "генерала-отъ-кувакеріи"...

При свѣтѣ ярко горѣвшихъ фонарей, Мордвиновъ увидѣлъ жесткую улыбку, скользнувшую по сухому, надменному лицу Дворцоваго Коменданта.

День 28 февраля былъ сухой, морозный и солнечный. Небо блистало нѣжнѣйшей голубизной, по весеннему солнечно-радостной и непорочной. Алмазнымъ блескомъ искрились снѣга, синѣли въ прозрачной дымкѣ неоглядныя дали земли, темнѣли лѣса, особенно большіе по Заднѣпровью; бѣжала вдоль поѣзда безконечная лента древней Руси, гдѣ начиналась нѣкогда русская исторія.

Синій императорскій поѣздъ шелъ без задержекъ, держа направленіе на Оршу, Смоленскъ, Вязьму, Ржевъ, Царское Село. Все было мирно, покойно, какъ всегда. Не было никакихъ признаковъ, указывающихъ на ненормальное положеніе, на нѣчто грозное и необыденное. На большихъ станціяхъ царскій поѣздъ встрѣчали и провожали мѣстныя власти. Присутствующій народъ любовно и внимательно смотрѣлъ на Царя, на его утомленное, блѣдно-землистое лицо. Можетъ быть, у многихъ шевелилась мысль о томъ, какъ нелегка царская ноша въ этотъ грозный періодъ тяжелой войны.

Подъѣзжая къ одной изъ маленькихъ станцій, поѣздъ сильно замедлилъ ходъ; шелъ такъ медленно, какъ будто шагомъ; съ нимъ можно было идти вровень. Вдали на платформѣ стояло

множество людей. Вдругъ, какъ огневая искра, прорѣзая тьму, донеслись звуки: "БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ". Какъ будто теплая, радостно-дрожащая волна залила души человѣческія. Свита бросилась къ окнамъ. Пѣхотный полкъ ѣхалъ на фронтъ. Часть ротъ стояла въ строю; другія бѣжали вдоль царскаго вагона и кричали изступленно-восторженно: ура, ура, ура...

Ниловъ началъ задыхаться. Не выдержали нервы. Всѣ эти дни онъ скрывалъ отъ всѣхъ, что было на душѣ; все отшучивался, все посмѣивался; говорилъ о высокихъ фонаряхъ, на которыхъ такъ удобно будетъ висѣть: "повыше отъ всякой сволочи"... По бритому лицу стараго морского волка побѣжали слезы. Отвернулся, закрылъ глаза носовымъ бѣлымъ платкомъ и задрожалъ. Спазмы въ груди душили его.

— Скажите пожалуйста, это не сонъ? нормально ли дѣйствуетъ нашъ разумъ? — спросилъ Мордвиновъ стоявшаго рядомъ Кирилла Нарышкина. — Вы видѣли этихъ людей, у которыхъ горѣли экстазомъ лица? вы слышали это громовое ура, подобное тому, какъ на послѣднемъ смотру въ Петербургѣ? Не находимся ли мы подъ гипнозомъ? Хорошо ли видятъ наши глаза? Не поддались ли мы сильно подстроенному впечатлѣнію отъ родзянковскихъ телеграммъ? Можетъ быть весь этотъ бунтъ только наважденіе, которое разсѣется, какъ дымъ? Вѣдь ихъ, бунтующихъ, десятки, пусть сотни тысячъ, а не бунтующихъ, вѣрныхъ, милліоны, вся Россія. Что вы скажете?

— Есть вещи, о которыхъ трудно говорить, — началъ Нарышкинъ. — Я боюсь высказать страшную мысль, но мнѣ кажется, — мы услышали гимнъ въ послѣдній разъ. То, что Россія стоитъ въ сторонѣ, — ровно ничего не значитъ. Побѣда достанется Петербургу, потому что онъ находится въ наивыгоднѣйшемъ положеніи, потому что у него больше наглости. Революцію устраивали всегда, по преимуществу, мерзавцы, для которыхъ законъ не писанъ. Магія ихъ воздѣйствія: кисельные берега, медовыя рѣки и золотыя горы. Кому не лестно, вдругъ изъ полнѣйшаго ничтожества стать на ступеньку выше. У нихъ есть страсть, — дикая страсть и злоба, плюсъ ненависть...

Нарышкинъ говорилъ тихо и медленно, точно обдумывалъ каждое слово, прежде чѣмъ его произнести. По характеру онъ не былъ сангвиникомъ. Не очень любилъ высказываться. Каріе глаза на худощавомъ лицѣ смотрѣли спокойно и какъ-то безстрастно.

— Для побѣды надъ революціей — нужна рѣшимость. А ея нѣтъ. Нѣтъ самого главнаго: одинаковаго отношенія къ происходящему и одинаковаго мышленія относительно мѣръ противодѣйствія. Главная забота Алексѣева — сохранить армію, оберечь ее отъ разложенія; сохраненіе монархіи и режима для него дѣло второе, какъ бы второстепенное. Но можно ли сохранить армію безъ монархіи? я этого не думаю. Поэтому мы и катимся курьер-

скимъ поѣздомъ къ тому, что у насъ не будетъ ни монархіи, ни арміи...

"Кому повѣмъ печаль мою", — вотъ слова, которыя Государь могъ бы сказать въ эти дни. Его окружали тѣ же лица, та же прислуга, та же обстановка, но некому было раскрыть душу, сказать о томъ, какъ больно ноетъ сердце, какъ тяжко томится и страждетъ смертельно раненая душа. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ. Всегда, почти всю жизнь, онъ таилъ въ себѣ свои переживанія, охранялъ отъ всѣхъ свой внутренній міръ, боялся порой обнаружить слабость и не былъ потому ни къ кому интимно близокъ. Когда-то живой, веселый и жизнерадостный, — онъ давно утратилъ эти свойства. "Шапка Мономаха" оказалась дѣйствительно тяжелой. Надо было отрѣшиться отъ личной жизни, взвалить на плечи непомѣрную ношу, днемъ и ночью, всегда и постоянно думать объ управленіи огромной имперіей. Это было свыше силъ человѣческихъ. Въ этомъ самоотреченіи во имя безконечно любимой Родины, онъ не встрѣтилъ поддержки со стороны русскаго общества. Его трудовъ оно не облегчило, но затруднило государственную жизнь до предѣльной степени.

Въ пути Государь, какъ обычно, обѣдалъ и завтракалъ въ общей столовой. Онъ входилъ тихо, деликатно здоровался, пожимая каждому руку, мягко, застѣнчиво улыбался и старательно скрывалъ свои тревоги и большое горе. Въ теченіе обѣда онъ поддерживалъ общій разговоръ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Даже шутилъ, стараясь измѣнить мучительное настроеніе у своихъ собесѣдниковъ. Только глаза — задумчивые и печальные, да обрѣзавшееся, заострившееся лицо, съ темными кругами, — говорили безъ словъ о тайныхъ нравственныхъ страданіяхъ. Человѣкъ, котораго подполье иначе не назыало, какъ: "деспотъ, вампиръ, кровавый Николай", — обладалъ тонкой, чуткой, христіанской душой. Ему не было свойственно чувство мести, кровожадности и спокойной, безстрастной жестокости. Онъ считалъ для себя наивысшимъ счастьемъ осушить слезы бѣдняку, дать воскресную радость каждому подданному.

Въ теченіе дня 28 февраля настроеніе у Государя было грустное, подавленное, но смягченное. Яркое солнце вливало бодрость: царствуетъ Богъ и вѣчно и премудро все сотворенное Имъ. Что человѣкъ?! — "выходитъ духъ его и онъ возвращается въ землю свою; въ тотъ день исчезаютъ помышленія его"... Красота древней исторической Руси, встрѣчи на станціяхъ, народные клики, — все это отодвигало горе и заставляло забывать о столичной вакханаліи. Вечеромъ онъ наблюдалъ прекрасный, феерическій закатъ солнца; ѣхали по лѣсу; на золотисто-багряномъ фонѣ неба четко выдѣлялись тонкія ажурныя вѣтви голыхъ деревьевъ. Стояла тишина и неизреченная красота.

Можетъ быть, Государь вспомнилъ милые, нѣжные стихи

Жуковскаго, которые онъ когда-то пѣлъ дуэтомъ вмѣстѣ съ драгоцѣнной Аликсъ. Онъ любилъ природу всей силой души, всѣмъ біеніемъ сердца и отзывался на ея влекущія красоты. Она не предастъ и не обманетъ, какъ человѣкъ.

"Ужъ вечеръ... облаковъ померкнули края...
Все тихо, рощи спятъ, въ окрестности покой...
Сижу задумавшись; въ душѣ моей мечты;
Къ протекшимъ временамъ лечу воспоминаньемъ...
О, дней моихъ весна, какъ быстро скрылась ты,
Съ твоимъ блаженствомъ и страданьемъ..."

Тишина....торжественная, великолѣпная тишина! Горитъ, пылаетъ вечерняя заря. Все смолкло, — ни звука, ни колебанія, ни вѣтерка. По лицу Государя пробѣгали свѣтъ и тѣни. Волосы, какбудто горѣли въ закатномъ огнѣ; отсвѣчивали, какъ нимбъ святого. Онъ стоялъ неподвижно, долго и, казалось, не замѣчалъ времени. Стоялъ, пока не погасли краски и золотисто-розовая игра свѣта не уступила мѣста холоднымъ сумеркамъ. Въ этотъ день изъ Вязьмы, онъ послалъ телеграмму Аликсъ:

"Выѣхали сегодня утромъ въ 5 часовъ. Мыслями всегда вмѣстѣ. Великолѣпная погода. Надѣюсь, чувствуете себя хорошо и спокойно. Много войскъ послано съ фронта. Любящій Ники".

Несомнѣнно, онъ хотѣлъ подбодрить, утѣшить, успокоить. Ни однимъ звукомъ не обмолвился о грызущей сердце тревогѣ. Писалъ такъ, какъ будто чувствовалъ себя совсѣмъ неплохо; какъ будто относился ко всему спокойно и увѣренно. Ночью опять вспыхнуло снѣдающее душу безпокойство. Въ Лихославлѣ Государю передали телеграмму нѣкоего господина съ кондитерской фамиліей Бубликова. Имя ничего не говорило ни уму, ни сердцу. Вѣроятно, маленькій человѣкъ вынырнулъ случайно изъ сѣрой гущи на гребень мутной волны. Бубликовъ сообщалъ всѣмъ желѣзнодорожникамъ, что въ Петербургѣ произошелъ государственный переворотъ, что старая власть, доведшая страну до краха, "создавшая разруху всѣхъ отраслей государственнаго управленія", — свергнута возставшимъ народомъ, и что за дѣло взялись новые люди. Какъ и подобаетъ "вождямъ", — Бубликовъ "взывалъ" къ желѣзнодорожникамъ, прося ихъ напречь усилія, чтобы достигнуть наилучшей работы.

Телеграмма не остановила Государя и не устрашила его. Вождь Арміи и Флота, Самодержецъ Всероссійскій, обладалъ мужествомъ гораздо большимъ, чѣмъ тѣ, которые кричали объ его никчемности, слабости и безволіи. Литерные поѣзда продолжали свой путь. Послѣ обѣда Государь ушелъ къ себѣ и больше не показывался. Но свита волновалась, нервничала, и безпокойство ее возрастало, прогрессируя. По линіи ползли паническіе слухи.

Ночь, тьма, полнѣйшее невѣдѣніе, что впереди, — дѣйствовали на нихъ рѣзкимъ, угнетающимъ образомъ. Свиту обуревалъ страхъ. Долго почти никто не спалъ. Собирались въ группы и тревожно обсуждали положеніе. Сидѣть въ одиночку, по своимъ купэ, было нестерпимо. Особенно сильно волновались въ первомъ поѣздѣ, шедшемъ впереди.

— Надо Государю доложить объ опасности. Нельзя подвергать Еге Величество дикимъ случайностямъ, — говорилъ Дубенскій барону Штакельбергу и генералу Цабелю. — На каждой станціи можетъ случиться злонамѣренное крушеніе. Любой стрѣлочникъ можетъ направить поѣздъ подъ откосъ. Вѣрить никому нельзя. На каждой станціи можетъ быть произведено злодѣйское нападеніе на священную особу Государя. Небольшой конвой казаковъ не сможетъ оказать достаточно серьезнаго противодѣйствія...

На одной изъ станцій передъ Бологое въ "свитскій" поѣздъ передали телеграмму изъ столицы. Невѣдомый сотникъ Грековъ рѣшительно и громко приказалъ желѣзнодорожникамъ литерные поѣзда А и Б направить не въ Царское Село, по желанію Царя, а непосредственно въ Петроградъ въ его распоряженіе. На страницахъ русской трагедіи случайно мелькнула роспись новой личности. Думалъ ли сотникъ Грековъ, что эта роспись будетъ для него потомъ подобна каиновой печати? Что чувствовалъ молодой офицеръ? Можетъ быть, опьяненнный невѣдомой силой бунтарской удали, мальчишескимъ задоромъ, онъ испытывалъ восторгъ и гордость!.. Слѣпая судьба въ суматохѣ сунула ему въ руки исполненіе хулиганской исторической роли.

Телеграмма произвела эффектъ разорвавшейся бомбы. Чувство холоднаго, всеподавляющаго страха разлилось отъ головы до пятокъ. Сердце упало, заныло, забилось, какъ пойманная птичка. Проклятая ночь безжалостно взвинчивала нервы и натягивала и напруживала ихъ, какъ струны. Были всѣ вмѣстѣ, не расходились, чутко ко всему прислушивались. Чувствовали, что поѣздъ направляется въ огромную пасть звѣря. Тревожно судили и рядили. Рѣшили писать. Дрожащей, невѣрной рукой, волнуясь и спѣша, Дубенскій написалъ письмо Федорову. Изложилъ обстановку и высказалъ мнѣніе: дальше ѣхать нельзя, не слѣдуетъ. "Лучше повернуть изъ Бологое на Псковъ, тамъ Рузскій, тамъ штабъ, войска, тамъ спокойная, тихая обстановка, тамъ Государь все узнаетъ, взвѣситъ и рѣшитъ"... На ближайшей станціи высадили офицера съ письмомъ и приказали дождаться царскаго поѣзда. Въ 12 часовъ ночи пріѣхали въ Бологое. Здѣсь ихъ ждала телеграмма Воейкова: "Маршрутъ прежній. Во что бы то ни стало — пробиваться въ Царское Село".

Послѣдній душевный трепетъ этой ночи свитскіе пережили на станціи Малая Вишера, куда прибыли въ половинѣ второго

часа. Дубенскій, Цабель, Штакельбергъ и другіе господа устремились на перронъ. Маленькій, благообразный, ласковый старичокъ — начальникъ станціи — словоохотливо разсказалъ имъ послѣднія извѣстія о петроградскихъ событіяхъ. Онъ еще не окончилъ своего повѣствованія, какъ произошло новое событіе. Къ станціи подкатила дрезина; изъ нея выскочилъ высокій стройный офицеръ Желѣзнодорожнаго полка. На него всѣ устремили вниманіе. На разгоряченномъ лицѣ его были замѣтны слѣды тревоги и крайняго утомленія. Подойдя къ генералу Цубелю, прибывшій доложилъ:

— Ваше Превосходительство, станціи Тосно и Любань заняты революціонерами. Любань занята ночью солдатами измѣнниками л.-гв. Литовскаго полка. Посты отъ Желѣзнодорожнаго полка сняты и разогнаны. Бунтовщики выставили повсюду свои караулы. Мнѣ не удалось установить: есть ли у нихъ орудія. Въ послѣдній моментъ я вырвался на дрезинѣ, чтобы доложить о случившемся и предупредить.

Можно было залюбоваться мужественнымъ офицеромъ, который безстрашно мчался одинъ на дрезинѣ во тьмѣ сѣверной ночи, исполняя долгъ вѣрности. Много, вѣроятно, было такихъ офицеровъ у русскаго Царя въ это время, но ихъ беззавѣтную преданность, ихъ готовность умереть за Царя и за Родину, не использовали, потому что это не входило въ планы тѣхъ, кто стоялъ у руля событій. Ставка и высшее командованіе слѣпотствовали и въ роковой слѣпотѣ покорно шли на поводу у политическихъ пустозвоновъ. Были командиры корпусовъ, которые предлагали себя и свои части на подавленіе мятежа, но имъ отвѣтили: “не ваше дѣло”...

“Страхъ и трепетъ найде на мя и покры мя тьма”... Такъ, кажется, вопіялъ къ Богу царь Давидъ. — “Трепещу окаянный”, — стеналъ онъ, помышляя о врагахъ, или о своихъ грѣхахъ. Страхъ и трепетъ обуялъ доблестными генералами. Любань находилась въ 70 верстахъ, Тосно еще дальше, но генералы рѣшили: “положеніе очень грозное” и немедленно отдали боевыя распоряженія о занятіи телеграфа, телефона, дежурной комнаты, о выставленіи постовъ и о приведеніи станціи въ боевую готовность. Подсчитали и собрали въ кулакъ всѣ “боевыя силы”, включивъ и нѣсколько желѣзнодорожныхъ жандармовъ. Собрали военный совѣтъ и рѣшили: “Станція должна почитаться изолированной; безъ нашего вѣдома никакихъ сношеній; свитскій поѣздъ перевести на запасный путь; мы будемъ ждать прибытія Государя”...

Когда мѣры предосторожности были приняты и настроеніе нѣсколько стало покойнѣе, занялись чтеніемъ первыхъ газетъ и листовокъ, полученныхъ изъ столицы. Читали, возмущались, негодовали и перекидывались словами: “Какой наглый, хамскій тонъ... какая мерзость выраженій... какое самолюбованіе, самомнѣніе и

самоуслажденіе... "мы-де — мы, соль земли, квинтъ-эссенція, мозги и совѣсть народа, борцы за правду и свободу, авангардъ демократіи"...

Дѣйствительно, революція говорила своимъ собственнымъ языкомъ; словами новыми, злыми, враждебными, странными и чуждыми для уха и сердца человѣка стараго режима. Газетныя строчки рѣзали, какъ острый ножъ; кричали съ той предѣльной напористой наглостью, съ какой говоритъ лакей, почувствовавшій безсиліе своего господина и свою безнаказанность. Это была пѣсня торжествующей ненависти, которую запѣли объединившіеся въ столицѣ Смердяковы.

..."А деспотъ пируетъ въ роскошномъ дворцѣ, и совѣсть виномъ заливаетъ"... "Торжествуй, проклятьемъ заклейменный народъ! Рабочіе и солдаты столицы 27 февраля свергли власть кроваваго Николая"... "Довольно богачи пили нашу кровь, питались нашимъ потомъ ѣздили на рабочемъ горбу. Всѣмъ проклятымъ надо теперь перервáть горло однимъ махомъ"... "Царская власть кончилась, но помѣщикъ Родзянко, купецъ Гучковъ, буржуазный профессоръ Милюковъ, прочіе князья да дворяне остались; это есть враги рабочаго класса, — къ чорту ихъ. Долой, гады, съ дороги, — пролетаріатъ идетъ!"... "Вся власть Совѣту рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ!"...

Цензовая общественность Государственной Думы писала высокимъ, парламентскимъ стилемъ и также звала за собою массы и обѣщала имъ чудеса въ рѣшетѣ... "Сбросивъ негодную царскую самодержавную власть, Россія шагнетъ впередъ гигантскими шагами... Мы празднуемъ свѣтлый праздникъ освобожденія... Дни Февраля останутся величайшимъ событіемъ въ жизни Россіи... Безвольный, упрямый, неспособный къ управленію шоферъ смѣненъ. У руля сталъ самъ народъ, люди, которымъ народъ довѣряетъ. Передъ Россіей открылись огромныя перспективы — путь къ свѣтлому будущему... Теперь весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, сплотится въ общей борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ и объединитъ свои усилія за счастье новой жизни"...

— Ну что?! — полувопросительно, полуиронически, спросилъ генералъ Цабель Дубенскаго. — Вотъ вы говорили и писали разныя книжечки о богоспасаемой державѣ Россійской и о народѣ богоносцѣ... Что-то не похоже... Можетъ быть, въ него вселился духъ нечистый, какъ въ стадо гадаринскихъ свиней?.. Что скажете, ваше превосходительство?..

Для встрѣчи царскаго поѣзда генералы вышли на перронъ. Стояла сине-блѣдная, морозная ночь: въ глубинѣ чистаго неба трепетно мерцали звѣзды; кругомъ простиралась глухомань и мертвая лѣсная тишина. Въ два часа ночи синій красавецъ поѣздъ тихо и плавно подошелъ къ станціи; точно выплылъ изъ заводи прекрасный, гордый лебедь.

— Кириллъ Анатольевичъ, а гдѣ же остальные? — спросилъ Дубенскій вышедшаго Нарышкина. Жадными, ищущими глазами онъ всматривался въ темныя окна купэ.

— Всѣ спятъ въ поѣздѣ...

— Какъ спятъ?!... Да вы что, — ѣдете, какъ праведники?! Вы знаете, что Любань и Тосно заняты революціонными войсками. Вѣдь мы сообщили, что наши поѣзда приказано отправить не на Царское, а прямо въ Петроградъ, гдѣ уже есть какое-то временное правительство...

Нарышкинъ что-то промычалъ невнятное, чего никто не понялъ. Его, кажется, ничто не удивляло и уже не выводили изъ привычнаго равновѣсія никакія извѣстія. Онъ не чувствовалъ охоты къ разговорамъ; давно рѣшилъ: "все болтовня, одно и то же, вокругъ да около; всѣ тѣ же безсильныя слова; обыденныя, избитыя, изжеванныя мысли и та же роковая обреченность судьбы"... Имъ владѣла страшная, неподвижная душевная апатія.

Дубенскій былъ задѣтъ за живое; можно сказать, былъ пораженъ въ своихъ самыхъ горячихъ чувствахъ. Всю ночь онъ не спалъ, переживалъ страхи, волновался, обдумывалъ, писалъ предупредительныя письма, предсказывалъ и совѣтовалъ; однимъ словомъ, — онъ дѣйствовалъ какъ государственный мужъ, по крайней мѣрѣ ему такъ самому казалось. И вдругъ!.. Сзади сонное царство, никто не трепещетъ, не горячится и не высматриваетъ безпокойно въ окно; какъ будто — всеобщій ноль вниманія къ его тревожнымъ сигналамъ. Свое возмущеніе, неудовольствіе и обиду онъ излилъ потомъ въ дружеской бесѣдѣ Федорову. — "Царь ѣдетъ, можетъ быть, на пропятіе, а они спятъ?!.."

Воейковъ спалъ такъ крѣпко, что его не сразу смогли разбудить. Вышелъ въ коридоръ съ всклокоченными волосами, съ помятымъ лицомъ и съ выпученными, округлыми, странными глазами, что у него бывало въ минуты внезапнаго нервнаго шока. Начали обсуждать, что предпринять; одни совѣтовали — возвращаться въ Ставку, другіе — ѣхать въ Псковъ. У однихъ было тайное недовѣріе къ Алексѣеву, у другихъ такое же къ Рузскому. Выслушавъ мнѣнія, Воейковъ прошелъ въ вагонъ къ Государю. Вернулся очень скоро и объявилъ повеленіе: назадъ черезъ Бологое, въ штабъ Сѣвернаго Фронта.

9.

Псковъ. 8 часовъ вечера. Царскій поѣздъ, мягко замедляя ходъ, подошелъ къ станціи. Тускло, полуосвѣщенно, пустынно. На платформѣ только одинокій желѣзнодорожникъ, а въ самомъ дальнемъ концѣ, — темный силуэтъ караульнаго солдата. Больше никого: ни военныхъ, ни штатскихъ, — ни Главнокомандующаго

фронтомъ, ни штабныхъ генераловъ, ни должностныхъ лицъ, ни почетнаго караула. Какъ будто это прибылъ не Царь Русской Земли, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій. . . Такъ ли встрѣчали Его раньше? О нѣтъ!... Далеко не такъ. Задолго собирались, въ большомъ числѣ, терпѣливо ждали, почтительно и торжественно замирали при Его приближеніи, ловили улыбку Его глазъ, волнуясь отвѣчали на Его вопросы.

Почему же теперь не было обычной, церемоніаломъ и уставомъ предусмотрѣнной, встрѣчи? Можетъ быть, было холодно, и генералъ Рузскій боялся простудиться? Можетъ быть, Государь самъ распорядился, чтобы Его не встрѣчали, — изъ деликатности не хотѣлъ безпокоить людей зимнимъ вечеромъ? Нѣтъ! Не встрѣтили потому, что генералъ Рузскій счелъ это ненужнымъ. ("Я распорядился, чтобы прибытіе Царя прошло незамѣтно"). Приблизилось еще не осознаваемое ясно начало конца. Главнокомандующій Фронтомъ, по приказу Алексѣева, готовился разыграть послѣдній актъ трагедіи Русскаго Трона; готовился вырвать у Царя Его самодержавныя права и привилегіи. Поэтому онъ призналъ дальнѣйшія церемоніи излишними. "Теперь не до встрѣчъ", сказалъ онъ генералу Данилову.

Генералъ-адъютантъ Рузскій не только не встрѣтилъ Царя, но и не очень торопился къ нему. Лишь спустя двадцать минутъ на платформѣ показалась согбенная фигура Главнокомандующаго Сѣвернымъ Фронтомъ. Онъ шелъ медленно, опустивъ голову, какъ будто о чемъ-то раздумывая. Это былъ сѣдой, болѣзненный старикъ, съ блѣднымъ, желчнымъ, хмурымъ лицомъ. Изъ-подъ очковъ въ золотой оправѣ смотрѣли сумрачно и непривѣтливо подслѣповатые небольшіе сѣрые глаза. На ногахъ его были резиновые галоши. Внѣшній видъ не говорилъ ни о величіи, ни о значительности, ни о томъ, что этотъ человѣкъ повелѣваетъ сотнями тысячъ людей. Глядя на него, можно было подумать, что его снѣдаетъ внутренній недугъ, — можетъ быть, раздражаетъ больная печень, или тупой болью сосетъ геморой. За нимъ, отступя два шага, шелъ начальникъ штаба генералъ Даниловъ и замыкалъ шествіе высокій плотный брюнетъ, въ длинной гвардейской шинели, съ походной сумкой черезъ плечо, адъютантъ графъ Шереметевъ.

Царь принялъ Рузскаго на короткій моментъ. Поздоровались и почти тотчасъ же разстались.

— Мы съ вами поговоримъ, Николай Владиміровичъ, послѣ обѣда, — сказалъ Государь. — Нашъ разговоръ будетъ долгимъ; не стоитъ его сейчасъ начинать...

Передъ обѣдомъ свитскіе генералы окружили Рузскаго. Онъ сидѣлъ, откинувшись на спинку дивана, въ позѣ уставшаго, раздраженнаго человѣка, у котораго по пустякамъ отнимаютъ драгоцѣнное время. Онъ откровенно презиралъ эту толпу изъ цар-

скаго окруженія. Онъ снисходилъ до нея и это уже его раздражало. Разспросы о положеніи, просьбы и выраженія надеждъ, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ, возбуждали въ немъ желчь и ненависть. Ему хотѣлось сказать что-нибудь особенно рѣзкое, обидное, пренебрежительное, чтобы заставить этихъ приближенныхъ "наперсниковъ" Царя спуститься съ высотъ на землю и почувствовать заячью тревогу за свое личное положеніе. Почти злорадствуя, какъ будто это доставляло ему удовольствіе, онъ разсказалъ о революціи въ столицѣ. Изъ всѣхъ генераловъ, онъ, кажется, лучше другихъ усвоилъ революціонную фразеологію.

Старый Фредериксъ стоялъ тутъ же въ толпѣ передъ сидѣвшимъ Рузскимъ. Онъ не все отчетливо слышалъ и не все хорошо дошло до его сознанія. Но внутреннее чувство и сердце внушили ему тревогу, подсказали ему, что Императору Николаю грозитъ большая опасность. Волнуясь, онъ обратился къ Рузскому, — стараясь возможно яснѣе и убѣдительнѣе изложить свою просьбу.

— Николай Владиміровичъ, вы знаете, что Его Величество даетъ отвѣтственное министерство. Государь ѣдетъ въ Царское. Тамъ находится Императрица и вся семья, Наслѣдникъ боленъ корью, а въ столицѣ возстаніе... Когда стало извѣстно, что уже проѣхать прямо въ Царское нельзя, Его Величество въ Малой Вишерѣ приказалъ слѣдовать въ Псковъ къ вамъ и вы должны помочь Государю наладить дѣла..

Фредериксъ говорилъ немудреныя, нескладныя слова, облекалъ ихъ въ неуклюжую форму, языкъ повиновался плохо, но что-то простое, сердечное и трогательное было во всемъ, что онъ говорилъ.

— Теперь уже поздно и трудно что-нибудь сдѣлать, — съ раздраженіемъ отвѣтилъ Рузскій. — Я много разъ говорилъ, что необходимо идти въ согласіи съ Государственной Думой, меня не слушали. Дума давно настаивала на раформахъ, требовала ихъ. Думу не послушали, потому что голосъ хлыста Распутина имѣлъ большій вѣсъ, чѣмъ голосъ достойныхъ людей. Россія управлялась Распутинымъ и докатилась до Протопопова, до неизвѣстнаго и неспособнаго премьера Голицына, до всего того безобразія, которое сейчасъ. Посылать войска въ Петроградъ уже поздно. Выйдетъ лишнее кровопролитіе и лишнее раздраженіе. Войска, посланныя для усмиренія, надо вернуть назадъ. Да они и драться не будутъ: всѣ перейдутъ на сторону возставшихъ...

— Меня удивляетъ, при чемъ тутъ Распутинъ, — замѣтилъ съ достоинствомъ Фредериксъ. — Какое онъ могъ имѣть вліяніе на дѣла? Я, напримѣръ, даже совершенно его не зналъ...

— О васъ, графъ, никто не говоритъ. Вы были въ сторонѣ, вы не въ счетъ. Вы не знали Распутина, за то другіе знали...

— Что же по-вашему дѣлать? — спросило нѣсколько голосовъ сразу. — Вы видите, мы стоимъ передъ пропастью. На васъ

только надежда. Неужели же не осталось начальниковъ и частей, вѣрныхъ присягѣ?..

По лицу Рузскаго блѣдной тѣнью пробѣжала загадочная гримаса. Он почесалъ большое оттопыренное лѣвое ухо и, смотря въ упоръ на взволнованныхъ свитскихъ, сказалъ съ иронической усмѣшкой:

— Что дѣлать?.. Хм... Теперь, можетъ быть, осталось одно: сдаться на милость побѣдителей...

— Вы, кажется, сгустили краски, Николай Владиміровичъ. Напримѣръ, вы сказали, что всѣ говорятъ о сепаратномъ мирѣ. Вы вѣдь отлично знаете, что это неправда. Государь вѣренъ слову. Онъ не вложитъ мечъ, пока врагъ не будетъ разбитъ. Какъ же вы можете повторять неправду, а тѣмъ паче, — вѣрить ей? — сказалъ огорченный и разволнованный Фредериксъ.

— Вы говорите то, что вамъ внушилъ измѣнникъ Родзянко, — рѣзко выкрикнулъ побагровѣвшій Воейковъ. — Я имѣю другія свѣдѣнія: бунтуетъ чернь, столичные отбросы, которымъ если дать волю, такъ они камня на камнѣ не оставятъ отъ того, чѣмъ была Россія. И ради этой бунтующей черни вы складываете оружіе?.. Я лично переговорю съ Родзянко по прямому проводу. Простой бунтъ превращать въ міровое событіе преждевременно...

Рузскій презрительно и насмѣшливо усмѣхнулся. Дворцоваго коменданта онъ не переваривалъ и не скрывалъ пренебрежительнаго къ нему отношенія. Не будучи близокъ ко Двору, къ знати, онъ не имѣлъ внѣшняго лоска. Сухой по натурѣ, онъ чаще былъ рѣзокъ и порой грубъ.

— А вы думаете, что онъ подойдетъ къ аппарату, когда узнаетъ, что вы хотите съ нимъ бесѣдовать? Сомнѣваюсь. Съ вами онъ не пожелаетъ говорить...

Можетъ быть, Рузскій и еще что-нибудь сказалъ бы сконфузившемуся, почувствовавшему стыдливую неловкость, Воейкову, но вошелъ скороходъ и громко доложилъ, точно отрапортовалъ: "Его Императорское Величество изволятъ направляться въ столовую".

Обѣдъ былъ короткій, но какъ мучительно долго онъ тянулся! Только Государь спокойно разговаривалъ съ Рузскимъ и Фредериксомъ. Всѣ остальные молчали. Чувствовалась неловкость, напряженность, смущеніе. Проползла неслышно и незримо политическая змѣя и раздѣлила людей на два лагеря. Отлетѣла, какъ душа, старая воинская багородная прямота, искренность и пріятельство. Люди стали чужими...

Дубенскій, который больше всѣхъ ратовалъ за Псковъ и за Рузскаго, былъ обезкураженъ и подавленъ до послѣдней степени. Чувствовалъ, что какая-то доля отвѣтственности лежитъ и на немъ. Онъ попробовалъ поговорить съ Даниловымъ; просилъ его повліять на Рузскаго, но получилъ категорическій отказъ и

стереотипную фразу: "Я ничего не могу сдѣлать. Меня не послушаютъ. Дѣло зашло слишкомъ далеко"... Удрученный Дубенскій направился къ Нилову. Старикъ не могъ переносить душевную трагедію молча, въ одиночествѣ. Ему нуженъ былъ разговоръ, какъ нуженъ для страдающаго физической болью успокаивающій, облегчающій стонъ.

Адмиралъ Ниловъ былъ въ купэ, былъ возбужденъ, мраченъ и, задыхаясь отъ негодованія, говорилъ Долгорукову:

— Этого предателя Рузскаго надо арестовать и убить, иначе погибнетъ Государь и погибнетъ Россія. Только самыя рѣшительныя мѣры по отношенію измѣнника, можетъ быть, смогутъ еще улучшить положеніе... Но на рѣшительныя мѣры Государь не пойдетъ... Въ этомъ весь ужасъ положенія...

— О томъ, что Рузскій измѣнникъ, нынѣ не можетъ быть двухъ мнѣній, — поспѣшно вставилъ Дубенскій. — Болѣе быстрой, болѣе сознательной предательской измѣны своему Государю представить себѣ трудно. Думать, что Его Величество сможетъ поколебать убѣжденія Рузскаго и найти въ немъ опору, нельзя. Государь оказался въ ловушкѣ. Онъ отрѣзанъ отъ всѣхъ. Вблизи только войска, подчиненные Рузскому и только поэтому онъ такъ злорадно сказалъ о сдачѣ на милость побѣдителя. А они уже давно искали его низложенія.

— Царь не можетъ согласиться на оставленіе трона. Это погубитъ всю Россію, всѣхъ насъ, весь народъ, — закричалъ Ниловъ, съ несвойственнымъ ему изступленіемъ, стуча мясистымъ кулакомъ по столу. — Государь обязанъ противодѣйствовать этой подлой измѣнѣ Ставки и всѣхъ предателей генералъ-адъютантовъ. Кучка людей не можетъ этого дѣлать. Есть вѣрные люди, войска, и не всѣ предатели въ Россіи...

Такъ говорили они, изливая то, что было на душѣ и на сердцѣ. Но мысли и чувства бились въ глухой, замкнутой клѣткѣ, безсильныя и неспособныя превратиться въ живое, дерзкое и безумное дѣло. Въ эти роковые часы крушенія не нашлось ни у кого великаго дерзанія, чтобы, отдавая душу и кровь свою за Царя, подобно Сусанину, совершить достойный подвигъ, который бы надолго остался въ благодарной памяти народа. Не было смысла кричать: "убить Рузскаго", "оборвать влекущую къ пропасти цѣпь", "показать врагамъ, что Имперія еще способна покарать измѣнниковъ и преступниковъ...", разъ за этими словами не было дѣйствія; разъ они не выходили дальше мягкаго купэ и, прошуршавъ, тутъ же замирали.

Въ это самое время, когда Рузскаго поносили и объявляли предателемъ, онъ, захвативъ всѣ телеграммы и сообщенія, ждалъ доклада у Государя. Миссія которая ему предстояла, была трудная, отвѣтственная и неблагодарная. Алексѣевъ далъ заданіе: добиться отъ Царя согласія на отвѣтственное министерство, безъ

всякихъ компромиссовъ и ограниченій и добиться отмѣны посылки войскъ на Петроградъ. Алексѣевъ крѣпко надѣялся, что эти мѣры ослабятъ внутреннее напряженіе и явятся спасительными.

Рузскій чувствовалъ волненіе и усталость. Ночь на 1-е марта онъ провелъ почти безъ сна. Физически — онъ былъ человѣкъ хилый, худосочный и неинтересный. Онъ напоминалъ того "подслѣповатаго и желтаго генерала съ выраженіемъ постояннаго раздраженія на лицѣ", котораго вывелъ въ романѣ "Дымъ" Тургеневъ. Только Брусиловъ могъ поспорить съ нимъ сѣрой желтизной кожи, синевой губъ и желчнымъ выраженіемъ. Не было на свѣтѣ человѣка, съ которымъ онъ могъ бы поговорить сердечно, задушевно, по-пріятельски, вспомнить молодые годы и отвести душу. Онъ никого не любилъ и къ нему никто не питалъ пріязни. Сверстники завидывали его блестящей карьерѣ и при случаѣ не прочь были высказать удивленіе: почему и за что этотъ ординарный, скучный человѣкъ такъ возвеличенъ?

Рузскій былъ человѣкъ либеральныхъ взглядовъ. Какъ и многіе другіе, онъ былъ насыщенъ столичными сплетнями и зубоскальными настроеніями фрондирующей знати. Постепенно онъ дошелъ до критическаго отношенія къ политической системѣ управленія, возненавидѣлъ Распутина, Царицу, Протопопова и для себя рѣшилъ, что самодержавіе отжило свой вѣкъ и должно уступить свои права державному народу. При этомъ онъ не ставилъ вопроса: "а способенъ ли народъ самъ управлять огромной Имперіей?", потому, что кучку крикливыхъ и шумныхъ политикановъ принималъ за самый народъ. Роль, порученную ему Алексѣевымъ, онъ не считалъ ни измѣной, ни предательствомъ, и былъ бы возмущенъ, если бы его въ этомъ упрекнули.

Въ 9 часовъ Рузскій былъ въ царскомъ поѣздѣ. Тяжелая зимняя шинель была накинута на плечи. Подъ мышкой онъ держалъ черный кожаный портфель. Попросилъ Воейкова доложить Государю и въ ожиданіи безпокойно заходилъ по коридору вагона. Предстоящій разговоръ его тревожилъ. Прошло десять, двадцать минутъ, полчаса, а Воейковъ не появлялся и никто не приглашалъ его къ Царю. Онъ находился въ ненормальномъ, странномъ положеніи, которое становилось для него оскорбительнымъ и неприличнымъ. Шли обычныя приготовленія къ ночи, и служащіе съ недоумѣніемъ посматривали на медленно шагавшаго Главнокомандующаго фронтомъ. По мѣрѣ ожиданія и усталости въ немъ поднималась и все больше и больше клокотала волна раздраженія. Онъ не могъ себѣ никакъ объяснить происходящаго. Онъ зналъ пунктуальную точность Государя.

Не выдержавъ, дойдя, кажется, до высшей точки каленія, Рузскій направился въ купэ ненавистнаго ему Воейкова, чтобы спросить въ чемъ дѣло? Онъ засталъ дворцоваго коменданта за развѣшиваніемъ фотографическихъ карточекъ по стѣнамъ (у него

къ этому была необъяснимая страсть). Увидѣвъ Рузскаго, Воейковъ весело улыбнулся и, не оставляя работы, сказалъ:

— А, Ваше Высокопревосходительство, пожалуйте, очень радъ, садитесь, хотите чаю или сигарку?.. А я увлекся пріятнымъ занятіемъ; вотъ не могу справиться съ этой рамкой: все криво выходитъ...

Гостепріимный хозяинъ артистически "валялъ дурака". У него и къ этому были способности. Онъ съ затаеннымъ удовольствіемъ потѣшался и насмѣхался надъ Рузскимъ. Близость къ Царю избаловала его и онъ давно усвоилъ чувство высокомѣрія ко всѣмъ и даже къ самымъ почтеннымъ, высокимъ генераламъ, стоявшимъ несравненно выше его въ служебномъ отношеніи.

Въ бѣшенствѣ, Рузскій чуть не кинулся на него съ кулаками. Лицо его исказилось отъ злобы. Онъ едва сдерживался.

— Кровь бросилась мнѣ въ голову, — разсказывалъ потомъ Рузскій. — Не садясь, я почти закричалъ отъ негодованія и волненія. "Какъ вамъ не стыдно заниматься такимъ вздоромъ, въ такія серьезныя минуты, когда гибнетъ государство. Я цѣлый часъ жду, а вы, видимо, еще и не докладывали Государю". Воейковъ попробовалъ обидѣться и возразить, что онъ мнѣ не слуга, не подчиненный, и въ его обязанности не входитъ вовсе докладывать Его Величеству. При этихъ словахъ, я почуствовалъ, что не въ состояніи сдерживать себя. Я завопилъ на него, затопалъ ногами и самъ началъ задыхаться; я сказалъ ему, что его прямая обязанность заботиться объ особѣ Государя, а насталъ моментъ, когда событія могутъ привести Царя къ необходимости сдаться на милость побѣдителей. Что я говорилъ еще, — не помню. Воейковъ поблѣднѣлъ, вытаращилъ глаза, и черезъ нѣсколько мгновеній я былъ у Государя...

*

* *

Настала новая страшная ночь. 10 часовъ вечера. На опустѣвшей, безлюдной станціи изрѣдка пробѣгали черныя фигуры желѣзнодорожныхъ служащихъ. У царскаго поѣзда ходили бравые часовые, солдаты Желѣзнодорожнаго полка. Было тихо, безвѣтренно, морозно. На темно-синемъ бархатномъ небѣ горѣли безчисленныя звѣзды, — мерцали таинственные огни въ непостижимой пустотѣ. Въ недалекомъ разстояніи спалъ Псковъ — древній вѣчевой городъ. Бѣлѣли въ прозрачномъ сумракѣ соборы и говорили безмолвно, "что выше всѣхъ вѣковъ — есть Вѣчность". Есть нѣчто безпредѣльное, величестенное и прекрасное, — подножіе и престолъ Творца безднъ.

"Таинственно, какъ въ первый день созданья
Въ бездонномъ небѣ звѣздный сонмъ горитъ"...

Но людямъ земли это не внушало жажды подражанія. "Довлѣетъ дневи злоба его". Мелкія страсти были милѣе человѣку, чѣмъ величавый покой... Въ этотъ часъ Рузскій началъ свой докладъ Царю.

— Ваше Императорское Величество. Мнѣ трудно говорить, ибо мой докладъ выходитъ за предѣлы моей компетенціи. Кромѣ того, я опасаюсь, что, быть можетъ, Вы не имѣете ко мнѣ достаточно довѣрія, такъ какъ привыкли слушать мнѣнія генерала Алексѣева, съ которымъ я въ важныхъ вопросахъ часто не сходился и лично нахожусь съ нимъ въ довольно натянутыхъ отношеніяхъ. Рѣшенію подлежатъ вопросы не военные, а касающіеся государственнаго управленія. Можетъ быть, Государь, Вамъ вовсе неблагоугодно выслушивать мой докладъ, который я взялся сдѣлать лишь по желанію генерала Алексѣева...

Государь сидѣлъ за столомъ, на которомъ были разложены карты Сѣвернаго фронта. Онъ спокойно смотрѣлъ на Рузскаго и сказалъ безъ волненія, тономъ глубокой искренности:

— Николай Владиміровичъ, раньше я избѣгалъ бесѣдовать съ военными на тему о государственномъ управленіи. Нынѣ мнѣ не съ кѣмъ посовѣтоваться. Я остался одинъ. Правительство въ Петроградѣ и, кажется, находится подъ арестомъ. Прошу васъ говорить съ полной откровенностью. Я готовъ выслушать все.

Такъ начался этотъ историческій ночной разговоръ, который съ короткимъ перерывомъ продолжался четыре часа. Если бы Рузскій сумѣлъ подняться на государственную высоту, сумѣлъ отбросить, какъ ненужный мусоръ, сплетни, толки, пересуды и клевету, разложившія русское общество и сдѣлавшія его самого плѣнникомъ предвзятыхъ идей, — онъ навѣрное упалъ бы передъ Царемъ и сказалъ ему: "Прости, Государь, не понималъ, заблуждался, былъ неправъ въ своихъ сужденіяхъ; нынѣ готовъ жизнь отдать за Тебя, какъ и Ты готовъ отдать ее за Россію"... Но путь, по которому шелъ Рузскій, велъ по наклонной плоскости подъ откосъ и не въ направленіи великаго подвига. Въ эти роковые часы русской исторіи роль этого человѣка была огромной. Она могла быть спасительной, если бы онъ не потерялъ въ бушующемъ океанѣ событій ведущій идеалъ вѣковой тысячелѣтней традиціи; если бы онъ угадалъ, гдѣ находится берегъ, и гдѣ погибельная бездна. Но духовнаго компаса мудрости у него не оказалось. Къ тому же, на него давилъ Родзянко, настойчиво подталкивалъ Алексѣевъ и незамѣтно, какъ бы сторонкой, подбадривалъ къ дѣйствію генералъ Лукомскій.

Рузскій занималъ мѣсто за столомъ напротивъ Государя. Передъ нимъ лежалъ ворохъ бумагъ, тщательно подобранныхъ, пронумерованныхъ краснымъ карандашемъ, скрѣпленныхъ металлическими застежками. На каждой бумагѣ была отмѣтка часовъ и минутъ посылки и пріема телеграммъ и личныя замѣчанія Глав-

кома. Это былъ матерiалъ, излагавшiй ходъ революцiонныхъ событiй. Рузскiй и Даниловъ считали его достаточно краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ, чтобы произвести впечатлѣнiе на Государя. Вся задача заключалась въ томъ, чтобы показать Царю на основанiи документомъ, что выхода нѣтъ, что для спасенiя Россiи и Трона необходимо идти на самыя крайнiя уступки.

Докладъ Рузскiй дѣлалъ увѣренно, горячо, потому что и самъ находился подъ впечатлѣнiемъ родзянковскихъ воплей. Окончивъ чтенiе телеграммъ, онъ сказалъ съ приподнятымъ возбужденiемъ:

— Государь, вотъ та объективная, подлинная, страшная обстановка, которая угрожаетъ намъ военнымъ разгромомъ, внутренней смутой и небывалой разрухой. Къ революцiи мы пришли въ результатѣ многихъ непростительныхъ ошибокъ, совершенныхъ и Вами, Государь, и Правительствомъ, и многими другими. Долгъ передъ родиной повелѣваетъ мнѣ сказать Вамъ всю правду, какъ бы она ни была горька...

Рузскiй посмотрѣлъ вопросительно на Государя и этимъ взглядомъ спрашивалъ: "можно ли говорить"? Государь отвѣтилъ на этотъ краснорѣчивый взглядъ.

— Николай Владимiровичъ, у меня тоже есть долгъ передъ родиной... большой долгъ. Я уже вамъ сказалъ о своей готовности выслушать все, что вы желаете и считаете необходимымъ мнѣ доложить. Иначе, наша бесѣда не имѣла бы смысла. Вы можете говорить совершенно откровенно и я буду стараться постигнуть мои ошибки и понять то, чего не понималъ до сихъ поръ. О моихъ ошибкахъ я уже не разъ слышалъ отъ Предсѣдателя Думы, только я не знаю, — кто ихъ совершилъ больше...

О своемъ разговорѣ въ эту ночь Рузскiй сообщилъ потомъ Данилову, что было, конечно, естественно. Можетъ быть, по склонности человѣческой къ самолюбованiю, рисовкѣ и самооправданiю, — онъ кое-что сгладилъ, прикрасилъ, кое-что невыгодное опустилъ и представилъ картину такъ, какъ это ему казалось лучше. Вотъ его собственный короткiй разсказъ.

"Первый и единственный разъ въ жизни я имѣлъ возможность высказать Государю все, что думалъ, и объ отдѣльныхъ лицахъ, занимавшихъ отвѣтственные посты за послѣднiе годы, и о томъ, что казалось мнѣ великими ошибками общаго управленiя и дѣятельности Ставки. Государь со мной соглашался, многое объяснялъ и оспаривалъ. Основная мысль Государя была, — что Онъ для себя въ своихъ интересахъ ничего не желаетъ, ни за что не держится, но считаетъ себя не въ правѣ передать все дѣло управленiя Россiей въ руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могутъ нанести величайшiй вредъ родинѣ, а завтра умоютъ руки, "подавъ съ кабинетомъ въ отставку". Я отвѣтственный передъ Богомъ и Россiей за все, что случилось и что случится. Бу-

дутъ ли министры отвѣтственны передъ Думой и Совѣтомъ, — это безразлично. Я никогда не буду въ состоянiи, видя, что дѣлается министрами не ко благу Россiи, съ ними соглашаться, утѣшаясь мыслью, что это не моихъ рукъ дѣло, не моя отвѣтственность". Я старался доказать Государю, что его мысль ошибочна, что слѣдуетъ принять формулу: "Государь царствуетъ, а правительство управляетъ". На это Государь возразилъ, что формула эта ему не понятна, что надо было иначе быть воспитаннымъ, переродиться. Онъ снова оттѣнилъ, что онъ лично не держится за власть, но только не можетъ принять рѣшенiя противъ своей совѣсти и, сложивъ съ себя отвѣтственность за теченiе дѣлъ передъ людьми, не можетъ считать, что онъ самъ не отвѣтствененъ передъ Богомъ. Государь перебиралъ съ необыкновенной ясностью взгляды всѣхъ лицъ, которые могли бы управлять Россiей въ ближайшiя времена въ качествѣ отвѣтственныхъ передъ палатами министровъ, и высказалъ свое убѣжденiе, что общественные дѣятели, которые несомнѣнно составятъ первый кабинетъ, — все люди совершенно неопытные въ дѣлѣ управленiя и, получивъ бремя власти, не сумѣютъ справиться съ своей задачей"...

Полтора часа Рузскiй, по его собственнымъ словамъ, возражалъ, спорилъ, доказывалъ и убѣждалъ Царя, что для блага Россiи и Наслѣдника, онъ долженъ идти на компромиссъ со своей совѣстью. Рузскiй не уточняетъ, какими аргументами онъ пользовался, но молва, пронесшаяся потомъ, говорила, что онъ поставилъ Императора въ безвыходное положенiе и заострилъ вопросъ ребромъ: "или — или"... Много послѣ, Рузскiй, съ огромнымъ волненiемъ, взявшись за свой георгiевскiй крестъ, клялся, что "это гнусная клевета и на меня и на Государя".

Около 12 часовъ ночи Государь уступилъ. Въ это время онъ получилъ телеграмму отъ Алексѣева, который умолялъ соизволить на немедленное опубликованiе изъ Ставки нижеслѣдующаго манифеста": "Стремясь сильнѣе сплотить всѣ силы народныя для скорѣйшаго достиженiя побѣды, я призналъ необходимымъ призвать отвѣтственное передъ представителями народа министерство, возложивъ образованiе его на предсѣдателя Государственной Думы Родзянко, изъ лицъ, пользующихся довѣрiемъ всей Россiи"...

Рузскiй могъ торжествовать. Никто другой, какъ онъ царскiй генералъ-адъютантъ, не имѣвшiй никакого соприкосновенiя съ политикой, закончилъ вѣковую борьбу русской общественности съ Царемъ и вырвалъ у него полностью его самодержавныя права. Но и это было не все. Онъ уже таилъ другiя мысли. "Я зналъ, что этотъ компромиссъ запоздалъ и цѣли не достигнетъ, но высказать свое мнѣнiе, не имѣя рѣшительно никакихъ директивъ отъ Исполнительнаго Комитета, или даже просто извѣстiй о происходящемъ, я не рѣшался".. Очевидно, Его Высокопревосходи-

тельство шелъ этапами и "откровенность" имѣлъ довольно условнаго свойства.

Теперь ему оставалось сдѣлать, можетъ быть, еще болѣе важное, но въ порядкѣ исполненія менѣе трудное. Надо было устранить угрозу, нависшую надъ революціей и остановить движеніе войскъ Иванова. Этого движенія господа, "пользующіеся довѣріемъ всей Россіи", да и самъ онъ, — боялись больше всего. Рузскій отлично понималъ и не могъ не понимать, что въ случаѣ поворота событій, съ крамолой и крамольниками церемониться не будутъ. Понималъ онъ также и то, что вырванное силой, при измѣненіи обстановки будетъ лишено юридическаго значенія. Въ 24 часа Главкомъ держалъ въ рукахъ царскую телеграмму Иванову: "До моего пріѣзда и доклада мнѣ, — никакихъ мѣръ не предпринимать".

Въ этотъ день Государыня послала мужу письмо, которое ему не было доставлено. Она писала: "...Не зная гдѣ ты, я дѣйствовала, наконецъ, черезъ Ставку, ибо Родзянко притворялся, что не знаетъ, почему тебя задержали. Ясно, что они хотятъ не допустить тебя увидѣться со мною прежде, чѣмъ ты не подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцію, или еще какой-нибудь ужасъ въ этомъ родѣ. А ты одинъ, не имѣя за собой арміи, пойманный какъ мышь въ западню, что ты можешь сдѣлать? — Это величайшая низость и подлость, неслыханная въ исторіи... Если тебя принудятъ къ уступкамъ, то ты ни въ коемъ случаѣ не обязанъ ихъ исполнять, потому что онѣ были добыты недостойнымъ способомъ"...

Царица хорошо знала настроенія, затаенныя желанія и планы заговорщиковъ. Одинъ изъ варіантовъ плана предусматривалъ: "захватить Царя въ пути и понудить"... Предусматривалось идти вплоть до убійства. Догадка Государыни была поэтому не напрасной. Она имѣла всѣ основанія для тревоги и была по существу недалека отъ истины. Государь попалъ въ Псковъ случайно. Но все, что произошло здѣсь, было заранѣе обсуждено между Алексѣевымъ и Рузскимъ в теченіе дня 1-го марта. Ни тотъ и ни другой — не были, конечно, заговорщиками и никто изъ нихъ не пылалъ политической страстью къ разрушенію стараго строя во имя невѣдомаго новаго. Они лишь расхлебывали ту бурно кипящую кашу, которую варилъ Родзянко съ приснопамятной братіей и бунтующей чернью. Ошибка Алексѣева и Рузскаго заключалась въ томъ, что они стремились утихомирить бунтъ путемъ умилостивленія поднявшагося Хаоса и разгулявшагося Хама.

Въ два часа ночи Рузскій вышелъ отъ Государя. Онъ чувствовалъ усталость, переутомленіе и слабость. Болѣзнь и безсонныя ночи подорвали въ конецъ его физическія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и умственныя силы. Только огромное нравственное возбужденіе, во власти котораго онъ былъ, подталкивало его впередъ, какъ авто-

матъ. Было кромѣ того и радостное сознаніе исполненнаго долга. Онъ былъ опьяненъ успѣхомъ своей миссіи. Надѣялся, что это приведетъ къ хорошему концу. Пуще всего боялся онъ кровопролитія, если бы пришлось усмирять бунтъ. Самая мысль объ усмиреніи бунта силою оружія казалась ему чудовищной. Французскій республиканскій генералъ не задумался разстрѣлять нѣсколько тысячъ бунтовщиковъ и, произведя эту жестокую операцію, спасъ Отечество, Русскій генералъ страшился подобной операціи и предпочелъ лечить гангрену путемъ примочекъ, охлаждающихъ компрессовъ и ряда другихъ средствъ. Очевидно, имѣлъ нѣжное, чувствительное сердце. Рузскій не зналъ, что въ это время на улицахъ столицы уже лилась обильно кровь офицеровъ, жандармовъ и городовыхъ; не зналъ, что хозяиномъ улицы является не хлестаковствующій Родзянко ("которому всѣ довѣряютъ"), а самозванный совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и столичная чернь. Въ этомъ незнаніи обстановки крылась основная ошибка Алексѣева и Рузскаго, роковая для Россіи.

На экранѣ появилась новая картина. На одномъ концѣ провода находился толстый, грузный, багровый великанъ съ одышкой, на другомъ блѣдный, хилый генералъ-адъютантъ и съ нимъ рядомъ генералъ Даниловъ. Въ 3 часа 30 минутъ начался разговоръ, который рѣшилъ участь Царя и судьбу Россіи. Родзянко, мѣтившій въ первые любовники революціи, уклонился отъ свиданія съ Царемъ; сослался на вздорныя, невразумительныя причины, въ которыхъ невозможно было поймать логическій смыслъ. ("Причины моего непріѣзда двѣ" — во-первыхъ "...эшелоны, высланные на Петроградъ, взбунтовались и присоединились къ Государственной Думѣ" и во-вторыхъ — "...я получилъ свѣдѣнія, что мой пріѣздъ можетъ повлечь за собой нежелательныя послѣдствія, такъ какъ до сихъ поръ вѣрятъ только мнѣ и исполняютъ только мои приказанія"). Истинная причина была иная; герой революціи, попросту говоря, струсилъ. "Я пріѣду, а Царь меня прикажетъ повѣсить", проговорился онъ случайно.

Разговоръ тянулся четыре часа и закончился въ семь съ половиною. утра. На сѣро-желтоватой, безконечной лентѣ Юза легли черными крупными буквами всѣ слова, сказанныя въ эту ночь. Слова страшныя, медленно текшія изъ устъ людей, духовно чуждыхъ другъ другу, которыхъ случайно таинственный Рокъ соединилъ въ одномъ дѣлѣ, въ одномъ рѣшеніи.

Первая половина разговора составляла повтореніе Родзянкой того, что было его излюбленной пѣсенкой. Разсказавъ сказку "про бѣлаго бычка", про свои предупрежденія Царю о надвигающейся грозѣ, про ненависть къ Царицѣ, про стушевавшееся правительство, не принявшее никакихъ "предупредительныхъ" мѣръ, про "войска окончательно деморализованныя", Родзянко заявилъ безоговорочно и безапеляціонно: "считаю нужнымъ освѣдомить,

что то, что предполагается вами — недостаточно, и династическій вопросъ поставленъ ребромъ"... Родзянко еще не знаетъ, что предполагается, царскій манифестъ ему еще не переданъ, но онъ уже авансомъ все отвергаетъ, потому что преслѣдуетъ единственную цѣль: "устранить ненавистную семью — Царя и Царицу".

Съ тупымъ ожесточеніемъ Родзянко долбитъ въ одну точку. На свою совѣсть онъ принимаетъ огромную отвѣтственность, но упрямо думаетъ, что вины на немъ нѣтъ, что Отечество по достоинству оцѣнитъ его роль въ эти роковые дни. Онъ знаетъ, что тутъ же, подъ бокомъ, притаилась змѣя, которая уже выпустила свое жало, что укусъ ея можетъ быть смертельнымъ, но это не останавливаетъ его. Наоборотъ, это подбадриваетъ его къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ: опираясь на "шипящую змѣю" — добиться отреченія. Онъ не въ состояніи разсуждать съ холоднымъ разсудкомъ. Горизонты его очень ограничены. Онъ твердо ставитъ вопросъ объ отреченіи, потому что бунтующая чернь стремится къ ниспроверженію всѣхъ началъ и въ первую очередь, къ ниспроверженію Царя. Онъ желаетъ убить сразу двухъ зайцевъ.

Родзянко, по существу, новаго ничего не сказалъ; можетъ быть, только нѣсколько сгустилъ краски, по иному ихъ расположилъ и нажалъ крѣпче на педаль, чтобы усилить впечатлѣніе, — но Рузскому показалось, что волна въ столицѣ бушуетъ и хлещетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ думалъ. Полагая, что отъ воли Родзянко зависитъ многое, чуть ли не все, что этотъ государственный мужъ играетъ рѣшающую роль, что онъ имѣетъ возможность направлять бѣгъ бѣшеной тройки, — онъ попытался воззвать къ его національнымъ чувствамъ.

— Ваши сообщенія, Михаилъ Владиміровичъ, дѣйствительно рисуютъ обстановку въ другомъ видѣ, чѣмъ она рисовалась здѣсь, на фронтѣ. Если страсти не будутъ умиротворены, то вѣдь нашей родинѣ грозитъ анархія надолго, и это, прежде всего, отразится на исходѣ войны; между тѣмъ, затративъ столько жизней на борьбу, необходимо довести ее до конца, соотвѣтствующаго нашей великой родинѣ. Надо найти средства для умиротворенія страны... Въ какомъ видѣ намѣчается рѣшеніе династическаго вопроса?

— Съ болью въ сердцѣ буду отвѣчать, Николай Владиміровичъ. Еще разъ повторяю — ненависть къ династіи дошла до крайнихъ предѣловъ, но весь народъ, съ кѣмъ бы я ни говорилъ, выходя къ толпамъ и войскамъ, рѣшилъ твердо — войну довести до побѣднаго конца, и въ руки нѣмцевъ не даваться. Къ Государственной Думѣ примкнулъ весь Петроградскій и Царскосельскій гарнизонъ, то же повторяется во всѣхъ городахъ; нигдѣ нѣтъ разногласія, вездѣ войска становятся на сторону Думы и народа, и грозныя требованія отреченія въ пользу сына, при ре-

гентствѣ Михаила Александровича, становятся опредѣленнымъ требованіемъ.

Повторяю, съ страшной болью передаю вамъ объ этомъ, но что же дѣлать; въ то время, когда народъ въ лицѣ своей доблестной арміи проливалъ свою кровь, и несъ неисчислимыя жертвы, — правительство положительно издѣвалось надъ нами; вспомните освобожденіе Сухомлинова, Распутина и всю его клику; вспомните Маклакова, Штюрмера, Протопопова; всѣ стѣсненія горячаго порыва народа помогать по мѣрѣ силъ войнѣ; назначеніе князя Голицына; разстройство транспорта, денежнаго обращенія, непріятіе никакихъ мѣръ къ смягченію условій жизни; постоянное измѣненіе состава законодательной палаты въ нежелательномъ смыслѣ; постоянные аресты, погоня и розыскъ несуществовавшей тогда революціи, — вотъ тѣ причины, которыя привели къ этому печальному концу.

Тяжкій отвѣтъ передъ Богомъ взяла на себя Государыня Императрица, отвращая Его Величество отъ народа. Его присылка генерала Иванова съ Георгіевскимъ батальономъ только подлила масла въ огонь и приведетъ только къ междуусобному сраженію, такъ какъ сдержать войска, не слушающіе своихъ офицеровъ и начальниковъ, нѣтъ рѣшительно никакой возможности; кровью обливается сердце при видѣ того, что происходитъ. Прекратите присылку войскъ, такъ какъ они дѣйствовать противъ народа не будутъ. Остановите ненужныя жертвы...

Родзянко былъ не въ состояніи разобраться въ степени вѣрнопреданности революціонныхъ толпъ, "ликующихъ, празднoболтающихъ" и оставляющихъ тяжелый, удушливый смрадъ и грязь въ Бѣломъ Таврическомъ дворцѣ. На любовь и вѣрность плебса онъ не очень полагался и никакъ не разсчитывалъ; сегодня пьяно и шумно кричатъ: "Родзянко... Родзянко... да здравствуетъ Родзянко!..", а завтра разорвутъ на части, какъ поступаютъ нынѣ съ другими. Не вѣрилъ онъ также въ стойкость революціонныхъ войскъ. "Эти вшивые шкурники разбѣгутся при первой хорошей стрѣльбѣ", думалъ онъ озабоченно. Звѣзда его поднялась высоко къ зениту, но какъ страшно на этой опасной высотѣ. Одинъ взрывъ, и все разсыпется и разлетится въ пухъ и въ прахъ. Въ этой сумасшедшей пляскѣ событій все смутно, неясно, невѣрно, рискованно. А выбора нѣтъ. Только одна дорога: съ революціей. Заявленія Рузскаго его смутили. Генералъ резонно и правильно оцѣнивалъ обстановку. Родина требуетъ не продолженія бунта, а водворенія порядка. Все, къ чему стремилась Дума, достигнуто. Царь принесъ свою жертву; онъ далъ свое согласіе на все. "Вы видите, — сказалъ Рузскій, — со стороны Его Величества принимаются какія только возможно мѣры, и было бы въ интересахъ родины и той отечественной войны, которую мы ведемъ, желательнымъ, чтобы починъ Государя нашелъ отзывъ въ сердцахъ

тѣхъ, кои могутъ остановить пожаръ". Для Рузскаго важно теперь только одно: сохранить армію. "Переживаемый кризисъ надо ликвидировать возможно скорѣй, чтобы вернуть арміи возможность смотрѣть только впередъ, въ сторону непріятеля"... Родзянко знаетъ, что это правда. Во имя побѣдоноснаго окончанія войны Дума громила "неспособное Правительство", которое теперь сидитъ въ Петропавловской крѣпости. Но "сѣявшій вѣтеръ пожнетъ бурю". Родзянко слышитъ шипѣніе наглой змѣи. Она брызжетъ отравой, смертельнымъ ядомъ. Змѣя не желаетъ Царя. Онъ самъ, Родзянко, вырылъ пропасть. Въ душѣ его смятеніе, тревога, раздвоенность. Онъ лепечетъ Рузскому всякій вздоръ, въ который самъ и вѣритъ и не вѣритъ.

— Вы, Николай Владиміровичъ, истерзали въ конецъ мое и такъ растерзанное сердце. По тому позднему часу, въ который мы ведемъ разговоръ, вы можете себѣ представить, какая на мнѣ лежитъ огромная работа. Но повторяю вамъ, я самъ вишу на волоскѣ, и власть ускользаетъ у меня изъ рукъ; анархія достигаетъ такихъ размѣровъ, что я вынужденъ былъ сегодня ночью назначить Временное Правительство.

Къ сожалѣнію, манифестъ запоздалъ; его надо было издать послѣ моей первой телеграммы немедленно, о чемъ я просилъ Государя Императора. Время упущено и возврата нѣтъ. Повторяю вамъ еще разъ: народныя страсти разгорѣлись въ области ненависти и негодованія... Наша славная армія не будетъ ни въ чемъ нуждаться; въ этомъ полное единеніе всѣхъ партій, и желѣзнодорожное сообщеніе не будетъ затруднено; надѣемся также, что послѣ воззванія Временнаго Правительства крестьяне и всѣ жители повезутъ хлѣбъ, снаряды и другіе предметы снаряженія; запасы весьма многочисленны, такъ какъ объ этомъ всегда заботились общественныя организаціи и особое совѣщаніе. Молю Бога, чтобы Онъ далъ силы удержаться хотя бы въ предѣлахъ теперешняго разстройства умовъ, мыслей и чувствъ, но боюсь, какъ бы не было еще хуже...

Слова Родзянко не успокоили Рузскаго. Онъ чувствуетъ нетвердость, шаткость, неувѣренность, зыбкость положенія и онъ опять рвется предупредить "государственнаго мужа".

— Имѣйте въ виду, что всякій насильственный переворотъ не можетъ пройти безслѣдно; что, если анархія, о которой вы говорите, перекинется въ армію и начальники потеряютъ авторитетъ власти? Подумайте, что тогда будетъ съ родиной?..

Но тревога Рузскаго проносится въ пустоту. Родзянко чувствуетъ, что разговоръ кончается, что строгій генералъ не будетъ больше задавать вопросовъ, на которые такъ трудно отвѣчать и онъ съ легкомысліемъ незрѣлаго юноши внушительно и бойко заявилъ:

— Николай Владиміровичъ, не забудьте, что переворотъ мо-

жетъ быть добровольный и вполнѣ безболѣзненный для всѣхъ, и тогда все кончится въ нѣсколько дней. Одно могу сказать: ни кровопролитія, ни ненужныхъ жертвъ не будетъ. Я ЭТОГО НЕ ДОПУЩУ.

Поднявшееся на востокѣ солнце озарило кресты древнихъ псковскихъ соборовъ. Ночь кончилась. Начался день, — страшный и позорный день въ исторіи Россіи.

10.

«Настанетъ годъ, Россіи черный годъ,
Когда съ царей корона упадетъ,
Забудетъ чернь къ нимъ прежнюю любовь
И пищей многихъ будетъ смерть и кровь»..
(Лермонтовъ).

Пути Человѣка, котораго милліоны людей, въ душевномъ умиленіи, въ немудрой простотѣ сердечной, называли земнымъ Богомъ, въ эти послѣдніе дни и ночи были таинственно схожи и подобны съ таковыми же путями распятаго Богочеловѣка. Разнились только время, мѣсто, обстоятельства и люди. Двѣ тысячи лѣтъ назадъ вожди народа израильскаго, обуреваемые ненасытной ненавистью, предали на пропятіе Того, кто провозгласилъ Любовь, евангельскія заповѣди Блаженства и новое начало въ жизни. Они изступленно боролись за старину, за законъ Моисея, за Субботу. Онъ же, любя ,тоскуя и чувствуя близость Креста, поднялъ и освятилъ земное до высоты небеснаго: “Пріимите, ядите; сіе есть тѣло Мое...” “Піите отъ нея вси; сія есть кровь Моя Новаго Завѣта, яже за вы и за многія изливаемая...” Теперь, въ XX вѣкѣ христіанской эры, русскіе фарисеи, также изступленно злобствуя и негодуя, боролись противъ Царя за новый строй жизни. Боролись какъ будто за народъ, за его счастіе и благоденствіе, но въ глубинѣ, въ тайная тайныхъ, боролись за власть для себя, какъ боролись за власть и вліяніе “князи Израиля”. Широкія демократическія ворота открывали честолюбцамъ путь къ недосягаемымъ дотолѣ вершинамъ, къ парламентскому господству. Ихъ сердцу была мила, пріятна и любезна политическая партійная борьба, какъ у всѣхъ “порядочныхъ людей” на Западѣ. Политика становилась ихъ жизнью, ихъ насущной потребностью. Государственная трибуна влекла этихъ людей, какъ огни театральной рампы. Они были отравлены воздухомъ Запада и безъ него “задыхались” въ атмосферѣ самодержавія; “дышать нечѣмъ” — вопили они, стеная.

Оставшись одинъ, послѣ ухода Рузскаго, Государь опустился въ кресло и застылъ надолго въ неподвижной позѣ, какъ бы въ состояніи нѣкоего окаменѣнія. Взоръ его былъ устремленъ въ

одну точку, но врядъ ли онъ вообще что-нибудь видѣлъ. Глубокія изогнутыя морщины на лбу и бугры, поднявшіеся надъ переносицей, у начала бровей, говорили убѣдительно, что онъ напряженно думаетъ, что онъ потрясенъ и переживаетъ страшныя минуты. О чемъ онъ думалъ? Спустя три недѣли послѣ этихъ роковыхъ дней и ночей, Государь сказалъ Бенкендорфу: "Я теперь начинаю немного приходить в себя. Тогда въ Псковѣ я находился, какъ бы въ туманѣ, въ какомъ-то полузабытьи"...

Душевное состояніе Государя можно представить и почувствовать сердцемъ и простому смертному, хотя онъ рѣзко отличался духовно отъ всѣхъ подданныхъ. Русская радикальная интеллигенція и въ особенности нахватавшіеся верховъ недоучки, склонны были видѣть въ немъ такого же обыкновеннаго, какъ и они, человѣка, — при чемъ, съ малымъ количествомъ достоинствъ и съ большимъ — недостатковъ. Такъ нѣкогда члены еврейскаго синедріона видѣли въ Христѣ лишь смутьяна, бунтовщика и обманчика, подрывающаго древніе законы религіи. "Ты ли Христосъ, сынъ Бога живаго?" спросилъ Каіафа и, услышавъ "Я", разодралъ одежды свои отъ нестерпимаго негодованія. Государь не былъ обыкновеннымъ человѣкомъ. Душа его на какихъ-то значительныхъ высотахъ сливалась съ Божествомъ. Таинственную силу, — творящій Духъ Божій, онъ чувствовалъ въ каждый мигъ, вездѣ, во всемъ и съ каждымъ дыханіемъ воспринималъ въ себя незримаго Бога. Отсюда вытекала ненавистная для враговъ мистика.

Императору Николаю надо было пройти черезъ бездну униженій, позора и мучительныхъ страданій. Онъ душу свою полагалъ за Россію, а ему кричали: "долой! Ты намъ не нуженъ, Ты намъ враждебенъ, мы презираемъ Тебя, мы отрекаемся отъ Тебя"... Надо было смириться передъ испытаніями, поднять крестъ и съ крестомъ итти по пути Христа; подняться къ тѣмъ высотамъ святости, на которыя взошелъ Богочеловѣкъ и повторить его слова: "Отче прости имъ; они не вѣдаютъ, что творятъ". Но и Сынъ Человѣческій страшился страданій и въ смертномъ томленіи взывалъ къ Отцу: "да минуетъ Меня чаша сія", и падали капли пота на землю съ чела Его, какъ капли крови. Государь мучительно думалъ, стремясь перебороть смертное томленіе, найти нравственныя силы, чтобы утолить страданія, заглушить боль, усмирить тоску невыразимую.

Нѣсколько разъ старый слуга заглядывалъ къ Царю и заставалъ его все въ той же неподвижной, одеревенѣлой позѣ. Какъ будто онъ сидѣлъ у постели умирающаго, близкаго, любимаго человѣка и надрывалось сердце отъ скорби, отчаянія и тревоги. Царь не цѣплялся за власть, какъ думали и утверждали политическіе ненавистники, — она ему ничего кромѣ горя не принесла. Онъ не былъ честолюбцемъ и самовлюбленнымъ человѣкомъ,

какъ многіе изъ тѣхъ, что рвались къ власти. Онъ былъ совѣстливымъ Царемъ, добрымъ, мягкимъ и въ то же время твердымъ въ отстаиваніи интересовъ своего народа. "Въ его голосѣ и особенно во взглядѣ какая-то странная смѣсь рѣшимости и спокойствія, чего-то непоколебимаго", сказалъ о немъ французскій посолъ Морисъ Палеологъ. Царь почиталъ себя первымъ слугой Отечества. Власть его была огромна, но также и огромны были его обязанности. Помощи себѣ онъ искалъ прежде всего отъ Бога и не даромъ писалось в манифестахъ: "Божіей милостью мы Николай II-й"...

Прошелъ часъ. Старикъ снова заглянулъ въ царскіе аппартаменты .Государь стоялъ на колѣняхъ передъ образами и молился. Можетъ быть также, какъ Христосъ, взывалъ, просилъ и говорилъ Царю Небесному: "душа моя скорбитъ смертельно"... Послѣднее, что увидѣлъ вѣрный царскій слуга въ эту безпокойную, страшную ночь: — Государь держалъ въ рукахъ фотографію сына, цѣловалъ ее и плакалъ обильными слезами. В первый разъ старикъ увидѣлъ царскія слезы. Это поразило его, какъ ударъ въ сердце. Едва сдерживаясь отъ нахлынувшихъ содраганій, онъ вернулся къ себѣ и тамъ зарыдалъ стариковскимъ неутѣшнымъ плачемъ. Онъ утиралъ кулакомъ катившіеся слезы, безсильный помочь Тому, Кого, обожествляя, безкорыстно любилъ и за Кого жизнь свою отдалъ бы не задумываясь. Можетъ быть, это былъ единственный человѣкъ здѣсь, единственный вѣрноподданный, который томясь и страдая, духовно дѣлилъ съ Царемъ его страшное нравственное одиночество.

Не всѣ спали въ эту ночь также и въ Могилевѣ. Ставка, опережая событія, уже заготовляла манифестъ объ отреченіи. Сочиненіе его было поручено Алексѣевымъ директору политической канцеляріи при Верховномъ Главнокомандующемъ господину Базили.

— Я всю ночь не спалъ, — сказалъ онъ утромъ, придя въ штабную столовую, — составлялъ манифестъ объ отреченіи императора Николая II-го.

Но вѣдь это слишкомъ серьезный историческій актъ, чтобы его можно было писать одному человѣку на-спѣхъ, замѣтили въ недоумѣніи нѣкоторые.

— Да, конечно, — документъ огромной важности и составлялся впервые. Но медлить было нельзя и совѣтоваться было не съ кѣмъ. Я нѣсколько разъ ходилъ ночью изъ своей канцеляріи къ Алексѣеву, который и установилъ окончательный текстъ...

Ни жалости къ Царю, ни скорби, ни особенной тревоги не вырвалось у тѣхъ штабныхъ господъ, которые присутствовали при этомъ разговорѣ. Они давно уже были подготовлены къ мысли о возможности и даже неизбѣжности трагическаго конца. Капля по каплѣ падали на чувства и на сознаніе слова, отравлен-

ныя ядомъ и постепенно сдѣлали свое дѣло. Новость выслушали безъ удивленія, безъ нервныхъ, негодующихъ восклицаній, почти спокойно и почти равнодушно. Шопотки, сплетни и "достовѣрныя свѣдѣнія" сожгли въ душѣ "вѣру и вѣрность". Вмѣсто былыхъ горячихъ чувствъ къ Царю появилось затуманенное, теплопрохладное равнодушіе. Размотали русскіе люди богатое наслѣдство. Не такъ поступилъ простой русскій крестьянинъ, триста лѣтъ назадъ, когда на исходѣ смуты, вновь избранному царю Михаилу угрожала погибель отъ руки поляковъ.

...Ты взайди моя заря, послѣдняя заря.
Настало время мое.
Господь меня Ты подкрѣпи и не оставь...
Смерти не боюсь, — умру за царя и Русь...

Такъ, или примѣрно такъ, а можетъ быть, въ какихъ-нибудь иныхъ выраженіяхъ молился Иванъ Сусанинъ, заведя поляковъ въ непроходимыя дебри сѣверныхъ лѣсовъ. Одинъ въ одиночествѣ совершилъ свой подвигъ. Зналъ, что идетъ на смерть и не убоялся. Ни съ кѣмъ не совѣтовался, ни у кого не спрашивалъ, какъ ему поступить: самъ рѣшилъ, сердце русское подсказало, любовь к Отечеству, разоряемому и гибнущему, вела его. И когда загорѣлась заря надъ лѣсами, Сусанинъ палъ подъ ударами польскихъ сабель. "Кровь чистая снѣгъ обагрила; она для Россіи спасла Михаила"... Спасла добровольнымъ хотѣніемъ и безвѣстной жертвой одного человѣка.

Отъ Алексѣева, отъ генераловъ въ Ставкѣ и отъ главнокомандующихъ фронтами не требовалось личной жертвы. Они могли рѣшать вопросъ спокойно, съ горячимъ сердцемъ и съ холоднымъ разумомъ. Имъ не угрожала смерть; надъ ихъ головами не сверкали обнаженные мечи, ихъ не волокли на казнь. Для усмиренія столицы было много средствъ и одно изъ нихъ было совсѣмъ не кровопролитное: "Отрѣзать мятежный Петроградъ отъ всей Россіи; прекратить снабженіе; никого не впускать ни туда, ни обратно; считать зараженнымъ городомъ, гдѣ свирѣпствуетъ чума"... Такъ. разсуждали люди менѣе связанные съ петербургскими настроеніями, съ высокой политикой, съ Государственной Думой и съ революціонной демократіей.

Стоящій на верху горы долженъ лучше, дальше и больше видѣть, чѣмъ пребывающій внизу. Передъ нимъ открыты горизонты — близкіе и далекіе, ровные и бурно вздыбленные катаклизмами. Это одинаково вѣрно для всѣхъ положеній, въ которыхъ человѣку приходится жить, творить, управлять и дѣйствовать .Туманы, закрывающіе дали для государственнаго дѣятеля не есть оправданіе. Его глазъ долженъ быть вооруженъ мудростью, опытомъ, дальнозоркостью, расчетомъ и предвидѣніемъ; нѣтъ этихъ качествъ, — человѣкъ не годится въ пастыри стада.

Разговоръ Родзянко съ Рузскимъ, на который нѣкоторые генералы изъ свиты возлагали столько безосновательныхъ упованій, (они цѣплялись за соломинку въ пучинѣ водоворота), не оправдалъ надеждъ и ожиданій. Въ дѣйствительности, онъ оказался роковымъ для послѣдующихъ событій, давъ чувствительное основаніе людямъ, стоящимъ во главѣ, окончательно потерять голову.

Алексѣевъ и Рузскій расцѣнивали Родзянко очень высоко; они видѣли въ немъ крупнаго государственнаго человѣка, за которымъ стоитъ Дума, общественное мнѣніе (это червивое яблоко съ розовато-красной корой) и вся "передовая" демократія; они полагали, что онъ, какъ всемогущій Зевсъ, въ силахъ вліять на событія, повелѣвать ими и направлять ихъ; они думали, что онъ ведетъ сейчасъ государственный корабль, въ качествѣ зоркаго и твердаго капитана. Буря свирѣпствуетъ, опасность велика, угрожающа, но голосъ капитана твердъ, рѣшителенъ и смѣлъ: "ни кровопролитія, ни ненужныхъ жертвъ не будетъ. Я этого не допущу". Заносчивая самонадѣянность и надмѣнная гордость рѣчи подкупаетъ, завораживаетъ, обманываетъ и внушаетъ генераламъ превратныя мысли; точно гвозди вбиваетъ въ сознаніе: "Время упущено и возврата нѣтъ"... Нѣтъ выбора, — возможно только одно единственное: о т р е ч е н і е. Чтобы умилостивить разъяренную стихію нужны жертвы; надо Царя, какъ Іону, бросить въ пасть звѣрю на погибель.

Алексѣевъ поднялся рано послѣ тревожной, безпокойной ночи. Умываясь, онъ не захотѣлъ бриться, что дѣлалъ обычно каждый день. Видъ у него былъ нездоровый, цвѣтъ лица желто-сѣрый, измятый, по высокому лбу съ глубокими морщинами синѣли вздувшіяся жилы; слегка косящіе глаза лихорадочно блестѣли, какъ у человѣка съ высокой температурой. Болѣзнь и старость давили на него тяжелымъ грузомъ. Напряженныя, упорныя мысли его блуждали по низу; подняться какъ орелъ на высоту, онъ не могъ. Думалъ только о томъ, какъ уберечь отъ развала армію, какъ сохранить ея боеспособность. Слова Родзянки внушали ему надежду. "Надо только принести одну жертву"... Это не такъ ужъ страшно, если за этимъ послѣдуетъ успокоеніе, нормальное теченіе жизни и разруха кончится. Какія сѣмена сѣяли въ столицѣ крамольныя силы, которыхъ побаивался Родзянко, онъ не зналъ и потому не загадывалъ впередъ: что произростетъ во времени. Не видѣлъ, куда влечетъ Россію революціонный потокъ. Довѣрился слѣпо, забывъ, что на землѣ, какъ и на водѣ, во время грозы, вскакиваютъ иногда наполненные воздухомъ пузыри и... лопаются.

Въ 8 часовъ утра Лукомскій, елейно-розовый, свѣжій и внутренно спокойный, принесъ Алексѣеву знаменитую ленту ночного разговора. Взоръ у него былъ умильный, тихо воздыхающій о

непорядкахъ бреннаго міра сего, какъ будто говорящій: "сочувствую милый; все это на твою голову, ты будешь рѣшать и ты будешь отвѣчать; я могу посовѣтовать, мнѣ это ничего не стоитъ, но я въ сторонѣ"... Алексѣевъ молча принялся за чтеніе. Старческія руки, съ коричневыми пятнами, слегка дрожали, и лента замѣтно чертила зигзаги. Несомнѣнно, внутренно онъ волновался. Прочитавъ, сказалъ:

— Я предчувствовалъ это. Надо было тушить пожаръ, когда онъ еще не разгорѣлся. Родзянко правъ. Скажите Данилову, чтобы Рузскій немедленно доложилъ Царю о своемъ разговорѣ. Времени терять нельзя; важна каждая минута и всѣ этикеты должны быть отброшены.

— Присоединяюсь къ Вашему мнѣнію. По моему глубокому убѣжденію, выбора дѣйствительно нѣтъ, и отреченіе должно состояться. Я иду и незамедлительно исполню ваше приказаніе, заявилъ Лукомскій и поспѣшно вышелъ.

Алексѣевъ взялъ себя въ руки. Сколько разъ во время этой войны приходилось ему стоять передъ грозными событіями и принимать отвѣтственныя рѣшенія. Онъ еще разъ пробѣжалъ ленту, отмѣтилъ ударныя мѣста и, взявъ бумагу, мелкимъ бисернымъ почеркомъ началъ чернить телеграмму главнокомандующимъ фронтами. По мѣрѣ того, какъ писалъ, онъ незамѣтно для себя, почти автоматически, безсознательно, перешелъ на путь измѣны своему Царю. О присягѣ совсѣмъ забылъ. Можетъ быть, въ глазахъ его, этотъ актъ уже не имѣлъ иного значенія, кромѣ ритуально символическаго. Никакихъ укоровъ совѣсти онъ не чувствовалъ; никакіе тайные голоса ничего не говорили его сердцу. Не слышало духовное ухо похороннаго набата, не видѣли его духовные очи, что собственными руками онъ роетъ могилу русскому трону, и закалачиваетъ гвозди въ гробъ.

..."Нынѣ наступила одна изъ страшныхъ революцій; сдерживать народныя страсти трудно; войска деморализованы; Предсѣдателю Государственной Думы хотя и вѣрятъ, но онъ опасается, что сдержать народныя страсти будетъ невозможно... Династическій вопросъ поставленъ ребромъ и войну можно продолжать до побѣдоноснаго конца лишь при исполненіи предъявленныхъ требованій относительно отреченія отъ престола въ пользу сына при регентствѣ Михаила Александровича. Обстановка, повидимому, не допускаетъ иного рѣшенія, и каждая минута дальнѣйшихъ колебаній повыситъ только притязанія, основанные на томъ, что существованіе арміи и работа желѣзныхъ дорогъ находится фактически въ рукахъ петроградскаго временнаго правительства. Необходимо спасти дѣйствующую армію отъ развала; продолжить до конца борьбу съ внѣшнимъ врагомъ; спасти независимость Россіи и судьбу династіи. Это нужно поставить на первомъ планѣ, хотя бы цѣной дорогихъ уступокъ"....

Поставивъ подпись подъ телеграммой, Алексѣевъ снова перечиталъ ее. Ему очевидно показалось, что точки над “і” поставлены не твердо, и он добавилъ внизу:

“Повторяю, что потеря каждой минуты можетъ стать роковой для существованія Россіи, и что между высшими начальниками дѣйствующей арміи нужно установить единство мыслей и цѣлей и спасти армію отъ колебаній и возможныхъ случаевъ измѣны долгу. Армія должна всѣми силами бороться съ внѣшнимъ врагомъ, и рѣшеніе относительно внутреннихъ дѣлъ должно избавить ее отъ искушенія принять участіе в переворотѣ, который болѣе безболѣзненно совершится при рѣшеніи сверху. 2-го Марта 1917 года, 10 час. 15 м. 1872. Алексѣевъ”.

Телеграмма предопредѣлила ходъ дальнѣйшихъ событій, судьбу Императора и судьбу Россіи. Алексѣевъ безпомощно призналъ побѣду революціи и покорно сдался безъ всякихъ условій, питая въ сердцѣ надежду, “цѣной дорогихъ уступокъ” спасти отъ разложенія Армію. Онъ шелъ на поводу у Родзянки, и подъ давленіемъ “высокой политики”, которую очень плохо понималъ, духовно раздвоилъ въ себѣ то, что было дотолѣ слитнымъ, монолитнымъ и исторически единымъ цѣлымъ: Царя и Россію. Онъ думалъ, что жертвуя однимъ, удастся спасти другое. Это была его жестокая ошибка. Трудно было надѣяться, что вынувъ краеугольный основной камень, на которомъ держалось зданіе, — оно не рухнетъ и не послѣдуетъ за симъ новая, дикая, кровавая пугачевщина. Ставъ на путь соглашательства, покорности и лояльности, Алексѣевъ формально сталъ измѣнникомъ въ отношеніи своего Царя. И на этотъ путь измѣны онъ звалъ главнокомандующихъ фронтами, ища у нихъ поддержки. Несомнѣнно, будь на мѣстѣ его другой генералъ, болѣе молодой, съ болѣе твердыми взглядами, болѣе преданный Царю и менѣе обращающій вниманіе на демократическіе глаголы и вопли, — онъ поступилъ бы иначе и ужъ во всякомъ случаѣ помѣрялся бы силами съ врагами Отечества. Увы, Россія была во власти Рока.

*

* *

...Онъ слышитъ незримыя струны звучатъ,
И странныя, ясно, слова говорятъ...
«Молчите проклятыя струны!»

Въ 10 часовъ 15 минутъ генералъ Рузскій вошелъ въ Царскій вагонъ для доклада. Для доклада ли только?... Онъ шелъ безъ свиты; только одинъ адъютантъ шествовалъ сзади, и, кажется, намѣренно отставалъ. (Крупное лицо его было сумрачно и чѣмъ-то недовольно). Рузскій провелъ безсонную ночь, но былъ бодрѣе, не горбился, какъ наканунѣ, какъ будто распрямился; на плечахъ

у него была накинутая шинель, съ генеральской красной подкладкой, на головѣ фуражка, надвинутая на лобъ, китель съ аксельбантами перетягивалъ широкій кожанный военный ремень. Торчкомъ поднимая руку къ козырьку, онъ небрежно отвѣчалъ на отданіе чести. Изъ оконъ вагона столовой на него съ любопытствомъ и непріязнью смотрѣли нѣкоторые чины свиты. Солнце, поднимаясь, ярко сіяло; небо было глубокое, синее, чистое; вѣтра не было; веселіе и радость были разлиты въ природѣ. Воробьи, сидѣвшіе на вѣтвяхъ деревьевъ, шумно и весело чирикали, — можетъ быть, разговаривали о своихъ житейскихъ дѣлахъ. У синяго царскаго вагона стояли на часахъ красивые, статные казаки-конвойцы.

Рузскій вошелъ въ кабинетъ спокойно; по крайней мѣрѣ, онъ хотѣлъ такимъ казаться. Вспоминая послѣ объ этихъ минутахъ, онъ сказалъ генералу Вильчковскому: "Я вошелъ къ Царю, стиснувъ зубы". Для человѣка далеко не поэтической натуры, — это выраженіе было не символикой, а сущей правдой. Подъ внѣшней суровой твердостью, онъ желалъ скрыть страшное внутреннее волненіе. Онъ отлично понималъ, что игра зашла слишкомъ далеко; она могла окончиться внезапно и для него самаго трагически: вошелъ главнокомандующимъ, а выйти могъ лишеннымъ всѣхъ должностей и званій. На душѣ было неспокойно и по другой причинѣ. Разговоръ съ Родзянко зародилъ въ немъ сомнѣніе и тревогу. Лѣзли въ голову упорно и настойчиво назойливые вопросы: "Не играетъ ли онъ въ руку враговъ — внѣшнихъ и внутреннихъ —, понуждая Царя къ принесенію жертвы? Не будетъ ли рискъ отреченія еще большимъ рискомъ для Россiи? Не оборвется ли тонкая ниточка родзянковскихъ надеждъ и не полетитъ ли все въ пропасть? Можно ли довѣрять самому Родзянко, и такъ ли ужъ велика его государственная мудрость? Не вретъ ли Родзянко, умышленно сгущая краски и пугая отчаяннымъ положеніемъ? Не впалъ ли онъ въ состояніе паникерства и не потерялъ ли онъ голову и сердце отъ избытка трусости? Не оправдаются ли слова Государя: "Вы плохо знаете нашихъ общественныхъ дѣятелей; они погубятъ Россію"? На всѣ эти вопросы у Рузскаго не было отвѣтовъ. Однако, и повернуть назадъ онъ былъ не въ состояніи. Докладъ Царю онъ началъ словами:

— Ваше Величество. Съ Вашего соизволенія я имѣлъ бесѣду съ предсѣдателемъ Государственной Думы Родзянко. Разговоръ закончился только въ 7 часовъ 30 минутъ утра. На Ваше благоусмотрѣніе представляю ленту этого разговора.

Онъ положилъ передъ Государемъ большую катушку бумаги желтовато-сѣраго цвѣта. Государь посмотрѣлъ на ленту съ нѣкоторымъ удивленіемъ и, не прикасаясь къ ней, сказалъ съ обычной деликатной мягкостью и доброжелательствомъ.

— Вы, вѣроятно, не спали всю ночь? Я очень васъ жалѣю. То, что происходитъ нынѣ въ Петроградѣ — преступно и позорно. Но я убѣжденъ, что русскій народъ въ этомъ неповиненъ. Это только кучка измѣнниковъ и подонки столицы учиняютъ бунтъ. Пожалуйста, прочтите, что тутъ написано.

Чтеніе для Рузскаго было мучительнымъ: онъ задыхался, голосъ хрипѣлъ, срывался, горло пересохло, сухой кашель билъ его, къ головѣ прилила кровь, плохо сознавалъ, что читаетъ, нравственное состояніе и психическое напряженіе парализовали мозгъ и волю. Государь слушалъ молча, внимательно и ни одно движеніе не выдало его переживаній. По окончаніи чтенія, онъ всталъ и отошелъ къ окну. Всталъ за нимъ и Рузскій. "Настала минута ужасной тишины", разсказывалъ потомъ Рузскій объ этомъ моментѣ, "Государь затѣмъ вернулся къ столу, сѣлъ, предложилъ мнѣ сѣсть и началъ говорить съ такимъ благороднымъ спокойствіемъ и выдержкой, которыя меня поразили"...

— Родзянко давно пророчилъ мнѣ безславный конецъ царствованія, началъ Государь. — Нынѣ онъ предлагаетъ мнѣ добровольно идти на Голгофу. Я готовъ принести любую жертву, если я буду убѣжденъ, что эта жертва принесетъ благо Россіи... Да, я несчастливый Царь. Это вѣрно. Я убѣжденъ твердо: рокъ меня преслѣдуетъ. Мои усилія не дали тѣхъ результатовъ, на которые я расчитывалъ. Я, вѣроятно, рожденъ для несчастія и они меня преслѣдуютъ. Но ни передъ Родзянкой, ни передъ Думой я оправдываться не буду. Я — Царь Россіи, поклявшійся передъ Престоломъ Всевышняго въ томъ, что буду заботиться о благѣ моихъ подданныхъ. И только передъ нимъ и передъ своей совѣстью — я дамъ отвѣтъ. Я уже вчера вечеромъ ясно сознавалъ, что манифестъ объ отвѣтственномъ министерствѣ не поможетъ; господа, учинившіе смуту, безсильны съ ней справиться. Возстаніе можно подавить только твердыми мѣрами и примѣненіемъ силы. Все остальное — празднословіе и пустая болтовня. Если надо, чтобы я отошелъ въ сторону для блага Россіи, — я готовъ на это, но я опасаюсь, что народъ этого не пойметъ. Дважды, во время пути — меня привѣтствовали войска и толпы народа бѣжали за поѣздомъ. Этимъ простымъ сердечнымъ русскимъ людямъ я вѣрю безконечно больше, чѣмъ погрязшимъ въ политическія страсти господамъ изъ Думы. Мнѣ не простятъ старообрядцы, что я измѣнилъ своей клятвѣ, данной въ день священнаго коронованія. Меня обвинятъ казаки, что я бросилъ фронтъ...

Государь говорилъ еще нѣкоторое время; потомъ началъ задавать различные вопросы, для уясненія обстановки. Онъ много курилъ и часто поглаживалъ усы. Только эти дѣйствія, можетъ быть, свидѣтельствовали о нѣкоторой нервности, которую онъ испытывалъ. Постепенно успокоился и Рузскій: почувствовалъ, что ничто ему не угрожаетъ. Оспаривая Царя, высказалъ мнѣніе,

что мысль объ усмиреніи бунта силой была непопулярная и неудачная. "Нельзя усмирять возстаніе, разъ во главѣ его стоитъ Государственная Дума. Вы, Государь, не учитываете, что у насъ существуетъ парламентскій строй. Я еще не теряю надежды, что манифестъ все успокоитъ"...

Въ этотъ моментъ Рузскому передали телеграмму Алексѣева. Взглянувъ на нее, онъ задрожалъ, еще больше поблѣднѣлъ, какъ будто заглянулъ въ пропасть и упавшимъ голосомъ вслухъ прочелъ ея содержаніе.

— Что же Вы думайте, Николай Владимировичъ? спросилъ Государь.

— Вопросъ такъ важенъ и такъ ужасенъ, что я прошу разрѣшенія Вашего Величества обдумать эту депешу раньше, чѣмъ отвѣчать. Депеша циркулярная. Посмотримъ, что скажутъ главнокомандующіе остальныхъ фронтовъ. Тогда выяснится вся обстановка.

Государь всталъ. Внимательно посмотрѣлъ на Рузскаго. Въ его взглядѣ была скорбь и грусть безысходная. Тихо сказалъ: — Да и мнѣ надо подумать...

«И сказалъ Пилатъ Іудеямъ: «Се Царь вашъ». Но они закричали: «Возьми, возьми, распни Его». — «Царя ли вашего распну?» — «Нѣтъ у насъ иного царя, кромѣ кесаря»... (Іоанна 19, 14-15)

...«Какое же зло сдѣлалъ Онъ?» Но они еще сильнѣе закричали: «РАСПНИ ЕГО.» (Марка 15, 14)

Если бы въ эти окаянные дни русской исторіи новый Іеремія жилъ на землѣ, онъ разразился бы великимъ плачемъ и воплемъ. "Плачь Русская Земля слезами горькими и жгучими. Рыдай и бейся, потому что предала ты Царя благочестиваго. Вой, какъ раненый звѣрь, ибо ты дѣйствительно ранена смертельно и рана твоя будетъ кровоточить годы и годы. Ты сама обезчестила и прокляла себя; ты сама выставила на позоръ, на всеобщій показъ свой стыдъ. Ты сама обрекла себя на муки, на слезы, на кровь, на ярмо и иго"...

Послѣ завтрака Рузскій пришелъ къ Государю съ компаніей своихъ ближайшихъ помощниковъ — генераловъ Данилова и Саввича. Онъ сказалъ имъ: "Я вижу, Царь мнѣ не вѣритъ. Пойдемъ къ нему втроемъ, пускай онъ, помимо меня, выслушаетъ и васъ"... За два часа, что прошли послѣ разговора съ Царемъ, Рузскій снова воодушевился. Утреннихъ сомнѣній уже не было. Тревога, копошившаяся передъ тѣмъ и похожая на совѣсть, его больше не одолѣвала. Это было замѣтно и по его внѣшнему

виду. Маленькіе, желтовато-каріе, глаза смотрѣли бодро изъ подъ старомодныхъ золотыхъ очковъ. На лицѣ было выраженіе какой-то ужимки, чего-то похожаго на затаенное самодовольство. Разговоръ со Ставкой и телеграммы, полученныя изъ столицы, вернули ему спокойствіе. "Царь долженъ отречься, хочетъ онъ этого или не хочетъ". За отреченіемъ въ Псковъ выѣхали эмиссары Думы — Гучковъ и Шульгинъ. Надо опередить ихъ и вырвать отреченіе до ихъ пріѣзда.

Послѣдній актъ трагедіи начался въ 2 часа дня и разыгрался въ салонъ-вагонѣ столовой императорскаго поѣзда за плотно закрытыми дверями. На одной сторонѣ былъ Царь, на другой — три "вѣрноподданныхъ" генерала. Сомнѣній не было — пришелъ часъ Голгофы. Это всѣ чувствовали и всѣ понимали. Царь былъ сильно блѣденъ, замѣтна была огромная физическая усталость, но онъ былъ царственно спокоенъ. Взглядъ его выражалъ внуренное страданіе, напряженное біеніе огромныхъ чувствъ, сдерживаемыхъ выдержкой и волей. Въ то же время этотъ взглядъ говорилъ съ нѣмымъ, но понятнымъ укоромъ: "вотъ пришли предающіе меня; я имъ вѣрилъ, но они мнѣ измѣнили"...

Государь принялъ генераловъ стоя: было состояніе напряженности и внутренняго холодка. Только нѣсколько позже онъ сѣлъ и предложилъ имъ сѣсть. Рузскій воспользовался предложеніемъ, — другіе продолжали стоять. Можетъ быть, проносились въ мозгу мысли, что они стоятъ "на вытяжку" въ послѣдній разъ передъ русскимъ Царемъ въ послѣднія минуты его царствованія. Саввичъ чувствовалъ себя не по себѣ. У него не хватило гражданскаго мужества отказаться отъ участія въ дѣлѣ, которое ему было чуждо, противно и не понятно. Онъ преодолѣвалъ сильное душевное волненіе.

Рузскій началъ докладъ съ чтенія телеграммъ. Это были козырные тузы въ большой психологической игрѣ. Имъ владѣла основная мысль: побольше произвести впечатлѣніе, чтобы достигнуть поставленной цѣли. Свѣдѣнія были дѣйствительно убійственныя. Рузскій сообщилъ, что Собственный Его Величества конвой перешелъ на сторону Думы; что Великій Князь Кириллъ Владимировичъ во главѣ съ Гвардейскимъ Экипажемъ прибылъ въ Думу и заявилъ о своей покорности; что главнокомандующій Московскимъ военнымъ округомъ генералъ Мрозовскій подчинился Временному Правительству; что гарнизонъ Царскаго Села возсталъ и вся царская семья находится въ рукахъ мятежныхъ войскъ.

Ваше Величество, Вы видите, какъ грозно и страшно несутся событія, каждый мигъ приближая насъ къ катастрофѣ. Для спасенія гибнущей Россіи, для спасенія династіи и Вашей любимой семьи есть только одинъ выходъ, — это Ваше отреченіе отъ пре-

стола въ пользу Вашего августѣйшаго сына Наслѣдника - Цесаревича.

— Я не знаю, — хочетъ ли этого вся Россія..., замѣтилъ Государь.

— Ваше Величество, заниматься сейчасъ анкетой обстановка не представляетъ возможности. Событія несутся съ такой быстротой и такъ ухудшаютъ положеніе, что всякое промедленіе грозитъ непоправимыми бѣдствіями...

Раздавшійся стукъ въ дверь остановилъ на моментъ разговоръ. Рузскому передали телеграмму Алексѣева и отвѣты главнокомандующихъ. Онъ началъ ихъ читать Царю. Всѣ оставили, всѣ отреклись, предали, всѣ умоляли объ искупительной жертвѣ. "Колѣнопреклоненно" просилъ Великій Князь Николай Николаевичъ: "осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, передайте Ваше наслѣдіе"... Сухо и коротко отвѣтилъ Брусиловъ: "... единственный исходъ, могущій спасти положеніе и дать возможность дальше бороться съ внѣшнимъ врагомъ, безъ чего Россія пропадетъ, — отказаться отъ престола въ пользу Наслѣдника Цесаревича"... Бородатый Эвертъ, человѣкъ безъ собственнаго мнѣнія, давшій отвѣтъ лишь послѣ того, какъ ему сообщили отвѣты Брусилова и Рузскаго, — написалъ совершенную неправду: "Ваше Величество, на армію въ настоящемъ ее составѣ при подавленіи внутреннихъ безпорядковъ расчитывать нельзя"... "вѣрноподданный умоляетъ Ваше Величество, во имя спасенія родины и династіи, принять рѣшеніе, согласованное съ заявленіемъ предсѣдателя Государственной Думы". Только одинъ Сахаровъ — главнокомандующій румынскимъ фронтомъ — дерзнулъ дать оцѣнку событіямъ и назвалъ предложеніе Родзянки "гнуснымъ": "... Я увѣренъ, что не русскій народъ задумалъ это злодѣйство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственной Думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведенія своихъ преступныхъ цѣлей. Я увѣренъ, что арміи фронта непоколебимо стали бы за своего державнаго вождя, если бы не были призваны къ защитѣ родины отъ внѣшняго врага и если бы не были въ рукахъ тѣхъ же государственныхъ преступниковъ источники жизни арміи"... Закончилъ тѣмъ же, что и другіе. "Переходя къ логикѣ разума и учтя создавшуюся безвыходность положенія, я, непоколебимо вѣрный подданный, рыдая, вынужденъ сказать"...

Телеграммы прочитаны. Настала жуткая, мертвая тишина. Государь сидѣлъ, опустивъ голову. Рузскій и генералы смотрѣли на него во всѣ глаза. Саввича душили спазмы, онъ задыхался, чувствовалъ — вотъ вотъ упадетъ, или разрыдается, какъ ребенокъ, отъ жалости къ затравленному, любимому человѣку. Государь курилъ папиросу за папиросой. О чемъ онъ думалъ и что чувствовалъ въ эти страшныя минуты, когда отъ него требовали во имя горячо любимой родины, ея цѣлости и независимости и

во имя побѣды, — отреченія? Объ этомъ онъ разсказалъ только матери и женѣ.

Рузскій по русской пословицѣ: "Куй желѣзо пока горячо" — опять приступилъ къ Царю. Не надо давать ему много задумываться; надо было использовать минуту душевной подавленности: надо было ловить моментъ. На этотъ разъ онъ выдвинулъ своихъ помощниковъ.

— Государь, я Васъ прошу выслушать мнѣнія, пришедшихъ со мной генераловъ. Они оба въ высшей степени самостоятельные и при томъ прямые люди.

Но Государь молчалъ. Можетъ быть, не слышалъ; можетъ быть, слова пронеслись какъ чей-то голосъ, гдѣ-то въ туманѣ, не дойдя до сознанія. Рузскій повторилъ просьбу снова еще разъ и наконецъ, въ третій разъ. Государь очнулся. Онъ повернулъ голову къ генераламъ, посмотрѣлъ на ихъ лица и сказалъ: "Хорошо, но только я прошу откровеннаго мнѣнія"... Генералы замѣтили, что Государь отлично владѣлъ собой. Это ихъ восхитило и позволило свободнѣе говорить.

— Ваше Величество, я надѣюсь, что въ моихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ къ Вамъ, Вы не можете сомнѣваться. Но выше всего, — долгъ передъ Родиной и желаніе спасти Отечество отъ позора и отъ принятія унизительныхъ предложеній ужаснаго врага, желающаго насъ покорить. Для спасенія Родины и спасенія династіи я не вижу другого выхода, кромѣ принятія предложенія Государственной Думы.

— А вы такого же мнѣнія, обратился Государь къ Саввичу.

Саввичъ заволновался, приступъ рыданій сдавилъ его горло, на глазахъ показались слезы, побѣлѣвшія губы судорожно дрожали; онъ безуспѣшно дѣлалъ усилія выговорить слово; наконецъ, онъ осилилъ волненіе и сказалъ:

— Ваше Величество, Вы меня не знаете, но Вы слышали обо мнѣ отзывы отъ человѣка, которому Вы вѣрили...

— Кто это?

— Я говорю о генералѣ Дедюлинѣ.

— О, да.

Саввичъ опять почувствовалъ подступившія къ горлу рыданія, еще моментъ и онъ будетъ не въ силахъ говорить, или скажетъ совсѣмъ не то, что отъ него ожидаетъ Рузскій. Задыхаясь, глотая слова, онъ произнесъ поспѣшно: "Я человѣкъ прямой и поэтому я вполнѣ присоединяюсь къ тому, что сказалъ генералъ Даниловъ".

Настало томительное общее молчаніе. Оно продолжалось нѣсколько минутъ, но могло показаться, что оно продолжалось вѣчность. Наконецъ, Государь всталъ. Лѣвая рука его прижимала сильно бьющееся сердце. Какъ будто облако траурной печали покрыло лицо. Взглядъ былъ полонъ скорби, тоски, покорности

передъ волей Провидѣнія. Спокойствіе, однако, не оставило его. И въ скромности — онъ былъ царственно величавъ. Его можно было бы сравнить съ раненымъ смертельно орломъ; подлымъ трусомъ русскій Царь не оказался. Онъ боролся за Россію изъ всѣхъ силъ, пока не былъ всѣми покинутъ и остался одинокъ. Въ этомъ онъ усмотрѣлъ Высшую волю, управляющую и царями и подданными, и подчинился ей.

— "Я рѣшился! Я отказываюсь отъ престола". Онъ перекрестился. Перекрестились и генералы. — Да будетъ воля Господня надъ всѣми и надъ моей несчастной родиной"... Обратясь къ Рузскому сказалъ: "Благодарю Васъ за доблестную и вѣрную службу". И поцѣловалъ человѣка, его предавшаго. Затѣмъ сѣлъ, взялъ телеграфные бланки и собственноручно написалъ двѣ телеграммы:

"Предсѣдателю Государственной Думы Родзянко. Нѣтъ той жертвы, которой я не принесъ бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія родимой матушки Россіи. Посему, я готовъ отречься отъ престола въ пользу моего сына, съ тѣмъ, чтобы онъ оставался при мнѣ до совершеннолѣтія, при регенствѣ брата моего Михаила Александровича. НИКОЛАЙ".

"Наштаверх. Ставка. Во имя блага, спокойствія и спасенія горячо любимой Россіи, я готовъ отречься отъ престола въ пользу моего сына. Прошу всѣхъ служить ему вѣрно и нелицемѣрно. НИКОЛАЙ".

Было три часа дня. "Сердце, сердце, что ты плачешь?" ...Двадцать два года четыре мѣсяца и десять дней тому назадъ, в 3 часа дня скончался императоръ Александръ III и въ тотъ же мигъ — «Le roi est mort, vive le Roi» — на престолъ Россійскій взошелъ императоръ Николай II. Можетъ быть случайно произошло совпаденіе, а можетъ быть, нѣкто или нѣчто невѣдомое людямъ, таинственное и надмірное, капризно соединило во времени, минута въ минуту, начало и конецъ. Государь обсуждалъ страшный вопросъ объ отреченіи еще ночью, когда молился до холоднаго пота. Онъ зналъ, что враги не успокоются, пока не добьются его паденія. В христіанскомъ смиреніи, отвергая личную волю, готовый принести искупительную жертву, если то будетъ угодно Богу, любя, тоскуя и смертельно томясь духомъ, онъ взывалъ къ Богу: "просвѣти мои очи и укажи мнѣ путь, по которому я долженъ итти"...

Триста лѣтъ назадъ, въ хмурый, непогожій день, въ разоренную, нищую Москву, привезли въ простомъ возкѣ юношу почти мальчика, Михаила Феодоровича Романова и сказали ему: "Царствуй надъ нами; мы упились довольно смутой; мы жаждемъ покоя и порядка; подними насъ изъ бездны паденія и освободи гибнущую русскую Землю отъ чужеземцевъ, воровъ и разбойниковъ.

"Славься, славься, Святая Русь.
Нынѣ восходитъ на русскій тронъ
Нашъ русскій законный Бѣлый-Царь.
Гряди къ намъ во славѣ,
Нашъ царь православный, нашъ Царь-Государь.

Славься, славься, ликуй Москва.
Блескомъ одѣнься, престольный градъ.
Къ тебѣ свѣтоносцемъ твой царь грядетъ...

Славься, славься, нашъ русскій Царь,
Господомъ данный намъ Царь-Государь...
Да будетъ безсмертенъ твой царскій родъ
Да имъ благоденствуетъ русскій народъ...

(Жуковскій)

Минули столѣтія. Московія превратилась въ величайшую земную имперію. Ее озаряли зарницы могущества и славы; ее охранялъ законъ; въ ней процвѣтали науки и искусства; она шла гигантскими шагами къ матеріальному благополучію; ее страшились враги; ея погибели добивались многіе. Надо было свалить того, кто былъ живымъ вдохновеніемъ государства, кто являлся ея творческимъ началомъ, кто связывалъ ея народы вмѣстѣ во имя общаго блага и братства, кто былъ подлинно благочестивѣйшимъ царемъ. Враги внѣшніе и внутренніе объединили усилія; они добились того, къ чему страстно и напряженно стремились, не брезгуя никакими средствами... "Р а с п н и, р а с п н и Е г о" . . .

*
* *

Пятясь задомъ, генералы вышли отъ Царя. За дверями вздохнули облегченно. Саввичъ чувствовалъ непріятное сосаніе подъ ложечкой, легкое дрожаніе рукъ и нервный холодъ. Ему было не по себѣ; онъ еще не былъ въ состояніи осмыслить происшедшаго и опредѣлить степень своей отвѣтственности, но чувство, опережая разумъ, рѣшительно и властно бросило ему обвиненіе. Даниловъ былъ сухъ, невозмутимо спокоенъ и какъ-то холодно безучастенъ; къ сантиментальнымъ чувствамъ у него не было расположенія. Выраженіе на лицѣ у Рузскаго мѣнялось нѣсколько разъ. Когда онъ выходилъ отъ Царя, на немъ было написано что-то похожее на удивленіе. Какой-то внутреній душевный процессъ, или непроизвольныя чувствованія, отражались во взглядѣ. Какъ будто человѣкъ удивился тому, какъ просто произошло ве-

личайшее событіе въ жизни Россіи. Потомъ появилось другое выраженіе: въ полуприкрытыхъ глазахъ то вспыхивало, то гасло чувство самодовольствія. Можетъ быть, думалъ: "я осуществилъ то, къ чему стремились и чего добивались многіе на протяженіи столѣтія"... Наконецъ, третье выраженіе вспыхнуло, когда онъ увидѣлъ Воейкова. Голова откинулась слегка назадъ, онъ посмотрѣлъ на дворцоваго коменданта надменно, высокомѣрно и съ откровеннымъ презрѣніемъ.

— Въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Петроградѣ? Какія рѣшенія вами приняты съ Его Величествомъ для ликвидаціи бунта? спросилъ Воейковъ, и въ голосѣ его какъ будто что-то дрогнуло.

Рузскій усмѣхнулся; насмѣшливо посмотрѣлъ въ лицо Воейкову; потомъ взглядъ его скользнулъ дальше, уставился на какую-то деталь царскаго поѣзда и, наконецъ, покончивъ съ осмотромъ заинтересовавшей его вещи, онъ сказалъ небрежно.

—" Я думаю, Ваше Превосходительство, вотъ что: для усмиренія мятежниковъ и для ликвидаціи бунта слѣдовало бы давно примѣнить болѣе основательное и испытанное средство, чѣмъ тѣ, которыя примѣнялись до сихъ поръ. Вы помните, какъ превосходно и эфективно дѣйствовала ваша "кувака" для разгона конной полиціи. Вотъ ее бы сейчасъ слѣдовало доставить въ столицу въ должномъ количествѣ. Все сразу кончилось бы. И вамъ польза, и всѣмъ весело и бунту крышка...

Воейковъ сначала побагровѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ, сжалъ кулаки, но удержался отъ страсти произвести физическую расправу и прошептавъ какое-то короткое слово, что было замѣтно по движенію его губъ, круто повернулся и вышелъ.

Въ длинныхъ синихъ вагонахъ съ золотыми императорскими гербами, стоявшихъ вдоль перрона и возбуждавшихъ у толпы, издали наблюдавшей, сложное чувство почтительнаго, восторженнаго страха и болѣзненнаго любопытства, — шли событія огромнаго напряженія. Ихъ окружала глубокая тайна. Разговоры Государя и Рузскаго оставались тайной и для лицъ царской свиты. На сценѣ ихъ не было. Трагедія разыгрывалась безъ ихъ участія. Но сами они томились и, по словамъ Дубенскаго, "переживали эти часы напряженно, въ глубокой грусти и волненіи". Каждый изъ нихъ поступалъ въ соотвѣтствіи со своимъ темпераментомъ.

Старый Фредериксъ былъ ближе всѣхъ къ Царю; онъ коечто зналъ изъ происходящаго. Онъ былъ потрясенъ личнымъ горемъ: толпа сожгла его домъ и старую больную графиню не то арестовали, не то куда-то выгнали. Но не даромъ онъ служилъ вѣрой и правдой тремъ императорамъ. Въ эти часы онъ страдалъ только за Царя. Онъ долгіе часы ходилъ по коридору вагона, не имѣя силъ отъ волненія сидѣть. Удивительное, не забываемое

впечатлѣніе поизводилъ этотъ бѣлый, какъ лунь, старикъ, тщательно одѣтый въ мундиръ съ орденами на груди и съ портретами трехъ императоровъ.

Воейковъ бодрился, но всѣмъ бросалось въ глаза, что онъ подавленъ и не можетъ этого скрыть. Оскорбленія и насмѣшки, которыя бросалъ въ его адресъ хилый и тщедушный Рузскій, приводили его въ безсильное бѣшенство.

Опустивъ голову, понуро ходилъ взадъ и впередъ князь Василій Долгорукій. На попытки заговорить съ нимъ и обмѣняться мнѣніями, онъ заявлялъ всѣмъ, слегка картавя и грассируя слова: "Нужно ли заниматься ненужными разговорами. Развѣ могутъ имѣть значеніе наши мнѣнія и сужденія? Главное для всѣхъ насъ одно: каждый долженъ исполнить свой долгъ передъ Государемъ до конца. Не нужно преслѣдовать своихъ личныхъ интересовъ, а беречь только интересы Его Величества"...

Кириллъ Нарышкинъ держался въ сторонѣ, уединенно, былъ задумчивъ, почти не участвовалъ въ разговорахъ и чаще всего молчалъ. Другимъ одиночество было не стерпимо. Они сходились вмѣстѣ, страстно и горячо обсуждали событія, судили и рядили о мѣрахъ, которыя слѣдовало бы принять и осуждали то прямо, то намеками Алексѣева и Рузскаго. Это были разговоры для души; практическаго значенія они не могли имѣть, такъ какъ никто ихъ не спрашивалъ и мнѣніемъ ихъ не интересовался.

Около трехъ часовъ дня многіе изъ свиты собрались въ купэ у профессора Федорова. Никто ничего толкомъ не зналъ; чего-то ждали; знали, что вмѣсто Родзянки въ Псковъ ѣдутъ Гучковъ и Шульгинъ; дѣлали вялые догадки о томъ, зачѣмъ они ѣдутъ; цѣплялись за соломинку и какъ дѣти, строили наивныя надежды, что кому-то удастся ихъ убѣдить, уговорить и свести все къ хорошему концу. Неожиданно въ купэ открылась дверь; вошелъ совсѣмъ побѣлѣвшій въ лицѣ Фредериксъ. Тихимъ, ровнымъ голосомъ, безъ всякой афектаціи, какъ всегда, онъ сказалъ единственную фразу, — больше ничего не могъ произнести: «Savez-vous, l'empereur a abdiqué»...

Всѣ мгновенно вскочили съ мѣстъ. Всѣ сразу заговарили обращая вопросы къ Фредериксу: "Какъ, когда, что такое, почему, не можетъ этого быть?..." Въ отвѣтъ старикъ недоуменно пожималъ плечами и разводилъ руками. У нѣкоторыхъ мелькнула догадка: Фредериксъ сказалъ навѣрное чепуху. Это или старческое слабоуміе, или явная путанница. Но графъ Фредериксъ находился въ своемъ умѣ, въ полномъ сознаніи и въ твердой памяти.

— Государь получилъ телеграммы отъ Главнокомандующихъ. Всѣ они умоляли его отречься. Государь сказалъ, что разъ войска этого хотятъ, онъ не хочетъ никому мѣшать...

Снова посыпались вопросы: "Какіе войска, что такое, не можетъ быть, вѣдь у насъ война?.. Отречься такъ внезапно, здѣсь

въ вагонѣ и передъ кѣмъ и отчего?... да вѣрно ли это, нѣтъ ли какого-либо недоразумѣнія графъ?..

Фредериксъ, сильно волнуясь, у него дрожали старческія руки, сказалъ въ отвѣтъ: — Государь уже подписалъ двѣ телеграммы: одну Родзянкѣ, другую Алексѣеву. Онъ сообщилъ о своемъ согласіи отречься въ пользу Наслѣдника при регентствѣ великаго князя Михаила Александровича. Главнокомандующимъ вмѣсто себя Государь назначилъ великаго князя Николая Николаевича.

— Эти телеграммы у васъ, графъ? Вы ихъ еще не отправили? поспѣшно спросили нѣсколько человѣкъ.

— Телеграммы взялъ у Государя Рузскій; онъ тутъ начальникъ, и навѣрное уже исполняетъ.

Фредериксъ заволновался еще сильнѣе; на лицѣ показалось страдальческое, плаксивое выраженіе, на глазахъ, давно поблеклыхъ навернулись слезы. Съ отчаяніемъ въ голосѣ, онъ сказалъ: — Никогда не ожидалъ, что доживу до такого ужаснаго конца. Вотъ что бываетъ, когда переживешь самого себя... Старикъ почувствовалъ, что силы оставляютъ его. Не желая показывать глубины своего душевнаго волненія и своихъ старческихъ слезъ, старый, вѣрный слуга режима, какъ уходящая блѣдная тѣнь, вышелъ прямой, эфектный, красивый поздней осенней красотой.

— Бѣдный старикъ, сказалъ Мордвиновъ, голосомъ, въ которомъ слышались слезы. — Онъ такъ нѣжно любилъ Государя, какъ сына. И вотъ, дожилъ, чтобы увидѣть безславный конецъ царствованію самого благочестивѣйшаго, православнѣйшаго изъ русскихъ царей...

Фредериксъ заперся въ своемъ отдѣленіи. Всѣ остальные продолжали стоять въ изумленіи, какъ въ нѣкоей нѣмой сценѣ, “отказываясь вѣрить въ неотвратимость всего нахлынувшаго”... Это былъ моментъ оцѣпенѣнія, когда всѣ, какъ будто, подошли къ краю пропасти и заглянули внизъ, въ пугающую, страшную бездну. Заглянули, замерли и слова прилипли къ устамъ.

— Ахъ, напрасно эти телеграммы Государь отдалъ Рузскому, прерывая молчаніе, сказалъ со вздохомъ Граббе. — Это, конечно, все произошло не безъ интригъ. Онъ-то ужъ ихъ, навѣрно, не задержитъ и поспѣшитъ отправить. А, можетъ быть, Шульгинъ и Гучковъ, которые скоро пріѣдутъ и сумѣютъ отговорить и иначе повернуть дѣло. Вѣдь мы не знаемъ, что имъ поручено и что дѣлается тамъ у нихъ. Пойдемте сейчасъ къ графу, чтобы онъ испросилъ у Государя разрѣшеніе потребовать эти телеграммы отъ Рузскаго и не посылать ихъ хотя бы до пріѣзда Шульгина”...

Слава Граббе показались для присутствующихъ лучемъ, ярко вспыхнувшей, надежды. Всѣ внезапно воспрянули духомъ. Разомъ, скопомъ двинулись къ Фредериксу.

— Я не только вырвалъ бы у Рузскаго телеграммы, я его немедленно арестовалъ бы, какъ государстсвсеннаго измѣнника, сказалъ Ниловъ, свирѣпо горя глазами. — Эта измѣна давно подготовлялась и въ Ставкѣ и въ Петроградѣ. Думать теперь, что разными уступками можно помочь дѣлу и спасти родину, по моему, безумiе. Давно идетъ ясная борьба за сверженiе Государя. Огромная масонская партiя захватила власть, и съ ней можно только открыто бороться, а не входить въ компромиссы"...

Фредерикса застали въ купэ; онъ сидѣлъ, опустивъ голову на руки и плакалъ. Старикъ охотно отозвался на просьбу и немедленно пошелъ къ Государю. Выйдя отъ него, сказалъ Нарышкину: "Пойдите къ Рузскому и отъ имени Государя потребуйте телеграммы назадъ". Другiе къ этому добавили: "Телеграммы непремѣнно отберите; ни на какiе доводы не соглашайтесь; если телеграммы начали передавать, — немедленно снимите с аппарата"...

Прошло въ томленiи полчаса. Нарышкинъ вернулся съ пустыми руками. Рузскiй отказался вернуть телеграммы; онъ обѣщалъ ихъ не посылать и заявилъ, что о послѣдующемъ, онъ поговоритъ съ Государемъ лично. Итакъ, погасла, какъ фейрверкъ, вспыхнувшая надежда . "Въ желанiи Рузскаго настоять на отреченiи и не выпускать этого дѣла изъ своихъ рукъ ни у кого больше не было уже сомнѣнiй"...

А надъ Псковомъ блистало яркое солнце и въ лучахъ его на Дѣтинцѣ играли золотомъ и бѣлизной древнiе соборы и храмы, — свидѣтели промчавшейся невозвратной жизни. На базарахъ шла бойкая торговля, были открыты всѣ магазины, спокойно двигались по улицамъ люди, проѣзжали повозки, извозчики, автомобили. Рѣшалась судьба Россiи, но здѣсь, въ древнемъ городѣ, было спокойно и никто ничего не зналъ. Въ этомъ рѣзкомъ контрастѣ было что-то нестерпимо жуткое и страшное...

II.

Гучковъ и Василiй Шульгинъ выѣхали изъ Петрограда въ 3 часа дня. О поѣздкѣ ихъ знали только члены Думскаго Комитета, озабоченные больше всего тѣмъ, чтобы выпавшая власть не попала въ другiе руки и осталась за ними.

"Надо дѣйствовать тайно и быстро, никого не спрашивая и ни съ кѣмъ не совѣтуясь"... горячо и рѣзко, какъ подлинный заговорщикъ, говорилъ въ Думскомъ Комитетѣ Гучковъ. — "Если мы сдѣлаемъ по соглашенiю съ "ними", то это непремѣнно будетъ менѣе выгодно для насъ. Надо поставить ихъ передъ совершившимся фактомъ"...

Гучковъ билъ и направо и налѣво. Направо онъ видѣлъ общественные круги, для которыхъ мысль объ отреченiи Царя

была бы чудовищной и вызвала бы бурю негодованія. Налѣво — былъ самочинный совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, "бунтующія толпы черни, революціонный сбродъ и всякая шпана", которымъ мѣсто въ Сибири, а не въ управленіи государствомъ.

Поѣздка въ Псковъ была вырвана Гучковымъ. Ей предшествовало бурное, напряженное, ночное засѣданіе Думскаго Комитета. Яростный, негодующій Гучковъ, въ котораго вселился духъ бѣсноватый, сурово и презрительно говорилъ своимъ, перепуганнымъ на смерть, коллегамъ:

— Кто желаетъ играть по маленькой, — тому не мѣсто въ революціи. Трусливаго и робкаго не сдѣлаешь героемъ; дряблый, малодушный и безхарактерный, — пусть лучше сидитъ съ женой за кофейкомъ. Не каждому дано рубить сплеча... Одинъ ставитъ въ игру пятачокъ, другой рубль... Я хочу поставить все. Если мою шею украситъ пеньковое ожерелье, я буду знать, за что повѣшенъ. Но если повѣсятъ меня, и вамъ не миновать той же участи... Васъ еще страшитъ мысль объ отреченіи, хотя вы и говорите, что она созрѣла въ умахъ и сердцахъ. Поворота не можетъ быть. Теперь возможно только единственное: вырвать отреченіе и взять власть въ свои руки. Къ вопросу объ отреченіи царя я сталъ близокъ не сегодня, какъ многіе изъ васъ. Я подготовлялъ почву для устраненія Николая II любой цѣной, любыми способами, задолго до этихъ дней. Свойства характера Царя не давали возможности ввести его въ политическую комбинацію. Сейчасъ, когда царскіе министры сидятъ въ Петропавловкѣ, — устраненіе Царя является срочнымъ и необходимымъ. Колебанія въ этомъ вопросѣ приведутъ къ гражданской войнѣ, а это будетъ ужасно для Россіи и для васъ лично, господа! Если вы не дадите мнѣ полномочій, — я готовъ сдѣлать это за свой личный страхъ и рискъ. Я поѣду, какъ политическій дѣятель, какъ русскій человѣкъ и я добьюсь отреченія, или не вернусь вовсе... Положеніе ухудшается съ каждой минутой. Идучи сюда, я видѣлъ много офицеровъ въ разныхъ комнатахъ Государственной Думы. Они спрятались сюда, потому что боятся за свою жизнь; они умоляютъ спасти ихъ... Надо рѣшиться на что-то большее, что дало бы шокъ и вывело изъ этого ужаснаго положенія съ наименьшими потерями. Императоръ Николай не можетъ больше царствовать. Высочайшее повеленіе отъ его лица, — уже не повеленіе: его не исполняютъ... Мы не можемъ спокойно и безучастно дожидаться той минуты, когда мятежный сбродъ и вся эта сволочь расправится и съ монархіей и съ нами. А между тѣмъ, это неизбѣжно будетъ, если мы выпустимъ иниціативу изъ нашихъ рукъ. Надо дать Россіи новаго царя. Безъ монарха Россія не можетъ жить...

Гучковъ, какъ и Родзянко, какъ и Милюковъ и сотни другихъ

россійскихъ "прогрессистовъ", очень легко и охотно вину за происходящія событія возлагалъ исключительно на Царя, Царицу, "темныя силы" и на неспособное и бездарное Правительство. Себя онъ ни въ чемъ не обвинялъ, считалъ невиннымъ голубемъ, безупречнымъ борцомъ за общественные идеалы и о своей патріотической дѣятельности былъ самаго высокаго мнѣнія.

"На Государѣ и Государынѣ и на тѣхъ, кто неразрывно былъ связанъ съ ними, — на этихъ головахъ накопилось такъ много вины передъ Россіей... Для меня давно уже стало ясно: Царь долженъ покинуть престолъ"...

Гучков искусно плелъ паутину. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ ловкій интриганъ, профессоръ по части уловленія душъ. Онъ зналъ человѣческія свойства, слабости, недостатки, зналъ кого на чемъ поймать и какъ на кого воздѣйствовать. "Гучковъ — это такая умная скотина, которая начиняетъ Алексѣева всякими мерзостями", писала умная Государыня. — "Онъ добивается анархіи; онъ противъ нашей династіи. Омерзительно видѣть его игру, рѣчи и подпольную работу"... И она дѣлала резонное заключеніе: "Гучкову мѣсто на высокомъ деревѣ"...

Было около десяти часовъ вечера. Надъ Псковомъ стояла тихая, ровная, звѣздная ночь. На опустѣвшей платформѣ взадъ и впередъ одиноко ходилъ высокій Мордвиновъ въ длинной шинели. Онъ ждалъ прибытія спеціальнаго поѣзда изъ Петрограда. Свитскіе рѣшили не допустить разговора Рузскаго съ Гучковымъ. Рузскаго они опредѣленно считали измѣнникомъ и ждали отъ него только "пакостей". Мордвинову было поручено встрѣтить депутатовъ и тотчасъ же провести ихъ къ Государю. Поѣздъ запоздалъ; волненіе у всѣхъ возростало с минуты на минуту.

— Что ты тамъ копаешься; торопись, а то Рузскій перехватитъ, — нервно и нетерпѣливо закричали сразу нѣсколько человѣкъ на замѣшкавшагося Мордвинова.

Вотъ вдали, въ ночной тьмѣ, блеснули, какъ налитые кровью глаза чудовища, огни локомотива. Поѣздъ шелъ быстро, шумъ его приближался и усиливался, прогромыхалъ на стрѣлкахъ и черезъ минуту остановился. Мордвиновъ вскочилъ на заднюю площадку класснаго вагона (ихъ было всего два), открылъ дверь и очутился въ обширномъ темномъ купэ, слабо освѣщенномъ лишь мерцавшимъ огаркомъ свѣчи.

"Я съ трудомъ разсмотрѣлъ въ темнотѣ двѣ, стоявшихъ у дальней стѣны, фигуры, догадываясь, кто изъ нихъ долженъ быть Гучковъ, кто Шульгинъ", — разсказывалъ потомъ Мордвиновъ объ этой необычайной встрѣчѣ. — "Я не зналъ ни того, ни другого, но почему-то рѣшилъ, что тотъ, кто помоложе и постройнѣе, долженъ быть Шульгинъ, и обращаясь къ нему, сказалъ: "Его Величество васъ ожидаетъ и изволитъ тотчасъ же принять". Они были видимо очень подавлены, волновались, руки

ихъ дрожали, когда они здоровались со мною, и оба имѣли не столько усталый, сколько растерянный видъ. Они были очень смущены"...

Мордвиновъ почти не ошибся въ оцѣнкѣ того, что глаза его увидѣли въ эти жуткія минуты русской исторіи. Депутаты выѣхали изъ Петрограда героями. "Ура" имъ, правда, никто не кричалъ, (уѣзжали тайкомъ), никто не произнесъ на Варшавскомъ вокзалѣ зажигательной рѣчи и не обнялъ, цѣлуя, но въ сердцѣ было такое состояніе, будто кто-то игралъ побѣдный маршъ. Они чувствовали примѣрно такія же чувства, какъ человѣкъ, который съ затуманенной головой, не очень хорошо сознавая, что дѣлаетъ, бросается впередъ во имя чего-то большого, важнаго, что въ неизмѣримой степени превосходитъ обыкновенныя дѣла людей. Но столица скрылась за далями, потянулась спокойная русская провинція, Псковщина, и стало казаться, что этотъ петербургскій бунтъ есть что-то неживое, какъ страшный сонъ, химера; что-то ничтожное, вздорное и маленькое на маленькомъ окраинномъ пятачкѣ русской земли. И потускнѣли и отступили ликующія чувства, поѣздка стала казаться дикой, безсмысленной и засосали на сердцѣ черныя тревожныя мысли.

Шульгинъ, который по злорѣчивому замѣчанію лѣвыхъ зубоскаловъ, "въ присутствіи Царя впадалъ въ блаженное состояніе собаченки, которой щекощутъ за ухомъ", очень скоро почувствовалъ "душевную пустоту", "сердечное раскаяніе" и мрачную неудовлетворенность. Въ головѣ кружилась мысль: зачѣмъ онъ ѣдетъ? зачѣмъ онъ, "искренній монархистъ по крови", любящій мягкаго, добраго Царя, сопровождаетъ этого, душевно чуждаго человѣка, адъютанствуетъ при немъ и соучаствуетъ въ преступномъ замыслѣ? Вспоминая послѣ, онъ пытался отвѣтить на эти вопросы. "Я отлично понималъ почему я ѣду. Я чувствовалъ, что отреченіе случится неизбѣжно и чувствовалъ, что невозможно поставить Государя лицомъ къ лицу съ Чхеидзе"... Говоря о своемъ состояніи въ моментъ пріѣзда, Шульгинъ сознался: "Я дошелъ до того предѣла утомленія и нервнаго напряженія, когда уже ничто, кажется, не могло не удивить, ни показаться невозможнымъ. Мнѣ было только все-таки немного неловко, что я явился къ Царю въ пиджакѣ, грязный, немытый, четыре дня не бритый, съ лицомъ каторжника, выпущеннаго изъ только что сожженныхъ тюремъ"...

Мордвиновъ испытывалъ страстное желаніе узнать, что происходитъ въ столицѣ и зачѣмъ пріѣхали депутаты?, но въ то же время чувствовалъ, что надо держаться независимой позиціи и не дать понять этимъ господамъ, что петербургскія событія очень интересуютъ царскаго флигель-адъютанта. Онъ выдержалъ минуту, когда шли по путямъ, а затѣмъ все-таки спросилъ: — Что дѣлается въ Петроградѣ?

Гучковъ шелъ, опустивъ голову; вѣроятно, онъ собиралъ въ комокъ и свои чувства и свою волю. Много въ его жизни было событій авантюрныхъ, полныхъ опасностей и риска; но то, на что онъ шелъ сейчасъ, было нѣчто исключительное. Онъ не проронилъ ни одного слова. Къ тому же, онъ не очень долюбливалъ "приспѣшниковъ" Царя. "Я не люблю этихъ трехсотлѣтнихъ раболѣпствующихъ холоповъ". На вопросъ Мордвинова охотно и быстро отвѣтилъ взволнованный Шульгинъ.

— Въ Петроградѣ творится что-то невообразимое. Мы находимся всецѣло въ ихъ рукахъ и насъ навѣрное арестуютъ, когда мы вернемся"...

Въ этихъ словахъ заключался жалкій лепетъ человѣка, который, какъ школьникъ, счелъ нужнымъ отгородиться отъ мятежниковъ. (Мы тутъ не причемъ, бунтуютъ "они"). Можетъ быть ему было стыдно быть сопричисленнымъ къ бунтующей шпанѣ (другая была атмосфера); а можетъ быть искалъ сочувствія, хотѣлъ кулакомъ утереть слезы, чтобы хоть отчасти застраховаться на всякій случай. Но жалости въ сердцѣ Мордвинова онъ не вызвалъ.

"Мною овладѣло чувство презрѣнія и негодованія. Я хотѣлъ зло и ядовито сказать этимъ господамъ, прибывшимъ для какихъ-то переговоровъ съ Государемъ: "Хороши же вы, народные избранники, облеченные всеобщимъ довѣріемъ. Не прошло и двухъ дней, какъ вамъ приходится уже дрожать передъ этимъ народомъ. Хорошъ и самъ народъ такъ относящійся къ своимъ избраникамъ"... Но этихъ словъ Мордвиновъ не сказалъ; онъ задалъ новый вопросъ.

— Что же вы теперь думаете дѣлать? съ какимъ порученіемъ пріѣхали? на что вы надѣетесь?

Каждый вопросъ былъ точенъ и опредѣлененъ. Но ни на одинъ изъ нихъ Шульгинъ не могъ дать отвѣта безъ затрудненія. Онъ хорошо зналъ, — зачѣмъ они пріѣхали, но сказать объ этомъ въ присутствіи мрачно молчавшаго Гучкова побоялся, не посмѣлъ, не хватило гражданскаго мужества. Да и стыдно было сознаться, что пріѣхали они съ весьма непочтенной цѣлью. Вопросы настойчиваго полковника смущали Шульгина. Не извѣстно вѣдь, — зачѣмъ онъ спрашиваетъ... Растерявшійся, подавленный собственнымъ безсиліемъ и безпомощностью, онъ какъ-то тоскливо, испуганно пролепеталъ снова, понизивъ голосъ до шопота, точно говорилъ по секрету: "Знаете, мы надѣемся только на то, что, быть можетъ, Государь намъ поможетъ"...

Мордвиновъ такъ и не узналъ смысла загадочныхъ словъ. Онъ торопился поскорѣе провести депутатовъ, чтобы не допустить случайной встрѣчи съ Рузскимъ. Онъ дѣйствовалъ такъ, руководясь самыми лучшими побужденіями. Онъ радовался тому, что адъютантъ Рузскаго прозѣвалъ пріѣздъ. Стремясь уцѣпиться

за что-нибудь, въ наивномъ невѣдѣнiи, ища опоры тамъ, гдѣ была гибель, Мордвиновъ не замѣтилъ, какъ въ трагическiя обстоятельства совершающагося ворвалось нѣчто оскорбительное, недостойное и траги-комическое.

Опоздавшiй Рузскiй былъ раздраженъ и взбѣшенъ. Его маленькiе глазки сверкали злобой, какъ у разъяреннаго хорька. Нервно, рѣзко, по начальнически, онъ кричалъ кому-то въ пространство, ясно предназначая свое неудовольствiе въ адресъ свигскихъ, потому что никого кромѣ нихъ въ коридорѣ не было: "Всегда будетъ путанница, когда не исполняютъ приказанiй. Вѣдь было ясно сказано направить депутацiю раньше ко мнѣ. Отчего этого не сдѣлали; вѣчно не слушаются"... Мордвиновъ хотѣлъ было его спросить: зачѣмъ онъ пришелъ и предупредить, что Государь занятъ прiемомъ, но Рузскiй торопливо скинулъ пальто, открылъ дверь и рѣшительно вошелъ въ салонъ.

*

* *

Въ католическихъ храмахъ во время богослуженiя иногда звенятъ серебряные колокольчики: "Д з и н ь, д з и н ь" раздается вдругъ мягкiй, нѣжный, дрожащiй звонъ. Сидящiе встаютъ, — знаютъ, что въ эти мгновенiя входитъ Царь Славы; знаютъ, что совершается страшное: люди судятъ и посылаютъ на распятiе Богочеловѣка. Надо просыпить спящихъ; надо, чтобы люди, ходящiе во тьмѣ и сѣни смертной, встрепенулись передъ бездной грѣховной и увидѣли мерцающiй на Голгофѣ свѣтъ креста. И потому звенитъ иногда подъ сводами храма серебряный колокольчикъ.

Въ эту ночь русская интеллигенцiя, мнившая себя "солью земли" и почитавшая себя "разумомъ и совѣстью" народа, — получила высшее удовлетворенiе. Она одержала полную политическую побѣду. Устами Гучкова она объявила Царю обвинительный актъ, продиктовала условiя и произнесла судъ и приговоръ. Увы, въ эту роковую ночь надъ Русской Землей не гудѣли, какъ въ католическихъ храмахъ, тревожные колокола. Никто не разбудилъ спящихъ, никто не крикнулъ въ ночную мглу безпечному народу.: "проснись, встань, посмотри, что дѣлается, ужасъ какой, конецъ приближается"...

Гучковъ сидѣлъ рядомъ съ Государемъ и говорилъ, опустивъ глаза и голову, положивъ правую руку на столъ. Он ни разу не взглянулъ въ лицо Царя, что было весьма неприлично. Можетъ быть, скрывалъ смущенiе, которое могло шевельнуться и въ честовой душѣ человѣка при видѣ того, кого желалъ отправить на Голгофу. Упитанный, выхоленный, внѣшнѣ здоровый и крѣпкiй, въ добротномъ костюмѣ, онъ являлъ рѣзкую противополож-

ность Царю — блѣдному ,съ исхудавшимъ лицомъ, съ темными кругами подъ глазами, съ морщинами, покрывавшими лицо, какъ кружевная сѣтка.

Шульгинъ внимательно слѣдилъ за Гучковымъ; боялся, что онъ скажетъ что-нибудь рѣзкое, злое, безжалостное. Онъ также наблюдалъ за Государемъ, стараясь угадать, — какое впечатлѣніе производитъ на него рѣчь Гучкова. "Государь смотрѣлъ прямо передъ собой, спокойно и совершенно непроницаемо", записалъ Шульгинъ въ своихъ замѣткахъ. — "Единственно, что, мнѣ казалось, можно было угодать въ его лицѣ: "Эта длинная рѣчь — лишняя"... Гучковъ дѣйствительно говорилъ очень долго. Можетъ быть, сказалась отчасти привычка многихъ "политическихъ" господъ къ многословію. Онъ ни разу не употребилъ слова — бунтъ, мятежъ, возстаніе; у него все было приглажено, причесано, умыто. Вмѣсто опредѣленнаго понятія "бунтъ", у него фигурировало безликое, неопредѣленное, безхребтовое слово "движеніе". Бунтъ требовалъ отъ государства подавленія его вооруженной силой, а передъ движеніемъ, — извольте снять шапки. "Всякая борьба съ этимъ движеніемъ безнадежна"...

Гучковъ закончилъ свою рѣчь словами: "Видите, Вы ни на что расчитывать не можете. Остается Вамъ только одно, — исполнить тотъ совѣтъ, который мы Вамъ даемъ, а совѣтъ заключается въ томъ, что Вы должны отречься отъ престола"... "Я знаю, что то, что я Вамъ предлагаю, есть рѣшеніе громадной важности, и я не жду, чтобы Вы приняли его тотчасъ. Если Вы хотите, нѣсколько обдумать этотъ шагъ, я готовъ уйти изъ вагона, подождать, пока Вы придете къ этому рѣшенію, но, во всякомъ случаѣ, все это должно свершиться сегодня ночью. Я останусь часъ или полтора, и ко времени моего отъѣзда нужно, чтобы документъ былъ въ моихъ рукахъ"...

Гучковъ дѣйствовалъ какъ хулиганъ, который, поймавъ жертву въ темномъ углу, произносилъ многозначительно: "Кошелекъ, или въ морду"... Были только употреблены другія слова, но сущность оставалась той же самой. Хулиганъ политическій дѣствовалъ нахрапомъ, какъ дѣйствуютъ всѣ обыкновенные хулиганы. Въ его словахъ, кромѣ того, была иронія и насмѣшка надъ тѣмъ, кто еще почитался Самодержцемъ Всероссійскимъ. При этомъ, онъ былъ такъ "великодушенъ и милостивъ", что готовъ былъ подождать часокъ, полтора, — "пока Вы придете къ этому рѣшенію"; но тутъ же присовокупилъ внушительно: "ко времени моего отъѣзда нужно, чтобы документъ былъ въ моихъ рукахъ"...

Рузскій слушалъ рѣчь Гучкова въ раздраженномъ состояніи. Начиная съ отказа вернуть телеграммы, настроеніе у него упало. Ставка потерявъ терпѣніе, чуть не ежеминутно требовала къ аппарату генерала Данилова, передавала наростающія, провакаціон-

но-паническія сообщенія, (хотя въ этотъ день въ столицѣ было почти все спокойно), упрекала за медлительность и требовала рѣшительныхъ дѣйствій. Неудовольствіе Алексѣева особенно раздражало его. Они никогда не были въ пріятельскихъ отношеніяхъ, ни въ чемъ не соглашались, и тайно для себя, Рузскій соперничалъ съ Алексѣевымъ на высокой служебной лѣстницѣ. Продѣлка свитскихъ съ депутатами переполнила чашу его жолчи.

Когда-то Левъ Толстой, въ запрещенной брошюрѣ, писалъ: "Всегда власть находится въ рукахъ тѣхъ, кто повѣлѣваетъ войскомъ, и всегда всѣ властители озабочены болѣе всего войскомъ, заискиваютъ только въ войскѣ, зная, что если войско съ ними, то власть въ ихъ рукахъ"...

Увы, въ трагическіе дни Россіи, высшее командованіе Арміей покинуло своего державнаго Вождя. Самая маленькая поддержка вѣрноподданическій совѣтъ, преданное сочувствіе могли сыграть великую, рѣшающую роль и перевернуть ходъ событій. Даже въ послѣдній часъ, когда два штатскихъ господина прибыли требовать отреченія, еще не все было покончено. У смѣлыхъ — есть крылья; у вѣрныхъ — есть вѣра и вѣрность. Но крылья были безсильно опущены, а вѣрность не выдержала испытанія. Рузскій простодушно повѣрилъ "милостивымъ государямъ", дѣлавшимъ высокую политику. Онъ противоборствовалъ Царю, не понявъ своей роли въ исторіи.

Гучковъ желалъ показать Государю полную безнадежность положенія. Онъ сказалъ ему:

... "Всякія попытки со стороны фронта насильственнымъ путемъ подавить движеніе ни къ чему не приведутъ... Ни одна воинская часть не возьметъ на себя выполненіе этой задачи. Какъ бы ни казалась та или другая часть лояльна въ рукахъ своего начальника, какъ только она соприкоснется съ петроградскимъ гарнизономъ и подышитъ тѣмъ общимъ воздухомъ, которымъ дышитъ Петроградъ, — эта часть немедленно перейдетъ на сторону движенія. Поэтому, всякая борьба для васъ безполезна"...

Рузскій могъ авторитетно возразить на это; могъ сказать, что мнѣніе Гучкова представляетъ плодъ пылкой фантазіи; могъ завѣрить, что если будетъ надо, — онъ самъ пойдетъ во главѣ вѣрныхъ долгу и присягѣ войскъ. Такое заявленіе блеснуло бы, какъ лучъ солнца; оно могло бы сыграть огромную роль: оно прорѣзало бы мракъ, окружившей Государя, ночи. Но Рузскій поддержалъ Гучкова. Можетъ быть, не отдавая отчета въ томъ, какое значеніе могутъ имѣть его слова въ эту трагическую минуту, онъ заявилъ:

"Ваше Величество, я долженъ подтвердить то, что говоритъ Александръ Ивановичъ: никакихъ воинскихъ частей я не могъ бы послать въ Петроградъ"...

Всѣ слова сказаны. Послѣдній аккордъ гучковской рѣчи про-

звучалъ въ мажорномъ тонѣ. Это соотвѣтствовало величію момента. Такъ думалъ самъ Гучковъ. Онъ находился въ состояніи сильно приподнятыхъ чувствъ, что было вполнѣ естественно. Онъ игралъ на большой исторической сценѣ въ классической трагедіи. Передъ нимъ былъ Царь, отъ котораго онъ требовалъ отреченія. Несомнѣнно, что въ какой-то мѣрѣ, къ чувствамъ самопроизвольно возникшимъ въ этотъ моментъ, присоединился и наигранный актерскій пафосъ, годами въѣдавшійся въ его существо. Честолюбивый, жадный до эфектовъ, постоянно стремившійся быть наверху, играть первую роль, — онъ выработалъ въ себѣ черты постояннаго игрока и артиста.

В мягко освѣщенномъ салонъ-вагонѣ, съ зелеными шолковыми обоями, настала полнѣйшая тишина. Гучковъ и Шульгинъ ожидали сильно драматической, шекспировской сцены, повышеннаго тона, даже крика, движенія сильныхъ, истерическихъ чувствъ. Рузскій шепнулъ, сидѣвшему рядомъ съ нимъ Шульгину: "онъ уже отрекся". Но "монархистъ по крови", блуждавшій между готовностью къ изъявленіямъ вѣрноподданическихъ чувствъ и такой же готовностью принять участіе въ сверженіи монарха, человѣкъ средняго калибра, съ мальчишеской склонностью къ фантазіямъ въ духѣ Толстовскаго Коли, или Маріи Башкирцевой — ("Будь я мужчиной, я покорила бы Европу"), пропустилъ свѣдѣніе между ушей, и ожидалъ "безумныхъ словоизліяній" и "эксцентрическихъ" жестовъ.

Но Гучковъ ничего новаго не сказалъ; все, высказанное имъ было жеванное и пережеванное. Тактика и цѣль дѣйствій была одна и та же: обрушить на голову Царя гору убійственныхъ фактовъ, оглушить, напугать, произвести давленіе на его психику, волю и разумъ и добиться вожделѣнныхъ политическихъ перемѣнъ. Событія благопріятствовали; явилась возможность требовать не только отвѣтственнаго министерства, но и отреченія. Государь сумѣлъ остаться спокойнымъ. Процарствовавъ двадцать два года, онъ научился мудрости угадывать и понимать съ первыхъ словъ то, что еще не сказано, что будетъ сказано и чего добивается и о чемъ старается вѣрноподданный. Эти три дня показали ему, что надѣяться больше не на кого. Онъ могъ уволить Алексѣева, Рузскаго, смѣнить весь высшій командный составъ, но онъ не зналъ, кѣмъ замѣнить уволенныхъ и не былъ увѣренъ, что эта замѣна пройдетъ безболѣзненно для Арміи. Оружіе скорби прошло черезъ его душу. "Россія отреклась отъ него"... Одинъ, въ одиночествѣ думалъ онъ страшную думу. Это было выше силъ человѣческихъ. Помощь надо было искать внѣ земли. И онъ обратился къ Богу, вѣря въ Него безпредѣльно. Не разъ посѣщалъ онъ обсерваторію; черезъ большіе телескопы наблюдалъ таинственное движеніе безчисленныхъ звѣздныхъ міровъ, видѣлъ въ безпредѣльности космической пустыни свѣтлыя ту-

манности, скопленія небесныхъ тѣлъ и таинственные пылающіе огни созвѣздій. Милліоны, может быть, милліарды лѣтъ неслись эти загадочные міры по начертаннымъ путямъ. Всякій разъ, уходя онъ уносилъ въ душѣ трепетъ, умиленіе, и восторгъ. Душа и сердце сливались въ великомъ словословіи: “Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе”... Какъ царь Давидъ, онъ самозабвенно преклонялся передъ непостижимымъ величіемъ Творца Вселенной. Только Онъ можетъ указать путь. И когда, послѣ напряженной, замкнутой душевной борьбы онъ пришелъ къ рѣшенію сложить вѣнецъ и бармы Мономаха, онъ почувствовалъ нравственное облегченіе и успокоеніе. Боль не утихла совсѣмъ, но острота ея исчезла; сердце стало нечувствительнымъ, какъ бы онѣмѣвшимъ. “Да будетъ воля Божія”, произнесъ онъ, осѣнивъ себя крестомъ, когда молился передъ иконой Христа въ терновомъ вѣнкѣ.

Государь обвелъ мимолетнымъ взглядомъ присутствующихъ, на мгновеніе задержался на старомъ, сѣдомъ Фредериксѣ, (ему стало его жалко), скользнулъ по Рузскому, который прочиталъ для себя нѣмой укоръ, и совершенно спокойно сказалъ, не выдавая внутренняго волненія: “Я вчера и сегодня, ранѣе вашего пріѣзда и послѣ разговора генералъ-адъютанта Рузскаго съ предсѣдателемъ Государственной Думы, много думалъ надъ вопросомъ, который въ опредѣленномъ смыслѣ поставленъ группой общественныхъ дѣятелей. Я вновь повторяю то, что говорилъ всегда: “Нѣтъ такой жертвы, которую бы я не принесъ за Мою Россію”... Во имя блага, спокойствія и спасенія Россіи я принялъ рѣшеніе отречься отъ престола. До трехъ часовъ я готовъ былъ на отреченіе въ пользу сына, но теперь...

Тутъ голосъ у Государя дрогнулъ, на моментъ онъ остановился, но быстро преодолѣлъ волненіе и опять спокойно, ровно, точно и просто продолжалъ:

... Теперь еще разъ обдумавъ положеніе, я пришелъ къ заключенію, что, въ виду его болѣзненности, мнѣ слѣдуетъ отречься одновременно и за себя и за него. Ни я, ни мать — мы разлучиться съ сыномъ не можемъ. Я надѣюсь, что вы это поймете. Поэтому я рѣшилъ отречься въ пользу брата. Давая свое согласіе на отреченіе, я долженъ быть увѣреннымъ, что вы подумали о томъ впечатлѣніи, какое оно произведетъ на всю остальную Россію. Не отзовется ли это нѣкоторй опасностью?

— Нѣтъ, Ваше Величество, — отвѣтилъ Гучковъ, — опасность не здѣсь. Мы опасались, что, если объявятъ республику, тогда возникнетъ междуусобіе. У всѣхъ рабочихъ и солдатъ, принимавшихъ участіе въ безпорядкахъ, увѣренность, что водвореніе старой власти это расправа съ ними, а потому нужна полная перемѣна. Нуженъ на народное воображеніе такой ударъ хлыстомъ, который сразу перемѣнилъ бы все...

Государь удалился къ себѣ, чтобы подготовить соотвѣтствующій актъ. Прошло еще нѣкоторое мучительное время, какъ агонія борьбы съ наступающей смертью. На древнихъ псковскихъ колокольняхъ въ Дѣтинцѣ въ сѣрой мглѣ надъ Псковой часы пробили полночь. За нѣсколько минутъ передъ этимъ Государь вручилъ своему врагу два листка средняго формата съ отпечатаннымъ на машинкѣ текстомъ отреченія. Въ заглавіи не было установленныхъ священныхъ словъ: "Божіей милостью, мы НИКОЛАЙ II-й Царь и Самодержавецъ Всероссійскій"... Внизу справа стояла такъ хорошо знакомая министрамъ подпись: Николай. Влѣво и ниже отъ нея — подпись скрѣпившаго документъ Фредерикса.

Чувство неловкости, смущенія и волненія овладѣло присутствующими. Скорѣе, скорѣе оборвать эти страшнвя мгновенія. Государь пожалъ руки, собираясь уходить. Его спокойствіе, выдержка и какое-то неизъяснимое духовное благородство потрясли Шульгина. Была жалость къ человѣку, "который въ это мгновеніе искупалъ свои ошибки благородствомъ мыслей, освѣтившихъ отказъ отъ власти"...

— Ахъ, Ваше Величество, вырвалось у него что-то похожее на крикъ сердца. — Если бы Вы это сдѣлали раньше, ну, хоть до послѣдняго созыва Думы, можетъ быть, всего этого..."

Депутаты подходили къ дверямъ. На Гучкова съ ненавистью смотрѣлъ, стоявшій у дверей молодой офицеръ лейбъ гвардіи Московскаго полка. Вотъ онъ схватился за шашку, ...можетъ быть сейчасъ блеснетъ сталь... Государь замѣтилъ движеніе руки, быстро сказалъ: — "Соловьевъ, успокойся, выйди въ сосѣднее помѣщеніе. Я не хочу ничьей крови..." Какъ будто въ глубинѣ двухъ тысячелѣтій возникла другая картина и вѣтеръ вѣковъ донесъ изъ тьмы Гефсиманскаго сада: "Петръ, вложи мечъ твой..."

Итакъ, свершилось... Заклевали сѣрыя птицы бѣлаго орла. Клевали и выговаривали ему: "ты высоко леталъ, ты высоко сидѣлъ, ты не хотѣлъ подѣлиться мѣстомъ съ нами". Клевали и уговаривали: "примирись съ твоимъ паденіемъ; это дѣлается для счастья Россіи, которую ты беззавѣтно любишь, больше всѣхъ твоихъ подданныхъ. Принеси себя въ жертву; это надо, чтобы спасти Отечество отъ униженія и позора, отъ разгрома ея вѣковымъ врагомъ. Пойми, что русское общество не желаетъ больше самодержавія, не желаетъ клѣтки даже золотой, висящей въ зеленомъ роскошномъ саду. Прислушайся къ народнымъ кликамъ. Мы опоздали на сотни лѣтъ. Лозунгъ революціонной Франціи: «La liberté ou la mort» мы кричимъ только теперь, хотя онъ воодушевлялъ насъ на протяженіи столѣтія... .

"Онъ палъ жертвой своихъ добродѣтелей, сказалъ великій князь Александръ Михайловичъ. — Онъ благоговѣлъ передъ памятью отца, вѣрилъ въ незыблемость данной имъ присяги, при-

лагалъ всѣ усилія, чтобы остаться честнымъ, обходительнымъ и доступнымъ. Рокъ превратилъ его хорошія качества въ смертельныя оружія разрушенія"...

Онъ палъ потому, что легіоны бѣсовъ вселились въ русскій народъ и расплодились въ немъ въ большомъ множествѣ Смердяковы и Верховенскіе. "Интернаціоналъ распорядился, чтобы европейская революція началась въ Россіи, и начнется, ибо нѣтъ у насъ для нее надежнаго отпора ни въ управленіи ни въ обществѣ. Бунтъ начнется съ атеизма и грабежа всѣхъ богатствъ, начнутъ низлогать религію, разрушать храмы и превращать въ казармы, въ стойла, зальютъ кровью и потомъ сами испугаются..." (Достоевскій).

Онъ палъ потому, что военные и гражданскіе власти растерялись, струсили и сдались на волю побѣдителя. Ни одной серьезной попытки подавить бунтъ не было сдѣлано. Кругомъ была "измѣна, трусость и обманъ..." Онъ палъ потому, что "Временное правительство грозило въ случаѣ отказа Николая II отречься отъ престола, — пріостановить снабженіе Арміи... Возрожали Царю во имя побѣды; теперь готовы отказаться отъ побѣды, чтобы добиться отреченія", записалъ въ своихъ воспоминаніяхъ измѣнившій Брусиловъ.

Онъ палъ потому, что тысячи причинъ, бездна пороковъ, грѣховъ и соблазновъ толкали Россію къ погибели. Шутовъ, скомороховъ бѣсноватыхъ, оглашенныхъ, распутныхъ, пляшущихъ, болтающихъ снобовъ и кривляющихся идіотовъ сдѣлалъ русскій народъ своими кумирами. Онъ гоготалъ, какъ жирный жеребецъ въ стойлѣ, когда пророкъ революціи въ разноцвѣтной кофтѣ кощунствовалъ и богохульствовалъ публично:

"Послушайте, господинъ Богъ,
Какъ вамъ не скушно
Въ облачный кисель
Ежедневно обмакивать раздобрѣвшіе глаза?
Давайте, — знаете — устроимъ карусель
На деревѣ изученія добра и зла...

Онъ расплывался, русскій народъ, улыбкой плотоядной, сладострастной похоти, когда изъ столицы текла потокомъ безстыдная, открытая порнографія:

"Вся земля поляжетъ женщиной
Заерзаетъ мясами, хотя отдаться.
Вещи оживутъ,
Губы вещины засюсюкаютъ:
"Цаца, цаца, цаца".

Царь бросилъ вызовъ міровому безвѣрію, безчестію и стад-

ному человѣческому безумству и возстали противъ него всѣ силы ада. "Императоръ Николай II — одинъ изъ наиболѣе оклеветанныхъ монарховъ", сказалъ благородный англичанинъ генералъ Вильямсъ. Милюковы, Гучковы, Чхеидзе могутъ кричать: "Самодержавіе само приблизило катастрофу, забывши, что нельзя вести борьбу одновременно и съ внутреннимъ и съ внѣшнимъ врагомъ..." Но они лгутъ. Царь могъ бы сказать имъ словами пророка Іереміи: "А я, какъ Агнецъ кроткій, ведомый на закланіе, и не зналъ, что они составляютъ замыслы противъ меня..." Если бы Царь велъ борьбу съ внутренней крамолой, мѣсто Милюковыхъ было бы не въ Таврическомъ Дворцѣ, а нѣсколько дальше по теченію Невы — въ Петропавловской крѣпости.

Надломленный душевно, Государь не проявилъ суровой твердости прадѣда Николая I-го и не защитилъ престолъ вооруженной рукой, какъ тотъ въ декабрьскіе дни 1825 года. Не хватило мужества и рѣшимости отстранить Алексѣева и Рузскаго, призвать новыхъ генераловъ, собрать вѣрныя присягѣ войска, обратиться къ нимъ лично и повести ихъ на мятежную столицу. А можетъ быть, уставъ душой безмѣрно, извѣрившись во всѣхъ, разочаровавшись въ вѣрности вѣрноподданныхъ, не встрѣтивъ ни отъ кого хотя бы самой малой моральной поддержки, онъ не захотѣлъ бороться за свои державныя права, не захотѣлъ больше править неблагодарнымъ, вѣроломнымъ народомъ, которому онъ отдалъ всю свою любовь, сердце и душу и который идеализировалъ въ поэтическомъ восторгѣ передъ матушкой-Россіей.

Въ эти роковые русскіе дни не нашлось на Русской Землѣ ни одного человѣка, кто бы гласно и громко осудилъ преступный бунтъ, кто-бы крикнулъ Царю: "Накажи ихъ, Царь-батюшка, суровой твердой рукой, какъ государственныхъ измѣнниковъ". Ни аристократія, ни дворянство, ни служилое сословіе, ни города, ни земство, — никто не оказалъ поддежки. Да Россія и не знала о томъ, что происходитъ въ столицѣ...

Въ часъ ночи изъ Пскова ушелъ императорскій поѣздъ на югъ. Въ немъ ѣхалъ уже не Императоръ. Въ немъ ѣхалъ несчастный человѣкъ, гонимый Рокомъ, затравленный, оболганный, оклеветанный съ разбитой душой. Онъ палъ съ огромной высоты, и ударъ былъ страшенъ. Отъ этого удара затянулась острота сознанія. Онъ еще думалъ въ благородствѣ своихъ мыслей, что принеся великую жертву, ему позволятъ жить на родной русской землѣ. Онъ не сознавалъ, что это только первые шаги на Голгофу.

Почти въ то же самое время, на сѣверъ ушелъ вагонъ съ депутатами. Гучковъ долго ходилъ взадъ и впередъ, возбужденный, поглощенный мыслями и чѣмъ-то недовольный. Наконецъ, онъ не выдержалъ и сказалъ Шульгину въ раздраженіи:

— Сцена отреченія на меня произвела тяжкое впечатлѣніе. Я, откровенно говоря, ожидалъ другого. Полетѣлъ съ трона и

хоть бы что. Никакого трагическаго пониманія происшедшаго событія. Точно мы имѣли дѣло съ ненормальнымъ человѣкомъ. У меня, правда, и раньше всегда было сомнѣніе въ этомъ отношеніи. Все-таки, при самомъ желѣзномъ характерѣ, при самообладаніи, которому равнаго нельзя найти, что-нибудь въ человѣкѣ дрогнуло бы, зашевелилось и вы почувствовали бы тяжелое переживаніе. Чего же смотрѣли министры? Неужели они не понимали, что имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, который не можетъ считаться во всѣхъ отношеніяхъ нормальнымъ? Онъ, повидимому, человѣкъ съ пониженной сознательностью, съ пониженной чувствительностью, которая не даетъ ему возможности проходить всѣ стадіи и чувства, которыя мы, нормальные люди, переживаемъ. Пала трехсотлѣтняя династія, а онъ изволите видѣть — руки пожимаетъ..."

— А вы, Александръ Ивановичъ, очевидно хотѣли, чтобы онъ намъ по мордѣ далъ?.. На меня эти два часа, проведенные въ царскомъ вагонѣ произвели неизгладимое впечатлѣніе на всю жизнь. Я вспомнилъ другую сцену, безконечно отъ насъ далекую, которая всегда трепетно волнуетъ душу вѣрующаго. Ночь, Гефсиманскій садъ, предательство, дворцы Анны и Каіафы, Преторія Пилата, судъ, крикъ изступленной толпы, избіеніе связаннаго человѣка во дворѣ Пилата и путь на Голгофу. Падая подъ тяжестью креста, Христосъ сказалъ рыдающимъ женщинамъ: "Дщери Іерусалимскія. Не плачьте обо Мнѣ, но плачьте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ". Я боюсь, Александръ Ивановичъ, — не придется ли плакать потомъ Россіи?...

12.

«...Въ часъ ночи уѣхалъ изъ Пскова съ тяжелымъ чувствомъ пережитаго. **Кругомъ измѣна, трусость и обманъ».**
(Запись въ дневникѣ въ часъ ночи на 3-е марта).

Въ древнѣйшей исторіи человѣчества, эти четыре слова, вышедшія изъ подъ пера Государя, Фараоны Египта, цари Вавилона, Элама и Ниневіи выгравировали бы на каменныхъ скрижаляхъ, или на глиняныхъ дощечкахъ, чтобы остались они на тысячелѣтія въ памяти людей, которые будутъ населять землю.

Какъ огненные знаки вспыхнули эти слова въ ту страшную ночь, когда переломилась русская исторія и пала въ звѣриныя, темныя бездны революціи великая Россія. Эти слова не сотретъ время; не смогутъ смыть ихъ раскаянія, оправданія и разъясненія. Они останутся на вѣки вѣковъ и будутъ свидѣтельствовать о недостойныхъ дѣлахъ и о малодушныхъ чувствахъ, проявленныхъ тѣми, кому было много дано. Они будутъ горѣть на челѣ ихъ и съ этой роковой печатью они — творцы февраля и двухъ дней марта — уйдутъ въ исторію.

Вырванное у Государя отреченіе не насытило аппетитовъ и не удовлетворило политическихъ тузовъ и королей изъ Государственной Думы. Передача власти великому князю Михаилу спутала карты заговорщиковъ. Это новое положеніе не входило въ ихъ расчеты. Это могло угрожать ихъ вожделеннымъ, страстнымъ желаніямъ, ради которыхъ велась борьба. "Мы готовы примириться съ воцареніемъ мальчика, но мы не желаемъ взрослаго Романова..." Ставъ во главѣ бунта, они уже не могли повернуть назадъ. Рокъ фатально толкалъ ихъ дальше и дальше по опасной дорогѣ. Они боялись упустить власть; боялись, что ее вырвутъ изъ подъ носа другіе. Какъ зарвавшійся, азартный игрокъ, махнувъ на все рукой, они методически увеличивали ставки, ссылаясь на стихійность народнаго движенія.

"Качаетъ чортъ качели
Мохнатою рукой.
Качаетъ и смѣется
Впередъ - назадъ, впередъ - назадъ...
Доска скрипитъ и гнется,
О сукъ тяжелый трется
Натянутый канатъ.
Снуетъ съ протяжнымъ скрипомъ
Шатучая доска,
И чортъ хохочетъ съ хрипомъ,
Хватаясь за бока".

Этотъ мохнатый, веселый, игривый чортъ представлялся въ видѣ нѣмецкихъ агентовъ изъ русскихъ предателей, революціонно настроенной интеллигенціи, совѣта рабочихъ депутатовъ и столичной черни. За ними стояла ошарашенная, оглупѣвшая, безликая масса петербургскаго народа: — "стадо барановъ" по выраженію Врангеля-отца.

Думскіе "бояре" не спали въ эту ночь. Они съ нетерпѣніемъ ждали сообщеній изъ Пскова. Дождавшись, они горячо обсуждали неожиданный "сюрпризъ", подвергли "патріотической" критикѣ простого, скромнаго, нечестолюбиваго великаго князя и рѣшили, что онъ въ цари не годится. — "Надо его убѣдить отказаться отъ принятія трона и задержать опубликованіе манифеста", резюмировалъ пренія Родзянко. — "Надо не убѣждать, а потребовать", властно и безапеляціонно заявилъ Керенскій.

Рузскій заснулъ тревожнымъ, мучительнымъ сномъ. Физически онъ усталъ сильно; но еще больше усталъ нравственно. На душѣ у него было смутно. Сцена отреченія и прощаніе съ Царемъ оставили на сердцѣ непріятный осадокъ. Онъ чувствовалъ себя не по себѣ. Онъ былъ убѣжденный монархистъ, а дѣйствовалъ какъ завзятый республиканецъ. Когда въ послѣдній разъ онъ

увидѣлъ блѣднаго Государя съ печальными, скорбными глазами, въ душѣ его зашевелилось чувство какой-то гнетущей неудовлетворенности. Съ раздраженіемъ сталъ думать, что онъ былъ инструментомъ въ чужихъ рукахъ; въ рукахъ Алексѣева, котораго всегда не любилъ, и въ рукахъ кучки политическихъ дѣятелей, игравшихъ въ революцію.

Онъ вернулся въ Псковъ послѣ трехъ часовъ ночи, проводивъ Государя и поѣздъ съ депутатами. Сразу же легъ въ постель. Его слегка знобило. Онъ не могъ дышать заложеннымъ носомъ, сильно храпѣлъ и вскрикивалъ. Душили кошмары. Вотъ онъ увидѣлъ среди непроглядной ночи странные таинственные огни, которые неслись на него, какъ бы конная лавина. Вотъ они промчались, обожгли его и покатились огненные шары дальше по безконечной равнинѣ. Скоро онъ увидѣлъ какъ бы огненное море наполнило пространство. Въ эту минуту денщикъ тревожно будилъ его. — Ваше Высокопревосходительство, Предсѣдатель Государственной Думы зоветъ васъ къ прямому проводу.

— Что ему еще надо? съ раздраженіемъ сказалъ Рузскій, вытирая потъ на груди.

Было пять часовъ утра. Псковъ еще мирно спалъ. Надъ нимъ стояла холодная предутренняя темень. Въ этотъ часъ начался второй длительный разговоръ между Родзянко и Рузскимъ, который составилъ новое звѣно въ ходѣ трагедіи. Рузскій подошелъ къ аппарату закутанный, хмурый и злой. Коротко приказалъ чиновнику: — Передайте, — у аппарата генералъ Рузскій.

— Здравствуйте, ваше высокопревосходительство, чрезвычайно важно, чтобы манифестъ объ отреченіи и передачѣ власти великому князю Михаилу Александровичу не былъ опубликованъ до тѣхъ поръ, пока я не сообщу вамъ объ этомъ, началъ свою рѣчь безъ всякихъ предисловій Родзянко. — Дѣло въ томъ, что съ великимъ трудомъ удалось удержать болѣе или менѣе въ приличныхъ рамкахъ революціонное движеніе, но положеніе еще не пришло в себя и весьма возможна гражданская война. Съ регентствомъ великаго князя и воцареніемъ наслѣдника цесаревича примирились бы, можетъ быть, но воцареніе его, какъ императора, абсолютно непріемлемо. Прошу васъ принять всѣ зависящія отъ васъ мѣры, чтобы достигнуть отсрочки.

— Хорошо. Распоряженіе будетъ сдѣлано, но насколько удастся пріостановить распоряженіе, сказать не берусь, въ виду того, что прошло слишкомъ много времени. Очень сожалѣю, что депутаты, присланные вчера, не были въ достаточной степени освѣдомлены съ той ролью и вообще съ тѣмъ, для чего они пріѣзжали. Во всякомъ случаѣ, будетъ сдѣлано все, что въ человѣческихъ силахъ въ данную минуту. Прошу вполнѣ ясно освѣтить мнѣ теперь же все дѣло, которое вчера произошло, и послѣдствія, могущія отъ этого быть въ Петроградѣ?

— Дѣло въ томъ, что депутатовъ винить нельзя. Вспыхнулъ неожиданно для всѣхъ насъ такой солдатскій бунтъ, которому еще подобныхъ я не видѣлъ и которые, конечно, не солдаты, а просто взятые отъ сохи мужики и которые всѣ свои мужицкія требованія нашли полезнымъ теперь заявить. Только слышно было въ толпѣ — "земли и воли", "долой династію", "долой Романовыхъ", "долой офицеровъ" и начались во многихъ частяхъ избіенія офицеровъ. Къ этому присоединились рабочіе, и анархія дошла до своего апогея...

Родзянко сообщилъ неправду; онъ совралъ отъ перваго и до послѣдняго слова. Въ эти дни боевыхъ столкновеній не было, потому что не съ кѣмъ было ратоборствовать. Вся солдатская масса уже перешла на сторону возставшихъ и уже не разъ совершала шумныя, побѣдоносныя шествія къ Таврическому дворцу, гдѣ съ превеликимъ усердіемъ кричала: "ура Родзянкѣ". Слова его не были словами государственнаго мужа. Это была кухонная болтовня кумы - сплетницы, у которой неудержимо играло воображеніе. Онъ порхалъ какъ бабочка надъ трагическими событіями и то пугалъ, то успокаивалъ и сулилъ несбыточныя обѣщанія.

— Войска мало-по-малу въ теченіе ночи приводятся въ порядокъ, но провозглашеніе императоромъ великаго князя Михаила Александровича подольетъ масла въ огонь, и начнется безпощадное истребленіе всего, что можно истребить. Мы потеряемъ и упустимъ изъ рукъ всякую власть, и усмирить народное волненіе будетъ некому. При предложенной формѣ — возвращеніе династіи не исключено, и желательно, чтобы, примѣрно, до окончанія войны, продолжалъ дѣйствовать верховный совѣтъ и нынѣ дѣйствующее временное правительство. Я вполнѣ увѣренъ, что, при такихъ условіяхъ, возможно быстрое успокоеніе, и рѣшительная побѣда будетъ обезпечена, такъ какъ несомнѣнно произойдетъ подъемъ патріотическаго чувства, все заработаетъ въ усиленномъ темпѣ и побѣда, повторяю, можетъ быть обезпечена...

Рузскій рѣзко повернулъ негодующее лицо къ, стоявшему рядомъ, Саввичу. Раздраженно, жолчно сказалъ: — "Ерунду поретъ. Кого онъ дурачитъ и обманываетъ: себя или насъ?... Вмѣстѣ съ сомнѣніями и съ недовѣріемъ къ Родзянкѣ, которое опять поднялось у него, Рузскій почувствовалъ еще и наростающую ненависть. На лентѣ, противъ словъ Родзянки, онъ написалъ: "Если Богъ захочетъ наказать, то прежде всего разумъ отниметъ". А въ другомъ мѣстѣ продолжилъ ту же мысль. — "Люди, возглавившіе революцію, даже не освѣдомлены о настроеніяхъ населенія. Когда Петроградъ былъ въ моемъ вѣдѣніи, я зналъ настроеніе народа".

Въ концѣ разговора Родзянко сказалъ: — "Сегодня нами

сформировано правительство съ княземъ Львовымъ во главѣ, о чемъ всѣмъ командующимъ фронтами посланы телеграммы. Все остается въ такомъ видѣ: Верховный Совѣтъ, отвѣтственное министерство, дѣйствія законодательныхъ палатъ до разрѣшенія вопроса о конституціи Учредительнымъ Собраніемъ..."

Честолюбивый бѣсенокъ давно обосновался въ сердцѣ Родзянки. Не разъ Предсѣдатель Думы прозрачно намекалъ Царю о необходимости призвать къ власти человѣка, которому довѣряетъ вся страна. Повторяя эту мысль, онъ увѣровалъ въ нее самъ. Теперь его безцеремонно отодвигали въ сторону. "Мавръ сдѣлалъ свое дѣло"... Однако "мавръ" цѣплялся за власть. Разстаться съ "маніей грандіоза", съ ролью спасителя отечества, ему было трудно. Онъ старался создать для себя позицію на самомъ верху. Но все, что онъ дѣлалъ, неуклонно толкало его къ политической смерти.

— Скажите, кто во главѣ верховнаго совѣта? спросилъ Рузскій. Вопросъ этотъ свелъ Родзянко съ высотъ.

— Я ошибся, не верховный совѣтъ, а временный комитетъ Государственной Думы подъ моимъ предсѣдательствомъ.

Рузскій былъ далекъ отъ политической жизни въ столицѣ. О тщеславныхъ вожделѣніяхъ Родзянки онъ ничего не зналъ. Но въ эти дни онъ скоро замѣтилъ, какъ настойчиво Родзянко внушалъ мысль о значительности своей персоны. Сначала Рузскій въ это повѣрилъ, принялъ какъ должное, а затѣмъ его стало раздражать постоянное напоминаніе: "только мнѣ довѣряютъ", "только я могу", "только я не допущу"... Отвѣтъ Родзянки похожъ былъ на трагическій анекдотъ. Рузскій понялъ, что все пустота и ничтожество на фонѣ бурныхъ, грозовыхъ событій Онъ оборвалъ разговоръ. — "Хорошо. До свиданія. Дальнѣйшіе переговоры должны вестись въ Ставкѣ..."

Политическая роль Рузскаго кончилась. Въ скоромъ времени кончилась и его служебная карьера. Не оправдались сладкомедовыя, розовыя надежды Родзянки и его коллегъ. "Великая, безкровная" бросила Россію въ пучину смуты. Сорокъ лѣтъ служилъ Рузскій вѣрой и правдой; поднялся на самый верхъ; пользовался довѣріемъ Царя, огромной силой власти, и палъ стремительно. Двумя роковыми днями сжегъ свою славу и честь. Выбросили, какъ ненужную ветошь. Когда понялъ, что совершилъ, когда увидѣлъ развалъ, онъ ужаснулся и въ мучительной тоскѣ написалъ военному министру Гучкову: "вы загубили армію..." Изъ Пскова уѣхалъ разбитый душевно, жалкій, хилый старикъ, больше никому ненужный.

* *
*

Синій поѣздъ съ золотыми орлами черезъ Двинскъ направлялся въ Могилевъ. Стоялъ чудесный день: морозный, ясный,

солнечный. Воздухъ былъ сухъ, прозраченъ и только самыя отдаленныя точки на горизонтѣ, да темные, голые лѣса вдоль Западной Двины сѣрѣли въ легкомъ туманѣ. Еще никто не зналъ о происшествіяхъ минувшей ночи. Желѣзнодорожная администрація съ такой же, какъ и раньше, тревожной аккуратностью встрѣчала и провожала царскій поѣздъ. Государь не показывался въ окнахъ своего вагона. Настроеніе ѣдущихъ было подавленное и угнетенное.

На одной изъ глухихъ, пустынныхъ станцій поѣздъ остановился. Государь вышелъ изъ вагона, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. На немъ была только сѣрая черкеска, которую онъ любилъ носить. Лицо было блѣдное, глаза ушли въ глубину орбитъ, но спокойствіе и царственное величіе, какъ будто еще ярче проявились въ горѣ. Это замѣтилъ, вышедшій на встрѣчу, Мордвиновъ. Сердце у него заколотилось въ груди; хотѣлъ броситься къ ногамъ, и клясться въ вѣрности и просить прощенія за измѣнившій народъ. Они были одни; далеко сзади шелъ урядникъ конвоя. Мордвинову хотѣлось утѣшить, успокоить Государя. Ему было стыдно за все совершившееся.

"Я посмотрѣлъ на него и вдругъ заговорилъ, почти безсознательно и такъ глупо и путанно, что до сихъ поръ краснѣю, когда вспоминаю эти свои взволнованныя успокоенія", записалъ потомъ Мордвиновъ. Онъ сказалъ Государю:

— Ничего, Ваше Величество, — не волнуйтесь очень, вѣдь вы не напрашивались на престолъ, а, наоборотъ, вашего предка, въ такое же подлое время приходилось долго упрашивать и, только уступая настойчивой волѣ народа, онъ, къ счастью Россіи, согласился нести этотъ тяжелый крестъ... Нынѣшняя воля народа, говорятъ, думаетъ иначе... Что жъ, пускай попробуютъ, пускай управляютъ сами, если хотятъ. Насильно милъ не будешь, только что изъ этого выйдетъ...

Государь пріостановился, посмотрѣлъ на Мордвинова и сказалъ тихо и съ большой горечью:

— Ужъ и хороша же эта воля народа... Вы, Мордвиновъ, неправильно понимаете то, что произошло. Не воля народа, а воля преступной кучки. Такъ бывало не разъ въ міровой исторіи. Сегодня я читалъ объ Юліи Цезарѣ. Вы помните, что въ числѣ убійцъ былъ Брутъ, котораго Цезарь любилъ. Этотъ человѣкъ, оправдываясь передъ народомъ, сказалъ: "Если кто изъ васъ спроситъ: почему Брутъ возсталъ противъ Цезаря? я отвѣчу, — не оттого, что я мало любилъ Цезаря, а оттого, что любилъ Римъ больше его. Что лучше для насъ: видѣть Цезаря живымъ и быть его рабами, или видѣть его мертвымъ и быть свободными. Цезарь хотѣлъ имѣть всю власть только для себя и за это я его убилъ"... Въ этомъ оправданіи одна демогогія и красныя слова, которыя бьютъ по воображенію. Цезарь любилъ Римъ не мень-

ше убійцъ. Цезарь возвеличилъ Римъ, больше чѣмъ кто-либо до него. Цезарь употреблялъ свою власть на благо народа... Та же политическая обстановка и у насъ сейчасъ. Тѣми же словами и тѣми же понятіями играютъ и наши политическіе дѣятели... Генералъ Рузскій тоже клялся мнѣ въ любви....

— Кажется, и генералъ Алексѣевъ, Ваше Императорское Величество?

— Да и Алексѣевъ... Государь круто повернулся и, какъ будто скрывая волненіе, быстро пошелъ впередъ. Земля была сырая, грязная; вдоль тянулись штабеля дровъ. Шли нѣкоторое время молча.

— Ваше Императорское Величество, Вы сильно страдаете? спросилъ взволнованный Мордвиновъ.

— Да. Все, что произошло, такъ чудовищно. Я не могу еще освоиться съ новымъ положеніемъ. Такъ трудно перейти... Государь не докончилъ своей мысли. Опять мучительно шли молча. Дорога вышла изъ станціоннаго раіона. Впереди уходила широкая поляна; справа и слѣва тянулся лѣсъ. На опушкѣ бѣлѣло нѣсколько березокъ. Надъ головой синѣло небо.

— Надо поворачивать, сказалъ Государь.

— Ваше Величество, что же теперь будетъ? что Вы намѣрены дѣлать?

— Я самъ еще хорошо не знаю... все такъ быстро повернулось... На фронтъ, даже защищать мою родину, мнѣ врядъ ли дадутъ теперь возможность поѣхать, о чемъ я раньше думалъ. Вѣроятно, буду жить частнымъ человѣкомъ. Вотъ увижу матушку, переговорю съ семьей... Думаю, что уѣдемъ въ Ливадію, или, можетъ быть, въ Костромскую губернію, въ нашу прежнюю вотчину.

— Ваше Величество, уѣзжайте возможно скорѣе заграницу. При нынѣшнихъ условіяхъ даже въ Крыму не житье.

— Нѣтъ, ни за что. Я слишкомъ люблю Россію и я не хочу уѣзжать отсюда. Заграницей мнѣ было бы слишкомъ тяжело...

На станціи Сиротино, Государь передалъ Воейкову для отправки три телеграммы. Одна изъ нихъ была адресована брату. Она гласила:

"Его Императорскому Величеству Михаилу. Событія послѣднихъ дней вынудили меня рѣшиться безповоротно на крайній шагъ. Прости меня, если огорчилъ тебя и что не успѣлъ предупредить. Останусь навсегда вѣрнымъ и преданнымъ братомъ. Возвращаюсь въ Ставку и оттуда, черезъ нѣсколько дней, надѣюсь пріѣхать въ Царское Село. Горячо молю Бога помочь тебѣ и твоей родинѣ. Ника".

Объ утреннемъ разговорѣ Родзянки съ Рузскимъ Государь не зналъ; не зналъ ничего о новыхъ гнусныхъ замыслахъ думскихъ коноводовъ и не зналъ о томъ, что Алексѣевъ отдалъ при-

казъ главнокомандующимъ — "Манифестъ, разосланный ночью не объявлять и войска къ присягѣ Царю Михаилу не приводить". Знай онъ это, можетъ быть, сумѣлъ бы предупредить брата отъ принятія рокового шага. Но таинственная, невѣдомая людямъ судьба и сознательная злая воля неумолимо направляли Россію къ погибели. Все, что могло повернуть ходъ событій въ другую сторону, тщательно и старательно скрывалось. Такъ была скрыта отъ Государя телеграмма командира гвардейскаго корпуса Хана Нахичеванскаго: "Прошу васъ не отказать повергнуть къ стопамъ Его Величества безграничную преданность гвардейской кавалеріи и готовность умереть за своего обожаемаго монарха". Ни Лечицкій, ни Калединъ, ни Келлеръ — не знали о происходящихъ событіяхъ. Ни у кого изъ начальствующихъ лицъ на фронтѣ мнѣнія не спросили. Все рѣшили сами.

Въ 8 часовъ 20 минутъ вечера царскій поѣздъ прибылъ въ Могилевъ. На станціи Государя встрѣтили чины Ставки и всѣ военные агенты союзныхъ державъ. Было замѣтно особенное, подчеркнутое вниманіе къ Государю со стороны иностранныхъ генераловъ. Они, видимо хотѣли засвидѣтельствовать отрекшемуся монарху тѣ чувства, которыхъ недоставало у "вѣрноподанныхъ" русскихъ генераловъ. Послѣ обѣда въ поѣздѣ, Государь переѣхалъ въ губернаторскій дворецъ.

Въ десять часовъ вечера къ нему прибылъ Алексѣевъ. Онъ принесъ новое страшное извѣстіе. Ликующій Родзянко радостно сообщилъ, что великій князь Михаилъ отказался принять престолъ до рѣшенія этого вопроса Учредительнымъ Собраніемъ. Заговорщики добились своего. Манифестъ великаго князя вышелъ изъ подъ ихъ диктовки. Новое извѣстіе сильно огорчило Государя; можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ собственное отреченіе. Окончательно ускальзала всякая надежда. Послѣ ухода Алексѣева, Государь записалъ въ своемъ дневникѣ: "Миша отрекся. Его манифестъ кончается четырехвосткой для выборовъ черезъ шесть мѣсяцевъ Учредительнаго собранія. Богъ знаетъ, кто надоумилъ его подписать такую гадость".

Оставшись одинъ, Государь томился духомъ, мучительно думалъ и страдалъ невыносимо. Эти темныя ночныя муки безмѣрно ослабляли его нравственныя и физическія силы. Онъ все переживалъ одинъ, замкнутый въ самомъ себѣ. То, что было несчастіемъ для него и для Россіи, не являлось, однако, въ такой же мѣрѣ несчастіемъ для его малодальновидныхъ подданныхъ. Забота о личномъ благополучіи и о личномъ устройствѣ не покидала людей и въ эти трагическіе дни. Могутъ сказать: "живой о живомъ думаетъ", но все-таки, бываютъ исключительные психологическіе и историческіе моменты, когда личное не должно выдвигаться на передній планъ, хотя бы изъ чувства человѣческаго достоинства.

Въ эту ночь, около полуночи, Дубенскій встрѣтилъ въ генералъ-квартирмейстерской части командира конвоя графа Граббе. Онъ былъ оживленъ и какъ-то необыкновенно жизнерадостенъ.

— Почему вы здѣсь такъ поздно? Почему вы такъ оживлены? спросилъ Дубенскій.

— Я былъ сейчасъ у Алексѣева и просилъ конвой Его Величества сдѣлать конвоемъ Ставки. Онъ обѣщалъ...

— Зачѣмъ вы такъ поторопились съ этимъ дѣломъ? укоризненно, холодно и съ чувствомъ непріязни сказалъ Дубенскій. — Вѣдь Его Величество въ Ставкѣ...

— Я это, Дмитрій Николаевичъ, отлично знаю и без вашего сообщенія. Но не нужно упускать времени. Надо, знаете, ловить моментъ...

Граббе заторопился. Неожиданная встрѣча была ему непріятна, какъ будто поймали съ поличнымъ. Не вступая въ дальнѣйшіе разговоры, онъ быстро вышелъ изъ комнаты, какъ всегда элегантный и нарядный. Онъ, очевидно, не такъ ужъ убивался и скорбѣлъ, какъ Дубенскій. "Лови моментъ"!... мѣняй службу и принципы, не зѣвай!...

Встрѣча и летучій разговоръ съ Граббе удивили и сильно разволновали Дубенскаго. Въ голову полѣзли нехорошія мысли: рѣзко и сурово онъ осудилъ проворно приспосабливающагося царедворца. "А гдѣ же честь и совѣсть?" обращалъ онъ мысленный вопросъ, не ожидая отвѣта. На улицѣ было пустынно и холодно. Городъ спалъ мирнымъ сномъ. Ни одной живой души, только у подъѣзда дворца въ дубленыхъ постовыхъ тулупахъ стояли парные часовые отъ Георгіевскаго баталіона. Въ царскихъ комнатахъ, какъ и въ былые дни, горѣлъ свѣтъ. Какъ будто ничего не произошло, или то, что произошло, былъ лишь страшный сонъ. Дубенскій долго стоялъ и смотрѣлъ на окна, — не покажется ли силуэтъ Императора; вотъ промелькнула тѣнь, старикъ быстро перекрестилъ ее и прошепталъ съ изступленной мольбой: "Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, спаси Царя православнаго отъ всѣхъ бѣдъ и напастей"...

Утромъ 4-го марта одинъ из штабныхъ офицеровъ, въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи, сказалъ Мордвинову:

— Анатолій Александровичъ, Воейкова хотятъ арестовать. При настоящемъ положеніи дѣлъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; никто изъ насъ не гарантированъ отъ насилій. Но арестъ Дворцоваго коменданта, здѣсь, въ Ставкѣ, въ присутствіи Государя, — это что-то такое, что превосходитъ самую подлѣйшую подлость. Имъ, очевидно, хочется унизить Царя, показать ему, что онъ теперь ничто, что господами положенія являются они. Отъ этихъ лакеевъ революціи можно ожидать всего. Для хама и подлеца нѣтъ ничего священнаго и ничего запретнаго. Разнузданность страстей, жестокость и цинизмъ, — это основныя ка-

чества революціоннаго человѣка. Предупредите Воейкова; пусть уѣзжаетъ из Могилева.

Мордвиновъ исполнилъ порученіе. Вечеромъ Воейковъ и Фредериксъ покинули городъ. Выбыли два самыхъ близкихъ человѣка изъ свиты. Что-то оторвалось съ ихъ отъѣздомъ. Какая-то обреченность, печаль была въ этомъ вынужденномъ разрушеніи гнѣзда. Напрашивались сами непрошенныя слезы. Были тѣ чувства, о которыхъ поется въ старомъ романсѣ: "Такъ вѣтеръ всю красу наряда съ деревьевъ осенью сорветъ и по тропамъ унылымъ сада сухія листья разнесетъ. Ихъ далеко развѣетъ вьюга, кружа надъ мерзлою землей; на вѣкъ раздѣлитъ другъ отъ друга покрывши снѣжной пеленой"...

Прощаясь съ сослуживцами и подчиненными, Воейковъ, по словамъ Дубенскаго, "бодрился, все время распоряжался своимъ огромнымъ, въ необычайномъ порядкѣ, богажомъ, отдавалъ приказанія прислугѣ и отрывисто переговаривался" съ присутствующими. Онъ недалеко уѣхалъ. На одной изъ ближайшихъ къ Могилеву станцій его арестовали и черезъ Москву отправили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ тотчасъ же началъ разыгрывать сумашедшаго. Фредерикса арестовали на другое утро.

Вѣтеръ революціи крѣпчалъ сильнѣе и сильнѣе. Буревѣстники носились надъ мутной стихіей. "Все гуще мракъ, все пуще горе, все неминуемй бѣда..." Разгульныя вольны долетѣли и до Могилева. 7-го марта состялся солдатскій митингъ. Алексѣевъ приказалъ офицерамъ быть при своихъ частяхъ. Это не вызвало восторга. Не могли ослушаться приказа, но и не хотѣли идти. Генералъ Цабель долго мучился сомнѣніями:

— Не знаю, какъ быть? Идти на революціонный митингъ съ царскими вензелями, — не могу. Снять — не хватаетъ силъ. Не снять, — выйдетъ скандалъ...

— Лучше снимите, посовѣтовалъ Дубенскій.

Цабель перочиннымъ ножомъ началъ соскабливать золотую вязь. Руки у него дрожали, лицо налилось кровью.

— Михайловъ, помоги мнѣ, обратился онъ къ старому преображенцу — курьеру.

— Никакъ нѣтъ, Ваше Превосходительство, не могу, увольте. Никогда это дѣлать не согласенъ. Не дай Богъ и смотрѣть...

На глазахъ у старика навернулись слезы. Сцена вышла тяжелая. Дубенскій не выдержалъ, лицо сморщилось и покатились по щекамъ капля по каплѣ. Цабель бросилъ шинель на диванъ, опустился на столъ и заплакалъ такъ горько, какъ плачутъ маленькія дѣти.

Алексѣевъ прозрѣлъ, но очень поздно и только отчасти. Черезъ семь часовъ послѣ отреченія, онъ написалъ главнокомандующимъ фронтами, что "въ сообщеніяхъ Родзянки нѣтъ откровенности и искренности", и что его заявленіе "о рѣзнѣ солдатами

офицеровъ — сплошной вздоръ". Онъ, можетъ быть, понялъ больше. чѣмъ написалъ, но стыдно было сознаться въ своихъ догадкахъ и въ своихъ роковыхъ ошибкахъ. А догадки у него, несомнѣнно, появились. Теперь онъ былъ почти убѣжденъ, что Родзянко сгущалъ краски, преувеличивалъ, велъ по ложному пути, рисовалъ картину не ту, которая была въ дѣйствительности, а ту, которая могла "побудить представителей арміи неминуемо присоединиться къ рѣшеніямъ крайнихъ элементовъ".

Были ли у Алексѣева сомнѣнья, раздумья и неувѣренность въ эти дни? Да, конечно, были. И не могли не быть. Послѣ Царя — онъ былъ первый человѣкъ въ Арміи. Онъ могъ принять любое рѣшеніе. Исторія поставила передъ Россіей задачу сложную, трудную и такую отвѣтственную, какой еще не ставила никогда. Алексѣевъ не смогъ подняться надъ событіями. Какъ и подавляющее большинство генераловъ, онъ былъ политически безграмотенъ. Трудно ему было отличить правду жизни отъ политической лжи; нужное для государства и народа отъ ненужнаго, — отъ того, что было важно только для господъ, играющихъ въ политику. Вѣтеръ грядущей смуты гналъ его, какъ и другихъ, по тому пути, который неминуемо велъ къ грядущей катастрофѣ. Но въ гулѣ и грохотѣ онъ не разсмотрѣлъ, что Россія летитъ въ бездну. Онъ еще не увидѣлъ шевелящійся хаосъ.

Алексѣевъ чувствовалъ неловкость и смущеніе передъ Государемъ. Его совѣсть тревожило упорное молчаніе Царя. Во время доклада о послѣднихъ событіяхъ въ Петроградѣ, онъ не выдержалъ и сказалъ ему: — Ваше Величество, я дѣйствовалъ въ эти дни, руководствуясь моей любовью къ родинѣ и желаніемъ уберечь и оградить армію отъ развала. Россія тяжко больна; для ея спасенія надо было идти на жертвы... Государь пристально посмотрѣлъ на него и, ничего не отвѣтилъ.

Въ эти дни Государь продолжалъ идти по крестному пути. За четыре дня отсутствія изъ Могилева, онъ физически измѣнился неузнаваемо. Прежде всего лицо. Оно было "пожелтѣвшее, посѣрѣвшее, похудѣвшее, какъ-то обтянутое и точно облипшее на вискахъ и скулахъ". Глаза были полны печали и скорби, даже тогда, когда онъ улыбался. Онъ нуждался въ нравственной поддержкѣ. Эту поддержку могли дать ему только два любимыхъ и любящихъ человѣка: мать и жена. Въ полдень 4 марта вдовствующая царица Марія Феодоровна прибыла въ Могилевъ. Встрѣча произошла на станціи. Никто не знаетъ и никогда не узнаетъ, о чемъ говорили мать и сынъ въ пустомъ холодномъ сараѣ, что стоялъ напротивъ поѣзда прибывшей Государыни. Вышли они оттуда послѣ долгаго разговора. Государыня привѣтливо улыбалась доброй, мягкой, милой улыбкой; Государь смотрѣлъ спокойно и ровно, но что скрывала эта нечеловѣческая выдержка?..

*
*   *

...«Все, чѣмъ жилъ съ тревогой, съ наслажденіемъ,
Все, на что надѣялась любовь,
Проскользнуло быстрымъ сновидѣніемъ,
Никогда не встанетъ вновь.
Все, на чемъ печать непоправимаго
Бѣлый лебедь въ этой пѣснѣ слилъ»...

Бальмонтъ

Въ 11 часовъ утра 8-го марта, въ большомъ залѣ засѣданій Могилевскаго суда собрались чины Ставки: генералы, штабъ и оберъ офицеры и нижніе чины. Собрались, чтобы проститься съ отъѣзжающимъ Государемъ. Онъ вошелъ къ нимъ одѣтый въ сѣрую кубанскую черкеску; на груди бѣлѣлъ Георгіевскій крестъ; въ рукахъ держалъ казачью папаху съ бараньимъ мѣхомъ. Онъ пришелъ сказать "послѣднее прости". Сказать то, что вырывается само изъ души передъ разлукой, быть можетъ, навсегда. Слова прозвучали печально и скорбно. Это не была трафаретная рѣчь, да и не способенъ онъ былъ говорить слова пустыя, формальныя и ненужныя.

Вспоминая объ этомъ послѣднемъ прощаніи, послѣ котораго никто уже больше его не увидѣлъ, генералъ Николай Михайловичъ Тихменевъ отмѣтилъ съ огромнымъ душевнымъ волненіемъ: "Это былъ страдающій человѣкъ. Но раньше всего, и больше всего, и прежде всего, — это былъ полный царственнаго величія Императоръ Всероссійскій. Ибо не за себя страдалъ Онъ тогда, а за насъ — и черезъ насъ за армію и Россію. Быть можетъ, единственный Онъ видѣлъ, на краю какой гибели стояла тогда Россія..."

Наружно Государь былъ спокоенъ; по крайней мѣрѣ, такъ многимъ казалось по началу. Только дрожала правая, опущенная рука и все чаще и чаще онъ разглаживалъ усы привычнымъ жестомъ Объ этихъ минутахъ скрытаго душевнаго волненія Государь записалъ въ своемъ дневникѣ: ... "Сердце у меня чуть не разорвалось..." Говорилъ онъ громко, отчетливо, чтобы слышно и понятно было всѣмъ. Голосъ его звучалъ задушевно и красиво. Послѣдняя рѣчь русскаго Царя къ своимъ подданнымъ: "Сегодня я вижу васъ въ послѣдній разъ. Такова воля Божія и слѣдствіе моего рѣшенія". Этими словами онъ началъ свое обращеніе.

Онъ не рисовался. Поза, игра, рисовка — ему были несвойственны. Душа его была обнажена; она горѣла, какъ чистая свѣча въ полутемномъ вечернемъ храмѣ, возбуждая и умиляя душу. Въ его словахъ звучала нѣжнѣйшая любовь къ Родинѣ, все поглощающая, жертвенная до самозабвенія, до готовности все отдать за нее, даже самую жизнь.

... "Судьба Отечества ввѣрена нынѣ Временному Правитель-

ству. Служите ему вѣрой и правдой. Эта небывалая война должна быть доведена до конца, до полной побѣды. Надо сломить коварнаго, жестокаго и упорнаго врага. Онъ уже надломленъ. Много пролито крови, много сдѣлано усилій, чтобы побѣдить. Величіе и благоденствіе Россіи обязываетъ всѣхъ сдѣлать послѣднее усиліе. Кто думаетъ сейчасъ о мирѣ, кто желаетъ его купить цѣною уступокъ, цѣной позара и безчестія, тотъ не сынъ Россіи, тотъ измѣнникъ и предатель... Я твердо вѣрю, что не угасла въ вашихъ сердцахъ безпредѣльная любовь къ Родинѣ. Пусть васъ ведетъ къ побѣдѣ Георгій Побѣдоносецъ. А о себѣ скажу словами моего великаго предка: "Мнѣ ничего не надо, лишь бы въ славѣ и благоденствіи жила Матушка Россія..."

Послышалось въ его словахъ рыданіе... "Правая рука его уже не дрожала, а какъ-то дергалась", разсказывалъ потомъ Тихменевъ. — "Въ залѣ была мертвая тишина. Никто не кашлянулъ, и всѣ упорно и точно не мигая смотрѣли на Государя. Никогда въ жизни не наблюдалъ я такой глубокой, такой полной, давящей, такой мертвой тишины въ помѣщеніи, гдѣ было собрано нѣсколько сотъ человѣкъ".

Государь началъ обходъ. Въ разныхъ мѣстахъ стали раздаваться судорожныя всхлипыванія и глухія рыданія. У многихъ по щекамъ текли слезы, которыхъ никто не скрывалъ и не стыдился. Все больше и больше наростало душевное возбужденіе. Государь пытался улыбаться, но улыбка не выходила. На глазахъ у него стояли слезы. Вотъ онъ подошелъ къ офицерамъ Георгіевскаго баталіона; вдругъ двое изъ нихъ зашатались и упали на полъ въ обморокѣ. Въ ту же минуту рухнулъ кубанскій казакъ-конвоецъ. Въ залѣ начались картины душу раздирающія. Тщетно кто-то просилъ: "Господа, пощадите Государя, не волнуйте его..." Но уже никто не воленъ былъ въ своихъ чувствахъ. Государь не выдержалъ и весь въ слезахъ быстро вышелъ вонъ изъ помѣщенія, поцѣловавъ на ходу, подбѣжавшаго къ нему Алексѣева.

*

* *

Надо было все пережить, пройти черезъ всѣ испытанія: черезъ стыдъ, позоръ, глумленіе, насмѣшки, издѣвательства и заключеніе. Надо было безъ ропота, терпѣливо подниматься на ту вершину мученичества, на которой жутко чернѣлъ голгофскій крестъ.

Путь только начинался. Въ 4 часа 45 минут 8 марта Государь покинулъ навсегда Могилевъ. Все сдѣлалъ, со всѣми простился; написалъ трогательное обращеніе къ Арміи, зовя ее на подвигъ во имя Россіи.

Было вѣтрено и морозно. Багрово-красная, какъ кровь, вечерняя заря покрывала небо. У многихъ сжалось сердце, когда у

окна отходящаго поѣзда, показался Императоръ. Изъ своего вагона Царица-Мать крестила сына и по щекамъ ея текли слезы. Оружіе скорби пронизало ея сердце.

Въ полдень 9-го марта Государь прибылъ въ Царское Село. На вокзалѣ его встрѣтилъ полковникъ Кобылинскій и принялъ, какъ арестованнаго преступника, котораго доставили члены Государственной Думы. Государь быстро прошелъ по перрону, ни на кого не глядя и сѣлъ въ автомобиль. Его сопровождалъ гофмаршалъ князь Василій Александровичъ Долгоруковъ. Стоялъ тусклый, сѣрый день. Лежалъ еще не тронутый весеннимъ тепломъ зимній снѣгъ. Ворота въ Александровскомъ дворцѣ были заперты. Двуглавый орелъ надъ ними и вензеля на рамахъ были затянуты краснымъ кумачомъ. У воротъ на часахъ стоялъ солдатъ съ огромнымъ краснымъ бантомъ. Автомобиль остановился. Отъ дворца отдѣлился дежурный офицеръ. Издали крикнулъ повелительно: "Открыть ворота бывшему Царю". Остановился самъ въ ожиданіи: руки въ карманахъ, въ зубахъ дымила папироска; смотрѣлъ нагло и дерзко, пропуская мимо себя Государя.

Въ вестибюлѣ стояла группа прапорщиковъ въ шинеляхъ. Груди ихъ украшали красные банты. Стояли толпой, небрежно и вольно. При проходѣ Государя чести не отдали и не посторонились съ дороги. Государь обошелъ ихъ и первый поднялъ руку къ козырьку. Сверху бѣжала Царица; Государь рванулся ей на встрѣчу и они радостно расцѣловались.

Конецъ I-й части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.